

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Редакторы-составители:

*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Мэннин, Пол Чейсти*

Том VIII

Модест Колеров

2010

УДК 947(08)

ББК 63.3

P89

Редактор *О. В. Эдельман*

РУССКИЙ СБОРНИК: Исследования по истории России / Ред.-сост.
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс
Меннинг, Пол Чейсти. Том VIII. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2010

ISBN 978-5-91150-034-4

© Авторы статей

© С. Зиновьев, оформление серии

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артак Магальян.</i> Арцахские меликства и возникновение Карабахского ханства	7
<i>Том Кристиансен.</i> «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...» Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года	26
<i>Пол Дьюкс.</i> Родерик Мерчисон на Урале	53
<i>А. Ю. Бендин.</i> Религиозно-этнические противоречия и конфликты на территории Северо-Западного края Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.)	59
<i>Халит Дюндар Акарджа.</i> Трабзон становится Трапезундом: превращение османского города в русский во время Первой мировой войны	95
<i>О. Р. Айрапетов.</i> Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте	112
<i>Гарольд Шукман.</i> Русские евреи и призыв в Британии (1917)	144
<i>К. В. Иванов.</i> Ликвидация Корпуса кондукторов флота на Черноморском флоте в 1917 году	150
<i>А. С. Пученков.</i> Национальная политика генерала Деникина (лето 1918 — весна 1920)	158
<i>К. В. Шевченко.</i> Как у русинов-лемков ампутировали родину: Операция «Висла» (1947)	260
<i>М. М. Гершзон.</i> Министерство культуры СССР в 1953–1963 гг.	274
<i>Р. А. Сетов.</i> Россия в «геостратегических сценариях» XXI века: общая теория международных отношений против геополитического трагизма	274

РЕЦЕНЗИИ

<i>Д. В. Эйдук, Д. Г. Янченко.</i> А. В. Ремнев. Россия Даль- него Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004	444
<i>С. М. Половинкин.</i> В. В. Розанов, П. А. Флоренский и «кровавый навет»	460
<i>С. Н. Тарасов.</i> М. Волхонский, В. Муханов. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007 . . .	472
<i>Л. А. Карабешкин.</i> Русско-литовский и литовско-русский словарь общественно-политической и дипломатической лексики / Сост. В. Ю. Михальченко. М., 2008	479
<i>С. Н. Тарасов.</i> Ашот Егиазарян. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995-2006). Ереван; М., 2007	482
Сведения об авторах	485

АРТАК МАГАЛЯН

АРЦАХСКИЕ МЕЛИКСТВА
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРАБАХСКОГО
ХАНСТВА

После падения Киликийского Армянского государства в 1375 году целому ряду армянских горных княжеств удалось, тем не менее, сохранить свое полунезависимое существование.

После раздела Армении между османской Турцией и сефевидским Ираном в 1555 году и нового передела в 1639 году в Западной Армении, перешедшей под контроль Турции, следы подобных небольших княжеств сохранились в Зейтуне, Сасуне, Шатахе, Моксе и на горной территории Исян в составе Диарбекирского пашалыка. В Восточной Армении, оказавшейся в составе Персии, подобные княжества сохранились в Сюнике и в Арцахе. О последних историк Гетум Патмич еще в 1307 году писал, что монголо-татары «завоевали всю Азию, кроме царства Абхазии, что в Грузии, и кроме царства Армян в области, которая называется Алуен (Арцах — *А. М.*). Только эти две провинции могли противостоять сарацинам и не хотели вовсе подчиняться им»¹. Однако, как справедливо замечает академик А. Иоаннисян, «между этими общинами (княжествами — *А. М.*) не существовало каких-либо внутренних связей, в любом случае они не становились пристанищами национальной независимости»². Среди армянских полунезависимых княжеств наиболее сильными являлись меликства Арцаха, суверенные правители которых — *мелики* — на протяжении нескольких веков выступали в качестве знаменосцев армянского национально-освобо-

1. Հէթում Պատմիչ. Պատմութիւն բարբարոց. Վենետիկ, 1842, էջ 24 (Гетум Патмич. История монголов. Венеция, 1848. С. 24).

2. Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. IV, Երևան, 1972, էջ 89 (История Армянского народа. Т. IV. Ереван, 1972. С. 89).

дительного движения. На протяжении всего средневековья Арцах сумел, ценою огромных усилий и благодаря своему географическому положению, противостоять нашествиям иноземных захватчиков и не только в целом отстаивать свою политическую самостоятельность, но и сохранить социально-экономическую систему, которая была присуща армянскому феодальному обществу³.

Слово «мелик» переводится с арабского как владыка, правитель, король. Известный лингвист Гр. Ачарян возводит корень этого слова к общесемитскому корню *mlk* со значением владеть, править⁴. В средние века так именовались владыки исламских стран Передней Азии, а в позднее средневековье, в период иранского владычества в Восточной Армении, меликами назывались феодалы, происходившие из потомственной аристократии и получившие привилегии правителей в своих владениях. Меликами также иногда назывались те старшины селений и городов, которые несли ответственность за сбор налогов.

Некоторые из меликов признали свое подданство и вассальные отношения к иноземным завоевателям, взяв на себя определенные обязательства. Однако, мелики Сюника и Арцаха, признав их верховенство, *сохранили за собой полную независимость в вопросах внутреннего управления*, — судопроизводства, сбора налогов и пр. Они также сохранили право содержать собственное войско.

Несмотря на то, что меликское право в вышеупомянутых *наангах* (провинциях) утверждалось шахским ферманом, оно, по существу, носило наследственный характер. Это обстоятельство способствовало усилению меликских династий. «Однако, — пишет историк Б. Улубабян, — источники указывают на то, что меликское право являлось не чем-то устоявшимся и постоянным, а подвергалось изменениям со стороны того или иного шаха, в соответствии с его волей и отношением к армянскому миру»⁵.

В XVI–XVIII веках в Восточной Армении существовало множество меликств. Наибольшую известность получили пять меликств Арцаха: Гюлистанское, Джрабердское, Хаченское, Варандинское и Дизакское⁶, которым и суждено было сыграть значительную роль в позднесредневековой истории Армении.

3. Чобанян П. О некоторых вопросах истории Арцаха (XIII–XIX вв.) // Историко-филологический журнал. 2002. № 3. С. 159.

4. Աճառյան Հր. Հայերեն արմատական բառարան, հ. Գ. Երևան, 1977, էջ 294 (Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка Т. 3. Ереван, 1977. С. 294).

5. Ուլուբաբյան Բ. Խաչենի իշխանությունը X–XVI դարերում. Երևան, 1975, էջ 417 (Улубабян Б. Княжество Хачена в X–XVI веках. Ереван, 1975. С. 417).

6. Для того чтобы представить территории меликств, следует отметить, что Гюлистан приблизительно включал территорию нынешнего Шаумяновского района и северо-восток Мартакертского района, Джраберд — основную часть Мартакерта и восточную часть Карвачара, Хачен — основную часть Аске-

Арцахские меликства существовали в следующих границах:

1) Гюлистан был расположен между рекой Курак возле границ Гандзака и рекой Тартар. С начала XVII века властителями Гюлистана были Мелик-Бегларяны, резиденция которых располагалась в замке Гюлистан и дворце возле селения Талиш, напротив монастыря Орек.

2) Джраберд располагался между реками Тартар и Хачен. Княжество получило свое название от меликского замка Джраберд. Владыками гавара были Мелик-Исраеляны, резиденции которых располагались во дворце Старый Мохратах, а также в крепости Майракахак (Кахакатех).

3) Хачен начинался от одноименной реки и заканчивался рекой Каркар. Владыками гавара Хачен были Асан-Джалаляны, происходившие от древнего княжеского рода Араншахик. Княжескими крепостями Асан-Джалалянов были Тарханаберд (Хоханаберд) и Качахакаберд. С конца XIV века представители этого рода также наследственно владели престолом Албанского (Гандзасарского) католикосата, а Гандзасарский престол превратился в духовный и политический центр Арцахских меликств.

4) Варанда располагалась между рекой Каркар и хребтом Кирс-Дизапайт. С начала XVII века владыками гавара Варанда были Мелик-Шахназаряны, восседавшие в укрепленном поселении Аветараноц (Чанахчи).

5) Дизак брал начало от хребта Дизапайт и реки Ишханагет и тянулся до реки Аракс и Худаферинского моста. С начала XVII века в гаваре Дизак княжили Мелик-Еганяны (Мелик-Аваняны), крепость и резиденция которых находилась в селении Тох.

Как справедливо замечает Лео, в топографическом, геологическом и природном аспектах Арцах представляет собой единое географическое целое, придающее целостностный вид жизни этого края. Таким образом, хотя Арцах внутренне и подразделялся на ряд небольших горных *гаваров* (районов), тем не менее, он представлял из себя некую целостность с экономической, этнографической и лингвистической точек зрения⁷.

С конца XVII века, местные полунезависимые армянские княжества пытались избавиться от персидского ига, а в 1724–1735 годах воевали против проникших в Закавказье османских войск, что объективно приводило к необходимости поддержания союзнических отношений

ранского и южную часть Мартакертского районов, Варанда — южную часть Аскеранского и весь Мартунинский район, а Дизак — Гадрутский, Джебраилский и Физулинский районы (см.: Մելիքների Ա. Հայկական Քարվաճառ եւ Աղահեճք գաղափարները պատմության մեջ // Դրօշակ, 1993. № 15, էջ 26 (Мелконян А. Армянские провинции Карвачар и Алаечк в истории. // Дрошак. 1993. № 15. С. 26).

7. Հեռ. Երկերի ժողովածու, հ. 3, գ. 2. Երևան, 1973, էջ 10 (Лео. Собр. соч. Т. 3. Кн. 2. Ереван, 1973. С. 10).

с Ираном. Создавшуюся в эти годы ситуацию в регионе наилучшим образом представили католикос Гандзасара Есаи Асан-Джалалян и мелики Арцаха в написанном 1 ноября 1723 года письме Петру I: «Сила царя персидского ослабла, с другой стороны, власть османов все еще не дошла до нас»⁸. И именно в этих условиях отсутствия персидской центральной власти, армянские собрания (сгнахи) осуществляли руководство Арцахом, обеспечивая его безопасность в качестве военно-политического объединения. Для защиты своей родины армянство Арцаха было вынуждено вести кровопролитные войны.

Оценив заслуги армян в борьбе против турков, Надир-шах Ирана в 1736 году признал власть меликов Арцаха и подтвердил их самоуправление в составе союзного объединения, именуемого Меликствами Хамсы (пять княжеств — Махал-е хамсе). Владыка княжества Дизака Мелик-Еган был назначен общим управляющим Меликств Хамсы. Он напрямую подчинялся брату Надир-шаха — Ибрагим-хану, который правил из Тебриза. У Мелик-Егана собирались налоги с пяти меликств Арцаха и передавались шахской казне. Таким образом, «в Закавказье, наряду с грузинским Картли-Кахетинским валийством, впервые было создано и Махал-е хамсе, отдельное армянское бегларбекство, которое включало в себя исторический Арцах и прилегающие территории, тянувшиеся до берега Аракса»⁹. Для сравнения отметим, что грузинские правители были признаны иранцами лишь в качестве «управляющих» или «вали» и «ханов». Это не препятствовало тому, чтобы грузинские правители назывались царями и признавались таковыми в средневековом грузинском обществе¹⁰. И потому не будет ошибкой считать, что аналогично и в армянских землях меликства Арцаха оставались той единственной политической реальностью и силой, на основе которой при благоприятных возможностях могла бы возродиться армянская государственность. Местное армянское население считало меликов *ишханами*, то есть владетельными князьями. Не случайно сами мелики Арцаха называли себя «наследниками, оставшимися от благородных воинов царей армянских»¹¹.

* * *

Казалось, ничто не угрожало власти арцахских меликов, если бы неожиданный случай не нарушил покой полунезависимого горного

8. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. II. Ч. II. Ереван, 1967. С. 48–49.

9. Փափազյան Հ. Մելիք Եգանի ընդունարանի մուտքի վիմագիր արձանագրությունը (Папазян А. Надпись на входе в приемную Мелика Егана // Вестник общественных наук. 1985. № 5. С. 78).

10. Հովհաննիսյան Ս. Դրվագներ հայ ազատագրական մտքի պատմության. I. Երևան, 1957, էջ 159 (Иоаннисян А. Очерки истории армянской освободительной мысли. Кн. I. Ереван, 1957. С. 159).

11. Армяно-русские отношения в XVIII веке. Т. IV. Ереван, 1990. С. 179.

края. В 1744 году Надир-шах своим указом назначил Мелика-Овсеп, старшего сына Мелика-Хусейна, владыкой Варанды вместо осужденного на смертную казнь Мелика-Мирзабека. Персы называли Мелика-Овсеп также Хусейном; его подпись и печать сохранились на персидской купчей (земельной грамоте), составленной 27 июля 1745 года, где он именуется «Мелик Варанды Хусейн»¹². Меликство его продолжалось недолго.

Младший брат Мелика-Овсеп, Мелик-Шахназар II, воспользовавшись хаосом, возникшем при убийстве в 1747 г. Надир-шаха, убил брата и его семью и провозгласил себя меликом Варанды. Любопытна трактовка этого братоубийства у Раффи: «Мелик-Овсеп и Мелик-Шахназар были сводными братьями, — поясняет он. — Овсеп родился от жены Мелика-Хусейна по имени Анна-хатун, которая была сестрой князя Дизака Мелика-Авана. А Мелик-Шахназар был сыном Зохры-ханум, дочери хана Нахичевана, турчанки по происхождению. Мелик-Хусейн привез ее как пленницу из Нахичевана и затем женился на ней»¹³. Согласно родовым преданиям Мелик-Шахназарянов, Мелик-Хусейн выкрал Зохра-ханум в 1724 году во время вспомогательного военного похода войск арцахских сгнахов в Сюник, когда ей было всего 15 лет¹⁴; следовательно, Зохра-ханум родилась в 1709 году. Из этого можно сделать вывод, что Мелик-Шахназар, по всей вероятности, должен был родиться год или два спустя после события, в 1725 или 1726 году¹⁵.

Мелик Овсеп, убитый Шахназаром, был зятем рода Асан-Джалалянов, правителей Хачена, и его чудом спасшийся малолетний сын Саи-бек укрылся в вотчине Асан-Джалалянов, у своего дяди Мелика-Аллахверди. Однако вскоре и его настигла братоубийственная рука Мелика-Шахназара, заключившего союз с предводителем племени сарыджаллу Панах-ханом. Меликство Шахназара было утверждено указом иранского шаха Али-Ибрагима в 1748 году. До нас дошла копия шахского указа, сделанная в XIX веке.

«Грозный указ издан по следующему поводу:

По шахской милости к лучшему из христиан, мелику Варанды Шахназару с третьего месяца года Дракона назначаем ему годовое жалованье в 50 тавризских туманов и передаем меликство в *маха-*

12. Матенадаран. Ф. Католикосата. Пап. 26. Док. 198 (оригинал).

13. Դաֆֆի. Նախնայի մելիքությունները, Երկերի ժողովածու, հ. 9. Երևան, 1987, էջ 452 (Раффи. Меликства Хамсы // Собрание сочинений. Т. 9. Ереван, 1987. С. 452).

14. Матенадаран. Рукопись № 7429. С. 316.

15. Մաղալյան Ա. Արցախի մելիքությունները և մելիքական տները XVII–XIX դդ. Երևան, 2007, էջ 173 (Магалаян А. Арцахские меликства и меликские дома в XVII–XIX вв. Ереван, 2007. С. 173).

ле¹⁶ Варанда, чтобы он каждый год получал свое жалованье из денежных средств тамошнего дивана и расходовал на свои нужды. Верным и честным образом служил и предпринимал необходимые старания для благоустройства вилайета, держал под рукой *райатов*¹⁷, уплачивал налоги в диван, а также исполнял прочие повинности, чтобы его благонадежность и верность стали известны господину мира. Райаты махала Варанда должны признавать упоминутого мелика и выполнять свои обязанности перед ним ...

Написан в месяце зихаджа 1161 г. (22 ноября — 22 декабря 1748 г.)»¹⁸.

Подлое деяние Мелик-Шахназара подняло против него остальных меликов Арцаха. Это были: Мелик-Овсеп Гюлистана, Мелик-Аллахкули *султан*¹⁹ Джраберда, Мелик-Аллахверди Хачена и Мелик-Есаи Дизака. Объединив свои войска, они осадили крепость Мелика-Шахназара Аветараноц, однако из-за ранней зимы не смогли его захватить и вернулись в свои владения с намерением предпринять новый поход весной. Силы мелика Варанды, вне всяких сомнений, не позволяли ему вести продолжительную борьбу против остальных четырех меликов Хамсы. «Чувствуя свою слабость против меликов, обеспокоенный Мелик-Шахназар начал искать выход, — пишет историк XIX века Мирза Юсуф Нерсесов, — и поневоле обратился к помощи Панах-хана, подчинился ему, принес клятву верности и с его помощью избежал кары меликов ... Будучи очень богатым, Мелик-Шахназар оказывал услуги карабахским ханам и этим заслужил большой почет. В начале правления Панах-хана, когда тот чувствовал нужду в деньгах, Мелик-Шахназар оказывал ему необходимую помощь ... В конце концов для улучшения своих дел и укрепления положения он отдал свою

16. *Махал* — множественная форма слова «махалл», что буквально значит «места». Но этот термин чаще употреблялся в смысле современного «района» (см.: Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. I / Сост. А. Папазян. Ереван, 1956. С. 232).

17. *Райат* — в источниках употребляется для обозначения подданных, податного сословия, особенно применительно к оседлым земледельцам-крестьянам (см.: Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. I. С. 236).

18. Матенадаран. Ф. Католикосата. Пап. 26. Док. 203. На обратной стороне документа по-русски написано: «Копия грамоты Ибрагим Шаха персидского 1161». Опубликовано: Մատենադարանի պարկերեն վավերագրերը. հրովարտական, տր. IV, կազմեց՝ Ք. Կոստիկյան. Երևան, 2008, էջ 70–71 (Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. IV / Сост. К. Костикян. Ереван, 2008. С. 70–71).

19. *Султан* — в сефевидском Иране так назывались правители находившихся непосредственно у границы мелких административных единиц, входивших в пограничные наместничества или бегларбекства. Они назначались или удалялись по усмотрению бегларбека и находились под его непосредственным командованием (Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. II / Сост. А. Папазян. Ереван, 1959. С. 452).

дочь Хурзад-ханум в жены Ибрагим-хану (сыну Панах-хана — А. М.) и таким образом установил с ним родственную связь»²⁰.

В письме без подписи, посланном 6 июля 1775 года из Гандзасара католикосу Симеону Ереванци, читаем: «И если спросишь о здешних краях, все мелики едины с нами, кроме мелика Шахназара, который злым помыслом противится нам и не очистит себя от зависти»²¹.

События, разворачивавшиеся в этот период в Арцахе, описал также архиепископ Овсеп Аргутян (Иосиф Аргутинский), который в 1780 году, характеризуя поочередно меликов Хамсы, о мелике Варанды Шахназаре пишет: «Усиливает турок и союзничает с ханом; имеет воинство в тысячу мужей»²². А в письме О. Аргутяна генералу Павлу Потемкину от 28 января 1783 года читаем: «Совет мелика Адама, мелика Овсепа и мелика Есаи был един, но среди них раскольничал мелик Шахназар, который был мужем хитрым, маловерным и негодным к добрым делам, коварным и предающим братьев. В Карабах приходит некое племя Джваншир, словно бездомные скитальцы на земле, чинящее разбой и кочующее в шатрах, главарю которых имя было Панах-хан. Коварный во злых делах мелик Шахназар призвал его себе в помощь, по собственной воле подчинился ему и передал свою крепость»²³. Современники Мелика Шахназара из числа индийских армян описывали его следующим образом: «Смекалистая личность, опытный в дипломатических правилах и этикете. Он также подчиняется власти персиян; без персидского правителя (Панах-хана — А. М.), который подчинил его своей власти, не в состоянии независимо сделать что-либо, чего бы сам пожелал»²⁴. Вышеприведенные источники мы цитируем с целью продемонстрировать однозначные оценки современников, данные предательству Мелика-Шахназара.

А вот отзывы о тех событиях в армянской прессе середины XIX века: «Шахназар, мелик Варанды, страшась союза между Меликом Чараберда Адамом и Меликом Гюлистана Овсепом, сам подружился с Панах-ханом, отдал ему свое поселение — Шушин-

20. Միրզա Յուսուֆ Ներսեսով, Ճշմարտացի պատմություն. Երևան, 2000, էջ 42, 50 (Мирза Юсуф Нерсесов. Правдивая история. Ереван, 2000. С. 42, 50).

21. Матенадаран. Ф. Католикосата. Пап. 258. Док. 25 (оригинал). Опубликовано: Магальян А. Указ. соч. С. 236–237.

22. Յովսէփ կաթողիկոսի յիշատակարանը Ե Կոռնէկ Հայոց աշխարհին. 1863. № 7, էջ 512 (Памятная запись католикоса Овсепа // Крунк Айոц ашхари. 1863. № 7. С. 512); Դիւան Հայոց պատմութեան, գիրք Թ, Յովսէփ Արղութեան, Թիֆլիս, 1911, էջ 25 (Архив Армянской истории. Том IX. / Сост. Иосиф Аргутинский-Долгорукий. Тифлис, 1911. С. 25); Армяно-русские отношения в XVIII веке. Т. IV. С. 153.

23. Армяно-русские отношения в XVIII веке. Т. IV. С. 212.

24. Նոր տետրակ, որ կոչվում է հորդորակ. Երևան, 1991, էջ 103 (Новая тетрадь, называемая увещанием. Ереван, 1991. С. 103).

скую крепость, а также свою дочь (сыну Панаха — *А. М.*) в жены»²⁵. Эту точку зрения разделяет также известный российский историк П. Бутков, который пишет о предательстве Шахназара: «Крепчайшее по местоположению селение здесь Шуша. Оно принадлежало мелику Шахназару варандинскому, который, поссорясь с другими двумя меликами Адамом чарапертским и Юсупом игермидортским, союзными между собою издревле, вошел в союз с Пена-ханом, не знатным владетелем кочующего близ Карабага Чеванширского татарского народа, по смерти Надыра уступил ему Шушийскую деревню и, сделавшись ему с своим сигналом покорным, соединено с ним 20 лет вел войну с оными своими неприятелями, двумя меликами ... Таким образом, карабагские мелики сами своею виною поставили над собою злого господина»²⁶.

В этой братоубийственной войне между армянскими меликами не было победителей и побежденных, а пользу извлекла третья, чужеродная сторона — вождь кочевого племени сарыджаллу Панах-хан, который при попустительстве Мелика-Шахназара в 1752 году поселился в сердце Арцаха — в Шуши.

* * *

Кем был основатель Карабахского ханства Панах, так умело воспользовавшийся раздорами между меликами Арцаха? Любопытные сведения о его происхождении представляют азербайджанские историки Мирза Адигёзал-бек, Мирза Джамал Джеваншир и Ахмед-бек Джеваншир. Согласно Мирзе Адигёзал-беку, «Панах-Али-бек, прадед Панах-хана, происходил родом из Сарыджаллу»²⁷. Мирза Джамал Джеваншир писал, что «род покойного Панах хана происходит от Дизакского Джеваншира из оймака Сарыджаллы, одного из ветвей племени Бахманлы, прибывшего в древние времена из Туркестана»²⁸. А Ахмед-бек Джеваншир указывал, что Панах происходил из кочевых племен Карабаха²⁹. Таким образом, все три историка Карабахского ханства недвусмысленно говорят о происхождении Панах-хана из кочевых племен³⁰.

Прадед Панаха — Панах-Али-бек — прежде служил у гандзакских (гянджинских) ханов Зиадоглы, затем перекочевал в гавар

25. Հռուկ շայնց աշխարհին. 1863. № 8, էջ 622 (Крунк Айоц ашхари. 1863. № 8. С. 622).

26. Бутков П. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I. С. 385–386.

27. Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. Баку, 1950. С. 49.

28. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский. История Карабага. Баку, 1959. С. 66.

29. Ахмед-бек Джеваншир. О политическом существовании Карабагского ханства. Баку, 1961. С. 18.

30. Генеалогическая таблица карабахских ханов см.: Акты Кавказской Археологической Комиссии (АКАК). Т. II. Тифлис, 1868. Док. 1415. С. 695.

Дживаншир, где женился. По причине бледности его сына Али называли Сарыдже³¹ Али. Согласно Мирзе Адигёзал-беку, благодаря своему богатству он собрал вокруг себя большое количество кочевников; образовав группу внутри кочевого племени дживаншир, которую в его честь стали называть сарыджаллу³². Наследником Али стал его сын Ибрагим-Халил-ага. По всей видимости, к утверждениям азербайджанских историков об известности и состоятельности предков Панаха следует относиться с осторожностью.

Поскольку хан Гандзака высказался против узурпации Надир-шахом трона Ирана во время *курултая* в Муганской степи, созванного в 1736 году, последний, чтобы ослабить его власть, решил выслать подчинявшиеся гандзакскому хану племена джеваншир, *отузики*³³ и кябирлу в Хорасан. В это время старший сын Ибрагим Халила Фазл-Али-бек служил при Надир-шахе как *табин* (подчиненный) придворного церемониймейстера³⁴.

Фазл-Али-бек был убит в одном из боев против турок, и на службу к шаху перешел его младший брат — Панах-Али-бек, звучный голос которого обеспечил ему должность шахского глашатая. Он громогласно объявлял шахские приказы на улицах города и получил имя «джарчи» Панах (глашатай Панах). Однако когда после совершенного преступления Панах был приговорен к смертной казни, ему удалось бежать и перейти в Карабах. Мирза Джамал Джеваншир относит бегство Панаха к 1150 году от Хиджры (1737 / 1738)³⁵. Сообщения того же историка, будто «особенно [крупные] подвиги он совершал во время войны Надир-шаха с войсками Рума»³⁶, далеки от исторической действительности, поскольку ко времени службы Панаха у шаха Ирана турецко-персидская война 1730–1736 гг. уже завершилась, а военная кампания 1743–1746 гг. еще не началась. Что же касается утверждения азербайджанского историка Ф. Шушинского о том, что «кое-кто из дворцовой челяди, завидовавший Панах-хану, напештал Надир шаху, будто Панах-хан задумал убить его и захватить трон»³⁷, то его сложно рассматривать всерьез.

Ведя некоторое время разбойничью жизнь, Панах наконец перешел на службу к мелику Джраберта Аллахкули-султану в качестве *даруга* (сборщика налогов). В одной из памятных записей современник сообщает о нем: «В лето наше Армянское 1198 (1749)...

31. *Сарыдже* — по-турецки «желтый».

32. Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. С. 49–50.

33. *Отузики* — по-турецки «тридцать два», объединение 32 малых курдских и тюркских племен, в которое также входило племя джеваншир

34. Мирза Юсуф Нерсесов. Правдивая история. С. 47.

35. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский. История Карабага. С. 66.

36. Там же.

37. Шушинский Ф. Шуша. Баку, 1968. С. 4.

Предводителем Амараса был Гаспар вардапет, ишханом Аллахкули-султан из Джраперта, армянин по нации и храбрец, победитель врагов, да пошлет ему Господь долгую жизнь и сохранит от всех несчастий»³⁸. Покровительство армянского мелика спасло Панаха от рук шахских палачей. Фактически, Аллахкули-султан на груди своей пригрел змею, дав кров и незначительную должность беглому глашатаю, осужденному Надир-шахам на смертную казнь. Шаг, который впоследствии обернулся настоящим бедствием для Аллахкули-султана и меликств Хамсы. Как мы убедимся, Панах по-своему отблагодарил мелика Джраберта за спасение своей жизни.

В 1747 году Надир-шах стал жертвой заговора в Хорасане, после чего для бывшего беглеца открылось широкое поле деятельности. Пользуясь возникшим в Иране хаосом, соплеменники Панаха вернулись из Хорасана в гавар Джеваншир. Оставив свою службу у Аллахкули-султана, Панах «занялся грабежом в Ширванском, Шекинском, Ганджинском и Карабагском вилайетах. Всех юношей он сделал самостоятельными и богатыми. Любовь остального народа он завоевал раздачей скота, коней и наград, а некоторых непокорных подчинил себе путем наказаний, убийств»³⁹. Таким образом, спустя некоторое время он стал вождем племени.

В это время в Иране пришел к власти племянник Надир-шаха Адиль-шах, правивший в 1747–1748 годах. Он назначил Амир-Аслан-хана управляющим Атырпатакана (иранского Азербайджана). Тот, услышав о Панахе, встретился с ним и потребовал подчинения Адиль-шаху. Не имея другого выхода, Панах счел целесообразным подчиниться и при посредничестве Амир-Аслан-хана в 1748 году смог получить *рагам* (шахский указ) о присвоении ему звания хана⁴⁰. Таким образом, осужденный Надир-шахом на смертную казнь Панах, являвшийся к этому времени вождем кочевых племен сарыджаллу, был возведен в ханскую степень племянником этого шаха Адиль-шахом. При этом необходимо учитывать, что ко времени получения данного титула Панах не находился в Хамсе и не обладал какой-либо реальной властью в Арцахе. На тот момент ханский титул Панаха был формой без содержания.

Для укрепления приобретенной власти Панах решил перейти к оседлому образу жизни и в 1748 году в магале Кябирлу построил крепость Баят⁴¹, в определении месторасположения которой важную роль сыграл факт женитьбы Панаха на дочери старшины пле-

38. Բարխուդարեանց Մ., Աղուանից երկիր եւ դրացիք: Արցախ. Երեւան, 1999, էջ 223 (Бархутарянц М. Страна Алуанк и соседи: Арцах. Ереван, 1999. С. 223).

39. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский. История Карабага. С. 67.

40. Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. С. 52; Мирза Юсуф Нерсесов. Правдивая история. С. 48.

41. Развалины крепости Баят находятся на левом берегу реки Каркар, в 26 км восточнее Агджабеда.

мени кабирлу. «Кябирлу оказывало большое содействие ему, — пишет Лео, — и он быстро превратился из главаря банды во властителя, подчинив себе племена, скитавшиеся на пустынных окраинах Карабаха. Сам же, будучи кочевником, после приобретения власти он начинает осознавать необходимость оседлого образа жизни»⁴².

Чтобы остановить формирование новой силы по соседству, мелики Хамсы объединились с правителем Ширвана Хаджи-Челеби и предприняли поход на Баят. Панах-хан вместе со своими родственниками скрылся в Баяте. Осада крепости не дала результатов, и союзники вернулись в свои владения, намереваясь повторить поход на следующий год. Возвращаясь из похода, Хаджи-Челеби сказал: «Панах-хан до сих пор был подобен серебру без чеканки. Мы же пришли, отчеканили это серебро и вернулись обратно»⁴³. Это высказывание превратилось в поговорку.

В свою очередь, Панах-хан пришел к выводу, что расположенная на равнине крепость Баят не может служить надежным укрытием в случае повторных походов врагов. В его положении бездействие привело бы к гибели, и он, не теряя времени, «с целью успешной борьбы с вражескими племенами и армянскими меликами основал новую крепость в местечке под названием Тарнакют⁴⁴, рядом с большим родником Шахбулах, что совсем рядом с границей Хачена. И в этой новой крепости он построил рынок и мечеть, и в 1749 г. утвердившись там, начал стычки с меликами Джраберда и Гюлистана, стремясь развалить их союз»⁴⁵. При выборе местоположения новой крепости важную роль сыграло наличие родника, благодаря которому решился вопрос обеспечения крепости водой. От названия этого родника и крепость получила свое имя — Шахбулах.

Строительство Панахом крепостей Баят и Шахбулах было не уловкой, отвлекающей внимание соседей-врагов, и не «испы-

42. Лео. Собр. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 265.

43. Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. С. 54; Мирза Юсуф Нерсесов. Правдивая история. С. 49.

44. Тарнакют — название одного из четырех городов Тигранакерт, основанных армянским царем Тиграном II Великим (95–55 гг. до н. э.). Находится в Агдамском районе, у подножия горы Ванкасар (см.: Карапетян С. Памятники армянской культуры в зоне Нагорного Карабаха. Ереван, 2000. С. 221). В настоящее время в этом городище проводятся археологические раскопки экспедицией Института Археологии и Этнографии НАН Армении во главе с доктором исторических наук Г. Петросяном (см.: Պետրոսյան Հ. Արցախի Տիգրանակերտի և շրջակայքի հնագիտական հետազոտությունների արդյունքները (Петросян Г. Первые результаты археологических исследований арцахского Тигранакерта и его окрестностей // Материалы международной конференции «Прошлое, настоящее и будущее НКР». Ереван, 2007. С. 434–445).

45. Лео. Собр. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 265.

тательным периодом», как ошибочно считает Д. Бабаян⁴⁶, а необходимостью, обусловленной конкретной ситуацией. В этот период Панах был занят более важным вопросом, нежели отвлечение внимания врагов (непонятно от чего), — он решал задачу обеспечения собственной безопасности и не мог предположить, что ему когда-либо посчастливится обосноваться в сердце Арцаха.

Такая возможность возникла, когда Мелик-Шахназар Варанды, пытаясь противостоять натиску владык остальных четырех меликств Арцаха, заключил союз с Панахом и предоставил ему находившуюся на территории его меликства крепость Шуши⁴⁷. В связи с этим известный русский полководец А. В. Суворов справедливо заметил: «Сей предатель своего отечества призвал Панахана, бывшего прежде начальником не знатной части кочующих магометан близ границ карабагских, отдал ему в руки свой крепкий замок Шушикала и учинился ему с его сигнагом покорным»⁴⁸.

На тот момент в состав новоиспеченного ханства входили часть Равнинного Карабаха и Шуши. Однако именно Шуши придала жизнеспособность новообразованному ханству, иначе обреченному на неминуемую гибель на равнинах низменного Карабаха, тем самым наполнив пустую форму содержанием.

* * *

После появления в Арцахе главы племени сарыджаллу из объединения кочевых племен джеваншир Панаха мелики Хамсы были вынуждены противостоять новым вызовам. Именно с появлением Панаха началось проникновение иноплеменного и иноплеменного элемента в Арцах. «Для недавно установившегося ханства было важным политическим вопросом формирование мусульманского населения в таких местах, где не было подобного элемента, который стал бы опорой ханской власти. Предательски проникнув в самое сердце исконно армянской страны Хамса, Панах-хан быстро почувствовал, что шушинские скалы отнюдь не являются достаточной опорой для установления власти, — справедливо замечает Лео, — и он по-

46. Бабаян Д. Политическая история Карабахского ханства в контексте Арцахской дипломатии XVIII века. Ереван, 2007. С. 39–42.

47. О существовании крепости Шуши есть сведения в армянских источниках XV века. Следовательно, беспочвенны утверждения азербайджанских историков о том, будто Шуши была построена Панах-ханом в 1750-х годах. В действительности крепость Шуши в указанные годы только перестраивалась и реконструировалась (см.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. II. Ч. I. Ереван, 1964. С. XLI; Չորախյան Պ. Հոռն և Քարազորնի պնխյներն նոյնացման հարցի շուրջ (Чобанян П. К вопросу об идентификации сигнагов Шош и Караглух // Историко-филологический журнал. 1994. № 1–2. С. 183–187).

48. Нерсисян М. А. Суворов и русско-армянские отношения в 1770–1780-х годах. Ереван, 1981. С. 136.

спешил из соседних ханств привлечь сюда тюркские кочевые племена, пообещав им различные привилегии. Таким образом, из Грузии и других краев были переселены в Карабах кочевые племена пюсян, карачарлы, джинлы, демурчи-хасанлы, кызыл-хаджилы, сафи-кюрд, бой-ахмедлы, саатлы, кенгерлы и многие другие. Следуя примеру своего отца, Ибрагим-хан также делал все возможное для того, чтобы заманивать сюда все новые мусульманские элементы»⁴⁹. К приведенному списку можем добавить ряд других тюркских кочевых племен — джеванширцы, сарыджаллу, отузики, кябирлу, игирмидорды, колани и др., чье расселение шло на территории Карабаха. Весь период после проникновения этих племен в Арцах заполнен их противостоянием с армянским населением⁵⁰. Переселившиеся племена в первую очередь являлись естественными и надежными союзниками Панах-хана в борьбе против не подчинявшихся ему армянских меликств.

Сначала Панах, нарушив клятву, арестовал прибывшего к нему на переговоры от лица армянских меликов джарбердского Аллахкули-султана Мелика-Исраеляна и, по совету правителя Нахичевана Гейдар-Кули-хана, приказал отрубить ему голову. Так Панах «отблагодарил» мелика Джраберда, в свое время спасшего ему жизнь от палачей Надир-шаха. Армяне Арцаха еще в XIX веке пели печальную песню, сочиненную, согласно народным преданиям, самим Аллахкули-султаном во время заточения в тюрьме Панаха:

Скажите Смелому вардапету⁵¹, пусть придет ко мне,
Или пусть его убьет, или спасет меня,
Брат мой Адам, отомсти за меня,
Жаль, что месть моя осталась вовек⁵².

Алахкули-султану наследовал его брат Мелик-Адам (Атам), который «с детства был заложником в Дагестане у Хосров султана и хорошо обучился военным приемам горцев. Его освободил На-

49. Лео. Собр. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 303.

50. Հովհաննիսյան Լ. Էթնիկական գործընթացները Քաշաթաղի և Քարվաճաղի գավառներում 18-րդ դ. և 19-րդ դ. անաշին կեսին // Եզերք. 2006. № 1, էջ 13 (Ованнисян Л. Этнические процессы в провинциях Кашатах и Карвачар в XVIII — первой половине XIX века // Езерк. 2006. № 1. С. 13). Ср.: Баба-ян Д. Указ. соч. С. 58.

51. Речь идет о национальном герое Дали-Махраса. Его настоящим именем было Аваг вардапет, однако из-за отваги, проявленной во время войн меликов, народ прозвал его «дали» (т. е. сумасшедший). Аваг вардапет первоначально был настоятелем церкви Егише Аракял в Джраберде (подробнее о нем см.: Раффи. Меликства Хамсы. С. 459–460).

52. Ջալալեանց Ս., Պատմութիւն աշխարհին Աղուանից (Джалалянец С. История страны Алуанк). Матенадаран. Микрофильм № 367. С. 4.

дир-шах»⁵³. Современники из числа индийских армян описывали Мелик-Адама как «мудрого и благовоспитанного человека, отважного в войне»⁵⁴, а в памятной записи, составленной в «Истории Сюника» в 1781 г. он характеризуется как «муж храбрый сердцем и чрезмерно красноречивый, также и щедрый дланью по желаниям своим духовнолюбимым к страждущим и нуждающимся»⁵⁵. Именно он занял место своего брата в союзе меликов Хамсы.

Следующей жертвой Панаха стал владыка гавара Хачен Мелик-Аллахверди Асан-Джалалян, который был коварно убит в 1755 году. Тем самым был нанесен непоправимый удар по светской власти Асан-Джалалянов. Затем за предательство Мелика-Алаверди Панах назначил меликом Хачена старшину села Хндзристан Мирзахана. В итоге два арцахских меликства из пяти — Варанда и Хачен — перестали представлять опасность для Панаха. Однако его власть не распространялась на меликства Гюлистан, Джраберд и Дизак.

После упомянутых событий «началось великое противостояние [меликов] против Панаха, хана гавара Джеваншир. Это противостояние длилось непрерывно до семи лет, и в результате войн двух сторон друг с другом было бесчисленное кровопролитие»⁵⁶. В это время Мелик-Есаи Дизака был первым, кто осознал необходимость регулярных воинских соединений. Он, будучи «опытным во всех вопросах ратных, способствовал и поощрял, изучал всякую премудрость, [дабы] бесстрашно нападать на врагов, не страшиться смерти, вместо того, чтобы оставаться жить, унаследовав себе дурное имя. Равно как и оставаться всегда готовым к тому, чтобы услышать зов войны»⁵⁷.

Вовсе не случайно, что эта идея возникла именно у Мелика-Есаи Дизака. Отрезанный от двух своих союзников — Мелика-Овсепя Гюлистана и Мелика-Адама Джраберда, — он был вынужден воевать в одиночку против Панаха и печально известного властителя Варанды Мелика-Шахназара, надеясь только на собственные силы. Без наличия регулярных и боеспособных войск он не смог бы долго противостоять нападениям ханского войска. Армянский историк Мирза Юсуф Нерсесов (Овсеп Нерсисянц) писал, что «в начальный период ханства Панаха дизакский Мелик-Есаи, прославленный своей храбростью, вел множество войн против него. Неко-

53. Լալաշան Ե. Երկեր, հ. 2. Երևան, 1988, էջ 216 (Лалаян Е. Сочинения. Т. 2. Ереван, 1988. С. 216).

54. Новая тетрадь, называемая увещанием. С. 102.

55. Матенадаран. Рукопись № 1488. С. 218а.

56. Շառլանեանց Ս. Դիզակի մելիքութիւնը // Նիւթեր հայ մելիքութեան մասին, լր. I. Փաղարշապատ, 1913, էջ 44 (Костанеанц А. Меликство Дизака // Материалы по истории армянских меликств. Вып. I. Вагаршапат, 1913. С. 44).

57. Там же. С. 49–50.

торое время (семь лет — *А. М.*) между ними шли яростные битвы. И однажды Мелик-Есаи так разбил и разогнал войско Панах хана, что последний, убежав в сторону Баята, целый месяц скрывался в лесах, не осмеливаясь выходить оттуда»⁵⁸. Однако сообщение того же историка о том, что в дальнейшем Панах «его (Есаи — *А. М.*) подлым образом арестовал и убил»⁵⁹, не соответствует действительности. Известно, что после смерти Панаха Мелик-Есаи еще долгое время продолжал воевать против его сына Ибрагим-хана. Именно по приказу последнего коварным образом «в 1230 (1781) году убили Малика-Сайи Тохана»⁶⁰. В связи с этим русский военачальник А. В. Суворов написал в рапорте, посланном в 1781 году князю Г. А. Потемкину: «Ибраим-хан шошинской, требуя под пристрастием некоторой суммы денег от Есая Дузагского и сим мучительством умертвил оно»⁶¹. Год смерти Мелика-Есаи подтверждается также и надписью на его могильном камне: «Это могила мелика Есаи, сына великого мелика Егана. Он был назначен князем Надир-шахом. 33 года правил он Дизакской страной и совершил много подвигов, одержал много побед над неверными. Он был смелее и благороднее своих предков. Жил он 61 год, скончался в лето 1230 (1781) 2-го октября, во вторник. Кто прочтет (надпись), пусть хоть раз скажет: помилуй, Отче. Аминь»⁶².

Против Панаха успешно воевали также союзники Мелика-Есаи — Мелик-Овсеп Гюлистанский и Мелик-Адам Джрабердский. «Оба они заперлись в крепости Джермых (Джраберд — *А. М.*) и долгое время делали оттуда вылазки и занимались убийствами. Панах-хан, в свою очередь, предпринял против них несколько походов и причинил им урон. Хотя Панах-хан, благодаря неприступности крепости, не мог достигнуть своей цели, — пишет Мирза Адигёзал-бек, — но посевы зерновых, находившиеся у подножья горы, потоптал копытами коней своего войска ... Однако оба мелика, несмотря на неимоверные лишения, в течение четырех лет показывали примеры стойкости и упорства. В течение такого долгого времени они не отступали от пути убийства и грабежа, проявляли примеры отчаянного упорства и дерзости. Они возглавляли и командовали вооруженными отрядами окружающих ханов, пришедших на войну с [ныне] покойным Панах-ханом и ни на шаг не от-

58. Мирза Юсуф Нерсесов. Правдивая история. С. 50.

59. Там же.

60. Матенадаран. Рукопись № 3881. С. 866.

61. Армяно-русские отношения в XVIII веке. Т. IV. С. 172; Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике: Документы и комментарий // Сост. Ю. Барсегов. Москва, 2008. С. 79.

62. Հիվան հայ վիմագրութեան, ար. V, Արցախ, Կապեց Ս. Բարխուդարյան. Երևան, 1982, էջ 179 (Свод армянских надписей. Вып. V. Арцах / Сост. С. Бархударянц. Ереван, 1982. С. 179); Мкртчян Ш. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван, 1989. С. 83.

ступали от борьбы, начатой с ним (Панах-ханом)»⁶³. В дальнейшем эти мелики отступили и закрепились в крепости Гюлистан. Любопытные сведения относительно их успешных войн против Панаха в районе Гюлистана сообщает капитан князь Отар Туманов в своем «Доношении» от 1 декабря 1754 года, адресованном Коллегии иностранных дел Российской империи: «А сигнагские армяна в крепости Гулистан живут, и у них главные Мелик Усуп (Овсеп — *А. М.*) да Атам называется, войска же находится под командою их до полуторы тысячи человек, на которых армян Панахан с своими войском нападение учинил, однако армян войско его разбили и триста человек из них до смерти побили. А сие сражение учинилось в прошлом году августа 26 дня»⁶⁴. Согласно сообщению Отара Туманова от 21 марта 1755 года, сопротивление продолжалось также в следующем году: «Сигнахские армяне изолированы в своем месте, в настоящее время не служат Панах-хану и туркам»⁶⁵. В донесении от 20 ноября того же года Отар Туманов известил кизлярского коменданта Ивана фон Фраундорфа, что «армянский мелик Сигнаха Усуп прибыл сюда (в Грузию — *А. М.*) к царям со своим семейством, при нем было до 60 человек, оказывается, оставил Сигнах, там действительно трудно с хлебом. Одолело отсутствие съестных припасов, крепостные крестьяне остались Пану (Панаху — *А. М.*). Мелик Атам отправил семью в Ганджу, сам пока еще находится в своей крепости, но этим временем помощи им ни откого не видно»⁶⁶. Таким образом, не выдержав постоянного давления со стороны Панаха, мелики вместе с войском и частью подданных удалились из своих владений и поселились в Гандзаке у Шахверди-хана, пытаясь найти союзников и ожидая удобного случая для возобновления борьбы против Панаха. Семь лет мелики оставались в Шамхоре.

Узнав об усилении Панах-хана, в 1757 году правитель Мазандарана Мухаммад-Гасан-хан Каджар, отец будущего шаха Ирана Ага-Мухаммад-хана, совершил поход на Шуши. Его армия оставилась в местечке Хатун-Арх возле Шуши. Однако длившаяся около месяца осада не дала каких-либо результатов, и Мухаммад-Гасан-хан, узнав об усилении Керим-хан Зенда и о его продвижении в сторону Араха, в спешке вернулся назад. Эти события нашли свое отражение также в грузинских источниках; в частно-

63. Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. С. 59–60.

64. Մելիքսեթ-բեկ Լ. Վրաց տալանդները Հայաստանի և հայերի մասին, Կ. Երևան, 1955, էջ 107 (Меликсет-бек Л. Грузинские источники об Армии и армянах. Т. 3. Ереван, 1955. С. 107); Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Сост. В. Гамрекели. Тбилиси, 1968. С. 140.

65. Меликсет-бек Л. Указ. соч. С. 108.

66. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. С. 296.

сти в сочинении «Новая история» царевича Давида Багратиони читаем: «В 1757 году Махмад-Гасан Каджар... захватил более половины Персии и подошел к Шуше. А когда в Ширазе показался Керим-хан Зенд, сей Махмад-Гасан Каджар ушел от Шуши против него»⁶⁷. В спешке Мухаммад-Гасан-хан бросил в Хатун-Архе две пушки, привезенные из Тегерана. Они были перевезены Панах-ханом в Шуши, и орудия, предназначавшиеся для разрушения крепостных стен, стали защищать город. «Карабагский Пена-хан Джуваншир по отходе Каджара мстя всем тем, которые содействовали Каджару во вред ему, Пена-хану, — пишет П. Бутков, — ходил на ганжийского Шахверди хана и, причинив ему немалое разорение, обратился на кочующих по Муганской степи Шайсеевцов, и оных всех загнал к себе в Карабаг»⁶⁸.

После неудачного похода Мухаммад-Гасан-хана в 1761 году на Карабах с многочисленной армией совершил поход управляющий Урмией Фатали-хан Афшар, являвшийся командующим передовых войск Надир-шаха. В памятной записи католикоса Симеона говорится: «В 1210 (1761) году нашего летоисчисления, собрал многочисленное войско на него, пошел походом на великую и знаменитую и крепчайшую крепость, именуемую Шош, и правителя его Панах-хана, кой был из племени дживаншир»⁶⁹. Армия Фатали-хана остановилась в поле возле Аскерана, где выстроила крепость и перезимовала. В это время для борьбы против общего врага «мелики Джераберда и Талыша, Мелик-Хатам и Мелик-Усуб примкнули к войскам Фатали-хана и вырыли окопы рядом с окопами войск Фатали-хана»⁷⁰. После шестимесячного противостояния стороны начали переговоры о перемирии, «Панах-хан изъявил ему наружную покорность, отдал своего сына Ибрагим-Халил-агу в заложники»⁷¹. Таким образом, Панах-хан признавал зависимость от Фатали-хана.

Для освобождения сына Панах вступил в союз с постепенно усиливающимся *векилом* (регентом) Керим-ханом Зендом, который был кровным врагом Фатали-хана. В 1762 году их армия победила армию Фатали-хана в Урмии. Освободив находившегося в Урмии Ибрагим-Халил-агу, Керим-хан Зенд в том же году дал ему титул хана и отправил в Карабах⁷², а Панах-хана забрал с собой в Шираз. Там в 1762 году Панах скончался.

67. Меликсет-бек Л. Указ. соч. С. 200.

68. Бутков П. Указ. соч. С. 245.

69. Հիւան շարք արմուրեան, գ. III. Թիֆլիս, 1894, էջ 57 (Архив Армянской истории. Кн. III. Тифлис, 1894. С. 57).

70. Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. С. 69; Мирза Юсуф Нерсесов. Правдивая история. С. 60.

71. Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 130.

72. Мирза Джамал Джеваншир. История Карабага. С. 76; Мирза Адигезаль-бек. Карабаг-наме. С. 72.

Хотя, согласно историкам ханства, Керим-хан забрал Панаха в Шираз для того, чтобы воздать ему почести, очевидно, что Панах находился у него в качестве заложника. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что в это же время Керим-хан в качестве заложников забрал с собой в Шираз также Кязим-хана Карадага и Шахбаз-хана Думбули из Хоя⁷³. Именно по этой причине ханские историки упорно умалчивают об обстоятельствах смерти Панаха. Однако этот пробел заполняют армянские авторы. В частности, Нерсесов пишет об этом: «Панах-хан преднамеренно притворился мертвым, предварительно наказав своим родственникам забрать свое „тело“ в Карабах, чтобы таким образом выбраться из Шираза, по дороге оседлать коня и добраться до Карабаха — и там принять власть. Поняв это, Керим-хан сказал: „Он был моим хорошим другом, я должен с почестями и уважением отправить его тело в Карабах“. Он приказал вскрыть его нутро, залить его лекарствами, после чего лишь отправил его в Карабах»⁷⁴. Важно учесть, что Панах не владел даже клочком земли на территории меликств Хамсы, который мог бы послужить для него могилкой. Именно по этой причине родственники отвезли и похоронили его тело в местечке Имарет возле Агдама.

По существу, Панах-хану так и не удалось распространить свою власть над меликствами Дизака, Гюлистана и Джраберда. После смерти Панаха в 1762 году его сын и наследник Ибрагим-хан (1762–1806) был вынужден вести долгую борьбу против этих самостоятельных меликств.

Мелики Арцаха, хотя и не в прежней степени, но всё же сохранили своё войско во второй половине XVIII века. В 1769 году грузинский царь Ираклий II в «Описании областей и городов, соседних с Грузией» писал: «Хаме состоит владение, и во оных семь (должно быть пять — *А. М.*) воеводских правлений, народ весь армянского закона, в том владении находится армянской патриарх (католикос Гандзасара — *А. М.*), когда ж персического шаха не стало, то с их же стороны один человек, закону магометанского и от народа жаванширского, принял силу среди того правления, Хамсы, состоит старинная крепость (имеется в виду Шуши — *А. М.*), которая им обманом взята ... Единственно оные жаванширы, а не армянского закона, а в нынешнее время по некоторым обстоятельствам с обеих сторон заключен мир. Армяне имеют большую крепость ... жаванширского народу выступит на войну две

73. Հոստիկյան Բ. Ղարաբաղի XVIII դ. պատմությունն ըստ Միրզա Յուսուֆ Ներսեսունի «Թարիխ-է Սաֆի» — Ի (Костикян К. История Карабаха XVIII века по «Тарих-е сафи» Мирзы Юсуфа Нерсесова // Историко-филологический журнал. 1999. № 2–3. С. 355.

74. Мирза Юсуф Нерсесов. Правдивая история. С. 62; см. также: Раффи. Указ. соч. С. 467.

тысячи пятьсот человек, а армян четыре тысячи пятьсот. Армяне хамские к воинству весьма храбры»⁷⁵. Вместе с тем, грузинский царь отмечал, что дживанширец Панах-хан смог утвердиться в Карабахе лишь из-за разобщенности армянских меликов.

Учтя продолжительную борьбу меликств против новоиспеченного ханства, в 1780-х годах «в России намеревались на основе Арцахской области восстановить армянскую государственность, упраздняя возникшее на армянской земле при содействии одного из армянских меликов не более 30 лет до этого так называемое Карабахское ханство»⁷⁶. Карабахским ханам не удалось окончательно сломить сопротивление оставшихся здесь меликов. Тяжбы между ними продолжались до самого 1813 г., когда согласно Гюлистанскому договору между Ираном и Россией Карабах перешел к Российской империи, спустя девять лет ханство было окончательно упразднено⁷⁷. По официальным русским данным, на момент ликвидации ханства там имелось 5 тыс. дворов, в среднем по 5 душ в каждом, «кои большею частью армяне»⁷⁸.

С водворением русского владычества в Карабахе ханство было упразднено в силу его административно-политической несостоятельности и отсутствия сколько-либо значимой поддержки у местного населения.

75. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. I / Под. ред. А. Цагарели, СПб., 1891. С. 434–435.

76. Чобанян П. О некоторых вопросах истории Арцаха // Историко-филологический журнал. 2002. № 3. С. 154. Об армянском национально-освободительном движении в 1780-х годах см.: Иоаннисян А. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1990.

77. Нагорный Карабах. Историческая справка. Ереван, 1988. С. 14; Мурадян П. История — память поколений. Ереван, 1990. С. 84.

78. Щербатов [А.] Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1890. Т. 2. 1826–1827. Приложение к главе 1. С. 2.

ТОМ КРИСТИАНСЕН

«РУССКИЕ ГУБЯТ НАС; ОНИ ЛИШАЮТ НАС СРЕДСТВ К ПРОПИТАНИЮ...»

РУССКО-НОРВЕЖСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ ДО 1820 ГОДА¹

Север как вызов и источник трений

Почему обширные, бесплодные и по большей части незаселенные приграничные территории между Россией и Норвегией на Крайнем Севере служили причиной конфликтов в до-националистический период истории, в конце XVIII и первых десятилетиях XIX вв.? И почему Россия отстранялась от решения этих конфликтов? В конце концов, нищая и маленькая Норвегия, восстановившая свою государственность лишь в 1814 г., была не в состоянии тягаться с могущественной Российской империей. Наконец, можно задаться вопросом о том, не являлись ли конфликты той эпохи провозвестниками тех вызовов, которые встанут перед этим регионом в наше время.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать взаимоотношения между Россией и Норвегией в этом почти незаселенном регионе на крайней северной периферии Европы, для которого в первую очередь характерны колоссальные размеры, очень редкое население и исключительно суровые погодные условия. С другой стороны, с течением времени росло понимание того, что регион изобилует такими природными ресурсами, как рыба, полезные ископаемые и морские звери — не говоря уже о нефти и газе, открытых в недавнюю эпоху. Постоянное население Мурманского побережья — от Гренсе-Якобсэльва на северо-востоке

1. Данная статья является исправленной и сокращенной версией статьи: «Russerne ødelægge os; de berøve os vor Næring». Norge og Russland i nord til ca. 1820 // Historisk Tidsskrift. 1997. No. 1.

Норвегии до мыса Святой Нос при входе в Белое море — составляло в ту пору менее сотни семей². Этот период в истории Крайнего Севера почти не привлекает к себе внимания русских и норвежских историков, несмотря на частые конфликты из-за границ и природных ресурсов, которые регулярно омрачали взаимоотношения между обеими странами на протяжении последних двух столетий. Однако, следует подчеркнуть, что эти конфликты никогда не приводили к сколько-нибудь серьезному противостоянию. Некоторые из споров, касающихся границ, природных ресурсов и вопросов юрисдикции, продолжали служить источником заметных разногласий и после Второй Мировой войны. Однако, они приобрели многосторонний и международный аспект, совсем не свойственный эпохе от начала XIX в. до межвоенного периода.

В нашей статье будут рассмотрены четыре основные темы. Во-первых, это нерешенные вопросы, связанные с сухопутной и морской границей; во-вторых, проблема недавних русских поселений на бесспорно норвежской территории в Восточном Финнмарке; в-третьих, конфликты между русскими и норвежскими подданными по поводу рыболовных промыслов у побережья Финнмарка; и, наконец, поморская торговля, представлявшая собой разновидность традиционной меновой торговли между русскими поморами и жителями северной Норвегии.

400-летняя уния Норвегии с Данией завершилась в 1814 году с получением Норвегией суверенитета и либеральной конституции. Но поскольку Дания и Норвегия оказались на стороне побежденных в наполеоновских войнах, Норвегия была принуждена к унии со Швецией согласно Кильскому договору между Данией и Швецией, подписанному в январе 1814 г. Условия этой унии были обговорены в Мосской конвенции между Норвегией и Швецией, заключенной в августе того же года. Согласно Скандинавской унии, существовавшей до 1905 г., шведский король одновременно являлся королем Норвегии, а кроме того, в ведение Швеции отходили все внешние сношения обоих государств. Во всех прочих отношениях Норвегия сохраняла собственные государственные учреждения. В 1809 г. Россия и Норвегия стали соседями в результате того, что Швеция по Фридрихсгамскому договору уступила России Финляндию. Невзирая на эту болезненную потерю, кронпринц Карл-Юхан (король с 1818) по отношению к России придерживался примиренческой политики: существует мнение, что именно она позволила Норвегии проводить политику территориальной консолидации на Крайнем Севере. Конец этому этапу в шведской политике по отношению к России положила Крымская война (1854–1856).

2. Jens Petter Nielsen. Ønsket tsaren seg en isfri havn i nord? // Historisk Tidskrift. 1991. S. 609.

В начале XIX в. в округах Пасвик, Нейден и Пейсен, составлявших приграничную зону между Россией и Норвегией, практически не имелось норвежского населения³. Однако, лишь в недавнее время историки начали обращать внимание на тот факт, что русская и норвежская экспансия проходила отнюдь не на ничейных землях. Поэтому конфликты затрагивали не только два государства, но и три этнические группы — норвежцев, русских и саамов. Уязвимость коренной саамской культуры была обусловлена тем фактом, что на обширной территории приграничных округов имелись лишь крайне малочисленные общины. Например, в округе Нейден в конце XVIII в. проживало не более 2–3 семей⁴. Именно традиционный образ жизни прибрежных саамов больше всего страдал от расплодившихся русских и норвежских рыболовецких промыслов и торговых предприятий.

При этом вышеупомянутые темы не нашли сколько-нибудь заметного отражения в норвежской историографии и дискуссиях о взаимоотношениях с Россией. Центральное место и в шведском, и в норвежском дискурсе с середины XIX в. занимают страхи по поводу «инстинктивной тяги России к морям» с целью создания незамерзающего порта⁵. Такое стремление к экспансии рассматривается как логическое продолжение роста Российской империи в XVII–XIX вв. Хотя она расширялась главным образом на юг и на восток, считалось, что аналогичной экспансии следует ожидать и в северо-западном направлении вследствие потребности России в незамерзающем порте для облегчения доступа к северной Атлантике. Данная статья строится на предположении, что взаимоотношения между Норвегией и Россией на севере в начале XIX в. и позже (собственно говоря, вплоть до большевистской революции) следует изучать с иной точки зрения, нежели перспектива политики, большой стратегии и дипломатии, которая уже давно стала стандартом в научных исследованиях и публичных дискуссиях. Во многих отношениях рассматриваемые нами вопросы можно считать первыми ступенями макроисторического процесса, который продолжается до сих пор — а именно, экспансии в Арктику и ее территориального размежевания.

Эйнар Ниemi предлагал положить в основу периодизации истории Крайнего Севера в 1800–1940 гг. вопросы «национального строительства и его потребностей»⁶. Кроме того, период 1814–

3. Einar Niemi. Vadsøs historie. Bind 1. Fra øyvær til kjøpstad (inntil 1833). Vadsø Town Council 1983. S. 571.

4. Steinar Wikan. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Nordkalott-Forlaget, 1995. S. 20.

5. Nielsen, 1991.

6. Einar Niemi. Norge og Russland i nord — naboer gjennom tusen år. Et fugleperspektiv // Jens Petter Nielsen and Gunnar Opeide (Eds). Den menneskelige dimensjon i nordområdene. Arkhangelsk, 1994. S. 19.

1917 гг. характеризовался как «пик взаимодействия двух соседних наций [России и Норвегии] на берегах Северного Ледовитого океана»⁷. Как отмечалось выше, в данной статье мы затронем наименее исследованный период, т. е. промежуток приблизительно между 1800 и 1820 гг. Ниemi подчеркивает, что корни идеи о «русской угрозе» восходят в первую очередь именно к этому периоду⁸. Однако, национальное строительство и его потребности следует рассматривать в качестве ответа на вставший перед страной вызов. Поэтому в центре нашего внимания окажутся местные экономические, юридические и социальные условия, которые подпитывали эту идею об угрозе, а вовсе не бытовавшие в Стокгольме и Христиании страхи перед «большой стратегией» России, замышлявшей экспансию на севере. В целом, Йенс Петтер Нильсен, вероятно, прав, утверждая, что «идея о „русской угрозе“ заводит историков в очевидный тупик»⁹.

Исследователями продемонстрировано, что страхи норвежцев перед Россией по большому счету основаны на сфабрикованном мифе. Джон Райс Кроу, британский генеральный консул в маленьком северном городке Хаммерфест, в своих донесениях 1830-х гг. пытался убедить британское министерство иностранных дел в посягательствах России на Финнмарк. В то время Кроу наверняка был хорошо осведомлен о местных конфликтах между норвежцами и русскими и на этой основе делал решительный вывод о том, что причина конфликтов заключается в царском экспансионизме. Во время Крымской войны идеи Кроу получили официальное одобрение министра иностранных дел лорда Пальмерстона и нашли свое выражение в Ноябрьском договоре 1855 г., согласно которому Франция и Великобритания брали на себя оборону Скандинавской унии от русского вторжения в обмен на обещание со стороны Швеции и Норвегии не уступать никаких земель русскому царю.

Экспансия на Крайнем Севере, осуществлявшаяся усилиями и российских, и норвежских подданных, создавала многочисленные точки соприкосновения между ними. Хотя эти контакты и трения никогда не приводили ни к вооруженным конфликтам, ни к серьезным разногласиям между правительствами Норвегии и России, в некоторых местных общинах они снова и снова воспринимались в качестве угрозы. Поэтому можно допустить, что исследователи, решительно отрицающие точку зрения Кроу, склонны забывать о том, что он был хорошо осведомлен о местной ситуации на Край-

7. Jens Petter Nielsen. The Barents Region in Historical Perspective. Russian-Norwegian Relations 1814–1917 and the Russian Commitment in the North // Olav Schram Stokke and Ola Tunander (Eds.). The Barents Region. Cooperation in Arctic Europe. London: Sage Publications, 1994. P. 87.

8. Niemi, 1994. S. 19.

9. Nielsen, 1994. S. 94ff.

нем Севере. Военно-морские экспедиции в Финнмарк, организованные норвежскими властями в 1816–1818 гг., свидетельствуют о том, что угроза ощущалась еще за двадцать лет до тревожных донесений Кроу, хотя эту угрозу видели совершенно в другом.

Историография русско-норвежских отношений на Крайнем Севере

Норвежская историография эпохи, непосредственно следующей за 1814 годом, главным образом посвящена тем фундаментальным вызовам, с которыми столкнулось только что созданное государство — а именно, конституциональной консолидации и необходимости привести в порядок совершенно расстроены государственные финансы. Самые первые шаги Норвегии во внешней политике и защита национальных интересов на Крайнем Севере почти не привлекают к себе внимания исследователей¹⁰. Не существует никаких работ общего характера, освещающих российско-норвежские взаимоотношения в этой части страны в первые десятилетия XIX века. В своей книге о роли Советского Союза во внешней политике Норвегии Эгиль Даниэльсен упоминает о приграничных конфликтах 1820-х гг., конец которым положил договор 1826 г. о границе и дополнительный протокол 1834 г. В работе Коре Сельнеса об истории русско-норвежских отношений рассматриваются лишь торговые договоры, заключенные между двумя странами в ту эпоху. Авторы этих работ не уделяют внимания ни морским пограничным спорам, ни мерам, предпринимавшимся норвежцами для укрепления своей власти, ни незаконным поселениям, ни конфликтам из-за рыбных промыслов. Соответственно в целом эти публикации выдержаны в весьма позитивном ключе¹¹.

Существует несколько исследований, в которых рассматриваются отдельные аспекты норвежско-российских отношений на Крайнем Севере, в частности, им посвящена местная историческая литература северных губерний. Но в отношении рассматриваемых нами тем они все равно могут дать лишь фрагментарную картину. Вопрос о сухопутной границе был всесторонне освещен в изданной в 1920 г. влиятельной работе Оскара Альберта Йонсена о политической ис-

10. Первым всеобъемлющим обзором внешней политики Норвегии в XIX в. являлась работа: Alf Kaartvedt. 1814–1905 Unionen med Sverige // *Selvstendighet og union. Fra middelalderen til 1905. Norsk utenrikspolitikk historie*. Vol. 1. Oslo, 1995. Однако Каартведт не останавливается на теме укрепления норвежской власти в Финнмарке после 1814 г.

11. Egil Danielsen. *Norge og Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor Sovjetunionen 1917–1940*. Oslo, 1964; Kåre Selnes. *Norge-Russland grannfolk gjennom tusen år*. Oslo — Bergen — Tromsø, 1972.

тории Финнмарка¹². В этой книге, написанной по заказу министерства иностранных дел, изучен период с «древнейших времен и эпохи саг» до подписания договора о границе в 1826 г. Йонсен приводит скрупулезный обзор факторов, отражавшихся на величине налогов, прохождении сухопутных границ и средствах местного населения к существованию, однако серьезный анализ взаимоотношений между Норвегией и Россией в его труде отсутствует. Договор 1826 года о границе не служит предметом сколько-нибудь существенных дискуссий в норвежской историографии — скорее всего, потому, что в дальнейшем не становился источником значительных конфликтов. В первую очередь этот договор подвергался критике со стороны России и Финляндии. Йонсен решительно отрицает, что по договору 1826 г. Норвегия получила больше того, на что она имела историческое право претендовать, как утверждают русские и финны. Напротив, согласно Йонсену, норвежская сторона продемонстрировала большую умеренность с учетом тех страхов, которые порождались поведением русских в приграничных округах — страхов, основанных на вере в то, что Россия хочет отторгнуть эти территории¹³.

Йонсен утверждает, что именно норвежцы — вскоре после того, как Швеция была вынуждена уступить Финляндию, — инициировали процесс, который привел к заключению договора 1826 г. К тому моменту копенгагенское правительство подготовило доклад о том, что может быть сделано для борьбы с проблемами, которые создаются российскими подданными. Однако из этой попытки вступить в диалог с Россией ничего не вышло¹⁴.

Астри Андресен, изучая историю восточных саамов, приходит к выводу о том, что не все аспекты договора 1826 г. остались изученными. С точки зрения саамов ключевой проблемой являлась взаимосвязь между государственной границей и традиционным правом саамов на промыслы в приграничных округах, так называемой «сиидой». Однако, вполне очевидно, что ни норвежское, ни российское правительство во время переговорного процесса не учитывало интересы саамов¹⁵.

Оскар Альберт Йонсен был первым норвежским историком, обратившим внимание на несколько спорных моментов в развитии норвежско-российских отношений в начале XIX в. Причиной этих трений, однако, были действия российских подданных, а не царская политика. Население Финнмарка постоянно жаловалось датско-норвежским властям на русских. Согласно этим жало-

12. Oscar Albert Johnsen. Finmarkens politiske historie. Aktmessig fremstillet. Kristiania, 1920.

13. Ibid. S. 257.

14. Ibid.

15. Astri Andresen. Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes, 1989.

бам, утверждает Йонсен, русские занимались рыболовством в норвежских территориальных водах, собирали плавник, птичьи яйца и пух, обкрадывали местное население, и более того, прибегали к насилию, даже в отношении должностных лиц¹⁶.

Русский историк Константин Чудинов также подвергает рассмотрению вопрос российско-норвежского приграничного урегулирования¹⁷. Он указывает, что примиренческая политика Карла-Юхана в отношении России и торговое соглашение 1817 г. оживили коммерческие связи между русскими-поморами и норвежцами. Чудинов рассматривает вопрос о границе с точки зрения официальных должностных лиц обоих государств и, по его мнению, договор 1826 г. и соответствующий раздел спорных округов не привел к каким-либо конфликтам между странами-соседями. Однако Астри Андресен в примечании к статье Чудинова утверждает, что контекст, в рамках которого заключался договор о границе, до сих пор остается малоизученным. Она указывает, что взаимоотношения между различными этническими группами в приграничных округах были напряженными, в то время как Чудинов, отслеживая официальную точку зрения, не занимается местными трениями между российскими и норвежскими подданными. Согласно Андресен и Йонсену, вероятно, именно эти конфликты послужили основанием для создания в 1826 г. пограничной комиссии. Андресен подчеркивает, что в существовавшей ситуации хуже всего приходилось восточным саамам.

История вопроса о территориальных водах, особенно в ее самой ранней части, также не подвергалась углубленному анализу ни с исторической, ни с юридической точки зрения. Несмотря на тот факт, что морская граница имела жизненно важное значение для прибрежных норвежских общин, исторический аспект этого вопроса до сих пор не привлекал к себе внимания исследователей. Начиная с 1860 г. и вплоть до вердикта, вынесенного в 1951 г. международным судом в Гааге — когда Великобритания последней из держав признала четырехмильную морскую границу Норвегии — та служила предметом постоянных споров между Норвегией и другими странами. Норвегия обосновывала свои претензии историческими и юридическими прецедентами XVIII и начала XIX вв., утверждая, что контуры ее береговой линии (с учетом фьордов, архипелагов и достаточно обширных водных пространств, ограниченных островами) требуют такого прохождения морской границы, которая бы гарантировала местному населению, целиком зависящему от рыбной ловли, средства к существованию. Соответственно, вопрос о протяженности территориальных вод всегда считался жизненно важным для страны. Таким

16. Johnsen, 1920. S. 224.

17. Konstantin Tsjudinov. Den russisk-norske grensekonvensjonen av 1826 // Nielsen og Opeide, 1994.

образом, историческая аргументация часто носила политизированный и программный характер. Большинство норвежских историков и юристов разделяют давно ставшую привычной официальную точку зрения, что в XVIII веке сложилась практика ограничения территориальных вод четырехмильной полосой, молчаливо одобренная всеми заинтересованными государствами, и что правительственный меморандум 1812 г. следует рассматривать как первую попытку юридически закрепить эту практику. Особый вклад в уточнение этой точки зрения внесли два исследователя — профессор юриспруденции Арнольд Рестада и специалист по морскому праву капитан Кристофер Мейер.

Книга Арнольда Рестада «Королевские воды» (*Kongens Strømme*) 1912 г. до сих пор считается знаковой работой в этой области. Рестада показывает, что датско-норвежские власти фактически заявляли о прохождении морской границы в четырех милях от берега лишь в периоды вооруженного нейтралитета. Из этого Рестада делает вывод, что такой предел считался необходимым минимумом в военное время, в мирное же время король заявлял о своем праве на все водные пространства, которые издавна эксплуатировались норвежскими подданными Норвегии — так называемые «королевские воды». Работа Рестада подвигла Кристофера Мейера на тщательное изучение политической и юридической истории территориальных вод. Так родился *magnum opus* Мейера — получившая международное признание монография 1937 г. «Пределы юрисдикции в прибрежных водах»¹⁸. Мейер идет еще дальше Рестада, утверждая, что норвежские власти обладают полной юрисдикцией над рыболовными угодьями, которые традиционно разрабатывались норвежцами — то есть лежащими далеко за пределами четырехмильной зоны.

Шведский историк Саломон Крафт написал подробное исследование поморской торговли в северной Норвегии в первой половине XIX века. В изложении Крафта, торговые контакты между этими отдаленными регионами Норвегии и России развивались естественным путем, для удовлетворения потребностей населения. В работе Крафта ничто не указывает на то, что центральные российские власти играли важную роль в развитии этой торговли¹⁹.

Йенс Петтер Нильсен подметил существующую в обеих странах тенденцию к почти идиллическому описанию отношений между русскими и норвежцами до 1917 года, особенно в местной историографии²⁰. Премьер-министр Норвегии Гру Харлем Брундтланд

18. Christopher B. V. Meyer. *The Extent of Jurisdiction in Coastal Waters. Illustrated by state Practice and the Opinions of Publicists*. Leiden, 1937.

19. Salomon Kraft. *Pomorhandelen på Nordnorge under 1800-talets förra hälft* // *Acta Borealia. B. Humaniora*. No. 9, Tromsø Museum / Norwegian Academic Press, 1968.

20. Jens Petter Nielsen // *Den norske trussel. Et lite kjent aspekt ved de russisk-*

даже утверждала, что Холодная война представляет собой исключение из тысячелетней истории мирных и добрососедских отношений между двумя странами²¹. Однако, такую точку зрения затруднительно обосновать ссылкой на какие-либо источники. Наоборот, исследования демонстрируют, что непрерывные конфликты на Крайнем Севере происходили задолго до возникновения в середине XIX в. мифа о «русской угрозе». Гипербола, прозвучавшая из уст премьер-министра, скорее всего, объясняется появившейся после окончания Холодной войны надеждой на скорую нормализацию отношений между Россией и Норвегией, разорванных на местном уровне после революции 1917 г. Более того, премьер-министр стремилась к формированию новых принципов многостороннего сотрудничества в бассейне Баренцева моря. Учитывая это, не приходится удивляться тому, что наибольшее внимание историки уделяют наименее проблемному аспекту в российско-норвежских отношениях — поморской торговле.

Свидетельства современников

Взаимоотношениям между русскими и норвежцами на Крайнем Севере посвящены три серьезные работы, принадлежащие перу непосредственных свидетелей. Первая из них — доклад комиссии профессора Йона Эриксона, опубликованный в 1772 г. («Размышления о предумышленных претензиях на русскую Лапландию и о других вопросах»). Эриксен утверждал, что отсутствие государственной границы на Крайнем Севере служит причиной для конфликтов и что такое состояние вещей позволяет русским заселять побережье Финнмарка. Он полагал, что следует покончить со статусом общих округов Нейден, Пасвик и Пейсен в качестве *usum commune*, договорившись об их разделе. Более того, он считал, что возникающие в Финнмарке проблемы порождаются в первую очередь наличием рыбных промыслов, возникших в 1740-х гг. Хозяйственная деятельность русских создавала «своего рода *servitus realis* на этих наследственных землях Его Величества», и Эриксен опасался, что в долговременной перспективе такое положение приведет к новым русским притязаниям. Однако, историческое право русских ловить рыбу на побережье Финнмарка было признано шведско-норвежскими властями в торговом договоре 1838 г. Эриксен подчеркивал, что вопрос о прохождении границы следует решить как можно скорее. Он также указывал, что у Норвегии имеется больше исторических оснований претендовать на эти земли,

norske forbindelser 1826–1917 // Einar Niemi (Ed.). Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo, 1992. S. 53.

21. См. Aftenposten. 28. XII. 1991.

чем у русского царя. Поскольку Эриксен писал свой доклад задолго до того, как Швеция уступила Финляндию России, его предложение ясно свидетельствует, что причиной конфликтов служило развитие экономики, а вовсе не новые государственные границы, проведенные в ходе и в результате наполеоновских войн²².

Второе из этих свидетельств — доклад Йенса Ратке, поданный в 1805 г. в Торговую коллегия²³. В 1800–1802 гг. Ратке совершил несколько поездок вдоль северного побережья Норвегии и России, в том числе для изучения рыбных промыслов. Он рисует картину оживленной экономической деятельности русских в Финнмарке, включавшей в себя рыболовство и торговлю. По его словам, русские используют более передовые методы ловли рыбы, чем те, что были в ходу у местных норвежцев и саамов. Более того, рыболовный сезон у русских более протяженный. В результате они создают угрозу традиционному образу жизни норвежцев и саамов. Кроме того, Ратке отметил рост поселений русских в восточном Финнмарке и упомянул о жалобах на них местных жителей. В целом Ратке описывает экономическую активность русских почти теми же самыми словами, к которым за тридцать лет до него прибегал Эриксен. Его рассказ дает представление о том, как в этот регион проникали новые рыболовные методы и торговля. Однако Ратке также не верил, что эта экспансия осуществляется по указке центрального российского правительства.

Третье и самое красочное описание принадлежит перу Леопольда фон Буха. Как и двое предыдущих авторов, он тоже был ученым, путешествовавшим по северным территориям Норвегии и России. В том же ключе, что и Ратке, фон Бух описывает, как русские проникают на запад благодаря своей поразительной предприимчивости и энергии, но отмечает также, что норвежское население впало в полную зависимость от ввоза зерна из России. В своих наблюдениях и выводах он по большей части повторяет Ратке. По словам фон Буха, беспокойство по поводу русской активности более чем обоснованно: по всем фьордам и бухтам, вдоль всех островков у побережья полным-полно русских трехмачтовых судов. По его оценкам, в июле-августе в Финнмарке бывает по несколько тысяч русских. Помимо этого, он отмечал тенденцию к дальнейшей русской экспансии. Если прежде русские не появлялись западнее городка Вадсё, то теперь их можно встретить гораздо южнее, до самого Тромсё. Фон Бух в самых драматических тонах описывал последствия русской экспансии, заявляя, что воды у Вардё на целый

22. John Erichsen. Betænkning om Prætensionerne i Hensigt til det Russiske Lapland, med videre // Budstikken. Et Ugeblad af statistisk-oekonomisk Indhold. 9. IX. 1824. S. 634, 615.

23. Jens Rathke. Afhandling om de norske Fiskerier og Beretninger om Reiser i Aarene 1795–1802. Bergen, 1907.

год становятся русской вотчиной. Русские рыбаки захватили весь берег, а в море у постоянных норвежских и саамских поселений полным-полно русских кораблей. Их трюмы набиты рыбой, которую не видят жители Вардё, страдающие от голода. Год за годом прибрежное население все отчаяннее жалуется на то, что «русские губят нас, они лишают нас средств к пропитанию и мешают нам рыбачить»²⁴.

Общая черта этих трех докладов — акцент на двойственной природе взаимоотношений между русскими и норвежцами. С одной стороны, жизнь населения Крайнего Севера полностью зависела от торговли с русскими, которую было совершенно нечем заменить. С другой стороны, и население, и местные власти опасались, что это приведет к постоянному заселению побережья русскими и к полному вытеснению ими местных рыбаков. В целом, все три доклада подтверждают, что источником конфликтов в Финнмарке являлась эксплуатация природных ресурсов и что беспокойство норвежцев возрастало параллельно с усилением русской активности. Нет никаких сомнений, что антирусские настроения порождались приходом на Крайний Север модернизированного общества. В их основе лежали не искусственно созданные мифы, а подпитывавшие друг друга конфликт интересов и трения между различными этническими общинами.

В ежегодном докладе о состоянии королевства только что коронованный Карл XIII Юхан в феврале 1818 г. информировал парламент о том, что правительство вынуждено положить конец беспорядкам в Финнмарке и защитить простой народ от насилия, которому он подвергается от иностранных рыбаков и купцов в этой отдаленной части королевства²⁵. Очевидно, что в годы, последовавшие за провозглашением норвежской независимости в 1814 г., в Финнмарке сложилась намного более серьезная ситуация, чем та рисуемая многими историками почти идиллическая картина, которая получила признание в политическом дискурсе.

Принятие контрмер: восстановление крепости Вардёхус и военно-морские экспедиции 1816–1819 гг.

Беспокойство по поводу русской активности имело своим следствием не только доклады комиссий, рассказы путешественников, дипломатические предложения и официальные постановления. По-

24. Отчет фон Буха был переведен на датский и опубликован в: Budstikken. Et Ugeblad af statistisk-oekonomisk Indhold. 1820. No. 15, No. 16.

25. Kongeriget Norges ander ordentlige Storthings Forhandler i Aaret 1818. Udgivne ved Poul Holst. Første Deel indeholdende Forhandlingerne i Februar og Marts Maaneder. Christiania, 1820. S. 97f.

мимо этого, Норвегия стремилась к суверенитету над спорными землями и проводила активную политику консолидации своей территории. О том, насколько серьезно правительство расценивало ситуацию, свидетельствует возвращение гарнизона в крепость Вардхус (северо-восточный форпост Норвегии с начала XIV в.) и принятие тех мер, о которых Карл-Юхан докладывал парламенту в 1818 г. Старая крепость Вардхус обветшала и утратила военное значение к концу XVIII в. В правительственном меморандуме 1793 г. констатировалось, что из-за степени разрушения крепость не может выполнять никаких военных функций и ее надлежит упразднить²⁶.

Однако, по сообщению Леопольда фон Буха, как только крепость закрыли, в этот район вернулись русские²⁷. Поэтому король уже в 1800 г., через два года после упразднения крепости, решил вернуть в нее гарнизон²⁸. В 1807 г. фон Бух заявлял о колоссальном значении крепости: если Финмарк не стал русской провинцией, так только благодаря наличию в крепости капитана, лейтенанта и примерно 20 солдат. Их присутствие гарантировало, что этот отдаленный регион останется в составе королевства. Если бы не крепость, то политические связи Финмарка с Копенгагеном были бы разорваны из-за торговли зерном, привязывавшей Финмарк к Архангельску, и заселения побережья русскими²⁹.

Еще более важную роль, чем существование гарнизона, сыграли другие меры, направленные на утверждение норвежского суверенитета. В ситуации, когда норвежский флот был расформирован, а молодая нация боролась за политическое выживание из-за катастрофической нехватки финансов, власти страны все же сочли необходимым три года подряд, начиная с 1816 г., в летние месяцы отправлять в Финмарк вооруженные военно-морские экспедиции.

Военно-морское командование предписывало экспедициям «поддерживать королевскую власть и охранять порядок в гаванях и прибрежных водах», а при необходимости прибегать к силе, «не считаясь с возможным превосходством противника»³⁰. Ситуация считалась столь серьезной, что впервые в истории молодого государства власти сочли необходимым воспользоваться силовыми методами. Самый важный источник по истории этих экспедиций —

26. Fr. Wessel Berg. Kongelige Rescripter, Resolutioner og Collegial-Breve for Norge i Tidsrummet 1660–1813. 3 vol.: 1781–1796. Christiania, 1843. S. 644.

27. Budstikken, 1820. S. 145.

28. Fr. Wessel Berg. Kongelige Rescripter, Resolutioner og Collegial-Breve for Norge i Tidsrummet 1660–1813. 4 vol.: 1797–1813. Christiania, 1843. S. 226.

29. Budstikken, 1820. S. 143.

30. Норвежский национальный архив: Kopi-Bog for Søkrigs-Collegiets Kommando Kontor. Fra 1/116 Til 31/12 16. Приложение 1 к письму No. 223, 16 апреля 1816.

дневник младшего лейтенанта Томаса Коноу³¹. 19-летний Томас Коноу был капитаном вооруженной шхуны «Аксель Торсен».

В середине февраля 1816 г. старший лейтенант Хартвиг Каспер Кристи, командующий береговой флотилией, размещенной в средней Норвегии, в Тронхейме, получил приказ о подготовке к первой из этих экспедиций. Эскадра вышла из Тронхейма 7 мая. Кристи было поручено на море и на суше охранять суверенные права Норвегии на побережье Финнмарка³². Согласно Томасу Коноу, офицеры узнали о цели экспедиции лишь по прибытии в Вадсё в начале июля. Зачитанный команде приказ гласил, что главная задача экспедиции — надзирать за деятельностью русских, которые незаконно ловят рыбу, строят дома там, где им вздумается, и не платят пошлин. Помимо этого задания, от эскадры требовалось проведение картографических работ, поскольку не существовало морских карт побережья северной Норвегии³³. Кроме того, не имелось ни лоций, ни организованной прибрежной лоцманской службы, ни списка гаваней, якорных стоянок и мест, пригодных для причаливания³⁴.

Насколько скудна была информация о северных территориях, стало очевидно уже после 1814 г. Из донесений полковника Бенони Оберта о состоянии норвежских крепостей и береговых батарей видно, что власти даже не располагали сведениями об укреплениях в этой части страны. Комиссия, созданная для проведения инспекции, не имела практической возможности посетить укрепления на Крайнем Севере³⁵. Соответственно эта задача была поручена финнмаркской эскадре. Военная-морская экспедиция выяснила, что крепость Вардёхус не имеет военного значения, несмотря на то, что в нее недавно вернули гарнизон, а крепостные стены и постройки были подновлены³⁶. Из этого видно, насколько слабо были интегрированы эти области в жизнь страны.

Подойдя к Хаммерфесту, экспедиция впервые встретила русских на норвежской территории. Их заметили и на суше, и на

31. Норвежский военно-морской музей, No. 598. В переводе, с предисловием и примечаниями автора опубликовано Норвежским военно-морским обществом (1997).

32. Норвежский национальный архив: Kopi-Bog for Søkrigs-Collegiets Kommando Kontor. Fra 1 / 1 16 Til 31 / 12 16. No. 63, 9 февраля 1816.

33. Норвежский национальный архив: Kopi-Bog for Søkrigs-Collegiets Kommando Kontor. Fra 1 / 1 16 Til 31 / 12 16. No. 66, 13 февраля 1816.

34. Fr. Beutlich. Norges Sjøvæbning 1810–1814. Oslo, 1940. S. 97.

35. В архиве Норвежского управления по культурному наследию содержатся следующие донесения о состоянии норвежских крепостей: 1) составленный Бенони Обертом «Underdanigste Rapport over den nærværende Tilstand af samtlige Norske Fæstninger» и 2) «Underdanigste Rapport over de ved Norges Søekyst anlagte faste Batterier», 31 июля 1815. Доклад старшего лейтенанта Кристи хранится в Норвежском национальном архиве: Kopi-Bog for Søkrigs-Collegiets Kommando Kontor Fra 1 / 1 16 Til 31 / 12 16.

36. Дневник Томаса Коноу, 13 августа 1816.

море, в характерных лодках (lodjer). Томас Коноу отмечал, что все побережье от Хаммерфеста до Варангер-фьорда было полно русских рыбаков и купцов, хотя их точной численности он не указывал. Однако, в 1820 г. в журнале Budstikken говорилось, что ежегодно в тех водах насчитывалось до 200 русских лодок и сотни двухмачтовых судов³⁷.

Военно-морские экспедиции 1817 и 1818 гг. затруднительно реконструировать с той же полнотой, что и экспедицию 1816 г. Однако очевидно, что все эти экспедиции руководствовались одними и теми же приказами; известно также, что главному чиновнику Финнмарка было велено нанять двух русских переводчиков для экспедиции 1817 г.³⁸ Однако, экспедиция 1816 г., по мнению властей, прошла успешно. В январе 1817 г. Хартвиг Каспер Кристи получил от военно-морского командования депешу, в которой шведский губернатор Норвегии выражал свое удовлетворение, такую же оценку экспедиции дал в марте кронпринц Карл-Юхан³⁹. Экспедиции в Финнмарк, по-видимому, выполнив поставленные перед ними задачи, через три года были прекращены. В своем докладе о состоянии королевства за 1818 г. кронпринц подчеркивал, как важно, что у Норвегии сохранилось достаточное число военных кораблей, способных защищать честь Его Величества и королевства и охранять торговлю⁴⁰. В следующий раз флот вновь посетил Финнмарк лишь во время эпидемии холеры в начале 1830-х гг. Из этого видно, что военно-морские экспедиции смогли обеспечить суверенитет Норвегии над Финнмарком. В 1820 г. журнал Budstikken подтверждал это, сообщая, что флот взял ситуацию под контроль⁴¹.

Военные меры, предпринятые норвежским правительством, демонстрируют, что оно считало необходимым пресечь вторжение российских подданных в Финнмарк, и Томас Коноу сообщает, что руководствуясь полученным приказом, эскадра несколько раз прибегала к силе. Но следует также подчеркнуть скромность этих мер: норвежское правительство, очевидно, не считало, что проблемы в Финнмарке созданы целенаправленной деятельностью российских властей. Как восстановление крепости Вардехус, так и военно-морские экспедиции в Финнмарк в принципе замыслились как чисто полицейские меры.

37. Budstikken, 1820. S. 153.

38. Норвежский национальный архив, каталог 1256, 3 / 10, документы военно-морского командования за 1807–1899 гг., No. 10, korbok 1816–1818, письмо No. 16 от 24 января и No. 14 от 24 января 1817 г.

39. Tybring 1893 / 94. S. 60.

40. Stortingets Forhandlingler i Aaret 1818. 5 del. S. 98.

41. Budstikken, 1820. S. 154.

Границы и территориальные права

Одна из главных причин для развития конфликта между двумя народами крылась в том, что русская экспансия в этот регион не имела преграды в виде установленной границы между Норвегией и Россией. В состав приграничных территорий входили обширные общие округа (Нейден, Пасвик и Пейсен), населенные коренными народами региона. В 1814 г. единственным договором о границе оставался заключенный в 1751 г. договор между объединенным королевством Дании и Норвегии и Швецией, в котором содержались два положения: одно — касавшееся условий демаркации границы к югу от общих округов, и второе, известное как статья о лапландцах (саамах) — оговаривавшее права коренного народа на выпас скота, рыбную ловлю и охоту в этих округах. Когда в 1721 г. после Великой Северной войны здесь всерьез начали развиваться рыбные промыслы и региональная торговля, Крайний Север не был ни юридически, ни административно подготовлен к такой экономической экспансии, и со временем стало ясно, что договор 1751 г. абсолютно недостаточен для предотвращения трений, порождаемых ростом экономической активности и захватом новых земель и водных пространств.

Помимо нерешенного вопроса о границе в общих округах, и норвежцы, и русские заявляли о своих исторических правах на территории соседей. Датские и норвежские короли в течение столетий претендовали на земли Кольского полуострова. Именно поэтому королевские чиновники в Финнмарке с целью сбора налогов в 1613–1813 гг. предпринимали экспедиции на Колу, в район от Нейдена до Поноя. В свою очередь, русские заявляли о своем праве облагать налогами земли вплоть до Малангена на западе. Однако, после 1600 г. русские не собирали налоги западнее Варангера. Норвежские короли еще со средних веков рассматривали земли западнее Варангер-фьорда как норвежскую территорию и в XIV в. построили крепость Вардёхус, выполнявшую роль северо-восточного форпоста страны. Земля к востоку от Варангер-Фьорда никогда не считалась входящей в состав собственно Норвегии, однако в годы, предшествовавшие подписанию норвежско-российского договора 1826 г. о границе, Норвегия завладела ее значительной частью.

Оскар Альберт Йонсен показывает, что норвежцев на урегулирование вопроса о границе подвигла участь Финляндии. Изданный в августе 1816 г. королевский указ требовал уточнить прохождение границы со Швецией в соответствии с договором 1751 г., причем линию границы следовало провести через общие округа от Скеккemyёкса до Северного Ледовитого океана⁴². Этот указ представ-

42. Arntzen and Arntzen, Love, Underordninger, Kundgjørelser, aabne Breve, Resolutioner m. M., der vedkomme Kongeriket Norges Lovgivning og offentlige

лял собой очередную норвежскую инициативу по установлению постоянной границы с Россией. Но она не принесла скорых результатов⁴³. Решение отправить в Финнмарк военно-морскую экспедицию было принято еще до королевского указа и представляло собой одну из многочисленных попыток Норвегии обеспечить консолидацию земель на Крайнем Севере.

Кроме того, вопрос о прохождении морской границы был решен в 1814 г. лишь частично. Ни одна страна в то время не претендовала на точное определение протяженности своих территориальных вод, и нам не известно никаких датско-норвежских карт, на которых были бы как-то обозначены или упомянуты морские границы⁴⁴. Но в то же время в различных целях практиковалось проведение морских границ на основе исторических прецедентов. Существовало четыре основные категории морских границ: карантинные границы на время эпидемий, таможенные границы, границы рыбных промыслов и границы нейтральных вод. Расстояние, отделявшее эти границы от берега, менялось от страны к стране.

В норвежской юридической и исторической традиции вышеупомянутый правительственный меморандум 1812 г. рассматривается как первая попытка юридически закрепить общий принцип проведения морской границы в четырех милях от берега. Более того, величина в четыре мили как ширина территориальных вод фигурирует в нескольких королевских указах, изданных еще в XVIII веке⁴⁵. Но такое представление о протяженности территориальных вод не годилось для решения вопроса о принадлежности рыбных промыслов, о чем свидетельствуют и конфликты с русскими рыбаками в Баренцевом море. Дело в том, что в меморандуме 1812 г. прохождение морских границ регламентировалось только в отношении призового права, а о рыбных промыслах там ничего не говорилось⁴⁶. Тем не менее, в ходе развернувшейся в первой половине XX в. борьбы за четырехмильный морской лимит на этот меморандум ссылались как на историческое доказательство давней норвежской традиции во всех случаях проводить морскую границу в четырех милях от берега. Фактически меморандум 1812 г. стал известен публике лишь в 1830 г., после того, как Й. Хр. Берг издал свою

Bestyrelse, samlede udtogsviis og i tidsfølgende Orden. Anden Udagve, Første Bind indeholdende Aarene 1814, 1815 og 1816, med hosføiet Register. Christiania, 1837.

43. Johnsen, 1920. S. 237.

44. Chr. Meyer. Karter fra unionstiden med Danmark. En historisk studie // Norsk Tidsskrift for Sjøvesen. 1928. S. 408–414, 474–486.

45. Hroar Olsen. Sjøterritoriet // Norsk Fiskeritidende. 1911. S. 41–56. Указы от 18 июня 1745, 10 февраля 1757, 7 мая 1756, 23 февраля и 20 апреля 1759, а кроме того, королевские постановления от 14 сентября 1807 и 28 марта 1810.

46. Arnold Ræstad. Kongens Strømme. Historiske og folkerettslige undersøkelser angaaende sjøterritoriet. Kristiania, 1912. S. 244f.

историю армейских резервов⁴⁷. Соответственно ни русские власти, ни рыбаки не могли знать о необъявленной морской границе. Стоит ли говорить, что официальный указ о территориальных водах не стали бы хранить в секрете. Нет никаких свидетельств о том, что русские власти когда бы то ни было выражали протест против традиционных морских границ. Наоборот, фон Бух утверждает, что русские подданные, промышлявшие рыбу у побережья Финнмарка, никогда не заявляли, что находятся в российских водах⁴⁸. Четырехмильная ширина территориальных вод в конце концов была признана Россией и включена в торговый договор 1838 г.⁴⁹

Кристофер Мейер утверждает, что прибрежные воды разделялись на внутренние и внешние воды так называемой политической береговой линией, которая проходила в четырех милях от берега, в целом следуя его очертаниям. Внутренние воды, согласно Мейеру, имели тот же юридический статус, что и сухопутная территория, и соответственно любая деятельность в их пределах безусловно подпадала под действие королевских законов⁵⁰. Протяженность внешних территориальных вод зависела от того, с какой целью они использовались; существовали самые разные исторические прецеденты, определявшие проведение рыболовных, таможенных и карантинных границ. Спорное утверждение Мейера сводится к тому, что применительно к рыболовным угодьям Норвегия издавна считала своими даже те воды, которые находятся далеко за пределами четырехмильной полосы, признанной международно лишь в качестве нейтральных вод и в отношении призового права.

Источники по военно-морским экспедициям в Финнмарк в целом подтверждают эту точку зрения. В приказах, данных экспедициям, не содержалось никаких явных упоминаний о рыболовных границах. Правда, Томас Коноу отмечал, что русские ловят рыбу непозволительно близко к берегу, но из его же записок следует главное — что король разрешал русским заниматься рыбной ловлей *за пределами* четырехмильной зоны. Отсюда можно сделать вывод, что воды за пределами четырехмильной зоны в отношении рыболовства находились под королевской юрисдикцией, раз король мог давать разрешение на их использование. Таким образом, конфликты 1810-х гг. показывают, что положения XVIII века не утратили к тому времени своей силы, то есть традиционные рыболов-

47. J. Chr. Berg. Historiske Underretninger om Landeværnet tiligemed nogle Efterretninger om Norges staaende Hær i Almindelighed. Christiania, 1830. S. 227, 337.

48. Budstikken, 1820. S. 128.

49. Norsk Fiskeritidend. 1912; вступительная статья в: Vor Sjøgrænse. S. 18ff.

50. Chr. Meyer. Forelesninger om Sjøgrensespørsmål. Holdt ved Sjøforsvarets stabsskurs og stabsskole i mai 1949. Oslo, 1950. S. 5ff.

ные угодья считались находившимися под королевской юрисдикцией вне зависимости от их расстояния от берега.

Но хотя ряд указов защищал суверенные права Норвегии и оговаривал права русских на рыболовство, торговлю и временные поселения в Финнмарке, оставалась одна важная проблема: отсутствие контролирующих институтов. Норвежского военного присутствия в Финнмарке было недостаточно для обеспечения суверенитета над этими землями. Соответственно задача поддержания существующего юридического режима была возложена на экспедиции, посылавшиеся в Финнмарк.

Эти экспедиции обеспечивали порядок лишь на несомненно норвежских территориях к западу от спорных округов. В дневнике Томаса Коноу содержится масса свидетельств того, что норвежский суверенитет в Финнмарке оспаривался российскими подданными по их собственной инициативе; с другой стороны, нет никаких данных о том, что российские власти выступали против юридического режима Финнмарка. Самым серьезным вызовом, вставшим перед экспедициями, было создание русских поселений. Впервые Коноу отмечает этот факт в своем дневнике по прибытии в Киберг 3 июля 1816 г. Эскадра заранее была предупреждена о том, что там построено множество домов. Коноу поражался тому, как русские сумели построить «целый город» в такой близости от крепости Вардёхус. В следующий раз он упомянул о русском поселении 10 июля, находясь у Хамнинсберга. Обитателям обоих поселений было приказано до осени разобрать свои дома.

Месяцем позже экспедиция обнаружила еще одно русское поселение. 11 августа в Гамвике старший лейтенант Кристи арестовал нескольких русских, построивших дома у гавани. На самом деле, они обладали законным правом землепользования, но строить дома им не позволялось. В тот же день Коноу проинспектировал в Берлевоге место, на котором прежде стоял склад. После того, как его снес некто Михаил Остров [Michalew Aasttroff], другой русский построил дом на его месте. Ему было приказано разобрать дом перед отбытием из Норвегии.

Когда экспедиция 23 августа прибыла в Ботсфьорд, выяснилось, что за лето русские построили там несколько новых домов, невзирая на прежние предупреждения. Эти дома было приказано снести на следующий же день, в противном случае дома были бы снесены десантным отрядом. И вооруженная шхуна, и куттер изготовились к бою. Из носовой пушки был сделан предупредительный выстрел, орудия на обоих кораблях были заряжены снарядами, рассчитанными на поражение живой силы. Русские на следующий день так и не начали разбирать дома, прислав вместо этого на вооруженную шхуну делегацию из трех человек. Они попросили проявить снисходительность и принесли подарки — хлеб и пряники. Но старший лейтенант Кристи остался непреклонен. Не дождавшись сноса до-

мов, в полдень он приказал высаживать десантный отряд из 28 человек, из которых половина имела оружие. Одновременно вооруженная шхуна навела свои орудия на русскую деревню. Лишь после этого русские послушались приказа и к шести вечера все дома были разобраны.

Строительство постоянных русских поселений, разумеется, рассматривалось как самая серьезная угроза норвежскому суверенитету. Согласно официальным положениям, русские не имели права строить дома и оставаться в Норвегии на зиму⁵¹. Военно-морские экспедиции выяснили, что самочинные русские поселения в первую очередь создаются на полуострове Варангер. Собственно, только там эти поселения и были зафиксированы, за исключением Гамвика на полуострове Нордкин. Заселение восточного Финнмарка русскими было прямым следствием развития рыболовства и торговли. Русские поселенцы в основном представляли собой рыбаков, реже — купцов, нуждавшихся в сухопутных базах, которые им разрешалось строить на летний сезон. Однако, нет особых сомнений в том, что незаконные поселения возникали вследствие общего экономического роста в регионе, отнюдь не являясь составной частью «колониационного» процесса, организованного или поощряемого центральными российскими властями, несмотря на то, что такие опасения вновь и вновь раздавались среди местного населения в северной Норвегии.

Развитие сезонного рыболовства

Как уже упоминалось, после Великой Северной войны сезонное рыболовство у побережья Финнмарка претерпело важные изменения. В нем стали участвовать жители других областей северной Норвегии и поморы, жившие по берегам Белого моря. Деревни Хаммерфест, Тромсё и Вардё к концу XVIII в. получили муниципальные привилегии (Вадсё — в 1833). Таким образом, развитие рыболовства и торговли способствовало общему экономическому росту в этой части страны. Однако рыбные промыслы не принесли с собой сколько-нибудь значительных изменений в Финнмарке вплоть до конца XIX в., главным образом из-за того, что рыбаки прибывали из России и из других частей северной Норвегии⁵². При этом исследователям неизвестны какие-либо существенные столкновения между норвежцами и русскими в XVIII в., поэтому конфликты, происходившие после 1814 г., рассматриваются как исключение⁵³.

51. Niemi, 1992. S. 20.

52. Trygve Solhaug. *De norske fiskeriers historie 1815–1880*. Vols. 1–2. Oslo, 1976.

53. Solhaug. I. 1976. S. 244, 273.

Город Хаммерфест считается первопроходцем в деле модернизации рыболовства на Крайнем Севере⁵⁴. Томас Коноу рисует живописную картину этого маленького городка, подчеркивая изобилие рыбы в окружающих водах. В море было полным-полно лодок, а улицы были настолько завалены рыбьими внутренностями, что с трудом удавалось удержаться на ногах⁵⁵. После завершения наполеоновских войн в 1815 г. доля норвежцев, занятых на этих рыбных промыслах, заметно сократилась, в то время как русские ничуть не уменьшили своей активности⁵⁶. Даже в 1820 г. сообщалось, что число русских рыбаков в этих водах постоянно возрастает⁵⁷. Однако и норвежское правительство, и местное население после 1814 г. воспринимали русское присутствие как угрозу, главным образом из-за изменения соотношения между норвежцами и русскими, а не из-за реального наплыва последних.

Леопольд фон Бух отмечает важную характерную черту русских, по большей части ускользавшую от внимания норвежских историков, а именно — «поразительную изобретательность и предприимчивость», которая составляла разительный контраст с беспорядочным подходом норвежцев в смысле методов рыбной ловли. Возможно, норвежцы были слишком бедны и могли ловить рыбу лишь на удочку поблизости от мест своего проживания, но помимо этого, многие из них были «ленивы, погрязнув в нищете и пьянстве». При этом русские не только отличались трудолюбием и настойчивостью, но и применяли гораздо более передовые методы рыбной ловли⁵⁸. Весной они ловили наживку, которую увозили в Россию, а летом возвращались для участия в собственно лове. В целом фон Бух был весьма впечатлен русской активностью в Финнмарке, хотя и разделял страхи норвежцев, тревожившихся за свое будущее. Йенс Ратке пришел в отношении русских к аналогичным заключениям.

Отсюда легко сделать вывод, что местные представления о русской угрозе были порождены в начале XIX в. конфликтами из-за рыбных промыслов. Сезонный наплыв русских с Белого моря и норвежцев с юга страны воспринимался местными жителями как вторжение. Более того, сезонные рыбаки использовали более передовые методы ловли, чем местное население. Местные жители ловили рыбу с берега, русские же, плавая на лодках, расставляли рыболовные снасти вдоль всего берега. Разумеется, улов местных рыбаков от этого сокращался. Принятые у саамов сложные и экологически сбалансированные принципы дележа пастбищ и распределе-

54. Ibid. S. 239.

55. Дневник Томаса Коноу, 24 июня 1816.

56. Solhaug. I. 1976. S. 257.

57. Budstikken, 1820. S. 153.

58. Ibid. S. 126, 151, 127.

ния других прав в XVIII веке постепенно отмирали⁵⁹. Томас Коноу отмечает резко возросшую эксплуатацию местных ресурсов и соответствующее давление, которому подвергалась саамская культура.

Датско-норвежские власти стремились регулировать русскую активность в Финнмарке с середины XVIII века. Согласно рескрипту 1747 г., русские не имели права ловить рыбу ближе чем в четырех морских милях от берега, а каждая рыбацкая лодка должна была платить налог. Однако, Томас Коноу пишет, что русские уклонялись от выплаты пошлины на рыбу, вывозимую в Россию⁶⁰. Развитие торговли и рыболовства в XVIII в. в конце концов обеспечило русским подданным определенные привилегии в Норвегии, известные как «кибергские права» и ученные в торговом договоре 1838 г. В соответствии с договором, русские рыбаки имели право на период рыболовного сезона устраивать в Киберге временную сухопутную базу. Норвежские рыбаки получили аналогичное право на мурманском побережье. Это свидетельствует о том, что и русские, и норвежские власти к тому моменту признали, что их подданные обладают определенными историческими правами на соседних территориях.

Поморская торговля

Термином «поморская торговля» называют коммерческую деятельность российских подданных — поморов, жителей побережий Белого моря, — которые летом прибывали в Финнмарк, ведя со своих кораблей торговлю с местным населением. Главным образом они продавали зерно, а также веревку и рыболовные снасти, покупая взамен норвежскую рыбу, шкуры и ремесленные изделия. Кроме того, торговали здесь и постоянно жившие купцы, а также велся бартерный обмен⁶¹. Рост поморской торговли являлся прямым следствием развития рыбных промыслов. Нет особых сомнений в том, что поморская торговля приносила пользу населению региона — многочисленные свидетельства говорят о том, что местные общины относились к ней крайне одобрительно. Большинство историков, писавших о поморской торговле, рассматривали это явление с местной точки зрения, поэтому и в источниках, и в исторической литературе она обычно подается в позитивном ключе⁶². Соответственно, существует тенденция игнорировать проблемы, свя-

59. Andresen, 1989. S. 24f.

60. Дневник Томаса Коноу, 10 июля 1816.

61. Ytreberg, 1940–1942. S. 482f.

62. N. A. Ytreberg. *Russehandelen i Troms — En brekkstang for frihandelen av 1789 // Historisk Tidskrift. 1940–1942; и Handelssteder i Finnmark // Historie, handelsliv, reise og fest. Trondheim, 1942.*

занные с этой торговлей, и отсутствие контроля за ней со стороны властей. Очевидно, что русские купцы создавали сложности главным образом для должностных лиц, но не для населения в целом.

В локальном плане эта торговля не влекла за собой никаких достойных упоминания конфликтов между норвежцами и русскими. Однако у датско-норвежских властей из-за нее время от времени могли возникать сложности вследствие ограниченной возможности следить за соблюдением законов о налогах и монопольных правах. Последние принадлежали купеческим домам Копенгагена, которые относились к поморской торговле с неприязнью. Основное впечатление, которое можно вынести из изучения исторических материалов, сводится к тому, что поморская торговля после 1814 г. служила важнейшим связующим звеном между Россией и Норвегией. И с норвежской, и с российской стороны границы жизнь населения зависела от этого обмена. И эта зависимость ставила власти в тупик — они не знали, как поставить поморскую торговлю под контроль, несмотря на несколько попыток полностью ее пресечь.

Йенс Ратке свидетельствует, что населению Финнмарка нравилось торговать с русскими и что рыбная ловля велась здесь с большим усердием, пока рыбу удавалось сбывать русским⁶³. Но он же указывает на ряд проблем, присущих торговле в Финнмарке. В частности, его тревожила крупномасштабная продажа крепких напитков и табака. Эти новые товары особенно негативным образом сказывались на образе жизни саамов. Леопольд фон Бух отмечал, что русские не всегда соблюдали правительственные постановления и норвежские законы. Но он же обращал внимание на популярность поморской торговли. Хотя русских купцов иногда обвиняли в мошенничестве, местное население всегда с энтузиазмом «ожидало прибытия русских»⁶⁴. По данным Саломона Крафта, объем поморской торговли в XVIII в. был относительно невелик. Настоящий прорыв наблюдается лишь после 1800 г.⁶⁵ Вследствие этого первые годы XIX века заслуживают особо пристального изучения. Томас Коноу подтверждает, что положения о торговле часто нарушались и что местные власти главным образом старались добиться соблюдения законов об экспорте и таможенных правил. Нарушение законов и положений было для них неприемлемо, но в то же время у них не было возможности повлиять на торговцев.

Монополию на торговлю в Финнмарке в 1681 г. получил ганзейский город Берген. Но бергенские купцы утратили свои привилегии в 1715 г. За этим последовал период практически свободной торговли на севере, продолжавшийся до 1728 г. С того времени

63. Rathke, 1907. S. 146.

64. Budstikken, 1820. S. 125–128.

65. Kraft, 1968. S. 13.

монопольные права были дарованы купеческим домам Копенгагена, которые сохраняли свои привилегии вплоть до либерализации торговли в 1789 г.⁶⁶ Кроме того, в Финнмарке велась и королевская торговля. Однако, следить за соблюдением монопольных прав в крайнем северном регионе королевства оказалось невозможно. С одной стороны, обладавшие монопольными правами городские торговые дома стремились избавиться от конкуренции со стороны русских, поскольку она подрывала их экономическое положение. Но с другой стороны, для рыбацких общин непосредственная торговля с русскими была чрезвычайно выгодна. Поскольку местные жители зависели от русских товаров, им волей-неволей приходилось нарушать законы и правила⁶⁷.

Отдаленность Финнмарка влекла за собой отсутствие реальной альтернативы импорту зерна из России. Поморская торговля временами становилась даже жизненно необходимой для населения Крайнего Севера⁶⁸. Поэтому она была в 1787 г. легализована, с одновременным аннулированием существовавших торговых привилегий. Согласно новому постановлению от 1796 г., на период с 15 июля по 15 августа дозволялась прямая торговля между местными рыбаками и русскими купцами. Впоследствии вплоть до 1814 г. прямая торговля развивалась беспрепятственно.

Зависимость северной Норвегии от торговли с Россией в полной мере проявилась во время британской блокады, последовавшей за войной 1807 г. Начиная с 1809 г. прямая торговля между норвежцами и русскими в Финнмарке разрешалась почти без всяких ограничений. Однако в 1814 г., с окончанием войны, это разрешение было отменено⁶⁹. Отправка военно-морских экспедиций, в частности, служила цели восстановить ограничения на прямую торговлю. Но уже в 1818 г. правительству пришлось отказаться от этих попыток, и прямая торговля была снова либерализована. Одной из задач, порученных финнмаркским эскадрам, был надзор за соблюдением таможенных правил, и Коноу отмечал в своем дневнике, что русские не платили пошлин⁷⁰. Летом 1816 г. эскадру поставили в известность о том, что, согласно новому королевскому указу, русские не должны платить пошлин на товары, вывозимые из Норвегии, однако им следует предъявлять на таможне свои грузы.

66. Bruk av land og vann i Finnmark i historisk perspektiv. Bakgrunnsmateriale for Samerettsutvalget. NOU. No. 21. 1994. Part V; Einar Niemi. Østsamene — ressursutnyttelse og rettigheter. S. 238f.

67. Solhaug. I. 1976. S. 258ff.

68. Selnes, 1972. S. 209; Randi Rønning Balsvik. Vardø: grensepost og fiskevær. Vardø Town Council, 1989. S. 36.

69. Solhaug. I. 1976. S. 246.

70. Дневник Томаса Коноу, 1 июля 1816.

В целом, особенности поморской торговли делали соблюдение официальных требований крайне непростой задачей. Жители этого региона, независимо от подданства, фактически создавали у себя самодостаточную экономику с участием взаимозависимых сторон. Кроме того, в Норвегии наблюдались конфликты интересов между местным населением, местными торговыми домами, торговыми домами, получившими королевскую привилегию, и центральными властями. Успех усилий по консолидации страны, предпринимавшихся после обретения Норвегией независимости в 1814 г., по сути зависел от разрушения юридическими и силовыми методами транснациональной экономики на северной периферии Норвегии и России. Но эту задачу удалось бы решить лишь в случае появления альтернативных источников снабжения и рынков, составляющих основу для экономических транзакций. Поэтому было крайне затруднительно наладить пограничный контроль, имеющий целью разрушение местной экономики, во многих отношениях представлявшей собой единое целое.

Заключение

Одним из отправных пунктов для данного исследования являлось выдвинутое историками, и не только ими, мнение, что идея о русской угрозе представляла собой политическую фикцию, взятую на вооружение норвежской социальной элитой с середины XIX в. Утверждается, что эта идея была совершенно чужда населению Финнмарка, имевшему давние и тесные связи с Россией. После завершения Холодной войны этот подход породил идилическую тенденцию, свойственную историческим работам об отношениях между Россией и Норвегией на Крайнем Севере. Другой отправной точкой служило намерение определить характер конфликтов на севере с целью выяснить, существуют ли какие-либо элементы преемственности по отношению к текущей ситуации.

Как мы видим, четко выраженные конфликты интересов между различными группами жителей Крайнего Севера существовали задолго до возникновения идеи о российских экспансионистских замыслах. Протекционистские меры, применявшиеся норвежскими властями, были вызваны поведением российских подданных до и после 1814 г. Соответственно в основе этих мер лежало не столько свойственное политической элите ощущение русской угрозы, сколько всевозможные банальные конфликты, возникавшие по поводу рыболовства, торговли и незаконных поселений. У норвежских властей не было особых причин считать, что инциденты на Крайнем Севере вызваны экспансионистскими замыслами российского государства. Эти конфликты рассматривались как неизбежное следствие экономической деятельности в почти ненасе-

ленном, неразвитом, неисследованном и не подчиняющемся законам регионе, который к тому же оказался богат естественными ресурсами⁷¹.

Норвежское правительство продемонстрировало заметную решимость в стремлении укрепить свои позиции в Финнмарке. Военно-морским экспедициям предписывалось использовать все необходимые меры для защиты национальных интересов, и те без колебаний исполняли этот приказ. Учитывая крайнее неравенство сил между Норвегией и Россией можно предположить, что русские предприняли бы решительные контрмеры, если бы их стратегические замыслы натолкнулись на сопротивление слабого в военном отношении соседа. Но этого не произошло. Причина, вероятно, была в том, что российское правительство мало интересовалось Крайним Севером, тем самым предоставив Норвегии полную свободу действий.

Военно-морские экспедиции в Финнмарк предпринимались в момент зарождения нескольких конфликтов, связанных с установлением суверенитета над Арктикой и ее экономическим использованием. Проникновение на Крайний Север, происходившее в XIX и XX вв., порождало новые трения. Российские подданные первыми покусились на норвежские рыболовные интересы и территориальные права в этом регионе, однако со второй половины XIX в. наблюдается появление новых игроков, проникавших и на национальные территории, и на ничейные земли (*terra nullius*) Крайнего Севера: свои претензии заявляли рыбаки, охотники, старатели, шахтеры, исследователи и ученые из многих стран. Однако, до самой Первой Мировой войны в регионе не происходило вооруженных конфликтов — случались лишь инциденты, требовавшие применения обычных полицейских мер. Парижская конференция 1920 г. признала права Норвегии на архипелаг Шпицберген, но поскольку все стороны, подписавшие договор, получили полное право на эксплуатацию природных ресурсов архипелага, вплоть до Второй Мировой войны никаких серьезных политических конфликтов в связи с этим не возникало. Заявленные в 1921 г. претензии советской власти на двенадцатимильную ширину территориальных вод и аннексия всех сухопутных земель между Северным полюсом и северным побережьем России в 1926 г. создали проблемы для рыбаков и охотников, лишившихся доступа к традиционным рыболовным и охотничьим угодьям на кольском берегу до горловины Белого моря и в Арктике.

Пирьо Саариниemi утверждает, что невзирая на обширные контакты, географическую близость и сходные условия проживания, «материальные и нематериальные культуры» норвежцев и помо-

71. Nielsen, 1991.

ров «тем не менее принципиально отличаются друг от друга»⁷². Томас Коноу оставил нам красочные рассказы о том, как норвежские офицеры столкнулись с этими различиями в менталитете, образе жизни и культуре. Хотя в современной исторической литературе культурным различиям почти не уделяется внимания, в исторических источниках они то и дело бросаются в глаза. Можно сказать, что хотя в начале XIX в. между двумя странами не существовало государственной границы, между различными народами региона тем не менее пролегали заметные культурные «границы».

В целом данное исследование показывает, что в основе русско-норвежских конфликтов в Финнмарке и в спорных округах лежали не абстрактные или иррациональные идеи об угрозе со стороны соседа, а достаточно банальные разногласия в отношении прав и границ. Проникновение на ничейные территории порождало новые контакты между различными этническими группами и культурами. Однако никаких серьезных конфликтов между российским и норвежским правительствам не возникало до Второй Мировой войны, когда министр иностранных дел СССР Молотов заявил о непризнании норвежского суверенитета над Шпицбергенем. Поэтому было бы нелогично анализировать отношения между русскими, норвежцами и саамами на Крайнем Севере лишь с точки зрения международных отношений и вопросов безопасности. Честный исследователь должен относиться к заявлениям о тысяче лет мира и дружбы как к таким же «сфабрикованным мифам», что и миф о «русской угрозе».

В данном регионе весьма четко просматривается один из исторически сложившихся механизмов возникновения конфликтов. Последние неизменно следуют за открытием новых ресурсов и внедрением выгодных методов их эксплуатации. Суть проблемы часто состоит в том, что эти ресурсы находятся в регионах, где местная власть слаба или вовсе отсутствует. Поэтому разработке ресурсов зачастую сопутствует заявление прав на соответствующие сухопутные и водные территории либо их аннексия.

Возможно, при более пристальном изучении мы выявим еще одну закономерность. Регион, рассматриваемый в данной статье, был затронут Первой Мировой войной, но отнюдь не в связи с местными конфликтами из-за границ и ресурсов. Конфликты в Арктике, происходившие в межвоенный период, не влекли за собой серьезного резонанса в международных отношениях. Однако политическая конфигурация, сложившаяся во время Второй Мировой войны и в ходе Холодной войны, превратила Арктику в регион геостратегической конфронтации, когда даже решение тра-

72. Pirjo Saariniemi. Kulturdialog mellom Nord-Russland og Nord-Norge i nyere tid, ca. 1800–1917. Etnokulturelle kontakter på nordkalotten // Nielsen and Opeide, 1994. S. 97.

диционных конфликтов по поводу границ и ресурсов приходилось искать в рамках многосторонней системы безопасности. После падения Берлинской стены аспекты безопасности на Крайнем Севере отступили на второй план, и можно предположить, что в регион вернулась история. Очередные конфликты отныне решаются на двусторонней основе, но вполне может быть, что рано или поздно ситуация снова изменится.

Перевод Николая Эдельмана

~

ПОЛ ДЬЮКС

РОДЕРИК МЕРЧИСОН НА УРАЛЕ

Родерик Импи Мерчисон родился 19 февраля 1792 г. в Таррадейле на острове Блэк-Айл в шотландском графстве Россшир. Хотя Мерчисон до конца жизни гордился своими древними шотландскими корнями и неоднократно бывал на родине, одним из его первых воспоминаний, относящимся к четырехлетнему возрасту, стал отъезд из Шотландии по причине слабого здоровья отца, а говорил он с английским акцентом. Отец вскоре умер, а мать Мерчисона вернулась в Эдинбург, где снова вышла замуж. В шестилетнем возрасте Родерика отправили в гимназию в Дареме, где он проучился шесть лет, прежде чем начать армейскую карьеру. Он участвовал в кампаниях против наполеоновских войск на Пиренейском полуострове, а в 1815 г. после заключения мира вышел в отставку. Прожив несколько лет в сельском поместье, Мерчисон избрал себе новое — научное — поприще, всерьез занявшись геологией.

Впервые посетив Россию в 1840 г., Мерчисон уже имел солидную репутацию и много путешествовал по свету. Всего год назад издав двухтомный труд «Силурийский период», он стремился найти в хорошо сохранившихся горных породах доказательства последовательности геологических периодов от карбона через девон к силуру, выявленной в британских регионах, сильно пострадавших от «природных конвульсий», по его собственному выражению. Получив по пути ряд полезных советов от своих прусских коллег, Мерчисон и французский геолог Эдуард де Верней прибыли в Санкт-Петербург, где их встретил начальник таможни. Как пишет Мерчисон, «наш багаж любезно пропустили и опечатали императорскими печатями, благодаря чему я мог бы вывезти контрабандой мамонта»¹.

1. Archibald Geikie. Life of Sir Roderick I. Murchison. 2 vols. London, 1875. I. 295. См. также: Robert A. Stafford. Scientist of empire: Sir Roderick Murchison, scientific exploration and Victorian imperialism, London, 1989; Ap-

Из Петербурга оба геолога в сопровождении русских коллег выехали на север, в свою первую исследовательскую экспедицию.

Весной 1841 г. Мерчисон и Верней вернулись в Санкт-Петербург, где их снова ожидал любезный прием. Несколько раз им давал аудиенцию сам император Николай I, расспрашивавший Мерчисона о том, что тот уже видел и еще собирался повидать. Шотландец рассказывал царю «о своем глубоком интересе к строению страны, вся северная часть которой сложена из слоев, долгие годы изучавшихся мной в Европе с целью классифицировать их и выявить их последовательность; о том, как я был поражен колоссальным размахом этих слоев в России и как получил при их исследовании те доказательства, которых не найти в западных странах»². Кроме того, Мерчисон объяснил, почему уголь следует искать на юге, но никак не на севере. После ряда светских визитов и посещения Горного училища шотландский и французский геологи в компании прибавочного немца графа Александра фон Кайзерлинга, лейтенанта Кокшарова и других русских отправились в новую экспедицию, конечной целью которой являлся Урал.

Основное место в своем дневнике Мерчисон уделял горным породам, но встретив партию кандалыков, пешком бредущих в Сибирь, он отметил: «Благодарение Богу, у нас в Англии дорогой на каторгу служит море, ибо такие сцены весьма тягостны». (В другой раз он пишет в более широком смысле: «Русак — несомненно, лучший сухопутный колонист в мире. Мы же льстим себе, называя себя лучшими морскими колонистами»³). Потрясение от встречи с узниками сменилось разочарованием при виде гор. «Хотя я представлял себе Урал как горную цепь, — признается он, — в реальности мы перемахнули через него галопом». Невысокий водораздел между Европой и Азией показался ему монотонным⁴.

Экспедиция столкнулась с двумя проблемами; первая имела естественный характер, вторая была вызвана человеческим фактором. Во-первых, при отсутствии «природных конвульсий» слои горных пород не подвергались почти никаким воздействиям и залегали горизонтально, подобно слоям ткани, расстеленной на столе. Во-вторых, как сетовал сам Мерчисон, «будь я императором России, то определенно заставил хотя бы тысячу своих бездельников-офицеров купить свои расшитые мундиры и составить мне хо-

хипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. Пермь, 1971; Шацкий Н. С. Р. И. Мурчисон. М., 1941; Roger Bartlett. Graf Alexander Keyserlings Beziehungen zum russischen Kaiserhof // Michael Schwidtal, Jaan Undusk (eds.). Baltisches Welterlebnis: Die kulturgeschichtliche Bedeutung von Alexander, Eduard und Hermann Graf Keyserling, Heidelberg, 2007. S. 25–40.

2. Geikie. I. 319.

3. Цит. по: Robert A. Stafford. Scientist of empire. P. 14.

4. Geikie. I. 329.

рошую карту или же отправляться изучать физическую географию в Восточную Сибирь». Приличной карты не нашлось ни в Нижнем Новгороде, ни в Костроме. «Если так обстояло дело в сердце России, то стоит ли ожидать, чтобы здесь, на Урале, даже самые осведомленные туземцы имели какое-либо представление о своем сильно расчлененном и многообразном крае?» — задается он вопросом. — «Россия должна позаботиться о географах, прежде чем в ней смогут работать геологи»⁵.

В июле, с огромными трудами преодолев болотистые леса, примыкавшие к Уралу, члены международной экспедиции вышли к Качканару — «настоящей горе», по словам Мерчисона. С ее вершины можно было видеть уходящие к западу темные сосновые леса, над которыми кое-где поднимались, подобно островам, заснеженные вершины, а на востоке простирались обширные равнины Западной Сибири, также подобные морю, безбрежному и однообразному. Мерчисон пишет, что обучил русских участников экспедиции новому национальному гимну вместо «нашего старого God save the King, который они пели со времен Петра Великого». Когда он напел новый гимн, «музыка Львова впервые прозвучала над западными границами Сибири»⁶.

Затем участники экспедиции приступили к крайне захватывающей и поучительной, по словам Мерчисона, работе, изучая реки, в ходе горных разработок отведенные в новые русла. При содействии местного населения и властей путешественники спустились вниз по нескольким рекам и ради проведения научных исследований забирались в труднопроходимую местность, в глубокие ущелья, пролегающие через известняки девонского и каменноугольного периодов. Пока экспедиция плыла вниз по реке, лодочники пели о своих конфликтах с хозяевами и *исправниками*, якобы продающими им плохую водку. Далее Мерчисон рассказывает:

«Еще они исполняли мелодичные, заунывные песни о любви, так непохожие на то, что пели бы наши грубые [британские] соотечественники. Без горячительных напитков, питаясь только черным хлебом, работая в мокрой одежде, поскольку им постоянно приходилось подталкивать лодку, стоя по колено в воде, они пели вирши наподобие следующих, переведенной нам Кокшаровым:

Моя возлюбленная живет на берегу быстрого ручья,
И когда она идет в сад сорвать розу, то думает обо мне.

Другие из этих виршей начиналась так: „Мария, выйди из бередки“. Еще они пели комическую песню о явившемся в дом пьяном солдате. Четвертая была застольной песней крестьян в кабаке,

5. Geikie. I. 330–331.

6. Geikie. I. 335.

о том, какую дрянь им спаивает хозяин, со знаменитым громким припевом, который дружно подхватывали хором все лодочники»⁷.

В Екатеринбурге в честь экспедиции было устроено пиршество со множеством изысканных блюд и с дорогими винами, причем после последнего бокала шампанского вся стеклянная посуда полетела на улицу. В благодарственной речи Мерчисон попросил отдать ему осколки разбитого бокала, чтобы он в Англии мог прикрепить их к серебряной пластине с выгравированными на ней словами благодарности⁸.

Побывав на гористом северном Урале и на равнинах среднего Урала, путешественники попали в южноуральские степи — голые, пустынные и негостеприимные места, где вместо дров использовали кизяк, а в бедных селениях встречались киргизы и калмыки в военной форме. Местные башкиры были недовольны изысканиями геологов и говорили им: «Копайте свое золото сколько хотите, но ради бога, оставьте нам кости наших предков!» И тем не менее, отмечает Мерчисон, местные жители были столь гостеприимны, что «позволяли нам в поисках чайных ложек и хлеба залезать в буфеты, где на самом виду лежали банкноты и рубли!» Вообще же приходилось пить не столько чай, сколько кумыс⁹.

Экспедиция, нагруженная блокнотами и образцами из силурийских, девонских и каменноугольных слоев, после финального перехода к югу от Оренбурга покинула Урал. Она посетила берега Каспия, черноземные губернии и Донецкий угольный бассейн, после чего через Москву вернулась в Санкт-Петербург. Мерчисон был награжден крестом ордена Св. Анны второй степени с алмазами, а Верней — простым крестом. Император Николай во время прощальной аудиенции проявлял большой интерес к углю, золоту и другим полезным ископаемым¹⁰.

В целом, благодаря экспедиции, продолжавшейся семь месяцев, Мерчисон как геолог приобрел в России такую же репутацию, какой пользовался Паллас как ботаник¹¹. Мерчисон вместе со своими сотрудниками нашел силурийские слои на новых территориях и выявил новый геологический период — пермский. Шотландец еще больше укрепил свою репутацию, вместе со своими коллегами — французом Эдуардом де Вернеем и прибалтийским немцем Александром фон Кайзерлингом, — составив грандиозный двухтомный труд «Геология европейской части России и Уральских гор». Это предприятие потребовало дальнейших путешествий и исследований на материке. В это время Мерчисон получил большую

7. Geikie. I. 340.

8. Geikie. I. 340–341.

9. Geikie. I. 342–343.

10. Geikie. I. 352.

11. Geikie. I. 355.

вазу из сибирского авантюрина с вырезанной на ней благодарностью императора по-латыни; подставкой вазе служила стальная пластина с надписью по-русски, в которой Мерчисону выражалось признание от горного министерства. Вообще Мерчисон любил такие подарки и почести, и ему понравилось, когда один из друзей обратился к нему как к «дорогому и достойному графу Силуровскому-Ураловскому»¹².

Летом 1844 г. Мерчисон пересек Балтику и Финляндию, чтобы встретиться с Кайзерлингом и вручить императору золотую медаль в честь недавнего визита Его Величества в Великобританию. Мерчисон обещал императору по возвращении домой выступить в роли адвоката его польской политики¹³. В 1845 г. Мерчисон снова приехал в Петербург, на этот раз в сопровождении Вернея, намереваясь представить императору двухтомную работу, написанную ими совместно с Кайзерлингом. Николай, оторвавшись от работы над реформой уголовного кодекса, нашел время для аудиенции, во время которой заявил, что ответственен только перед Богом и никогда не изменится ради того, чтобы ублажить журналистов, которых он называл *канальями*, прибавляя: «Нет, я никогда не стану править как король Франции или король Англии; ваши народы живут в совершенно других условиях, и то, что для вас будет хорошо, нас погубит». Мерчисон снова предложил императору свои услуги как в деле расширения научных знаний, так и в борьбе с его врагами. Император поблагодарил его и расцеловал в обе щеки¹⁴.

Пусть Мерчисону льстили царское внимание и полученные почести, но следует отметить, что в предисловии к «Геологии европейской части России» он со своими соавторами выразил дань благодарности за «сердечное гостеприимство и щедрую помощь со стороны всех классов России» такими словами: «Обращаясь к характерной черте национального московитского характера — воле, не признающей преград, — авторы считают своим долгом упомянуть, что на нетерпеливое „Вперед!“ туземцы неизменно отвечали бодрым *«Можно!»* И в самом деле, посредством этого магического слова Россия воздвигла на берегах Москвы и Невы монументы, ничем не уступающие величайшим свершениям древних и нынешних времен.

Среди таких людей невозможно столкнуться ни с какими настоящими трудностями. Если ломается мост, его восстанавливают каким-то волшебством. Сухое русло на глазах путешественников

12. Geikie. II. 1, 13, 210. Лондонский Музей геологии вернул вазу в Санкт-петербургский Эрмитаж. Табакерка с бриллиантами, врученная Мерчисону Николаем I, по-прежнему находится в хранилище Музея геологии.

13. Geikie. II. 32, 37.

14. Geikie. II. 43–45.

чудесным образом превращается в судоходную реку. Там, где вода стоит слишком низко, атлетические крестьяне бодро перетаскивают судно через камни, сопровождая свой труд веселыми песнями. В жару и в мороз, в сушь и под дождем — ни разу мы не слышали недовольного ропота от этих решительных людей. Из их уст раздавалось лишь одно слово — «*Можно!*»

Предисловие завершалось такими словами: «Авторы еще раз просят у достославного Монарха тех просторов, строение которых они пытались описать, и у всех Его верных подданных, с которыми им приходилось иметь дело, дозволения выразить свою искреннюю преданность и непреходящую благодарность»¹⁵.

Данная статья служит лишь кратким введением в освещаемую тему. Дополнительные материалы можно найти в нескольких архивах Лондона и других городов.

Перевод Николая Эдельмана

15. Geikie, I, XVI, включая примечание.

А. Ю. БЕНДИН

РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
И КОНФЛИКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

К началу XX столетия Северо-Западный край Российской империи характеризовался особенным религиозно-этническим многообразием среди других регионов Российской империи¹. Отношения, складывавшиеся между приверженцами различных конфессий и общин, нередко приводили к конфликтам, делавшим этот край проблемным религиозным пространством, наряду с Царством Польским, Юго-Западным краем и Поволжьем. Ведущее ме-

1. Северо-западный край включал в себя губернии — Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилёвскую. По определению профессора Н. И. Петрова, во второй половине XIX в. Белоруссия как регионально-этнический феномен включала в себя Могилёвскую и Витебскую губернии, за исключением трёх уездов последней — Динабургского, Люцинского и Режицкого. Белорусы проживали также в губерниях Минской и Гродненской, за исключением южных уездов, населённых малороссами, в большей части Виленской губернии, за исключением её северо-западного региона, и в Смоленской губернии. В этническом отношении народонаселение региона выглядело следующим образом: славян русских 3.474.883, поляков 744.410, литовцев 2.295.300, евреев 1.200.522, немцев 149.020, татар 14.839; разных народностей 74.598, всего — 7.953.573. Вероисповедный состав населения Северо-Западного края включал в себя: православных (со старообрядцами) 3.699.995 или 49,3 %; католиков 2.677.619 или 34,2 %; иудеев 1.200.522 или 15 %; прочих вероисповеданий 105.437 или 1,5 % (Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб, 1890. С. 1, 373; Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Выпуск второй / Составил и издал С. Шолкович. Вильна, 1887. С. XXXV).

сто в сложной системе межрелигиозных отношений на территории края занимали отношения между католичеством и православием, имевшие долгую историческую традицию. С включением белорусско-литовских земель в состав Российской империи на её западных окраинах на протяжении XIX — начала XX вв. происходила сложная борьба за установление политических, конфессиональных и этнолингвистических границ. Противоборство, в котором столкнулись интересы российского правительства и Православной церкви с одной стороны, и интересы польского национального движения и Католической церкви, с другой, после подавления польского восстания 1863 г. продолжилось в новых формах и в новых социальных условиях пореформенного развития. Задачами правительства в этот период становились ограничение миссионерского потенциала католического духовенства и ослабление позиций католической церкви в крае. Модернизация законодательства о веротерпимости в форме указа от 17 апреля 1905 г. поставила религиозных соперников в условия, которые должны были устранить причины религиозных конфликтов, вызванные государственным принуждением в выборе веры и административными ограничениями деятельности католического духовенства.

Целью предлагаемого исследования является попытка выяснения, почему расширение религиозной свободы не привело к ослаблению межконфессиональных противоречий в Северо-западном крае? Почему реакция части католического духовенства и мирян на новый религиозный закон оказалась совершенно неожиданной для правительства и Православной церкви? И, наконец, почему исполнительная власть не смогла добиться точного исполнения указа в католических епархиях? Ответы на поставленные вопросы требуют предварительного рассмотрения той религиозно-этнической ситуации, которая сложилась в Северо-Западном крае после восстания 1863 г.

Аккумуляция проблем в конфессионально-этнических отношениях Северо-Западного края.

Восстание 1863 г. показало правительству, что действия и мотивы отдельных групп католического духовенства перестали соответствовать своим религиозным целям и приобрели радикальный политический характер. Деятельность этих священнослужителей была связана с пропагандой восстания, разжиганием религиозной и этнической розни, созданием антиправительственных вооружённых формирований, посягательством на целостность Российской империи. Участие ксендзов и монашествующих в восстании в качестве непосредственных участников и лидеров мятежников, повлекли за собой аресты и казни духовных лиц, виновных в го-

сударственных преступлениях, закрытие в административном порядке ряда монастырей и многих десятков костёлов и часовен. Католические костёлы, как правило, вместе с церковным имуществом передавались в ведение православного ведомства, а затем пересвящались духовенством в православные храмы. Защита национальной польской идеи в форме вооружённой борьбы и противоправная миссионерская деятельность отдельных групп духовенства привели к тяжёлым негативным последствиям. В результате предпринятых чрезвычайных мер по закрытию костёлов и монастырей, позиции католицизма на территории края, — религиозные, социальные, экономические и этнокультурные, — к началу 1870-х гг. были значительно ослаблены².

Анализируя причины восстания, администрация генерал-губернаторов края М. Н. Муравьёва — К. П. фон Кауфмана — Э. Т. Баранова (1863–1868) исходила из убеждения, что местный католицизм исторически представлял собой явление религиозное, этнически и политически враждебное «православию и русской народности». Следовательно, миссионерская экспансия католического духовенства на западнорусских землях рассматривалась как деятельность, преследовавшая религиозные и политические цели — вытеснить традиционное православие с его канонической территории, с последующим «окатоличиванием» и «ополячением» местного славянского населения. Развернутая идеологическая концепция, характеризующая позицию администрации в отношении местного католицизма, содержится в материалах Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства Северо-Западного края, созданной при генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане в Вильно в 1866 г.

В записке о деятельности этой комиссии, составленной А. Стороженко, в частности отмечалось: «Особенность здешнего католицизма заключается в его политическом характере и в стремлении к расширению и религиозной пропаганде... Католицизм с первого появления его в здешнем крае явился главнейшим рычагом и пособником полонизма. Это обусловило политическую враждебность русскому государству и русским началам... Это определило особую религиозную враждебность здешнего католицизма к православию... Католицизм Северо-западного края давно переступил за пределы свои как религия. Политически враждебная деятельность его против России, фанатическая нетерпимость и пропаганда против православия не требуют доказательств. Ввиду этого, не обязано ли государство сдерживать католицизм в законных границах и, не касаясь его сущности как религии, не посягая на его догматы — изъять

2. Российский государственный исторический архив. Далее: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62–68; Брянцев П. Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 67; Комзолова А. А. Политика самоуправления в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 95.

из него и преобразовать в нем все, что он включил в себя враждебного и антигосударственного?»³.

Такая оценка конечных результатов католической миссии, подготовившей религиозно-этническую мобилизацию повстанцев 1863 г., позволяла сделать вывод о том, что ревностная приверженность к католицизму значительных групп населения явилась необходимым идеологическим условием, без которого антирусское восстание на этих традиционно русских землях было бы невозможно. Сохранение же в существующем виде силы, влияния, масштабов и методов распространения католической веры на территории края представлялось политически опасным. Администрация исходила из того, что сформированный местной католической традицией антиправительственный и миссионерский потенциал местного духовенства несёт в себе реальную угрозу возникновения новых сепаратистских выступлений и требует введение системы соответствующих ограничительных мер⁴.

Одним из эффективных инструментов социального производства польской этничности стала миссионерская работа духовенства по обращению белорусов — православных и униатов (католиков восточного обряда) в католичество (латинского обряда). Созданные в результате церковной миссии католические приходы, находившиеся среди белорусского униатского, а затем и православного населения, принадлежавшего к «русской вере», становились точками роста и формирования польского этнического самосознания прихожан, никогда не являвшихся этническими поляками. Отождествление католицизма с польской идентичностью, осуществляемое духовенством в жизни приходов, применение польского языка в проповеди, дополнительном богослужении, в молитвословах, а значит, и в повседневной молитвенной практике, конструировали новое этническое самосознание бывших приверженцев «русской веры». Происходила трансформации традиционного русского культурного кода и превращение его в иноэтничный, польский. Новый культурный код в форме национального языка, поведенческих и ценностных стереотипов был усвоен, прежде всего, местной элитой, — помещиками и шляхтой, что придавало польской идентичности, а, следовательно, и католичеству высокий социальный престиж среди крестьянского населения⁵.

3. Государственный исторический архив Литвы. Далее ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 134с. Л. 64.

4. Политические записки графа М. Н. Муравьёва // Русский архив. 1886. № 6. С. 187–199; Граф М. Н. Муравьёв. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём польского мятежа 1863–1864 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134–139; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Лл. 9–56; Ф. 378. Оп. 1866. Д. 134с. Лл. 62–63.

5. «Католическая вера... есть действительно вера „панская“, а православие «вера хлопская»» (Миловидов А. И. Меры, принятые графом М. Н. Муравьёвым).

Территориально-контактная среда и жесткая централизация управления способствовали формированию высокого уровня внутренней церковной сплочённости католических общин. Эти приходы, находившиеся среди белорусского униатского, а после 1839 г., православного населения, являлись эффективной формой организации религиозной жизни прихожан, интегрируя иноэтничных представителей различных сословий в новую конфессионально-этническую общность. В таких приходах структура народной жизни все больше определялась польской церковной традицией. Тем самым принадлежность к Католической церкви способствовала формированию новой этнической самоидентификации прихожан, а местный католицизм приобретал тем самым, этноцентрический польский характер. Католические приходы стали тем традиционным религиозным институтом, который формировал новые этнические традиции, осуществлял межпоколенную преемственность этих традиций и обеспечивал действенный социальный контроль над их соблюдением. Инструментами такого контроля со стороны духовенства были, по словам А. И. Миловидова: «Костел, конфессионал, кафедра, кляштор и школа»⁶.

Политика правительства в решении вопроса об отношении к местному католицизму заключалась в том, чтобы, не отказываясь от соблюдения правовых норм веротерпимости, разъединять исторически сложившуюся сопряжённость религиозных и национально-политических задач, характерную для деятельности части католического духовенства в Северо-Западном крае, и вводить эту деятельность в сугубо религиозное и законопослушное русло. Политическим инструментом такого разъединения стала практика администрирования, особая сложность применения которой заключалась в том, чтобы при осуществлении мер ограничительного характера не давать повода латинскому духовенству и местному населению для обвинения правительства в противозаконном преследовании католической веры⁷.

В дополнение к существующим законам, регулировавшим деятельность Римско-католической церкви, в Северо-Западном крае вводился ряд административных распоряжений, которые ограничивали религиозное влияние духовенства на канонически подвластное ему население. Необходимость таких мер мотивировалась тем, что духовная власть этого духовенства в условиях конфликта легко трансформируется в политическую, которая может стать конкурентом государственной власти в Северо-Западном

ёвым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. С. 17).

6. Там же. С. 5.

7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Далее: ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 23–28; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 5.

крае. Опыт восстания свидетельствовал, что ревностная религиозная приверженность духовенства и мирян к польскому католицизму стала для многих из них препятствием для законопослушания и политической лояльности к российской монархии. Поэтому введённые ограничения ритуально-обрядовой составляющей римско-католического культа, система штрафов, контроль за передвижениями духовенства, назначением его на приходы и административные церковные должности были вызваны чрезвычайными политическими причинами и не исходили непосредственно из действовавших правовых норм веротерпимости.

Эти административные меры ставили своей целью противодействие формированию политической оппозиционности и противоправной миссионерской активности католического духовенства в условиях, когда легальные меры регламентации поведения этого духовенства представлялись недостаточными и неэффективными. Цель нового политического курса по отношению к местному католицизму заключалась в том, чтобы с помощью чрезвычайных мер восстановить в крае законность и правопорядок. И, прежде всего, в той сфере, которая относилась к защите прав и привилегий господствующей Православной церкви, оказавшейся неспособной, в силу польского противодействия, противостоять расширению католической экспансии в дореформенный период. Введённые ограничения носили долговременный характер и, за известными исключениями, продолжали действовать в крае вплоть до начала XX столетия⁸.

Указанные распоряжения административных властей явились составной частью политики системной русификации, или обрушения Северо-Западного края, осуществляемой правительством с целью упразднения социокультурного, религиозного и экономического доминирования польского католического меньшинства над православным крестьянским большинством. Предполагалось, что осуществление этой политики существенно сократит степень воздействия Католической церкви на местное население и ослабит постоянную угрозу польского сепаратизма на западных окраинах Российской империи⁹.

Религиозной составляющей политики обрушения края стала государственная поддержка миссии Православной Церкви, предпо-

8. ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5. Д. 748. Лл. 1–3 об; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–9; Ф. 378. Оп. 1877. Д. 13. Лл. 18, 33.

9. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3. Дела политического отделения; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 66. Л. 48 об.; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 97. Л. 6; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 64; Миловидов А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьёва для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 34; О всеподданнейших отчётах по политическому отделу за 1865 г., представленных государю императору // ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Лл. 18, 33, 50 оборот; Национальный исторический архив Беларуси (Далее: НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58.

лагавшей её территориальный рост, активное строительство новых храмов и расширение этнических границ «русской народности» — белорусов, путем обращения католиков в православие. Опыт восстания убедил правительство, что приверженность белорусов к Русской церкви является своего рода иммунитетом против социальной и национальной пропаганды польских сепаратистов. Политика обрусения населения с экономической, социальной и культурной точек зрения преследовала общую цель — модернизацию региона и системную интеграцию его в состав Российской империи. Усиление позиций Православной церкви в западных епархиях, наряду с территориальным расширением её границ, должно было способствовать ускорению религиозной интеграции белорусской паствы в конфессионально-этническую общность большого русского народа состоявшего из православных белорусов, малороссов и великороссов. Следует отметить, что понятие русский, бытовавшее в этот период, не являлось этнонимом в своем прямом значении. Для этого понятие было характерно не узкоэтническое, а конфессиональное содержание, делавшее его инклюзивным, расширительным.

Согласно традиционным представлениям, существовавшим до первой советской переписи населения 1926 г., все этнические группы, принадлежавшие к Православной церкви — малороссы, великороссы и белорусы — считались русскими. Поэтому понятия «русский» и «белорусский» не исключали друг-друга, а наоборот, являлись синонимами. Они накладывались один на другой, составляя не гомогенное целое, но культурно сложное единство, формирующееся на основе общей православной идентичности, русского языка, и церковнославянского языка богослужения¹⁰.

Русификация не ставила своей целью насильственно переделать белоруса в великоросса, как это бездоказательно утверждает белорусская «национальная» историография¹¹. Речь шла о процессе интеграции этнически родственных православных белорусов в состав большого русского народа, который протекал на основе общих кон-

10. Русское дело на окраинах. Сборник статей разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Выпуск II. Сост. С. В. Шолкович. Вильна, 1887. С. 447. Следует особо подчеркнуть, что официального запрета на издание белорусскоязычной литературы на кириллице, несмотря на уверения некоторых белорусских историков, в действительности *никогда* не существовало (Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imregio*. 2003. № 1. С. 261–292).

11. Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX — пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. Мн., 1993. С. 4; Снапкоўская С. У. Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX — пач. XX ст.). Мн., 2001. С. 132; Яноўская В. Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі. Мн., 2002. С. 140; Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. Мн., 1998. С. 71.

фессиональных и культурных ценностей. В результате политики обрусения культурный код православных белорусов не приобретал иноэтничное содержание, как это зачастую происходило в результате католического прозелитизма и влияния польской культуры. По мысли известного русского лингвиста Н. С. Трубецкого, в силу изначально высокой степени этноязыковой однородности восточнославянского культурного пространства, этот культурный код включался в совместные цивилизационные усилия великороссов, малороссов и белорусов по созданию «высокой» русской культуры¹².

Интересы местного католицизма, последовательно и настойчиво отстаивавшего польскую идентичность своей паствы и политика интеграции, осуществляемая правительством, находились в постоянном противоречии. В связи с этими обстоятельствами, системная русификация края и проблемы межконфессиональных отношений оказались взаимосвязанными¹³.

Для непримиримо настроенной части католических священнослужителей и паствы, правовые и административные ограничения придавали новый импульс для сохранения настроений религиозного и национального протеста. Для этих настроений было характерно негативное отношение к Православию не только как чуждой, «схизматической» Церкви, но и как олицетворению российской государственности и «русской народности». На практике это означало противодействие ксендзов заключению смешанных браков католиков с православными, незаконное преподавание св. Таинств лицам, формально числившимся православными, прозелитизм, создание тайных польских школ для обучения закону Божьему, запрещение католикам посещать православные церковно-приходские школы, порицание Православия и русофобию¹⁴.

Религиозной основой миссионерства являлось догматическое учение, в соответствии с которым, единственной истинной и непогрешимой Церковью, вне которой никто не может достигнуть вечного спасения, является Церковь Римская. Позиция сотериологического и экклезиологического эксклюзивизма позволяла рассматривать православных как схизматиков, т. е. раскольников, кото-

12. Шевченко К. В. [Рец.:] Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006. // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Менниг, Пол Чейсти. Т. V. М. 2008. С. 328–329.

13. Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. Выпуск первый / Составил и издал С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 325.

14. ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Лл. 1–9; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1104. Лл. 1–4; Ф. 604. Оп. 5. Д. 2542. Лл. 17–21; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077(а). Л. 194; Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 167; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35609. Лл. 13–29; Ф. 295. Оп. 1. Д. 1973. Лл. 25–27; Котович И. прот. Циркуляр виленского римско-католического епископа Зверовича к подведомственному ему духовенству // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 100–102.

рые отпали от истинной Церкви и которых необходимо для их же спасения возвратить в лоно католицизма. Миссионерские приёмы, к которым прибегали ксендзы для обращения схизматиков в католицизм, являлись противоправными, так как законы Российского государства карали лиц духовных и светских, виновных в прозелитизме среди православного населения. «Совращение» православных подданных империи в инославие, иноверие и «раскол» означало посягательство на права «господствующей» в Империи Православной церкви и расценивалось российским законодательством в качестве противоправного действия, наказуемого в уголовном порядке. Поэтому существовавшее противоречие между вероучением Католической Церкви, вменяющей миссию среди схизматиков-православных в обязанность духовенству, и российским законодательством, запрещающим подобную практику, рассматривалось ксендзами как проявление религиозной нетерпимости со стороны православного государства. Против ксендзов занимавшихся прозелитизмом среди православных предпринимались меры уголовного и административного характера¹⁵.

Проявлениями враждебных настроений и случаев прозелитизма со стороны ксендзов и части паствы по отношению к Православию не исчерпывались проблемы религиозной напряжённости в Северо-Западном крае. К началу XX столетия нерешённым вопросом оставалась проблема «упорствующих» в латинстве. Как правило, ими являлись бывшие униаты, переведённые в Православие после 1839 г. и не сумевшие доказать свою принадлежность к Римско-католической церкви, и часть католиков, которые после подавления польского восстания 1863 г. перешли в Православие, но затем, спустя некоторое время, по разным причинам решили вернуться в католицизм. Относительно последней группы «упорствующих» имеются многочисленные свидетельства о том, что переход в православие целых католических приходов осуществлялся в этот период не без помощи административного нажима¹⁶.

Имелись также случаи перехода в православие по причинам материальной выгоды, в частности, получение принявшими православие местными католиками казённой земли в Виленском уезде. Эти люди формально, по приходским спискам числились православными, но отказывались исполнять христианские обязанности по православному обряду и при этом не могли выйти из Право-

15. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 255. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 258. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 262. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 264. Л. 4; Ф. 821. Оп. 3. Д. 265. Лл. 6–7; Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077а. Лл. 194, 209.

16. Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuvių kataliku mokslo akademijos. Metraštis XXVI*. Vilnius, 2005. С. 308–345; Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 188–189.

славной церкви и присоединиться к Церкви Римско-католической. В результате неподчинения канонической дисциплине Православной церкви эти лица теряли ряд гражданских прав, в частности не могли заключать законные браки, поэтому их дети являлись незаконнорожденными, появлялись проблемы с наследованием имущества, принесением присяги с участием православного духовенства и т. д. В свою очередь католические священники под угрозой наказания не могли принимать «упорствующих» для участия в таинствах и обрядах своей Церкви, следовательно, эти лица с точки зрения канонического права обеих Церквей оказывались вне церковных стен, следовательно, вне религии¹⁷.

Существовали и так называемые «колеблющиеся», формально соблюдавшие православную церковную дисциплину, но не сделавшие окончательно, в силу существовавшего запрета, свой окончательный конфессиональный выбор.

Появление проблемы «упорствующих» и «колеблющихся» связано с тем, что российское законодательство исходило из принципа формальной легализации вероисповедной принадлежности. По разъяснению обер-прокурора Святейшего Синода, сделанному в отчёте за 1886 г.: «Вероисповедная принадлежность православных определяется посредством выписок из православных метрических книг о рождении, крещении или присоединении известного лица к православной церкви, *так как закон российского государства не признаёт отпадения от православия*»¹⁸. Закон не допускал перехода православного лица в другое, хотя бы христианское вероисповедание, и Православная Церковь не переставала считать отпавшего своим членом, сохраняя его в ведении православного духовного начальства. Православное духовенство обязано было увещать отпавших впредь до возвращения их в Церковь. «Законодательство наше, по мнению Правительствующего Сената, смотрит на отступление от Православия, как на состояние не только воспрещённое законом, но и преступное, которое никогда не может сделаться состоянием законным; а следовательно, присоединение православного к другому вероисповеданию, являясь действием преступным, как со стороны присоединившего духовного лица, так и присоединённого, не может создать законной принадлежно-

17. Невозможность для «упорствующих» пользоваться семейным законодательством объясняется тем, что с церковной точки зрения брак является таинством, которое совершает православная церковь, и только такой брак государство считало законным. Исключение было сделано для «раскольников», которые по закону 19 апреля 1874 г. получили возможность заключать законные браки, не венчанные в православной церкви.

18. Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость. Сб. статей. СПб., 1905. С. 233.

сти последнего к сему вероисповеданию со всеми проистекающими от таковой принадлежности законными последствиями»¹⁹.

В основе этого правового запрета лежало церковное мировоззрение, в соответствии с которым выбор единственной истинной веры — православия — может быть сделан всего один раз, и вся последующая религиозная жизнь может осуществляться только в стенах избранной Церкви. Отпадение от истинной Церкви рождённых в православии или перешедших в него из других вероисповеданий, означало принятие гибельного религиозного заблуждения, выступавшего в виде чужой веры, ереси или раскола.

Необходимость законодательной защиты особого статуса православия в империи имела и традиционное этнополитическое обоснование. Мотивацией такой защиты служил бесспорный исторический факт, что православие является традиционной религией русского народа, которое «создавало и охраняло единую Россию». Это давало основание официально рассматривать переход из православия в другие вероисповедания «как торжество нерусских начал над русскими, и на русских людей, переходящих в другие вероисповедания, культ которых отправляется на иностранных языках, как на лиц, недостаточно твёрдых в государственном патриотизме»²⁰.

Поэтому закон, защищая достоверность Русской Церкви как эксклюзивной религии спасения, сохранял тем самым её монопольное право на исключительную власть над находящимся в её юрисдикции населением, прежде всего — над религиозно-этнической группой русских — великороссов, малороссов и белорусов. Легальная привилегия Православия выступать в качестве единственной истинной религии русского большинства населения, являлась одним из инструментов политики, направленной на сохранение целостности Российской империи.

Идеология и цели указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»

Состоявшееся после гибели В. К. Плеве в июле 1904 г. назначение бывшего Виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского министром внутренних дел означало, что верховная власть намеревается серьёзно приступить к разработке нового политического курса в области религиозной и национальной политике.

19. Красножен М. Иноверцы на Руси. Т. 1. Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900. С. 163.

20. Добротин Г. П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 89.

Ранее, находясь на посту Виленского генерал-губернатора, в отчёте за 1902–1903 гг. Святополк-Мирский предлагал императору пересмотреть основы государственной политики в Северо-Западном крае по таким острым проблемам как взаимоотношения с польским населением, состояние отношений между православными и католиками, положение русской школы и т. д.

В свою программу новый министр внёс вопросы о реформировании законодательства о веротерпимости, расширении самоуправления, изменениях в политике в отношении окраин и т. д. К началу декабря программный доклад и проект соответствующего указа были готовы. Окончательный вариант проекта указа было поручено подготовить С. Ю. Витте как председателю Комитета Министров, на который была возложена разработка основных направлений по реализации изложенных в нём мероприятий. Подробной разработкой мероприятий должны были заниматься специально для этого образуемые Особые совещания. 12 декабря 1904 г. императором был утверждён именной высочайший указ правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»²¹.

В пункте шестом указа говорилось: «для закрепления выраженного нами в манифесте 26 февраля 1903 года неуклонного душевного желания охранять освящённую Основными законами империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, подлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не указанного, стеснения».²² Комитетом Министров под председательством С. Ю. Витте был подготовлен Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», утверждённый Николаем II 17 апреля 1905 г.

Положения указа должны были, по замыслу его инициаторов, устранить причины постоянной религиозной напряжённости в Царстве Польском и Западном крае путём снятия административных ограничений на деятельность духовенства Католической Церкви и разрешить проблему «упорствующих». Правительство полагало, что соображения государственной безопасности, актуальные в 1860-х гг., теперь утратили свою значимость в связи с тем,

21. Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): Материалы научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 217–220.

22. Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 5. С. 42.

что ведущей антиправительственной силой стали левые политические партии, к идеологии которых консервативно настроенное католическое духовенство относилось отрицательно. Политический расчёт строился также и на том, что католические общины за десятилетия системной русификации, прошедшие с момента восстания, уже достаточно интегрировались в российское общество. Следовательно, исчезала главная политическая причина введенных в своё время чрезвычайных административных мер в Северо-Западном крае. В характеристике католицизма, даваемой МВД накануне издания указа, подчёркивалась «постоянная оппозиционность» и «воинствующий дух», выделявшие эту Церковь из всех терпимых религиозных сообществ империи. Однако продолжавшаяся в западных губерниях пропаганда католицизма и «полонизма» уже не расценивалась как политически опасная. Она воспринималась в категориях незаконной религиозно-культурной конкуренции православия и русской культуре, для противодействия которой существовали легальные средства и меры административного наказания. Правительство испытывало уверенность в том, что отмена административных ограничений, утверждение законности по отношению к католикам и передача контроля над приходским духовенством от администрации к епархиальным властям станет серьёзной гарантией того, что «предоставленная духовенству свобода не будет употреблена в ущерб государственным интересам»²³.

Разрешение проблемы «упорствующих», людей, с точки зрения светского и церковного права, поставленных вне религии, можно было осуществить путем отмены одной из привилегий православия, составлявшей важный компонент его господствующего статуса. Это значило предоставить им законную возможность покинуть православие и присоединиться к иному терпимому вероисповеданию. В качестве мотивации такого решения правительство выдвигало религиозные и политические аргументы, полагая, что люди, живущие вне религии, представляют для государства социальную и политическую опасность. Позиция правительства в отношении «упорствующих» была поддержана первоприсутствующим в Святейшем Синоде митрополитом Пербургским Антонием (Вадковским), выступившего против сохранения государственного принуждения в делах веры. Упразднение традиционной привилегии православия Комитет Министров расценивал оптимистично. По его мнению: «Не подлежит сомнению, что намечаемое мероприятие должно послужить также к вящему возвеличению Православной Церкви и явится могущественным орудием в руках её для борьбы с религиозными заблуждениями; опираясь не на содействие светских властей, а на кроткое учительство своих пасты-

23. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Лл. 28–29, 31–37, 45–46, 60–61.

рей, Церковь достигнет в этом направлении более благих, чем когда-либо результатов²⁴.

Меры, предпринимаемые правительством относительно расширения прав римско-католического духовенства и легализации выборов „упорствующих“, имели своим основанием представление о том, что католицизм в Привисленском крае и западных губерниях перестал быть политическим врагом России. Однако правительственный подход к пониманию этой проблемы кардинальным образом расходился с позицией обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Для обер-прокурора наличие врага в образе польского католицизма не вызывало сомнений. К. П. Победоносцев по-прежнему рассматривал Католическую Церковь в Западном крае как политического противника российского государства, духовного лидера польского национализма, который не отказался от своих надежд отторгнуть от России белорусские и украинские земли, ополчить и окатоличить коренное русское население, сделать его союзником польского сепаратизма. Разумеется, что и взаимоотношения между Католицизмом и Православием в этом регионе со смешанным православно-католическим населением расценивались им в сугубо политическом аспекте. За существовавшими в крае религиозно-этническими противоречиями Победоносцев усматривал ситуацию политического противостояния государственных интересов России с интересами польского сепаратизма.

Так, в отчётах обер-прокурора Святейшего Синода императорам Александру III и Николаю II оценки религиозно-этнической ситуации в Северо-Западном крае остаются практически неизменными на протяжении всей его двадцатипятилетней деятельности на этом посту. В 1880–1890-х гг. он постоянно напоминал российским монархам, что «главным врагом, могущественным и опасным для успехов утверждения и распространения православной веры в западных епархиях ныне, как и прежде, является католическое духовенство, с его упорной нетерпимостью ко всему русскому и православному»²⁵.

И, наконец, буквально накануне мер, предпринимаемых правительством с целью расширения пространства религиозной свободы, К. П. Победоносцев ещё раз напоминает императору Николаю II о том, что нетерпимое отношение католического духовенства к Православию в Северо-Западном крае за прошедшие десяти-

24. Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. С. 48.

25. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1888–1889 гг. СПб., 1891. С. 138, 139, 141, 156; Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 г. СПб., 1901. С. 36

летия не претерпело никаких изменений: «В большинстве своём, инославное население (католики в Литовской, Гродненской, Полоцкой и Могилёвской епархиях) враждебно относится как к православным, так и вообще ко всему русскому. Главным и наиболее опасным врагом православия и русской народности в этих епархиях являются ксендзы. Фанатично настроенные ксендзы всеми мерами стараются нарушить добрые отношения католиков с православными, возбуждая в них нетерпимость к Православной церкви и русскому народу, стараются всеми возможными способами отторгнуть местное православно-русское население от Церкви и вселить в нём вражду к ней. Особенно враждебно они относятся к православным священникам. Деятельная пропаганда ксендзов... часто оканчивается совращением православных в инославие»²⁶.

Отношение Победоносцева к католицизму получает адекватное описание, если рассматривать его в понятиях, предлагаемых К. Шмиттом. Согласно концепции этого исследователя, политика начинается там, где складываются отношения «друг-враг». С точки зрения Шмитта, политическая противоположность — это противоположность самая интенсивная, самая крайняя. Враг — не конкурент и не противник в общем смысле. Врагом становится *борющаяся* (курсив К. Шмитта) совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности²⁷.

Победоносцев, характеризуя настроения и поведение католического духовенства и мирян, постоянно подчёркивает их качественную особенность, определяющую подлинный характер религиозно-этнической ситуации в крае. Она заключается в том, что процесс межконфессионального и этнического противостояния носит непримиримый характер, так как в основе его лежит религиозно-национальный фанатизм польского духовенства. Такой исторически устойчивый тип поведения исключает практику добровольных компромиссов и уступок по отношению к российскому государству и уважение к правам и достоинству православного духовенства и мирян. Крайняя враждебность католического духовенства придаёт религиозно-этническому противостоянию в крае политическое измерение. Следовательно, и отношение к «воинствующему» католицизму, воспринимаемого в качестве врага, должно носить политический характер. Оно должно быть бескомпромиссным и религиозно наступательным, — с помощью строительства новых храмов, монастырей, организации церковных братств, открытия церковноприходских школ в местностях со смешанным православно-католическим населением. Разумеется, что продолжение такой по-

26. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 г. СПб., 1909. С. 144–145.

27. Шмит К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 40–42.

литики, опирающейся на легальные и административные привилегии господствующего православия, было возможно при условии сохранения действовавшего религиозного законодательства о веротерпимости.

Принятие указа 12 декабря 1904 г., определившего решающие перемены в политике по отношению к «инославным и иноверным исповеданиям», свидетельствовало, что правительство, вопреки мнению Победоносцева, отходит от политики религиозного принуждения и административно-правовых ограничений в области вероисповедных отношений, меняя тем самым свое отношение к объёму и характеру привилегий Православной церкви и рассчитывая на успех в разрешении проблем, связанных с религиозно-этнической нетерпимостью. Тем самым правительство, с точки зрения К. Шмитта, взяло курс на *деполитизизацию* своего отношения к католицизму, переведя его из категории врага в разряд нелегального конкурента господствующему православию. С точки зрения этого нового курса, рецепт успешной политики в области веротерпимости виделся в отказе от канонической составляющей светского законодательства, утверждавшего абсолютный характер принадлежности к православию, в пользу идеологии, деклариовавшей, с известными оговорками, приоритет свободного религиозного выбора. Предполагалось, что введение либеральных правовых норм регуляции межрелигиозных отношений станет эффективным средством разрешения и предупреждения конфликтов между православием и приверженцами других религиозных сообществ, стимулирует миссионерскую активность самого православного духовенства.

Комитет Министров рассчитывал, что утверждаемые авторитетом императорского указа ценности религиозной свободы, как неотъемлемая составляющая либерального светского правосознания, должны быть усвоены и приняты в качестве общих ценностей религиозными традициями и практикой легальных и легализуемых новым законом конфессий и общин. Применение реформированного законодательства на практике должно было повлечь за собой адекватную интерпретацию вводимых правовых норм и законопослушное отношения к ним духовенства и мирян «инославных и иноверных вероисповеданий». Идейным постулатом создателей законопроекта был известный либеральный тезис о наличии взаимосвязи между ростом религиозной свободы и укреплением религиозно-этнической и политической стабильности в обществе, что выразилось в следующей формулировке. «Комитет не может не выразить глубокого убеждения своего в возможности совместить надлежащее охранение общегосударственных целей с соблюдением основных начал веротерпимости»²⁸.

28. Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочай-

Принятый 17 апреля 1905 г. указ «О укреплении начал веротерпимости» признавал необходимым:

разрешить проблему «упорствующих» путём упразднения запрета на выход из Православия без ущерба для гражданских прав; легализовать деятельность старообрядческих и сектантских общин;

осуществлять преподавание закона Божий на «природном языке учащихся»;

снять административные ограничения на деятельность духовенства Католической Церкви;

пересмотреть религиозное законодательство относительно мусульман и буддистов²⁹.

В результате действия Указа в период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1911 г., из Православия в Римско-католическую церковь перешли: по губерниям Северо-Западного края (Виленская, Ковенская, Гродненская) 33.82 человека обоего пола, по губерниям белорусским (Витебская, Могилёвская, Минская) 22.404 человека. Всех отпавших от господствующей Церкви на территории 6 губерний за этот период насчитывалось 55.786 душ обоего пола. Пик отпадения от православия выпал на 1905–1907 гг. За эти годы вернулось и было обращено в католицизм по губерниям Северо-западного края: Ковенской — 1.130, Виленской — 25.480, Гродненской — 4.048 человек. По белорусским губерниям: Витебской — 4.017, Минской — 14.493, Могилёвской — 1.387 человек³⁰. Как видно из приведённых цифр, Православие в регионе не понесло существенного урона. С отпадением «упорствующих» Церковь избавилась от серьёзного источника религиозного недовольства, дестабилизировавшего церковную жизнь в приходах и создававшего напряжённые отношения между духовенством и верующими обеих Церквей. Однако, решив одни проблемы, указ породил и обострил другие, не менее сложные.

Обострение отношений между православными и католиками в Северо-Западном крае началось с того, что католическая иерархия, приходское духовенство и миряне выдвинули такие интерпретации указа, которые не только не соответствовали его содержанию, но зачастую прямо противоречили нормам нового закона о веротерпимости и принципам христианской морали. Исследование анатомии конфликта следует начать с анализа действий свет-

шего Указа 12 декабря 1904 г. С. 94.

29. Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости. Высочайший указ Сенату // Миссионерское обозрение. 1905. № 5. С. 1017–1020.

30. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.

ских и духовных управленческих структур (администрации, католического и православного епископата), на которые была возложена ответственности за исполнение указа в Северо-Западном крае.

Указ 17 апреля 1905 г. и решения проблем веротерпимости «сверху».

Император Николай II, учитывая трудности, с которыми могла столкнуться администрация и епархиальная власть при реализации указа в западных губерниях, 3 мая 1905 г. при рассмотрении журналов Комитета Министров по пункту 6 указа 12 декабря 1904 г. поставил перед Комитетом следующие вопросы: «Как будут смотреть, по введению в действие нового законоположения, гражданская власть и духовное начальство на *проповедь* католических миссионеров?» «Как установить грань между *проповедью католицизма и пропагандой полонизма*?». Комитет Министров ссылаясь на нормы действовавшего законодательства, в частности, статью 187 «Уложения о наказаниях» 1885 г. и статьи 90 и 83 нового «Уголовного уложения» 1903 г., предусматривавших заключение в тюрьму и ссылку за соращение из православия в иное вероисповедание, уверил императора в том, что указанные власти имеют в своём распоряжении все необходимые средства для прекращения проповеди инославных миссионеров. Ответ на второй вопрос сводился к тому, что в настоящее время на законодательном рассмотрении находится проект предоставления министру внутренних дел особых полномочий для наказания римско-католических священнослужителей, нарушавших российское законодательство. Правительство уверяло императора, что с момента вступления закона в силу, министр получит возможность легально карать римско-католических священнослужителей, «действующих во вред русским интересам»³¹.

Из ответов, данных императору, можно сделать вывод о полной уверенности правительства в том, что средства, предоставленные МВД, местной администрации и духовным властям, дают возможность эффективно противостоять попыткам превратного истолкования закона о веротерпимости со стороны католического духовенства.

Однако опасения императора оказались не напрасными. Эффект от введения религиозных свобод оказался поразительным и совершенно неожиданным для правительства и православной иерархии, которая даже не была поставлена в известность о принятии указа и не успела вовремя к нему подготовиться. Застигнутой врасплох оказалась и губернская администрация Северо-Западного края.

31. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Лл. 49–51.

Дело в том, что издание указа произвело кумулятивный эффект. Оно вызвало резкую и длительную вспышку межконфессионального противостояния в крае, обусловленную резкой активизацией массового католического миссионерства. В этот момент западные епархии пережили стремительную волну переходов «упорствующих» в католицизм, которые носили массовый характер. Они происходили в тех православных приходах, которые были образованы в 1865–1870 гг. и состояли в основном из бывших католиков.

Среди них следует назвать Батуринский, Быстрицкий, Городокский, Камень-Спасский, Островецкий, Радошковский, Шумский приходы Литовской епархии, Голдовичский, Волмянский и Логишинский приходы Минской епархии, Порозовский и Мижевичский приходы Гродненской епархии. Большая часть православных прихожан в названных приходах возвратились в католицизм³². Удерживаемые насильственно в православии долгие годы, эти люди обрели, наконец, возможность открыто исповедовать ту веру, которую считали истинной.

Однако свобода религиозного выбора, объявленная 17 апреля, имела свои правовые границы, по-прежнему охранявшие православное население от прозелитизма. С правовой точки зрения, переход из православия в иные вероисповедания рассматривался как результат свободного выбора, осуществляемого без миссионерского воздействия инославного духовенства. В действительности же, реализация указа привела к иному пониманию его содержания и способам конкретного применения в местностях со смешанным православно-католическим населением. По словам А. А. Фрезе: «С обнародованием указа все эти привходящие элементы православного населения Северо-Западного края стремительной волной хлынули обратно в католичество, увлекая своим движением и соприкасавшихся, так или иначе, с ними православных»³³.

По свидетельству православного духовенства, само издание указа, вопреки его точному смыслу, расценивалось ксендзами как совершенно очевидное торжество католицизма над православием и понималось как вседозволенность и право на прозелитизм среди православного населения, состоявшего из бывших католиков и униатов, которых следовало вернуть в лоно истинной Церкви. Возвращение «упорствующих» в католицизм в местностях со смешанным или преобладающим католическим населением осуществлялось в форме движения, идущего снизу, со стороны приходского духовенства и активных мирян, поддерживаемых епископатом. Инициированное указом стремительно разрастающееся движение явно выходило за установленные законом правовые границы

32. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 441; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Часть 1. Л. 51; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 59.

33. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 25.

и ставило своей целью не только возвращение всех «упорствующих» в лоно Римско-католической церкви, но и противозаконное обращение в католицизм тех православных, которые, оставшись в меньшинстве в своих селениях, продолжали сохранять верность Православной церкви. Это был, по сути дела, долго сдерживаемый взрыв миссионерской энергии, религиозной нетерпимости и русофобии, накопленной католическим духовенством за предыдущие десятилетия ограничений и запретов, сопровождаемый эйфорией от дарованной императором свободы.

Как следует из донесений Виленского и Гродненского губернаторов, «Католическое духовенство, не довольствуясь легальными способами воздействия, во многих случаях прибегало к таким приёмам, кои совершенно не соответствовали носимому ими сану служителей Церкви. Совершались при особенно торжественной обстановке богослужения в костёлах с произнесением фанатических проповедей, в коих ксендзы порицая православие, старались доказать, что первая и господствующая религия есть римско-католическая и под влиянием этого целые массы прошений о переходе из православия в католичество поступали к ксендзам и направлялись в канцелярию епископа». ³⁴ Не менее активно миссионерствовали и миряне.

Настоятель Крынской церкви Гродненской губернии сообщал своему епископу: «Весь народ римско-католический преобразовался в миссионеров, особенно женщины, фанатизм коих доходит положительно до безумия и проявляется в различных ругательствах всего русского, всего православного, проявляется в адской злобе и ненависти к православным и разными страданиями, угрозами и просто силою влекут в костёлы православных, особенно бедных, беззащитных, сирот и малоумных, которых ксендзы живо принимают на исповедь и причащают своими тайнами». ³⁵

Поэтому уже 13 мая 1905 г. министр внутренних дел А. Г. Булыгин передал Виленскому генерал-губернатору А. А. Фрезе строгое указание императора: «В виду поступающих сведений о том, что римско-католические духовные лица, превратно толкуя Высочайший указ 17 апреля сего года о веротерпимости, позволяют себе пропаганду католичества, государь император повелевать соизволил Вашему Высокопревосходительству о необходимости принятия самых решительных мер к предупреждению означенной незаконной деятельности ксендзов и к разъяснению населению истинного смысла вышеозначенного указа». ³⁶

Однако А. А. Фрезе оказался не в состоянии незамедлительно исполнить волю императора. Для этого у него не хватало тре-

34. Там же. Л. 155 об.

35. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Часть 1. Л. 102.

36. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 9.

буемой решимости и соответствующих административно-правовых средств. Генерал-губернатор прибегнул к традиционным бюрократическим методам решения вопроса, рассчитывая, в первую очередь, на лояльность и исполнительность Виленского римско-католического епископа. 25 мая А. А. Фрезе обратился с письмом к фон Роппу, в котором, ставя в заслугу епископу издание циркуляра от 21 апреля, подчёркивал «заботливость» последнего, своевременно предупредившего приходское духовенство епархии о недопустимости «ошибочного, вследствие излишнего усердия и увлечения», применения указа о веротерпимости. Вместе с тем он обращал внимание фон Роппа, что некоторые священники не только не поняли указания циркуляра, но и позволяют себе давать изданному императором указу «неподобающее оному толкование в смысле преимуществ ныне оказанной верховной властью римско-католической вере перед православной».

Фрезе указывал селения в Виленской и Гродненской губерниях, в которых приходское духовенство «свободу верований и молитв по велениям совести», понимает как способ борьбы двух поместных церквей и «искусственного привлечения в лоно одной из них чад другой». Генерал-губернатор просил епископа «всем своим авторитетом предотвратить повторение печальных случаев, когда смешивались понятия свободы совести с воздействием на таковую, не допустимом ни догматами Церкви, ни действующим в России законами»³⁷.

В ответном письме от 15 июня фон Ропп напомнил генерал-губернатору, что в своём циркуляре от 21 апреля своевременно предписал приходскому духовенству епархии терпимость отношению к лицам иных исповеданий. Продемонстрировав, таким образом, свою заботу о веротерпимом поведении подведомственного ему духовенства, епископ обратился к А. А. Фрезе со встречной просьбой сделать распоряжение о защите католического духовенства от возможных «злонамеренных обвинений ни в чем не повинных ксендзов», недвусмысленно указывая на недобросовестность информации, поступавшей от потерпевшей православной стороны.³⁸

Бюрократическая дипломатия генерал-губернатора не принесла успеха в прекращении незаконной миссионерской деятельности католического духовенства. Епископ дал ясно понять, что не собирается предпринимать каких-либо дополнительных мер относительно ксендзов, обвиняемых в нарушении законодательства о веротерпимости и превратном истолковании указа. Тем самым он предлагал А. А. Фрезе защищать совесть православного населения от насилий исключительно мерами полицейского и судебного характера, освобождая себя от ответственности за противоправную деятельность своего духовенства, стараясь максимально оградить

37. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 9.

38. Там же. Лл. 10–11.

последнее от возможной уголовной ответственности. На практике такая позиция епископа означала предоставление свободы субъективной интерпретации указа о веротерпимости, которым и воспользовалась часть приходского духовенства и мирян.

Таким образом, распоряжение императора оказалось практически не выполненным. Администрация А. А. Фрезе не смогла предотвратить незаконную пропаганду католицизма и сразу взять религиозную ситуацию под контроль. Фрезе не воспользовался также и примером Варшавского генерал-губернатора К. К. Максимовича, который 21 мая 1905 г. обратился к населению Привисленского края с разъяснением сущности указа 17 апреля 1905 г. В своем обращении Максимович напомнил, что «по закону, сохраняющему полную силу статьи 4 XI тома Свода Законов, лишь одна господствующая Православная церковь пользуется правом свободно распространять своё вероучение, лицам прочих вероисповеданий воспрещается силой склонять к переходу в их религию. Виновные в совращении из православия, порицании православной веры, кощунстве, подлежат суду по общим законам. Да не смущается русский православный люд разными нелепыми слухами, распространяемыми в народе, да ведает он, православные церкви, монастыри, святые иконы царь православный и впредь никому не отдаст».³⁹

Что же касается администрации А. А. Фрезе, в основном её деятельность в эти месяцы ограничивалась наблюдением за неожиданной массовой вспышкой религиозно-этнического фанатизма, сопровождаемого демонстративными проявлениями политической лояльности. В условиях действующих религиозных свобод губернаторы не решались прибегать к предписанным законом мерам по охранению «господствующего» православия. Архиепископ Литовский Никандр (Н. Д. Молчанов) в начале июня от имени духовенства епархии вынужден был обратиться к генерал-губернатору А. А. Фрезе с просьбой о защите православных приходов от проявлений религиозного насилия и прозелитизма со стороны католиков.

Литовский епархиальный съезд духовенства в заседании от 1 июня 1905 года с горечью отмечал, что «Высочайшая милость, дарованная иноверию, неправильно понятая и ложно истолкованная римско-католическим духовенством, весьма неблагоприятно отразилась на юной литовской пастве, в особенности в тех приходах, которые образовались после последнего польского мятежа в 1863 году... Не стесняясь никакими средствами, прибегая к обманам, лжи, угрозам католическое духовенство все усилия свои направляет на то, чтобы, прежде всего всех этих православных совратить в католичество, отнять православные церкви и обратить их в костелы... При всем желании и усердии, православное духовенство бессильно оказать своим прихожанам какую-либо помощь

39. Там же. Л. 2.

против насилия, так как любовь, смирение и кротость, которыми оно может и должно воздействовать, не могут противостоять угрозам, фанатизму, массовому давлению воинствующего католицизма в лице помещиков, изуверной шляхты, разных фанатических религиозных обществ: терциарок, Сердца Иисуса, шкаплерных и пр.; которым в настоящее время дана полная свобода действий».⁴⁰

В это же время 14 июля 1905 г. К. П. Победоносцев также обращается к генерал-губернатору в связи с донесением епископа Гродненского и Брестского Никанора (Н. Т. Каменского) о случаях открытого соращения православных в католицизм, сопровождаемого насилием и публичным порицанием православной веры. Обер-прокурор просит А. А. Фрезе оказать содействие духовенству в налаживании мирных отношений православных с католиками, возбуждаемых фанатизмом ксендзов⁴¹. Однако попытки духовных и светских властей приостановить нарастание католического движения и перевести его в правовое русло, определённое указом 17 апреля 1905 г., не привели в этот период к положительному результату.

Формы прозелитизма и религиозно-этнические конфликты на «низовом» уровне

Общее настроение, которое переживали православное духовенство и миряне в местностях с преобладанием католического населения, где наиболее остро проявлялась религиозная нетерпимость, можно выразить так — «государство нас бросило, нас некому защищать». В Ковенской губернии литовцы-католики запугивали русских общим поголовным избиением в том случае, если они не уйдут или не примут католичество. «Сбрейте бороды, оденьте рожанцы и шкаплеры — говорили они — и мы вас не тронем». Растерянность и отчаяние усугублялись ещё и тем, что ксендзы разъясняли указ народу в том смысле, что Николай II повелел всем переходить в католичество, что православные церкви будут обращены в костёлы, а имущество их передано католическому духовенству. Ксендзы уверяли прихожан, что сам указ издан вследствие молитв Папы Римского к возвеличению Римско-католической Церкви, для блага католичества и польского народа. А это значит, что отныне католическая вера становится первенствующей в империи, следовательно, православные должны немедленно подавать заявления о присоединении к католичеству.

Среди населения распространялись слухи о том, что сам царь вместе с семьёй перешёл в католицизм, — «на высоте царского

40. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Часть II. Лл. 1–7.

41. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 100.

престола познали неправоту православия», в католицизм перешёл Иоанн Кронштадский, ксендзам помогает администрация края — генерал-губернатор, губернаторы и т. д., скоро все православные священники и их паства, повинувшись царскому указу, должны стать католиками. В пропаганде использовались также и мотивы социального престижа, когда католичество в противовес православию восхвалялась крестьянскому населению как «панская вера». Использовались и методы экономического шантажа, когда православных крестьян уверяли, что если они будут по-прежнему сохранять верность своей Церкви, земли их будут конфискованы и переданы католикам, не принявшие же католичество будут переселены во внутренние губернии России и даже в Сибирь.

Нередко были случаи, когда в костёлах ксендзы кощунственно отзывались о православной вере («поганая вера», «собачья вера») «православная вера не есть истинная, а выдуманная и православный народ отрекся от Иисуса Христа как караимы» и т. д.) и разжигали в прихожанах этническую вражду к русским, т. е. православным соседям-белорусам. В листовках, написанных на польском языке, которые распространялись на территории края, говорилось, что поражение России в русско-японской войне является наказанием Божиим за то, что «отняли у нас нашу Польшу», за преследование католической веры и польского языка. В них содержались недвусмысленные угрозы: «Кто теперь не оставит проклятого православия и не возвратится в святую римско-католическую веру, тот погубит свою душу и своих детей». Православных начали открыто называть «недовярками», «еретиками» «схизматиками», «отщепенцами», «холопами», а саму православную веру еретической, явившейся будто бы «из-под кнута»⁴². По словам одного ксендза: «Настало католикам время отомстить православным за все обиды и притеснения, которые несли католики от русских православных людей»⁴³.

Религиозная эйфория, переживаемая католическим населением весной и летом 1905 г., порождала требования националистического характера. Северо-Западный край — это «забранный край» и он должен «отойти целиком полякам»⁴⁴. Важным элементом развязанной католическим духовенством пропагандистской кампании стало распространение слухов о том, что «Православные храмы рус-

42. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7373. Лл. 16–17; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 114.

43. Квятковский М. свящ. Из епархиальной жизни // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 310.

44. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 80; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Часть II. Лл. 46, 69, 83; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Часть I. Л. 68; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167. Л. 115; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Лл. 20–21, 60–61; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Лл. 58, 177; Новое время. 1905. № 10523. 20 июня; За первый год вероисповедной свободы. СПб., 1907. С. 140. Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1911. № 1. С. 13–14; Минское слово. 1911. № 1206.

ским правительством будут переданы католикам». По сообщениям православной стороны: «Ксендзы назначали два срока, после которых будто бы все православные храмы переделаются в костелы, — это Троицын день и праздник святых апостолов Петра и Павла»⁴⁵. Эти приемы недобросовестной пропаганды имели негативные социальные последствия. Они провоцировали у возбужденного этими слухами католического населения настроения религиозного реванша, чтобы, не дожидаясь разрабатываемого правительством правового решения проблемы, силой отобрать у православных храмы, устроенные из бывших костелов, и изгнать с этих приходов православных священников. Единообразие приёмов, используемых католическим духовенством для обращения православных, общее содержание их проповедей, типичный для всей епархии набор пропагандистских слухов, распространяемых устно и с помощью листовок, свидетельствует об организованном характере этого противоправного миссионерского движения, носящего ярко выраженный националистический характер.

Сложное положение, в котором из-за бездействия администрации оказалось местное православное население, вынудило Литовского архиепископа Никандра обратиться с окружным воззванием к своей пастве: «Никому не запрещено переходить в другое вероисповедание, — писал он — это дело совести каждого человека. Но зачем же тем, кто искал и ратовал за свободу совести, насилловать теперь совесть других различными, часто недостойными христианства и святого дела веры способами? В настоящее время свидетельства современной печати, голоса живых людей и акты жизни говорят, что некоторые инославные пастыри в деле распространения своего вероучения и привлечения в лоно своей церкви православных людей, не гнушаются и недостойными их сана средствами и способами. А некоторые в своей злобе доходят до того, что решаются публично утверждать, будто православная вера проклята папами, будто все исповедующие её хуже язычников, будто от православия отвратился сам Господь с его пречистою Матерью, — что все, теперь православные, будто бы должны обращаться в католичество».⁴⁶

Обострение религиозно-этнической нетерпимости к православным, не желающим переходить в католицизм, вынуждала отдельные сельские общины Ковенской губернии, в местностях с преобладанием литовцев-католиков, ходатайствовать перед обер-про-

45. Прибавление к церковным ведомостям. 1905. № 31. С. 1291, 1293; Новое время. 1905. № 10523. 20 июня; Янушкевич П. свящ. Письмо в редакцию // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 313; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Лл. 7, 228,

46. Виленский вестник. 1905. № 653. 7 июля.

курором К. П. Победоносцевым о переселении их на места с православным населением.

В ответ на многочисленные прошения епископата, духовенства и жителей края о защите православного населения от принудительного обращения в католицизм, генерал-губернатор А. А. Фрезе 23 ноября 1905 г. издал циркуляр губернаторам края, в котором указывал на появление в сельской местности «религиозно-церковного брожения». Причины возникшей межконфессиональной напряженности генерал-губернатор усматривал в превратном истолкования ксендзами положений указа 17 апреля и манифеста 17 октября 1905 г. «Содействуя всеми законными средствами и мерами православной церкви и соблюдая справедливые потребности католического населения и его клира, — подчеркивал А. А. Фрезе — не могу допустить явно враждебного антагонизма со стороны католической части населения к православию». Циркуляр предписывал, чтобы губернские прокуроры принимали все меры по незамедлительной организации следствия по делам о совращении православных в инославие⁴⁷. В письме к епископу Гродненскому и Брестскому Никанору А. А. Фрезе признавал, что во веренном ему крае замечается явно враждебное отношение со стороны католического населения к православным и их святыням. Генерал — губернатор выражал уверенность, что «в наше тревожное время православное духовенство, служащее на нашей иноверной и инородческой окраине, ... окажет выдающиеся и неоценимые услуги государственной власти в деле внесения успокоения в среду встревоженного событиями последнего времени местного населения»⁴⁸.

Однако совместные усилия правительства, православной церкви и новой губернской администрации К. Ф. Кршивицкого по стабилизации этно-религиозной ситуации в Северо-Западном крае, не приносили зримого результата. Особенную остроту религиозно-этнического противостояния в крае придавало стремление католического населения насильственным путем вернуть себе ряд православных церквей, перестроенных из бывших костелов, конфискованных у Католической церкви после польского восстания 1863 г. Под влиянием развязанной пропагандистской кампании в ситуации нарастающего революционного кризиса, с осени 1905 г. начались попытки насильственного захвата православных храмов и монастырей и изгнания священников с приходов. Такие случаи произошли в селе Роготны Слонимского уезда Гродненской губернии и в местечке Рудомино Виленского уезда. В том же Виленском уезде в начале ноября произошло нападение на Венславентскую православную церковь, бывшую ранее униатской. Священные предметы, находившиеся в ней, были вынесены наружу

47. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7288. Лл. 80–81; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7494. Лл. 30–31, 105.

48. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Часть I. Лл. 167, 168.

и подвергнуты осквернению. Часть из них была сожжена. В конце ноября толпа литовцев-католиков напала на единоверческую церковь в Каролишках Ковенской губернии. В Виленской губернии происходили нападения на дома православных священников, в один из которых была брошена бомба⁴⁹.

В местностях, где религиозный и этнический экстремизм приобретал особо опасные социальные формы, губернаторы вынуждены были посылать воинские подразделения для охраны православных храмов от попыток их самовольного захвата со стороны местных католиков. Бывало так, что только присутствие войск спасало православное духовенство и мирян этих приходов от угроз и возможной расправы со стороны тех, кто требовал немедленного возвращения храмов Католической церкви. Особенно напряженная ситуация сложилась в Виленском уезде, в котором присоединение «упорствующих» к католичеству в мае-июне 1905 г. приобрело массовый характер. В начале декабря этого же года священник Подберезской церкви Виленского уезда писал генерал-губернатору А. А. Фрезе, что после ухода полуроты солдат положение оставшихся верным православию (около 50 человек), окруженных враждебно настроенными поляками и литовцами, оказалось весьма плачевным. Они угрожали разрушить церковь, а всех православных — священников, учителей, писарей и полицию изгнать из уезда. Священник просил у генерал-губернатора вновь прислать полуроту солдат для охраны местной церкви⁵⁰.

В это же время архиепископ Литовский Никандр просил генерал-губернатора А. А. Фрезе не отзывать из местечка Островец Виленского уезда солдат, которые охраняли православную церковь и усадьбу священника. Настоятельная просьба архиепископа была продиктована тем обстоятельством, что указанное местечко входило в состав Шумского благочиния, в котором все приходские православные церкви во второй половине 60-х гг. были перестроены из бывших римско-католических костёлов. Так как по сведениям канцелярии генерал-губернатора «католическое брожение» в этой местности не ослабевало, было сочтено целесообразным оставление войск в указанном районе, «впредь до более надёжного успокоения фанатически настроенного местного населения». А также: «В виду угрожающей позиции, которую продолжают занимать местные католики по отношению к Островецкой православной церкви и её духовенству»⁵¹.

49. За первый год вероисповедной свободы. С. 183; Не посягайте на Православие. Обсуждение в Государственной думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. Вильна, 1909. С. 65. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Часть 1. Лл. 173, 200, 215; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 409. Лл. 12-13; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 163.

50. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 210.

51. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 414. Лл. 8-10.

Волна религиозного экстремизма начала распространяться и на другие уезды Литовской епархии. В Вилейском уезде о необходимости прислать казаков для предотвращения захвата католиками церкви и сожжения местного народного училища писал генерал-губернатору настоятель Камень-Спасского прихода священник Климентий Боярчук. В Свенцяном уезде попытку насильственного захвата возбужденной толпой католиков Засвирской церкви остановило только присутствие 20 вооруженных солдат, присланных сюда для охраны порядка⁵². Толпа литовцев-католиков дважды пыталась силой захватить Антолепский женский монастырь Новоалександровского уезда Ковенской губернии. Монастырь удалось отстоять благодаря присутствию воинского подразделения. В ряде случаев в роли подстрекателей крестьян к насильственному захвату храмов, по мнению администрации и православного духовенства, выступали местные ксендзы⁵³.

К началу 1907 г. противостояние между католиками и православными вновь обострилось. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, в записке «О положении католиков и православных в Литовской епархии за последние 2 года», составленной в августе 1907 г. отмечал: «Положение православного населения в Литовской епархии в следствие враждебного отношения к нему со стороны католиков является очень тяжёлым. Задавшись целью, под влиянием своего фанатичного духовенства, изгнать православных русских людей якобы из „забранного края“, в видах восстановления Великой Польши «от моря до моря», католики всячески поносят Православную церковь и её служителей, грозят им смертью и сожжением их имущества и с дикой злобой преследуют православных прихожан»⁵⁴.

Психологический террор и физическое насилие к которым прибегала католическая сторона вызывали у православных необходимость активной защиты своих приходов и церквей. На насилие православные готовы были также ответить насилием. Взаимное противостояние сторон было чревато новыми конфликтами. В сентябре 1907 г. обер-прокурор Святейшего Синода П. Извольский сообщал министру внутренних дел П. А. Столыпину, что: «В одном из округов Минской губернии озлобление православных против католиков за их насилия дошло до такой степени, что духовенство этого округа особым актом довело до сведения епархиального начальства, что его паства готова с оружием в руках броситься на католиков и их духовенство, чтобы отомстить за причинённые им обиды и насилия»⁵⁵. В Гродненской губернии, где активно

52. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Лл. 111–112, 120–121.

53. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 355. Л. 36.

54. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 163.

55. Там же. Л. 211.

велась проповедь католицизма, православные крестьяне изгоняли из деревень наиболее ревностных миссионеров. По инициативе Красностокского монастыря в крае распространялись «Почаевские листки» с резкой критикой папства и католичества. Однако антикатолические настроения не были распространенными в крестьянской среде. Там, где они возникали, это была, как правило, ответная реакция на вызовы католического экстремизма⁵⁶. В целом, православное население в случаях, когда деятельность католического духовенства и мирян принимала противозаконный характер, обращалось за содействием к епархиальным архиереям или губернскому начальству.

Наиболее активные проявления религиозного экстремизма, нарушавшие законные права господствующей Православной церкви, встречали решительное противодействие властей, что приводило на практике к трагическим последствиям. В местечке Зельва Волковысского уезда Гродненской губернии католическое население пыталось силой воспрепятствовать постройке православной церкви на фундаменте бывшего костела, который был конфискован администрацией генерал-губернатора Э. Т. Баранова в 1867 г. Неоднократные разъяснения о негативных последствиях подобных противоправных действий, сделанные местной полицией и православным священником, не принесли никакого результата. Не помогли мирно разрешить назревавший конфликт и уговоры Волковысского католического декана и приходского ксендза. 2 января 1907 г. возбужденная толпа католиков (до 1000 человек) с кольями и палками напала на обоз, который перевозил камень для постройки церкви. Сопровождавшие обоз стражники в целях самозащиты вынуждены были открыть стрельбу. В результате столкновения из нападавших было убито 7 человек. Прибытие в Зельву роты солдат позволило успокоить разбушевавшиеся страсти, порядок был восстановлен, и подвоз камня для строительства церкви возобновился уже беспрепятственно. Расследование, проведенное администрацией, показало, что действия стражников были правомерны, и не превышали пределов необходимой самообороны⁵⁷.

Столь же трагично закончилась попытка католического населения местечка Ивенец Минского уезда без официального разрешения установить деревянный крест на площади напротив православного храма. Демонстративный характер поступка местных католиков был обусловлен тем, что этот храм был перестроен из францисканского костела, закрытого администрацией за антиправительственную пропаганду во время восстания 1863 г. На законное требование полиции убрать крест, поставленный 30 мая

56. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Лл. 70–71; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 399. Лл. 105–106; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Лл. 35–36.

57. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 426. Лл. 47–49, 74–86.

1907 г., и освященный ксендзом Л. Щербо, католики ответили решительным отказом. Тогда 3 июля этого же года полицейские, несмотря на сопротивление толпы, перенесли установленный крест на местное римско-католическое кладбище. Однако католики вновь повторили попытку установить крест на прежнем месте. Полиция попыталась снова изъять крест, но встретила яростное сопротивление, в неё начали швырять камнями и кольями. Так как агрессивность толпы (до 200 человек) возрастала, полиция вынуждена была, исчерпав все меры предупреждения, открыть стрельбу. В результате была убита одна женщина и четверо ранено. Этот инцидент, произошедший 3 июля 1907 г., завершился изъятием креста и восстановлением в Ивенце спокойствия и правопорядка. Одним из виновников этого трагического происшествия администрация считала местного ксендза Л. Щербо, так как последний отказался по просьбе местного исправника, воздействовать на католиков, заявив при этом, что «все добывается борьбой, что борьба и жертвы необходимы для того, чтобы добиться больше прав». В последствие этот ксендз, по просьбе минского губернатора Я. Эрдели был переведен на службу в Полтавскую губернию⁵⁸.

1907 год практически завершил период наиболее острого противостояния между католиками и православными, сопровождавшийся человеческими жертвами и спонтанными вспышками взаимной ненависти. Начался период «тихого» противоборства, т. е. продолжение рецепции положений указа о веротерпимости в новых условиях.

Проблемы веротерпимости в условиях социально-политической стабилизации в белорусско-литовских губерниях

Укрепление политической стабильности в крае, наступившее после революционных потрясений 1905 г., не повлекло за собой смягчения остроты религиозно-этнических противоречий. После массового перехода «упорствующих» в католицизм в 1905 г. позитивный потенциал указа 17 апреля продолжал реализовываться в ситуации, когда отпадения от Православия приняли довольно умеренный характер и были поставлены в соответствии с циркуляром МВД от 18 августа под контроль губернской администрации, с обязательным уведомлением в течение месяца со стороны православных священников. Например, в Минской православной епархии в установленном порядке в течение 1908–1909 гг. в католицизм перешло 964 человека.⁵⁹

58. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7374. Лл. 24–25, 32.

59. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 37.

Стоит отметить, что уже в этот период сугубо религиозные причины отпадения от православия отходят уже на второй план. Как свидетельствуют многочисленные рапорты священников Минской епархии, занимавшихся увещаниями тех, кто оставлял Православие, преобладающими мотивами добровольного перехода в католицизм становились соображения экономического и практического характера — выгодные браки с обретением более высокого в глазах крестьян социального статуса шляхты, желание семейного мира и единства в постах и праздниках в смешанных браках католиков и православных, необходимость сосуществования с соседями католиками в одной деревне, желание получить выгодную работу у католиков и т. д.⁶⁰

Однако возможность свободного перехода из православия по-прежнему использовалось католическим духовенством и мирянами для прозелитических целей. Продолжалась практика насилия над совестью православных, вступавших в брак с католиками. По свидетельству православных священников, ксендзы, с целью предотвращения смешанных браков, требовали от католиков под угрозой отказа в венчании, чтобы православные обязательно переходили в католицизм. Православные, принципиально не желавшие менять веру, вынуждены были отказываться от таких браков в ущерб личным интересам. Были случаи, когда под гнётом материальной нужды, православные, по требованию католической стороны, вынуждены были принимать католицизм.⁶¹

Объектом религиозного принуждения по-прежнему оставались смешанные семьи православных и католиков. Государство после указа 17 апреля продолжало сохранять привилегии православия в такой сфере, как смешанные браки. В соответствии с действующим законодательством, венчания должны были обязательно совершаться в православном храме, от инославных бралась подписка, что дети в таких семьях будут воспитаны в православной вере. Таким образом, облечённая в форму закона каноническая традиция «господствующего» православия вступала в конфликт с канонической традицией терпимой Католической церкви. В свою очередь, ксендзы, действуя по канонам своей Церкви, но вопреки российским законам, отказывали от исповеди и Св. Причащения католикам в смешанных семьях, до тех пор, пока православные члены семьи под их давлением не принимали католическую веру. Бывали случаи, когда по требованию ксендзов католички отказывали православным супругам в брачном ложе до тех пор, пока последние не примут католицизм, крестили своих детей по католическому обряду вопреки существовавшему закону. Дело доходило до физиче-

60. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Лл. 2,4,6,7, 20,37,53,85.

61. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37359. Лл. 187, 195; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Лл. 41, 103, 224.

ского насилия, когда супруг католик и его родственники принуждали православную жену переменить веру. Есть факты, когда родители-католики силой принуждали детей покинуть православие. Нередко католический фанатизм, поощряемый духовенством, становился причиной тяжёлых семейных трагедий⁶².

Депутат 3-й Государственной Думы православный священник А. Юрашкевич, дававший характеристику подобного рода фактам, ставших неотъемлемой частью православно-католических отношений в западных губерниях, категорично утверждал: «Мира нет и мира в ближайшем будущем не будет»⁶³.

Факты религиозного принуждения со стороны ксендзов вызывали протесты православного духовенства и верующих, но весьма редко становились объектом судебного преследования в силу большой сложности в доказательстве такого рода «совращений». Гораздо чаще судебные приговоры выносились ксендзам за открытое порицание православной веры и незаконные венчания и крещения православных. В октябре 1908 г. судом присяжных на четыре месяца заключения в крепости был осуждён ксендз Лошакевич. Присяжные признали его виновным в том, что ксендз «с целью произвести соблазн среди присутствующих крестьян, умышленно позволил себе поносить православную веру и святыне мощи православных мучеников, говоря, что: „Православная вера не истинная, а сатаническая, что православные поклоняются не святым мощам, а идолам, волосатым чертям, и что у них, православных, вместо мощей помещены под стеклом чучела, набитые опилками“⁶⁴.

В 1909 г. судом присяжных был осуждён на полтора года заключения в крепости бывший настоятель костела в местечке Майорах Дисненского уезда ксендз Бороздич за пропаганду польского национализма, «кошунство и хулу против православной церкви». В своих проповедях ксендз говорил, что «Вера у православных выдуманная, что у человека, исповедующего православную веру, душа собачья, что оставшиеся в православии попадут в пекло, ибо вера православная фальшивая и проклятая»⁶⁵. По обвинению в антиправительственной пропаганде, распространении идеологии польского национализма, русофобию и призыв к изгнанию из края православных священников и полиции был привлечен к суду настоятель Вавиорского прихода Лидского уезда Виленской губер-

62. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Лл. 189–192; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37131. Л. 4; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37225. Л. 8; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37359. Л. 220; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Лл. 95–96, 207–211; Не посягайте на Православие. С. 34–36, 58–60; За первый год вероисповедной свободы. С. 184.

63. Не посягайте на православие. С. 52.

64. Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1908. № 24. 15 декабря. С. 586.

65. Не посягайте на православие. С. 66–67.

нии ксендз И. Сахарко⁶⁶. Всего к концу 1908 г. в Виленской губернии за соращения православных и кощунства над православной верой было предано суду 82 ксендза⁶⁷.

В сентябре 1907 г. обер-прокурор Святейшего Синода П. Извольский обратился к министру внутренних дел П. А. Столыпину с настоятельной просьбой о переводе ксендзов К. Ваньковича, В. Герасимовича, Л. Щербо, К. Михалькевича, И. Скаковича и ряд других, как «особенно» фанатичных насадителей католицизма в Минской губернии», перевести их из этой губернии в другую, с «исключительно католическим населением, где бы фанатическая деятельность их не наносила ущерба православию и русской народности и не порождала бы враждебных отношений между католическим и православным населением»⁶⁸. Практически все указанные ксендзы, были переведены католической епархиальной властью за пределы Минской губернии. Кроме того ряд ксендзов был приговорен судом к различным мерам наказания за нарушение статей 93–94 Уголовного уложения, а ксендз В. Герасимович отправлен на три года в ссылку в Архангельскую губернию за пропаганду польского сепаратизма⁶⁹.

Противозаконные крещения и венчания православных, а также пропаганда враждебности к православию и «русской народности» как свидетельствуют судебные приговоры и практика перевода ксендзов за пределы Минской губернии, служили объективным показателем непрекращавшейся прозелитической деятельности католического духовенства среди православного населения.

Помимо сугубо пастырских инструментов прозелитизма среди православных, использовались и светские приемы миссии, применяемые польскими помещиками и арендаторами. В этом случае объектом прозелитизма становилось экономически зависимое, бедное православное крестьянство. По словам Минского епископа Михаила (Темнорусов П. М.), на помощь католической миссии были призваны имущие классы латинско-польского общества. Последние стали оказывать давление на православных в пользу принятия католицизма, используя рычаги экономического принуждения. Епископ утверждал, что «никто из католиков ни под каким видом не продаст православному и пяди земли, поэтому простая аренда земель, в большинстве принадлежащих в губернии католикам-полякам, служба в польских помещичьих экономиях и даже частных домах католиков в качестве прислуги стали служить могущественным орудием соращения православных в католицизм»⁷⁰.

66. ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 366. Лл. 7–8.

67. Не посягайте на Православие. С. 66–68.

68. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 211.

69. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7494. Л. 105.

70. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Лл. 36–37.

Действительно, нередко были случаи, когда православные крестьяне теряли работу в помещичьих имениях за отказ стать католиками⁷¹.

Итоги

Почему же указ о веротерпимости не принёс ожидаемого правительством стабилизирующего эффекта и не привел к снижению межконфессиональной напряжённости в крае? По крайней мере в первые несколько лет. Ответить на этот вопрос можно следующим образом.

Правительство, разработавшее указ 17 апреля 1905 г. проявило проницательность в главном, политическом аспекте даруемой религиозной свободы, принципиально расходясь в этом вопросе с обер-прокурором К. П. Победоносцевым. Как показали события 1905–1907 гг., местный католицизм действительно перестал быть тем политическим врагом России, каким он был в 1863 г. Учет этого основного обстоятельства при разработке указа и вызвал, в свою очередь, необходимость поиска более гибких и эффективных механизмов правовой регуляции отношений с католичеством в рамках законодательства о веротерпимости. Что же касается причин, приведших к резкому обострению религиозно-этнической ситуации в Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской губерниях, их перечень и содержание выглядят следующим образом.

Во-первых, правительство не смогло правильно оценить все возможные риски, связанные с миссионерским потенциалом католицизма в Северо-Западном крае, его поддержку со стороны польских землевладельцев, шляхты и сочувствовавшей им представителям местной администрации. Не была учтена степень напряжённости и глубина религиозно-этнического противостояния в регионе, о чём когда-то настойчиво предупреждал российских императоров Победоносцев. Обер-прокурор был безусловно прав в том, что к началу XX в. связь католичества с польской и литовской идентичностью усилилась, что привело к накоплению скрытых межрелигиозных и межэтнических противоречий. В результате часть католического духовенства, включая иерархию, оказалась не готовой к восприятию свободы как универсальной социальной ценности, и стремилась использовать её исключительно в своих узко конфессиональных и этнических интересах, нередко нарушая при этом правовые нормы и принципы христианской морали.

71. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 190; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36–37; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167. Л. 115; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Лл. 41, 46, 69, 96, 103, 207, 220; Гринякин Н. Плоды вероисповедной свободы // Миссионерское обозрение. 1908. № 12. С. 1628–1629, 1636.

Это привело на практике к различным фальсификациям в интерпретации указа и разжиганию религиозно-этнической розни по отношению к православному населению. Реализация указа по времени совпала с началом революционных потрясений на западных окраинах России, расшатавших государственный порядок и общественную дисциплину.

Во-вторых, часть католического духовенства ставила верность каноническому праву своей Церкви выше уважения к российскому законодательству о веротерпимости. И хотя прозелитизм среди православных по-прежнему был запрещён законом, предоставленная указом возможность покинуть «господствующую» Церковь позволила на практике продолжать незаконную миссионерскую деятельность. В основе такого поведения лежал не только правовой нигилизм, свойственный части католического духовенства, но и упрощённое понимание христианской миссии. Духовенство было убеждено, что только Римско-католическая церковь является истинной, поэтому совершенно законно и необходимо заниматься прозелитизмом среди православных христиан, а там где проповедь оказывается неэффективной, следует прибегать к принуждению.

В-третьих, исключительная эkkлeзиoлoгия Римско-католической церкви находила свое радикальное выражение в настроениях и демонстрации религиозного превосходства истинной веры над «схизматическим» Православием. Дополнительным источником появления подобных массовых настроений была разница в правовых статусах обоих соперничавших Церквей. Католичества как Церкви «терпимой» и Православия как Церкви «господствующей». Часть духовенства и мирян стремилась компенсировать ограничения, наложенные законодательством на права их Церкви, демонстрацией своего эkkлeзиoлoгичeского и догматического триумфализма за счет порицания авторитета Православия и русской культуры. Они хотели добиться конфессионального реванша, понимаемого как восстановление исторической справедливости и укрепить религиозные, этнические и социокультурные позиции католичества, серьёзно ослабленные после 1863 г.

В-четвертых, религиозно-этническая нетерпимость к православию как воплощению «русского начала», агрессивность, проявляемая на «низовом» уровне свидетельствовали о тенденции к охлократическому решению сложных правовых вопросов возвращения католической собственности и восстановления утраченных приходов. В свою очередь, охлократические способы решения религиозно-правовых и языковых проблем стали результатом организованной католическим духовенством пропагандистской миссионерской кампании, основанной на дискредитации православия, фальсификациях и подлогах.

В-пятых, «низовая» враждебность к православию, основанная на убеждении в превосходстве католичества, оказалась неразрыв-

но связанной со стихийным, т. е. идейно и политически неоформленным польским национализмом. Этот вид национализма содержал в себе примитивный комплекс шляхетского социокультурного высокомерия по отношению к русским и их культуре. Наличие указанного комплекса приводило к тому, что этническая враждебность к русскому (православному) населению, усиливаемая эксклюзивной религиозной составляющей, носила не столько национальный, сколько трайбалистский характер. Проявление «низового» религиозно-этнического трайбализма в поведении и настроениях части католического клира и прихожан снижали эффективность мер, предпринимаемых администрацией и католической иерархией для стабилизации межконфессиональных отношений в регионе.

Существенно сократив область государственного, т. е. вертикального принуждения, применяемого для поддержания претензий Православия на исключительный статус среди религиозных сообществ России, указ 17 апреля 1905 г. упразднил тем самым важную причину, инициировавшую проявления нетерпимости как со стороны государства и «господствующей» Церкви, так и отдельных групп неправославного духовенства и населения. Поэтому продолжавшиеся в новых условиях проявления религиозной нетерпимости в Северо-западном крае вызывались уже не столько административно-правовым воздействием государства, по-прежнему сохранявшего запрет на прозелитизм среди православных и преимущества православия в смешанных браках, сколько миссионерскими приёмами и уровнем усвоения светского правосознания частью духовенства и паствы Римско-католической церкви. Религиозное противостояние приобрело теперь преимущественно общественный характер, и переместились в основном с вертикального на горизонтальный уровень — семьи и прихода. Это свидетельствовало о том, что в условиях расширения религиозной свободы основными мотивами межконфессиональных конфликтов и противоречий стали принципы нетерпимости, заложенные в самой церковной традиции, религиозной и этнической ментальности части католического духовенства и мирян, проявляемые ими в повседневной практике приходской и семейной жизни.

ХАЛИТ ДЮНДАР АКАРДЖА

ТРАБЗОН СТАНОВИТСЯ ТРАПЕЗУНДОМ:
ПРЕВРАЩЕНИЕ ОСМАНСКОГО ГОРОДА В РУССКИЙ
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Территориальное завоевание фактически становится таковым только после — а точнее говоря, в процессе — ритуала вступления во владение, который лишь копирует изначальный акт Сотворения Мира¹

Исследователи, посвятившие себя теме расширения Российской империи, в последнее время все чаще обращаются к приграничным городам как к важной лаборатории, позволяющей проанализировать российскую колониальную и имперскую идентичность сквозь призму завязывавшихся в них политических, культурных и социальных взаимоотношений. Историки, интересующиеся природой Российской империи как колониальной и империалистической державы, до сих пор трактовали перестройку таких приграничных городов, как Ташкент, или регионов, подобных Крыму, как примеры русской цивилизаторской миссии, как насаждение современности, русского образа жизни и цивилизации в восточных городах и среди восточных народов². Хотя и не умал-

1. Mircea Eliade. The Myth of the Eternal Return. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 10.

2. Robert D. Crews. Civilization in the City: Architecture, Urbanism and the Colonization of Tashkent // James Cracraft and Daniel Rowland (Eds.). Architectures of Russian Identity 1500 to the Present. Ithaca, 2003. Pp. 117–132; Jeff Shadoo. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington: Indiana University Press, 2007; Michael Hamm. Kishinev: The Character and Development of a Tsarist Frontier Town // Nationalities Papers. Vol. 26. No.

чивая о роли местного населения в формировании российского города и имперской идентичности, эти авторы все же уделяли больше внимания планам российских правителей, осознававших себя в роли европейских цивилизаторов и в этом качестве стремившихся изменить городской пейзаж и социальную жизнь покоренных земель, надолго попавших в состав империи. Отталкиваясь от анализа этих работ, наша статья посвящена территории, которая была оккупирована русскими менее двух лет. Несмотря на небольшой промежуток времени, на войну, препятствовавшую формальной аннексии, и на отсутствие четких планов по русификации этих земель, Трабзон (ставший в русском лексиконе Трапезундом)³ превратился в русский город вследствие практической динамики оккупации, на имперский манер осуществлявшейся российскими военными и гражданскими лицами различного этнического происхождения. Демографические изменения, новые стройки, военные церемонии, парады и русские православные праздники, освоение русскими православно-греческого наследия города, а также привлечение его жителей к работе российской городской администрации — вот из чего складывались те преобразования, которым мы бы хотели уделить внимание.

Город Трабзон

До войны центр Трабзона насчитывал 51 016 жителей (29 168 турок, 13 190 православных греков, 7121 армянин, 1453 католика)⁴. После жестоких боев под селением Оф⁵ османская армия и большинство мусульманского населения 16 апреля 1916 г. покинули Трабзон⁶. Русский генерал [Ляхов] принял на окраине города депутацию

-
1. 1998. Pp. 19–37; Kelly O'Neill. Constructing Imperial Identity in the Borderland: Architecture, Islam and the Renovation of the Crimean Landscape // *Ab Imperio*. 2006. No. 2. Pp. 163–192.
 3. В данной статье название «Трабзон» используется при описании событий в первые месяцы оккупации. Название «Трапезунд» появится как хронологическое следствие событий, сопровождавших преобразования. Кроме того, название «Трапезунд» применяется и в связи с упоминаниями о византийской Трапезундской империи, а также в тех случаях, когда оно встречалось в дипломатической переписке.
 4. S. O. Dickerman. Report on the Vilayet of Trebizond. P. 29 (National Archives Washington D. C. Records of the Department of State. Inquiry Documents. Special Records and Studies, 1917–1919. Inquiry Document 120: National Archives Microfilm Publication MC1107, roll 9); Richard Hovannisian. *Armenia on the Road to Independence*. Los Angeles: University of California Press, 1967. P. 27.
 5. Hasan Umur. *Of ve Of muharebeleri*. İstanbul: Güven Basımevi, 1949. S. 41–65.
 6. Mahmut Goloğlu. *Trabzon Tarihi: Fetihden Kurtuluşu Kadar*. Trabzon: Serander Yayınları, 2000. S. 174–175.

местных жителей во главе с американским консулом⁷, и 18 апреля 1916 г. российские силы оккупировали город. Из-за массового бегства мусульманского населения вместе с османской армией и депортации за год перед этим армянского населения город заметно обезлюдел. Поскольку город сдался без боя, он избежал разрушения. Мусульманское население ушло из города, ничего не тронув; запечатые склады были полны товаров, военные и гражданские административные здания, мосты, казармы и дома находились в хорошем состоянии, но были разграблены⁸. Инспекторы Всероссийского союза городов (Согора) князь Аргутинский-Долгорукий и И. А. Миткевич прибыли в Трабзон сразу же после его занятия русскими войсками и обнаружили, что город, при его восточном облике, почти соответствует европейским стандартам: здесь были чистые улицы, крепкие дома, тротуары, уличное освещение, канализация и водопровод⁹. Здания были украшены флагами США в знак того, что они находятся под защитой этой державы¹⁰.

Учреждение российской администрации в городе

Из-за отсутствия сухопутных дорог для связи фронта с тылом занятие Трабзона, лежащего на черноморском побережье, рассматривалось как быстрое решение проблемы снабжения русских войск. Поэтому российские военные власти придавали городу и его окрестностям больше значения, чем каким-либо другим пунктам на оккупированной территории. Была создана временная военная администрация во главе с генералом Яблочкиным, который получил полномочия генерал-губернатора. Первоначально русские не вмешивались в дела местной администрации. Существовавшая в Трабзоне городская управа, в которой заседали видные лица из числа горожан-греков, по данным контрразведки Кавказской армии, была создана османским губернатором города еще до его эвакуации¹¹. Од-

7. The Russian Campaign of 1915–1916 in Armenia // The Times: History of the War. London: «The Times» Printing House Square, 1917. Vol. X. Chapter 159. P. 263.

8. The Consul at Trebizond (Heizer) to the Secretary of State, 29 April 1916, Trebizond // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1916: Supplement The World War. Washington: United States Government Printing Office, 1929. Pp. 35–36.

9. Доклад князя Аргутинского-Долгорукого о командировке в Трапезунд. Тифлис, 1916. С. 1.

10. Миткевич А. И. По Анатолийскому берегу // Известия Всероссийского Союза Городов. № 27–28. 1916. С. 320; Фильм «Падение Трапезунда» // Российский государственный архив кино-фотодокументов. № 11535.

11. Российский государственный военно-исторический архив (Москва) (далее: РГВИА). Ф. 2168. Оп. 1. Д. 553. Л. 119 об.

нако греки не имели опыта в управлении городом; муниципальным властям не хватало средств и авторитета для поддержания работы городских служб¹².

Первые месяцы оккупации принесли с собой много хаоса и бедствий. Наличие наряду с греческой гражданской администрацией русских военных властей с нечетко разграниченными полномочиями лишь усугубляло царивший в городе хаос. Хотя генерал Ляхов приказал армии стать лагерем вне города, во время передвижения войск кварталы, покинутые мусульманами, неизбежно подвергались разграблению и уничтожению¹³. Из пустовавших зданий не только похищали утварь; они также разрушались в результате поисков топлива. После того, как солдаты разбирали деревянный каркас домов, те рушились, создавая опасность для горожан и загромождая улицы руинами. К зиме 1916 г. в Трабзоне и его окрестностях насчитывались уже тысячи таких зданий, как писал в своих мемуарах д-р Кефели, который в ноябре 1916 г. возглавил городскую администрацию¹⁴. Система водоснабжения, целая к моменту оккупации, была совершенно разрушена русскими войсками, особенно казаками, поившими своих лошадей. Санитарные условия ухудшились до такой степени, что городу грозили эпидемии. Вернувшиеся мусульмане, не знавшие ни русского, ни вообще каких-либо европейских языков, как и собственность бежавших мусульман, становились жертвой солдат. Греки, которых представлял греческий митрополит Филиппид Хрисанф, имели некоторый доступ к военным властям и поэтому в какой-то мере были ограждены от произвола со стороны войск.

Российский генерал Алексей Владимирович фон Шварц, занимавшийся строительством городских укреплений, отправил великому князю Николаю Николаевичу, наместнику на Кавказе, доклад, в котором описывал, к каким ужасным последствиям для самого города и для его обороны приведет отсутствие единоначалия в Трабзоне, и требовал, чтобы вся власть была сосредоточена в его руках¹⁵. По получении доклада в целях централизации власти после оглашения временного положения об управлении всеми оккупиро-

12. Бахметьевский архив российской и восточно-европейской культуры (далее: БАР). Документы Кефели. Бокс 1. Папка «В Трапезунде с генералом Шварцом» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Kefeli Papers. Box 1. File «V Trapezunde s Generalom Schwartsom»). Л. 51.

13. Государственный архив Российской Федерации (Москва) (далее: ГА РФ). Ф. Р-10027. Д. 8. Л. 213.

14. БАР. Документы Кефели. Папка «В Трапезунде». Лл. 49–50.

15. БАР. Документы Шварца. Папка «Дневник Антонины Васильевны Шварц». Лл. 30–36. В ночь перед тем, как отправить доклад великому князю и его помощнику по гражданским делам генералу Леониду Митрофановичу Болховитинову, Шварц продиктовал его своей жене.

ванными турецкими территориями¹⁶ генерал Шварц 20 июня 1916 г. был назначен начальником Трапезундского укрепленного района¹⁷. После сосредоточения всей власти в его руках преобразование города ускорилось. Генерал Шварц, успешно командовавший крепостью Ивангород вплоть до ее эвакуации, а затем — Карсом, энергично приступил к выполнению задач, перечисленных им в докладе великому князю — в их число входили строительство укреплений, восстановление разрушенной городской инфраструктуры, улучшение санитарных условий в целях предотвращения эпидемий и обеспечение продовольствием жителей города, число которых возрастало день ото дня. Пока фортификационные работы шли полным ходом, Шварц приказал провести статистическое и этнографическое обследование района, находившегося под его началом, поручив эту задачу Сергею Рудольфовичу Минцлову¹⁸, а кроме того, назначил Минцлова начальником города с целью надзора за работой греческой городской администрации. Такими были первые сознательные попытки вступить во владение Трабзоном как российским городом.

Поскольку город по-прежнему находился в непосредственной близости от фронта, где время от времени возобновлялись боевые действия, коренные обитатели города летом 1916 г. относились к российской власти как к временному явлению¹⁹. Сам Шварц считал необходимым издать приказ, в котором объявлял, что происходящее — совсем не временная оккупация, и что русские навсегда вступили во владение городом²⁰. В приказе Шварца все жители района объявлялись российскими подданными, равноправными и ответственными перед российскими законами, за нарушение которых полагалось суровое наказание. Хотя этот приказ произвел определенное впечатление на жителей, гораздо более убедительным в их глазах стало дальнейшее продвижение российской армии в Анатолию.

16. Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего от 5 июня 1916 г. № 739: «При сем объявляется временное положение об управлении областями Турции, занятыми по праву войны», Российский Государственно-Исторический архив (СПб.) (далее: РГИА). Ф. 1284. Оп. 47. Д. 165. Лл. 3–210б.

17. Минцлов С. Р. Трапезундская эпопея: Дневник. Берлин: Сибирское книгоиздательство, 1922. С. 51.

18. Минцлов С. Р. Статистические очерки Трапезундского укрепленного района. Трабзон, 1916.

19. БАР. Документы Шварца. Папка «Дневник Антонины Васильевны Шварц». Л. 42.

20. ГАРФ. Ф. Р-10027. Оп. 1. Д. 8. Л. 1. Приказ Шварца вызвал беспокойство в российском министерстве иностранных дел, где считали, что вопрос об аннексиях решается только при заключении мира.

Привлечение горожан к работе в российской администрации Трапезунда

Хотя русское население города росло, привлечение местных жителей к его управлению было более чем необходимо для стабильной работы городской администрации. Греки, во время оккупации составлявшие большинство населения, были в основном купцами, и их сотрудничество имело решающее значение для обеспечения города продовольствием. Мусульманское население с укреплением российской власти также постоянно возрастало, и не обеспечив его покорности, нельзя было поддерживать в городе порядок, кормить его и вести строительство. Русским не удавалось привлечь греков к работе на стройках, и поэтому они были вынуждены обратиться к мусульманам. Русские сумели заручиться сотрудничеством местного населения посредством интеграционной имперской политики и торговыми представителями этого населения. В результате период русской оккупации оказался для региона относительно спокойным временем по сравнению с предыдущими годами, которые были отмечены исключительно кровавыми эксцессами.

Как уже упоминалось, греческую общину возглавлял митрополит Хрисанф — молодой и весьма образованный священник. Еще в годы османского правления он зарекомендовал себя как умелый дипломат, выступавший посредником в отношениях между своей конгрегацией и властями. Ту же роль он продолжал выполнять и при русских. Когда город подвергался российским бомбардировкам, он уверял османов в верности своего народа Высокой Порте и получил за это награду²¹, последний османский губернатор города якобы доверил ему оставшееся османское население и городскую администрацию²². И тот же самый митрополит после начала оккупации более чем восторженно встретил новую российскую власть. Он сразу же начал учить русский язык и вскоре совершал все церковные службы уже только по-русски. Однако Хрисанф отнюдь не занимал позицию полной покорности и его не следует воспринимать как откровенного коллаборациониста, с легкостью поменявшего прежних хозяев на новых. Он защищал и продолжал защищать права греков, неоднократно возвышая свой голос в протесте, когда ему не удавалось воздействовать на русские власти силой убеждения. В то время как его политика торговыми представителями получила высокую оценку у местных российских властей во главе с генералом Шварцем, в штабе российской Кавказской армии она вызывала подозрения. Командующий армией генерал Юденич обвинял митро-

21. Başbakanlık Osmanlı Arşivleri (далее: BOA). DH. EUM. 3 Şb. № 4.17. 15 / R / 1333 [03 / 02 / 1915].

22. Mustafa Reşit Tarakçıoğlu, Trabzon'un Yakın Tarihi. Trabzon: Karadeniz Üniversitesi Rektörlüğü, 1986. S. 10.

полита в том, что тот — турецко-немецкий шпион, и требовал провести расследование²³.

Одним из примеров сопротивления российским властям была единодушная отставка греческой администрации после того, как Шварц, не ограничиваясь надзором над работой администрации, назначил ее главой российского подданного, а кроме того, решил ввести в ее состав двоих мусульман ради соблюдения принципа беспристрастности в национальной политике. Городская администрация была не в состоянии справиться с возложенными на нее задачами, и генерал Шварц хотел усилить ее за счет д-ра Я. И. Кефели, который отвечал за санитарную работу в Карсе. Более того, вследствие увеличения мусульманского населения города генерал Шварц собирался закрепить за мусульманами два места в городской администрации с целью содействовать участию мусульман в городской жизни, а кроме того, контролировать администрацию, которая распоряжалась доходами, получаемыми с покинутой мусульманской недвижимости. Митрополит пытался отговорить генерала от такого шага, но поскольку Шварц оставался непреклонен, митрополит организовал отставку всех греков из числа городской администрации и отправил петицию великому князю, пытаясь заручиться его поддержкой. После того, как великий князь ответил митрополиту отказом, генерал Шварц и греческая община сумели прийти к соглашению. В состав городской администрации, помимо двух мусульман, вводился еще один грек, финансовые полномочия греческих членов администрации расширялись, а доктору Кефели предложили посетить митрополита с официальным визитом и поцеловать ему руку, тем самым продемонстрировав свое уважение ему²⁴. Тем временем Хрисанфу преподнесли белый головной убор российских митрополитов, что одновременно и льстило ему, и еще сильнее привязывало греческую общину к Российской империи. Когда во главе администрации встал российский подданный, а в ее состав вошли двое мусульман и двое русских, она превратилась из местного греческого в российский имперский муниципальный орган. Соответственно расширились ее полномочия, материальные возможности и фонды²⁵.

Интеграция мусульманского населения стала одним из приоритетных направлений в работе генерала Шварца. Главным препятствием к выполнению этой задачи, однако, стало отсутствие «интеллигентных» представителей разрастающегося мусульманского населения. Мусульманские должностные лица, знать и религиозные вожди бежали вместе с османской армией. Русские власти

23. РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 553. Л. 343.

24. БАР. Документы Кефели. Папка «В Трапезунде с генералом Шварцом». Лл. 119–121, 130.

25. БАР. Документы Кефели. Папка «В Трапезунде». Лл. 122–123, 154.

не могли найти представителей мусульманской общины и были вынуждены сами создавать их. Чтобы доносить свои требования до мусульманского населения, русские власти назначили муфтием (религиозной главой провинции) бывшего российского подданного, выходца с Кавказа²⁶. Как упоминалось выше, в состав городской администрации были введены двое мусульман с правом контролировать финансовые вопросы, связанные с мусульманской собственностью и со строительными работами. Доходы от брошенной мусульманской недвижимости поступали в распоряжение городской администрации, причем половина этих средств использовалась для финансирования муниципальных проектов, а остаток помещался в Русско-Персидский банк на имя владельцев собственности. Мусульман возмущало то, что всем этим занимались греческие члены администрации. Генерал Шварц решил не лишать греков соответствующих полномочий, но поставить их деятельность под контроль мусульман, введенных в состав — администрации.

Назначение д-ра Кефели во главе администрации также положительно сказалось на мусульманском населении. Будучи выходцем из караимов (тюркской народности, исповедующей разновидность иудаизма), Кефели мог найти общий язык с мусульманским населением; и он, и его жена вскоре стали посредниками в отношениях между туркоязычными жителями города и российскими властями²⁷.

Турки из числа городской администрации, говорящий по-турецки мэр и назначенный русскими муфтий выступали в роли необходимого связующего звена между мусульманским населением и российской администрацией, причем это связующее звено оказалось полезным для обеих сторон. Мусульмане начали получать помощь от русских властей и от гражданских учреждений. Приказ генерала Шварца, задававший характер русского правления, гарантировал мусульманам юридические права и право на отправление религиозных обрядов. Вскоре по инициативе генерала Шварца была открыта школа для мусульманских мальчиков, так как в городе не существовало школ для мусульман, хотя функционировали греческие учебные заведения. В знак благодарности турецкие члены городской администрации и школьный учитель организовали парад учеников перед домом губернатора, и генерал Шварц раздал детям подарки²⁸.

Русские тоже оказались в выигрыше — в первую очередь благодаря тому, что теперь они смогли найти недостающую рабочую силу для ведущегося в городе строительства. По устным свидетель-

26. БАР. Документы Кефели. Папка «В Трапезунде». Л. 24.

27. БАР. Документы Кефели. Папка «В Трапезунде». Лл. 109–110.

28. БАР. Документы Кефели. Папка «В Трапезунде». Лл. 187–188.

ствам многих мусульман, проживавших в городе при русской оккупации, мусульманское население было готово работать на русских и сотрудничать с администрацией, так как это гарантировало его выживание в условиях оккупации. Свидетели из города и его окрестностей практически единодушно рассказывали, как хорошо и вовремя им платили за работу на прокладке шоссе и железных дорог²⁹.

Строительные и восстановительные работы

Создав функционирующую городскую администрацию, включавшую в свой состав местных жителей, русские могли приступить к тем инфраструктурным преобразованиям, которые им требовались для управления городом. С точки зрения русских властей, основные санитарные проблемы были вызваны характерным для восточного города отсутствием нормальной инфраструктуры. Сперва требовалось составить план, а затем проложить прямые и широкие улицы вместо узких, извилистых улочек османских времен. Из Петрограда были вызваны специалисты по городскому планированию и был создан генеральный план грядущей перестройки города. Хотя его не успели полностью реализовать из-за неожиданного завершения русской оккупации, все же в его рамках было осуществлены важные преобразования. Если бы город остался под властью русских, — утверждает Кефели, — он бы стал походить на города южного Крыма³⁰. Главным достижением стала постройка широкой и прямой главной улицы, которую назвали «Русский проспект». Как и во многих других османских городах, находившихся под русской оккупацией, она в течение долгих последующих лет оставалась главной улицей Трабзона. Многие небольшие улицы были выпрямлены, а некоторые из них получили русские названия — такие, как улица Ляхова, улица Великокняжеская, улица Почтовая. Названия улиц и номера домов писались по-русски и по-турецки.

Управление по строительству военных железных дорог в Трапезундском районе³¹ завершило сооружение 150-километровой линии Трабзон-Гюмюшхане, которую предполагалось продолжить через Эрзинджан и соединить с Эрзурумской узкоколейной доро-

29. Brent Brendemoen. Turkish Dialects of Trabzon: their phonology and historical development. V. 2. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. Pp. 65, 82, 103.

30. БАР. Документы Кефели. Папка «В Трапезунде». Л. 179.

31. Российский государственный архив Военно-Морского флота (СПб.). Ф. 1269. Оп. 1. Д. 39. Лл. 1–105.

гой в районе Мамахатун³². Проектировалась магистральная линия Батум-Трабзон для соединения оккупированного черноморского побережья с Российской империей; для строительства этой дороги было создано особое управление. Помимо железных дорог, российская администрация занималась также развитием морских путей сообщения. Поскольку оккупированные черноморские города не были связаны с империей сухопутной дорогой, с самых первых дней оккупации на побережье началось строительство портов. В 1916 г. в Трабзоне, Ризе и Полатхане (Акчаабате) были построены простые доки, которые совершенствовались в течение всей оккупации³³.

Строительство дорог оказывало существенное психологическое воздействие как на русских, так и на местное население. Ощущение оторванности от страны угнетающе действовало на русский гражданский и военный персонал города³⁴. Путь по морю не был ни надежным, ни безопасным, почта и газеты приходили с опозданием. Все напоминало о временном пребывании русских в этом отдаленном и скучном прифронтовом городке. И лишь строительство шоссе и железной дороги между Батумом и Трапезундом вселяло в русских надежду на то, что они не забыты и что связь с родиной скоро наладится³⁵. Местные жители также находились под большим впечатлением от строительства. В этом районе еще не бывало строек подобного размаха. Местных жителей поражали как Батум-Трапезундское шоссе и железная дорога, так и прочие крупные стройки, затеянные русскими. Они демонстрировали готовность России навсегда остаться в оккупированных землях. Более того, как свидетельствовали некоторые мусульмане, жившие под оккупацией, конец русского правления даже вызвал у них разочарование³⁶.

Военные церемонии и визиты высокопоставленных русских лиц

Одновременно с ходом строительных работ фронт стабилизировался еще дальше к западу от Трапезунда, а османские войска, противостоявшие русским, были так ослаблены, что не смогли бы сдерживать новое наступление, как констатировал военный представитель Австро-Венгерской империи в Турции, фельдмаршал-

32. Акопян С. М. Западная Армения в планах империалистических держав в период первой мировой войны. Ереван, 1967. С. 189.

33. РГИА. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2027–2030.

34. ГА РФ. Ф. Р-10027. Оп. 1. Д. 72. Л. 18.

35. БАР. Документы Кефели. Папка «В Трапезунде». Л. 12.

36. Brendemoen. P. 79.

лейтенант Йозеф Помянковский³⁷. Настал момент, когда наместник на Кавказе, великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий генерал Юденич, покоритель Трапезунда генерал Ляхов и другие высокопоставленные военные и гражданские должностные лица из Петрограда могли посетить город и оценить темп идущих в нем преобразований. Военные церемонии, проводившиеся в честь этих видных посетителей, играли заметную роль для демонстрации прочности и постоянного характера русской власти в Трапезунде. Они доказывали мощь русского оружия как самим русским, так и местным жителям. Церемониальные изъявления покорности со стороны местных deputаций символизировали принадлежность города к Российской империи. Шварц и Кефели удивлялись готовности, с какой мусульмане отряжали своих представителей для участия в этих парадах и приветственных делегациях. С точки зрения мусульманского населения, такие шаги демонстрировали его согласие участвовать в политической, социальной и экономической жизни города в том случае, если он останется в составе России.

Освоение греко-православного наследия города

Религия играла важную роль в этих церемониях. Все они начинались с торжественных богослужений, в которых принимали участие все военные и гражданские должностные лица и многие местные жители. Православие представляло собой одну из немногих, если не единственную, универсальную черту, присущую Российской империи, и как показал Теодор Уикс, насаждение православия имело особенно большое значение на приграничных территориях со смешанным населением³⁸. К моменту оккупации православие стало в городе преобладающей религией, сменив в этом качестве ислам. Главные православные праздники наряду с прочими церемониями, сопровождавшимися религиозными ритуалами, превратились в основное городское развлечение. 6 января 1917 г. греческое население впервые за пять столетий получило возможность отпраздновать крещение. Символическое значение этой церемонии отмечается в дневниковых заметках Антонины Васильевны Шварц, жены генерала Шварца:

37. Joseph Pomiankowski. Osmanlı İmparatorluğu'nun Çöküşü 1914–1918. I. Dünya Savaşı / Tr. Kemal Turan. İstanbul: Kayhan Yayınları, 1990. S. 242.

38. Theodore Weeks. Nation and State in Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 68.

«6-го утром большой парад и крестный ход на водосвятие. В середине собора были два возвышения с высокими сидениями в виде тронов, одно справа для Митрополита, другое слева для мужа. Митрополит служил в полном облачении. Два хора греческих певчих пели свои заунывные молитвы, а кроме них пели наши певчие. Пришли с дарами и готовили воду для освящения. Прибыл муж в сопровождении Начальника Штаба и адъютанта. Его торжественно встретили и проводили на подготовленное ему возвышенное место. Вскоре прибыло с крестным ходом и наше духовенство из гарнизонной церкви и два знамени: одно казачьего полка а другое ополченской дружины... Вскоре на середине церкви к столу с водой подошел Митрополит со всем духовенством и начал святить воду. В руках у него был старый крест кипарисского дерева, весь резной, украшенный кораллами и миртовая веточка, которая служит для окропления Св. водой, вместо нашей метелочки. Освятив воду, все двинулись крестным ходом на Иордани на берег моря. Лишь в этот день можно было видеть, как густо населен Трапезунд... все улицы, окна домов, крыши, каждый выступ или подем были полны народом. Народ двигался узкой и бесконечной лентой по турецким узким улицам. Вышли на Туркестанскую... Впереди нами певчие пели „В Иордане крещаемся“, и как только они прекратили, оркестр подхватывал и играл «Коль Славен Наш Господь в Сионе». Было торжественно-жутко. Голубая высь, казалось, наполнена ангелами, ликующими над торжеством Православия, которого пять веков с лишним не видел Трапезунд! Солнце ярко заливало своими лучами облачение священников, хоругви, кресты, иконы и знамена и два оркестра военной музыки. Процессия медленно повернула с Туркестанской узким переулком к морю, двигаясь стоящими шпалерами по обеим сторонам улиц войск, державших на караул. Вдруг неожиданно развернулась дивной красоты панорама: прекрасной, художественной работ павильон, выстроенный у самого берега моря, расцвеченный русскими цветами, проектировался на зеленоватом фоне моря.

...Вся площадь, образованная по берегу моря до первых построек, сооруженных на стенах древней крепости, существовавшей еще до Комненов, выдавшей еще служение Аполлону, была залита народом. Плавные аккорды военной музыки и звон колоколов во всех церквях наполняли воздух. В руках Митрополита был крест черного дерева, обвитый лентами. Ему была приготовлена лодка, украшенная коврами и гриляндами. Благословив воду, Митрополит вошел в лодку, за ним последовал муж, начальник Штаба и бриг. Во вторую лодку пригласили нас дам....

Так прошел в Трапезунде этот исторический день восстановления древнего Христианского православного обычая — освящения

воды и все думали, что восстановленный, он будет впредь повторяться каждый год!»³⁹.

В то время как греческое население принимало участие в подобных публичных проявлениях православной веры, русские заявляли претензии на греко-православное наследие региона порой вопреки настроениям греков-горожан. В этом отношении основными действующими лицами оказались русские археологи и византилисты, которые поспешили сюда сразу же после занятия османских территорий русскими войсками.

На интересы русских ученых в Трапезунде в большой степени повлияли прежние российские исследования в сфере византиноведения и особенно работа, которую Русский археологический институт вел в Константинополе. Этот институт, призванный выполнять роль и научного учреждения, и светоча русской цивилизации на Востоке⁴⁰, был основан 10 марта 1895 г.⁴¹ Директором его был назначен Федор Иванович Успенский, специалист по проблемам социально-экономической жизни Византии⁴². Институт организовал много археологических экспедиций в Османской империи и за ее пределами — в Стамбуле, Изнике, Измите, Трабзоне, Сирии, Болгарии, Греции, Сербии и Македонии⁴³. Результаты этих исследований были опубликованы в 16-томных «Известиях Русского Археологического Института в Константинополе».

Хотя после 30-летней истории института его деятельность была прервана в результате войны, юридически он не прекратил своего существования, и стремительное наступление русской армии на Кавказском фронте позволяло надеяться на скорое восстановление института в Стамбуле. Директор института, Ф. И. Успенский,

39. ГА РФ. Ф. Р-10027. Оп. 1. Д. 72. Лл. 48–52.

40. Кроме того, институт в глазах российских дипломатических ведомств представлял собой важный политический актив. В меморандуме, составленном в октябре 1921 г. для советского правительства, Ф. Успенский утверждал: «Оба эти учреждения [Палестинское общество и Русский археологический институт] сходны в одном важном отношении, хотя этого здесь почти никто не понимает: и Палестинское общество, и институт в Константинополе позволяют нам конкурировать с западными державами, причем в таких стратегически важных (в разных смыслах) местах, как Иерусалим и Константинополь. Эта конкуренция продолжается уже более 25 лет, причем — как можно уверенно утверждать, — способствуя поднятию российского престижа»: Igor P. Medvedev. *The Saint-Petersburg-based Project: Archives of Russian Byzantinologists as a Source of the History of Science* // XX International Congress of Byzantine Studies, 19–25 August 2001. Paris, 2001. P. 98.

41. Басаргина Е. Ю. Русский Археологический Институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 22–29.

42. A. A. Vasiliev. *Byzantine Studies in Russia: Past and Present* // *The American Historical Review*. Vol. 32. No. 3. Apr. 1927. Pp. 539–545.

43. Басаргина. Указ. соч. С. 40.

одним из первых стал добиваться создания специальной комиссии, которая бы занималась организацией охраны и исследованием археологических памятников на оккупированных территориях у Черного моря, где его институт в 1895 г. проводил предварительные раскопки.

Особая комиссия прибыла в Трапезунд 13 мая 1916 г. по специальному разрешению наместника великого князя Николая Николаевича. Первоначально задачей комиссии была объявлена охрана археологических памятников на всей оккупированной территории вдоль черноморского побережья. Юридической основой для выполнения этой задачи стал специальный указ наместника⁴⁴.

Согласно ему все мечети, сотни лет назад переделанные из христианских церквей, закрывались для богослужений и передавались в распоряжение археологической комиссии. Важно отметить, что бывшие церкви по этому указу не отходили в ведение греческих властей города, и это в дальнейшем стало причиной для конфликтов между греческим населением и членами археологических экспедиций. Генерал Шварц был вынужден подтвердить это решение в своем приказе от 30 июля. Соответственно, ключи от 12 церквей, превращенных в мечети, были переданы археологической экспедиции Успенского, которая начала работу в мечетях Айя-София, Орта-Хисар и Ени-Кума (соответственно бывших церквях Св. Софии, Богородицы (Хризокфалос) и Св. Евгения).

Археологи отчищали древние фрески, зарисовывали вид церквей и их планы и откапывали важные, по утверждениям русских источников, православные древности, не вызывавшие большого интереса у греков⁴⁵. Во время раскопок в церкви Св. Евгения русские археологи нашли древний скелет, который объявили останками Св. Евгения. Этот святой-мученик был погребен якобы на том самом месте, где впоследствии была построена церковь, носившая его имя. Греческий император Трапезунда Алексей Комнин (1204–1222) объявил его святым-покровителем города. Это открытие не произвело никакого впечатления на греческое население. Возглавлявший экспедицию Успенский был потрясен невежеством местных жителей в отношении святого-покровителя их города. Он тщетно пытался найти икону Св. Евгения, но в конце концов пришел к выводу, что в городе давно утрачена даже память о святом, не говоря уже о каких-либо материальных свидетельствах его существования⁴⁶.

44. Архив Академии Наук (СПб.) (далее: ААН). Ф. 169. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 (Приказ № 17 Главнокомандующего Кавказской армией (17 марта 1916), Тифлис).

45. ААН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 13.

46. Сообщения и отчет академика Ф. И. Успенского о командировке в Трапезунт // Известия Императорской Академии Наук. Серия 6. Т. 10. № 11–18 (июнь-декабрь 1916). С. 1469; Минцлов. Трапезундская эпопея. С. 36.

Другое открытие такого же рода было сделано в мечети Орта-Хисар, бывшей церкви Богородицы, которая в эпоху Комнинов служила собором. Изучая здание и его окрестности, Успенский и Минцлов обратили внимание на странную архитектуру тюрбе (мусульманской усыпальницы) рядом с церковью. Считалось, что это мавзолей Хошоглана, легендарного мусульманского мученика, погибшего при осаде Трабзона в 1461 г. Однако, по своей форме мавзолей напоминал базилику. После более подробных исследований Успенский обнаружил кресты на четырех колоннах здания. Поскольку оно находилось на дворе церкви Богоматери, где хоронили трапезундских императоров, Успенский решил, что первоначально усыпальница принадлежала императору. Произведя там раскопки, Успенский нашел два скелета — один принадлежал обезглавленному мусульманину, а другой — императору Трапезунда, похороненному в саркофаге. Позже, на основании сведений греческих хроник, Успенский пришел к заключению, что второй скелет представлял собой останки трапезундского императора Алексея IV⁴⁷.

В то время как православие становилось основной религией города взамен ислама, этому процессу лишь способствовал запрет на мусульманские богослужения в бывших церквях и выявление их православной основы в ходе археологических раскопок. Очередным шагом на этом пути стала находка останков императора Комнина в мусульманском мавзолее. Однако, в этих археологических исследованиях проявлялась также готовность русских отобрать у греков историческое наследие города под тем предлогом, что русские выказывают большую готовность заботиться о греческих церквях, чем местные греки, и больше интересуются греко-православным наследием города, давно забытым самими греками. Кроме того, русские с неодобрением наблюдали за тем, как греки исповедуют свою веру. Антонина Васильевна Шварц отмечала свое разочарование после пасхальной службы: «Вспомнила я нашу службу на Троицу и не могла понять, как восточная византийская церковь в России могла достичь такого великолепия? Или, быть может, греки так видоизменили и упростили свои богослужения, что они ничего не имеют общего с теми, что пленили Владимира Святого»⁴⁸. Поскольку греческие священники не могли удовлетворить духовные потребности русских людей, генерал Шварц требовал от протопресвитера (главного священника армии и флота) о. Георгия Шавельского назначить в крепость специального священника, в дополнение к гарнизонным священникам⁴⁹.

47. Успенский Ф. И. Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунте // Византийский временник. Т. 23. Петроград, 1923. С. 1–14.

48. ГА РФ. Ф. Р-10027. Оп. 1. Д. 72. Л. 29.

49. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Н. У., 1954.

Русские гражданские учреждения и их роль в преобразованиях

Русской военной администрации в преобразовании города оказывали содействие различные гражданские учреждения империи. Организацией медицинской помощи и поставками продовольствия для армии и для флота занимались в основном Всероссийский союз городов и Всероссийский союз земств. Деятельность этих союзов на Кавказском фронте очень скоро приобрела такой размах, что союзные госпитали составляли 71 % от всех госпиталей фронта⁵⁰. Учреждая госпитали, столовые, театры, организуя такие публичные мероприятия, как празднование рождества, союзы стали центрами гражданской жизни в Трапезунде. Поскольку иных госпиталей, кроме созданных русскими ведомствами, в городе не имелось, местные жители тоже стали в них обращаться. Работа русских организаций ширилась с развитием наступления российской армии в Анатолии, вовлекавшего в сферу их деятельности даже отдаленные деревни, оказавшиеся под властью Российской империи. Чтобы получать продовольствие и медицинскую помощь, жители этих мусульманских деревень осваивали русский язык на самом элементарном уровне⁵¹, а многие сотрудники этих учреждений в такой степени сдружились с местным населением, что получали мусульманские прозвища⁵².

Заключение

Процесс преобразований, начавшийся с момента оккупации Трабзона в апреле 1916 г., был прерван разразившейся в Петрограде в марте 1917 г. революцией. Русские власти в неопределенной политической атмосфере лишились каких-либо ориентиров, строительные работы приостановились, русские войска утратили дисциплину и желание находиться в оккупированной стране, местные жители перестали платить налоги, а затем русский фронт развалился и русские ушли из города. Османские армии вступили в Трапезунд в феврале 1918 г. Как мы пытались показать в данной статье, город, который в течение столетий представлял собой центр османской политической, социальной, экономической и религиозной жизни, в самые кратчайшие сроки стал превращаться в город

50. N. J. Astrov. *The Municipal Government and The All-Russian Union of Towns*. New Haven: Yale University Press, 1929. P. 171.

51. Brendemoen. P. 77.

52. Свидетельство медсестры Татьяны Карамели из российского Красного Креста: Ermeniler Tarafından Yapıla Katliam Belgeleri. Ankara: T. C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2001. S. 363–375.

Российской империи при отсутствии у русских властей каких-либо конкретных планов по его преобразованию и без сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны местных жителей. Мы указывали, что этому процессу способствовала практическая динамика оккупации и имперская беспристрастность российских властей. Если бы русские попытались перестраивать жизнь города согласно специальному плану, как они поступали на оккупированных землях Габсбургской империи, не принимая во внимание интересы покоренных народов, их начинания завершились бы аналогичным провалом⁵³.

Перевод Николая Эдельмана

53. Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой Мировой Войны. М., 2000.

О. Р. АЙРАПЕТОВ

НЕМЕЦКИЙ ПОГРОМ В МОСКВЕ В ИЮНЕ 1915 Г. В КОНТЕКСТЕ БОЕВ НА ВНЕШНЕМ И ВНУТРЕННЕМ ФРОНТЕ

Немецкий погром в Москве в мае 1915 г. долгое время являлся забытым сюжетом из истории участия России в Первой Мировой войне. Говорить о сколько-нибудь значительном внимании к этому событию в советской исторической литературе не приходится. В качестве примера можно назвать том 5-й «Истории Москвы», вышедший в 1955 г. в издательстве АН СССР под редакцией академика А. М. Панкратовой. Естественно, что практически все внимание главы, посвященной политической истории столицы в 1914–1917 гг., уделено политической борьбе рабочего класса. В главе нет ни слова об антинемецких волнениях осени 1914 г.¹, а организация майского погрома 1915 г. целиком приписана военным властям, которые «рассчитывали путем разжигания шовинизма отвлечь рабочий класс от революционной борьбы и добиться поддержки рабочим классом войны „до победного конца“»² Естественно, что рабочие Москвы на провокацию не поддались, а погром был проведен «хитровцами» и черносотенцами — более ничего об этих событиях не было сказано.³

Это изложение было столь же лапидарным, сколь и далекой от реальной картины событий была и версия случившегося: первые же заседания Московского окружного суда, рассматривавшего в декабре 1915 г. дела о майских погромах, выявили совсем другую картину классового состава погромщиков. Первые 14 подсудимых

1. История Москвы. М., 1955. Т. 5: Период империализма и буржуазно-демократических революций. С. 306–312.

2. Там же. С. 316.

3. Там же.

(13 мужчин и 1 женщина в возрасте от 17 до 23 лет) были фабрично-заводскими рабочими⁴, следующие трое — отходниками-крестьянами⁵, и только на третьем заседании происхождение двух подсудимых не было указано, а третий оказался крестьянином (была еще одна подсудимая, кстати, оправданная — германская подданная, немка, работавшая в прислуге)⁶. Таким образом, факты никак не свидетельствуют в пользу упрощенной, «пролетарско-интернациональной» версии майского погрома в Москве. В постсоветской историографии он нашел свое отражение в работах сразу нескольких историков. Приятно отметить, что первая публикация по этому сюжету вышла в журнале «Родина» — это были воспоминания чиновника МВД, занимавшегося расследованием московских событий.⁷ Вслед за этим последовала статья Ю. И. Кирьянова в «Вопросах истории», в которой была предпринята попытка их объективного описания с основой на архивные документы. Автор пришел к выводу, что погром были организованы правительством, или определенными кругами в «высших сферах».⁸

В 2000 г. С. А. Рябиченко была сделана публикация по преимуществу официальных документов Департамента полиции, Отдельного корпуса жандармов и комиссии по расследованию майских событий 1915 г. в Москве.⁹ Появление этой работы могло бы стать определенным рубежом в исследовании темы, но публикатор уклонился от использования справочного аппарата, описания, комментирования и анализа источников, фактически используя их в качестве авторского текста. Естественно, подобный подход не мог не сказаться на качестве работы. В 2002 г. в «Родине» вышла статья Л. С. Гатаговой, в которой была сделана попытка проанализировать ход погрома, объяснявшегося патриотической истерией и глубоким упадком «русского общества».¹⁰ Данный вопрос в связи с вмешательством Ставки во внутреннюю политику был затронут и в моей монографии, посвященной предыстории Февральской революции¹¹, а также в прекрасной работе по той же теме, на-

4. Утро России. 2 декабря 1915. № 331. С. 4.

5. Утро России. 3 декабря 1915. № 332. С. 5.

6. Утро России. 16 декабря 1915. № 345. С. 5.

7. Харламов Н. [П.] Избиение в Первопрестольной. Немецкий погром в Москве в мае 1915 года / Публикация В. Григоренко // Родина. 1993. № 8–9. С. 127–132.

8. Кирьянов Ю. И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137–149.

9. Рябиченко С. А. Погромы 1915 г. Три дня из жизни неизвестной войны. М., 2000.

10. Гатагова Л. С. Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Родина. 2002. № 10. С. 18–23.

11. Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003.

писанной Ф. А. Гайдой.¹² В западной историографии московским событиям была посвящена статья Э. Лора.¹³

На мой взгляд, на настоящий момент собственно московские события мая 1915 г. описаны достаточно подробно, чего никак нельзя сказать об анализе причин, вызвавших их к жизни. Я готов поддерживать мнение Э. Лора, что правительство никак не поддерживало погромы, но видеть их причину в слухах и повышенной нервозности общественного мнения¹⁴... это объяснение не кажется мне достаточным. Между тем на причины произошедшего стоит обратить внимание. Столичный город во время войны на 2–3 дня выходит из-под контроля властей, в волнениях проявляются не только очевидные национальные, но и социальные (забастовки), половозрастные (подростковая преступность, ведущая роль женщин на первом этапе событий), политические («новый курс» Ставки на союз с либералами, часть которых как раз и разжигала страсти), административные (недостаточность полиции) конфликты и проблемы общества и государства.

Начальник Московского охранного отделения полк. А. С. Мартынов в своем докладе по поводу произошедшего отмечал: «Такой взрыв может оказаться только репетицией для другого, настоящего и серьезного взрыва».¹⁵

«Погром немецких фабрик, магазинов, квартир в Москве летом 1915 г., — вспоминал современник, — в действительности был только прелюдией к тому страшному, безумному нечеловеческому пожару, который разразился и обуглил потом всю Россию. Уже тогда можно было заметить, что нервное напряжение в народе, его неудовольствие достигли кульминационного пункта и что разрядить эту атмосферу должно и необходимо.»¹⁶ Фактически мы имеем дело с репетицией февральского переворота 1917 г., причем в событиях 1915 г., также как и в 1917 г., четко усматриваются как политические мотивы их организации, так и явная неподготовленность организаторов к последствиям раскачки общества. Погромы в Москве имели целый ряд причин, но сводить их к банальному проявлению агрессивного национализма равноценно отказу от анализа исторического события в его контексте. Данная статья и представляет собой такую попытку.

12. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.

13. Lohr E. Patriotic violence and the state: the Moscow riots of May 1915 // *Kritika. Explorations of Russian and Eurasian history*. 2003. № 3 (4). P. 607–626.

14. *Ibid.* P. 622–624.

15. Кирьянов Ю. И. Ук. соч.. С. 149.

16. Крачкович П. З. История Российской революции (записки офицера-журналиста). 1914–1920. Гродно. 1921. Кн. 1. С. 15.

1–6 мая 1915 г. произошел германо-австрийский прорыв под Горлицей-Тарновым. Началось «Великое отступление» русской армии. Русская Ставка поначалу не осознала масштабов случившегося. «В районе Тарнова и южнее артиллерийский огонь достиг большой силы, — гласило ее сообщение от 19 апреля (2 мая), — и отдельные бои ведутся со значительным напряжением.»¹⁷ Внимание Николая Николаевича-мл. по-прежнему еще полностью поглощали события на «внутреннем фронте», где готовился переход к «новому курсу» — на сближение с общественностью. Та требовала изменений в правительстве, имея в виду отставку Н. А. Маклакова, В. К. Саблера, И. Г. Щегловитова и В. А. Сухомлинова.¹⁸ Николай Николаевич полностью поддерживал такого рода планы и все более обращал внимание на положение в глубоком тылу. Там разворачивалась волна германофобии, которая вскоре завершилась весьма прискорбными событиями.

Ещё в начале войны контрразведка предприняла ряд разумных мер по запрету филиалов пангерманских обществ, прежде всего в Остзейском крае. Без сомнения, часть немецкого дворянства симпатизировала своей праматери и даже покинула пределы России, вступив в рейхсвер.¹⁹ Однако лекарство, на мой взгляд, оказалось гораздо хуже болезни. «Администрация свирепствовала всюду, — вспоминал депутат IV Думы Шидловский, — и изгоняла без всякого повода каждого, кто только мог быть заподозрен к прикосновенности к немецкой национальности, и много было совершено при этом вопиющих несправедливостей. Каждый администратор старался найти у себя немца и изгнать его.»²⁰ Причины для подозрительности и недовольства были. В Курляндской, Рижской и Эстляндской губерниях весьма активно действовали различные немецкие просветительские общества, в немецких школах насаждались идеи превосходства германской культуры над всем остальным миром вообще и над славянами и русскими — в частности, в фирмах и поместьях, принадлежащих русским немцам, работали немецкие и австро-венгерские подданные и т. п.²¹

Разумеется, с подобным положением дел нельзя было мириться. Невозможно было и сохранить свободу финансовой деятельности для предприятий, принадлежавших австро-германскому капиталу, как и оставить в неприкосновенности достаточно высокий статус многих его представителей в России. Правительство постепенно вводило меры, направленные против них. Так, в частности, 29 сентября (12 октября) 1914 г. по докладу министра торгов-

17. Голос Москвы. 21 апреля (4 мая) 1915. № 91. С. 3.

18. Родзянко М. В. Крушение империи. Л., 1929. С. 112, 113, 115.

19. Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 408.

20. Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 25.

21. Джунковский В. Ф. Ук. соч. С. 409–419.

ли и промышленности император лишил германских и австро-венгерских подданных пожалованных им званий коммерции и мануфактур-советника.²² Вскоре последовало и установление контроля над предприятиями австро-германских подданных. 15 (28) ноября 1914 г. был издан Высочайший указ, согласно которому Министерство финансов получило возможность направлять туда правительственных инспекторов. Теперь без их разрешения любые финансовые операции за рубежами России, переводы денежных средств или разного рода ценностей становились невозможными.²³ Разумность такого рода ограничения не подлежит сомнению, но, к сожалению, антинемецкая кампания имела тенденцию к перерастанию в преследование германской общины, что ставило в чрезвычайно нелегкое положение многочисленных русских немцев, лояльно служивших Империи на самых разных постах.

Призывы, которые практически ежедневно исходили от органа октябристов — гучковского «Голоса Москвы», имели весьма недвусмысленное звучание: «Борьба с тайным влиянием немцев», «Мирные завоеватели», «Анонимное просачивание немцев»²⁴, «Немецкий шпионаж в России», «Немецкое засилье в музыке» (выяснилось, что 90 % всех капельмейстеров в армии — немцы, которые искажают своей трактовкой музыки душу солдата, кроме того, немцы весьма подозрительно монополизировали и производство музыкальных инструментов!)²⁵, «Засилье», «Московское купеческое общество в борьбе с немецким засильем»²⁶, «Спрут, высасывающий соки всего мира»²⁷, «Бойтесь провокации»²⁸, «Неуязвимость австро-немецких предприятий»²⁹, «Отвергайте помощь врагов России» (в статье призывалось отказываться от пожертвований раненым от немцев и вообще вычеркнуть их из списков дарителей³⁰ — весьма актуальное обращение, т. к. русские немцы жертвовали довольно большие суммы: к ноябрю 1914 г., напр., три колонии под Одессой пожертвовали 56 тыс. руб., колонии Самарской и Саратовской губерний — 29 800 руб., одна из колоний в Крыму — 200 тыс. пудов муки и т. д.³¹), «Союзы борьбы с неметчиной»³², «Можно ли защищать немцев?» (вопрос, обращенный к адвокатам относительно

22. Русский инвалид. 7 октября 1914. № 222. С. 2.

23. Речь. 6 (19) января 1915 г. № 5 (3028). С. 4.

24. Голос Москвы. 8 (21) апреля 1915. № 80. С. 1.

25. Голос Москвы. 9 (22) апреля 1915. № 81. СС. 2; 4.

26. Голос Москвы. 10 (23) апреля 1915. № 82. СС. 1; 4.

27. Голос Москвы. 16 (29) апреля 1915. № 87. С. 2.

28. Голос Москвы. 19 апреля (2 мая) 1915. № 90. С. 1.

29. Голос Москвы. 22 апреля (5 мая) 1915. № 92. С. 1.

30. Голос Москвы. 23 апреля (6 мая) 1915 г. № 93. С. 1.

31. Речь. 5 (18) ноября 1914. № 299 (2968). С. 3.

32. Голос Москвы. 25 апреля (8 мая) 1915. № 95. С. 1.

их клиентов — австро-германских подданных)³³, «Борьба с немцами на Западе и у нас»³⁴, «Будущее немецкого засилья», «Подготавливавшая измена» (о наступлении противника в Курляндии, успех которого объяснялся немецким шпионажем)³⁵ и т. д., и т. п.

В 20 часов 10 минут 16 (29) апреля 1915 года на Охтенском заводе взрывчатых веществ произошел взрыв.³⁶ Это был второй по мощности из двух имевшихся тогда казенных заводов, производивших взрывчатку в России. Перед войной его планировали закрыть, он производил 6 тыс. пудов тротила в год. С началом войны производительность выросла до 36 тыс. пудов в год. Сергиевский завод близ Самары был гораздо мощнее — он давал по 300 тыс. пудов тротила и 2 тыс. пудов тетрила в год.³⁷ По официальным данным ничего страшного не произошло — пострадала только малозначительная мастерская, крыши близлежащих зданий, обошлось без жертв, за исключением легко раненых осколками.³⁸ На самом деле половина завода — тротилово-заряжательный отдел — была снесена с лица земли в несколько мгновений.³⁹

В Москве и Петрограде сразу же начали говорить о том, что взрыв унес жизнь нескольких сотен людей и разрушил это важнейшее заведение во время кризиса снабжения боеприпасами.⁴⁰ Похороны жертв состоялись 19 апреля (2 мая). Собралось около 15 тыс. человек, земле было предано 27 тел.⁴¹ Вскоре последовало новое официальное сообщение о потерях на заводе — из 278 работавших на нем в момент взрыва был убит 41 человек, без вести пропало 13 и ранено 63 (были еще и гражданские раненые). В помощь семьям пострадавшим император выделил 10 тыс. рублей, а императрица Александра — 3 тыс. рублей (для сравнения — по подписному листу «Нового Времени» на 18 апреля (1 мая) был собран 991 рубль).⁴² Русская контрразведка объяснила эти события действиями германской агентуры. Возможно, она была и права, но дале-

33. Голос Москвы. 28 апреля (11 мая) 1915. № 97. С. 4.

34. Голос Москвы. 3 (16) мая 1915. № 100. С. 1.

35. Голос Москвы. 5 (18) мая 1915. № 101. С. 1.

36. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 17 (30) апреля 1915. № 14790. С. 3; Голос Москвы. 18 апреля (1 мая) 1915. № 89. С. 3.

37. Ипатьев В. [Н.] Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920. С. 34.

38. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 17 (30) апреля 1915. № 14790. С. 3; Голос Москвы. 18 апреля (1 мая) 1915. № 89. С. 3.

39. Михайлов В. С. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 278.

40. The Times History of the War. Part 97. Vol. 7. June 27, 1916. P. 224.

41. Утро России. 20 апреля 1915. № 107. С. 2.

42. Новое Время. 19 апреля (2 мая) 1915. № 14046. С. 6; Голос Москвы. 21 апреля (4 мая) 1915. № 91. С. 3.

ко не безопасными были последующие обвинения, превращающие почти всех немцев в скрытых врагов.⁴³

Некоторые публикации призывали к бдительности, граничившей с рамками разумного (например, весьма поучительная статья «Немецкое шпионство»)⁴⁴. Но гучковская газета сумела выделиться и в этом случае. На взрыв она отреагировала статьей, в которой фактически обвиняла немецкую общину в его организации и призывала расправиться с ней: «Немцы у нас живут и торгуют и продают товары, золото, тысячи жизней внутри страны, действуя на психику народа всеми удушающими газами своей иезуитской природы. Довольно. Мы устали. Мы задыхаемся в этих ядовитых испарениях, мы не хотим идти на те же низости, на которые способны эти верные дети кайзера, но мы не хотим терпеть среди нас неприступные цитадели их влияния, их материального могущества, вокруг которого покорно вертятся немало, к сожалению, русских приспешников, не понимающих, какому злему делу они служат. Довольно шутить с огнем. Его необходимо потушить сразу, иначе он получит силу и спалит все, что нам дорого».⁴⁵ Следует отметить, что слухи о подкопе и мине с часовым механизмом на Охтенском заводе не получили подтверждения при тщательной проверке, которая выяснила нарушение режима безопасности при снаряжении фугасов взрывчаткой.⁴⁶ Однако эмоции явно брали верх над доводами следствия. На фабриках Петрограда после этого взрыва резко обострилась шпиономания, рабочие требовали убрать всех немцев из города.⁴⁷

6 (19) мая 1915 г. на должность Главноначальствующего в Москве и командующего Московским Военным округом был назначен ген.-м. Свиты Е. И. В. кн. Ф. Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон. В тот же день он был произведен в генерал-лейтенанты и пожалован генерал-адъютантом.⁴⁸ Назначение было сделано при активной поддержке Николая Николаевича. Император предложил Юсупову эту должность почти сразу после возвращения из поездки в Галицию, 1 (14) мая 1915 года. Товарищ Министра внутренних дел — начальник Отдельного корпуса жандармов ген.-м. Свиты Е. И. В. В. Ф. Джунковский попытался убедить главу МВД Н. А. Маклакова опротестовать это решение. Джунковский не ожидал от своего старого знакомого — Юсупова — ничего хорошего. Полное отсутствие административного опыта, упрямство, легкомыслен-

43. The Times History of the War. Part 97. Vol. 7. June 27, 1916. P. 224.

44. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 28 апреля (11 мая) 1915. № 14812. С. 4–6.; 29 апреля (12 мая) 1915. № 14814. С. 3.

45. Голос Москвы. 18 апреля (1 мая) 1915. № 89. С. 1.

46. Михайлов В. С. Ук. соч. С. 278–279.

47. Кирьянов Ю. И. Ук. соч. С. 138.

48. Голос Москвы. 18 (31) мая 1915. Экстренное прибавление к № 112. С. 2.

ность (любимым его выражением было «Все это пустяки») — все это не настраивало на положительные ожидания в отношении носителя верховной административной и военной власти в Москве.⁴⁹

Тем не менее, это назначение состоялось. 8 (21) мая Юсупов, еще находясь в Петрограде, дал интервью прессе, в котором изложил свою программу: «Москву я знаю хорошо, сроднился с нею и люблю ее. Думаю, что и Москва знает меня, так как я 18 лет состоял при покойном Великом Князе Сергее Александровиче. Должен сказать, что отлично сознаю трудность и ответственность в предстоящей мне работе, но черпаю силы в том доверии, которое оказано было мне при назначении на столь ответственный пост. Настоящий исторический момент, переживаемый Россией, оставляет в стороне все будничные, мелочные вопросы. Передо мною, и я уверен, перед всем населением Москвы, стоит одна задача — всеми силами способствовать нашему храброму воинству в скорейшей его победе над врагом. Я намерен в своей деятельности опираться на городские и общественные элементы, поскольку деятельность этих учреждений не пойдет вразрез со взглядами центрального правительства. Всякое полезное начинание городского и земского самоуправления найдут во мне живой отклик. Особенно желательным и необходимым я считаю содействие московского самоуправления в деле борьбы с дороговизной. В этом отношении я приму самые энергичные меры против спекулятивного вздорожания цен.»⁵⁰ Обещал Юсупов и прислушиваться к местной печати, если она не будет проявлять антипатриотических настроений. Впрочем, как было отмечено, к московской печати у него претензий не имелось.⁵¹ 9 (22) мая он приехал в Москву и сразу же активно приступил к работе. Гучковский орган продолжил свою борьбу с внутренним врагом передовицей «Против фиктивных россиян».⁵²

Итак, ставленник Николая Николаевича начал политику диалога с общественностью в Первопрестольной. К этому времени ее бастионы — Земский и Городской союзы уже вступили в конфликт с Министерством внутренних дел. Особенно отрицательно земцы воспринимали личность его главы Н. А. Маклакова, который последовательно выступал против их финансовой бесконтрольности.⁵³ 27 февраля (12 марта) 1915 года на заседании Совета министров он заявил: «Дело в Союзе обстоит неблагополучно. Хотел уточнить его положение, не допуская государства в государстве — на это Союзу бескорыстная работа прав не создаст. Вся Россия сталкивается с Союзом. Компания во многих случаях тем-

49. Джунковский В. Ф. Ук. соч. С. 551.

50. Утро России. 8 мая 1915. № 124. С. 4.

51. Голос Москвы. 8 (21) мая 1915. № 104. С. 4.

52. Голос Москвы. 10 (23) мая 1915. С. 1–2, 4.

53. Гайда Ф. А. Ук. соч.. С. 55–56.

ная. Киев, Ростов и т. д., и т. д. Если бы работали хорошо, нет безумцев администраторов, которые бы их угнетали. А Союз — рыло в пушку, но кричит о невинности, жалуется и спорит даже с команд<ующим> войсками. Государство не может дальше молчать. Надо порядок, иначе власть растворится в чем-то ей заведомо враждебном». ⁵⁴

В апреле 1915 г. военно-сметная комиссия под председательством генерала от инфантерии П. А. Фролова попыталась поднять вопрос о контроле над распределением помощи военнослужащим, что сразу же вызвало недоумение у руководства Земского и Городского союзов. ⁵⁵ Кроме того, комиссия выяснила значительные недочеты в работе союзов, в частности, вскрылись приписки — так, например, во Владимирской губернии из заявленных по ведомости союзов 1535 лазаретных коек в наличии оказалось 935, в Воронежской губернии — 4303 из 4630 и т. п. Союзы просили выделить им авансом на 4 месяца 63 833 067 руб., а Фролов настоял на сокращении аванса с последующей отчетностью до 2 месяцев, а его суммы — до 3 935 000 руб. ⁵⁶ Произошедшее было названо «Нежелательным недоразумением». Так называлась передовица «Голоса Москвы», утверждавшая, что руководители союзов сами всегда выступали за введение контроля, но в тональности, с которой говорится о нем в комиссии, слышатся «ноты подозрительности и недоверия». «Пожелаем, — гласила статья, — что это недоразумение не поселило разногласия между широкими общественными кругами и некоторыми официальными комиссиями. Надо помнить о тех страждущих защитниках Родины, ради которых забываются недочеты» ⁵⁷. Разумеется, разногласие было преодолено и неудивительно, что вскоре именно Маклаков стал первой жертвой, принесенной общественному мнению.

Огромную роль в этой отставке сыграл антигерманский погром в Москве, в ходе которого пострадала масса русских немцев и иностранцев, не имевших отношения к воюющим противникам России. Схожие волнения уже имели место здесь в ночь с 10 (23) на 11 (24) октября 1914 г. Следует отметить, что к высылке подданных враждебных России государств в Москве приступили в самом начале войны, но 1 (14) августа 1914 г. Главноначальствующий Москвы генерал-майор Свиты Е. И. В. А. А. Адрианов временно приостановил ее вследствие многочисленных ходатайств о переходе в русское подданство. ⁵⁸ Более того, в тот же день последовало его объ-

54. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 140.

55. Голос Москвы. 15 (28) апреля 1915. № 86. С. 4.

56. Утро России 14 апреля № 101. С. 3.

57. Голос Москвы. 16 (29) апреля 1915. № 87. С. 1.

58. Утро России. 1 августа 1914. № 177. С. 4.

явление о приеме подобного рода прошений от всех желающих.⁵⁹ На особое расположение властей прежде всего могли рассчитывать лица, проживавшие в Москве длительное время и имевшие в городе солидную репутацию. За них заступился и исполнявший обязанности городского головы В. Д. Брянский. Снисходительность имела и социальный подтекст, она не распространялась на мастеровых, рабочих и т. п. Таких в Москве набралось вместе с семьями около 5 тыс. человек, и еще 2 тыс. человек было прислано из губернии. Интернированные были размещены в Крутицких казармах. Из этой категории на освобождение могли рассчитывать только славяне — чехи, поляки и русины.⁶⁰ 1 (14) августа 1914 г. к ним было добавлено еще 500 германских и австрийских подданных, приведенных из Варшавской и Лодзинской губерний.⁶¹

В первые дни войны в Москве удалось избежать эксцессов, которые имели место в столице Империи. Представители немецкой колонии Первопрестольной даже обратились через американское консульство и посольство в России в Берлин с заявлением о том, что московские власти относятся к ним вполне корректно. Трудно судить о том, кому принадлежала эта инициатива, однако представители нейтральной страны публично признали справедливость слов данного заявления.⁶² Обстановка в Петрограде также казалась спокойной. 20 июля (2 августа) на должность местного градоначальника был назначен рязанский губернатор камергер Высочайшего Двора и действительный статский советник кн. А. Н. Оболенский (с переименованием в генерал-майоры). Уже на следующий день он прибыл в столицу и приступил к исправлению новых обязанностей.⁶³ 22 июля (4 августа) произошел разгром германского посольства, редакции немецкой газеты и т. п., что вряд ли можно поставить в упрек новому градоначальнику, тем более, что за действиями полиции в этот момент наблюдал лично министр внутренних дел. Ничего подобного более не повторялось.

С конца августа 1914 г. интернированных в Москве лиц, вместе с поступающими туда пленными, начали высылать из города на восток.⁶⁴ Схожая ситуация сложилась и в Петрограде, откуда часть подданных Германии и Австро-Венгрии, задержанная в начале войны, в то же время высылалась за границу через Финляндию, а часть отправлялась в Вологду под надзор полиции. В августе-сентябре 1914 г. из столицы таким образом было выслано около

59. Речь. 2 (15) августа 1915. № 204 (2873). С. 5.

60. Утро России. 1 августа 1914. № 177. С. 5.

61. Утро России. 2 августа 1914. № 178. С. 5.

62. Русский инвалид. 6 августа 1914. № 170. С. 3.

63. Русский инвалид. 22 июля 1914. № 159. С. 2.

64. Утро России. 16 августа 1914. № 191. С. 2.

3 тыс. чел. В Министерство внутренних дел поступало по несколько сотен прошений о переходе в подданство в день. Значительное их количество исходило от славян, а также женщин, работавших сестрами милосердия.⁶⁵ Они и удовлетворялись в первую очередь. С 20 июля (2 августа) по 23 августа (5 сентября) 1914 г. количество таких прошений составило уже около 7 тыс., и из этого удовлетворено (кроме чехов, поляков, русин и сербов, т. е. австрийцев и немцев) только 39.⁶⁶ Значительная часть германо-австрийских подданных по-прежнему оставалась в обеих столицах. Положение этих людей было довольно двусмысленным — с одной стороны, их проживание было разрешено, но разрешение было временным. Иногда власти допускали демонстративные, но бессмысленные репрессии, как, например, массовое увольнение детей, происходивших из такого рода семей, из средних и высших учебных заведений, как это было в Москве в начале сентября.⁶⁷

Столичная пресса пока еще вела себя достаточно сдержанно, за исключением «Утра России», где 8 (21) октября появилась откровенно провокационная статья Г. А. Ландау «Брат-немец», призывавшая бороться с «внутренними немцами» — чиновниками, коммерсантами и помещиками, не опасаясь шовинизма, которого нет и не будет в русском народе. Впрочем, журналиста не пугала перспектива жертв на этом пути: «Невинно пострадавших здесь быть не может, и как бы не потерпели они при этом материально или духовно, несправедливости и зла от этого будет бесконечно меньше, чем если бы хотя бы одного из уцелевших в этой беспримерной бойне русских заставить снова склонить голову перед ярмом немца, считающего его скотом, свиньей и хамом.»⁶⁸ Вскоре эти призывы были услышаны. 9 (22) октября последовало решение императора о призыве в армию студентов. Оно вызвало весьма бурную и радостную реакцию — по городу прошли патриотические демонстрации.⁶⁹

На встрече с Адриановым была принята телеграмма на Высочайшее Имя, в которой говорилось: «...московское студенчество, преисполненное верноподданнических чувств, спешит повергнуть к стопам Вашего Величества чувства бесконечной любви и беспредельной преданности и горячую благодарность за дарованную ему высокую милость — немедленно встать в ряды победоносной армии Вашего Величества, и клянется верой и правдой, не щадя

65. Утро России. 19 августа 1914. № 194. С. 3; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 23 сентября (6 октября) 1914. № 14391. С. 4; Утро России. 19 августа 1914. № 194. С. 3.

66. Утро России. 28 августа 1914. № 203. С. 3.

67. Утро России. 3 сентября 1914. № 209. С. 4.

68. Утро России. 8 октября 1914. № 244. С. 4.

69. Утро России. 10 октября 1914. № 246. С. 4.

своего живота, служить своему обожаемому Монарху и дорогому отечеству».⁷⁰ Ректор Императорского Московского университета М. К. Любавский, директор Лазаревского института П. В. Гидулянов, директор Института инженеров путей сообщения Н. Д. Тяпкин, директор Сельскохозяйственного института И. А. Иверонов и другие полностью поддерживали патриотический порыв молодежи.⁷¹ Торжества продолжились, но вскоре они приобрели неожиданный характер. В ночь с 10 (23) на 11 (24) октября 1914 г. «вековая тишина» в Москве была нарушена.

10 (23) октября 1914 г., после молебна на Красной площади молодежь с криками «Долой немцев!» начала растекаться по городу и нападать на магазины, принадлежавшие людям с немецкими фамилиями. Наряды конной и пешей полиции старались помешать хулиганам.⁷² Остановить погром все же не удалось — в его ходе пострадало около 30 немецких фирм.⁷³ Кроме того, жертвами толпы стали и русская (товарищество М. И. Кузнецова), 1 английская и 2 бельгийские фирмы, и даже здание на Мясницкой, в котором под флагом Красного Креста находился госпиталь с 100 ранеными (в том же здании был немецкий магазин), несколько семей русских немцев (одна из них накануне потеряла сына-офицера на фронте) и т. д.⁷⁴ Город представлял собой страшное зрелище. «Я проехал по Мясницкой. — Писал журналист „Речи“. — Точно неприятель побывал на одной из главных деловых артерий города. Было жутко и стыдно глядеть. Зияли дыры на месте окон, поблескивало на электрическом свете битое стекло, белели доски, которыми наскоро зашиты злополучные магазины. То же, хотя и не так часто, — на Кузнецком мосту, на Петровке, Арбате».⁷⁵

Против проявления патриотических чувств действиями подобного рода немедленно последовали энергичные протесты, в том числе со стороны студенческих организаций Императорского Московского университета, которые были опубликованы в «Русских Ведомостях» и «Речи».⁷⁶ Уже на следующий день после погрома генерал Адрианов издал объявление, в котором осудил погромы и предупредил, что в случае их повторения будет действовать жестко. «Возмутительно, — заявлял он, когда толпа прикрывает свое преступное деяние патриотическим песнопением. Народный гимн — это молитва. Сопровождать же молитву безобразием — ко-

70. Утро России. 12 октября 1914. № 248. С. 4.

71. Утро России. 14 октября 1914. № 250. С. 4.

72. Голос Москвы. 11 (24) октября 1914. № 234. С. 4.

73. Речь 12 (25) октября 1914. № 275 (2994). С. 4.

74. Утро России. 12 октября 1914. № 248. С. 4.

75. Речь. 14 (27) октября 1914. № 277 (2946). С. 2.

76. Там же. С. 2, 6.

щунство».⁷⁷ Одновременно Адриановым был издан приказ, обязывавший всех германских и австро-венгерских подданных в течение 3 дней встать на учет и сдать любое оружие, имевшееся у них дома. Нарушители подвергались штрафу в 3 тыс. рублей, тюремному заключению или аресту.⁷⁸ На утро 11 (24) октября на дверях московских магазинов, подвергшихся нападениям, появились объявления «Служащие и рабочие — русские подданные».⁷⁹

В тот же день петроградский градоначальник генерал-майор князь Оболенский издал распоряжение развесить во всех торгово-промышленных заведениях города объявления «Просят не говорить по-немецки». Такие же надписи сразу же появились во всех публичных местах, включая трамваи.⁸⁰ 14 (27) окт. Оболенский предложил всем австро-германским подданным, проживающим в Петрограде, покинуть столицу и Россию в течение 2 недель. Исключение делалось только для больных, проходящих курс лечения, славян, французов, итальянцев и православных. Исключение делалось только для больных, проходящих курс лечения, славян, французов, итальянцев и православных. Было подано около 10 тыс. прошений о переходе в русское подданство, часть австрийских подданных (в основном это были чехи) начала принимать православие.⁸¹ В результате к 29 октября (11 ноября) из Петрограда в финляндский гор. Раумо выехало 3800 чел. Оттуда они переезжали через Ботнический залив в Швецию.⁸²

14 (27) октября городская Дума Москвы собралась для обсуждения случившегося. Заявление по вопросу о погромах сделал В. Д. Брянский: «К такого рода явлениям можно относиться только отрицательно. События эти тем более печальны, что в разгроме принимали участие молодежь и даже дети. В настоящее время можно выразить полную уверенность, что эти явления, столь несоответствующие исконным нравственным началам русского народа, более не повторятся»⁸³. Ряд московских промышленников обратились к Министру торговли и промышленности с жалобой на действия московских властей, которые по их мнению, недостаточно активно и оперативно пресекли погромы. Жалоба была передана Н. А. Маклакову.⁸⁴ После следствия, проведенного после

77. Голос Москвы. 12 (25) октября 1914. № 235. С. 4.

78. Там же. С. 5.

79. Голос Москвы. 11 (24) октября 1914. № 234. С. 5.

80. Утро России. 14 октября 1914. № 250. С. 3.

81. Утро России. 25 октября 1914. № 261. С. 4; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 15 (28) октября 1914. № 14435. С. 3; 17 (30) октября № 14439. С. 4; 20 октября (2 ноября) № 14445. С. 4.

82. Утро России. 2 ноября 1914. № 269. С. 3.

83. Утро России. 15 октября 1914. № 251. С. 4.

84. Lohr E. Op. cit. P. 613.

октябрьского погрома по приказу начальника корпуса жандармов, Министр внутренних дел специально указал А. А. Адрианову на недопустимость повторения этих событий, которые произошли на фоне бездействия московской полиции. С точки зрения Маклакова они подрывали «достоинство Русского государства» и «авторитет правительства».⁸⁵

Сам Адрианов, после этого внушения и личного отчета о случившемся перед императором, заявил в интервью газете «Утро России» о том, что все произошедшее было совершенной неожиданностью для властей и что их повторение абсолютно недопустимо: «Бороться с немецким засильем необходимо. Но надо вести культурную работу, не прибегая к приемам дикарей. Необходимо вести экономическую войну с оставшимися немцами внутри России. Надо развивать отечественный капитал, делать его более гибким и предприимчивым. Но до тех пор, пока действуют законы Империи, имущество хотя бы и врагов должно охраняться. Никакие погромы допущены быть не могут! Повторяю, что никакая агитация, возбуждающая население против германских или австрийских подданных, не может иметь места. Если это будет обнаружено, то по городским и земским делам присутствие безусловно запрещает занимающиеся подобной агитацией общество за его вредную деятельность.»⁸⁶ К этому времени жизнь в Первопрестольной вернулась в свои привычные, далекие от войны, рамки. «Если не считать раннего закрытия ресторанов, — сообщала в конце октября 1914 г. передовица „Голоса Москвы“, — отсутствия столь характерной для Москвы пьяной ночной сутолоки, то, пожалуй, теперешняя жизнь Москвы ничем не отличается от обычной».⁸⁷

Казалось, в Первопрестольной ничего не напоминает об октябрьских событиях. И все же они повторились через 7 месяцев. Обстановка в городах была весьма напряженной и без известий о неудачах на фронте. Начали чувствоваться дороговизна жизни, наплыв беженцев и усталость от войны, которая оказалась более длительной, чем это ожидалось. С августа 1914 г. по февраль 1915 г. цены на товары, потребителями которых были прежде всего малообеспеченные слои населения, значительно выросли. В Петрограде изменения составили: соль — на 57 %, ржаная мука — на 18 %, пшено — на 21 %, гречневая крупа — на 51 %, мясо 3-го сорта — на 26 %, молоко — 25 %, сахар — 14 %. Схожая картина с небольшими колебаниями наблюдалась и в Москве, где также прежде всего дорожали продукты «народного» потребления — ржаная мука, печеный хлеб, пшено, соль, яйца и т. п.⁸⁸

85. Джунковский В. Ф. Ук. соч. С. 431–433.

86. Утро России. 25 октября 1914. № 261. С. 4.

87. Голос Москвы. 25 октября (7 ноября) 1914. № 246. С. 1.

88. Речь. 27 января (9 февраля) 1915. № 26 (3049). С. 2.

Из октябрьских событий 1914 г. не было сделано надлежащих выводов. 26 января (8 февраля) 1915 г. в Московском окружном суде было рассмотрено дело 5 подростков — участников погромов, схваченных с поличным во время грабежей. Обвиняемые сознались в участии в грабежах, но после недолгих прений и часового совещания судей были оправданы.⁸⁹ Мотивы этого решения достаточно ясны, но вряд ли его можно было бы назвать своевременным. В апреле 1915 г. на мясных рынках Петрограда прошли волнения. 7 (20) апреля в качестве протеста против цен на мясо на рынке женщины стали переворачивать лари торговцев и избивать их. Порядок был восстановлен полицией.⁹⁰ Через день все повторилось, и на рынке пришлось установить постоянное дежурство полиции.⁹¹ 8 (21) апреля беспорядки начались в Москве — в булочной на Большой Пресне закончился хлеб, хозяин отказался открывать ее, в результате перед дверями собралась толпа в 4 тыс. чел., в основном состоявшая из женщин и подростков. И те, и другие вели себя очень агрессивно, в результате вновь пришлось прибегнуть к помощи полиции. При разгоне толпы камнями было ранено 3 пристава и 2 городских, задержано 20 чел.⁹²

Такова была только часть проблем, с которыми должен был справиться новый Главноначальствующий в Москве. Ф. Ф. Юсупов был человеком несерьезным и неопытным, к тому же только начал входить в сложности исправляемых им должностей.⁹³ Безусловно, это ослабляло контроль над положением в столице, которое, казалось, не могло вызвать опасений. 11 (24) мая в городе прошла очередная патриотическая демонстрация в честь вступившей в войну на стороне Антанты Италии. Под русскими и итальянскими флагами с портретами Виктора-Эммануила III и Николая II демонстранты прошли к итальянскому консульству, затем — по Мясницкой и Тверской улицам к резиденции Юсупова, который приветствовал их с балкона. Шествие прошло без эксцессов.⁹⁴ Не смотря на браваурное начало, первые шаги Главноначальствующего все же не позволяли надеяться на быстрое решение проблем. Скорее наоборот, он мог создать новые. Так, например, генерал довольно быстро убедился в том, что никакой дороговизны в городе нет, а есть только желание некоторых торговцев поднять цены на продукты, которое легко преодолевается установлением «определенной максимальной таксы». Об этом своем наблюдении он поведал москов-

89. Утро России. 27 января 1915. № 27. С. 5.

90. Голос Москвы. 7 (20) апреля 1915. № 79. С. 3.

91. Голос Москвы. 8 (21) апреля 1915. № 80. С. 2.

92. Утро России. 9 апреля 1915. № 96. С. 4; Голос Москвы. 9 (22) апреля 1915. № 81. С. 4.

93. Джунковский В. Ф. Ук. соч. С. 551, 558–565.

94. Русский инвалид. 13 мая 1915. № 104. С. 3.

ской прессе всего через пять дней после вступления в должность.⁹⁵ Юсупов и ранее был способен удивить словом и делом.

В январе 1915 года он посетил Францию в качестве посланника императора с целью вручения русских орденов отличившимся французским военным. Своим экстравагантным поведением он не снискал уважения у союзников. Между прочим, в разговоре с Пуанкаре он пустился в следующие рассуждения: «Он рассказывает мне, что в России на каждом шагу видишь следы немецкого влияния, что в Москве полиция находится в руках Германии, что в России не осмеливаются изгнать немцев ни из торговли, ни с государственных должностей, потому что у немцев защитники при дворе, у великих князей, во всех кругах общества. С такой свободой выражается посланец императора. Правда, после этой поправки он добавляет, что император твердо решил вести войну до победного конца»⁹⁶.

16 (29) мая «Голос Москвы» продолжил свои призывы к борьбе с внутренними немцами — газета призвала высылать из города проживавших в нем подданных Австро-Венгрии и Германии — таковых оказалось около 2 тыс. чел.⁹⁷ В тот же день в московских газетах был опубликован и первый список высланных, после чего подобного рода колонки — на 100 и более фамилий — стали повседневными.⁹⁸ Возможно, пребывание подданных враждебных государств в Москве в это время и было излишней мягкостью, но избранные меры борьбы с этим излишеством трудно назвать разумными. Грань между немецко-австрийскими подданными и русскими немцами постепенно стиралась. Выйти из смыслового тупика смогло «Русское купеческое общество для взаимного вспомоществования», которое приняло решение исключить из своих рядов «всех членов австро-германской национальности». Исключение делалось только для тех, кто сражался в рядах русской ар-

95. Утро России. 14 мая 1915. № 133. С. 4.

96. Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. М., 1936. Кн. 1. С. 309.

97. Голос Москвы. 16 (29) мая 1915. № 111. С. 1.

98. Утро России. 16 мая 1915. № 133. С. 4; 17 мая 1915. № 134. С. 4; 18 мая 1915. № 135. С. 2; 19 мая 1915. № 136. С. 4; 20 мая 1915. № 137. С. 5; 21 мая 1915. № 138. С. 5; 22 мая 1915. № 139. С. 4; 23 мая 1915. № 140. С. 5; 24 мая 1915. № 141. С. 5; 26 мая 1915. № 143. С. 5; 27 мая 1915. № 144. С. 5; 28 мая 1915. № 145. С. 5; 30 мая 1915. № 147. С. 4; 2 июня 1915. № 150. С. 5; Голос Москвы. 16 (29) мая 1915. № 111; 17 (30) мая 1915. № 112. С. 4; 18 (31) мая 1915. Экстренное прибавление к № 112. С. 2; 19 мая (1 июня) 1915. № 113. С. 4; 20 мая (2 июня) 1915. № 114. С. 4; 21 мая (3 июня) 1915. № 115. С. 4; 22 мая (4 июня) 1915. № 116. С. 4; 24 мая (6 июня) 1915. № 118. С. 4; 25 мая (7 июня) 1915. Экстренное прибавление к № 118. С. 2; 26 мая (8 июня) 1915. № 119. С. 4; 27 мая (9 июня) 1915. № 120. С. 4; 28 мая (10 июня) 1915. № 121. С. 5; 29 мая (11 июня) 1915. № 122. С. 4.

мии или был русским подданным в трех поколениях.⁹⁹ Тем временем отступление Юго-Западного фронта продолжалось. Первоначально его армии предполагалось отвести за Сан и Днестр, однако удержаться на этом рубеже ослабленным предыдущими боями войскам не удалось.

С трех сторон к Перемышлю, важнейшей коммуникационной точке в тылу русских войск в Карпатах, подходили австро-венгерские и германские корпуса. «В течении двух месяцев, — писал швейцарский исследователь крепостной войны, — в продолжении которых русские занимали крепость, они вообще не имели ни времени, ни необходимых средств для приспособления разрушенных укреплений и крепости к обороне.»¹⁰⁰ Крепостная артиллерия средних калибров и полевые орудия Перемышля были австрийскими — боеприпасы к ним пришлось завозить из Львова. Крепость нуждалась в пулеметах, горной, противотанковой артиллерии. Что касалось тяжелой артиллерии, то в начале мая она только еще грузилась в Ровно. Комендант крепости ген.-лейт. С. Н. Дельвиг 27 апреля (10 мая) извещал Главнокомандующего фронтом о том, войска заняли форты в сторону приближавшегося противника. Сил для обороны даже этих укреплений не хватало, в Перемышле не было достаточного количества офицеров крепостной артиллерии. Бригада осадной артиллерии, прибывшая из Бреста и составившая ядро русского гарнизона крепости, имела 50 % некомплект офицеров. В случае осады большей частью батарей командовать пришлось бы фейерверкерам и даже рядовым. В гарнизоне находилось только 3 офицера Генерального штаба, не хватало и топографов.¹⁰¹

30 апреля (13 мая) над крепостью и городом появилась австрийская и германская авиация. Начались бомбежки.¹⁰² В тот же день Главнокомандующий армиями фронта ген.-ад. Н. И. Иванов принял решение считать Перемышль полевой, заблаговременно укрепленной позицией, которую следует оборонять только до угрозы отсечения от основных сил фронта.¹⁰³ Ставка еще надеялась на благоприятный исход событий и 1 (14) мая выпустила следующее сообщение: «В Западной Галиции напряжение боев 27-го апреля ослабло, наши войска постепенно стягиваются к линии реки Сана для занятия более сосредоточенного расположения.»¹⁰⁴ Атаковавшие в этот день западные форты австро-германцы были отбиты с потерями и вынуждены были остановиться. Казалось, что центр

99. Голос Москвы. 22 мая (4 июня) 1915. № 116. С. 3.

100. Ребольд Ж. Крепостная война 1914–1918 гг. М., 1938. С. 120.

101. Горлицкая операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1941. С. 244–247.

102. Утро России. 26 мая 1915. № 143. С. 4.

103. Горлицкая операция... С. 275.

104. Речь. 2 (15) мая 1915. № 119 (3142). С. 3.

тяжести наступления переместился к Сану.¹⁰⁵ На самом деле передышка была временной.

Отступавшие русские войска аккуратно уничтожали за собой линии железной дороги, без которых противник не мог использовать тяжелую артиллерию, особенно 210-ти и 305-миллиметровые гаубицы. Австро-германские инженерные части восстанавливали в среднем по 5–6 километров железнодорожного пути в сутки. Это существенно замедляло темпы наступления. 14 мая передовые части 2-й австро-венгерской армии генерала фон Бем-Ермолли были уже в 70 километрах от крепости. 21–27 мая прошли в боях. О характере боев можно судить по этим словам Янушкевича, обращенным к Сухомлинову: «Положение не улучшается. Причина та же. Надо терпеть до улучшения. Вчера на участке одного из полков немцы выпустили 3 т. тяжелых снарядов!! Снесли все. А у нас было выпущено едва 100. Знаю, что тяжело Вам это читать, но долгом считаю Вас ориентировать. Но есть хорошее знамение: появилось искреннее и глубокое озлобление и жажда мести.»¹⁰⁶ Русская армия пыталась нанести контрудар и «обойти обходящего». Это был единственный способ удержать город, так форты крепости были приведены в негодность как русской осадой, так и гарнизоном накануне капитуляции. Большой успех имел III-й Кавказский корпус генерала А. В. Ирма-на, отбивший ряд позиций и захвативший 7000 пленных, 6 тяжелых и 6 полевых орудий. Однако утомленные боями, и, самое главное, не имевшие достаточного запаса патронов и снарядов, русские войска не могли справиться с этой задачей. 25 мая под Перемышль прибыли 305-миллиметровые шкодовские гаубицы. 30 мая они начали обстрел русских позиций.¹⁰⁷ Это решило судьбу русской обороны.

«Помню сражение пред Перемышлем в середине мая. — писал А. И. Деникин. — Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии... Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали — нечем. Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... Два полка были уничтожены — одним огнем... Когда после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи ей подвезли пятьдесят снарядов, об том сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением...»¹⁰⁸ 31 мая противник за-

105. Утро России. 26 мая 1915. № 143. С. 4.

106. Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный Архив. М., 1923. Т. 3. С. 67.

107. The Times History of the War. Part 55. Vol. 5. Sept. 7, 1915. P. 127, 136, 147, 149.

108. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 1. С. 131.

хватил форты № 10 и № 11. 1 июня австрийцы прорвались к городу и захватили форт № 7, правда, подоспевшие подкрепления выбили их оттуда.¹⁰⁹

Изменить общую ситуацию это уже не могло, и была ускорена эвакуация. К полудню 18 (31) мая из крепости были выведены все обозы и артиллерия, и Перемышль удерживали только отряды прикрытия.¹¹⁰ В ночь на 3 июня он был эвакуирован. Двухнедельные бои закончились. Части 8-й армии отошли в порядке, но с большими потерями, предварительно взорвав мосты через Сан, обеспечив вывоз артиллерии и запасов, кроме хлеба, который был сожжен.¹¹¹ «Из всех фортов нами были удержаны лишь восточные — Седлисские. — Вспоминал Брусилов. — В общем крепость досталась неприятелю совершенно разоруженная, без каких бы то ни было запасов; насколько мне помнится, в руки врагу попали лишь четыре орудия без замков, которые были унесены.»¹¹² 21 мая (3 июня) Ставка официально сообщила об оставлении Перемышля.¹¹³

Извещая Николая II об этом, Николай Николаевич-мл. писал: «Еще во время пребывания Вашего Императорского Величества на Ставке, обстановка в Галиции сложилась в таком виде, что удержание полуразрушенного Перемышля при отсутствии достаточной артиллерии и крайней скудости боевых припасов, и невозможности удержать в наших руках Ярослав и Радымно, стало задачей весьма трудной. Принципиально тогда же было решено смотреть на Перемышль не как на крепость, а как на участок заблаговременно подготовленной позиции, удержание коей в наших руках с военной точки зрения являлось целесообразным лишь до тех пор, пока оно облегчало нам маневрирование в районе Сана. Ваше Императорское Величество изволите помнить, что оставление нами Перемышля было решено в ночь с 7 / 20 на 8 / 21 мая и *только соображение о том впечатлении, которое произведет на общество оставление этого пункта, заставляли выбиваться из сил, чтобы сохранить его за нами* (выделено мной — А. О.).»¹¹⁴

Пресса в целом заняла вполне взвешенную позицию по отношению к случившемуся. Передовица «Утра России» от 22 мая (4 июня) убеждала читателя: «Наша войска отошли от Перемышля и заняли соседнее расположение к востоку от него. Спокойно и хладнокровно, с несокрушимой верой в конечный исход борьбы нашей с Германией, должно отнестись русское общество к этому известию.

109. Бонч-Бруевич М. [Д.] Потеря нами Галиции в 1915 г. М.; Л., 1926. Ч. II. С. 256.

110. Утро России. 26 мая 1915. № 143. С. 4.

111. Бонч-Бруевич М. [Д.] Потеря нами Галиции... С. 257.

112. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1946. С. 148.

113. Речь. 22 мая (4 июня) 1915 г. № 138 (3161). С. 3.

114. Бонч-Бруевич М. [Д.] Потеря нами Галиции... С. 31.

Судьба нынешнего очередного натиска германских армий, на этот раз на наш германский фронт, не может зависеть от того, стоим ли мы перед развалинами Перемышля или отошли на несколько верст от него»¹¹⁵. Никакие соображения не помогли смягчить удар в сознании общественного мнения. 5 июня, получив телеграмму от генерала де Лагиша, Пуанкаре записал в дневнике: «Это произвело удручающее впечатление в России, страна чувствует себя униженной и разочарованной»¹¹⁶. Никакие соображения не помогли смягчить удар в сознании общественного мнения.

5 июня, получив телеграмму от французского представителя при русской Ставке генерала де Лагиша, Р. Пуанкаре записал в дневнике: «Это произвело удручающее впечатление в России, страна чувствует себя униженной и разочарованной»¹¹⁷. Уже 24 мая (6 июня) в «Голосе Москвы» появился призыв: «Нам предстоит трудная задача объяснить оставление нами Перемышля»¹¹⁸. В тот же день «Речь» поместила интервью вернувшегося с Юго-Западного фронта уполномоченного Красного Креста Д. Д. Данчича, который заявил: «Занятый нами Перемышль представлял собой такой же невооруженный город, как и Ярослав, как и Саноке. То, что его нельзя защищать, там для всех было аксиомой. И когда из всего нашего фронта он выперся углом на 25–30 верст вперед, то и решили его очистить. Никакой осады не было. Задержали очищение Перемышля только для того, чтобы вывезти все имевшиеся там весьма значительные запасы. И действительно вывезли все до последней мелочи»¹¹⁹.

Необходимо объяснить, что сдача этой крепости после второй осады 9 (22) марта 1915 года была воспринята русским обществом как символический перелом в ходе военных действий. В плен попало почти четыре армейских корпуса — 9 генералов, 2500 офицеров, около 120 000 солдат, трофеями русской армии стало 900 орудий и огромное количество военных запасов и оружия. Неожиданно выяснилось, что количество осажденных почти вдвое превышало численность осаждавшей Перемышль русской армии.¹²⁰ Сдавшихся было так много, что вывезти их всех сразу не представлялось возможности. «Все дороги от Перемышля заполнены пленными. — Писал В. Я. Брюсов в конце марта. — Шоссе на десятки верст кажется синим от синеватых австрийских мундиров. Пленные идут большими толпами под конвоем немногих казаков, идут и маленькими

115. Утро России. 22 мая 1915. № 139. С. 1.

116. Пуанкаре Р. Ук. соч. С. 429.

117. Пуанкаре Р. Ук. соч. С. 429.

118. Голос Москвы. 24 мая (6 июня) 1915. № 118. С. 2.

119. Речь. 24 мая (6 июня) 1915. № 140 (3163). С. 4.

120. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 263.; Дневники Николая П. М., 1991. С. 518.

группами, идут и одиночками. Никто не делает попытки бежать. В городе также множество австрийских солдат. Эвакуация пленных займет недели две. Среди сдавшихся — очень много славян: поляков, русин и чехов. Они не скрывают своей радости по поводу сдачи».¹²¹

«Моральное впечатление сдачи первоклассной австрийской крепости, — заявлял „Военный сборник“, — касается не одной только австро-венгерской армии, но несомненно отзовется и на оперирующих в Карпатах и в Буковине германских войсках и рикшетом отзовется в германской армии, отныне потерявшей всякую надежду на косвенную хотя бы поддержку своего немецкого союзника, как она потеряла веру в пользу своего союза с Турцией. Поэтому не будет преувеличением сказать, что падение Перемышля знаменует собой перелом в великой мировой войне»¹²². Моральное значение этой победы действительно было велико, но теперь оно же стало препятствием для ухода из Перемышля. Как показали события в Москве, эффективно объяснить причины отступления не удалось, хотя были перечислены все причины, по которой не стоило защищать эту полуразрушенную крепость, лишенную боеприпасов и продовольствия.¹²³

Впрочем, внимание московской прессы было по-прежнему нацелено на другие проблемы. 26 мая (8 июня) «Голос Москвы» опубликовал очередную статью, посвященную проблеме ликвидации немецкой торговли и предпринимательства в Первопрестольной. К началу войны в Москве насчитывалось около 250 крупных германских и австрийских фирм и до 500 средних и мелких предприятий, принадлежащих частным лицам. На основании закона от 11 (24) января 1915 г. к 1 (14) апреля все они должны были быть добровольно ликвидированы. Выполнить это распоряжение в указанный срок не удалось, и он был перенесен на 1 (14) июня. Поскольку, по мнению газеты, результатов ликвидации все еще не было видно, она назвала 4 крупнейших предприятия и магазина, собственность на которые была переведена на подставные лица.¹²⁴

В этот же день начались волнения среди женщин, которые в большей части имели родственников в армии. Они были недовольны потерей портняжных заказов, которые, как они считали, были переданы немецкой фирме.¹²⁵ Следует отметить, что заказы распределялись благотворительным обществом Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Толпа примерно в 3 тыс. человек направилась с жалобой к Адрианову, который обещал разобраться.¹²⁶

121. Русские Ведомости. 18 марта 1915. № 63. С. 3.

122. Блом М. Военное обозрение // Военный Сборник. 1915. № 4. С. 225.

123. Голос Москвы. 24 мая (6 июня) 1915 г. № 118. С. 2.

124. Голос Москвы. 26 мая (8 июня) 1915 г. № 119. С. 1.

125. Харламов Н. [П.] Ук. соч.. С. 128.

126. Речь. 7 (20) июня 1915. № 154 (3177). С. 4.

Уже на следующий день, 27 мая (9 июня) в рабочих кварталах Москвы появились слухи о том, что живущие в городе немцы стремятся помочь своим соотечественникам на фронте, распространяют болезни, отравляют воду и т. п. Вечером того же дня произошли первые столкновения.¹²⁷ Среди них распространились слухи о таинственных отравлениях на Прохоровской мельнице (в этот день там по непонятной причине отравилось 38 человек¹²⁸), принадлежавшей фирме Эмиль Циндель и К. Управляющим предприятием был некий Г. Г. Карлсен. Немецкие фамилии делали правдоподобными слухи о том, что причинами всех неприятностей было отравление шпионами артезианских источников. Толпа окружила мельницу, на требование выйти к ней Карлсен ответил приказом закрыть ворота. В результате ворота были взломаны, а управляющий убит. Просьбы его дочери — русской сестры милосердия — пощадить отца ни к чему не привели. Вслед за этим схожие волнения затронули мельницу Шредера, фабрики в Данилове и Замошворечье.¹²⁹

Утром 28 мая (10 июня) многотысячная толпа с портретами императора и флагами двинулась на Красную площадь, после чего она стала растекаться по близлежащим улицам. Люди заходили в магазины и требовали предъявить документы, чтобы убедиться в том, что их владельцы не были «австро-германцами». Поначалу такое свидетельство, если оно было, помогало, но приблизительно после трех часов дня процесс окончательно вышел из-под контроля.¹³⁰ Если поначалу собственность подозрительных, с точки зрения толпы, лиц, не имевших документов о русском подданстве, просто уничтожалась — ее сжигали, ломали, втоптывали в грязь и т. п., то потом ее начали расхищать, и погром уже явно стал приобретать формы массового грабежа, лишённого какой-либо идеологической направленности. Самое активное участие в беспорядках приняли женщины, подростки, рабочие и деклассированные элементы.¹³¹ Естественно, что их центром стали деловые кварталы города.

28 мая (10 июня) 1915 г. С. П. Мельгунов описывает в своем дневнике увиденное: «В Москве творится полная неразбериха. Накануне началась забастовка — не желают работать на немцев. Утром перед Котельнической частью был молебен в присутствии большой толпы. А. М. Васютинский спрашивал, по какому случаю — против немцев. Открылось шествие с флагами и пр. При пении

127. Голос Москвы. 31 мая (13 июня) 1915. № 124. С. 2.

128. Речь. 7 (20) июня 1915. № 154 (3177). С. 4.

129. The Times History of War. Part 97. Vol. 8. June 27, 1916. P. 225.; Харламов Н. [П.] Ук. соч.. С. 128–130.

130. Голос Москвы. 31 мая (13 июня) 1915. № 124. С. 2.

131. Речь. 7 (20) июня 1915. № 154 (3177). С. 4.

„Боже царя храни“ шествовала тысячная толпа во главе с людьми со значками общества «За Россию». Сзади начинались погромы. Предварительно во всех московских газетах, кроме «Русских Ведомостей», печатались списки высылаемых немцев. Накануне усиленно раздавали листки с перечнем и адресами немецких торговых фирм. Все газеты трубили о зверствах немцев. Решили, очевидно, поднять настроение по растопчинскому методу в виду неудач на войне... Погром разросся и превратился в нечто совершенно небывалое — к вечеру были разгромлены все «немецкие» магазины. Вытаскивали рояли и разбивали. Полиция нигде не препятствовала погромщикам... Власти, очевидно, не ожидали, что погромы примут такой масштаб»¹³².

Настроения Юсупова и действия были не последней причиной того, что события в Москве приобрели такой масштаб и характер. Не считая себя находившимся в подчинении Министру внутренних дел, он не сообщал в Министерство о том, что происходит в городе, что касается начальника Охранного отделения и полицеймейстера Москвы, то они также не сделали этого, считая, что информацию в Петроград должен был направить сам Юсупов. На этот раз не был активен и Адрианов. Как показало в дальнейшем сенатское расследование, генерал отдал приказ, категорически запрещающий полиции применение оружия при любом развитии событий. Чины полиции должны были ограничиваться увещанием, в крайнем случае — действовать нагайками.¹³³ Градоначальник даже явил личный пример выполнения собственных распоряжений. Появившись перед толпой в начале волнений в сопровождении 200 полицейских, он ограничился словами, пообещав сам разобраться во всем. Отъехав от «митингующих», генерал не предпринял ничего и не отдал никаких распоряжений.¹³⁴ Очевидно, без приказа он уже не считал кощунством грабеж под пение гимна. В результате низшее и среднее звенья городской власти оказались нейтрализованы, а толпа, убедившись в безнаказанности своих первых выходов, стала действовать гораздо активнее.¹³⁵

Мало кто из чиновников решился проявить инициативу и действовать без приказа. От Главноначальствующего указаний не поступало. В начале волнений Юсупов сказался больным и не покидал своего дома.¹³⁶

От Главноначальствующего указаний не поступало. В начале волнений Юсупов сказался больным и не покидал своего дома.¹³⁷

132. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 1. Париж, 1964. С. 195.

133. Речь. 16 (29) января 1916. № 15 (3398). С. 4.

134. Гатагова Л. С. Ук. соч. // Родина. 2002. № 10. С. 20.

135. Речь. 16 (29) янв. 1916. № 15 (3398). С. 4.

136. Гатагова Л. С. Ук. соч. // Родина. 2002. № 10. С. 21.

137. Там же. С. 21.

Не торопился он и связаться с Петроградом, хотя бы для того, чтобы получить инструкции от Н. А. Маклакова. Министр внутренних дел узнал о том, что творится в Москве, из утренних сообщений газет. В город немедленно был отправлен начальник Отдельного корпуса жандармов ген.-м. Свиты Е. И. В. В. Ф. Джунковский.¹³⁸ В 8 часов вечера 28 мая (10 июня) было собрано экстренное заседание Городской Думы, в ходе которого были приняты следующие решения: обратиться к москвичам с просьбой сохранять спокойствие, к рабочим — с призывом прекратить забастовки, к Главноначальствующему — с просьбой пресечь погромы. В 23.00 в здание Думы прибыли Юсупов и Адрианов.¹³⁹ Обсуждение проблемы продолжилось, в результате чего Юсупов в ночь на 29 мая (11 июня) также решил обратиться к москвичам с воззванием.

Оно гласило: «28-го сего мая на улицах Москвы произошли печальные события. Начавшись под влиянием стремления удалить с заводов подданных враждебных нам государств, эти события мало-помалу вылились в самые безобразные формы. Собиравшиеся толпы не только били стекла и громили магазины, владельцы которых носят иностранные фамилии, но и грабили находившиеся в них товары. В этом постыдном деле принимали участие также женщины и подозрительного вида подростки». Юсупов призывал москвичей доверить борьбу с немцами ему, как назначенному императором представителю единственной законной власти: «Я же, как носитель этой власти в Москве, с первого дня моего назначения поведший борьбу с немецким засильем, сам сумею защитить интересы родного города от влияния враждебных России лиц и предупреждаю, что не позволю вмешиваться в мои распоряжения. Вместе с тем, довожу до сведения жителей Первопрестольной, что при попытках вновь произвести какие-либо насильственные действия, направленные против личной безопасности или имущества, хотя бы и подданных воюющих с нами держав, я приму самые энергичные меры к их подавлению. Одновременно с этим объявляю населению вверенного мне города, что я не допускаю на улицах столицы никаких сборищ или манифестаций»¹⁴⁰.

Вечером 28 мая (10 июня) практически вся Москва была охвачена погромами, по улицам на подводах и извозчиках открыто перевозили награбленное и торговали им. В городе начались пожары, ночью их было уже около 30.¹⁴¹ Для тушения были задействованы все пожарные силы города — 685 пожарных и 200 дружинников ополчения.¹⁴² В огне, охватившим здание издательства Грос-

138. Харламов Н. [П.] Ук. соч. С. 127.

139. Рябиченко С. А. Ук. соч. С. 46.

140. Голос Москвы. 29 мая (11 июня) 1915. № 122. С. 3.

141. Харламов Н. [П.] Ук. соч. С. 131.

142. Рябиченко С. А. Ук. соч. С. 55.

мана и Кнебеля, погибли рукописи многочисленных монографий — в том числе и уже напечатанных здесь 22 томов «Истории русского искусства», а также коллекции фотографий автора этого издания — И. Грабаря.¹⁴³ Погромщики мешали пожарной охране и она не успевала тушить горевшие здания. Погромы стихли лишь к 5 часам утра 29 мая (11 июня). С утра все началось снова, хотя в городе уже появилась полиция и войска, пытавшиеся остановить погромщиков.¹⁴⁴ До появления солдат сил полиции было явно недостаточно, хотя она уже и делала все возможное — 68 полицейских получили серьезные ранения.¹⁴⁵

Для успокоения разбушевавшейся толпы пришлось вызывать части из учебных лагерей.¹⁴⁶ В нескольких случаях солдатам пришлось употреблять огнестрельное оружие, при этом в толпе были жертвы — 12 убитых и 30 раненых.¹⁴⁷ Тем не менее волна погромов стихла в городе только к вечеру 29 мая (11 июня). Вслед за этим она перекинулась в Московскую губернию, но там была сразу же погашена энергичными действиями местных властей.¹⁴⁸ Беспорядки происходили только в непосредственной близости от города, в Московском и Богородском уездах — в основном в дачных районах.¹⁴⁹ Губернская администрация продемонстрировала достаточную решительность. Не менее адекватной была реакция властей и в других городах Империи, где имели место похожие волнения. Во всяком случае, они нигде не приняли такого масштаба, как в Москве.¹⁵⁰

Вряд ли это было случайностью. В первые дни волнений появление полиции, градоначальника города приветствовалось толпой — погромщики считали, что действуют с разрешения властей, которые действительно поначалу не препятствовали стихии на улицах города.¹⁵¹ На самом деле своими действиями (арестами, высылками лиц с «подозрительными фамилиями», запретами полиции разгонять «патриотические демонстрации») Юсупов только возбуждал страсти, которые потом не смог контролировать. По его приказу был арестован даже председатель Общества фабрикантов и заводчиков Московского района Ю. П. Гужон — французский подданный¹⁵², и, по иронии судьбы, активный участник обсуждения мер по борьбе

143. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 6 (19) июня 1915. № 14880. С. 4; Утро России. 6 июня 1915. № 154. С. 4.

144. Голос Москвы. 31 мая (13 июня) 1915. № 124. С. 2.

145. Lohr E. Op. cit. P. 619.

146. Харламов Н. [П.] Ук. соч. С. 132.

147. Рябиченко С. А. Ук. соч. С. 41.

148. Харламов Н. [П.] Ук. соч. С. 132.; Кирьянов Ю. И. Ук. соч. С. 140–141.

149. Утро России. 6 июня 1915 г. № 154. С. 4.

150. Гайда Ф. А. Ук. соч. С. 76.

151. Харламов Н. [П.] Ук. соч. // Родина. 1993 № 8–9. С. 131.

152. Дневники Николая П. С. 527.; Совет министров Российской империи... С. 169.

с немецким засильем.¹⁵³ После майских событий в Москве он уже считал необходимым сообщать Джунковскому, что нагнетание антигерманских настроений в России явно направлено против власти.¹⁵⁴

Только вечером 29 мая (11 июня) Главноначальствующий Москвы ввел в городе комендантский час — движение по улицам было ограничено с 22.00 до 05.00.¹⁵⁵ В этот же день для расследования событий в город прибыл Министр юстиции И. Г. Щегловитов. 30 мая (12 июня) Юсуповым были запрещены любые манифестации, «какого бы рода они не были».¹⁵⁶ Комендантский час в Москве был отменен только 2 (15) июня 1915 г.¹⁵⁷ 29 мая (11 июня) М. В. Челноков — городской голова и председатель Всероссийского Союза городов — обратился к жителям Москвы с призывом к спокойствию: «Грабежи насилия вчерашнего дня составляют неслыханный позор для родной столицы и ослабляют наши силы. Всякому пропущенному дню в нашей фабрично-заводской работе наши враги бесконечно радуются, и каждый из вас пусть задумается об этом. Московская Городская Дума обращается к населению города Москвы с призывом немедленно прекратить недостойные Москвы погромы, а к рабочему и фабричному населению Москвы — с просьбой напрячь все силы и не допускать приостановления работ на фабриках и заводах, ибо каждый день промедления есть торжество врага.»¹⁵⁸

Враг действительно мог торжествовать, тем более, что он не имел к организации этих событий никакого отношения. Торжествовала и общественность столицы. «Два воззвания прочли вчера утром москвичи: главноначальствующего над г. Москвой и московского городского головы, — гласила передовица „Утра России“. — В самом факте одновременности этих двух воззваний мы усматриваем отрадный признак осуществления желаемого сотрудничества административной власти Москвы с органами общественного самоуправления»¹⁵⁹. Несмотря на столь очевидные достижения Юсупова, для него наступало время для оправданий за случившиеся «события». Всяма созвучной словам и действиям генерала была версия московских официальных властей, которую они поспешили направить в Ставку: «Взрыв оскорбленного народного чувства — буйного, разнузданного, но все же в основе своей имеющего нечто от патриотизма»¹⁶⁰.

153. Утро России. 15 октября 1914 г. № 251. С. 5.

154. Гатагова Л. С. Ук. соч.. // Родина. 2002 № 10. С. 22.

155. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 30 мая (12 июня) 1915 г. № 14874. С. 1; Рябиченко С. А. Ук. соч.. С. 103.

156. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 31 мая (13 июня) 1915 г. № 14876. С. 3.; Утро России. 31 мая 1915 г. № 148. С. 4.

157. Утро России. 3 июня 1915 г. № 151. С. 4.

158. Голос Москвы. 29 мая (11 июня) 1915 г. № 122. С. 3.

159. Утро России. 30 мая 1915 г. № 147. С. 1.

160. Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 204.

От имени Московской городской Думы к Главковерху немедленно обратился и Челноков, уверявший Великого Князя, что «... Москва, готовая всеми средствами способствовать полной победе над врагом, примет все меры к необходимому и полному восстановлению Первопрестольной. Полная верой в окончательную победу русского оружия под верховным водительством Вашего Императорского Высочества, Москва не остановится ни перед какими трудами и жертвами, сделает все, чтобы удовлетворить нужды армии и тем помочь довести великую отечественную войну до победоносного конца»¹⁶¹. 1 (14) июня последовал одобрительный ответ из Барановичей — Николай Николаевич считал необходимым поддерживать готовность к труду на благо армии.¹⁶² Естественно, что штаб случившегося исключал возможность отговорок — необходимо было объяснить, почему погромы стали возможными. Позже Юсупов попытался предложить такое объяснение — он даже утверждал, что погром был организован немцами.¹⁶³

Свою лепту в погром внесла и московская пресса. В частности, газета Гучкова сделала все возможное для того, чтобы направить патриотические чувства против немецкого населения Первопрестольной. «С самого начала войны, — писала позже „Речь“, — существовали у нас кучки людей, считавших разжигание злобы и ненависти необходимой принадлежностью патриота, думавших, что чем больше злобы, тем больше патриотизма. И ежедневно, капля за каплей, они внедряли в смятенную, растерявшуюся под наплывом небывалых событий народную душу распаляющий, дурманящий яд. И вот в Москве мы увидели действие этой систематичной отравы. Человеческая природа такова, что возбудить ее к злым и разрушительным, хотя бы и бессмысленным действиям много легче, чем к разумным и созидательным»¹⁶⁴.

В результате весьма оригинального союза городской власти и либеральной оппозиции мирные поначалу антигерманские манифестации закончились погромами реальных и вымышленных немцев. Москва в течение 3 дней была во власти толпы.¹⁶⁵ Заставший эти события Г. К. Жуков вспоминал: «В это были вовлечены многие люди, стремившиеся попросту чем-либо поживиться. Но так как народ не знал иностранных языков, то заодно громил и другие иностранные фирмы — французские, английские».¹⁶⁶ Пострадало 475 коммерческих предприятий, 207 частных квартир и домов, 113 подданных Австро-Венгрии и Германии, 489 русских

161. Новое Время. 2 (15) июня 1915. № 14089. С. 4.

162. Там же.

163. Кирьянов Ю. И. Ук. соч. С. 146.

164. Речь. 6 (19) июня 1915. № 153 (3176). С. 2.

165. Lockhart R. H. B. British agent. N. Y., 1936. P. 110.

166. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 29.

подданных с иностранными фамилиями и именами и граждан союзных государств, и, кроме того, 90 русских подданных с русскими же именами и фамилиями.¹⁶⁷ За три дня в городе насчитали 70 пожаров, 10 из них — «очень больших» и 11 — больших», убытки, понесенные частными лицами, в первом приближении составили 38 506 623 руб.¹⁶⁸ Удар, которые нанесли погромы по экономике Москвы, был весьма чувствительным. Достаточно сказать, что в городе не работало около 200 тыс. рабочих.¹⁶⁹ К 1 (14) июня в городе закрылось 193 предприятия и 300 магазинов, в основном принадлежавших подданным враждебных государств (за исключением славян, французов, итальянцев и турецко-подданных христиан), 40 фирм было переведено на новых владельцев.¹⁷⁰

Пять лиц «австро-немецкой национальности» были зверски убиты толпой, четверо из жертв были женщинами. Приехавший в город 2 (15) июня чиновник МВД описал следующую картину: «Проезжая с Николаевского вокзала... я был поражен видом московских улиц. Можно было подумать, что город выдержал бомбардировку вильгельмовских армий. Были разрушены не только почти все магазины, но даже разрушены некоторые дома, как оказалось затем, сгоревшие от учиненных во время погрома поджогов. В числе наиболее разгромленных улиц была между прочим — Мясницкая, на которой, кажется, не уцелело ни одного магазина, и даже с вывеской русских владельцев, как, например, контора Кольчугина. Во многих магазинах разбитые окна были заставлены деревянными щитами, на многих из которых были наклеены большие плакаты с довольно оригинальными надписями. Так, например, на одном из разгромленных магазинов в Камергерском переулке я прочел следующую надпись: „А. Быков. Торгующий под фирмой русского подданного дворянина Шварца, разгромлен по недоразумению“. На некоторых приводились родословная владельца магазина, имевшего несчастье носить иностранную фамилию и доказывающая его русское происхождение. А из одной такой надписи я узнал, что родители владельца разгромленного магазина и все его ближайшие родственники похоронены на православном Ваганьковском кладбище»¹⁷¹.

Во время волнений в первопрестольной столице распространялись слухи об измене некоторых членов царской фамилии. Рост неприязненных настроений в адрес императрицы Александры Федоровны начался в Москве уже с февраля 1915 года в Москве.¹⁷²

167. The Times History of War. Part 97. Vol. 8. June 27, 1916. P. 225–226.

168. Рябиченко С. А. Ук. соч. С. 54, 103.

169. Гайда Ф. А. Ук. соч. С. 75.

170. Новое Время. 1 (14) июня 1915. № 14088. С. 3.

171. Харламов Н. [П.] Ук. соч. С. 128.

172. Lokchart R. H. B. Op. cit. P. 102.

Теперь они прорвались наружу. «Особенно доставалось императрице Александре Федоровне, — вспоминал генерал-квартирмейстер Ставки, — от которой требовалось удаление в монастырь по примеру ее сестры, вдовы великого князя Сергея Александровича... Беспорядки разрослись столь широко, что в конце концов войска вынуждены были пустить в ход оружие. Только этим крайним средством удалось через несколько дней восстановить полный порядок в первопрестольной...»¹⁷³. Кстати, Великой Княгине Елизавете Федоровне не помогло и ее монашеское звание, под угрозой оказался и тот самый монастырь — во время погрома распространились слухи, что в обители прячется ее брат Великий Герцог Гессенский.¹⁷⁴

Не менее напряженной была и обстановка в столице Империи. Да и какими еще могли быть настроения, если в даже Ставке все еще продолжали играть в шпионские игры и сознательно транслировали их в тыл? В апреле 1915 г. Николай Николаевич назначил М. Д. Бонч-Бруевича начальником штаба 6-й армии, прикрывавшей Петроград. Это было поощрение за его вклад в «дело Мясоедова». Главноверх поручил генералу проверить работу контрразведки.¹⁷⁵ По свидетельству Бонч-Бруевича, его напутствовали следующими словами: «Вы едете в осиное гнездо немецкого шпионажа, одно Царское Село чего стоит»¹⁷⁶. Результаты охоты на немцев сказались и здесь. Бонч-Бруевич, почти сразу же после вступления в должность начальника штаба 6-й армии, «разоблачил» немецкое окружение командующего армией генерала от артиллерии К. П. Фан дер Флита — «впадающего в детство рамолика».¹⁷⁷

Упрекать Главнокомандующего 6-й армией в излишней мягкости по отношению к представителям враждебных государств. 30 декабря 1914 г. (12 января 1915 г.) он отдал приказ «...выслать всех германских и австрийских подданных, без каких-либо изъятий, в возрасте от 17 до 60 лет, из пределов петроградского градоначальства» Подданным враждебных государств запрещалось проживание в Лифляндской (кроме Рижского уезда), Эстляндской, Петроградской, Выборгской и западной части Новгородской губерний. Выселение должно было завершиться к 15 (28) января 1915 г.¹⁷⁸ С 1 (14) января 1915 г. чины петроградской полиции начали обход германо-австрийских подданных, доводя под расписку сведения о приказе генерала. Многие надеялись, что «изъятия» все же будут.¹⁷⁹

173. Данилов Ю. Н. На пути к крушению... С. 130.

174. Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917. Нью-Йорк, 1960. Кн. 1. С. 151.

175. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 68.

176. Там же. С. 69.

177. Там же. С. 71.

178. Речь. 31 декабря 1914 (13 января 1915). № 354 (3023). С. 6.

179. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 2 (15) января 1915. № 14587. С. 4.

Как оказалось, эти надежды не были лишены оснований. С санкции Верховного Главнокомандующего градоначальник Петрограда 10 (23) января 1915 г. издал распоряжение, по которому из этого списка изымались словаки, чехи, поляки и галичане, подавшие прошения о переводе русское подданство и ждавшие рассмотрения этих обращений, а также все несовершеннолетние подданные Германии или Австро-Венгрии в семьях со смешанными браками, в которых один из родителей являлся русским подданным¹⁸⁰.

В целом Фан дер Флит не отличался неумной активностью, столь свойственной Бонч-Бруевичу. Это, очевидно, и было свидетельством его слабоумия. Выселение подданных враждебных государств не носило массового характера и затянулось до весны. 11 (24) мая было издано очередное распоряжение об их высылке из Петрограда в 7-дневный срок, причем семьям уезжавших разрешался переезд в нейтральную Швецию.¹⁸¹ Вслед за «разоблачением» своего начальника, начальник штаба 6-й армии начал бороться с немцами в столице, благо таковых там хватало, а вскоре обратил свое внимание на «вредительство на военных заводах»¹⁸². Правда, этот энергичный разоблачитель шпионов не мог компенсировать отсутствие в столичной власти лиц, подобных Юсупову, но печатный орган, подобный «Голосу Москвы», здесь имелся. Это было партнерское Гучкову суворинское «Новое Время», вместе с которым он уже не раз организовывал травлю неугодных ему лиц. Оно также вело, хотя и с трудом, свою войну с «внутренними немцами». В частности, в январе-мае 1915 г. издание опубликовало цикл статей в 35 частях под общим названием «Золото Рейна. Кольцо Нибелунгов», посвященных проблеме немецких колоний, фирм и банков в России. Не гнушалась эта газета и другими, в том числе и явно надуманными проявлениями «немецкого засилья» в Империи, как, например, вывески на немецком языке, немецкий репертуар в русском музыкальном театре, немецкие сотрудники в Эрмитаже, немецкие профессора в русских университетах, немецкие члены Императорской Академии наук и т. п.¹⁸³ Действовать более энергично не удавалось.

180. Речь. 11 (24) января 1915. № 10 (3033). С. 4.

181. Новое Время. 12 (25) мая 1915. № 14068. С. 4.

182. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам.... С. 75–76, 82–83.

183. См., например: Новое Время. 2 (15) февраля 1915. № 13971. С. 4–5; 3 (15) февраля 1915. № 13972. С. 5–6.; 4 (17) февраля 1915 г. № 13973. С. 6–7; 7 (20) февраля 1915. № 13976. С. 14; 11 (24) февраля 1915. № 13980. С. 7; 14 (27) февраля 1915. № 13983. С. 14; 18 февраля (3 марта) 1915. № 13987. С. 6; 19 февраля (4 марта) 1915 г. № 13988. С. 7; 24 февраля (6 марта) 1915. № 13990. С. 13–14; 25 февраля (10 марта) 1915 г. № 13994. С. 7; 2 (15) марта 1915. № 13999. С. 4–5; 4 (17) марта 1915. № 14001. С. 6–7; 10 (23) марта 1915. № 14007. С. 8; 17 (30) марта 1915. № 14014. С. 6; 19 марта (1 апреля) 1915. № 14016. С. 6; 25 марта (7 апреля) 1915. № 14021. С. 7; 13 (26) апреля 1915. № 14040. С. 3; 16 (29) ап-

В Петрограде действовало военное положение и возможностей для проявления свободы слова там было меньше, чем в Москве. В момент, когда в первопрестольной начались волнения, петроградский градоначальник принял меры к обузданию страстей и даже взвешенная в своем подходе к национальному вопросу «Речь» вышла с цензурными белыми полосами в разделах «Московская хроника».¹⁸⁴ Первая информация о московских событиях появилась в газетах Петрограда лишь 5 (18) июня, да и то ее продолжали жестко цензурировать.¹⁸⁵ Впрочем, это мало разрядило обстановку. «Петербург кипел. — Вспоминал Спиридович. — Прекращающееся отступление в Галиции и слухи о больших потерях подняли целое море ругани и сплетен. Говорили, что на фронте не хватает ружей и снарядов, за что бранили Сухомлинова и Главное Артиллерийское управление с Вел. Кн. Сергеем Михайловичем. Бранили генералов вообще, бранили Ставку, а в ней больше всего Янушкевича. Бранили бюрократию и особенно министров Маклакова и Щегловитова, которых уже никак нельзя было прицепить к неудачам в Галиции. С бюрократии переходили на немцев, на повсеместный (будто бы) шпионаж, а затем все вместе валили на Распутина, а через него уже обвиняли во всем Императрицу.»¹⁸⁶

И как военный, и как администратор Юсупов проявил себя далеко не с самой лучшей стороны, но в результате московские погромы легли пятном на репутации Министра внутренних дел — Маклакова, его отставка стала всего лишь вопросом времени.¹⁸⁷ Погромы совпали с весьма важным и беспрецедентным для России событием. 28 мая (10 июня) 1915 г. А. В. Кривошеин, П. Л. Барк, П. А. Харитонов, С. В. Рухлов и С. Д. Сазонов явились к Горемыкину и потребовали освободить их от портфелей или уволить в отставку Маклакова, Саблера, Сухомлинова и Щегловитова. Фактически это была первая «стачка министров», которая закончилась успехом. Ультиматум был принят главой правительства, на докладе в Царском Селе 30 мая (12 июня) Горемыкин заявил о том, что, несмотря на несвоевременность перемен, отставка Маклакова была бы желательна.¹⁸⁸ Что касается московских событий, то рас-

реля 1915. № 14043. № 31. С. 6; 24 апреля (4 мая) 1915. № 14048. С. 6; 22 апреля (5 мая) 1915. № 14049. С. 4; 23 апреля (6 мая) 1915. № 14050. С. 6; 29 апреля (12 мая) 1915. № 14058. С. 6; 3 (16) мая 1915. № 14060. С. 7; 4 (17) мая 1915. № 14061. С. 5; 8 (21) мая 1915. № 14065. С. 6; 10 (23) мая 1915. № 14067. С. 7; 17 (30) мая 1915. № 14073. С. 6.

184. Речь. 28 мая (10 июня) 1915. № 144 (3167). С. 4; 29 мая (11 июня) 1915. № 145 (3168). С. 3.

185. Речь. 6 (19) июня 1915. № 153 (3176). С. 1.

186. Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция. С. 151.

187. Там же. С. 154.

188. Гайда Ф. А. Ук. соч. С. 89.

следование проводил ген. Джунковский, который 1 (14) июня представил свой доклад императору.¹⁸⁹

Судя по воспоминаниям командира ОКЖ, он носил нелицеприятный для Юсупова характер. Тем не менее, для него это ничем особенным не кончилось. Из московской администрации пострадал только Адрианов — 1 (14) июня 1915 г. он вынужден был подать прошение об отчислении от должности градоначальника, которое было удовлетворено на следующий день.¹⁹⁰ Принадлежность к кавалергардам, к клану сторонников Верховного Главнокомандующего в это время означала полную безнаказанность. Юсупов полностью соответствовал основным принципам назначения на административный пост, перечисленным В. А. Сухомлиновым: «...преданность царю, безусловное повиновение и отсутствие какого-либо собственного политического убеждения.»¹⁹¹ К тому же, нельзя не отметить, что с главной своей задачей он справился — диалог с общественностью был налажен.

Что касается погромов, то в политической интриге Ставка и ее сторонники вскоре использовали их в борьбе против своих врагов. 5 (18) июня был подписан рескрипт об отставке Маклакова. Она была оформлена как принятие ходатайство об оставлении занимаемого поста по состоянию здоровья. Тем не менее контекст событий был очевиден и оппозиция напрямую связала перемены в МВД с московскими событиями.¹⁹² Теперь Ставке нужна была стабильность, и к тылу с увещеваниями обратился сам Николай Николаевич. Текст его обращения распространялся на заводах и фабриках — оно призывало «к полному спокойствию и энергичной работе»: «Всякие погромы, хотя бы и вызванные глубоко патриотическим чувством, приносят вред, как то неопровержимо доказали события недавнего прошлого, не столько тому, кого громят, сколько русскому населению; отвлекая рабочие массы от их прямого дела, они могут повлечь за собой приостановку заготовки всего необходимого для нашей армии»¹⁹³.

С такими же увещеваниями к москвичам 9 (22) июня обратился и сам Юсупов, обещавший, что, начиная с 1 (14) июля в кратчайшие сроки все подданные враждебных государств будут удалены с фабрик и заводов, а торговые предприятия, принадлежащие им — ликвидированы. Теперь главноначальствующий говорил уже словами, не допускавшими двусмысленного толкования: «Происшедшие беспорядки лишь подняли дух врагов наших, от вторже-

189. Дневники Николая II. С. 531.

190. Утро России. 2 (15) июня 1915. № 150. С. 4; Голос Москвы. 2 (15) июня 1915. № 126. С. 4.

191. Сухомлинов В. [А.] Воспоминания. Берлин, 1924. С. 127.

192. Речь. 6 (19) июня 1915. № 153 (3176). С. 1, 3.

193. Речь. 28 июня (11 июля) 1915. № 175 (3198). С. 4.

ния которых русская армия жизнью и кровью своей защищает дорожную нашу родину. Я исполню свой долг перед Государем Императором и Россией. Снова предупреждаю, что не допущу никакого насилия над жителями столицы и их имуществом, а потому прошу население Первопрестольной сохранять полное спокойствие и содействовать властям в охранении общественного порядка. Злоба — плохой советник»¹⁹⁴.

С последним утверждением вряд ли приходится спорить.

194. Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 10 (23) июня 1915. № 14896. С. 3; Утро России. 10 июня 1915. № 158. С. 1.

ГАРОЛЬД ШУКМАН

РУССКИЕ ЕВРЕИ И ПРИЗЫВ В БРИТАНИИ (1917)¹

Когда власти Великобритании в 1916 г. волей-неволей ввели в стране принудительную воинскую повинность, встал вопрос, что делать с «дружественными иностранцами», и в частности, с 30 тысячами русско-еврейских мужчин призывного возраста, оказавшихся перед лицом почти неразрешимой дилеммы. Царь, устроивший на них гонения, не желал брать их на службу в свою армию, и они сами не собирались сражаться на его стороне. Не горели они и стремлением попасть на Западный фронт — где, по слухам, продолжительность жизни не превышала двух недель — и воевать за страну, в которой не имели гражданства и почти никаких прав. И тем не менее британская печать подняла шумную антисемитскую кампанию, требуя от этих изгнанников в знак благодарности к приютившей их стране вступать в армию. Вопрос обсуждался в парламенте, где либералы и лейбористы указывали, что принудительный призыв иностранцев на воинскую службу противоречит самому понятию убежища. Но после того, как весной 1917 г. царь лишился своего престола, британское правительство в июле заключило с русскими властями так называемую «Конвенцию», согласно которой военнообязанные русские евреи должны были либо вступать в британскую армию, либо возвращаться в Россию и служить в русской армии. Те, кто искал в Британии убежища, фактически оказались перед выбором: либо война, либо революция.

В числе тех евреев, что волнами покидали Россию с начала 1880-х гг.

1. Эта статья, другой вариант которой опубликован в *Jewish Quarterly*, London, Winter 2007, No. 208, под названием «Зимнее путешествие», основана на книге автора «Война или революция: русские евреи и призыв в Британии, 1917» (Harold Shukman. War or Revolution: Russian Jews and Conscription in Britain, 1917. Vallentine Mitchell, London, 2006).

до 1914 г., спасаясь от экономических трудностей и от режима, по своей природе враждебного евреям, были и мои родители, Давид и Маня Шукманы, прибывшие в Лондон в 1913 г. Мой отец часто вспоминал четыре года, проведенные на службе в русской армии (1902–1906 гг.), особенно 36-дневную поездку по только что построенной Транссибирской магистрали в Маньчжурию, на русско-японскую войну. Он доставал свой увольнительный билет, переводил оттуда отметку «участвовал в боях против японцев», и показывал нам шрам на бедре, оставленный японским штыком в исторической битве при Мукдене; мы догадывались, что напавший на него японец погиб от его руки. Кроме того, я слышал от него и менее вытнтый рассказ о том, как отец вместе со своим младшим братом Израэлем, женившимся на сестре моей матери Басе (Бесси), в 1917 г. покинул Лондон и вернулся в Россию. Мне часто приходилось слышать рассказ о плавании по северным морям в арктический порт Архангельск и путешествии по железной дороге в Москву, улицы которой были полны вооруженных солдат и едва ли не на каждом углу проходил митинг.

В хаосе гражданской войны братья решили отправиться дальше на юг, в Крым, где жили родственники их жен. Израэль, хорошо говоривший по-английски, был взят переводчиком на британский флот в Черном море, содействовавший эвакуации британских интервенционных сил и тысяч русских беженцев, оказавшихся на стороне белых. Именно эта работа помогла братьям получить визы и в 1919 г. перебраться в Константинополь. Они захватили с собой третью сестру моей матери, Розу, чей муж Борис покинул Россию еще в 1916 г. и через Японию попал в США, где вступил в американскую армию, и где они с Розой в конце концов воссоединились. В Константинополе мой отец работал портным при британской военной миссии. О том, что заставило его вернуться в Россию, у нас никогда не заходила речь, а я по глупости никогда об этом не спрашивал. Но после того, как и он, и моя мать умерли в 1950-е гг., прошли десятилетия, прежде чем любопытство вынудило меня узнать, почему он предпочел совершить опасное путешествие в Россию именно в тот момент, и как он пережил еще большие опасности революции и гражданской войны, вспыхнувшей в стране вскоре после его прибытия туда в конце сентября 1917 г. И я решил написать об этом книгу.

Дав в еврейские газеты объявление о поиске информации и очевидцев, я начал исследование с того, что взял интервью у шестнадцати человек, которые вернулись в Россию, а оттуда — назад в Англию, а также у членов их семей. Их воспоминания и рассказы составляют основу моего исследования. Моя старшая сестра нашла жестянку с документами на русском языке, включая различные свидетельские показания, написанные британскими офицерами в России, а также путевые документы, выданные голландским консулом в Константинополе. Аналогичные бумаги нашлись у дочери Израэ-

ля. Извивы и повороты дипломатии в те дни, когда Россия отказалась от монархического строя и приступила к строительству демократии, освещаются в документах из министерств внутренних и иностранных дел, хранящихся в лондонском Государственном архиве (the National Archives). Государственные документы также во многом подтвердили факты, почерпнутые мной из интервью, и ознакомили меня с официальными представлениями о настроениях в среде русских евреев, а также с агентурными данными, полученными в ходе слежки за русскими революционерами и сочувствующими им жителями Англии. Найти соответствующие русские материалы было затруднительно до тех пор, пока московские друзья не помогли мне получить доступ к архивам российского имперского министерства иностранных дел, по документам из которых я смог проследить эволюцию политики царского и временного правительства в отношении эмигрантов и военной службы. В парижском архиве французского министерства обороны я обнаружил ценное собрание донесений военной разведки о запутанных политических и этнических взаимоотношениях в черноморском регионе, где пытались найти прибежище и путь к спасению множество «конвенционистов». Помимо газет — английских, русских и даже англоязычных китайских — много информации, касающейся отношения общественности к войне и к вопросу о военной службе, было почерпнуто из второстепенных источников на английском, русском, французском и идиш.

* * *

В Великобритании, единственной из всех участниц Первой Мировой войны, никогда не существовало воинского призыва. И все же в мае 1916 г., осознав, что мясорубка Западного фронта окончательно уничтожила готовность британцев к добровольной службе, правительство неохотно учредило принудительную воинскую повинность. Даже Россия, несмотря на драконовскую систему призыва и колоссальные резервы живой силы, с трудом возмещала свои огромные потери на Восточном фронте. Воинский призыв в России был всеобщим: от него были освобождены только кочевые племена Сибири и мусульмане Средней Азии, лишь недавно вошедшей в состав Российской империи, и где население начинало откликаться на лозунг об освобождении из-под царской власти. Однако, в 1916 г. было решено призывать и мусульман, хотя бы не для строевой службы, а для рытья окопов. Ответом на это решение стало восстание, которое моментально распространилось по исламским владениям России и вскоре получило характер и название «священной войны» — джихада. Так одновременно с восстанием ближневосточных арабов против власти турок появилось и движение мусульман российской Средней Азии за национальное освобождение, с которым покончил Сталин, разделивший в 1924 г.

этот регион на отдельные (хотя отнюдь не независимые) советские республики, и по сей день сохранившие свою идентичность в качестве суверенных государств.

Как и следовало ожидать, реакция британцев на обязательный призыв приняла куда менее экстремальные формы. Помимо отдельных случаев уклонения и отказа от службы по идейным соображениям, призыв британских подданных проходил относительно гладко. Большинство «дружественных иностранцев» призывного возраста — например, небольшое число живших в Англии итальянцев и французов — не создавали никаких проблем и могли вернуться на родину, чтобы вступить в ряды национальной армии. Но русские евреи находились в Великобритании в качестве беженцев от репрессивного режима, и бессмысленно было ожидать, что они либо вернуться в Россию для службы в русской армии, либо вступят в британскую армию, чтобы сражаться на стороне царя — своего врага. По оценкам правительства, в стране проживало 200 тыс. русских евреев — мужчин, женщин и детей, в том числе около 30 тыс. мужчин призывного возраста.

Община еврейских беженцев в Великобритании, как и в России, в подавляющем большинстве состояла из трудящихся, участвующих в профсоюзном движении и в основном придерживавшихся социалистических взглядов. Ряд еврейских организаций, вывезенных ими из России, сохраняли свои революционные связи. Такие британские спецслужбы, как Особое подразделение и МИ-5, знали, что большевистские агенты в Лондоне ведут агитацию против призыва русских евреев в рамках антивоенной политики своей партии. С другой стороны, англо-еврейский истеблишмент призывал еврейскую общину разделить с другими жителями Великобритании бремя войны. На эти противоположные лозунги беженцы реагировали по-разному. Около 4 тысяч избрало путь наименьшего сопротивления и вступило в британскую армию. Примерно такое же число работало в оборонной промышленности, и столько же было освобождено от службы по состоянию здоровья. Несколько тысяч бежало в Ирландию, где британское правительство не спешило вводить воинскую повинность для людей, лишь недавно участвовавших в Пасхальном восстании 1916 г. Однако около 3500 избрало репатриацию: одни — по идеологическим причинам, в стремлении поддержать революцию или хотя бы стать ее свидетелями; другие — чтобы поселиться в России и участвовать в строительстве нового пролетарского государства, в тщетной надежде впоследствии воссоединиться там со своими женами и семьями; но многие просто собирались ждать, когда закончится война и можно будет вернуться в Британию, к своим семьям. Именно такой выбор сделал мой отец, несомненно, вспоминая о том аду, который он прошел в 1905 г. под Мукденом — крупнейшей на тот день битве в истории войн. А его брат решил составить ему компанию.

На фоне крайней нехватки морского транспорта и опустошительной подводной войны, развязанной немцами в Северном море, перевозка нескольких тысяч предполагаемых новобранцев для русской армии приобрела невероятные, абсурдные пропорции. Министерство внутренних дел ввело в печати строгий запрет на разглашение каких-либо подробностей об отправке репатриантов. В то время как другим русским, в частности, политическим эмигрантам, возвращаться на родину помогал русский консул, «конвенционистов» из числа русских евреев на борт кораблей для перевозки в Россию отправляли под конвоем полиции. (Среди депортируемых оказалось более тысячи литовцев-углекопов из Шотландии, о чем прессе так и осталось неизвестно). Один корабль, едва покинув британские воды, был торпедирован, и его пассажиров вернули в ланкаширский лагерь дожидаться другого транспорта. Мой отец и его брат покинули Ливерпуль в сентябре 1917 г. на борту «Курска», перевозившего самую большую партию репатриантов — около 600 человек.

Сойдя на берег в Архангельске в конце сентября, когда уже дает о себе знать арктическая зима, «конвенционисты» были немедленно посажены на поезда, которые развезли их по разным городам гибнущей страны — в Петроград, в Вологду, но главным образом в Москву. Призывное ведомство временного правительства продолжало свою работу даже в конце октября и направило многих «конвенционистов» в разваливавшуюся старую армию. Некоторые из них после начала гражданской войны были призваны во вновь созданную Красную армию. Однако, те, что прибыли в Москву, не нашли там никаких военных властей, которые собирались бы записать их на службу; вместо этого им предлагали железнодорожные билеты в те места, где жили их семьи — таким образом местные власти пытались избавить себя от обязанности обеспечить им кров и пропитание. Поскольку многие из них были родом из городов и деревень Польши, оккупированной немцами, они в большинстве своем выбирали тот же путь, что мой отец, стремясь попасть на юг. Некоторые отправились в опасное путешествие по Транссибирской магистрали на восток, к Тихому океану, а оттуда — вокруг света обратно в Британию. Одни из них по пути осели в Австралии; так, сын одного «конвенциониста», поселившегося в Новой Зеландии, прислал мне письмо, прочитав рецензию на мою книгу. Довольно забавно, что братья Шукманы нашли ангела-хранителя в лице британской армии: они уехали из Англии специально для того, чтобы избежать службы в ней, но она в конце концов содействовала их возвращению в Великобританию, где они вернулись к своей профессии портных и своим обязанностям мужей и отцов уже родившихся и будущих детей, в числе которых был и младший сын Давида — автор настоящей статьи.

Перевод Николая Эдельмана

К. В. ИВАНОВ

ЛИКВИДАЦИЯ КОРПУСА КОНДУКТОРОВ ФЛОТА НА ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ В 1917 ГОДУ

Революционные потрясения 1917 года существенно затрагивали флот, внося неожиданные коррективы в саму его структуру. Среди прочего по настоянию «революционно настроенных матросов» был ликвидирован такой институт флота как Корпус кондукторов флота. Характерный для советской историографии акцент на деятельности собственно партии большевиков отразился на официальной историографии флота. Так, например, в книгах «Краснознаменный Черноморский флот»¹ и «Боевой путь советского военно-морского флота»² о подобных фактах вообще не упоминается. В Советской военной энциклопедии дается следующее определение «Кондуктор (воен.)», воинское звание в русской до-революционной армии и военно-морском флоте. В армии его присваивали чертежникам и художникам в главных, окружных и полковых инженерных управлениях. На флоте это звание получали, как правило, корабельные специалисты: старшие боцманы, рулевые, сигнальщики, артиллеристы, минеры, машинисты, электрики и др. Звание К. было и в береговых частях (учреждениях) флота. К. на флоте являлись ближайшими помощниками офицеров. Главным среди корабельных К. был старший боцман. Он считался ближайшим помощником старшего офицера корабля. Звание К. в армии и на флоте присваивалось обычно унтер-офицерам, прослужившим установленный срок и сдавшим соответствующие экзамены»³. Подобная характеристика дает ответ о причине возникно-

1. Краснознаменный Черноморский флот. М., 1979.

2. Боевой путь советского военно-морского флота. М., 1974.

3. Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 4. С. 303.

вения «революционного» требования убрать кондукторов с флота. Матросы видели в них реакционную силу, опасную для проведения «демократических» преобразований.

Такой взгляд можно найти и в работе С. С. Хесина «Октябрьская революция и флот», где он пишет: «Немаловажное значение для революционной борьбы на флоте имел вопрос о кондукторах. Революционные матросы уже в дни свержения самодержавия добились устранения наиболее ненавистных кондукторов. Вскоре демократические организации матросов поставили вопрос об упразднении должностей кондукторов вообще»⁴. Однако, рассматривать вопрос о кондукторах только сквозь призму революционной борьбы было бы неверно. Существование подобного института было продиктовано необходимостью наличия на корабле специалистов, которые бы имели уровень профессиональной и технической подготовки более высокий, нежели у основной массы матросов, и даже несколько выше, чем у унтер-офицеров. Необходимость эта была продиктована все возрастающим количеством сложных корабельных приборов и механизмов, обслуживание которых требовало специальных знаний и определенных навыков, матросы с низким образовательным уровнем не могли ими овладеть. В целом Корпус кондукторов флота был весьма близок к нынешнему институту мичманов. Поэтому Хесин вынужден был отметить, что «офицеры дружно выступили в защиту кондукторов, уверяя, что их упразднение нанесет серьезный ущерб боеспособности кораблей, лишит флот ценных специалистов и т. п. Но демократические организации флота продолжали решительно настаивать на ликвидации должностей кондукторов и сверхсрочников»⁵.

Так весной 1917 г. возникло острое противоречие во флотской среде. С одной стороны, основная масса кондукторов без особо энтузиазма воспринимала революционные веяния на флоте, что вызывало вполне понятное недовольство матросов. С другой стороны, офицеры не могли согласиться с требованием советов ликвидировать институты кондукторов и сверхсрочнослужащих, прекрасно понимая, что, лишившись подготовленных кадров специалистов, флот утратит во многом свою боеспособность, которая и без того была основательно поколеблена «демократизацией». Выход из этой непростой ситуации должно было найти Временное Правительство.

С этой целью приказом морского министра Керенского была создана специальная комиссия, известная как «комиссия Савича-Лебедева», а по приказам министра проходящая как комиссия В. И. Лебедева. Итогом ее деятельности стало «Положение о ликвидации корпуса кондукторов флота», которое легло в основу Приказа по флоту и Морскому ведомству от 12 июня 1917 г.

4. Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 182.

5. Там же. С. 183

№ 295⁶. Данным приказом институт кондукторов ликвидировался, а все кондуктора переименовывались в старших специалистов с уравниванием в правах со сверстниками по году призыва. За бывшими кондукторами оставлялось право на производство в офицеры и первый классный чин, по представлению начальника и комитета части. При этом они могли производиться в подпоручики по адмиралтейству (на основании п. 1 приказа по флоту и Морскому ведомству от 9 апреля 1915 г. № 154), прапорщики соответствующей специальности или первый классный чин (выдержав экзамен по программе 1912 г.). Санитарные кондуктора производились в первый классный чин без экзамена, достаточно было предоставления начальника и комитета части. Кондуктора призыва до 1905 г. и не удовлетворяющие требованиям на производство в офицерский чин, не имели права на производство в офицеры и должны были быть уволены в ратники ополчения на общих основаниях. Однако, при наличии собственного желания и согласия комитета и начальника части они могли продолжить службу как старшие специалисты.

Из этого приказа видно, что Временному Правительству в лице его министра Керенского удалось блестяще выйти из сложившейся ситуации, поскольку решение, найденное комиссией В. И. Лебедева, удовлетворяло всех. Матросы (через судовые комитеты) получали законную возможность избавиться от наиболее реакционных кондукторов. Кондуктора, желавшие продолжить службу, получали такую возможность, а офицеры — возможность сохранить ценных специалистов. То есть ситуация выглядела несколько иначе, нежели это представлено в работе С. С. Хесина. Так, является не совсем верным его утверждение о том, что только под давлением Севастопольского ЦИКа командование Черноморского флота пошло на увольнение кондукторов и сверхсрочнослужащих. В работе «Октябрьская революция и флот» можно прочесть следующее: «Под давлением демократических организаций комиссия Савича-Лебедева была вынуждена принять решение о ликвидации должностей кондукторов и сверхсрочников. 12 июня Керенский это решение утвердил. Большинство кондукторов и сверхсрочников было уволено с флота, и лишь незначительная их часть оставлена на флоте. На некоторых флотах и флотилиях командование попыталось сохранить кадры кондукторов, заявляя, что приказ об их упразднении относится якобы только к Балтийскому флоту. Так, например поступило командование Черноморского флота. Но матросы активно выступили против подобных попыток, и 1 июля Севастопольский Совет постановил, что приказ

6. Государственный архив г. Севастополя (Далее ГАГС). Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 181. Л. 124–125.

от 12 июня распространяется и на Черноморский флот»⁷. В действительности командующий Черноморским флотом контр-адмирал Лукин уже 22 июня 1917 г. издал приказ № 2629, в котором объявлялось о приказе по флоту и Морскому Ведомству от 12 июня 1917 г. № 296 с положением о ликвидации сверхсрочнослужащих во флоте⁸. Т. е. за 10 дней до того, как 2 июля 1917 г. в Известиях СевЦИК было опубликовано решение делегатского собрания флота о ликвидации кондукторов и сверхсрочнослужащих.

В то же время, с исполнением приказа № 295, касающегося непосредственно кондукторов, в штабе Черноморского флота не спешили. Соответствующий приказ был издан только 25 августа 1917 г.⁹ По этому приказу все имевшиеся на флоте кондуктора были разделены на три группы. В первый список вошли кондуктора срока службы с 1905 г. (хотя фактически вошли срока службы с 1900 по 1913 гг.), которые были переименованы в старших специалистов соответствующих специальностей, с оставлением их в тех же частях и на прежних должностях. Таких по приказу значилось 333 человека. Во второй список вошли кондуктора срока службы 1900–1904 гг. Они списывались в наличие экипажа для переименования в ратники ополчения и отправлялись в отпуск по 1 октября 1917 г. Всего 99 человек. В третий список вошли кондуктора срока службы 1879–1899 гг., которых имелось 206 человек. Попавшие в этот список переименовывались в старших специалистов, списывались в наличие экипажа и подлежали увольнению со службы. Всего по этому приказу прошло 638 кондукторов.

Фактически же, кроме оговоренных в приказе способов производства кондуктора в офицерский чин, был еще один: часть кондукторов прошла по приказу командующего флотом, как произведенные в офицерский чин «за боевые заслуги».

Однако, указанное в приказе число кондукторов нельзя считать полным, поскольку по приказам командующего флотом в 1917 г. проходит 795 кондукторов, без учета Балтийской дивизии. Из них 40,3 % продолжило службу на Черноморском флоте, сдав экзамен либо на офицерское звание, либо на первый классный чин. По приказам командующего Черноморским флотом так же можно проследить примерное распределение кондукторов по различным частям и подразделениям флота. Наибольшее число кондукторов приходилось на бригады линейных кораблей (23 %) и минную бригаду (17 %). По 11 % приходилось на подводную и крейсерскую бригады. По 9 % на Транспортную флотилию и воздушную дивизию. На вместе взятые флотские экипажи (Черноморский, Севастопольский

7. Хесин С. С. Ук. соч. С. 182–183.

8. ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 6. Д. 181. Л. 123–123об.

9. Там же. Д. 174. Л. 20–42.

и Николаевский) приходилось 8 %, на все части, входившие в учебный отряд, — 7 %. И меньше всего на бригаду траления — 5 %.

Подобный мягкий подход черноморских революционеров к борьбе с «контрреволюционной» прослойкой объясняется несколькими факторами. Во-первых, настрой общей матросской массы на Черном море был менее агрессивным по отношению к «пережиткам» царского режима. Во-вторых, среди комитетов частей не было единства в отношении проблемы кондукторов. В-третьих, в Севастопольском ЦИКе из депутатов от армии и флота более половины составляли кондуктора и унтер-офицеры (27 человек из 55, солдат и матросов — 21)¹⁰. Четвертым фактором стала необходимость обеспечения большого количества вновь вводимых в строй кораблей, для которых требовалось значительное число младших офицеров. Поэтому командование флота стремилось производством кондукторов в офицеры решить данную проблему хотя бы частично.

Отсутствие единства в решении проблемы кондукторов проявилось еще на стадии обсуждения на уровне СевЦИКа и комитетов частей в конце апреля 1917 г. В фонде «Следственной комиссии Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов» Городского архива г. Севастополя частично сохранились отзывы комитетов частей. Хотя эта выборка и не является полной, тем не менее, по ней можно сделать несколько интересных наблюдений. Всего сохранилось 14 отзывов комитетов и 2 отзыва начальников частей. Из 14 отзывов комитетов за сохранение корпуса кондукторов — 6, а против 8. Схожая картина наблюдается и в вопросе о направлении кондукторов на 4-х месячные курсы для подготовки к сдаче экзамена на чин офицера военного времени — «за» 5 резолюций, «против» — 6, еще в 3 этого вопроса не касались. Подобное отношение, возможно, отчасти зависело от того, кто стоял во главе комитетов — в семи случаях это офицеры, и в пяти случаях из этих семи высказывалось мнение, что нет необходимости менять что-либо в сложившейся ситуации. В оставшихся двух случаях судовые комитеты признавали необходимость устранения института кондукторов, но высказывались за возможность предоставления кондукторам права на сдачу экзамена на офицерский чин.

Разумеется, по такой незначительной выборке нельзя сделать однозначного вывода о том, в какую сторону склонялось большинство военнослужащих Черноморского флота, но и говорить о том, что все судовые комитеты и комитеты частей безоговорочно поддерживали стремление балтийцев избавиться от Корпуса кондукторов флота, будет ошибкой.

Любопытную информацию для размышления предоставляют мотивы, которые приводились комитетами судов и частей насчет необходимости решения вопроса кондукторов. Так, судовой комитет

10. Там же. Д. 172. Л. 20–20об.

крейсера «Очаков» высказывался за полное упразднение корпуса кондукторов, без возможности сдачи ими экзаменов на офицерский чин, поскольку это вызвало бы дополнительные расходы казны¹¹.

Исполнительный комитет Артиллерийской школы направил в СевЦИК записку следующего содержания: «...командою Артиллерийской школы, Блокшива № 7 и Школой Рулевых и Сигнальщиков в числе 910 человек в собрании своем от 30 апреля с / г было единогласно поставлено желательным оставить кондукторов до окончания войны, дабы не нарушить организацию флота и тем не уменьшить боевую мощь Черноморского флота. Председатель (подпись *лейтенант Дмитриев*)»¹².

А судовой комитет посыльного судна «Алмаз» (гидрокрейсера «Алмаз»), наоборот, высказал мнение, что удаление кондукторов не нанесет ущерба боеспособности флота, хотя предоставление им возможности сдачи экзамена на офицера военного времени признавалось необходимым и полезным¹³.

Наиболее радикальным было предложение, выдвинутое комитетом 4-го подводного дивизиона: сместить кондукторов на общее положение матросов, а право на сдачу экзамена на офицерский чин предоставить вообще всем матросам¹⁴. Сходное по логике решение предлагал судком линкора «Свободная Россия»: кондукторов уравнивать с унтер-офицерами, а права на экзамен не давать никому¹⁵.

То есть из резолюций видно, что вопрос об удалении кондукторов с флота вообще матросами не ставился. Только в резолюции комитета Машинной школы Черноморского флота оговаривалась возможность «предоставить право судовым и экипажным комитетам отчислять кондукторов, несоответствующих своему званию и назначению»¹⁶, впрочем, этот комитет высказался за сохранение кондукторов до конца войны.

Имеются также отзывы командира линейного корабля «Три Святителя» капитана 1-го ранга М. Римского-Корсакова¹⁷ и заведующего Машинной школой Черноморского флота генерал-майора Степанова¹⁸. Оба выступали за сохранение существующего положения, по меньшей мере, до окончания войны, мотивируя это необходимостью сохранить боеспособность флота.

Между тем, когда уже было принято решение о ликвидации корпуса кондукторов, учебные части Черноморского флота продолжа-

11. ГАГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 63. Л. 5.

12. Там же. Л. 11.

13. Там же. Л. 12.

14. Там же. Л. 15.

15. Там же. Л. 19.

16. Там же. Л. 16.

17. Там же. Л. 13.

18. Там же. Л. 7.

ли подготовку матросов на звание кондуктора. Так, в 1917 г. выдержали экзамен на кондуктора 172 человека. Из них в кондуктора были произведены только четверо. Остальные уже не могли быть произведены, поскольку еще до приказа о ликвидации корпуса кондукторов флота производство было приостановлено.

Из приказов о производстве в офицеры и в первый классный чин можно узнать, какие из кондукторских специальностей оказались наименее затронутыми в ходе реструктуризации. Как было сказано выше, всего на Черноморском флоте продолжили прохождение службы 40,3 % кондукторов или же 320 из 795. При этом выше среднего значения сохранения оказались такие специальности кондукторов:

- старший минно-артиллерийский содержатель — 45,3 % (15 из 33);
- минные — 47,6 % (20 из 42);
- сигнально-дальномерные — 50 % (1 из 2);
- старший баталер — 56,8 % (50 из 88);
- рулевые — 75 % (9 из 12);
- телеграфные — 75 % (6 из 8);
- радиотелеграфные — 75 % (3 из 4);
- авиационные — 85,7 % (6 из 7);
- санитарные — 93,2 % (41 из 44);
- без указания специальности — 59,1 % (13 из 22).

Если из этого числа отбросить те показатели, которые не могут быть признаны значимыми, то получится, что самыми востребованными оказались санитарные кондуктора, авиационные, телеграфные, старшие баталеры, минные кондуктора и старшие минно-артиллерийские содержатели. По всем этим специальностям (кроме минных кондукторов и старших минно-артиллерийских содержателей) продолжили службу на флоте более пятидесяти процентов.

Наименее востребованными оказались следующие специальности кондукторов (30 % и менее):

- минно-машинные — 30,7 % (16 из 52);
- электрики — 28,8 % (17 из 58);
- старший береговой боцман — 28,7 % (31 из 108);
- сигнальные — 25 % (3 из 12);
- гальванерные — 25 % (2 из 8);
- старший машинный содержатель — 23,5 % (8 из 34);
- кочегарные — 21,4 % (6 из 28);
- шкиперы — 13,8 % (5 из 36).

Кроме того, из имевшихся в составе Транспортной флотилии шести кондукторов в первый классный чин был произведен только один. В офицерский чин производств не было.

Таким образом, можно отметить, что имевшее место в работе С. С. Хесина утверждение о ликвидации кондукторов и лишения

офицерства поддержки в их лице является неточным. На Черноморском флоте было ликвидировано только само звание кондуктора. Однако значительное число бывших кондукторов продолжило службу. А само требование ликвидации кондукторов не было столь единогласным, как было представлено.

А. С. ПУЧЕНКОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

(ЛЕТО 1918 — ВЕСНА 1920)

Национальный вопрос занимал в идеологии и политике южнорусского белого движения значительное место. Объяснялось это в первую очередь тем, что движение с самого начала приобрело резко выраженный областнический характер: белая борьба зарождалась на окраинах России, центральная Россия была большевизирована, деятели будущего белого движения, спасая свою жизнь, бежали на юг и российская «Вандея» обрела свое существование на территориях с исключительно пестрым этническим составом. В этих условиях национальная политика белых автоматически выходила на первый план.

Зарождение белого движения происходило в период так называемых «национальных революций», когда окраины стихийно откалывались от традиционного великорусского центра. В этих условиях лозунг «Единая и Неделимая Россия», ставший для белого движения основополагающим, был, казалось бы, абсурдным: сепаратизму окраин, на которых и базировались антибольшевистские силы, противопоставлялась концепция государственного единства России, проводником которой выступала в тот момент Добровольческая армия. Такая политика оказалась для белого движения самоубийственной. Вместе с тем, только лозунг государственного единства России мог в тот момент привлечь под знамена белой армии новых единомышленников. Интернационализму большевиков противопоставлялся государственный национализм белых, ставший ключевой идеей белого движения. Именно униженное после Брест-Литовского мирного договора национальное чувство, реваншизм смогли сделать белое движение в какой-то мере массовым, хотя бы частично придав ему тот характер на-

ционального ополчения, о котором когда-то мечтали идеологи белой борьбы.

Ключевой идеей белого движения стал общеимперский национализм. Обостренный национализм белых предопределил появление лозунга «За Единую, Неделимую Россию». Лозунг придал белому движению ярко выраженный общероссийский характер. Этот же общероссийский характер белого движения предопределил нетерпимость белых ко всем проявлениям «местного патриотизма», с которым им пришлось сталкиваться всюду, где антибольшевистское движение принимало областнический характер¹.

Национализм играл огромную роль в формировании идеологии Белого движения, однако он отнюдь не предполагал этнической исключительности. Лозунг «Великая, Единая и Неделимая Россия» не означал «Россия для русских». Существование единого государства рассматривалось белогвардейцами как необходимое условие государственного бытия. Однако территория, на которой зарождалось контрреволюционное движение, представляла собой окраины России. Обособление окраин в общем процессе контрреволюционной борьбы безусловно способствовало их неприимимости по отношению к большевистскому центру и с этой точки зрения было выгодно для Белого движения. Однако, окраинное положение, нахождение в разных частях света так и не позволило в итоге белым силам Севера, Юга, Северо-Запада и Востока объединиться, у белых отсутствовал единый план сокрушения противника, что делало в конечном итоге борьбу с большевиками бессистемной и малопродуктивной². Кроме того, окраинное местоположение южнорусского белого движения наряду с сильным подъемом сепаратизма делало шансы на успех по меньшей мере проблематичными.

Едва ли не самым сложным для белой администрации стала необходимость наладить нормальные отношения с так называемыми «национальными меньшинствами», так и не увенчавшаяся успехом. Конфликт между «федералистами» и «централистами» не был разрешен. Он же стал одной из причин конечной неудачи борьбы и привел к разьединению антибольшевистского фронта³.

Если красными самоопределение народов мыслилось в рамках нарождавшейся, по их представлению, эпохи мировой революции, то белые склонны были называть самоопределение «самостийничеством» и стремились к возрождению России в пределах и фор-

1. Головин Н. Н. Мысли о контрреволюции и антибольшевистском движении // Пути верных. Сб. ст. Париж, 1961. С. 374.

2. Государственный архив Российской Федерации. (ГА РФ). Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 258. Л. 6.

3. Kenez P. Civil war in south Russia, 1918: The first year of the Volunteer Army. Berkeley, 1971. P. 219.

мах дореволюционного времени. Восстановление России мыслилось в «ее прежних границах (кроме этнографической Польши), путем освобождения ее от большевиков и свободного объединения всех разрозненных ее областей в одно целое. Поэтому всякая попытка отдельных лиц или партий внести раскол в среду русского народа или отторгнуть от России ту или иную область всегда рассматривалась ею как изменническое деяние»⁴. Кроме того, белые были убеждены в невозможности обретения национальными окраинами независимости без санкции на это верховной русской власти⁵. Деникин вспоминал: «Мы не предрешили будущих форм государственного устройства России (монархия или республика), и это обстоятельство вызывало у многих обвинение в лукавстве и скрытом монархизме. Мы противились своекорыстным посягательствам иностранных держав на русское достояние и вмешательству их во внутренние наши дела, и это считалось русским интернационалистами справа ошибочной политикой, ослабляющей приток иностранной помощи. Мы не могли санкционировать отторжение от России ее окраин, и это обстоятельство вызывало со стороны русских интернационалистов слева обвинение в шовинизме и империализме и лишало нас активной помощи новообразований»⁶.

Следовательно, вопрос о статусе национальных окраин должен был с позиции белых быть отложен на неопределенный срок. Мнение Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России генерале А. И. Деникине по вопросу об участии новых государственных образований в Парижской мирной конференции выглядело следующим образом: «На мирной конференции Россия должна быть представлена, как единое целое. Представительство отдельных государственных образований, возникших на ее территории, не должно быть допущено. В образовании единого представительства России должны принять участие все те правительства отдельных ее частей и временных государственных образований, которые, отвергая Брестский договор со всеми вытекающими из него последствиями, а равно все договоры и акты, заключенные от имени России или ее частей с коалицией центральных держав после 25 октября 1917 г., ведут борьбу во имя Единой России»⁷. Особое Совещание поставило перед русской делегацией на Парижской мирной конференции (Россия в ней участия так и не приняла) следующие задачи: «Основная за-

4. ГА РФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

5. Ушаков А. И., Федюк В. П. Белое движение и право наций на самоопределение // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998. С. 103.

6. Деникин А. Борьба продолжается // Борьба за Россию. Париж, 1927. № 6. С. 6.

7. ГА РФ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 86. Л. 7–706.

дача России на предстоящем мирном конгрессе — признание восстановления *status quo ante bellum* в отношении прежних российских владений, за исключением земель, имеющих отойти к независимой Польше. Вместе с тем, в соответствии с пунктом шестым в программе президента Вильсона следует стремиться к объединению с Россией зарубежных земель, населенных русскими»⁸. Подчеркивалось, что русскому правительству необходимо стремиться к объединению России по этнографическим, а не политическим границам⁹.

Каким образом добровольческая администрация надеялась достичь объединения разрозненных русских земель в единое целое? Грузинский деятель З. Авалов из беседы на Парижской мирной конференции с К. Н. Соколовым, представлявшим там правительство генерала А. И. Деникина, вынес впечатление, что в своей политике белые больше надеялись на армию. «Последняя призвана была установить то соотношение сил, которое позволит России решать все вопросы по-своему (...) в предвкушении этого поворота событий правительство ген. Деникина недооценивало всех весомых и не весомых причин, входящих в состав грузинского и вообще кавказских и других окраинных вопросов», — вспоминал мемуарист¹⁰. Тот же З. Авалов упоминает в своих воспоминаниях о разговоре в октябре 1919 г. в Париже «с одним видным русским дипломатом»¹¹. Речь шла о процессе восстановления России. Успехи армии генерала Деникина казались в тот момент особенно значительными. «Теперь, говорил мой собеседник, — вспоминал З. Д. Авалов, — девяносто шансов из ста, если не все сто, что восстановление России с юга закончится успешно... Украинский вопрос как-то исчезает — самостоятельность сходит на нет. О белорусском можно не говорить... Граница с Польшей? Это вопрос будущего. Пока как-нибудь обойдемся. Соберется Россия с силами, и будет видно [выделено мной. — Авт.]. Независимость Финляндии будет нами признана, надеюсь, теперь же. Что касается балтийских государств, то хотя многие там действуют так, как если бы Россия окончательно сгинула, но и там ведь имеются люди, знающие действительно Россию. Бессарабия? Мы допускаем плебисцит в южной части. Румынскую точку зрения мы все же провалили здесь в Париже. — Ну а в Грузии, допустили ли бы вы плебисцит? — Я лично не вижу оснований к обратному»¹².

8. ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

9. Там же. Л. 2–4.

10. Авалов З. Д. Независимость Грузии в международной политике, 1918–1921 гг. New York, 1982. С. 201.

11. Речь, вероятно, идет о С. Д. Сазонове.

12. Авалов З. Д. Указ. соч. С. 203.

Как видим, белые рассматривали существование окраинных государств на территории бывшей Российской Империи за редким исключением как явление временное. К тому были причины: белые понимали, что после окончания Первой мировой войны воюющие страны демобилизуют свои армии. В этих условиях белогвардейцы, не опасаясь мировых держав, могли бы, после очищения страны от остатков большевизма, с позиции силы диктовать свои условия «окраинным образованиям». Однако в 1919 г. политика великих держав колебалась, по замечанию К. Н. Соколова, «между двумя полюсами: между признанием единой власти адмирала Колчака и покровительством так называемым окраинным образованиям, возникшим на территории России»¹³. Последнее обстоятельство заставляло белых придерживаться определенных правил игры в отношениях с государственными новообразованиями, появившимися на территории бывшей Российской Империи.

С. Д. Сазонов писал в письме П. В. Вологодскому: «Провозглашенный союзниками принцип национальностей, облегчая им эту задачу, создает для нас серьезную помеху в стремлении нашем убедить как державы, так и представителей отдельных национальностей в законности и целесообразности наших требований о сохранении их в рамках Русского государства»¹⁴. Западные страны, как отмечает современное исследование, «„гибко“ манипулировали лозунгом о самоопределении наций, трактуя его в контексте собственных геополитических интересов»¹⁵.

Следует подчеркнуть, что понятие «национальная политика генерала Деникина» достаточно абстрактно, можно лишь говорить об общих контурах политики, а в большей степени даже идеологии деникинщины, подчиненной одной единственной задаче: объединению России. Для того периода очень трудно отделить внешнюю политику от внутренней. Это применимо по отношению ко всей политике белой центральной власти в отношении окраин, фактически отколовшихся от центра. Для белых сфера межнациональных отношений, национальный вопрос отходили на второй план (отчасти даже замалчивались)¹⁶, когда речь шла о политическом подчинении окраин центральной белой власти. Фактор самоопределения национальностей тут попросту не учитывался. Рост национального самосознания рассматривался исключительно

13. Беседа с проф. К. Н. Соколовым // Свободная речь. Ростов-на-Дону. 1919. 7 сентября.

14. «У России одно будущее — Великая держава...». Письма С. Д. Сазонова и К. Д. Набокова П. В. Вологодскому. 1919 г. / Публ. С. Вакунова // Незвестная Россия. XX век. Книга третья. М., 1993. С. 22.

15. Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 253.

16. Ушаков А. И., Федюк В. П. Указ. соч. С. 116.

как дурное последствие большевизма¹⁷. С другой стороны, для некоторых территорий делалось исключение, как, например, в отношении Польши.

Государственный суверенитет бывшего «Царства Польского» властями белого Юга ни коим образом не оспаривался. Речь шла лишь о пресечении антирусских настроений в Польше и о будущих границах между двумя государствами. С этой целью работал польско-литовский отдел Подготовительной по национальным делам комиссии. В основе решения вопроса о границах Польши лежал этнографический принцип и санкция Всероссийского Учредительного Собрания¹⁸. Предпринимались попытки удержать Польшу в сфере российского влияния. В этой связи у Деникина и его соратников вызывали недоумения заигрывания польских кругов с украинскими самостийниками¹⁹.

В отношениях между белым Югом и Польшей хватало проблем. В Варшаве находилось русское дипломатическое представительство во главе с полковником Г. Н. Кутеповым и военная миссия под началом полковника Е. П. Долинского. Поляки также прислали в качестве представителя при добровольческом командовании графа Беем де Косбан. 13 сентября 1919 в Таганроге состоялся прием польской военной делегации во главе с бывшим генералом русской службы Карницким. Поднимая бокал за «кровный союз» России и Польши и призывая к совместной борьбе с большевиками, А. И. Деникин не рассчитывал, что поляки готовы выступить против большевиков только в обмен на твердые гарантии в отношении передачи Польше Литвы, Белоруссии и Волыни²⁰. «Непредрешенец» Деникин, поляк по матери, не мог пойти на такой сговор даже в условиях крайней необходимости для войск ВСЮР. Возможно, что потом, в случае победы над большевиками, можно было взять обещание назад, но такой политический авантюризм был неприемлем для внешней политики А. И. Деникина²¹. Союз с Польшей не состоялся, хотя до начала переговоров белые были убеждены в их благополучном исходе, подчеркивая в заявлениях для прессы, что Польшу и Россию «объединяют единство целей и интересов»²². Сам Деникин признавался, что наступление в сторону Киева было

17. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920: В 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 200; Государственные новообразования // Заря России. Ростов-на-Дону. 1919. 21 сентября.

18. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 105. Л. 15; Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 573.

19. Шульгин В. Русско-польские отношения // Единая Россия. Одесса. 1919. 5 ноября.

20. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. V. С. 574–575.

21. Михайловский Г. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 213, 218–219.

22. Заявление генерал-лейтенанта Романовского, начальника штаба Главнокомандующего // Южное слово. Одесса. 1919. 27 сентября.

предпринято в целях соединения с Польшей²³. Отвечало ли такое соединение польским национальным интересам? Видимо, в самом польском стане так не считали, не без основания опасаясь великодержавия Деникина и предпочитая синицу в руке журавлю в небе. Кроме того, нельзя забывать и о традиционном антирусском кре- не в польской политике. Да и польская армия в 1919 только-только зарождалась, не представляя еще такой грозной силы, какой стала в 1920. Так или иначе, но отношения с Польшей стали еще одной «головной болью» для белого Главнокомандующего, а прекращение поляками военных действий против большевиков сыграло, судя по всему, важную роль в победе Красной армии над армией Деникина²⁴.

Не менее труден был вопрос о Финляндии. Советская власть признала независимость Финляндии, чем та поспешила воспользоваться. Россия оставила в Финляндии большие запасы военного имущества, которым финны успешно спекулировали²⁵. Кроме того, со стороны Финляндии начали высказываться территориальные претензии. Впрочем, и без того, как думалось Деникину, «Отделение Финляндии от России, не обеспеченное никакими стратегическими гарантиями, ставило в невыносимое положение нашу сухопутную и морскую государственную оборону»²⁶. Когда в мае 1919 Англия и США признали суверенитет Финляндии, Деникин направил в адрес Парижской конференции телеграмму, в которой указывал, что относится к этому с полным сочувствием, но полагает, что «решение финляндского вопроса, принятое независимо от России и без соображения с ее первостепенными государственными интересами, в первую голову стратегическими, является для русского народа неприемлемым»²⁷. Полковник П. А. Кусонский в аналитической записке на имя добровольческого командования так оценивал последствия независимости Финляндии для России: «Самостоятельность Финляндии заставит Россию истощаться в принятии исключительных морских и сухопутных мер для охранения своего положения как против Финляндии в отдельности так и в союзе с другими государствами враждебными России (...) в отделении Финляндии не надо оценивать потерю 2,5 миллионами народности. Для России потеря эта не представляет ощутимого ущерба, но отделение это нарушает весь ход жизни Севера, ставит препоны развитию нашего обмена, жизни нашего флота, во-

23. Деникин А. И. Кто спас Советскую власть от гибели? Париж, 1937. С. 5.

24. Зубачевский В. А. Геополитическая страница истории Гражданской войны. 1918–1919 годы // Отечественная история. 2005. № 6. С. 123–124.

25. Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 20. Л. 222.

26. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 25.

27. Там же. С. 27.

енного и коммерческого, и вносит существенные тревоги не только за Петроград, как порт и сосредоточение жизненных артерий, но и за единственный наш выход к незамерзающему морю. Это отделение ликвидирует плоды наших трехсотлетних усилий. Поэтому все старания политики должны быть направлены к иному разрешению финляндского вопроса, более выгодному им и в то же время России»²⁸. Добровольческое командование создало специальную комиссию, которая пришла к выводу, что независимость Финляндии возможна лишь в случае заключения ею конвенции с Россией, позволяющей русскому флоту иметь базы в финских портах и пересматривающей границы на Карельском перешейке. В противном случае будет создана угроза Петрограду, что «принудит Россию к ведению в будущем ряда войн для восстановления своих естественных границ, позволяющих ей свободно развивать свои экономические силы». Если вспомнить причины советско-финляндской войны 1939–1940 гг., то нельзя не признать прозорливость добровольческих аналитиков. Так или иначе, но безусловное признание государственной независимости Финляндии несомненно усилило бы антибольшевистский фронт. Хотя нельзя забывать и того, что общеполитическая ситуация в самой Финляндии была весьма непростая, союз с «реакционерами» — белогвардейцами мог быть воспринят финским обществом в штыки. Добровольческие аналитики, обзревая положение в Финляндии, отмечали следующее: «Общее стремление правительства Финляндии: явно выраженный сепаратизм и даже совершенное отделение от России... К Добрармии и Колчаку [отношение] явно враждебное, вследствие непризнания ими самостоятельности Финляндии»²⁹. Признания не произошло, и Финляндия во все время гражданской войны сохранила, по выражению генерала Деникина, «вооруженный нейтралитет»³⁰.

Конфликты на национальной почве, в которые оказались втянуты белые, нельзя объяснить только неуступчивостью добровольческого командования. Достаточно заметить совпадение «горячих точек» на политической карте бывшей Российской Империи и на территории бывшего Советского Союза. В полной мере это относится к Бессарабии, Грузии, Азербайджану и Северному Кавказу.

Аннексия Бессарабии, осуществленная Румынией в феврале 1918, не признавалась ни красными, ни белыми. Добровольческое командование особенно остро переживало то, что Румыния, фактически спасенная Россией в мировой войне и заключившая затем сепаратный мир с Германией, оказалась в числе

28. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 99. Л. 29.

29. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 20. Л. 221.

30. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 28.

держав-победительниц, получив к тому же солидный кусок российской территории. Румыны также не питали к белогвардейцам особых симпатий. Все русское находилось в Румынии под запретом, офицеры должны были из соображений безопасности скрывать свои боевые награды и нашивки за ранения. Лишь единицам удалось поступить на румынскую военную службу, для чего предварительно нужно было подготовиться к сдаче экзамена по государственному языку³¹. В силу указанных причин проживавшее в Бессарабии русское офицерство симпатизировало Добровольческой армии. Так, в Бессарабии были организованы тайные бюро записи офицеров в русские добровольческие отряды. Бюро эти должны были работать абсолютно конспиративно ввиду гонений на них румынских властей. Работа дала хорошие результаты: всего было завербовано около 5000 человек. «Однако завербованные на бессарабском побережье были посажены румынами в Бендерскую крепость, списки же завербованных в Кишинев попали в руки румынских властей и все записавшиеся добровольцами оказались в кабале у румын. Этим всей работе бюро был положен конец», — сообщалось в секретной сводке Отдела пропаганды³². В Бессарабии начали обнаруживаться сильные антирумынские настроения. Бессарабия всецело тяготела к России, русской культуре, насильственное присоединение к Румынии болезненно воспринималось населением края³³. Поручик Б. Д. Зернов, адъютант генерала А. Н. Гришина-Алмазова, записал в своем дневнике 11 ноября 1918: «Мы в Румынии, т. е. вернее в нашей русской Бессарабии, захваченной румынами. Население стонет от ига этих непрошенных гостей, грабящих, разоряющих, берущих взятки. Все только ждут, когда эта оккупация прекратится»³⁴. В начале 1919 в Одессе был создан комитет освобождения Бессарабии под председательством А. Н. Крупенского. Крупенский также был избран председателем Бессарабского отдела Подготовительной по национальным делам комиссии³⁵. На официальном уровне деникинское командование заявляло, что готово вести переговоры о государственной принадлежности Бессарабии при условии предварительного проведения там референдума. Однако румынское правительство не ответило на это предложение, а позднее отказалось принять русских беженцев. Политика добровольческого командования в значительной степени была обусловлена имперской психологией. Однако, заметим, что чуть ли

31. Грейм С. Бессарабская проблема // Новый мир. М., 1925. № 5. С. 112, 114.

32. ГА РФ. Ф. Р-44с. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.

33. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 373.

34. Российский Государственный Военный архив (РГВА). Ф. 40236. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

35. ГА РФ. Ф. Р-44б. Оп. 2. Д. 105. Л. 13.

не каждое из вновь возникших на территории прежней России государств в свою очередь стремилось стать маленькой империей, скатываясь на самом деле к узкому национализму.

Характерный пример — Грузия, с которой добровольческое командование довело дело до войны. Грузия, по определению генерала Деникина, жила исключительно «русским наследием» и не могла в то время проводить самостоятельной внешней политики³⁶. В одном из писем Деникин охарактеризовал положение в Грузии следующим образом: «Грузия — пока в руках сепаратистов с явно социалистической окраской. Готовы метаться куда угодно, только бы не в сторону Добровольческой армии. Отношения враждебно-нейтральны»³⁷.

Амбициозные грузинские политики поставили перед собой вполне определенную задачу: «признание нашей независимости де юре, наше вхождение в Лигу Наций и принятие нас под ее покровительство»³⁸. Министр иностранных дел грузинского правительства Е. П. Гегечкори в интервью корреспонденту тифлисской газеты говорил: «Мы стоим во всеоружии на страже. Мы никогда не питали и теперь не питаем никаких агрессивных намерений против кого бы то ни было. Не питаем мы их и против Добровольческой армии. Но я должен подчеркнуть, что всякое посягательство на нашу территорию и на нашу свободу встретит с нашей стороны отчаянное сопротивление. И это не фраза, не словесная угроза, а реальный факт, с которым придется считаться и посчитаться всякому»³⁹. Газета «Грузия», официоз грузинского правительства, писала, что «с „деникинцами“ может быть только непримиримая борьба за свободу»⁴⁰. Добровольческая армия рассматривалась в Грузии как реакционная сила, стремящаяся ликвидировать все завоевания революции⁴¹. В передовой статье «Грузии» отмечалось, что «население Грузии должно зорко следить за всеми перипетиями добровольческих интриг, чтобы каждую минуту быть наготове с оружием в руках стать на защиту своей свободы от черных деникинских воронов»⁴².

Сложно судить о том, в какой степени идея национальной независимости соответствовала уровню развития национально-го самосознания грузинского народа: если грузинские авторы от-

36. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 407.

37. РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

38. Жордания Н. Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 95.

39. Беседа с министром иностранных дел Е. П. Гегечкори // Возрождение. Тифлис. 1919. 23 декабря.

40. Грузия. Тифлис. 1919. 22 марта.

41. Возрождение. Тифлис. 1919. 31 мая.

42. Грузия. 1919. 5 июля.

вечали на этот вопрос утвердительно⁴³, то деникинцам казалось, что «простой народ в Грузии не настроен враждебно против России и не стоит за сепаратизм. Это — дело вождей и грузинской интеллигенции»⁴⁴.

Поводом для конфликта стала грузинская оккупация Сочи и Туапсе, осуществленная отрядом генерала Г. И. Мазниева. Отряд успешно действовал в тылу большевиков, помогая оружием и боеприпасами восставшим кубанским станицам. По распоряжению генерала М. В. Алексеева в распоряжение отряда были отправлены продовольственные припасы. Алексеев надеялся на союз с отрядом Мазниева, а также на то, что тот поделится с добровольцами оружием⁴⁵. Вскоре грузинское правительство резко изменило свое отношение к режиму Деникина. Генерал Мазниев был отозван и заменен Кониевым. Последний занимал жесткую позицию по отношению к России. Продвижение добровольцев по Черноморской губернии было блокировано грузинами. Возникла необходимость во встрече между представителями обеих сторон конфликта. По приглашению Алексеева в Екатеринодар прибыл Е. П. Гегечкори в сопровождении генерала Мазниева⁴⁶.

12 и 13 сентября 1918 состоялось совещание, в котором участвовали представители добровольческого командования с одной стороны (генералы Алексеев, Драгомиров, Деникин, Лукомский, Романовский, В. А. Степанов и В. В. Шульгин), грузинские представители (Е. П. Гегечкори и ген. Мазниев) и деятели кубанского правительства (полк. Филимонов, Быч и Воробьев). На совещании затрагивались вопросы, как будто переносящие нас в сегодняшний день: вопросы товарообмена между государственными новообразованиями Юга России и Добровольческой армией; вопрос о русском военном имуществе на территории Грузии; о государственной принадлежности Сочинского округа; о положении русского населения в Грузии и, наконец, о характере взаимоотношений Грузии и Добровольческой армии.

Политике Грузии в отношении русского населения в Грузии нельзя дать однозначную оценку: если простой народ в целом благожелательно относился к русским, то правительство усматривало в поведении русских (а в особенности тысяч офицеров, скопившихся на территории республики после распада Кавказского

43. Интересен фрагмент из воспоминаний генерала Г. И. Квинитадзе: «В Грузии никто не думал быть против революции и ее завоеваний, ибо создание национальной грузинской единицы было исполнением тайных вожеланий всякого грузина» (Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимой Грузии 1917–1921. Париж, 1985. С. 7.)

44. РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 33. Л. 77.

45. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 672.

46. Там же.

фронта) неблагонадежность и нелояльность по отношению к новому государству. Как следствие, русских в Грузии, как писалось в аналитической записке того времени, буквально «изводили» придирами грузинского правительства. Деникина, естественно, задевало и отношение Грузии к русскому офицерству на территории республики. Офицерство, преимущественно проживавшее в Тифлисе, в массе своей находилось в нищенском положении, бедствовало. Дело доходило даже до распродажи обмундирования. Вместе с тем, предоставленные сами себе офицеры не могли оставить территорию Грузии и не имели возможности (несмотря на имевшееся желание) отправиться в Добровольческую армию, о которой в Тифлис поступала отрывочная информация. Подобные попытки грузинами старательно пресекались. За нелестные отзывы о грузинском правительстве офицеры зачастую арестовывались⁴⁷. Такое положение вещей, естественно, вызывало у Деникина сильное недовольство.

Особо «страстный», по выражению Деникина, характер приносили на совещания споры вокруг государственной принадлежности Сочинского округа. Дело в том, что свою государственную деятельность правительство молодой грузинской республики начало с округления границ и захвата Сочинского округа Черноморской губернии — округа, в котором проживало к тому моменту лишь 10,8 % грузин, округа, который, по словам Антона Ивановича, «миллионами русских народных денег обращен был из дикого пустыря в цветущую здравницу»⁴⁸. Этот захват встретил противодействие со стороны командования Добровольческой армии, поддерживаемой в этом вопросе широкими кругами русской общности.

Смертельно больной Верховный Руководитель Добровольческой армии Михаил Васильевич Алексеев с трудом вел заседания⁴⁹. Открывая заседание, Алексеев приветствовал «дружественную и самостоятельную Грузию». Со стороны Михаила Васильевича прозвучали заверения в том, что белогвардейцы не собираются посягать на независимость Грузии. Однако Алексеев жестко поставил вопрос о необходимости прекращения притеснений русских в Грузии и о скорейшем очищении грузинами Сочинского округа⁵⁰, на 65 % состоявшего из русских⁵¹, который грузины раздели-

47. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 33. Л. 134–135.

48. Деникин А. Ответ Е. Гегечкори (Письмо в редакцию) // Последние новости. Париж, 1933. 25 января.

49. Степанов В. М. В. Алексеев (Личные встречи) // Свободная речь. Ростов-на-Дону. 1919. 26 сентября.

50. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 391–392.

51. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 37. Л. 37.

ли на две части — Гагринский и Сочинский. Русское население подвергалось со стороны грузин жестоким преследованиям, вызывая с просьбой о защите к командованию Добровольческой армии⁵². Организация русского национального союза на территории Сочинского округа желаемого результата дать не могла. В письме представителю союзного командования генералу Милль Деникин утверждал, что население Гагринского округа и окрестностей подвергается «возмутительному притеснению со стороны грузинских властей», пытаясь через внешнюю силу решить вопрос в положительном для белогвардейцев ключе⁵³.

Также на совещании поднимались и другие вопросы⁵⁴. Гегечкори, этот «отчаянный, злобный, нетерпимый грузинский шовинист», как охарактеризовал его Шульгин⁵⁵, занял твердую позицию. Он отрицал притеснения русского населения в Грузии. Нужно сказать, что в отсутствии в массе грузинского народа враждебности к русскому населению белых уверяли и многие русские офицеры; генерал А. П. Богаевский писал в дни переговоров Деникину, что «это [т. е. враждебности. — Авт.] желает кучка авантюристов, составляющая ныне грузинское самозванное правительство»⁵⁶. Также писал и генерал И. Е. Эрдели 15 февраля 1919: «В Грузии замечается поворот к нам, сильное недовольство англичанами и тревога за будущее; боязнь, что англичане съедят Грузию и весь Кавказ и что единственная опора это мы и Россия. Если национально-демократические грузинские круги и поддерживают непримиримость, сепаратизм и даже ненависть к Деникину и Колчаку, то в массе все больше и больше наблюдается поворот к нам. И этот поворот по-видимому начинает учитываться и руководящими кругами»⁵⁷. В Тифлисе находились крупные английские силы, что отражалось на царившей в городе атмосфере. Очевидец писал по этому поводу: «Это впечатление каждый из нас испытывал в Киеве в период Гетмана Скоропадского. Разница, конечно, та, что там — немцы, здесь — англичане. На улицах английская речь, кафе переполнены английскими офицерами, по городу циркулируют патрули английских войск. Все это с внешней стороны производит впечатление города, завоеванного англичанами»⁵⁸.

Все же самым обидным для добровольческого командования, и прежде всего для Алексева, стало заявление Гегечкори о том,

52. Там же. Л. 24.

53. Там же. Л. 7.

54. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 673.

55. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 24. Л. 4-4 об.

56. Переписка по грузинскому вопросу // Белый архив. Париж, 1928. Кн. 2-3. С. 192.

57. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 35. Л. 77-78.

58. Там же. Л. 82.

что Добровольческая армия — «частная организация», которая не может представлять интересы России. Сочинский округ останется за Грузией до той поры, пока не будет образовано единое русское правительство⁵⁹. С точки зрения интересов Грузии оккупацию Сочи нельзя было расценивать однозначно. Скажем, видный грузинский деятель З. Авалов полагал, что захват Сочи являлся на тот момент ошибочным решением грузинского правительства⁶⁰. Вместе с тем, для грузинского правительства не уступить добровольцам в этом вопросе было, видимо, делом принципа.

Стороны не смогли достигнуть соглашения. Закрывая совещание, М. В. Алексеев подчеркнул: «Точки зрения наша и Грузии так резко разошлись, что это исключает всякую возможность в дальнейшем обсуждать остальные вопросы»⁶¹. Гегечкори же, по характеристике Шульгина, «ненавидел Россию и со свойственной Востоку жестокостью нанес умирающему Алексееву последнее оскорбление, назвав Добровольческую армию „частной организацией“, не имеющей ничего общего с Россией». Шульгин с возмущением писал, что грубость Гегечкори была обращена к «Верховному Главнокомандующему, который, оставшись один, после того, как армия разбежалась, вновь стал собирать ее, по одному рублю, по одному человеку, и вот умирал в то время, когда его беспримерный труд, казалось, начинал быть всероссийской надеждой»⁶².

В докладной записке Драгомирову, представлявшей «материал» для подготовки письма Главнокомандующего союзникам на конференции в Яссах, генерал Вязьмитинов сообщал следующее: «Грузинское правительство враг идеи Единой России, и склонно к агрессивной деятельности — его надо скрутить и обнаружить над ним реальную силу [выделено мной. — Авт.]»⁶³. Именно так, вероятно, думали и Драгомиров, и Романовский, и сам Деникин.

Интерес представляет так называемый «аджарский вопрос». Грузинскими войсками была занята Аджария, что также вызвало недовольство не только белых, но и местного населения, ориентировавшегося на Добровольческую армию⁶⁴. Столица Аджарии, Батум, была в тот момент городом особым, быть может, наиболее важным пунктом в Закавказье, бывшим одновременно и базой англичан, и главной артерией торговли⁶⁵. Здесь скопилась масса офи-

59. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии... С. 410.

60. Авалов З. Д. Независимость Грузии в международной политике, 1918–1921 гг. Нью-Йорк, 1982. С. 197.

61. Документы и материалы по внешней политике Грузии и Закавказья... С. 413–414.

62. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 24. Л. 5 об. – 6.

63. Там же. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 99. Л. 3.

64. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.

65. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 34. Л. 70.

церов, приехавших сюда из Одессы и Крыма. Большинство из них не получили нового назначения и занимались «спекуляцией, пьянством и игрой в карты»⁶⁶. В результате спекуляции в городе царил чудовищная дороговизна⁶⁷. В городе процветала грузинская пропаганда: Грузия стремилась к присоединению важной области к себе, проводя активную антирусскую агитацию⁶⁸. Интересы русского населения Батума защищал Русский Национальный Совет во главе с присяжным поверенным, правым кадетом П. Н. Масловым (Маслов возглавлял местный отдел партии кадетов)⁶⁹, человеком не безупречной репутации, вместе с тем ревностно относившимся к своим новым служебным обязанностям. После Маслова обязанности председателя Русского Национального Совета исполнял генерал Термен, великолепный оратор, честный и искренний человек⁷⁰. В рапорте Деникину Маслов просил о присылке в Батум какого-нибудь отряда Добровольческой армии, мотивируя это тем, что в той обстановке без поддержки военной силы начинания Русского национального Совета зачастую срываются⁷¹. Тактичная политика Маслова приводила к возрастающему влиянию русского элемента на политику Батума. Так, впервые за историю во главе городского самоуправления Батума был поставлен русский — генерал-майор Голицын⁷². Дело пропаганды общерусской идеи в Батуме было поставлено довольно широко: достаточно сказать, что из трех газет, выходивших в городе, две — Наш край (редактор — А. Ренников, ведущий публицист — А. Столыпин, оба из «Нового времени») и «Батумские вести» — стояли на платформе Добровольческой армии⁷³.

Ситуация в Аджарии поразительно напоминала сегодняшнюю: там происходили конфликты местного населения с грузинами; сами аджарцы, находившиеся еще на невысокой ступени культуры⁷⁴, симпатизировали Добровольческой армии, которую они ассоциировали с общерусской властью. Представителем Главнокомандующего ВСЮР в Батуме был назначен генерал-майор Романовский-Романько⁷⁵. В своем докладе Деникину Романовский-Романько предложил комплекс мер, направленных на усиление влияния Добровольческой армии в Батуме и Батумской области: организация

66. Там же. Л. 8.

67. Там же. Л. 75.

68. Там же. Д. 40. Л. 12.

69. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 476. Л. 463.

70. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 40. Л. 15.

71. Там же. Л. 29.

72. Там же. Л. 33.

73. Там же. Л. 33.

74. Там же. Л. 15.

75. Там же. Л. 42.

правильного товарообмена между Добрармией и Батумом; помощь Аджарии продовольствием и фуражом; введение облегченного режима въезда и выезда из Батума и т. д. В программе Романовско-Романько большое внимание уделялось идеологической работе. Особо отмечалась необходимость всемерной поддержки газеты «Наш Край», «не жалея денег; дать ей возможность выходит на двух, даже на трех языках: русском, турецком и грузинском, удешевить ее продажу до минимума и предоставить ей средства на выпуск хоть раз в неделю иллюстрированных приложений»⁷⁶. Генерал писал о необходимости «мощно бороться с грузинской пропагандой и захватными стремлениями», отмечая, что грузинское влияние «неизмеримо опаснее для русского дела в Батумской области, чем турецкое, так как оно не только разлагающе действует на нравственность населения, но и толкает его в объятия социалистическо-большевистской анархии, но и исключительно враждебно всему русскому»⁷⁷. Романовский-Романько полагал необходимым договориться с англичанами об их «содействии здесь русскому влиянию, дабы не ставить здесь русскую работу в условия чуть ли не подполья»⁷⁸. Генерал отмечал, что полноценная работа представительства Добрармии в Батуми возможна только в случае выделения необходимых средств и создания соответствующего штата.

Все мусульманское население области в большей или меньшей степени картвельского происхождения и не только не тяготело к Грузии, но и прямо ненавидело своих единоплеменников. В навязываемом им братском слиянии с Грузией аджарцы видели ослабление, а затем и потерю веры, а как следствие этого — разрушение их патриархального быта. Русского влияния они не боялись, надеясь использовать силу России в своих интересах⁷⁹. Факт присутствия в Батуми русского флота, по свидетельству одного из деникинцев, поднимал «не только дух русских людей, но и окрылил надеждой туземный элемент и инородцев русской ориентации на скорое возвращение Батума в лоно России»⁸⁰. В то же время, работали на белогвардейский флот главным образом армяне и турки, ибо «русские [рабочие] почти все большевики и работать не желают; их приходится сильно остерегаться, т. к. они не прочь взорвать наши транспорта со снарядами»⁸¹.

Проводимая большевиками Батума политика в большей мере выражала интересы Грузии, не исключая, естественно, возможности взятия власти в свои руки. Деникинцам в какой-то мере удава-

76. Там же. Л. 43.

77. Там же. Л. 43.

78. Там же. Л. 44.

79. Там же. Л. 46.

80. РГА ВМФ. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 33. Л. 75.

81. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 41. Л. 14.

лось сглаживать противоречия между аджарцами и грузинами, однако в значительной мере их самостоятельность подавлялась англичанами.

В начале февраля 1919 г. добровольческий отряд под командованием генерала А. Н. Черепова неожиданно перешел в наступление и занял Сочи. Грузинские войска сдались без боя⁸². В ответ со стороны грузинских властей начались репрессии против русского населения⁸³. Давление Добровольческой армии на Грузию вызвало единоличным клич: «Долой русскую реакцию в Закавказье!», неизбежно сопровождавшийся другим: «Долой западных империалистов!» В таких условиях союзником Грузии оказывался международный социализм, с которым грузинское социал-демократическое правительство имело прочные личные связи⁸⁴. Между тем, в Сухумском округе началось восстание ориентированных на Добровольческую армию абхазцев и армян⁸⁵. Там уже давно ждали прихода Добровольческой армии, ожидая, что та уничтожит «существующую анархию и восстановит порядок»⁸⁶.

Абхазы в тот момент крайне нетерпимо относились к посягательствам Грузии. В письме британскому генералу Форестье Уокеру Деникин так охарактеризовал абхазский народ и отношения абхазов с грузинами: «Этот весьма свободолюбивый, самолюбивый, воинственный народ никогда не простит оскорблений и притеснений, причиненных ему грузинами и никогда не примирится с грузинским владычеством»⁸⁷. В письме английскому военачальнику 1 февраля 1919 Антон Иванович высказал свою позицию по вопросу грузино-абхазского конфликта: «Первое. Ненависть абхазцев к грузинам так сильна, что никакое совместное жительство этих двух народов невозможно и все равно путем кровавой борьбы абхазцы добьются своей свободы, а потому всякое промедление в удалении грузин из пределов Сухумского округа только ухудшит дело и вынудит прибегнуть к вмешательству посторонней вооруженной силы для восстановления порядка. Второе. Сухумский округ. Необходимо теперь же объявить нейтралитет, немедленно вывезти оттуда грузинские войска и возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные, и на военные отряды, сформированные из абхазцев. Третье. Грузины должны быть немедленно отведены за реку Ингурь, то есть за бывшую границу Кутаисской губернии. Их претензии на район, лежащий между ре-

82. Воронович Н. Меж двух огней // Архив русской революции. М., 1991. Т. 7. С. 101.

83. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 225.

84. Авалов З. Указ. соч. С. 207.

85. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 225.

86. ГА РФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

87. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 64 б. Л. 1.

ками Кадор и Ингурь, ни на чем не основаны, ибо население этого района относится к грузинам с ненавистью, еще большей, чем население остальной Абхазии. Я особенно настаиваю на точном выполнении указанных трех пунктов, ибо в случае промедления в их осуществлении я предвижу, что и Английской армии и Добровольческой придется проливать кровь для умиротворения этого края, доведенного бессмысленной политикой грузин до последней степени отчаяния против его поработителей»⁸⁸. Так или иначе, но, по убеждению Деникина, настроение абхазского населения было «определенно русофильское и его всегда можно использовать для Добровольческой армии»⁸⁹.

Грузинское правительство жестко отреагировало на захват Сочинского округа: так, в Тифлисе были арестованы представители Добровольческой армии генералы Шатилов, Томилов, бывший начальник штаба Главнокомандующего войсками Кавказского фронта генерал Левандовский, бывший начальник Закавказских железных дорог генерал Окунев, а также председатель Закавказского Русского национального Совета Ф. Н. Лебедев, протестовавший против этих арестов. Между тем, приход белой армии в Сочи не смог сразу разрешить все имеющиеся проблемы⁹⁰. Более того, продовольственная нехватка стала ощущаться еще острее, выдача хлеба сократилась до $\frac{1}{2}$ фунта в день, выросли цены на все предметы первой необходимости⁹¹. В апреле 1919 в Сочинском округе началось восстание зеленых. Воспользовавшись восстанием, грузинские войска переправились через пограничную реку Бзыбь. Немногочисленные добровольческие силы отступили, оставив грузинам Гагры. Только вмешательство англичан, рассматривавших грузин «как взбунтовавшуюся против суверена область»⁹², предотвратило дальнейшую эскалацию боевых действий. Однако белые были вынуждены постоянно держать на грузинской границе свои войска⁹³.

Англия играла в Грузии неоднозначную роль. Отзывы об англичанах были самые разные. Обе противоборствующие стороны — Грузия и белая армия — всячески подчеркивали свою лояльность к англичанам. Англия же проводила в Грузии, как и вообще в Закавказье, свою политику, стремясь максимально соблюсти выгоды своей страны. Кавказ как часть России Туманный Альбион не вос-

88. Там же. Л. 2.

89. РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

90. Любопытно, что по вопросу о принадлежности Сочинского округа грузины и русские большевики выступили единым фронтом, нещадно критикуя Добровольческую армию. (ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 35. Л. 29).

91. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 59. Л. 18.

92. Воронович Н. Указ. соч. С. 100–101.

93. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 231–234.

принимал, стремясь к его отторжению от нашей страны⁹⁴. Предельно категорично об английской политике в Закавказье высказался сам Деникин в одной из резолюций: «Это оккупация, а не помощь»⁹⁵. И если для грузинских деятелей была очевидна симпатия англичан к Деникину, их стремление к упразднению независимости Грузии⁹⁶, то для добровольческой власти было очевидно враждебное отношение «английской власти к русским интересам и населению»⁹⁷. Вдумчивому Б. А. Энгельгардту казалось, что «в течение гражданской войны, помогая Добровольческой армии, англичане были не столько заинтересованы в победе белых, сколько в возможно долгом поддержании гражданской войны в пределах нашей Родины. Эта междоусобная война, ослабившая Россию, пробудила в них надежду на возможное выгодное расчленение ее. Нефтяные богатства Баку и Северного Кавказа соблазняли их, и этим обуславливалась вся английская политика на Юге России в то время. В Ростове-на-Дону английские представители выставляли себя друзьями России и действительно выражали дружеские чувства по отношению к Добровольческой армии, но в то же время представители Англии в Грузии и Азербайджане не скрывали своих русофобских настроений и старательно содействовали развитию сепаратистских тенденций в этих республиках»⁹⁸. В то же время, на грузин англичане, как казалось морскому представителю Деникина при союзном командовании, смотрели, как «на диких туземцев». Точно также англичане «смотрят и на нас», — признавался осведомленный доброволец. Он же с горечью констатировал: «Мы здесь находимся на положении иностранцев»⁹⁹.

Несколько по-другому, чем с Грузией, обстояли у белых дела с Арменией и Азербайджаном.

Деникинские власти относились к Армении достаточно благожелательно, полагая, что армяне воспитаны на русской культуре и всесторонняя помощь армянам является залогом «поддержки и усиления русофильских тенденций» в регионе, а также в деле пропаганды идей Добровольческой армии в Закавказье¹⁰⁰. Представитель армянской армии при Деникине полковник Власьев, выполнявший при Добровольческой армии в большей степени разведывательные, а не представительские функции¹⁰¹, в своей записке отмечал, что «со времен Петра Великого армяне смотрели на Рос-

94. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 39. Л. 56.

95. Там же. Д. 40. Л. 2.

96. Жордания Н. Указ. соч. С. 94.

97. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 41. Л. 11.

98. ОР РНБ. Ф. 1052. Ед. хр. 36. Л. 10–11.

99. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 41. Л. 11, 12.

100. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 39. Л. 10.

101. Там же. Л. 32.

сию как на свою спасительницу от ига турок и персов» и предлагал основать в Закавказье информационные бюро, через которые вести пропаганду идей Добровольческой армии; использовать многочисленные армянские колонии для усиления в Армении русского влияния путем привлечения к этому пользующихся среди них доверием местных общественных деятелей; привлечь капиталы армян в русские предприятия, находящиеся в России; принять самое широкое участие в устройстве судьбы беженцев и военнопленных, в возврате их на родину; направить в Армению товары первой необходимости и, наконец, помочь в формировании войсковых частей из русских армян, которые надлежало отправить в Армению¹⁰². Полковник указывал на то, что помочь армянам необходимо, ибо «если дела Закавказья останутся в нынешнем положении, то армяне неизбежно попадут в орбиту влияния Англии, а с армянами для России будет потеряна экономически и эта богатая окраина»¹⁰³. В действительности же армяне были настроены отнюдь не так идеалистически, как это представлял Власьев. Крен их политики менялся в зависимости от усиления или наоборот ослабления той или иной политической фигуры. Как справедливо писал очевидец событий граф Биленбрич: «Настроение политики здесь часто меняется и зависит от того, кто влияет: турки, немцы, англичане, французы и т. д., и от состояния, в котором находятся: когда тяжело, смотрят с упованием и надеждой на север, ища в нас поддержки, при обратном положении, знать нас не хотят»¹⁰⁴. Народ и армия Армении, действительно, в большинстве с симпатией относились к белым. Однако, как сообщал в своем рапорте полковник Лесли, командированный в Армению, «первый голодный и забитый, а вторая почти без головы и не играет никакой роли в стране, ибо обладает как военными, так и денежными средствами много меньшими, чем министерство внутренних дел (дашнакацанское), банды которого снабжены лучше, нежели официальные войска»¹⁰⁵. Власьев указывал на необходимость сформирования и отправки через Батум отряда, способного к решению самостоятельных задач. Несмотря на трудности, по распоряжению Деникина армянам был отправлен хлеб в нужном количестве. Остального у белых просто не было в наличии¹⁰⁶.

Еще в конце ноября 1918 военный министр Республики Армения направил в адрес начальника штаба Добровольческой армии генерала И. П. Романовского письмо, в котором умолял прислать в Армению хлеба. Председатель Особого Совещания генерал

102. Там же. Л. 11–12.

103. Там же. Л. 12.

104. Там же. Л. 32.

105. Там же. Л. 68.

106. Там же. Л. 15.

А. М. Драгомиров наложил на письмо резолюцию: «Если явится — сообщить, что теперь ни о какой высылке хлеба не может быть и речи»¹⁰⁷. Действительно, это было невозможно до установления мирных отношений с Грузией¹⁰⁸. Армянские представители в Екатеринодаре передавали «конфиденциальную» информацию: Армения хочет воссоединиться с Россией. Армянское население определено тяготело к России, выказывая сильную ненависть к Грузии и Азербайджану¹⁰⁹. Такое тяготение к России объяснялось, вероятно, еще и исключительно неблагоприятной для самого существования армянского народа ситуацией: стоял вопрос о физическом выживании армян, со всех сторон окруженных врагами¹¹⁰. Соотношение сил борющихся сторон было таково, что армяне могли быть легко уничтожены своими противниками¹¹¹. Идея великой Армении стала терять популярность даже у ее рьяных сторонников¹¹². Реальную помощь армянам могла оказать только Добровольческая армия. «Армения ищет помощи Доброй армии всеми силами», — подчеркивал в упомянутой записке генерал Вязьмитинов¹¹³. Начальник Генерального штаба Армении полковник Зинкевич отмечал в рапорте представителю ВСЮР: «Ни один офицер и солдат не поднимет руки на русского. А простой народ и буржуазия молится о прибытии русских»¹¹⁴. Для спасения дружественной белым Армении Зинкевич предлагал целый комплекс мер помощи, от распространения в Армении русского рубля с целью снижения курса национальных валют других закавказских государств, до ультиматума Азербайджану¹¹⁵. В другой аналитической записке офицер для связи по морским делам при главном представителе Главкома ВСЮР при союзном командовании в Батуме отмечал, что «Армения наша союзница против турок и грузин»¹¹⁶. Оккупация страны англичанами в значительной степени изменила политический курс Армении. Англичанам определенно не нравилось русофильство армян¹¹⁷. В скором времени, однако, в очередной раз изменилась «ориентация» армянского руководства: опять наметилось его тяготение к России. Интервенты не могли огра-

107. Там же. Л. 61–62.

108. Там же. Л. 65.

109. ГА РФ. Ф. Р-44с. Оп. 1. Д. 34 а. Л. 58.

110. Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Т. 9. М., 1991. С. 191.

111. ГА РФ. Ф. Р-44б. Оп. 2. Д. 34. Л. 79.

112. Там же. Л. 96.

113. Там же. Д. 99. Л. 3.

114. Там же. Д. 34. Л. 79.

115. Там же. Л. 8с.

116. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 41. Л. 14.

117. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 247.

дить армянский народ от откровенного геноцида, проводившегося по всему Закавказью. Армения же интересовала, в частности, англичан «с точек зрения этнической, экономической, финансовой, военной и проч.»¹¹⁸.

Взгляды интеллигенции и простых армян сильно различались. В то время как взгляды первых часто менялись и зависели от обстановки, то простой народ, по словам белого аналитика, все время ждал прихода русских. В донесении приводился следующий пример: «На базаре один армянин продает другому барана и на вопрос, сколько стоит, если я тебе заплачу „никалаевскими“, другой отвечает: дай мне царя Николая, я тебе даром отдам, ибо, если он придет, я в таком положении, как сейчас, не буду»¹¹⁹.

Добровольческие власти не могли остаться в стороне от бед армянского народа. Несмотря на собственные проблемы, Деникин распорядился послать в Армению груз с сотней тысяч пудов хлеба и несколькими миллионами патронов. Союз с Арменией был, как признавал А. И. Деникин, обоюдовыгоден: получая от администрации ВСЮР действительную помощь, армяне в значительной степени умеряли воинственный пыл Грузии и Азербайджана¹²⁰. Вместе с тем, добровольческое командование не могло не отметить того факта, что отношение к русским в Армении было благоприятнее, чем где бы то ни было¹²¹.

Отношения с Азербайджаном развивались у деникинцев весьма сложно. У обеих сторон не было никаких территориальных споров, со стороны белых не было никаких посягательств на независимость закавказской республики, однако отношение азербайджанцев к белым было, как подчеркнул Деникин, а priori недоброжелательно. Белый военачальник вспоминал: «Все в Азербайджанской республике было искусственным, „не настоящим“, начиная с названия, взятого заимобразно у одной из провинций Персии»¹²². Власти Азербайджана определенно отрицательно относились к белым. Причина этого крылась, быть может, в отсутствии авторитетного заявления добровольческой администрации «об отсутствии у Добармии агрессивности в отношении Азербейджана»¹²³. В докладной записке Драгомирову генерал Вязьмитинов писал: «Что касается Азербейджана, то его население в последнее время к русским относилось довольно хорошо, но, как все азиаты, — оно признает

118. Там же. С. 251.

119. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 39. Л. 37.

120. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 253.

121. Там же. Т. 3. С. 413.

122. Там же. Т. 4. С. 235.

123. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.

лишь видимую реальную силу и всякое снисхождение принимает как проявление слабости»¹²⁴.

Официоз азербайджанского правительства газета «Азербайджан» писала: «Революция дала закавказским республикам возможность осуществить их стремление к самоопределению. После ряда продолжительных и тяжелых кризисов на территории Кавказа образовались 4 республики. Образование их возможно было лишь благодаря тому, что народы Кавказа были охвачены одной идеей, одним стремлением, одной целью — достижением национальной независимости»¹²⁵. Особенно сильное значение, при понимании ситуации в Азербайджане, играл фактор интервенции. Власти Азербайджана, изначально ориентировавшиеся на турок, в значительной мере породивших азербайджанский сепаратизм¹²⁶, после оккупации Баку англичанами резко изменили направление своей политики. Стало намечаться тяготение к достижению гражданского согласия, к разделению власти между представителями коренных национальностей Азербайджана и представителями русской общественности¹²⁷.

Всего в Баку к весне 1919 находился военный контингент англичан численностью до пяти тысяч человек. Это была грозная сила, которая обеспечивала прикрытие экономических интересов английского правительства и частных компаний в Великобритании¹²⁸. Бакинские рабочие отрицательно относились к белым и англичанам. В их среде преобладали большевистские настроения¹²⁹, выражавшиеся в частности в полном нежелании работать на Добровольческую армию¹³⁰. В Баку выходили газеты «Молот», орган бакинских большевиков, «Искра», орган социал-демократов, и «Заря», орган мусульманских социалистов. Всего в Баку выходило около 10 газет, общий тон которых был «крайне враждебный Добровольческой армии»¹³¹. Утверждая, что правительство Азербайджана по классовым соображениям сочувствует деникинцам и не сможет отстоять независимость республики¹³², большевики, не стесняясь, вели свою агитацию, призывая рабочих к захвату власти¹³³. Однако Ба-

124. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 99. Л. 4.

125. Азербайджан. Баку. 1919. 24 января (6 февраля).

126. Байков Б. Указ. соч. С. 193.

127. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 236.

128. Мустафа-заде Р. С. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М., 2006. С. 56.

129. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 42. Л. 305.

130. Там же. Л. 316–317.

131. Там же. Л. 204.

132. Деникинская опасность и азербайджанское правительство // Молот. Баку. 1919. 5 августа.

133. Вокруг деникинской опасности // Молот. 1919. 13 августа.

кинский комитет РКП (б) вел успешную агитационную агитационную не только среди своего традиционного «электората» — рабочих и крестьян, — но и в среде матросов Каспийской флотилии и английских солдат¹³⁴. Большевизм в Баку неумолимо разрастался¹³⁵.

Нужно сказать, что азербайджанское, да и грузинское правительство в большей степени были готовы пойти на уступки большевикам, чем белым, опасаясь того, что победа Деникина приведет к неминуемой ликвидации национальных государств Закавказья. В этих условиях большевики как главный постоянный противник белых воспринимались националистически настроенной частью Закавказья в качестве естественного союзника¹³⁶. Не случайно, что и Грузия, и Азербайджан старались поддерживать горские отряды, помогая им оружием и патронами¹³⁷. В поисках союзника азербайджанские политические деятели обращались и к большевизированной Кубанской Раде. Всего в мае-октябре 1919 состоялось несколько таких встреч. Материалы переговоров, опубликованные В. Г. Бортневским, представляют значительный интерес¹³⁸. Азербайджанский представитель при Кубанском краевом правительстве Дж. Рустамбеков в Екатеринодаре развил кипучую деятельность, в неофициальном порядке встретившись и с Главнокомандующим ВСЮР генералом А. И. Деникиным, причем белый военачальник попросил Рустамбекова заверить азербайджанское правительство в отсутствии у него агрессивных намерений «против Азербайджана (...) Меня, — подчеркнул Деникин, — интересует всецело вопрос борьбы с большевиками»¹³⁹. Между тем, на переговорах с деятелями Кубанской Рады Рустамбеков, помимо прочего, заявил: «Мы работаем и будем работать, и надеюсь, что Деникин сломит себе шею. Мы снабжаем Дагестан, Чечню патронами»¹⁴⁰. Обращаясь к кубанцам, Рустамбеков призывал их к активным действиям против Добровольческой армии, прибавляя, что с большевиками «вы можете скорее сговориться, чем с Добрармией»¹⁴¹. Однако Рустамбеков сделал и еще одно важное заявление: «Азербайджанское правительство будет твердо держаться политики отделения от России,

134. Мустафа-заде Р. С. Указ. соч. С. 62.

135. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 42. Л. 316–317.

136. Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 133.

137. Ваксмут А. П. Конец Каспийской флотилии времени гражданской войны под командой генерала Деникина // Моряки в гражданской войне. М., 2000. С. 44.

138. Кубань и Добровольческая армия в 1918–1919 гг. / Вводная статья, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. 1994. Кн. 5. С. 77–111.

139. Мустафа-заде Р. С. Указ. соч. С. 58.

140. Кубань и Добровольческая армия в 1918–1919 гг. ... С. 86.

141. Там же. С. 87.

и в будущем, если кто-нибудь посягнет на нашу самостоятельность, то мы будем готовы умереть, и в этом отношении нам поможет Дагестан (...) пока со стороны Деникина не произойдет чего-либо, что было бы похоже на агрессивные действия, мы активно выступать не будем, а будем продолжать работу в Дагестане (...) и в нужный момент предъявим Деникину ультиматум об очищении Дагестана»¹⁴².

Интересы Добровольческой армии в Азербайджане представлял пользовавшийся авторитетом у английского командования присяжный поверенный кадет М. Ф. Подшибякин, издававший газету «Единая Россия», всецело поддерживавшую курс Добровольческой армии¹⁴³. Газета издавалась под эгидой Русского национального комитета города Баку, в который помимо М. Ф. Подшибякина входили Б. Байков и Я. Н. Смирнов. Деятельность комитета и «Единой России» высоко расценивал генерал Деникин,¹⁴⁴ что было не случайно: «Единая Россия» пользовалась большим читательским спросом, ее тираж «превышал тираж всех остальных издававшихся в городе Баку газет, а их издавалось около десятка», — вспоминал активный участник событий Б. Байков¹⁴⁵. Для находившихся в Баку русских офицеров «единственное утешение в это время доставляло чтение газеты „Единая Россия“, в которой помещалось много материала о событиях в Добровольческой армии», — вспоминал доброволец полковник Н. Е. Каблицкий¹⁴⁶. Критикуя азербайджанский национализм, газета писала в одной из своих передовиц: «Люди, погрязшие в национализме, кажется, ничего не видят вокруг себя, кроме самоопределения»¹⁴⁷, что казалось «Единой России» недопустимым, поскольку «в нынешней России есть только два пути: путь большевистской армии и путь Добровольческой армии. Оба пути жесткие (...) иного третьего пути нет, не время творить легенду о двух стогах и буридановом осле. Нужно иметь гражданское мужество стать на один из двух путей»¹⁴⁸. В самом деле, судя по всему, идея независимой азербайджанской государственности еще не успела укрепиться в сознании жителей республики. Новая бюрократия нещадно обирала население. Последнее же, как отмечалось в сводке Освага, с ностальгией вспоминало прежнюю администрацию, ибо «нынешняя состоит сплошь из взяточников»¹⁴⁹. До определенного момента между белыми и правительством Азербайджана

142. Там же.

143. ГА РФ. Ф. Р-44б. Оп. 2. Д. 39. Л. 37; ГА РФ. Ф. Р-44с. Оп. 1. Д. 34 а. Л. 5б.

144. ГА РФ. Ф. Р-44б. Оп. 2. Д. 41. Л. 1с9.

145. Байков Б. Указ. соч. С. 151–152.

146. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (БФРЗ). Ф. 1. Оп. 1. А-73. Л. 89.

147. Единая Россия. Баку. 1919. 29 января.

148. Семенов Ю. Гамлеты Буридана // Там же. 1919. 30 января.

149. ГА РФ. Ф. Р-44с. Оп. 1 Д. 34 а. Л. 58–59.

не было никаких отношений. Однако наступление белых на Дагестан, занятие ими Петровска и Дербента поставило перед азербайджанскими властями вопрос об их государственном существовании. Обострилась и ситуация с русским военным имуществом, находившимся на территории Бакинского военного порта, который белогвардейцы считали «собственностью Российского государства». Дело доходило до открытого грабежа бакинской полицией складов с боеприпасами и прочим военным имуществом¹⁵⁰. Капитан 1 ранга Шуберский с горечью отмечал: «Чувство полной зависимости от англичан и своего абсолютного бессилия (...) угнетает весь личный состав»¹⁵¹.

В подконтрольной властями прессе началась истерическая кампания, задачей которой было очернение «реакционной» и «монархической» Добровольческой армии¹⁵². Публицист «Азербайджана» А. Щепотьев писал, что Добровольческая армия «попирает все заветы русской революции. Вступив в сношения с яскими и парижскими дипломатами и напад на грузин и горцев — она идет против самоопределения народов, своей ничем не обоснованной, беспринципной с виду и реакционно-монархической в действительности, борьбой с большевиками — она идет против воли русского народа»¹⁵³. Большевики же утверждали, что «Деникин — это немедленное порабощение, даже уничтожение горских народов»¹⁵⁴. Азербайджанцев призывали записываться в ряды Азербайджанского добровольческого отряда. Боязнь захвата белыми Баку вызвала в Азербайджане «взрыв нового озлобления, смешанного с чувством страха»¹⁵⁵. «Страх», о котором писал А. И. Деникин, был вызван беспокойством азербайджанского правительства за независимость своего юного государства. Та же газета «Азербайджан» писала о национальной политике белых: «Окраинные вопросы укладываются в формулу „Россия для русских“. Стремясь восстановить Российскую Империю в границах 1914 года, добровольческие строители единой России, естественно отрицают право народов на самоопределение»¹⁵⁶. Однако сам Деникин считал задачу ВСЮР с занятием Дагестана на тот момент выполненной, заявив азербайджанскому правительству, что «мы считаем Азербайджан частью России. До восстановления в Рос-

150. РГА ВМФ. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 31. Л. 27–28.

151. РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 42. Л. 316–317.

152. См.: Азербайджан. 1919. 30 января (12 февраля); Щепотьев А. Добровольческая армия // Там же. 1919. 2 февраля (15 февраля).

153. Щепотьев А. Еще о Единой России и Добровольческой армии // Там же. 1919. 15 февраля (28 февраля).

154. Дагестан и Советская власть // Молот. 1919. 2 августа.

155. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 245.

156. В стане реакции // Азербайджан. 1919. 9 июля.

сии Верховной власти допускаем самостоятельное существование Азербайджана»¹⁵⁷.

После этого в Закавказье на несколько месяцев закрепились расстановки политических сил. Белые находились в открытой конфронтации с Грузией, существовал риск такой же войны с Азербайджаном. Фактор интервенции во многом умиротворял враждующие стороны. Белые боялись чрезмерного влияния интервентов на положение дел в Закавказье. Ими, в свою очередь, предлагалась следующая схема: при иностранном командовании должно быть аккредитовано в качестве советника «авторитетное лицо, высший военный русский чин, хорошо знающий Кавказ, его население и быт, дабы его советы могли предотвратить такие шаги, последствия которых повредило бы идее воссоздания Единой России». В качестве такого лица намечена была кандидатура генерала от инфантерии П. П. Шатилова¹⁵⁸. В конце 1919, после разгона Кубанской Рады, в составе азербайджанского руководства наметилась линия на сближение с Добармией, но крах белых естественно помешал начавшемуся процессу¹⁵⁹.

Вместе с тем, англичане проводили в Азербайджане свою политику, которая не очень-то полагалась на согласование интересов Британской Империи с представителями белого командования. Азербайджанцам казалось, что английская военная миссия открыто поддерживала деникинцев, рассматривая последних как важнейший фактор сдерживания большевистской угрозы в регионе. Покровительственное отношение англичан к белым, британо-деникинский альянс, отмечали и азербайджанские политики и большевики¹⁶⁰. Однако сами добровольцы расценивали политику англичан совсем иначе. Белым не могла, конечно, нравиться полная зависимость от англичан, указывавших им на их место. В архиве сохранился черновик письма А. И. Деникина английскому премьер-министру Д. Ллойд-Джорджу. Деникин писал: «Вы, относясь с черствым равнодушием ко всему, что лежит за пределами Британской Империи (...) до такой степени заблуждаетесь в понимании политической обстановки в России и психологии русского народа (...) Ваша политика расчленения России проводится с такой жестокой последовательностью (...) В Закавказье Ваши представители с необычайной откровенностью стараются рвать вековые связи этой области с Россией: разговоры о протекторате, давление на Армению, предложение замены там русских офицеров англичанами, отдача Мугани и Ленкорани, поощрение Грузии и Азербайджана, ясно враждебная нам политика в Бату-

157. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 245.

158. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 99. Л. 4.

159. Там же. Д. 42. Л. 80–81.

160. Мустафа-заде Р. С. Указ. соч. С. 56, 59–60.

ми»¹⁶¹. Выражая Ллойд-Джорджу признательность за «огромную помощь», оказываемую России «в лице своих военных представителей, а также лондонских друзей России», Деникин подчеркивал, что «только благодаря этой помощи Вооруженные Силы Юга России могли нести год тяжелой войны». Однако белый военачальник при этом сформулировал свое кредо: «1) Россия встанет и сметет с лица земли все центробежные силы, отколовшиеся от нее, но метлой не будет и даст окраинам автономию. 2) Россия выбросит пришельцев, севших на ее землю. 3) Россия восстановит прежние сферы влияния своего в сопредельных странах». «Если Бог судил нам пасть, — писал Антон Иванович, — то красная волна варварства перекинется к Индийскому океану и к Атлантическому океану и зажжет мировой пожар (...) Я желаю счастья Англии. Но если бы, сохрани Боже, загорелся Ваш дом, как бы не пришлось тушить его нам». В конце письма Деникин поместил ключевую, пожалуй, фразу: «борьба за счастье России несовместима с ее расчленением»¹⁶². Фраза эта глубоко показательна. В ней раскрывается психология Деникина, человека, мерившего политику своими, может быть несколько идеалистическими, категориями, но стремившегося видеть в ней только одну цель — благо России.

В секретной инструкции Главному представителю в Закавказье Главкома ВСЮР, утвержденной Деникиным 2 июля 1919, значилось:

«Имея в виду, что все Закавказье в пределах границ до начала войны 1914 года, должно быть рассматриваемо, как неотделимая часть Российского Государства — Вам надлежит подготавливать почву для безболезненного воссоединения этих областей в одно целое с Россией под Верховным управлением общероссийской государственной власти. Что касается будущего государственного устройства, то, не предпреляя частных его до волеизъявления всего российского государства, необходимо иметь в виду, что в решении этих вопросов примут участие представители всех областей и народов в России и что широкая внутренняя автономия в делах местной краевой и народной жизни составляет одно из оснований будущей государственной жизни России. Одновременно с тем, впредь до окончательного установления государственной российской власти, допускается самостоятельное управление этих областей, ныне из них образовавшееся и существующее»¹⁶³. В документе конкретизировалась и политика белых в отношении каждого государственного образования на территории Закавказья: «Главное командование ВСЮР требует полно-

161. ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 169. Л. 1, 3.

162. Там же. Л. 4.

163. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 34. Л. 19.

го очищения грузинскими войсками Сочинского округа с отводом их за реку Бзыбь. По выполнении этого непосредственного условия, возможно два положения во взаимоотношениях с Грузией: 1) если ею будет признана принадлежность Грузии к Российской Государственности и прекращены гонения на русских людей, силою обстоятельств находящихся в Грузии, — то возможно установление вполне дружжелюбных отношений, с восстановлением свободного товарообмена и со снятием таможенных ограничений; 2) если же указанные выше в п. 1 условия Грузией соблюдены не будут, то, сохраняя нынешнее состояние товарообмена и таможенных ограничений, возможно лишь обоюдное соглашение о прекращении военных действий. Для отвода же войск из Сочинского округа за р. Бзыбь, какие-либо иные взаимоотношения, кроме готовности к боевому противодействию против этого покушения на целостность Российской государственности, не представляются возможным.

Б) по отношению к Азербейджану — Главное Командование Вооруженных Сил на Юге России, считая Азербейджан неотделимой частью России, допускает временное самостоятельное управление Азербейджана впредь до окончательного установления общероссийской государственной власти и не имеет никаких намерений к переходу в наступление южнее границ Дагестанской области, если со стороны Азербейджана не будут проявлены какие-либо попытки к боевым действиям.

В) В отношении Армении: Вполне сочувствуя стремлениям армянской народности к ее объединению в этнографических границах и считая армян тесно связанными в их исторических и экономических интересах с Единою Неделимой Россией, в пределы которой входит наиболее цветущая часть Армении, Главное Командование ВСЮР, также, как и в отношении Грузии и Азербейджана, допускает временное самостоятельное управление армянских областей, впредь до окончательного установления общероссийской государственной власти, не имея никаких агрессивных в отношении Армении намерений, но всемерно стоя на страже Единства Российской Государственности.

Главное Командование Вооруженных Сил на Юге России, подтверждая, что оно не имеет никаких агрессивных планов в отношении областей Закавказья, вместе с тем напоминает, что оно считает своей основной задачей охранение целостности Российской Государственности и не оставит без самого серьезного воздействия никаких агрессивных выступлений, с чьей бы то ни было стороны, против целостности Российской Государственности.

В связи с этим на Вашей обязанности лежит:

1) Охранение и защита интересов всего постоянного русского населения в Закавказье и Православной Русской Церкви.

2) Забота о русских беженцах, ныне водворенных на места своих постоянных жительств в Закавказье»¹⁶⁴.

За национальную политику Деникина нещадно критиковали. Так, например, ближайший сподвижник Врангеля генерал П. Н. Шатилов писал: «Преследование максимальных достижений национальной политики почти никогда не бывает спасительным. Генерал же Деникин вел великодержавную политику России, для чего у нас в то время не было достаточных данных»¹⁶⁵. Высказавшийся в своих воспоминаниях по тому же вопросу кадет князь Пав. Д. Долгоруков отмечал, что «в этих крайне сложных, болезненных вопросах не то внешней, скорее внутренней политики, мне кажется, скорее был допущен неверный тон в переговорах, чем ошибочные мероприятия, тон слишком великодержавный»¹⁶⁶.

Начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР генерал И. П. Романовский заявлял в сентябре 1919: «Что касается Грузии, то ее отношение к нам враждебное. Однако, она слишком слаба, чтобы выступить против Добровольческой армии. Как Грузия, так и Азербайджан стараются создать для нас затруднения и доставляют нам неприятности в Дагестане и Чечне, куда посылают для организации восстаний против Добровольческой армии и деньги, и офицеров, и снаряжение»¹⁶⁷. Главным фактором, влиявшим на политическую обстановку в Закавказье, было присутствие там союзных миссий, имевших в своем распоряжении значительные вооруженные силы и рассматривавших белые войска как находящиеся у себя в подчинении¹⁶⁸. Белые пребывали в состоянии зависимости от союзников и не могли проводить в регионе полностью независимую политику. Все же какие-то тенденции в развитии взаимоотношений добровольческой администрации с государственными новообразованиями Закавказья можно проследить, о чем говорилось выше.

Результаты закавказской политики белых следует признать неудачными. Причины такой неудачи белой дипломатии крылись, на наш взгляд, лишь в одном: национальная и внешняя политика ВСЮР определялись исключительно военным, а не внешнеполитическим ведомством. Последнее объяснялось тем, что основой, базисом «Деникии» являлась та же армия, от успехов или неуспехов которой зависело государственное бытие Белого Юга.

Наибольшие трудности у белых вызывали взаимоотношения с народами Северного Кавказа. В первые месяцы 1919 в Терско-Дагестанскую область вступили деникинские войска. К тому мо-

164. Там же. Л. 19–20.

165. БФРЗ. Ф. 1. Оп. 1. М-250. Л. 291.

166. Долгоруков Пав. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 122.

167. Заявление генерал-лейтенанта Романовского, начальника штаба Главнокомандующего.

168. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 35. Л. 29.

менту на Северном Кавказе царил полный хаос. «Горцы сразу поняли, — вспоминал современник, — что самой твердой валютой является теперь винтовка с патронами, с которыми можно достать все»¹⁶⁹. Особенно выделялись грабежами ингуши и чеченцы¹⁷⁰. «Туземное население Терской, Дагестанской и отчасти Кубанской области (...) можно разделить на две главные группы: на население, имеющее от природы склонность к мирной трудовой жизни, и те, кои благодаря хищным инстинктам дают предпочтение разбойничьему образу жизни. К первой группе можно отнести кумыков, ногайцев, осетин, кабардинцев и некоторые лезгинские племена Дагестана. Вторую группу составляют чеченцы с родственными им мелкими племенами», — такая типология северокавказских племен была представлена в одной из статей Отдела пропаганды¹⁷¹. Революция, крушение центральной власти отбросили туземное население «в ту обстановку, в которой оно жило несколько столетий тому назад»¹⁷². Разбойные инстинкты получили возможность проявляться как нельзя лучше. Чеченцы и ингуши грабили все соседние племена, разоряя жилища, воруя скот, лошадей и т. д. Особенно размах получили грабежи в Хасавюртовском округе и во Владикавказе. Отметим, что горское население от грабежей почти не страдало, объектом «интереса» грабителей были хозяйства русских и немецких колонистов¹⁷³. Немало страдало от чеченцев и терское казачество. Поэтому главной задачей политики белых на Кавказе было умиротворение края¹⁷⁴. «Умиротворение» Кавказа было поручено генералу В. П. Ляхову. Перед Ляховым стояла непростая задача: распутать сложнейший клубок межнациональных противоречий, подчинив при этом горцев общероссийской власти и оградив интересы собственников всех уровней и рангов. Операция против Чечни проводилась 16–23 марта 1919 отрядом генерала Д. П. Драценко, рассматривавшего свою экспедицию как карательный поход и издававшего соответствующие приказы¹⁷⁵. Успех похода Драценко, имя которого произносилось чеченцами «с уважением с примесью страха»¹⁷⁶, во многом обеспечил приток в состав ВСЮР чеченских национальных частей, сыгравших весьма неодно-

169. Кузнецов Б. М. 1918 год в Дагестане. Нью-Йорк, 1959. С. 22.

170. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 139–140.

171. ГА РФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 23. Л. 3 об.

172. Там же. Л. 6 об.

173. Там же. Л. 7–7 об.

174. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 163.

175. Писарев А. Л. Умиротворение Чечни (1919 г.). Воспоминания // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). М., 2002. С. 245; «Добровольческая армия не пропустит в горы ни одного фунта хлеба» / Публикация В. Ж. Цветкова // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 58–59.

176. Писарев А. Л. Указ. соч. С. 248.

значную роль в гражданской войне. Относительно бескровно подчинив ВСЮР Чечню и Дагестан, белые приступили к выработке административного устройства завоеванных областей. За образец была принята модель, уже апробированная на Кубани. На территории Терской области было образовано четыре национальных округа: Нальчикский, Владикавказский, Назранский и Введенско-Грозненский. Широкою автономию получало Терское казачье войско¹⁷⁷, декларировавшее свое единство с «Единой демократической Россией»¹⁷⁸. Местные племена получили широчайшую автономию, пользуясь, по определению Деникина, «полнейшей самостоятельностью»¹⁷⁹. Выступая перед выборными представителями чеченского народа 29 марта 1919, Антон Иванович заявил: «Придя на Кавказ и освободив его от большевиков, мы думали, что встретим здесь друзей, но вместо этого со стороны Чеченского народа мы встретили войну. Вы понимаете, что нужно идти на север освобождать Россию, и мы не можем допустить, чтобы здесь в тылу оставался бы вооруженный народ»¹⁸⁰. Изначально В. П. Ляхов предложил горцам условия, на которых считал возможным полное примирение. Главные из них предполагали подчинение командованию Добровольческой армии, выдачу красноармейцев-большевиков и всех пулеметов и артиллерии. Особо оговаривалась необходимость выдать «все награбленное и увезенное в Чечню красноармейцами. Возвратить все похищенные железнодорожные материалы». Требования белых удовлетворены не были, и вновь началось кровопролитие. «Что же вам надо? — вопрошал А. И. Деникин. — Исходя из своих стремлений, Добровольческая армия не желает никакого угнетения, ничего от вас не отнимает. Ваши земли будут принадлежать вам, и ваши права на часть промыслов будут за вами обеспечены. Чтобы в полной мере были обеспечены интересы вашего народа, правителем Чечни будет лицо, выбранное вами. Правителем всех горцев будет лицо, выбранное всеми горскими народностями. Помощником Главнокомандующего генерала Ляхова будет также выбранное горцами лицо и при нем горский совет; они будут следить, чтобы ваши интересы были обеспечены. Теперь я еще раз спрашиваю вас, что вам надо... Если вам будет обеспечено внутреннее самоуправление — что же вам еще нужно. Можете ли вы порвать с Единой Россией и жить своей самостоятельной жизнью? Если все малые народы Кавказа будут жить своей собственной жизнью и не считаться со своими соседями, кроме резни ничего не выйдет. Я последний раз задаю вам вопрос — мир или война? Если вас уверяют, что у Добровольческой армии не хватит сил справиться

177. Где реакция? // Терско-Дагестанский край. Пятигорск. 1919. 24 июля.

178. ГА РФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 34. Л. 108–109.

179. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 165.

180. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 31. Л. 136.

ся с вами и навести порядок, то это вас обманывают люди, которые сами стремятся к власти и которые не жалеют ни вашей крови, ни вашего имущества, ни ваших аулов. От всего сердца я вам предлагаю прочный мир»¹⁸¹. Чеченцы заявили о своей полной покорности и готовности принять условия. На съезде представителей чеченского народа 29 марта 1919 было принято постановление, в котором говорилось о том, что чеченцы заключили с Деникиным соглашение и обязались признать власть Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России, не допускать существования никакого другого правительства, кроме как установленного командованием ВСЮР, изгнать большевиков и агитаторов из своей среды, немедленно выставить всадников для формирования Чеченской дивизии, которая должна была содержаться за счет казны¹⁸². На короткое время мир в Чечне был водворен.

Замирение горцев продолжалось недолго. Уже летом 1919 Дагестан и Чечню охватило восстание. В советской историографии подчеркивалось, что горцы боролись против деникинцев потому, что те восстанавливали дореволюционный общественный строй и прежде всего — помещичье землевладение¹⁸³. Борьба горцев против белых, думалось Д. Кину, несет в себе социальный, а не национальный оттенок¹⁸⁴. Нам представляется, что причина не в этом. Восстановление правопорядка в то время на Кавказе было вряд ли осуществимо. Если осетины и терское казачество поддерживали борьбу с чеченцами и ингушами¹⁸⁵, то для последних грабеж был единственной нормальной стихией существования. Стремление горцев к независимости от Добровольческой армии совпадало с намерениями правительств Азербайджана и Грузии, которые задались целью использовать тех же горцев в качестве орудия борьбы с «деникинской опасностью»¹⁸⁶. Реальность ее в глазах Грузии и Азербайджана еще больше усилилась после того, как великобританское правительство явно склонилось на сторону Деникина. Как следствие, Азербайджан стал поставлять горцам оружие, патроны и продовольствие¹⁸⁷. Также помогала горцам и Грузия, сама остро страдавшая от недостатка оружия. Председатель грузинского правительства Н. Жордания вспоминал: «Мы сами нуждались, но горцам не отказывали. Почему? — Ясно: этого требовала охрана наших северных границ. Сильная независимая республика горцев — это крепость

181. Там же.

182. Там же. Л. 139.

183. Кин Д. Деникинщина. Л., [1927]. С. 246.

184. Там же. С. 248.

185. ГА РФ. Ф. Р-44с. Оп. 1. Д. 34. Л. 25.

186. ГА РФ. Ф. Р-44б. Оп. 2. Д. 34. Л. 92.

187. Там же. Л. 91–92; Б-сол. Восстание в Дагестане // Вечерние огни. Киев. 1919. 24 октября.

против Москвы. В ее существовании мы были все заинтересованы»¹⁸⁸. В прессе Грузии и Азербайджана развернулась целая кампания в поддержку восставших горцев¹⁸⁹. По словам Деникина, газеты писали всякую «ерунду о Дагестане»¹⁹⁰. Чеченцы и ингуши игнорировали приказы добровольческой администрации о запрете ношения оружия. Вооруженные до зубов, они осуществляли свои грабежи прямо на улицах городов (в частности, Владикавказа) среди бела дня¹⁹¹. Кроме того, на настроение населения влияли и грабежи «инородческих» частей в составе ВСЮР. Население называло их просто и емко: «Чечня». Были случаи, что население станиц и аулов уезжало от «Чечни» с имуществом в степь, стремясь избежать ограбления. «Чечня» заметно вредила репутации Добровольческой армии¹⁹². Чеченцы были чужды всякой политике, в их поведении присутствовало лишь стремление к наживе¹⁹³. Отношение к ингушам у населения было еще более враждебное, чем к чеченцам. Казаки и осетины готовились (отдельно от Добармии) к походу на ингушей, стремясь проучить их¹⁹⁴. Так что в поведении горцев вряд ли следует усматривать какой-то социальный или классовый момент. Более уместно говорить о преобладании в поведении горцев момента национального. Горцы были вполне лояльны к России¹⁹⁵, но в тот момент идея свободного Кавказа была им ближе. Не следует также забывать и о религиозном моменте¹⁹⁶.

В мае 1919 года имам Узун-Хаджи, один из богатейших людей на всем Северном Кавказе¹⁹⁷, провозгласил «газават» — священную войну против Добровольческой армии и поддерживавших ее терских казаков¹⁹⁸. На борьбу с белогвардейцами во многих аулах призывали в мечетях¹⁹⁹. Началась масштабная партизанская война против Деникина, руководство которой осуществлял Кавказский краевой комитет РКП (б). Большевики, трезво оценив ситуацию, смело пошли на блок со всеми социальными и политическими группами, враждебными Деникину²⁰⁰.

188. Жордания Н. Указ. соч. С. 103.

189. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 34. Л. 93.

190. Там же. Д. 31. Л. 304.

191. ГА РФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 34. Л. 140.

192. Там же. Д. 34 а. Л. 65 об. — 66.

193. Там же. Л. 97.

194. Там же. Л. 65–65 об.

195. Кузнецов Б. М. Указ. соч. С. 21.

196. Писарев А. Л. Указ. соч. С. 243.

197. ГА РФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

198. «Добровольческая армия не пропустит в горы ни одного фунта хлеба»... С. 55.

199. Магомедов М. А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6. С. 86.

200. Там же. С. 87.

Главной, как кажется, ошибкой Деникина являлась попытка осуществления мобилизации в белую армию, так как еще со времен «борьбы за независимость горцы именно в солдатчине видели первый шаг к обрусению»²⁰¹. Немалую роль в возникновении партизанского движения сыграли также и грабежи белогвардейцами местного населения²⁰².

С августа 1919 уже нельзя говорить о «замирении» Чечни, да и всего Северного Кавказа. Добровольцы контролировали только железную дорогу, районы в стороне от нее находились во власти восставших горцев. «И хотя восстания эти неизменно подавлялись русской властью, хотя они никогда не разгорались до степени, угрожающей жизненно нашему тылу, но все же создавали вечно нервную политическую обстановку, отвлекавшая внимание, силы и средства от главного направления всех наших стремлений и помыслов», — вспоминал в эмиграции Деникин²⁰³. Шульгин же, во многом выражая политику добровольческой администрации, писал в одной из статей того времени: «Напрасно кавказские республики пляшут лезгинку, помахивая кинжалом. Через некоторое время кинжалы придется спрятать и приехать в Москву на поклон. Ибо только Россия может отучить кавказские племена от привычки резать друг друга по понедельникам, вторникам, средам, четвергам, пятницам и субботам, не исключая воскресенья»²⁰⁴.

Имперская политика по отношению к сепаратизму западных и кавказских окраин была следствием воспитания добровольцев. Отделение Прибалтики, Закавказья, Финляндии безусловно воспринимались белыми болезненно. Однако привыкнуть к этому было лишь вопросом времени, поскольку в массовом сознании они уже не ассоциировались с Россией. Иначе обстояло дело с Белоруссией и Украиной. Теснейшая языковая, культурная и историческая близость не позволяли белым рассматривать эти народы иначе как в неразрывном государственном единстве с Россией. Деникин писал: «У правительства (...) составилась твердый и неизменный взгляд на национальное, религиозное и культурное единство русского народа в лице трех ветвей его — великорусской, малорусской и белорусской»²⁰⁵.

Если Белоруссия лежала слишком далеко от театра военных действий Добровольческой армии, то Украина явилась едва ли не главной ареной белой борьбы. Сразу подчеркнем, что белые

201. Магомедов М. А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе... С. 86.

202. БФРЗ. Ф. 1. Оп. 1. А-73. Л. 107-108.

203. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 194.

204. Шульгин В. Годовщина // Киевлянин. 1919. 28 августа.

205. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. V. С. 527.

воспринимали украинское движение исключительно как следствие австро-германских интриг. Их политика в отношении Украины не позволяла допустить даже мысль об отторжении ее от России, хотя бы временном²⁰⁶. Уже в эмиграции Деникин писал: «Никогда, конечно, никогда никакая Россия — реакционная или демократическая, республиканская или авторитарная — не допустит отторжения Украины. Нелепый, безосновательный и обостряемый извне спор между Русью Московской и Русью Киевской — есть наш внутренний спор, никоим более не касающийся, который будет разрешен нами самими»²⁰⁷. Это — глубокое внутреннее убеждение Антона Ивановича Деникина, исходя из которого белый диктатор и пытался осуществлять свою политику на Украине.

Белые крайне неприязненно относились к проявлениям украинского национализма. Вместе с тем их интересовало происхождение украинского сепаратизма. По этому поводу лидерам белого движения было подано докладных записок. В одной из них, на имя А. М. Драгомирова, например, говорилось о том, что «1) Украинское движение носит не национальный, а политический характер; 2) петлюровское восстание есть одно из проявлений анархии»²⁰⁸. В другой «записке по украинскому вопросу», в частности, утверждалось, что «украинская эпопея вовсе не является народным национальным движением, через которое украинский народ стремится к достижению для себя свободы и прочих благ из нее вытекающих, а что оно является искусственным движением, основанным на разжигании национальных страстей, которым всегда руководит невидимая рука иностранного дипломата, щедро сыплющая, правда, не золото, а всего лишь бумажные карбованцы»²⁰⁹. В сообщении агента Политической канцелярии подчеркивалось, что «агитация украинцев рассчитана на то, чтобы воспитать новое поколение в Малороссии в духе созданной и поддерживаемой на немецкие деньги особой украинской культуры»²¹⁰. Так или иначе, но твердым убеждением белых аналитиков было то, что с «национальным вопросом на Украине не надо бороться, а только умеючи искусно его направлять»²¹¹. Для белогвардейцев было совершенно очевидно немецкое происхождение украинской государственности в 1918²¹². Так, один из крупных общественных деятелей при Добровольческой армии финансист

206. Добровольческая армия и украинцы // Вечерние огни. Киев. 1919. 27 августа.

207. Деникин А. И. Кто спас Советскую власть от гибели?... С. 14.

208. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 28.

209. Там же. Л. 178.

210. Там же. Л. 234.

211. Там же. Л. 205.

212. Предательство Добровольческой армии // Черноморский маяк. Новороссийск. 1918. 27 ноября.

В. Ауэрбах подчеркивал, что «украинцы» нужны немцам только для придания желто-голубого колорита фасаду «независимой Украины»²¹³. Роль же «украинцев» в создании национального государства сводилась к «мудреной лингвистической эквилибристике, когда каждое русское слово и технический термин, даже иностранного происхождения, получали бы обязательный украинский эквивалент»²¹⁴.

Однако искусственность вновь созданного украинского государства не мешала стремительному росту украинского национального самосознания. Этот факт белые упорно не желали признать. Занятие белыми Украины ставило вопрос об украинском сепаратизме на повестку дня. Отныне борьба с сепаратистами была данностью, с которой приходилось считаться. Если в 1918 А. И. Деникин сознательно избегал контактов с гетманским режимом, то в 1919 те или иные формы отношений с ультра-националистами-петлюровцами были неизбежны. Первое столкновение добровольцев с самостийниками произошло в день взятия Киева 18 августа 1919. 17 августа к южным и юго-западным предместьям Киева подошли части Галицийской армии, а с восточной стороны белогвардейцы. На следующий день генерал Кревс, командующий галичанами, назначил вступление своей армии в Киев и парад на Думской площади. Вступившие в город галичане водрузили на балконе городской Думы свой флаг. «Флаг на этом балконе был своего рода заявочным столбом. Его вывешивала каждая новая власть в знак того, что она не сдается без боя», — вспоминал очевидец тех событий известный советский писатель К. Г. Паустовский²¹⁵. Пока галичане строились для встречи генерала, подошел эскадрон добровольцев и выстроился рядом с конной сотней галичан. Когда подъехал генерал Кревс, командир добровольческого отряда, представившись ему, попросил разрешения повесить рядом с украинским флагом, уже вывешенным на Думе, русский, на что Кревс согласился²¹⁶. Подъем русского флага вызвал взрыв энтузиазма у многотысячной толпы киевлян, запрудивших Думскую площадь и Крещатик. Но петлюровский атаман Сальский потребовал, чтобы галичане сняли русский флаг. Последние отказались это сделать. Тогда, по приказанию Сальского, кто-то из его окружения сорвал флаг и бросил его под ноги коня Сальского, который начал его топтать. Толпа «озверела, а добровольцы дали залп в воздух. Петлюровцы бежали „быстрее лани“ и сконцентрировались

213. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 793. Л. 80.

214. Михайловский Г. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 143.

215. Паустовский К. Повесть о жизни. Т. 3. М., 1992. С. 487.

216. Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920-е годы. Монреаль, 1990. С. 116.

у вокзала», — вспоминал В. В. Шульгин²¹⁷. Надо сказать, петлюровцы ожидали, что Деникин воспримет захват Киева украинскими частями как факт и не предпримет никаких акций против петлюровцев²¹⁸. Парад не состоялся, а инцидент произвел на добровольческое командование неприятное впечатление. Конфликт между галичанами и добровольцами был урегулирован на следующий день. Делегацию петлюровского правительства генерал фон Бредов не принял. Через адъютантов деникинский генерал приказал передать, что «генерал Бредов ни с какими петлюровцами в переговоры вступать не хочет, а если они, петлюровцы, хотят биться с большевиками, то пускай вступают под команду ген. Бредова и больше ничего»²¹⁹. Под угрозой применения оружия петлюровцы вынуждены были дать согласие уйти из города²²⁰. Наутро по городу был расклеен приказ генерала Бредова о том, что «отныне и навсегда Киев возвращается в состав единой и неделимой России»²²¹. Командующий Добровольческой армией генерал В. З. Май-Маевский в интервью журналисту газеты «Киевская жизнь» сказал следующее: «Что касается до наших отношений с Петлюрой, [...] то они таковы: Петлюра или станет на платформу Единой Неделимой России, с широкой территориальной самобытностью, или ему придется с нами драться, чего, однако, войска его совершенно не желают. Глубоких корней в массах идея Петлюры не имеет и обречена на гибель»²²².

Попытка достигнуть соглашения между враждующими сторонами все-таки была предпринята. 31 августа 1919 состоялись переговоры между представителем добровольческого командования генералом Непениным и петлюровцами, делегацию которых возглавлял генерал Омелянович-Павленко. На переговорах генерал Непенин, в частности, заявил: «Добровольческая армия идет под лозунгом реставрации Единой Неделимой России в границах довоенного времени, с существенной вставкой о широкой автономии окраин, и что переговоры возможны будут только в том случае, если украинское правительство присоединится к этому лозунгу. Украинская армия (...) может быть либо нейтральной, либо враждебной нам, и в первом случае она должна признать верховное командование над собой генерала Деникина»²²³.

217. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 125–126.

218. Винниченко В. К. Видродження нації: (Історія укр. Революції, marec 1917 p. — грудень 1919 p.). К., 1990. Ч. III. С. 446–447.

219. Винниченко В. К. Указ. соч. Ч. 3. С. 452.

220. Петлюровцы и добровольцы (Эпизод из антибольшевистской борьбы) // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. Вып. 8. С. 232.

221. Паустовский К. Указ. соч. С. 488.

222. Беседа с командующим армией // Киевская жизнь. 1919. 29 августа.

223. Петлюровцы и добровольцы... С. 232–233.

Как видим, деникинцы пытались вести переговоры с позиции силы. Сам Деникин считал союз с Петлюрой позорным и недопустимым²²⁴. Петлюровцы, уклоняясь от ответа на поставленный вопрос, предлагали сначала заключить соглашение о демаркационной линии и о перспективах совместной борьбы с большевиками²²⁵. После непродолжительного обсуждения выяснилось, что обе стороны не готовы продолжать переговоры, так как петлюровцы не могут пойти на признание «основного лозунга Добровольческой армии»²²⁶. Вместо переговоров между обеими армиями открылись враждебные действия. Петлюровцы отправили в адрес Парижской мирной конференции телеграмму, в которой обвиняли Деникина в том, что он занимается «уничтожением украинской национальности»²²⁷.

Был ли возможен союз с Петлюрой? Нам представляется, что подобный союз был невозможен, так как лозунги каждой из армий были взаимоисключающими. Однако белым удалось расколоть украинцев: соглашение с галичанами все-таки было подписано 4 ноября 1919. В соглашении подчеркивалось, что «Галицийская армия в полном составе (...) переходит на сторону Русской Добровольческой армии». Впрочем, пункт шестой соглашения гласил, что «Галицийская армия не будет направлена для борьбы с петлюровской армией, действующей на фронте»²²⁸, однако, даже несмотря на это, союз с галичанами был выгоден для деникинцев. Так С. В. Петлюра не мог не признать того, что «переход Галицийской армии на сторону Деникина поставил нашу армию в необычайно тяжелое стратегическое и материальное положение»²²⁹. Соглашение не было продолжительным. Уже в начале 1920 галичане перешли на сторону большевиков. Вскоре части бывшей галицийской армии были разоружены.

Курс Добровольческой армии по отношению к украинскому вопросу был сформулирован в обращении А. И. Деникина «к населению Малороссии» (составленном В. В. Шульгиным)²³⁰, которое известный Б. Ефимов охарактеризовал как «напыщенно-угрожающее»²³¹. В «Обращении», в частности, объявлялось, что «в основу устройства областей Юга России и будет положено начало само-

224. Ваврик В. Р. Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. Львов, 1923. С. 25.

225. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 124; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 674.

226. Петлюровцы и добровольцы... С. 234.

227. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 191.

228. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 99. Л. 32.

229. Петлюра С. Статті. К., 1993. С. 191.

230. Шульгин В. В отпуску // Новое время. Белград. 1924. 5 августа.

231. Ефимов Б. Мой век. М., 1998. С. 39.

управления и децентрализации при непременном уважении к жизненным особенностям местного быта. Объявляя государственным языком на всем пространстве России язык русский, считаю совершенно недопустимым и запрещаю преследование малорусского народного языка. Каждый может говорить в местных учреждениях: земствах, присутственных местах и в суде — по-малорусски. Частные школы, содержимые на частные средства, могут вести преподавание на каком угодно языке. В казенных школах, если найдутся желающие, могут быть учреждены уроки малорусского народного языка в его классических образцах. В первые годы обучения в начальной школе может быть допущено употребление малорусского народного языка для облегчения учащимся первых начатков знания. Равным образом не будет никаких ограничений в отношении малорусского языка в печати». Также в «Обращении» говорилось о немецком происхождении «украинства»²³².

Представители добровольческой администрации находили «Обращение» чрезвычайно удачным и по форме, и по содержанию. Так, например, член Особого Совещания В. А. Степанов в беседе с корреспондентом одной из белых газет утверждал, что «„украинский вопрос“ совершенно исчерпывается декларацией генерала А. И. Деникина»²³³.

Между тем, симпатии населения к добровольцам стали исчезать. Необходимо сказать, что в самостийной прессе белые фигурировали не иначе как черносотенцы. Подчеркивалось, что говорить с добровольцами можно будет лишь тогда, когда белые поймут, что разговаривают с представителями суверенного государства²³⁴. Одна из украинских газет писала: «Украина является искупительной жертвой для России (...) За грехи России Украина расплачивается своим добром и своей кровью. Триста лет мы были связаны проклятыми узами (...) Нам необходима самостийная независимая Украинская Народная Республика»²³⁵. В другой статье «Народня воля» утверждала, что «Деникин пошел на нас походом, чтобы восстановить старый порядок, вернуть панам землю (...) Селяне увидели, что деникинская власть не только не лучше московских коммунистов, а хуже, т. к. такого грабежа, такого насилия, какое

232. Населению Малороссии // Киевлянин. 1919. 21 августа.

233. Положение России. (Беседа с членом Особого Совещания В. А. Степановым) // Родина. Харьков. 1919. 1 октября.

234. За серп чи за рушницю // Селяньска громада. Кам'янець на Поділля. 1919. 20 июня; В царстві чорної сотні // Там же. 1919. 31 серпня; Юрківський І. Панська деникинщина чи вільна народня Україна? // Там же. 1919. 21 вересня; Реакція // Стрілецька думка. Кам'янець на Поділля. 1919. 7 серпня; Федерация // Там же. 1919. 8 серпня; Трудова громада. Кам'янець на Поділля. 1919. 9 вересня.

235. Самостійність України і Росія // Український козак. 1919. 23 серпня.

делают добровольцы, еще никто никогда не видел. Селянство с нетерпением ждет прихода украинской власти»²³⁶.

В момент вступления добровольцев в Киев там проживало не менее 2000 агитаторов-украинцев разных толков: самостийники, незалежные и федералисты. Вся эта масса, начиная с сентября, когда ясно определилось отношение белых к украинскому вопросу, устремилась из города в деревню, где повела свою агитацию. Констатируя «сплоченность» и «фанатизм» украинцев-агитаторов, неизвестный автор отмечал, что этот фанатизм в немалой степени объясняется значительными субсидиями, которые агитаторы получают за свою работу²³⁷. Как следствие, деревня целиком находилась под воздействием агитации Петлюры²³⁸, имя которого, судя по всему, достигло у селян огромной популярности²³⁹.

Несомненно, что петлюровская агитация захватывала и часть офицеров и солдат Добровольческой армии. В архиве сохранилась телеграмма генерала М. Н. Промтова, просившего присылать ему пополнение лишь из офицеров — уроженцев Великороссии, так как офицеры — уроженцы Украины подвержены петлюровской агитации²⁴⁰. «Среди мобилизованных офицеров значительный процент ярых самостийников», — докладывал своему начальству Промтов²⁴¹. Получалось, что деникинцы со всех сторон были окружены недоброжелателями. Впрочем, для белых всегда было очевидно, что «Украина будет всегда для нас в лучшем случае враждебно-нейтральна», — как это подчеркивал в своем докладе генерал Д. В. Филатьев²⁴².

Особое внимание, конечно, в политике белых на Украине занимала русификация и, соответственно, деукраинизация края. Общее внимание привлек в этом отношении приказ генерала В. З. Май-Маевского, в котором отменялась украинизация государственного образования, но сохранялись частные украинские школы²⁴³. Приказ вызвал шквал критики в петлюровской печати²⁴⁴.

236. Треба боротись // Народня воля. 1919. 29 жовтня.

237. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 235–236.

238. Там же. Л. 242.

239. Українське слово. 1919. 3 серпня.

240. РГВА. Ф. 39666. Оп. 1. Д. 37. Л. 8–10.

241. Там же. Л. 22.

242. ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 258. Л. 33.

243. Об учебных заведениях с преподаванием малорусского языка // Киевская жизнь. 1919. 29 августа; Цветков В. Ж. Правда и вымысел в истории белого движения: генерал В. З. Май-Маевский — командующий Добровольческой армией (май-ноябрь 1919 г.) // Белое движение на Юге России: (1917–1920 гг.): неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995. С. 52.

244. Україна й сусіди // Стрілець. Кам'янець на Поділля. 1919. 7 вересня; Селяньска громада. 1919. 25 серпня; Насувається царство тьми // Український козак. 1919. 19 вересня.

В сводке о политическом положении в Киевской области добровольческий аналитик отмечал, что «агитация украинцев рассчитана на то, чтобы воспитать новое поколение в Малороссии в духе созданной и поддерживаемой на немецкие деньги особой украинской культуры (...) В Киеве учреждены три украинские гимназии, правда с ничтожным числом учащихся, но очень хорошо субсидируемые. Несколько таких гимназий имеются и в провинции. Украинский язык до последнего времени был признан обязательным в начальных школах наряду с русским, а в некоторых местах учителя украинцы преподавание русского языка прекратили вообще. Местными властями принимаются все меры к тому, чтобы сделать преподавание малорусского языка необязательным не только на бумаге, но и на деле и очистить школы от засевавших в них учителей-агитаторов. Если допущение в начальных школах малорусского языка как подсобного, в виду того, что местное население якобы плохо понимает литературный русский язык, может иметь известные основания, то создание наряду с русскими украинских гимназий, а особенно университета и академии, в которых разрабатывается и прививается населению какое-то чужое наречие для политических целей, с точки зрения культурно-просветительской — бесполезно, а национальной чрезвычайно вредно»²⁴⁵. Анонимный автор аналитической записки соглашался лишь на открытие при Киевском университете кафедры малорусской литературы и истории «с научными при них семинарами. Точно также следовало бы закрыть и украинские гимназии, разрешая новые лишь в том случае, когда в них будет известное, достаточно солидное количество учащихся. Иначе через несколько лет, — пророчествовал автор, — область обратится в самостоятельную Украину, когда подрастет новое поколение, обученное в „частных“ украинских школах и университетах, и добытое кровью национальное единство будет утеряно путем уступчивой половинчатой политики в деле народного образования». Белые любым путем должны предотвращать употребление слова «Украина» как в печати, так и в частном разговоре²⁴⁶.

Особую роль в осуществлении национальной политики южно-русского Белого движения в украинском вопросе сыграл редактор газеты «Киевлянин» Василий Витальевич Шульгин.

В. В. Шульгин родился и вырос в Киеве. «В более развернутом понимании „мой“ дом — это город Киев; а в еще более широком, „мой“ дом — это моя родина, Русь — Россия. Вся Россия мыслится и ощущается мной, как колония „матери городов русских“», — писал Василий Витальевич²⁴⁷. В. В. Шульгин любил свой родной край,

245. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 234–235.

246. Там же. Л. 235.

247. Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 59.

был, по характеристике его ближайшего сотрудника, «фанатичным малороссиянином»²⁴⁸, но само понятие «Украина» оставалось для него искусственным, привнесенным извне. В. В. Шульгин писал: «Термины Украина, украинцы, украинский язык, украинская держава имеют одно назначение, — вытравить в умах местного населения сознание, что этот край русский, что жители его — самые русские из всех русских, что языком развитой части населения его является общерусская речь, в то время как деревня наша пользуется малороссийским просторечием, точно также, как деревня Великороссии пользуется великорусским просторечием. Но мы природные жители этого края, дорожим своей принадлежностью к единому русскому народу, которому, несмотря на все выпавшие на его долю испытания, предстоит еще великая будущность, мы, сыны великого народа, не хотим отрекаться от славного национального имени наших предков, за которое они столько боролись, не можем перевертываться в каких-то украинцев без роду и племени: русскими родились, русскими и останемся»²⁴⁹. Настоящее имя украинцев, по мнению ближайшего соратника В. В. Шульгина А. И. Савенко, — малороссы, т. е. русские Малой Руси²⁵⁰. Об этом же говорил В. В. Шульгин в своем выступлении на Государственном Совещании в Москве, призывая не объединять понятия «украинцы» и «малороссы», ибо «малороссы», по утверждению Шульгина, как и 300 лет назад, продолжают ориентироваться на Москву²⁵¹. Основные принципы шульгинского подхода к «украинской» проблеме были следующие: «отдельного украинского народа не существует; народ, населяющий южные губернии, всегда называл себя русским и должен и впредь так называться»²⁵², а Украина — это «самая русская земля из всех русских земель»²⁵³. Воссоединение Украины и России, «аншлюсс», по словам Шульгина, явилось началом русской государственности²⁵⁴. Отрицая существование особого украинского народа, равно как и существование какой-то са-

248. Ефимовский Е. В русском Киеве в 1918 году // Возрождение. Литературно-политические тетради. Тетрадь семьдесят восьмая. Париж. Июнь 1958 года. С. 133.

249. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

250. Савенко А. И. Наше национальное имя // Малая Русь. Выпуск первый. Киев, 1918. С. 31.

251. Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 110.

252. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 134.

253. Там же. Л. 136.

254. Шульгин В. В. Аншлюсс и мы. Белград, 1938. С. 1; ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 141; Шульгин В. Селянам // Киевлянин. 1919. 25 августа. «север и юг в раздельности слишком слабы для тех задач, которые перед ними поставила история. И только вместе, идя рука об руку, северяне и южане смогут вспомнить общее мировое предназначение». (Шульгин В. В. Украинствующие и мы! Белград, 1939. С. 26.)

мостоятельной от России истории «Украинской державы», Шульгин апеллировал к тому, что «никогда, ни в какую эпоху украинская держава не существовала. Земли, которые ныне зачисляются во вновь сфабрикованную украинскую державу, всегда и неизменно считали себя русскими, причем в более древний период назывались просто Русью, а в позднейший — Малою Русью»²⁵⁵. «Украинцев» В. В. Шульгин рассматривал как своеобразную политическую секту, представители которой являются, по его определению, «злейшими врагами русского народа»²⁵⁶. Раздражало Василия Витальевича и то, что «украинцы», по терминологии Шульгина — «русские, живущие на Украине», «рассудку вопреки и наперекор стихиям, стремятся доказать, что они не русские и никогда ими не были»²⁵⁷. Шульгин писал: «Если есть вообще на свете русское племя, то основная его часть, его ядро, это — то население, которое группировалось вокруг Киева, как своего центра»²⁵⁸. Именно поэтому житель Малороссии, называющий себя украинцем, таким образом «отрывается от батькивщины, от дедов и прадедов, изменяет свою национальность»²⁵⁹. По Шульгину, «украинец» не может быть национальностью, так как «Украина» — это любая приграничная территория, окраина государства²⁶⁰. Следовательно, отличия малороссов от великороссов проявляются только в форме простонародного говора, а также в ряде региональных особенностей²⁶¹. Итак, малороссы и великороссы являются, по Шульгину, частью единого русского племени. Как следствие, признание самого факта существования отдельной украинской нации невозможно, ибо «если существует 35 миллионов украинцев, то все остальное, в том числе „украинская держава“ приложится»²⁶². Даже употребление термина «Украина» применительно к Малороссии недопустимо, поскольку, согласно В. В. Шульгину, является косвенным подспорьем в политической игре «украинцев»²⁶³. Иронизируя над украинским движением, Шульгин писал: «Наше собственное невежество доходило и доходит до того, что Москву почитают „исконно русским краем“, а Киев — „столицей Украины“»²⁶⁴. «Пере-

255. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

256. Шульгин В. Протекторат // Россия. Одесса. 1919. 19 января.

257. Шульгин В. В. «Малая Русь» // Малая Русь. Выпуск первый. Киев, 1918. С. 4.

258. Шульгин В. Великая правда и великая ложь // Русская мысль. Париж, 1927. Кн. 1. С. 77.

259. Шульгин В. В. 1917–1919 / Предисловие и публикация Р. Г. Красюкова; Комментарий Б. И. Колоницкого // Лица: Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 162.

260. Там же. С. 151.

261. Шульгин В. Великая правда и великая ложь... С. 72–73.

262. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 136.

263. Шульгин В. В. Аншлусс и мы... С. 5.

264. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

станьте называть древнюю Киевскую Русь — Украиной», — писал В. В. Шульгин²⁶⁵. Точно также он отрицал наличие особого украинского языка, признавая только факт существования простонародного говора. Украинского же литературного языка попросту не существует²⁶⁶. Для населения Малороссии единственно приемлемой государственностью во все времена была государственность русская, «ибо она была ему родная»²⁶⁷. Украинская же государственность оказалась нежизнеспособной в силу того, что «для украинской державы нужен украинский народ, которого не оказалось в наличности. Территория, на которую претендовала украинская держава, от века занята народом русским и по этой простой причине никакой иной, кроме русской, державы здесь не удержится»²⁶⁸. Крестьяне, называющие себя украинцами, попали под воздействие пропаганды, утверждавшей, что землю получают только украинцы. Следовательно, «хохлы», как называл их Шульгин, записались в «украинцы», «Бо земля наша!», — иронизировал В. В. Шульгин²⁶⁹. Однако, помимо борьбы с «украинством» в прессе, существовала и вполне реальная борьба В. В. Шульгина и его сторонников в области политической.

В годы Гражданской войны вокруг В. В. Шульгина образовалась группа единомышленников, получившая в литературе наименование «группа В. В. Шульгина» или «киевлянинская группа». Деятельность группы затрагивала многие направления, к числу важнейших из них относилась и борьба с «украинством». Техническим аппаратом группы являлась тайная контрразведывательная организация «Азбука», поставленная на службу Добровольческой армии²⁷⁰.

Сторонники В. В. Шульгина понимали, что «Москве без Киева не быть Россией, а только Московией, а Киеву без Москвы не быть Русью, а всего лишь продолжением Австрии. Борьба между этими двумя направлениями и составляла всю сущность вопроса о том, как называть край, Украиной или Малороссией, а народ, его населяющий, „украинским“ или „малорусским“. Под этими казались бы „словами“, таилась пропасть, отделявшая две ориентации, — на Москву и на Вену (вернее на Берлин)», — характери-

265. Шульгин В. Да или нет // Русская газета. Париж. 1925. 7–8 января.

266. Он же. «Украинский язык» // Киевлянин. 1917. 16 апреля; Передовая В. Шульгина // Там же. 1917. 18 апреля; Шульгин В. Русский язык // Русская газета. Париж. 1925. 13 января; Он же. Акт вежливости // Новое время. Белград. 1924. 10 февраля; Шульгин В. Великая правда и великая ложь... С. 78.

267. Он же. Местные особенности // Великая Россия. Ростов-на-Дону. 1919. 21 сентября.

268. Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1919. 17 ноября.

269. Шульгин В. Земля // Киевлянин. 1919. 24 сентября.

270. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 462.

зовал деятельность группы сам Шульгин²⁷¹. В. В. Шульгин и сотрудники «Киевлянина» проводили строгое разграничение между «здоровым местным патриотизмом» и так называемым «мазепинством». Сепаратистов Шульгин окрестил «мазепинцами», им противопоставлялись соответственно «богдановцы», то есть последователи Богдана Хмельницкого и его политики в отношении России. По убеждению Шульгина, «к богдановцам (...) примыкало большинство населения города Киева»²⁷². В. В. Шульгин писал: «Украинское движение, несмотря на военную и материальную поддержку из-за границы, не захватило ни культурного класса, ни низов южнорусского народа, и лучшее доказательство этому — Киев, который украинцы называют „столицей украинской державы“»²⁷³.

Идея о немецком происхождении украинского движения была центральной в аргументации Шульгина. Он был убежден, что, потеряв надежду на военную победу над Россией, немцы решили расчленить ее, отделив от нее весь юг²⁷⁴. Для этого Германия поддерживала независимую Украину, стравливая русских и украинцев²⁷⁵. В статьях Шульгина доказывалось, например, что «украинцев» в течение нескольких лет подготавливали в специальных лагерях в Германии, «внушая им украинский патриотизм и любовь к Германии»²⁷⁶. В газетной кампании, проводившейся «Киевлянином» против «украинцев», высмеивалась тяга «украинцев» к «высокой руке» германского императора²⁷⁷. Большевики же, являясь, по мнению В. В. Шульгина, немецкими агентами, «просто исполняли соответствующий акт инсценировки: немцы обещали им оставить их в Москве, если они не будут мешать созданию „Украины“»²⁷⁸. «Украинцев» В. В. Шульгин и его соратники отождествляли

271. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 128.

272. Там же. Л. 128.

273. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 41. Л. 4. На выборах в Украинское Учредительное Собрание представителем в «учредилку» от Киева был избран В. В. Шульгин, а возглавляемый им Внепартийный блок русских избирателей регулярно набирал больше голосов, чем все украинские партии, вместе взятые.

274. Там же. Л. 5.

275. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 25 а. Л. 1.

276. Шульгин В. Что делают и что говорят // Россия. Екатеринодар. 1918. 7 сентября.

277. Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1918. 5 января; Он же. Крики отчаяния // Там же. 1918. 6 января; Передовая В. Шульгина // Там же. 1918. 10 января; Он же. Последняя статья «Киевлянина» // 1918. 10 марта. «На Брестской бумаге писалась „независимая“ Украина. На самом деле никакой независимости Украина не получила, а просто была отдана немцам, которые немедленно ее и оккупировали. Позор «похабного мира»...мы не вынесли. И возмущение этим деянием стало главной причиной гражданской войны». (Шульгин В. В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997. № 11. С. 143.)

278. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 25 а. Л. 1.

с большевиками, рассматривая и тех и других как порождение вредоносной германской пропаганды. «Украинцы и большевики суть не более как продолжение немецких армий. Эти вспомогательные отряды германизма продолжают бороться и после того, как главные силы сдались», — утверждал Василий Витальевич²⁷⁹. Поэтому Шульгину в течение всей Гражданской войны союз с «украинцами» представлялся абсолютно недопустимым по соображениям прежде всего морального характера.

«Украина», «украинское движение» рассматривались В. В. Шульгиным как грандиозная мистификация, имеющая своей целью обессилить Россию, отколов от нее весь юг²⁸⁰. Поэтому борьба с украинским сепаратизмом велась им и его группой исключительно серьезно и являлась в 1918–1919, вероятно, главным направлением их политической деятельности. В чем заключалась программа В. В. Шульгина в украинском вопросе? В качестве центрального лозунга программы по возрождению Малороссии предлагался «лозунг борьбы с изменническим украинством»²⁸¹. В письме к председателю Особого Совещания А. М. Драгомирову, датированным осенью 1918, Шульгин писал: «Украинское правительство, явившееся на самом деле только послушным орудием в руках немцев, будет низложено. Его место займет временная военная русская власть, которая оккупирует страну с помощью союзников до тех пор, пока не будет создано новое государственное управление. В правительственных учреждениях восстанавливается русский язык, как язык государственный. Однако не возбраняется обращаться в правительственных учреждениях на малороссийском просторечии, если находятся лица, не владеющие русской книжной речью. Малороссийским просторечием не возбраняется также пользоваться в государственных земских учреждениях лицам, которые этого пожелают. Официальным выражением эмблемы русского государства является трехцветный флаг. Желто-голубое знамя, пожалованное Галиции императором Францем Иосифом, отменяется. Печать свободна издаваться на каком угодно языке. Но официальная печать будет выходить на русском языке. На русском же языке будет происходить и преподавание в университетах, в гимназиях

279. Шульгин В. Вермишель // Россия. Одесса. 1919. 13 января. В своей статье в екатеринодарской газете «Россия» Шульгин писал об «украинцах»: «на наших глазах эти люди, сошедшие с пути чести и долга, падают со ступеньки на ступеньку, неуклонно, неумолимо готовя себе судьбу Мазепы». (Шульгин В. Коготок увяз, всей птичке пропасть // Россия. Екатеринодар. 1918. 16 сентября.)

280. «Все украинские затеи, под каким бы соусом они не преподносились, хотя бы даже в виде федерации или автономии, суть не более как замаскированный способ нанести России такой удар, от которого она не оправилась бы» (Шульгин В. Областные автономии // Россия. Одесса. 1919. 16 января.)

281. РГВА. Ф. 40236. Оп. 1. Д. 4. Л. 77.

и школах, при чем, однако, в начальной школе учителям не запрещается пользоваться малороссийским просторечием при объяснениях. Частная школа свободна, преподавание может происходить на каком угодно языке. Что же касается гражданского управления, то таковое будет временно отправляться через генерал-губернаторов, подведомственных высшему военному начальству. По установлению в Российской державе порядка и всероссийских законодательных учреждений, будет рассмотрен вопрос об автономии областей южной России, оккупированных немцами под видом создания Украинской державы»²⁸². В духе предложений Шульгина и было составлено подписанное Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России генералом А. И. Деникиным обращение «К населению Малороссии», опубликованное во всех без исключения газетах белого Юга.

Шульгин и его сторонники играли ведущую роль в претворении в жизнь национальной политики в области украинского вопроса. Украинская газета с горечью замечала: «Деникин при помощи Шульгина (...) уничтожил украинские школы, украинские суды, законы, все, все»²⁸³. «Киевлянином» и «Внепартийным русским блоком» Шульгина активно велась пропагандистская работа на территории губернии. В этом немало способствовало осуществленное по протекции В. В. Шульгина назначение начальником Киевского бюро отдела пропаганды А. И. Савенко, «назначение, наделавшее много шума и спорное с многих точек зрения», — как вспоминал известный К. Н. Соколов²⁸⁴.

Секретная сводка Политической канцелярии, составленная в октябре 1919, так характеризовала деятельность В. В. Шульгина и его сторонников: «Руководящая роль в Киевской области принадлежит Внепартийному русскому блоку В. В. Шульгина, который, кроме того, является в области правительственной партией. Главным его достоинством является определенная и твердая линия поведения и защита, не взирая ни на что, *русского национализма* [выделено мной. — Авт.] и русских культурных и политических ценностей, что единственно может спасти русскую культуру в крае, обуреваемом самостийностью и насчитывающем большой процент иногороднего населения»²⁸⁵. Да, несомненно, что деятельность Внепартийного русского блока Шульгина во многом определяла «украинскую политику» добровольческой администрации на Украине. Во немалой мере это объяснялось и личными связями Шульгина, в частности, его близостью с А. М. Драгомировым, А. С. Лукомским и другими виднейшими белыми военачальниками,

282. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 14. Л. 29.

283. Селяньска думка. Бердичів. 1919. 10 вересня.

284. Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. София, 1921. С. 174.

285. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 222–223.

но нельзя также игнорировать тот факт, что, по-видимому, линия «Киевлянина», как называл ее сам Шульгин, была близка по духу большей части национально ориентированной киевской общест-венности.

Все же стремление русифицировать край не могло, конечно, быть воспринято однозначно. Перегибы, несомненно, происходи-ли. Вероятно, в значительной степени это было связано с лично-стью А. И. Савенко, получившего в сентябре-ноябре 1919 реальную власть в Киеве. За недолгое время своего пребывания в должно-сти он сумел снискать себе дурную репутацию, а его имя в опре-деленных кругах стало одиозным. По-видимому, его русифика-торская политика отличалась односторонностью. Современники, очевидно, отождествляли украинскую политику белой админист-рации в Киеве с деятельностью Шульгина и Савенко. Одна из пет-люровских газет писала: «Нетрудно догадаться, что ничего дру-гого, кроме уничтожения и разрушения украинской культуры не может исходить для украинского народа от добровольческих по-литиков типа Шульгина и Савенко»²⁸⁶. «В Киеве не Русью пахнет, а Шульгиным и Савенко, да так, что не выдерживают и российские носы», — прибавляла та же газета в другой своей заметке²⁸⁷. Однако так отзывались о деятельности А. И. Савенко не только противни-ки деникинской власти. Друг и единомышленник В. В. Шульгина А. М. Драгомиров в письме к А. И. Деникину от 20 октября 1919 ха-рактеризовал деятельность Внепартийного русского блока следую-щим образом: «Одностороннее и временами, я сказал бы, „тупое“ требование совершенно игнорировать какие бы то ни было особен-ности малорусского края. Не переносят самого слова „украинцы“ и, чтобы вырвать его с корнем, требуют самой решительной борьбы, до насильственного перекрашивания магазинных вывесок включи-тельно. Шульгин сам еще терпим и умерен, но Савенко — это ка-кой-то ограниченный фанатик идеи, который не способен понять никакой иной точки зрения, кроме своей. В пропаганде он не дает того организаторского таланта, которого от него ожидали. Терплю его только потому, что все левые усиленно требуют его ухода и та-кая уступка только окрылила бы их на дальнейшую борьбу. Газе-та „Киевлянин“ — самая распространенная»²⁸⁸. Так или иначе, но, по выражению А. И. Деникина, блок Шульгина отличался в укра-инском вопросе «особой непримиримостью», которую, по-видимо-му, генерал расценивал как ошибку²⁸⁹. Советские историки писали о том, что «черносотенец» Шульгин и «мракобес» Савенко «злоб-

286. Денікинські вандали // Україна. 1919. 7 жовтня.

287. Київ // Там же.

288. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 270.

289. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 531.

но издевались над всем украинским»²⁹⁰. Ошибочность такой тактики стала для добровольческого командования очевидной. В ноябре 1919 А. И. Савенко был отправлен в отставку²⁹¹. Его отставка нанесла серьезный удар по деятельности «Внепартийного русского блока» В. В. Шульгина, агитационная деятельность которого резко была свернута, поскольку ранее пропаганда идей блока шла за счет агитационных ресурсов отдела пропаганды. Помогала в ведении пропаганды и находившаяся в непосредственном распоряжении блока «Азбука». Ввиду создавшегося положения блок решил временно устраниваться от прямого участия в общественно-политической жизни Киева²⁹². Вскоре после этого белые вынуждены были оставить Киев.

В. В. Шульгин был убежден, что «братский союз всех трех его [русского народа. — Авт.] племен невозможно будет прочно установить, не дав должного исхода местному патриотизму»²⁹³. Он утверждал, что «с украинством нужно бороться „по-малороссийски“»²⁹⁴. Означало это следующее.

Составленная еще в 1917 программа клуба прогрессивных русских националистов в Киеве, в котором состояли В. В. Шульгин, А. И. Савенко и другие члены группы Шульгина, предусматривала сочетание принципов «необходимой децентрализации и удовлетворения местных особенностей с сохранением достаточной и крепкой связи между различными частями государства». Подчеркивалось, что «малороссы, как и великороссы и белоруссы, являются ветвью единого русского народа». «Украинцам» должна принадлежать широкая свобода культурно-национального самоопределения, но при условии недопущения никаких проявлений насильственной украинизации «тех малороссов, которые считают себя русскими, а равно незыблемого сохранения за русским языком значения языка государственного, причем преподавание в школах Малороссии на „украинском“ языке допустимо только при условии согласия на это родителей учащихся»²⁹⁵. Схожие взгляды В. В. Шульгин и А. И. Савенко высказывали в годы Гражданской войны. Так, например, во время своего пребывания в Одессе в качестве политического советника генерала А. Н. Гришина-Алмазова в 1918–1919, В. В. Шульгин, несмотря на возражения одесского диктатора, настаивал на введении в одесских школах в качестве факультативного предмета уроков «малорусского просторечия» вместо «изменниче-

290. Кин Д. Деникинщина на Украине. [Киев], 1927. С. 16.

291. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 531.

292. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 294.

293. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 133–134.

294. Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 205.

295. Программа декларации клуба прогрессивных русских националистов // Киевлянин. 1917. 6 мая.

ской мовы», «краеведения» вместо «украиноведения»²⁹⁶. Как и предполагал В. В. Шульгин, факультативные уроки гимназисты пропускали, предпочитая «играть в мяч». Во II Одесской гимназии уроки «малорусского просторечия» посещали лишь два гимназиста — сыновья В. В. Шульгина²⁹⁷. Та же тактика преподавания «краеведения» проводилась в жизнь во время пребывания белых в Киеве в августе-декабре 1919²⁹⁸.

«Что же касается „Киевлянина“, — вспоминал Василий Витальевич, — то он в украинском вопросе продолжал свой обычный курс: мы старались выделить то, что было в украинском движении естественным и даже полезным, т. е. семена здорового местного патриотизма, и провести резкую грань между этим местным патриотизмом и совершенно иноместным предательством, которым было запятнано так называемое „мазепинство“ (...) Деникин всецело склонился на сторону богдановцев, а богдановцы целиком поддержали Деникина. Но мы вовсе не хотели, чтобы союз с Москвой обозначал ущемление и принижение южнорусской психики. Поэтому и в Киеве, как и в свое время в Одессе, мы выступили за сохранение в школах малорусского языка для желающих и за сохранение уроков краеведения, т. е. усиленного изучения местной истории и вообще своего родного края». Деникин, — продолжал В. В. Шульгин, — «именно был человек золотой середины. Но, может быть, именно поэтому в идеологии Белого движения не было того напора, того энтузиазма, того своеобразного вдохновения, которое было у большевиков. Это происходило потому, что на большевизм слева русской стихии хотелось ответить большевизмом справа. Деникин от этого удерживал, его иногда слушались, иногда нет. Но когда слушались, тогда делались какими-то вялыми. Некоторое вдохновение „золотой серединой“ в украинском вопросе было у тесной „Киевлянинской“ группы. Мы действительно верили в свое дело. Если защищали „краеведение“, так это потому, что под этим сереньким незначительным словом для нас таился наш край, яркий и сочный, как плахта под солнцем»²⁹⁹.

Именно В. В. Шульгин и его политические единомышленники явились, пожалуй, главными проводниками национальной политики белых на Украине. А белые, как и вся российская интеллигенция, по мнению В. В. Шульгина, были еще очень далеки от того, «чтобы дорасти до уровня понимания „малороссийского провинциализма“»³⁰⁰. Это — «одна из причин, конечно, только одна из, по-

296. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 23–25.

297. Там же. Л. 25.

298. Савенко А. Заметки // Киевлянин. 1919. 22 сентября.

299. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 128, 131.

300. Там же. Л. 131.

чему Белое движение не было понято хохлацким народом. Наше офицерство, конечно, происходило главным образом из южных губерний. Но оно утратило живую связь с деревней. Не порвали ее главным образом те офицеры, которые, так сказать, еще не утратили своего провинциально клейма: главным образом это были сыновья батюшек, а частью народные учителя. Это был бы, конечно, наилучший элемент для связи с деревней. Именно эти офицеры и были теми атаманами, которые поднимали бесконечные восстания. Но именно это офицерство не чувствовало себя достаточно хорошо, так сказать, в белогвардейской среде. Я этим не хочу сказать ничего другого, как только следующее: украинцы, при всех их благополучностях и мерзостях, умели лучше и быстрее пойти к деревне, и в особенности к деревенской интеллигенции, потому, что в иных случаях, они умели поиграть на живых струнках. И вот эти невесомые способы воздействия мы как будто совершенно отвергли. Меж тем, что мы, собственно говоря, делали? Ведь мы делали дело Богдана Хмельницкого. Мы поднимали „весь русский народ“, чтобы выбить его из-под тяжелой неволи. Как известно, Хмельницкому действительно удалось поднять „весь народ“. А нам не удавалось. Почему?», — спрашивал читателя В. В. Шульгин и тут же давал ответ: «Кость-то у нас [белых. — Авт.] была русская или малорусская, южнорусская, но ... интеллигентским мясом обросла. И потому в эпоху, когда нужно было поднять весь этот малорусский народ, сорокамиллионную громаду, сочувствовавшую нам во всем основном (они ненавидели коммунистов, как и мы, хотели „доброго и настоящего порядка“), — мы не смогли ее поднять. И мне думается, что мы не смогли ее поднять немножко и потому, что совершенно не понимали значения „краеведения“»³⁰¹.

Так или иначе, но очевидна линия, которую проводили белые в украинском вопросе: это была линия «Киевлянина» на замену «украиноведения» «краеведением». Украина рассматривалась белыми властями как область в составе России. Проблема была сведена, таким образом, к признанию украинского языка, и то на уровне факультативного предмета. Председатель Подготовительной по национальным делам комиссии кадет В. А. Степанов говорил: «Если есть желающие учиться на малорусском языке, власть не думает ставить этому никаких препятствий. В частной школе преподавание может вестись на каком угодно языке, а в государственной школе преподавание малорусского языка может вестись, если есть желающие его изучать. При наличии желающих говорить по-малороссийски в присутственных местах, им никто не мешает изъясняться по-малороссийски. Малороссийский язык так похож на русский, что его отлично все понимают.

301. Там же. Л. 131–133.

Никто не собирается замазывать и вывесок, написанных на малороссийском языке. Менее всего мы похожи и намерены действовать как петлюровские шовинисты. Вопрос о средней и высшей школе разрешается так же, как и вопрос о низшей школе. Если найдутся частные школы для создания в Киеве малороссийского университета, мы не будем возражать против его открытия. Но в государственной школе преподавание должно вестись на государственном языке»³⁰². То же говорил и главноначальствующий Киевом и Киевской областью генерал А. М. Драгомиров: «Власть не ставит никаких препятствий к преподаванию малорусского языка в школе, но считает необходимым обеспечить права русского языка как государственного, который должен иметь преимущество перед всеми другими языками»³⁰³. В противовес самостоятельным устремлениям был выдвинут уже упомянутый план разделения Украины на обширные самоуправляющиеся области. Территориальная автономия, не связанная с национальным содержанием, должна была ослабить национальный сепаратизм³⁰⁴. В. А. Степанов говорил: «Мы являемся решительными бесповоротными противниками всякого рода федерализма. Но так же решительно, как мы отрицаем возможность федерации, так же решительно мы стоим за создание местных автономий во всех тех местностях, где для этого имеются основания — исторические, национальные или другие (...) Пределы автономии будут установлены в зависимости от условий той или иной местности. Но нигде автономия не может и не должна находиться в противоречии с идеей Единой России»³⁰⁵.

Таковы были основные черты добровольческой политики по украинскому вопросу. Ни о какой национальной дискриминации говорить здесь не приходится. Ее просто не могло быть, так как жители Украины воспринимались как те же русские³⁰⁶. Все же отдельные проявления великорусского шовинизма иногда присутствовали в поведении добровольцев. Так, например, известны случаи замены белыми вывесок на украинском языке на русские; украинские национальные костюмы именовались белыми «азиатскими», а украинский язык галицийским³⁰⁷. Добровольцы сбросили на землю и разбили памятник Т. Г. Шевченко в Кие-

302. Положение России. (Беседа с членом Особого Совещания В. А. Степановым)...

303. Генерал Драгомиров о положении в Юго-Западном крае // Свободная речь. Ростов-на-Дону. 1919. 1 октября.

304. Ушаков А. И., Федюк В. П. Указ. соч. С. 112.

305. Положение России...

306. Ушаков А. И., Федюк В. П. Указ. соч. С. 112.

307. Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). Харьков, 1926. С. 83–85.

ве³⁰⁸, что было решительно осуждено командующим Добровольческой армией генералом В. З. Май-Маевским, отметившим в приказе по армии, что «безобразную выходку эту считаю или провокационной, или хулиганской»³⁰⁹. 118 наименований книг украинских авторов были сожжены³¹⁰. На фронте шли расстрелы украинских агитаторов³¹¹. Но все это были эпизоды, не позволявшие говорить о какой-то системе поведения белых. Нельзя, вторя советским авторам, говорить, что «захватив Украину, деникинцы тотчас стали проводить жестокую великодержавную политику национального угнетения»³¹². Подводя итог белой политике в украинском вопросе, мы находим возможным согласиться с А. И. Деникиным, который писал: «Практически же вопрос этот не имел вовсе такого значения, какое ему придано было впоследствии при учете причин неудачи белого движения на Юге: никакие, самые широчайшие посулы в области культуры не могли привлечь к нашему делу сердца украинских сепаратистов; федералисты были немоцны и почти безгласны»³¹³.

Особое место в политике белых занял так называемый «галицийский вопрос». На западе Украины, в Галиции, преобладали русофильские настроения. Некий А. Ю. Геровский в записке на имя А. М. Драгомирова предлагал идею создания червонорусского отряда во главе с одним «из популярных русских генералов». Червонорусский отряд, по мысли А. Ю. Геровского, должен был явиться «заслоном против волны анархии с запада, которая угрожает Юго-западному краю со стороны разлагающейся Австро-Венгрии и не сложившейся еще Польши»³¹⁴. Отряд должен был формироваться из числа добровольцев. Резолюция Драгомирова была лаконична: «Словесно разъяснить Геровскому несвоевременность такого формирования и отсутствие практической пользы при настоящем международном положении»³¹⁵. В Екатеринодаре инициативная группа, состоявшая из Б. А. Суворина, Н. Н. Львова, В. М. Кашкарова, Г. С. Мальца, А. Ю. Геровского и Б. А. Будиловича организовала Червонорусское общество для пропаганды идеи воссоединения с Россией Червонной Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской) и для содействия всем начинаниям, стремя-

308. Селяньска громада. 1919. 21 вересня; История Гражданской войны в СССР. Т. 4. Решающие победы Красной армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г. — февраль 1920 г.). М., 1959. С. 231.

309. Приказ ген. Май-Маевского // Родина. Харьков. 1919. 31 августа.

310. Денікинські вандали // Україна. 1919. 7 жовтня.

311. Чем гірше, тем краще // Трудова громада. 1919. 4 жовтня.

312. История Гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 231.

313. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 533.

314. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 85. Л. 4.

315. Там же. Л. 3.

щимся к этой цели³¹⁶. В обществе изъявили желание принять участие товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов, генерал Н. И. Иванов и другие известные люди. Общество, прося покровительства у Деникина, указывало на позитивные моменты, могущие возникнуть при воссоединения России с Червонной Русью: Россия будет вознаграждена с избытком за потерю Польши, ее население увеличится на 5 миллионов человек, и т. д.³¹⁷ Резолюция генерала А. И. Деникина гласила: «Вопрос Червонной Руси во всем его объеме подлежит обсуждению на мирной конференции»³¹⁸. Дальнейшее развитие идея, судя по всему, не получила. Впрочем, украинские авторы полагают, что Деникин считал Галичину «исконным русским краем»³¹⁹.

Вступление на территорию Украины поставило на повестку дня и традиционно острый еврейский вопрос, рассмотрение которого в контексте политики белых представляется необходимым. Еще с 1920-х годов в советской исторической литературе утвердилось мнение, что «зоологического типа антисемитизм был официальной идеологией режима Деникина»³²⁰. Действительно, на территории, контролируемой Деникиным, проходили еврейские погромы. Постараемся дать этому объяснения.

Несколько евреев состояло в Добровольческой армии с самого ее возникновения, однако сочувственного отношения в добровольческой среде они не вызывали — для белогвардейца в массе своей между понятиями «еврей» и «революция» стоял знак равенства³²¹. Да и в дальнейшем, несмотря на многократные попытки еврейской молодежи поступить на службу в Добровольческую армию, случаи зачисления евреев в ее ряды были немногочисленны. Характерен в этой связи ответ одного командира добровольческой батареи, просившего не посылать к нему «юнkerов и вольноопределяющихся, фамилии которых оканчиваются на манны и сонны»³²².

Вместе с тем, для еврейского политического бомонда, сочувствующего белогвардейцам, вопрос о призыве в Добровольческую армию был принципиален³²³, так как, во-первых, участие евреев в добровольческом движении дало бы им действительную гарантию безопасности со стороны белых, а во-вторых, отождествлять евреев с большевиками было бы уже неуместно. Предпринима-

316. Там же. Л. 5.

317. Там же.

318. Там же.

319. Винниченко В. К. Указ. соч. Ч. III. С. 464.

320. Кин Д. Я. Деникинщина... С. 244.

321. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 69.

322. Н-ский Л. Из записок еврея-добровольца // Еврейская трибуна. Париж. № 93. С. 4.

323. История Гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 231.

лись определенные попытки к разрешению указанной проблемы. Так, например, известный сионист Д. С. Пасманик, обратив внимание на постоянно циркулирующие в обществе слухи о «еврейских частях» в составе РККА, вызвался хлопотать перед главным командованием о создании еврейской вооруженной дружины из числа евреев, не призванных по тем или иным причинам в ряды Добровольческой Армии. Хлопоты оказались безрезультатными, они натолкнулись на решительный отказ со стороны Главнокомандующего ВСЮР генерала А. И. Деникина³²⁴. Действительно, — рассуждали аналитики Политической канцелярии Особого совещания, — «евреи — гнилостная бацилла армии. Евреи дают одного воина на 999 трусов, дезертиров, симулянтов, агитаторов и пр. (...) Единственное средство — это образование из призванного еврейства особых, исключительно еврейских частей»³²⁵. Евреям надо дать «суровый экзамен на гражданство», — сказано в аналитической записке³²⁶. Однако настроения армии, вероятно, не позволяли евреям находиться в ее рядах.

14 апреля 1919 на имя Драгомирова пришло письмо, подписанное «евреями, желающими поступить добровольцами», в котором Главному командованию Добровольческой армии высказывалась претензия по поводу того, что евреям не предоставляется возможность служить в армии по имеющейся у них специальности³²⁷. Выяснение этого вопроса было поручено И. П. Романовскому. Немногочисленных призывников иудейского вероисповедания в большинстве своем, как правило, не попадавших в мирное время в состав армии (по состоянию здоровья или по другим показателям), предполагали отправлять в специальные части, где они «должны сначала пройти обязательный курс обучения для рядового в запасных батальонах, по окончании которого, если они специалисты, могут быть назначены по специальности, — это общее правило для всех не проходивших в ряды войск», — писал 17 мая 1919 И. П. Романовский А. М. Драгомирову³²⁸. Препровождая к А. М. Драгомирову имеющиеся у него по данному вопросу материалы, И. П. Романовский убедительно просил «ничего по этому поводу не публиковать»³²⁹.

Вопрос о пребывании евреев в Добровольческой армии поднимался и на встречах представителей еврейских общин с Главнокомандующим ВСЮР генералом А. И. Деникиным. 26 июля 1919 в Таганроге состоялась встреча представителей Екатеринослав-

324. Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926. С. 139.

325. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 44.

326. Там же.

327. Там же. Л. 4.

328. Там же. Л. 3.

329. Там же.

ской, Харьковской, Ростовской и Таганрогской еврейских общин с Деникиным. В записке, поданной А. И. Деникину, требуя от командования армии равных с остальным населением гражданских прав, включая «также и право наравне с другими гражданами отдать свои жизни за Россию, служа в рядах ее армии»³³⁰, евреи просили А. И. Деникина подтвердить это право «приказом по армии»³³¹. В личной беседе с еврейской депутацией А. И. Деникин настаивал на том, что настроение армии не допускает участия евреев-офицеров в офицерской среде. То же самое можно сказать и о евреях-солдатах. Возражения делегации не нашли в генерале сочувствия»³³². Развивая тему, добавим, что 15 октября 1919 А. И. Деникиным было отдано распоряжение, согласно которому евреев-офицеров запрещено было «принимать в войска, управления и учреждения»³³³. Увольнение офицеров-евреев из белой армии активно обсуждалось на страницах тогдашней печати, вне зависимости от ее партийной принадлежности³³⁴. Комментируя уже в эмиграции эту проблему, Деникин писал о «глумлениях», которым подвергались евреи-солдаты в частях, писал о неприятии евреев-офицеров в офицерской среде и т. д. Позднее он писал о том, что проблема потеряла со временем «свою остроту и болезненность»³³⁵. Примечательно также мнение ближайшего сотрудника А. И. Деникина генерала И. П. Романовского, к слову, считавшегося в офицерских кругах Добровольческой армии «жидомасоном, тайно сочувствующим революции»³³⁶: «Вопрос об офицерах-евреях не так легко разрешить. Если бы офицеры были приняты в части, им было бы там нетерпимо, так что пока этот вопрос не может быть разрешен сухим приказом. Пока евреи-офицеры увольняются из войсковых частей»³³⁷.

Так или иначе, но участие солдат и офицеров еврейской национальности в Добровольческой армии было незначительно, их более

330. ОР РГБ. Ф. 135, раздел 3, картон № 3, Ед. хр. № 30. Л. 6.

331. Там же.

332. Там же. Л. 7–8.

333. РГВА. Ф. 39666. Оп. 1. Д. 37. Л. 2; Штиф Н. И. Погромы на Украине. (Период Добровольческой армии). Берлин, 1922. С. 73.

334. Увольнение офицеров-евреев // Известия ВЦИК. Москва. 1919. 8 октября; О евреях-офицерах // Киевское эхо. 1919. 17 октября.

335. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 535. Между тем, до революции проблем с адаптацией в офицерской среде у евреев-офицеров, перешедших из иудаизма в христианство, согласно свидетельству того же автора, не возникало. Деникин даже упоминает о 6 случаях производства таких офицеров в генеральский чин. (Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 217).

336. ОР РНБ. Ф. 1052. Ед. хр. 38. Л. 18.

337. Беседа с начальником штаба ген. Деникина // Одесский листок. 1919. 27 сентября.

активное участие в деле борьбы с большевизмом было невозможно в виду крайнего антисемитизма в армейской среде, основанного на отождествлении евреев с коммунизмом. Общий же курс командования белых, начиная во всяком случае с 1919, заключался в том, «чтобы евреев в армию не брать»³³⁸.

Деникин, придерживавшийся до революции достаточно либеральных взглядов, в целом благожелательно относился к евреям. В немалой степени этому способствовала и та среда, в которой вырос и воспитывался будущий генерал. Однако революция резко изменила его мировоззрение. А. И. Деникин оказался в значительной степени подвержен традиционным среди кадрового офицерства взглядам, усматривавшим в российской революции еврейский след. Усиление политических позиций российской еврейства было генералом воспринято негативно. Антисемитизм был принят им на вооружение как инструмент политической борьбы. Так, Деникин не упускал случая назвать настоящую фамилию руководителей большевиков Троцкого, Ларина и других, подчеркивая их национальную принадлежность. Вместе с тем, бытовой антисемитизм Деникина отнюдь не означал, что генерал сознательно потворствовал погромщикам. Более того, А. И. Деникин принимал решительные меры по обузданию бесчинствующих белогвардейцев. Выступая перед еврейской депутацией, он заявил: «Я не должен вас уверять ни в любви к евреям, ни в вражде к ним; вообще смешно подходить к этому вопросу с такой точки зрения. Я смотрю на еврейский вопрос с точки зрения государственной целесообразности и человечности»³³⁹. Отвечая на запрос еврейской делегации в Одессе, он подчеркнул, что «ген. Деникин никогда не устраивал погромов, как из соображений государственных, так и из соображений христианской морали. Военное начальство приняло все меры против погромов, но нужно, чтобы и вы приняли все меры воздействия на вашу молодежь в сторону ее образумления и перемены организации, дабы мы могли общими силами бороться с самочинными выступлениями масс. Мы все делаем. Делайте это и вы»³⁴⁰. Архивные материалы доказывают, что А. И. Деникин принимал решительные меры для борьбы с погромщиками. Им было издано немало директив, грозивших погромщикам смертной казнью. Так, на письмо, в котором сообщалось о том, что «после занятия вашими войсками городов Елизаветополя и Екатеринослава там произошли еврейские погромы. При этих погромах изнасиловались десятками невинные еврейские девушки и даже девочки; это часто совершалось

338. Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 203.

339. ОР РГБ. Ф. 135, раздел 3, картон № 3, Ед. хр. № 30. Л. 7.

340. Ген. А. И. Деникин в Одессе // Заря России. Ростов-на-Дону. 1919. 4 октября.

в присутствии их родителей и это делали солдаты и даже офицеры. Преданная всей душой Добровольческой армии русская мать»³⁴¹, А. И. Деникин собственноручно наложил следующую резолюцию, доведенную до сведения Командующего Добровольческой Армии генерала В. З. Май-Маевского: «Пора кончать. Полевой суд и смертная казнь этой сволочи без всякого колебания. Отдать краткий приказ об Екатеринославле: нет имени этим преступлениям. Не воины — сволочь — истреблять таких офицеров, казаков и солдат. Приказ № 1676. 5.10 1919»³⁴².

Не все генералы решительно выступали против погромщиков. Так, например, генерал Н. Н. Шиллинг цинично заявлял, что его войска всегда будут опаздывать на усмирение погромов³⁴³. Сам А. И. Деникин с горечью писал, что «много приказов — осуждающих погромы и требующих решительных мер против них — написано было мною, генералами Драгомировым, Май-Маевским, Бредовым и др. Эти меры локализовали еврейские погромы, но не устранили их окончательно»³⁴⁴. Вероятно, покрытие одного погромщика другим, безнаказанность всех чинов делали любые, даже самые жесткие приказы ничего не значащей декларацией³⁴⁵. Погромы между тем вызывали серьезную озабоченность Запада, Деникину «приходилось неоднократно по этому поводу вступать в переписку с отдельными руководителями западноевропейской политики»³⁴⁶.

Подводя итог нашему изучению взаимоотношений Добровольческой армии и еврейского населения России в 1918 — первой половине 1919, подчеркнем, что в целом эти отношения не выходили за рамки политической корректности. Обе стороны не испытывали друг к другу особенных симпатий, евреи обличали Добровольческую армию в «реакционности», а добровольцы евреев в большевизме, однако серьезных столкновений не происходило. Погромов также не было. Последнее объясняется тем, что армия базировалась на территориях с незначительным еврейским населением. Кроме того, дисциплина в армии также еще поддерживалась. Вместе с тем, антисемитизм в армейской среде разрастался, грозя при непосредственном столкновении с еврейским населением обратиться в погромные эксцессы.

Погромы Добровольческой армии стали происходить только при вступлении добровольцев в «черту еврейской оседлости»,

341. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 162. Л. 4.

342. Там же. Л. 4–5.

343. ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 71.

344. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 539.

345. Беседа с П. П. Гронским // Еврейская трибуна. 1920. № 7. С. 6; М. Ш. Присосавшиеся // Там же. 1920. № 12. С. 4.

346. Ген. Деникин и общественность // Родина. Харьков. 1919. 27 октября.

что произошло летом-осенью 1919 — в период наивысших успехов южнорусского белого движения. Необходимо произвести соответствующую классификацию погромной деятельности Добровольческой армии. Несомненно, что погромы 1919 отличаются от погромов царского времени. Прежние погромы, по мысли З. Островского, «тщательно подготавливались царской охранкой, проводились в жизнь с некоторой опаской и оглядкой на цивилизованную Европу ... Погромы производились с таким расчетом, чтобы это не наносило серьезного ущерба торговле и промышленности и не нарушало нормального течения жизни»³⁴⁷. В чем причины «экстремальности» погромов 1919? Самая, пожалуй, важная причина — это, конечно, война. Необходимо помнить, что на рассматриваемой нами территории шла гражданская война, в ней то или иное участие принимали миллионы и миллионы людей, мирный порядок жизни которых был разрушен. В ходе гражданской войны, длившейся на Украине уже 2 года, значительная часть общества превратилась в деклассированный элемент, стремившийся поправить свое имущественное положение. Каковы все-таки основные причины погромов? Украинские историки О. В. Козерод и С. Я. Бриман выделяют три типа причин, толкавших военнотружеников Добровольческой армии на совершение погромов: во-первых, стремление к наживе, во-вторых, непосредственно сам антисемитизм, в-третьих, стремление отомстить за то или иное участие евреев в большевизме³⁴⁸. Предельно откровенен А. И. Деникин, обративший внимание на разложение в белогвардейской среде: «Да, трудно ожидать чего-либо хорошего от людей, совершенно оподлившихся, чрезвычайно павших в моральном смысле. Ведь тот факт, что этот люд попал в армию по мобилизации, не делает его лучше, это ведь не добровольцы, идейно в армию шедшие, за каждого из которых я готов поручиться. Это ведь сброд. Его физиономия станет ясна, если принять во внимание общее падение нравов»³⁴⁹. Мобилизация принесла в белые войска разложение, что, кстати, предсказывал Л. Д. Троцкий³⁵⁰. Благодаря пополнению мобилизованными крестьянами, армия, по выражению полковника А. А. фон Лампе, «большевизировалась» и окончательно стала неуправляема³⁵¹. Деникин признавал: «Нами много достигнуто, но, слава Богу, если мои боевые приказы исполняются. Желать же сейчас, при данном составе и моральном уровне армии, большего — невозможно»³⁵².

347. Островский З. Еврейские погромы. 1918–1921. М., 1926. С. 5.

348. Козерод О. В., Бриман С. Я. Деникинский режим и еврейское население Украины. 1919–1920 гг. Харьков, 1996. С. 11–12.

349. ОР РГБ. Ф. 135. раздел 3, картон № 3, ед. хр. № 30. Л. 8 об.

350. Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л., 1926. Т. XVII. Ч. II. С. 197.

351. ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

352. ОР РГБ. Ф. 135. раздел 3, картон № 3, ед. хр. № 30. Л. 8.

Аналитики Политической канцелярии указывали в качестве основных факторов погрома два: «Первый лежит в настроениях широких масс крестьянства. Эти массы — основательно или нет, другой вопрос, — видят в евреях людей, из коих каждый или есть, или может стать ответственным советским работником, а в еврействе, как таковом, — основу идеологии коммунизма. Отсюда вытекает непримиримая и органическая ненависть, которая нашла себе выражение в широкой погромной волне, залившей Малороссию с начала текущего года, и против которой и власть Петлюры, и Советская власть были бессильны. Передают, что когда атаман Зеленый занимал уездные города, сгонял всех евреев на площадь и сотнями расстреливал их из пулеметов. Деревенские бабы, наблюдая, как ряды беззащитных людей падали под пулеметным огнем, крестились и говорили: „Слава тебе, Господи!“»³⁵³. Другой же фактор, который необходимо учитывать при выяснении причин погромов, заключался в настроении войск. В армии царило убеждение в необходимости искоренения внутреннего большевизма — т. е. еврейства³⁵⁴. Эти причины погромов указывались как наиважнейшие неоднократно³⁵⁵.

Помощник Главнокомандующего ВСЮР генерал А. С. Лукомский в письме к российскому послу во Франции В. А. Маклакову в качестве причины погромного настроения армии указывал наличие большого количества евреев в чрезвычайных комиссиях, «производивших самые невероятные зверства над офицерами, солдатами и интеллигенцией городов и деревень»³⁵⁶. В политическом окружении Деникина высказывалось мнение о том, что «еврейская (...) жестокость была стержнем советского террора»³⁵⁷. Возможно, думалось одному из белых дипломатов, что антисемитизм «наверху» деникинского режима, носил еще более крайнюю форму, чем в низах армии. «Все были согласны, — писал Г. Н. Михайловский, — что евреи являются „внутренними врагами России“ (...) Но юные офицеры физически истребляли ненавистную расу, а верхи Деникина искали средств ее „обезвредить“»³⁵⁸. Отметим, что антисемитизм в Добровольческой армии не являлся ни для кого секретом. Особенно много опасений антисемитские настроения в армии вызывали у традиционно влиятельного еврейского финансового лобби в Америке. В белогвардейском же стане проводилась идеологическая работа по объяснению погромной волны как следствия возмущения народа против «юдократии большевиков». Американским

353. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 206–207.

354. Там же. Л. 207.

355. Там же. Д. 69. Л. 220.

356. Там же. Д. 90. Л. 9.

357. Михайловский Г. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 177.

358. Там же. С. 232.

евреям предлагалось вести у себя в стране антикоммунистическую пропаганду³⁵⁹. С момента вступления ВСЮР в пределы прежней черты оседлости интерес международного еврейства к белому движению заметно усилился. «Приходится считать доказанным, — писал А. И. Деникину 9 / 22 июня 1919 профессор К. Н. Соколов, руководитель Отдела пропаганды, — что еврейство очень пристально следит за положением своих единоплеменников в освобожденных областях России, у Колчака и у нас, усердно коллекционирует все случаи антисемитизма и строит на них свои выводы»³⁶⁰. Соколов, признавая необходимым считаться с интересами еврейства и подчеркивая интерес последнего к «еврейской политике Главного Командования», провел переговоры с еврейскими кругами в России и на Западе, желая выяснить их политические чаяния: «Максимум заключается в пожелании, чтобы формальное признание равноправия было подтверждено допущением или даже приглашением евреев на несколько заметных должностей. Минимум сводится к пожеланию, чтобы в какой-либо эффектной форме — например в форме публичного обращения к еврейской депутации по образцу той, которую принимал адмирал Колчак или в форме публичного осуждения какого-либо юдофобского поступка или акта — высшею властью было совершено „оказательство“ ее благожелательного отношения к еврейству. Со своей стороны, еврейские деятели обязуются использовать для создания шумной всемирной „рекламы“ возрождающейся русской государственности всякое такое „оказательство“»³⁶¹. В случае отказа от этих предложений еврейские круги обещали К. Н. Соколову начать энергичную кампанию всеми доступными средствами против режима власти Деникина³⁶². Ресурс для этого у заграничного еврейства был, по-видимому, более чем достаточный. По данным Политической канцелярии при Особом Совещании, 75 % прессы в Париже находилось в еврейских руках³⁶³. Похожая картина, вероятно, была и в других европейских странах, не говоря уже об Америке. В. И. Вернадский в своем дневнике писал: «В еврейском вопросе приходится считаться с Америкой, которая сейчас для России — если не брать немецкой ориентации — очень важна, тем более что английское снабжение подходит к концу»³⁶⁴. Действительно, еврейскую политику белой администрации приходилось проводить с оглядкой на Запад, от которого во многом зависело обеспечение армии. Погромы вызыва-

359. Там же. С. 233–244.

360. ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 126. Л. 14–15.

361. Там же. Л. 15–16.

362. Там же. Л. 15.

363. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 122. Л. 538.

364. Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. (Октябрь 1917 — январь 1920). Киев, 1994. С. 170.

ли в Европе и Америке серьезное недовольство³⁶⁵. С другой стороны, настроения самой армии требовали введения различных ограничений против евреев. Получался замкнутый круг противоречий, из которого нельзя было найти выхода.

Еврейские круги так и не получили желаемой декларации. В беседе с представителями еврейских общин генерал Деникин заявил: «Я считаю декларацию ненужной»³⁶⁶. Что же касается перспективы работы евреев на «заметных должностях» в деникинской администрации, то характерной тут является миссия В. А. Маклакова, которому левые русские политические круги в Париже «предложили настаивать на включении в состав южного правительства хотя бы одного еврея». Ознакомившись с настроениями политических кругов белого Юга, В. А. Маклаков нашел излишним даже поднимать этот вопрос в беседе с А. И. Деникиным³⁶⁷.

Особую «славу» снискал себе, конечно, на своем поприще Отдел пропаганды Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России, в просторечии «Осваг». К августу 1919 на территории, захваченной белыми, действовало 232 пункта и подпункта Освага³⁶⁸. 11 марта 1919 профессор Петроградского университета по кафедре гражданского права К. Н. Соколов вступил в исполнение обязанностей начальника Отдела пропаганды³⁶⁹. Подчеркнем, что современники сводили неудачную национальную политику Деникина именно к несостоятельности К. Н. Соколова как руководителя Освага³⁷⁰. Он неудачно распоряжался выделяемыми на пропаганду средствами, придал работе организации «очень бюрократический характер»³⁷¹. Прежние руководители Освага, С. С. Чахотин и Н. Е. Парамонов, также не сумели справиться с возложенной на них задачей. Их преемник, К. Н. Соколов, по его собственным словам, «пришел в ужас» от того состояния, в котором находилась вверенная ему организация. Для наведения порядка Соколов просил у А. М. Драгомирова «чрезвычайных полномочий»³⁷². Однако времени на работу как у Соколова, так и у исполнявшего с 4 июня 1919 его обязанности Б. А. Энгельгардта³⁷³ было очень мало, всего несколько месяцев. Их организация, да и сами руководители, пользовалась дурной репутацией и в правых, и в левых политических кругах. В пра-

365. Литовский. Не выдержали // Известия ВЦИК. 1919. 8 октября.

366. ОР РГБ. Ф. 135. раздел 3, картон № 3, ед. хр. № 30. Л. 9 об.

367. ГА РФ. Ф. Р-44б. Оп. 2. Д. 69. Л. 240–241.

368. История Гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 229.

369. ГА РФ. Ф. Р-44б. Оп. 2. Д. 122. Л. 76.

370. Михайловский Г. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 267.

371. Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 130.

372. ГА РФ. Ф. Р-44б. Оп. 2. Д. 122. Л. 79–80.

373. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 122. Л. 22.

вых кругах в ходу была фраза «бей жидов и осважников», а левые были недовольны Освагом за то, «что он является подготовителем общественного мнения к восшествию адмирала Колчака на трон российский»³⁷⁴. Монархисты упрекали Освага в том, что он якобы переполнен евреями, стремящимися избежать призыва в Добровольческую армию³⁷⁵. «Всюду и везде усиливается настроение против жидов, — записывал в своем дневнике 17 сентября 1919 полковник А. А. фон Лампе. — Самые либеральные круги с пеной у рта ругают их, накапливается электричество, в воздухе пахнет грозой, а между тем в Красном кресте и в отделе пропаганды этих господ набирается все больше. Чем же это объяснить?»³⁷⁶. Лампе был убежден, что наличие евреев в пропаганде «кладет пятно на армию»³⁷⁷. Схожие взгляды разделял, несомненно, и А. И. Деникин, находивший «вредным участие евреев в отделе правительственной пропаганды»³⁷⁸. В беседе с еврейской депутацией Деникин указал, что почти ежедневно получает письма, в которых «обвиняют Освага в том, что он проданся жидам»³⁷⁹. Деникин предъявил требование удалить евреев из Освага. Распоряжением начальника Отдела пропаганды от 8 августа 1919 евреи из Освага были все «уволены до последнего»³⁸⁰. Также из Освага удаляли лиц, близких в свое время к А. Ф. Керенскому³⁸¹. Представляют известную ценность для раскрытия исторической проблемы и воспоминания двух руководителей Освага — К. Н. Соколова и Б. А. Энгельгардта. Первый вспоминал, что «мы должны были работать без социалистов и евреев. Люди, знающие национальный и партийный состав нашей умеющей говорить, писать и по-настоящему агитировать интеллигенции, поймут, что это означало на практике»³⁸². Соколов пишет о единичных случаях работы евреев в Осваге, поскольку «при повально антисемитском настроении массы, особенно военной, еврей в роле агитатора-пропагандиста был просто „невозможен“. Мы были таким образом „асемитичны“, — заключал К. Н. Соколов³⁸³. «И все-таки, — вспоминал он, — в очень влиятельных кругах Отдел пропаганды всегда считался „жидовским“ учреждением, и для людей, которые обвиняли и обвиняют нас в антисемитских тенденциях, должно быть небезынтересно узнать, что розыск

374. ГА РФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 34. Л. 12–12 об.

375. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. С. 534.

376. ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

377. Там же. Л. 57.

378. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. С. 534.

379. ОР РГБ. Ф. 135. раздел 3, картон № 3, ед. хр. № 30. Л. 9.

380. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 122. Л. 369.

381. Там же. Л. 46.

382. Соколов К. Н. Указ. соч. С. 103.

383. Там же. С. 103–104.

евреев среди наших сослуживцев, сообщение о них высшему начальству был любимым занятием официальных соглядатаев и добровольных доносчиков по Отделу пропаганды»³⁸⁴. «Левые видели в отделе скопище монархистов (их правда было не мало, но они принуждены молчать) и обвиняли нас в травле евреев. Травить их мы не травили, но когда слепой певец пел свою песнь о комиссаре-еврее, мы, видя, что это тешит многих, ему не препятствовали. Правые, наоборот, кричали, что наш отдел заполнен „жидами“ и что мы ведем „кадетскую“ республиканскую линию, пренебрегая исконными началами русской земли. На деле евреев в отделе почти не было. Кажется, работал один еврей, а пропаганду мы вели в том направлении, которое было установлено Главным командованием, правда направления очень неопределенном, допускавшим всяческие толкования», — так рассказывал о работе Отдела пропаганды полковник Б. А. Энгельгардт³⁸⁵. Так или иначе, но до самого конца своей деятельности Осваг критиковался то за «жидовский», то за «погромный» характер своей пропаганды — в зависимости от политического направления того лагеря, из которого эта критика исходила³⁸⁶.

Общий уровень добровольческой пропаганды характеризуют обычно как весьма и весьма низкий. Но надо помнить и о том, что, во-первых, позитивная программа как таковая отсутствовала; во-вторых, пишущая братия в Осваг не шла³⁸⁷. Советские авторы, говоря о работе Освага, писали: «Это была пропаганда не мысли, а бессмыслицы»³⁸⁸. «У Освага, — казалось большевистскому мемуаристу, — не было идей и не было крупных людей»³⁸⁹. Уровень служащих Освага, по характеристике одного из современников, был «убийственный»³⁹⁰. «Пропаганда не проходила ни в войска, ни в тыл», — отмечал Борис Энгельгардт³⁹¹. Признавая, что «наша „пропаганда“ пользы никакой не принесла», влиятельный генерал А. С. Лукомский указывал на то, что непрофессионализм сотрудников Освага привел к тому, что деятельность организации была «явно вредна»³⁹².

Уклон в сторону антисемитской пропаганды был сделан Освагом, вероятно, осознанно и в какой-то мере верно: объявляя ев-

384. Там же. С. 104.

385. ОР РГБ. Ф. 218, картон 384, ед. хр. № 927. Л. 203.

386. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 534; Соколов К. Н. Указ. соч. С. 101; Кин Д. Деникинщина... С. 244.

387. Соколов К. Н. Указ. соч. С. 103.

388. Меклер Н. В деникинском подполье. М., 1932. С. 138.

389. Там же. С. 144.

390. Михайловский Г. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 272.

391. ОР РГБ. Ф. 218, картон 384, ед. хр. № 927. Л. 204–205.

392. Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 185.

реев большевиками и — следовательно — врагами, белые частично наполняли идейным содержанием свою достаточно абстрактную идеологию. После объявления еврея большевиком и наоборот, никаких дополнительных разъяснений уже не требовалось: облик «врага» «Единой, Великой и Неделимой России» становился предельно материален. С другой стороны, агрессивная юдофобия, находя благодарную почву в армии, становилась самоцелью, что, конечно, предельно снижало боеспособность белогвардейских частей.

Формально, подчеркнем, евреи пользовались теми же правами, что и все остальные граждане России. На территории белого Юга России свободно выходила еврейская пресса, например, «Ди Вельт» и «Наш голос». По-видимому, значительное влияние еврейские круги оказывали на «тон» журналистики белого Юга в целом³⁹³. Все это, однако, не меняло сути дела: ни демонстративная лояльность к денikinскому режиму, ни какая-нибудь другая политическая акция не являлись гарантией жизни и свободы для того или иного еврея.

Нельзя сказать, чтобы антисемитская пропаганда не встречала на белом Юге никаких препятствий. Проявления откровенной расовой неприязни к евреям признавались вредными, как было в случае с газетой «В Москву!», издаваемой Н. Измайловым. Несмотря на свой погромный характер, газета пользовалась «громкой, воистину чудовищной популярностью» как в среде офицерства, так и у гражданского населения³⁹⁴. Если верить этой газете, то А. Ф. Керенский, будучи сыном австрийской еврейки Адлер, до крещения носил имя Арона Кирбиса³⁹⁵. «Вся газета, — сообщал аналитический обзор Политической канцелярии, — составлена в ярком антисемитском духе и имеет целью доказать, что виновником возникновения революции и большевизма были исключительно евреи»³⁹⁶. «Я доказывал, что грубой антижидовской пропагандой нельзя привить массам сознания необходимости свержения евреев-финансистов и комиссаров, а также возвратить монархию. Яд социализма нам прививали 3 года (легально), а мы хотим исправить это зло в 3 дня. Нелепо. Так только портят дело», — записывал впечатления от встречи с одним из сотрудников «В Москву!» полковник А. А. фон Лампе³⁹⁷. Один из наиболее влиятельных деятелей в денikinском окружении, Н. И. Астров, также был убеж-

393. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 236.

394. Дроздов А. Интеллигенция на Дону // Архив русской революции. М., 1991. Т. 2. С. 57.

395. Рязанский. Керенский-Кирбис // В Москву! Орган русской национальной мысли. Ростов-на-Дону. 1919. 14 октября.

396. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 176.

397. ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

ден, что газеты, подобные «В Москву!», дестабилизируют обстановку и «порождают смуту»³⁹⁸. В итоге «В Москву!» была закрыта по распоряжению ростовского градоначальника. Отметим, что этому предшествовала серия статей, критиковавших «В Москву!», вышедших в южнорусских белых изданиях, старавшихся придерживаться либерального направления.³⁹⁹ Вместе с тем, продажа «Протоколов сионских мудрецов» не встречала никаких препятствий⁴⁰⁰. Их было продано больше 100000 экземпляров⁴⁰¹. Впрочем, работа организаций, распространявших подобного рода издания, проходила, судя по всему, нелегально⁴⁰², так как не получала благословения высших властей. Последние, по характеристике одного из крайне правых авторов, «относились не только отрицательно к „Сионским протоколам“, но и запрещали их распространение в армии, вместо того, чтобы поступить наоборот и, именно из любви к России, стараться раскрывать русским людям истинные причины ее гибели и тем воодушевлять их на подвиг спасения России»⁴⁰³. Не всегда в действующую армию проходили антисемитские брошюры и издания. Так, генерал А. П. Кутепов, понимая всю опасность заражения армии погромными настроениями, изымал из обращения «погромные листки, антисемитские издания и брошюры»⁴⁰⁴. В целом, официальная пропаганда Освага, проводя умеренно-антисемитскую агитацию, старалась не допускать выпадов крайне агрессивного, погромного характера⁴⁰⁵. Историки же возлагают ответственность за погромы Добровольческой армии именно на белую пропаганду⁴⁰⁶.

398. ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 53. Л. 55.

399. См. напр.: Одесский листок. 1919. 17 октября.

400. Кон Д. Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколы сионских мудрецов». М., 1990. С. 85–86.

401. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 116.

402. Бутаков Я. А. Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): Сб. ст. М., 2000. С. 161.

403. Жевахов Н. Д. Сергей Александрович Нилус. Краткий очерк жизни и деятельности. Новый сад, 1936. С. 37–38.

404. Критский М. Александр Павлович Кутепов. Биографический очерк // Генерал Кутепов. Париж, 1934. С. 85.

405. В других областях белого Юга погромная агитация также не получала одобрения у властей. Так, например, поручик Лутковский, прочитавший в июне 1919 г. лекцию на тему «Евреи и масонство», постановлением Кубанской Рады был выслан с территории края. (ГА РФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 34 а. Л. 65–65 об.). Не всегда приветствовалась властями и «лекторская» деятельность В. М. Пуришкевича. См.: Розенталь И. С. Пуришкевич — известный и неизвестный // Проблемы политической и экономической истории России. Сб. статей. М., 1998. С. 299.

406. Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 104.

Измученное предыдущей волной погромов, разоренное, еврейское население Украины ждало Добровольческую армию, связывая с ней надежду на восстановление правопорядка⁴⁰⁷. Отдельные случаи притеснений евреев со стороны добровольцев, имевших место ранее, были практически неизвестны. Погромная волна, катившаяся по Украине, объяснялась исключительно как следствие «психологического наследия большевизма»⁴⁰⁸. С Добровольческой армией у буржуазной части украинского еврейства в наибольшей степени ассоциировалось представление о государственной власти. Однако евреям деникинская власть принесла продолжение притеснений, погромов и т. д.

Объединение антибольшевизма и антисемитизма в сознании добровольцев возникло практически сразу. Видный кадет Н. А. Коляндер, скажем, утверждал, что «Добровольческая армия погибнет», если из нее вырвать «дух вражды к евреям»⁴⁰⁹. Конечно, это преувеличение, но сам факт подобного заявления показателен. Антисемитизмом в значительной мере было поражено все офицерство, прочно увязывавшее еврейство с ненавистными большевиками⁴¹⁰. Попавших к белым в плен евреев-красноармейцев ждала смерть лишь «после мучительных и варварских пыток. Допрос начинается с мордобития и издевательств: „Жидовская морда, ты — коммунист. Все жида коммунисты!“»⁴¹¹. Подобное отождествление грозило привести при непосредственном соприкосновении с большевиками в районах с высоким процентом еврейского населения к проявлениям активного юдофобства, а именно — к погромам.

Погромы Добровольческой армии стали одной из самых позорных страниц в истории южнорусского Белого движения. «Сведения о еврейских погромах на Украине, осуществляемых белыми в 1919 г., будь они правдивыми хотя бы на десятую часть, заставляют думать, что за ними не было бы никаких шансов на победу в борьбе за русскую государственность», — отмечает московский историк В. П. Булдаков⁴¹². Общее количество жертв погромов приблизительно насчитывает, по разным оценкам, от 60 тысяч человек, по оценкам современного историка⁴¹³, до 100 и даже 180–200 тысяч человек по оценкам историков 1920-х годов⁴¹⁴. Сове-

407. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 227; ОР РГБ. Ф. 135. раздел 3, картон № 3, ед. хр. № 30. Л. 5.

408. Злое семя // Киевская жизнь. 1919. 25 августа.

409. Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921. М., 2004. С. 488.

410. Kenez P. The Civil war in South Russia. 1919–1920. Berkeley, 1977. P. 172.

411. Из добровольческого плена // Молот. Баку. 1919. 31 июля.

412. Булдаков В. П. Красная смута. М., 1997. С. 237.

413. Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха знаний. М., 1998. С. 332.

414. Гусев-Оренбургский С. Указ. соч. С. 14; Островский З. С. Еврейские погромы 1918–1921. М., 1926. С. 74.

менный казанский историк А. Л. Литвин называет даже цифру в 30000 человек, погибших от рук погромщиков⁴¹⁵. Белым погромщикам приписывается меньшее количество жертв. По отношению к общему числу погромов на Украине в те годы погромы Добровольческой армии составляют лишь 1 / 5 (по иным подсчетам 17 %), «это общее число исчислено за все годы 1918–1921 гг., а погромы Добровольческой армии продолжались всего несколько месяцев. В эти месяцы добровольцы побили все рекорды. Их погромы были интенсивнее других, удар — острее, а число погромов — больше», — писал один из виднейших исследователей данной проблемы И. Б. Шехтман⁴¹⁶. Б. Лекаш называет общее число погромов — 1520, из них 226 было осуществлено войсками Деникина⁴¹⁷. Вместе с тем, военный характер погромов придавал им особую жестокость. По характеру производимых погромов можно различить три четко различающихся периода: 1) Период так называемых «тихих» погромов (июнь-июль 1919) — Харьковская, Екатеринославская губернии. Характеризуется беспрерывными налетами на улицах с целью ограбления, насилиями над женщинами. 2) Период массовых погромов (июль-август 1919) — западная часть Полтавской, южная часть Черниговской и восточная часть Киевской губернии. Наряду с грабежом здесь происходят частичные поджоги и отдельные убийства. 3) Период резни и кровавых погромов (сентябрь-октябрь 1919) — Киевская, Черниговская губернии⁴¹⁸. И. Б. Шехтман отмечает 4 периода в погромной практике добровольцев. Однако период массовых погромов по его хронологии — это август-сентябрь 1919. Период же с ноября по декабрь 1919, по И. Б. Шехтману, — время относительного затишья. Новый всплеск погромной волны, согласно взглядам историка, — это период отступления Добровольческой армии с декабря 1919 по март 1920. Такова, в общих чертах, периодизация И. Б. Шехтмана⁴¹⁹. Какой была география погромов? По данным З. Островского, в Волинской губернии деникинцы погромили 1 пункт, в Подольской — 44, Киевской — 92, Черниговской — 15, Полтавской — 25, Харьковской — 13, Николаевской и Одесской — 27, Екатеринославской — 3, Донецкой — 6⁴²⁰. Какова численность погибших в результате погромов Добровольческой армии? И. Б. Шехтман определяет чис-

415. *Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 339.

416. Шехтман И. Б. *История погромного движения на Украине, 1917–1921 гг.* Т. 2. *Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине в 1919–1920 гг.)*. Берлин, 1932. С. 26.

417. Лекаш Б. *Когда Израиль умирает*. Л., 1928. С. 21–22.

418. Козерод О. В., Бриман С. Я. *Деникинский режим и еврейское население Украины*. Харьков, 1996. С. 10.

419. Шехтман И. Б. *Указ. соч.* С. 34.

420. Островский З. *Указ. соч.* С. 76.

ло погибших цифрой 5325 человек⁴²¹. О. В. Козерод и С. Я. Бриман называют цифру в 65–70 тысяч человек⁴²². Советская пресса называла огромные цифры: 125000 человек, по данным Н. А. Семашко⁴²³, и 200000 пострадавших только от мамонтовских погромов, по данным Д. Рабиновича⁴²⁴. Нам кажется, что И. Б. Шехтман ближе к исторической истине. Точное же число погибших и пострадавших от погромов Добровольческой армии установить не представляется возможным.

Добровольческая армия впервые вступила в области со значительным еврейским населением лишь в июне-июле 1919. Как раз тогда начался период так называемых «тихих погромов». Они сводились к избиениям казаками отдельных евреев, краже лошадей, отдельным случаям изнасилования⁴²⁵. Особенно усердствовали в этом части, сформированные из казаков — уроженцев Северного Кавказа, чеченцев и кумыков. Как раз в то время на казаков чеченских и кумыкских частей стали поступать жалобы по поводу грабежей. Сухая архивная справка фиксирует: «В особенности отмечаются частые случаи увода лошадей»⁴²⁶. Чаше всего военно-полевой суд оправдывал грабежи и бесчинства казаков⁴²⁷. Как происходил «тихий» погром? Казаки входили в маленький город или местечко. В городе они разделялись на группы по 5–10 человек, как правило, руководимые офицерами. Эти группы и осуществляли в большинстве случаев «тихий» погром⁴²⁸. О первых погромах, проведенных белыми войсками, стало известно в июне-июле 1919. Тогда же стали появляться и первые жалобы на войска ВСЮР⁴²⁹. Массовый же характер погромная волна приняла в августе 1919. Погромами запятнали себя казаки генерала К. К. Мамонтова. Сообщения об этих погромах проникли в советскую печать. Приводя свидетельства о зверствах белых погромщиков, автор статьи, печатавшийся под псевдонимом Литовский, отмечал, что «Елец, Тамбов и другие местности, в которых погостила конница Мамонтова, долго будут помнить кошмарные дни владычества белых (...) Рейд генерала Мамонтова принес очень много вреда нашему тылу,

421. Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 25.

422. Козерод О. В., Бриман С. Я. Указ. соч. С. 6.

423. Семашко Н. А. Медицинская «белая булка» Деникина // Известия ВЦИК. 1920. 4 марта.

424. Рабинович Д. Социальное обеспечение пострадавшего от погромов еврейского населения // Там же. 1919. 12 декабря.

425. Kenez P. The Civil war in South Russia. 1919–1920... P. 168; РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 23. Л. 70, 139, 163.

426. РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

427. Там же. Д. 7. Л. 305.

428. Kenez P. The Civil war in South Russia. 1919–1920... P. 168.

429. Козерод О. В., Бриман С. Я. Указ. соч. С. 10.

но он отрезвил обывателя»⁴³⁰. Вместе с тем, вероятно, вышеприведенные оценки нуждаются в некоторых уточнениях. Так, скажем, тамбовский историк Б. В. Сенников, базируясь на свидетельствах очевидцев событий, пишет о том, что «погромов никаких не было». Поводом для рассказов о погромах послужил тот факт, что назначенный Мамантовым комендант Тамбова приказал повесить евреев-шинкарей, вопреки запрету продававших казакам самогон⁴³¹. Выяснить истину историкам еще предстоит. Отдельные эксцессы, судя по всему, имели место уже в июле 1919⁴³². Случаи грабежей еврейского населения Харькова фиксируют полицейские сводки июля 1919⁴³³. Однако все это были лишь отдельные прецеденты, которые еще не представляли собой системы. Еврейская общественность, между тем, уже начала бить тревогу, призывая А. И. Деникина к водворению порядка⁴³⁴.

Наступление Добровольческой армии на Киев сопровождалось волной еврейских погромов, учиненных деникинцами⁴³⁵. Офицерам не всегда удавалось удержать солдат от грабежа и насилий над евреями⁴³⁶. До июня 1919 Добровольческая армия не занимала территорий со значительным количеством еврейского населения. Занявшие Украину войска белых уже весьма мало напоминали регулярную армию. Казаков гнал вперед только инстинкт наживы⁴³⁷. О том, как выглядят евреи, казаки зачастую не имели никакого представления: бывали такие случаи: «Ты жид?» — спрашивал свою жертву казак. «Нет, еврей», отвечал тот, и его отпускали⁴³⁸. И. Б. Шехтман делает вывод: «Не-еврей был для добровольца или казака „табу“»⁴³⁹. В свою очередь А. А. фон Лампе отрицал факт существования именно еврейских погромов, рассматривая последние как случаи мародерства и грабежа, осуществлявшегося против всего мирного населения, в независимости от национальности и вероисповедания⁴⁴⁰. Из-

-
430. Литовский. Нашей боевой задачей является вырезать всех жидов // Известия ВЦИК. 1919. 3 октября.
431. Сенников Б. В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М., 2004. С. 62.
432. Избиения евреев // Известия ВЦИК. 1919. 6 августа.
433. Козерод О. В., Бриман С. Я. Указ. соч. С. 11.
434. ОР РГБ. Ф. 135. раздел 3, картон № 3, ед. хр. № 30. Л. 5–6.
435. Гусев-Оренбургский С. И. Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г. Сост. по официальным документам, докладом с мест опросам пострадавших. Ред. и послесл. М. Горького. М., 1923. С. 118.
436. Мамонтов С. Походы и кони // Поход на Москву. М., 2004. С. 396.
437. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 361.
438. Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 15.
439. Там же. С. 257.
440. Лампе А. А. фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Пути верных. Сб. ст. Париж, 1961. С. 83.

вестный историк С. П. Мельгунов подчеркивал, что «погромы были явлениями исключительно стихийного характера», отрицая наличие какой-то специальной погромной тактики у командования Добровольческой армии⁴⁴¹. Однако, как бы то ни было, но издевательства над евреями, грабежи их имущества, бессудные расправы стали явлениями обычного порядка.

Казачи не давали возможности евреям ездить в поездах, их грабили, выкидывали во время движения из вагонов, всячески издевались⁴⁴². Именно казаки стали «авангардом» белых погромщиков⁴⁴³. Свиристествовала в избиениях евреев 1-я Терская дивизия генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро. А. М. Драгомиров писал о терцах А. И. Деникину: «Грабежи и погромы постоянные, а боевой доблести — мало»⁴⁴⁴. Об участии шкуринцев в погромах можно встретить упоминания в мемуарной и исторической литературе⁴⁴⁵. Для шкуринцев, по наблюдению Д. С. Пасманика, «борьба за освобождение России превратилась в разгром евреев»⁴⁴⁶. Обзор с награбленным даже у небольших отрядов шкуринцев растягивался на несколько верст⁴⁴⁷. Сам А. Г. Шкуро объяснял погромные эксцессы во вверенных ему частях провокациями различных шаек, выдававших себя за шкуринцев, а также внушаемостью его казаков, которым передавалось обывательское антисемитское настроение⁴⁴⁸. Несомненно, что вина самого А. Г. Шкуро в еврейских погромах была достаточно велика. Подтверждение того, что А. Г. Шкуро был антисемитом, можно найти в известном его письме к Н. И. Махно, в котором А. Г. Шкуро, пытаясь привлечь Н. И. Махно на свою сторону, писал «Ведь ты все равно бьешь комиссаров, и мы бьем комиссаров; ты бьешь жидов, и мы бьем жидов. Так что нам не из-за чего воевать»⁴⁴⁹. Впрочем, выступая в газетах, А. Г. Шкуро подчеркивал, что «для меня еврейского вопроса не существует. Я не по-

441. Мельгунов С. П. Антисемитизм и погромы // *Голос минувшего* на чужой стороне. Т. 5 (18). Париж, 1927. С. 239.

442. Гуль Р. Белые по черному. М.; Л., 1928. С. 15; Меклер Н. Указ. соч. С. 67–69; *Дневник и воспоминания киевской студентки (1919–20 гг.)* // *Архив русской революции*. М., 1993. Т. XV. С. 230; ОР РГБ. Ф. 135, раздел 3, картон № 3, Ед. хр. № 30. Л. 1–2 об; ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 165; РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 160. Л. 8–8 об.

443. Kenez P. The Civil war in South Russia. 1919–1920... P. 168.

444. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 265.

445. Меклер Н. Указ. соч. С. 53–55; Малеев А. Ф. 30 дней еврейского погрома в м. Кривое Озеро. Из личных наблюдений и переживаний русского учителя. Одесса, 1920. С. 5–24.

446. Пасманик Д. С. *Русская революция и еврейство: (Большевизм и иудаизм)*. Берлин, 1923. С. 195.

447. Малеев А. Ф. Указ. соч. С. 6.

448. Шкуро А. Г. *Записки белого партизана* // *Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах*. Т. 7. *Добровольцы и партизаны*. М., 1996. С. 224–226.

449. Шубин А. В. *Махно и махновское движение*. М., 1998. С. 68.

нимаю, как можно сейчас заниматься национальными тяжбами. Я отношусь с глубоким осуждением к тем бандам, которые принимают участие в еврейских погромах. Этому раз навсегда надо положить конец. Люди, стремящиеся к неделимой России, никогда не будут стоять на точке зрения сведения национальных счетов с кем бы то ни было. Люди, стремящиеся к исцелению России, никогда не будут стоять на точке зрения сведения национальных счетов с кем бы то ни было, и такие люди никогда не будут одиночками, ибо за ними — право, правда и народ»⁴⁵⁰. Однако за словами Шкуро не стояло реальных действий. Напротив, у нас есть все основания упрекать генерала в попустительстве погромщикам⁴⁵¹. В погромах активно участвовала и 3-я Чеченская конная дивизия: чеченцы сдирали с евреев живьем кожу⁴⁵², выносили из еврейских домов все, включая нижнее женское белье, и т. д.⁴⁵³ Дело доходило до перестрелок с чинами Государственной стражи и частями, посланными на усмирение погрома⁴⁵⁴. Грозные телеграммы А. И. Деникина командующему дивизией генералу Ревшинину успеха не возымели⁴⁵⁵. Однако в погромах участвовали не одни казаки. Так, например, офицер-дроздовец свидетельствует: «Самое противное и отталкивающее в этих погромах были не убийства, которые можно было бы еще кое-как, конечно с узкой точки зрения офицеров-добровольцев, объяснить ненавистью к евреям за сочувствие большевизму, а самые обыкновенные уголовные грабежи, совершавшиеся не только простыми солдатами и казаками, но и многими господами офицерами без всякого стеснения среди бела дня»⁴⁵⁶. Автор приведенных воспоминаний штабс-капитан П. П. Куксин служил во 2-м конном Дроздовском полку. Он пишет: «Вообще, ограбить тогда еврея считалось во 2-м конном офицерском Дроздовском полку самым нормальным явлением. К этому все так привыкли, что никто решительно не удивлялся, слыша крики несчастных жертв»⁴⁵⁷. Среди «господ офицеров» было распространено изнасилование 12–16-летних еврейских девушек, осуществлявшееся на глазах у родителей⁴⁵⁸. Поводом для погрома местечка служил, как правило, факт службы в РККА кого-нибудь

450. Ген. Шкуро о моменте // Одесский листок. 1919. 23 ноября.

451. Арбатов З. Ю. Екатеринослав 1917–22 гг. // Архив русской революции. М., 1991. Т. 12. С. 91–93.

452. Меклер Н. Указ. соч. С. 169.

453. РГВА. Ф. 39668. Оп. 1. Д. 5. Л. 62–65; Ф. 39693. Оп. 1. Д. 23. Л. 292.

454. РГВА. Ф. 39668. Оп. 1. Д. 5. Л. 59–60.

455. РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 23. Л. 389.

456. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 437. Л. 8.

457. Там же. Л. 9. Упоминает об участии 2-го конного Дроздовского полка в погромах и А. М. Драгомиров в своем письме к А. И. Деникину. (ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 263.)

458. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 437. Л. 9.

из уроженцев местечка. Нередко евреев сгоняли в местную синагогу и поджигали⁴⁵⁹. Другой дроздовец, Г. Д. Венус, упоминает о совершенно поразительном факте стрельбы добровольческих эскадронов друг в друга за приоритетное право ограбить еврея-часовщика. Венус пишет: «Первый эскадрон по второму бьет. Каждому, черт дери, часики хочется!»⁴⁶⁰ Таковы были нравы в одной из элитных частей Добровольческой армии!

Рассмотрим два наиболее значительных погрома Добровольческой Армии — погромы в Фастове и Киеве. Крупнейший погром произошел в Фастове и начался 24–25 августа 1919. Погромные эксцессы продолжались до начала сентября 1919⁴⁶¹. Вскоре был осуществлен повторный погром, происходивший 9–15 сентября 1919⁴⁶². «Погром произошел после оставления нами Фастова, обладания им большевиками в течение суток и вторичного занятия его терскими казаками (...) Местное крестьянское население принимало самое активное участие; для вывоза награбленного имущества в Фастов хлынули из окрестных деревень сотни подвод. В ряде случаев погромы были начаты именно местным крестьянством, и лишь затем в нем принимали участие войска», — сообщала аналитическая сводка Политической канцелярии⁴⁶³. Погром в Фастове был беспрецедентен по жестокости. «Особенно кровавую страницу добровольцы вписали в свою историю в Фастове. Там уже был не погром, а резня, истребление всего еврейского населения», — писал видный киевский деятель А. А. Гольденвейзер⁴⁶⁴. Тема фастовского погрома активно использовалась в качестве средства агитации как в советской, так и в петлюровской прессе⁴⁶⁵. Сведения об убитых также были разные: от 2000 человек, как сообщает С. И. Гусев-Оренбургский⁴⁶⁶, до 1800–1500 человек, как в других источниках⁴⁶⁷.

Вступление Добровольческой армии в Киев было встречено значительной частью населения с неподдельным восторгом. Киевляне надеялись на прекращение бессудных расстрелов. В значитель-

459. Там же. Л. 9–10.

460. Венус Г. Д. Война и люди: Семнадцать месяцев с дроздовцами // Туркул А. В. Дроздовцы в огне. Венус Г. Д. Война и люди. М., 1996. С. 224.

461. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 160. Л. 1.

462. Там же. Л. 11.

463. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 207.

464. Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний // Архив русской революции. М., 1991. Т. VI. С. 269.

465. Известия ВЦИК. 1919. 17 октября; Зверства денкинцев в Фастове // 1919. 24 октября; Известия ВЦИК. 1919. 16 ноября; Геродот Д. Еврейский погром у Фастові // Украина. 1919. 5 жовтня; До погрома в Фастові // Там же. 1919. 9 жовтня.

466. Гусев-Оренбургский С. И. Указ. соч. С. 137.

467. Островский З. С. Указ. соч. С. 51; Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 106.

ной степени радость от прихода добровольцев была обусловлена ярко выраженным антикоммунистическим настроением киевлян. Это было вызвано, конечно, красным террором, который осуществляла местная Чрезвычайная комиссия⁴⁶⁸. В ее составе преобладали евреи, что стало причиной возникновения в городе погромного настроения.

«А в толпе уже один только разговор, одна общая для всех тема: „жид“. Ненависть к ним объединила всех, и какая ненависть: „Жида, жидовка, комиссар, комиссарши“. „Бить, резать, грабить“ (...) все, без исключения отождествляют евреев с большевиками, и все, без исключения, требуют для них наказания», — вспоминала свои впечатления графиня Л. Л-ая⁴⁶⁹. Военные власти принимали активные меры против проявлений самосудов, известны случаи, когда белогвардейцы буквально вырывали евреев из рук разъяренной толпы, готовившейся учинить бессудную расправу⁴⁷⁰. Но остановить волну юдофобии белой администрации не удалось. Анти-еврейские эксцессы начались уже в день вступления добровольцев в Киев и продолжались все время пребывания денкинцев в городе⁴⁷¹. Только с 19 по 28 августа 1919 от рук добровольцев погибло около ста евреев⁴⁷². «Тихий погром» шел в течение всего сентября 1919⁴⁷³. Вместе с тем, количество убийств в сентябре было, по-видимому, незначительно. В середине сентября 1919 в Киеве солдатами было совершено убийство трех евреев. Генерал А. М. Драгомиров немедленно выехал к месту происшествия и, выяснив, что убийство совершили семь солдат, приказал немедленно предать их военно-полевому суду. В тот же день военно-полевой суд, рассмотрев дело, приговорил всех семерых солдат к каторжным работам. Генерал Драгомиров, предоставленной ему по закону властью, усилил наказание и приказал всех виновных в убийстве расстрелять. По городу начали циркулировать слухи, что в случае приведения приговора в исполнение будет разгромлен весь район, в котором было совершено убийство. Под давлением «новых данных» по делу Драгомиров отменил свой приговор и передал дело на следствие⁴⁷⁴. Этим инцидентом преступления против еврейского населения Киева исчерпаны не были, но, вероятно, до октября месяца власть поддерживала минимальный порядок в городе.

468. Рейн Г. Е. Из пережитого. 1907–1918. Берлин, [192-?]. Т. 2. С. 309–310.

469. Л-ая Л. Очерки жизни в Киеве в 1919–20 гг. // Архив русской революции. М., 1991. Т. 3. С. 217.

470. В освобожденном Киеве // Народное слово. Харьков. 1919. 20 августа.

471. Гольденвейзер А. А. Указ. соч. С. 261; Дневник и воспоминания киевской студентки (1919–20 гг.) ... С. 228–229.

472. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 160. Л. 8.

473. Гусев-Оренбургский С. И. Указ. соч. С. 138.

474. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 90. Л. 9–10.

Еврейская общественность тем временем выясняла отношение новой власти к еврейскому вопросу. С этой целью В. И. Темкин, М. С. Шварцман, М. Ф. Гидес посетили видного члена Особого Сопровождающего кадета В. А. Степанова, прося последнего оградить еврейство от «многочисленных случаев официального антисемитизма». Степанов заверил просителей, что «даже наиболее правые члены Особого Сопровождающего считают и вопрос о равноправии евреев, и об их праве на всемерную защиту власти и закона исторически решенным навсегда»⁴⁷⁵. Выступая перед журналистами, А. М. Драгомиров отметил, что «высшая власть решила принять самые решительные меры для пресечения эксцессов последнего времени, жертвами которых являются евреи. Все виновники будут предаваться военно-полевому суду. Но недостаточно одни репрессивные меры. Нужны меры разъяснительные. Надо разъяснить малосознательным классам, что за преступления евреев-большевиков не может ответить весь еврейский народ. Необходимо, чтобы евреи ясно и определенно отмежевались от большевиков и полубольшевиков и чистосердечно стали на сторону идей, выдвинутых Добровольческой армией»⁴⁷⁶.

Качественно выросло количество погромных эксцессов Добровольческой армии после так называемого «сидения в Дарнице». 1 октября 1919 красные вытеснили добровольцев из половины Киева. В. И. Вернадский записывал в своем дневнике: «Произошла позорная с точки зрения организации власти сдача Киева Драгомировым»⁴⁷⁷. Маневр красных был, по выражению А. М. Драгомирова, «дерзок до необычного и мы ни минуты не сомневались, что действиями во фланг и в тыл вся эта авантюра будет скоро ликвидирована»⁴⁷⁸. Панические слухи о возможной мести большевиков не могли оставить равнодушными значительную часть населения города. Русское население Киева начало эвакуироваться из города еще утром, до того момента, как город был занят красными. Движение это продолжалось до 3 часов дня. Всего город оставило приблизительно 50–60 тысяч человек⁴⁷⁹. Среди отступавших добровольцев находились почти все члены редакций издающихся в Киеве газет⁴⁸⁰, в том числе и известный впоследствии со-

475. Еврейский секретариат у В. А. Степанова // Одесский листок. 1919. 1 сентября.

476. Беседа с ген. Драгомировым // Там же. 1919. 30 сентября; Генерал Драгомиров о положении в Юго-Западном крае // Родина. Харьков. 1919. 1 октября.

477. Вернадский В. И. Указ. соч. С. 172.

478. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 258.

479. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 258; Миронов М. Киевские события // Новая Россия. Харьков. 1919. 12 октября; События в Киеве // Современное слово. Одесса. 1919. 15 октября; У Києві // Народня воля. Кам'янець на Поділля. 1919. 17 (30) жовтня.

480. Миронов М. Киевские события...

ветский писатель И. Г. Эренбург⁴⁸¹. Во время пребывания красных в Киеве белые находились на окраине Киева, в Дарнице, ставшей, по выражению одной из газет, «центром, своего рода микрокосмом Киева»⁴⁸². За время пребывания в Дарнице в среде добровольцев и эвакуированных с деникинцами мирных жителей накапливалось погромное настроение. Деникинцы и киевляне утверждали, что по их возвращению в Киев в нем не останется ни одного еврея⁴⁸³. Возвращение белых в Киев привело к череде погромов, произошедших в еврейских кварталах города. Поводом для их начала послужил тот факт, что еврейское население Киева с видимой радостью встретило приход большевиков⁴⁸⁴. По городу пошла молва о том, что евреи обливали из окон серной кислотой отступавших добровольцев и стреляли им в спину⁴⁸⁵. Об этом же писали отдельные газеты⁴⁸⁶. Большинство киевских газет, на которые сильно влияло настроение еврейской общественности, требовало компетентного расследования и отрицало предъявленные обвинения⁴⁸⁷. По-видимому, поднятая еврейством газетная кампания шла во вред самим евреям и лишь способствовала разжиганию погромных настроений⁴⁸⁸. Подчеркнем, что слухи о стрельбе евреев по добровольцам имели место не только в Киеве. Об этом, например, писал В. А. Маклакову А. С. Лукомский, помощник Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина. Лукомский говорил о целых красноармейских частях, составленных из евреев, о еврейских дружинах, помогавших красным бороться с большевиками, и т. д.⁴⁸⁹ Утверждали, что еврейские дружинники вырезают в захваченных городах семьи русских добровольцев⁴⁹⁰. Очень часто подобные слухи служили поводом для погромов⁴⁹¹. А. М. Драгомиров писал Деникину: «Случаев стрельбы из окон по нашим

481. Sommer Я. Записки / Публикация, предисловие и примечание Б. Я. Фрезинского // Минувшее: Исторический альманах. 17. М.; СПб., 1995. С. 136.

482. Что происходило в Киеве // Одесский листок. 1919. 15 октября.

483. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 2. Д. 11 б. Л. 35.

484. Ельский. Что это? // В Москву! 1919. 14 октября.

485. Дневник и воспоминания киевской студентки (1919–20 гг.) ... С. 232–233; Штиф Н. И. Указ. соч. С. 65. Одна из украинских газет, отмечая «еврейскую версию», впрочем, писала, что «по добровольцам стреляло все население, которое узнало деникинскую власть» (У Києві // Народня воля. Кам'янець на Поділля. 1919. 17 (30) жовтня.)

486. ??? [Так озаглавлено. — Авт.] // Вечерние огни. Киев. 1919. 9 октября; 1–4 октября в Киеве // Киевлянин. 1919. 6 октября.

487. Эренбург И. Нужно расследование // Киевская жизнь. 1919. 6 октября; Лукаш И. Темная информация // Там же.

488. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 237.

489. Там же. Д. 90. Л. 9.

490. Там же. Л. 15.

491. Гусев-Оренбургский С. И. Указ. соч. С. 121.

уходящим войскам было много. Евреи нацепили красные ленточки и не скрывали своей радости от прихода большевиков (...) Истеричные бабы-торговки начали бегать с воплями, что „жиды режут христиан“ и т. д.»⁴⁹². Драгомиров также писал: «Когда большевики вошли в Киев, то их экспансивность взяла верх и они устроили такое ликование, которое сразу показало, на чьей стороне их симпатии. Этого им народ не может простить, и его настроения нельзя охарактеризовать иначе как бешеной злобой против всего еврейского»⁴⁹³.

Добровольцы вернулись в Киев, «но вернулись ... уже не те. Когда мы уходили, мы еще кое-как были дисциплинированны. Когда мы вернулись...» — вспоминал В. В. Шульгин⁴⁹⁴. В тот же вечер пьяный доброволец-волчанец, угрожая винтовкой, арестовал Шульгина. Арест произошел прямо напротив особняка Главноначальствующего Киева и Киевской области А. М. Драгомирова. «Этот комический эпизод, — комментировал В. В. Шульгин, — был частью великой трагедии. Над городом повисло разложение... Мы владели Киевом и не владели. Владели им герои „волчанцы“ и прочие „герои“. Они не повиновались уже „Драгомировскому особняку“; вернее повиновались „постольку-поскольку“. Начальство строго запрещало „громить“. Но руки чесались. Во-первых, „жиды“ действительно досадили; а во-вторых, „героям“ нечего было есть». Это факт. Добровольцы в больших городах вообще жили впроголодь. Жалованье как-то до них не доходило. А если и доходило, то его не хватало. В деревнях уже давно практиковались способы «самокормления». Но в городах стеснялись. А тут перестали стесняться. „Что в самом деле Драгомиров?! Хорошо ему в особняке сидеть, а нам-то каково?! А жиды?! Ведь богатые же они, сволочь!?“ Словом, — все вместе: антисемитизм, голод, грабительские инстинкты — с одной стороны; малокровное, по причине падающей дисциплины, противодействие начальства — с другой; все это вместе родило то, что получило название „тихого погрома“. По злой иронии судьбы этот тихий погром был как раз оглушительный»⁴⁹⁵. «Микроб своеволия охватил всю Армию. Она очнулась, как известно, только в Крыму, потеряв все свои завоевания», — комментировал эти события В. В. Шульгин в одной из своих статей⁴⁹⁶. Шульгин признавал, что «раздражает население и позорит в его глазах великую идею Единой России не взятое от голода и нужды, а вырванное „гвалтом, злым, катским обычаем“, как говорилось в стари-

492. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 260.

493. Там же. Л. 270–271.

494. Шульгин В. В. Что НАМ в НИХ не нравится: Об антисемитизме в России. СПб., 1992.

495. Там же. С. 78–79.

496. Шульгин В. Русский исход // Русская газета. Париж. 1924. 7 мая.

ну»⁴⁹⁷. Он же говорил в те дни в приватной беседе: «Да. Небывалое время... Невероятно, но нет реальных сил, чтобы исправить разруху. Нечем помочь. Офицерство? Разве в нем мало героизма, чести и преданности славному делу. Но от усталости приходит душевное обнищание. Враждебные стихии захватывают и отравляют самых необходимых и самых молодых. Остается до конца стоять и делать, что можем»⁴⁹⁸. Добровольцы, по словам Шульгина, стали превращаться в Зловольцев: «Рядом с увядающей лилией добровольия распускался буйный будяк Зловольия. Зловольцы быстро раскусили секрет деникинского царства — царства „диктатуры на словах“, отсутствие той железной воли, перед которой радостным строем стоят Добрые и перед которой, скрипя зубами, склоняются Злые. Зловольцы отлично поняли, что можно безнаказанно предаваться своей природе. Что же касается третьей стихии — большого пласта, лежащего между добровольцами и зловольцами, — именно Безвольцев, то для них находилось чудное оправдание: раз начальство о нас не заботится, то мы имеем право сами о себе позаботиться. Раз Деникин не дает, надо самим взять. Как только было произнесено это слово: „самим взять“, все покатилося по наклонной плоскости. Плоскость эта характеризуется двумя истинами; одной — русской „душа меру знает“, а другой — французской „аппетит приходит во время еды“ ... И пошло. Зловольцы „ловчились“, Зловольцы крали, Зловольцы грабили, Зловольцы убивали, а население, смотря на все это, горестно воздевало руки к небу: вот тебе и Добровольцы! Оно не знало, что добровольцев собственно уже нет, а есть плохо дисциплинированная армия из обыкновенных русских людей, у которых „бугор собственности“ к тому же никогда не отличался чрезмерным развитием»⁴⁹⁹. Шульгин писал: «Если младшие часто не хотели повиноваться, то старшие не всегда умели приказывать. В результате исполнялись те приказания, к которым было психологическое тяготение. Армия хорошо исполняла боевые приказы потому что она хотела драться. В остальном же она повиновалась с „поправками“... Защищая „неприкосновенность“ всего населения, без различия национальности, делалась, однако, существенная поправка: кроме еврейской»⁵⁰⁰.

В городе резко усилилось погромное настроение. 3 октября 1919 начался киевский погром. Погром шел в городе до 6 октября, когда погромную волну удалось локализовать. Слухи о стрельбе давали с точки зрения погромщиков моральное оправдание для их действий⁵⁰¹. Вооруженные толпы погромщиков рассеивались по горо-

497. Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1919. 3 декабря.

498. Талызин М. По ту сторону. Париж, 1932. С. 89.

499. Шульгин В. В отпуску // Новое время. Белград. 1924. 28 июня.

500. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 164–165.

501. Гольденвейзер А. А. Указ. соч. С. 268; Л-ая Л. Указ. соч. С. 220.

ду, противодействие офицеров было крайне незначительно. Очевидец событий И. Г. Эренбург писал: «В черных домах всю ночь напролет кричали женщины, старики, дети; казалось, что кричат дома, улицы, город»⁵⁰². Вторит Эренбургу Б. Ефимов: «Воочию мы видели одно: советские войска снова ушли, а белогвардейцы вернулись обратно. Причем вернулись злые и свирепые, как дьяволы. Их нынешнюю ярость, прямо пропорциональную их недавней панике, они немедленно стали вымещать на мирном населении. Киев подвергся погрому и разграблению. Если до октябрьского рейда Якира в городе поддерживался хотя бы внешний показной порядок, то теперь стало небезопасно показываться на улице, а киевские ночи стали страшны: в разных частях города стоял несмолкаемый крик сотен и тысяч человеческих голосов. Это кричали жители домов, куда ломились шкуровские головорезы. Крик подхватывали соседние дома, потом более отдаленные — и вот уже кричали целые кварталы, переулки, улицы. В большинстве случаев нервы бандитов не выдерживали, и они отступали»⁵⁰³. К. Г. Паустовский вспоминал «первый ночной погром на Васильковской улице. Громилы оцепили один из больших домов, но не успели ворваться в него. В притаившемся темном доме, разрывая зловещую тишину ночи, пронзительно, в ужасе и отчаянии, закричала женщина. Ничем другим она не могла защитить своих детей, — только этим непрерывным, ни на мгновение не затихающим воплем страха и беспомощности. На одинокий крик женщины внезапно ответил таким же криком весь дом от первого до последнего этажа. Громилы не выдержали этого крика и бросились бежать. Но им некуда было скрыться, — опережая их, уже кричали все дома по Васильковской улице и по всем окрестным переулкам. Крик разрастался, как ветер, захватывая все новые кварталы. Страшнее всего было то, что крик неся из темных и, казалось, безмолвных домов, что улицы были совершенно пустынные, мертвы и только редкие и тусклые фонари как бы освещали дорогу этому крику, чуть вздрагивая и мигая. Кричал Подол, Новое строение, Бессарабка, кричал весь огромный город. Этот крик был, должно быть, слышен далеко за его пределами. Он ударился в низкое черное небо и возвращался обратно, этот вопль о пощаде и милосердии ... Это было невыносимо страшно потому, что из сознания вдруг исчезало привычное и, должно быть, наивное представление о какой-то обязательной для всех человечности. Это был вопль, обращенный к остаткам человеческой совести»⁵⁰⁴. Именно этому воплю Шульгин посвятил свою знамени-

502. Эренбург И. Г. Собр. соч. в 9 тт. Т. 8. Люди, годы, жизнь. Книги первая, вторая, третья. М., 1966. С. 298.

503. Ефимов Б. Указ. соч. С. 44.

504. Паустовский К. Указ. соч. С. 489–490.

тую статью «Пытка страхом», ставшую, по словам современного историка, своеобразным манифестом идейного антисемитизма⁵⁰⁵. Анализируя природу «тихого погрома», В. В. Шульгин призывал еврейство извлечь урок из этой «Пытки страхом»: «Перед евреями две дороги: Первая — признать и покаяться. Вторая — отрицать и обвинять всех, кроме самих себя. От того, какой дорогой они пойдут, будет зависеть их судьба. Ужели же и „пытка страхом“ не укажет им верного пути?»⁵⁰⁶ И хотя эта статья воспринималась большинством современников как провокационная и призывающая к погрому, все же нельзя не отметить того, что Шульгин признал сам факт продолжающегося уже не один день в Киеве погрома. В. В. Шульгин, по словам И. М. Василевского, «вдруг взял и громыхнул правду, напечатал свою знаменитую статью „Пытка страхом“. Впечатление от этого выступления Шульгина получилось колоссальное. Как? Весь этот кошмар не случаен? Перед нами своеобразная „административная мера“, какой сознательно пользуется мудрое деникинское начальство? Так это нарочно допускается, чтобы смирить подозреваемого в революционности и в симпатии к большевикам обывателя? Это не случайность, а особая система, вся эта ужасающая „пытка страхом?“. Даже правящие сферы невольно поморщились от неуместной откровенности, проявленной В. В. Шульгиным»⁵⁰⁷. Объясняя происходивший в Киеве в октябре 1919 еврейский погром, Шульгин поучал евреев: «Если вы хотите утишить антисемитские чувства, а не занимаетесь погромной агитацией в скрытой форме, дайте нам доказательства, что масса еврейского населения так же ненавидит своих коммунистов и социалистов, как мы, русские, ненавидим своего Ульянова-Ленина, и так же с ними борется. Для еврейства выход один: беспощадно вырвать собственными руками из своей среды всех этих евреев-революционеров, которыми питались обе русские революции. Пока еврейство этого не сделает, антисемитские чувства не пойдут на убыль, а будут расти»⁵⁰⁸. Шульгин утверждал, что каждый народ мира прошел «сквозь свою положенную ему полосу ненависти к евреям». Этот «общий закон особенно ярко сказался теперь в России. Добывая равноправие, евреи перевернули вверх дном русское государство и похоронили под его обломками несчетное количество русских граждан. Вот и причина обострения ненависти к евреям». По утверждению Шульгина, «вся еврейская нация целиком участвовала в войне против старого режима из-за „равноправия“, а „борьба против исторической рус-

505. Будницкий О. В. Указ. соч. С. 264.

506. Шульгин В. Пытка страхом // Киевлянин. 1919. 8 октября.

507. Василевский И. М. Две России В. В. Шульгина. Его откровения // Что они пишут? Мемуары бывших людей. Л., 1925. С. 132.

508. Шульгин В. Погромщики // Киевлянин. 1919. 9 октября.

ской государственности [самодержавия. — Авт.] была в полном смысле этого слова национальным еврейским делом»⁵⁰⁹. Борьба с «еврейской опасностью», по Шульгину, жизненно необходима для русских. Однако делать это ни в коем случае нельзя путем погромов. По мнению Шульгина, «погромы опаснее для русских, чем для евреев. Во-первых, потому, что они нас развращают, во-вторых, потому, что они нас разделяют и в-третьих потому, что они передают на еврейскую сторону очень мощного союзника — жалость». Шульгин предлагал и свой способ «защиты» государственных интересов русского народа: «Надо заставить евреев уйти с тех мест, которые они могут использовать во вред возрождающемуся русскому Государству. Не должно быть евреев-офицеров, чиновников, судей. Надо стараться, чтобы не было евреев городских и земских гласных, а также служащих городу и земству. В особенности важно вырвать из рук евреев печать. Тот, кто отказывается покупать еврейскую газету, делает хорошее русское дело. Тот же, кто ограбит еврейскую квартиру, помимо того, что унизит себя, сделает вред русскому делу. Евреи свои деньги вернут, но каждый из них разжалобит своим криком десять русских, которые перейдут на их сторону»⁵¹⁰.

Почему Василий Витальевич писал в то время антисемитские статьи? Сам Шульгин объяснял это тем, что «надо было дать отдушину накопившемуся в русском населении бешенству, а единственная отдушина и был „Киевлянин“. Все остальные газеты, как говорили в то время, были с „прожидью“»⁵¹¹. Откровенно антисемитские статьи Шульгина позволяли потом заявлять, что редактор «Киевлянина» был чуть ли не главной причиной погромов, которые разложили белую армию. Думается, что акцент тут надо делать другой. Статьи Шульгина влияли на настроения городского обывателя Киева, который и без того был в массе своей настроен достаточно антисемитски. На военную среду, вероятно, статьи Василия Витальевича никакого эффекта не оказывали. Сам Шульгин, отвечая уже в эмиграции на обвинения в разжигании погромов, послуживших причиной развала белой армии, с присущим ему сарказмом писал: «С наступлением революции 1917 года еврейская гуща вновь с головой бросилась в революцию приняла живейшее участие, как в неприличном канкане, который отплясывали „освобожденные рабы“ над великим прошлым России, так и в работе большевиков. И наступило в конце концов то, что не могло не быть. Революция стала гулять по еврейским трупам, ибо это закон природы для России. Начнут с панов, но кончат непременно „жидами“. Моя вина в том, что я позволил себе

509. Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1919. 12 октября.

510. Там же.

511. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 154.

спросить: поняли ли наконец евреи, что такое „завоевания революции?“ Буря бешенства, вызванная этим естественным вопросом, который заключается в статье „Пытка страхом“, не поддается описанию.

Меж тем, не напиши я этой статьи, произошли бы, очевидно, две вещи:

- 1) я бы не явился погубителем армии,
- 2) армия была бы не в Галлиполи, а в Москве.

Поистине удивительная сила пера. Одним росчерком я мог бы переделать историю. Стоило мне написать, что евреи неповинны в революции, никогда никакого участия в деятельности большевиков не приняли — генерал Деникин был бы уже в Кремле. Стоило мне написать, например, что Троцкий не еврей, а грузин или перс, как сейчас же армия стала бы образцовой: никто не грабит, никто не хулиганит, никто не сыпет шомполами, никто не крадет, не пьянствует, не безобразничает... Как жалко, что я этого не знал... Ведь счастье было так возможно...»⁵¹²

Добровольцы вымогали у евреев деньги, подвергая их жестоким пыткам. Массовый характер приняли изнасилования еврейских женщин⁵¹³. Грабили еврейские квартиры вооруженными группами, по 5–6 человек в каждой. Особо свирепствовали чеченцы и казаки⁵¹⁴. Именно деньги и другие материальные ценности были главной целью погромщиков⁵¹⁵. Население забирало то, что не успела взять армия⁵¹⁶. Впрочем, сохранились свидетельства и о случаях помощи христианского населения киевскому еврейству. Ухищрения для этого применялись самые разнообразные⁵¹⁷.

Погромщики разгромили большинство магазинов в еврейских кварталах Киева. «Хозяйственная жизнь города была подорвана в корне», — отмечала «Свободная речь»⁵¹⁸. В одном Лыбедском районе Киева 6 октября 1919 произошло 73 случая налета на еврейские квартиры и магазины⁵¹⁹, а всего было зарегистрировано 800 налетов на еврейские квартиры⁵²⁰. 6 октября 1919 в Киев вернулись представители высшей добровольческой власти во главе с Главномачальствующим Киевом и Киевской областью генералом А. М. Драго-

512. Шульгин В. «А счастье было так возможно» // Зарницы. Константинополь. 1921. № 8. С. 12–13.

513. Подробнее см.: Гусев-Оренбургский С. И. Указ. соч. С. 138–161.

514. Островский З. Указ. соч. С. 49–50.

515. Лерт Р. Еврейский погром в Киеве в 1919 году / Публикация И. Энгельгардта // Вестник еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 194–195.

516. Гольденвейзер А. А. Указ. соч. С. 267.

517. Лерт Р. Указ. соч. С. 197.

518. В Киеве // Родина. Харьков. 1919. 23 октября.

519. Киевские события // Новая Россия. Харьков. 1919. 10 октября.

520. Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 353.

мировым⁵²¹. Драгомиров принял активное участие в предотвращении погрома, для чего «пришлось пустить в ход офицерские роты для патрулирования по городу, допустить формирование вольных рот из рабочих для охраны наиболее угрожаемых мест, в результате чего было разгромлено только несколько магазинов на Подоле и убито несколько единичных евреев, попавшихся на улице (вообще они в эти дни совершенно не выходили на улицы, а при приближении опасности по какому-то свистку начинали хором неистово выть и голосить и колотить в сковороды и кастрюли). Хуже дело было с отдельными шайками бандитов, которые начали шарить по еврейским квартирам и вымогать деньги. Несколько мерзавцев, пойманных на месте преступления, (среди них были и офицеры) были оправданы [подчеркнуто А. М. Драгомировым. — *Авт.*] военноплевыми судами. Вот до чего дошла наша дряблость с легкой руки негодяя Керенского!» — возмущенно восклицал Абрам Михайлович⁵²². Драгомиров «вытребовал к себе составы судов, вынесших такие приговоры, и разругал их так, как, кажется, еще никто никого не ругал». Комендант Киева генерал Павловский принужден был подать рапорт об отставке, которая была принята. Суды стали выносить смертные приговоры, которые «все и были приведены в исполнение»⁵²³. О произведенных расстрелах есть и другие свидетельства⁵²⁴. Число налетов на еврейские квартиры и дома сократилось с 70 до 5 за одну ночь. Убийства после этого прекратились. Однако грабежи, избиения и другие издевательства над еврейским населением продолжались. Погромная волна охватила самые разнообразные слои населения. Предпринимались многочисленные попытки ослабить волну антисемитизма. Газеты зывали уже не к принципам человеческой морали, как это было ранее⁵²⁵, а к государственному чувству граждан, указывая на то неблаговидное впечатление, которое погромы произведут на Запад. При этом подчеркивалось, что погромы играют на руку большевикам⁵²⁶. Видными представителями киевской еврейской общности был создан «Еврейский комитет содействия возрождения России» — организация, подчеркнуто лояльная к Добровольческой армии⁵²⁷. В декларации комитета говорилось о том, что «еврейское население России кровно заинтересовано в победе начал государ-

521. Миронов М. Киевские события...

522. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 260–261.

523. Там же. Л. 261.

524. Миронов М. Киевские события...

525. Гуревич И. К.-д. и еврейский вопрос // Свободная речь. Ростов-на-Дону. 1919. 23 ноября.

526. Современное слово. 1919. 15 октября 1919; Овсянников-Куликовский Д. Затмение // Современное слово. 1919. 18 октября.

527. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 297.

ственности и свободы над диким разгулом классового и национального террора, в преодолении анархии слева, неизбежно влекущей анархию справа. Государственное единство и полнота национального существования всех народов России — это необходимое условие и для нормальной жизни евреев. К этому мы стремимся. Это стремление живет в нас и не может быть ничем убито. Ничем — даже погромами и насилиями, пятнающими великую борьбу за освобождение России от большевиков. Через преследования и пытки, сквозь клевету и гнусную ложь пронесем мы это стремление возродить страну, в которой права гражданства мы приобрели веками труда, страданий и горя. Именно теперь, когда в новую стадию вступает борьба с большевиками и освобождаются от них огромные пространства, очищается обширный тыл, нужна напряженная работа всех общественных сил, стоящих на почве общечеловечности, законности и права. Нужна объединенная деятельность, гражданский мир в тылу гражданской войны. Еврейский комитет содействия возрождению России обращается поэтому ко всему еврейскому населению нашего края с призывом осознать свои гражданские обязанности и собрать все свои силы для поддержки творческих элементов страны в их борьбе за возрождение России на началах свободы и права»⁵²⁸. В городе организовалась «Лига борьбы против антисемитизма», в которую вошли почти все партии слева до левых кадет включительно. Председателем «Лиги» был А. Н. Зарубин. Зарубин развил бурную деятельность по предотвращению дальнейших погромов, приняв участие в расследованиях случаев стрельбы из окон домов по добровольцам, в переговорах с военным командованием и т. д.⁵²⁹ «Лига» начала выпускать прокламации антипогромного содержания⁵³⁰. Прокламации печатались с санкции городского главы Киева Е. П. Рябцова⁵³¹, занимавшего свою должность в течение всей революционной эпохи и служившего всем властям⁵³². В интервью одной из газет А. Н. Зарубин отмечал, что «преобладающим элементом среди членов лиги являются христиане. Цель лиги — широкая агитация и пропаганда среди широких слоев населения идей солидарности народов, населяющих Россию, а также борьба с брошенным в толпу лозунгом: „ев-

528. Декларация Киевского еврейского комитета содействия возрожденной России // Современное слово. 1919. 18 октября.

529. Вишняк М. Светлой памяти А. Н. Зарубина // Еврейская трибуна. 1920. № 13. С. 2.

530. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 261–262.

531. Там же. Л. 262.

532. Шульгин В. Течение времен // Единая Русь. Одесса. 1919. 10 октября. В своей статье Шульгин назвал Рябцова «революционной реликвией нашего города»

реи и большевики — одно и то же»⁵³³. Лига рассчитывала открыть свои филиалы в крупнейших городах Украины⁵³⁴.

Погромы были настолько заметны, что для политических организаций белого Юга России стала очевидна необходимость определить свою позицию по отношению к ним. На Харьковском совещании членов партии Народной свободы, проходившем с 3 по 6 ноября 1919, ответственность за погромы в конечном итоге была возложена на большевиков, а точнее, на деятельность чрезвычайек, послуживших главным источником для антисемитизма⁵³⁵. Резолюция совещания по еврейскому вопросу выглядела следующим образом: «Харьковское совещание партии Народной свободы высказывает убеждение, что происходящие еврейские погромы представляются недопустимыми не только по соображениям человечности, но и с точки зрения того великого дела, которому служит Добровольческая армия. Вместе с тем совещание отклоняет всякие подозрения в том, что эти насилия совершаются без достаточного противодействия со стороны полномочных властей, и первейшим долгом считает свидетельствовать о ряде актов и мер, принятых и принимаемых властью для предотвращения погромов и для защиты неповинного населения во имя христианской морали, во имя государственных интересов. Совещание признает, что растленная атмосфера, созданная большевизмом, возведшим в принцип насилие и физическое истребление противников, является одной из основных причин возобладания в массах темных инстинктов. Это растление духа послужило благодарной почвой для отвратительных актов насилия, которые в совокупности своей представляются подлинным всероссийским погромом. Кровавый смерч пронесся по всей стране, поражая русских граждан и вызывая массовые жертвы среди всех слоев населения, среди духовенства, офицерства, интеллигенции, крестьянства, рабочих, порожденное большевизмом моральное одичание вызвало также распространение еврейских погромов. Установлена в ряде случаев и прямая зависимость еврейских погромов от подстрекательства большевистских агентов, стремящихся к дезорганизации тыла. Сознательные и руководящие круги еврейства должны объявить беспощадную войну тем элементам еврейства, которые, активно участвуя в большевистском движении, творят преступное и злое дело. Совещание выражает надежду, что те здоровые течения в русском обществе, которые стремятся вместе со всеми русскими гражданами принять участие в освобождении России от большевиков, будут деятельно поддержаны широкими кругами еврейского населения. Русское

533. Борьба с антисемитизмом. (Беседа с А. Н. Зарубиным) // Наш путь. Харьков. 1919. 14 ноября.

534. Там же.

535. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 220.

еврейство должно понять, что вне безусловного и безоговорочного признания и поддержки национальной диктатуры и Добровольческой армии, воссоздающих русскую государственность, нет спасения и что только твердый правопорядок, который стремится установить национальная власть, обеспечит надежную защиту всем гражданам без различия национальности и веры»⁵³⁶. В. В. Шульгин считал нужным поздравить кадетов с харьковской резолюцией⁵³⁷. Союз Возрождения России осудил погромы. Вопрос о погромах поднимался и на встрече представителей партийных организаций с А. М. Драгомировым⁵³⁸. Сочувствие жертвам погромов вызывало у киевлян далеко не однозначную реакцию: население вопрошало А. М. Драгомирова, пожертвовавшего 1,5 миллиона рублей на нужды комитета помощи пострадавшим от погромов: «Кто же помогает русским сиротам и вдовам?»⁵³⁹ Первая жена В. В. Шульгина, Е. Г. Шульгина вспоминала: «Настроение войск было ярко антисемитским. Левые и евреи обрушивались и обвиняли генералов в потворстве погромам. А когда генералы издавали приказы и грозили наказанием за погром — начинался крик справа и в войсках говорили о продаже генералов „жидам“. А. М. Драгомирова уже звали в Киеве „жидовским батькой“ и спорили, за сколько миллионов он проданся. Вопрос земли и еврейский вопрос были двумя лезвиями обоюдоострого меча, рассекшего Россию»⁵⁴⁰. Княгиня С. П. Мачабели, прибывшая в Тифлис непосредственно из Киева, рассказывала в интервью грузинской газете «Возрождение»: «Еврейские погромы свирепствуют на Украине вот уже год, не прекращаясь. Свирепствовали они при всякой власти, вернее, безвластии. Дело в том, что за все это время на Украине не было ни разу создано более или менее прочной власти (...) Было немало погромов и при добровольцах. В Киеве, по словам осведомленных лиц, вырезано за последнее время несколько тысяч евреев (...) О ген. Драгомирове рассказывают, что он под давлением иностранцев боролся, сколько мог, против погромов и что добровольческие офицеры за это прозвали его „жидовским батькой“. Но дело-то в том, что отдельные представители Добрармии, по-видимому, бессильны бороться против того развала, который наблюдают в этой ар-

536. Харьковский совет партии Народной свободы // Свободная речь. Ростов-на-Дону. 1919. 13 ноября. В другом номере той же газеты журналист И. Гуревич полагал необходимым, в целях предотвращения погромных настроений населения, ставить во главу угла принципы христианской морали. Гуревич был убежден, что «христианская мораль — вот что должно стать стимулом, удерживающим стихийное развитие погромных настроений в народных массах» (И. Гуревич. К.-д. и еврейский вопрос // Там же. 1919. 23 ноября.)

537. Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1919. 16 ноября.

538. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 220.

539. Там же. Л. 220—221.

540. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 2. Д. 11 б. Л. 36.

мии. И против того зверского характера, который приняла гражданская война. Погромная агитация ведется и снизу, и сверху (...) Борьбы с этой погромной агитацией не ведется никакой. Да помимо того, положение на фронте, и особенно на украинском фронте, складывается так, что армия делает все, что хочет. Многие она вынуждена делать. Ограблению часто подвергаются не только евреи, но и не евреи, особенно крестьяне. У них отбирают птицу, лошадей, продовольствие, одежду (...) Отдельные части просто голодают, и чтобы утолить голод и холод, делают налеты на ближайшие села и города и грабят, кого попало. Так „восстанавливается Россия“ не по официальным релициям, а в суровой неприкрашенной действительности»⁵⁴¹.

Между тем в Киеве поднимало голову и коммунистическое подполье; в городе был налажен выпуск газеты «Коммунист». За два месяца вышло 4 номера «Коммуниста» — два в ноябре и два в декабре⁵⁴². Газета практически беспрепятственно продавалась на улицах Киева⁵⁴³. В составе работников подпольной типографии преобладали евреи, что усиливало погромное настроение в войсках белых⁵⁴⁴. Все меры, предпринимаемые властями, были по сути безрезультатны: «тихий» погром в городе не прекращался ни на один день. Репрессии против погромщиков лишь раздражали киевлян и вызывали их «на новые эксцессы в иной форме». В городе начали практиковаться налеты и убийства евреев «в глухих углах. Для нашей стражи [Государственной. — *Авт.*], — признавался Драгомиров Деникину, — такие налеты и убийства — неуловимы. Никакое примирение пока невозможно. Для народных масс виденное ими ликование евреев при вступлении большевиков предопределило надолго к ним отношение, которого никакой агитацией не изменишь»⁵⁴⁵. Какова была численность жертв погрома в Киеве? Оценки приблизительно одинаковы: в основном называют цифру в 500–600 человек и несколько тысяч человек ранеными⁵⁴⁶. Спустя несколько лет в эмигрантской газете «Новое время» В. В. Шульгин решительно опроверг приведенную цифру, которая, по его мнению, «не просто преувеличена ... а преувеличена телескопически». Убийства, как полагал Шульгин, были в единичных случаях. Свое мнение В. В. Шульгин основывал как на личных впечатлениях, так

541. Киевские впечатления. Рассказ очевидца // Возрождение. Тифлис. 1919. 25 декабря.

542. Полянская Г. П. Киевское подполье // Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М., 1976. С. 354.

543. Киевские впечатления. Рассказ очевидца...

544. ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

545. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 271.

546. Дневник и воспоминания киевской студентки... С. 232; Не жизнь, а рай // Известия ВЦИК. 1919. 6 декабря; Островский З. Указ. соч. С. 51.

и на опросе свидетелей событий⁵⁴⁷. Совершенно фантастической выглядит цифра, приведенная Р. Лерт: 4000 убитых⁵⁴⁸. И. Б. Шехтман утверждает, что только за время киевского погрома 1–6 октября погибло 153 человека⁵⁴⁹. Нам кажется, что количество жертв практически неопределимо. Очевидно, однако, что киевский погром привел к тому, что еврейское население стало в массе своей враждебно относиться к Добровольческой армии⁵⁵⁰. Власть же окончательно определилась со своей тактикой в отношении еврейских погромов: «Недопущение никаких насилий и успокоение населения как русского, так и еврейского рядом мер, направленных к охране порядка и законности, а также к выяснению преступных деяний против армии и ее дела, с карой за эти деяния только путем суда и правительственных репрессий»⁵⁵¹. Проблема заключалась в том, что добровольцы окончательно превратились в какую-то партизанствующую группу вооруженных людей, весьма мало напояющих строго соподчиненное армейское сообщество.

Что стало причиной погромов? Вероятно, главным все-таки было всеобщее погромное настроение. Вернувшиеся в Киев добровольцы рассматривали еврейское население как свою военную добычу. Антисемитизм добровольцев сыграл им дурную службу. Армия была деморализована вечным кутежом, «самоснабжением» и откровенным разбоем, который был практически узаконен⁵⁵². Нельзя утверждать, на наш взгляд, что погром прошел при попустительстве гражданских и военных властей, что он был «запланированный», как утверждает Р. Лерт⁵⁵³. Советские историки прямо указывали в качестве виноватого генерала А. М. Драгомирова⁵⁵⁴. Нам кажется, что это неверно. Действительно, военные власти, по сути, не смогли справиться с возложенными на них задачами. Говоря о непригодности к занимаемой должности полковника Сорокина, сменившего на посту коменданта Киева генерала Павловского, Драгомиров жаловался Деникину: «Сорокин, не многим лучше Павловского. Придется скоро и его отпустить [т. е. отставить. — Авт.], но подходящего кандидата пока еще не имею»⁵⁵⁵. Характеризуя «решимость» своих подчиненных карать погромщиков, Драгомиров не мог подобрать других эпитетов, кроме как «размазня» и «бабы». Начальники покрывали своих подчиненных, что,

547. Шульгин В. Дополнение // Новое время. Белград. 1925. 10 января.

548. Лерт Р. Указ. соч. С. 197.

549. Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 355.

550. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 236.

551. Там же. Л. 236.

552. Островский З. Указ. соч. С. 19–20.

553. Лерт Р. Указ. соч. С. 197.

554. Островский З. Указ. соч. С. 49.

555. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 261.

конечно, отрицательно отражалось на состоянии армии. Сам же Драгомиров, как мы говорили, действовал достаточно жестко и решительно. В его оправдание можно сказать, что генерал вернулся в Киев лишь 6 октября, после чего случаи массовых убийств резко сократились. Слишком армия и население тяготели к полюбившемуся им занятию, «большевизм» еврейства стал удобным предлогом — и не более того. В беседе с В. В. Шульгиным Драгомиров говорил: «Я отдавал самые строгие приказы ... Но ничего не помогает ... потому что покрывают друг друга»⁵⁵⁶. Белым не удалось создать строгой дисциплины в армии, и потому она, погрязшая в погромах и грабеже, саморазложилась и перестала быть боеспособной⁵⁵⁷.

Каковы были особенности деникинских погромов? Чем они отличались от предшествующих погромов еврейского населения? По мнению все того же Н. И. Штифа, отличия эти заключаются: «1. в чисто военном характере погромов, 2. в массовом насиловании женщин, 3. в особенной жестокости и пытках, 4. в крайней разрушительности и искоренении целых общин. В этом смысле с погромной практикой Добровольческой армии могут соперничать только резни времен Хмельничины (1648 г.) и Гонты (1768 г.)»⁵⁵⁸. Вторил Штифу И. Б. Шехтман, писавший о том, что «еврейские погромы периода Добровольческой армии носили чисто военный характер. Устраивали их исключительно регулярные части Добровольческой армии»⁵⁵⁹. «Добровольческая армия монополизирует погромное дело, — пишет Н. И. Штиф, — местное украинское население стоит в стороне, относясь к нему холодно или даже отрицательно»⁵⁶⁰. «Участие крестьян в добровольческих погромах там, где оно имело место, носило совершенно своеобразный мирно-разрушительный характер. В погроме, как таковом, крестьяне участия не принимали: не громили, не убивали, не насиловали. Они приходили после добровольцев, по их следам, и подбирали все оставшиеся после военного грабежа вещи, мебель, утварь; они были скорее мародерами, чем погромщиками, скорее спутниками, чем участниками погромов», — писал И. Б. Шехтман⁵⁶¹. Со своей стороны добавим, что крестьяне, как мы показали ранее, несомненно, активно участвовали в погромах белой армии, выступая, правда, «вторым эшелоном».

К моменту приближения Добровольческой армии к территории Украины, густо заселенным евреями, у добровольцев сформир-

556. Шульгин В. В. 1920... С. 286–287.

557. Дневник П. Н. Милюкова... С. 490.

558. Штиф Н. И. Указ. соч. С. 23.

559. Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 153.

560. Штиф Н. И. Указ. соч. С. 31.

561. Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 159.

ровался четкий стереотип, о котором достаточно верно написал И. Б. Шехтман: «Еврейское население — сплошь большевистское и, во всяком случае, за большевиков ответственное. Такова была априорная политическая максима, из которой исходили все элементы Добровольческой армии. В специальном каждый раз доказательстве максима эта не нуждалась. Принадлежность к еврейской национальности является уже сама по себе необходимым и достаточным признаком „комиссарства“. И, в качестве сплошной большевистской массы, евреи естественно — военная добыча Добровольческой армии, отданная на поток и разграбление ее наступающим частям»⁵⁶². Шехтман, между прочим, считал, что призрак евреев-комиссаров тяготел над психикой не только рядовых, младших офицеров, но и высшего командного состава Добровольческой армии⁵⁶³. Как же объясняли сами добровольцы своим жертвам причины погромов? Отвечает на этот вопрос все тот же И. Б. Шехтман: «Почти в каждом погроме повторялось одно и то же: „Это вам за Троцкого“. Троцкий персонифицировал собой всю советскую власть, никаких других большевистских имен для Добровольческой армии не существовало»⁵⁶⁴. Часто Троцкий изображался и на осваговских плакатах⁵⁶⁵. Таким образом, призрак Троцкого служил для добровольцев и причиной и оправданием всех зверств, которые они творили в отношении еврейского населения. Сам Л. Д. Троцкий полагал, что попытки белых эксплуатировать фактор его еврейства успеха не имели⁵⁶⁶. Отрицал он и наличие значительного процента евреев среди комиссаров⁵⁶⁷.

Каким образом объясняли историки погромного движения причины той беспредельной жестокости, которая присутствовала в поведении добровольцев? «Те умеренные темпы и сдержки, которые все же были у Деникина и у его правительства, в армии отсутствовали. Умами военных владели преимущественно крайне правые; именно их клич „бей жидов — спасай Россию“ был так хорошо усвоен армией. Почти все погромы шли под этим лозунгом. Но армия не только искала реставрации — она шла и с лозунгом мести!»⁵⁶⁸ Мнение И. Б. Шехтмана крайне спорно. Действительно ли добровольцы шли с лозунгом мести? Нам кажется, что говорить о какой-то мести как о побудительном мотиве погромов можно только в отношении старых добровольцев, которых к середине

562. Там же. С. 40–41.

563. Там же. С. 209.

564. Там же. С. 15–16.

565. Дроздов А. Указ. соч. С. 50.

566. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 354.

567. Троцкий Л. Красная армия в освещении белогвардейца // Известия ВЦИК. 1919. 16 октября.

568. Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 13–14.

1919 оставалось не так много. Какие специфические новые черты добровольцы привнесли в практику погромов? При Добровольческой армии изнасилование принимает массовый характер и становится «неотъемлемой основной частью погромной программы, отодвигающей как бы на второй план все остальные части, за исключением разве грабежа»⁵⁶⁹. Практика изнасилования принимала такие масштабы, что в Екатеринославле было изнасиловано не менее 1000 еврейских женщин. В Корсуни (Киевской губернии) зарегистрировано было 2 случая изнасилования 70-летних старух; в Россаве был случай изнасилования 75-ти летней старухи на глазах у мужа и дочерей⁵⁷⁰. Другим специфическим признаком погромной практики добровольцев становится система заложничества, широко внедряемая добровольцами в практику, причем «арест заложников-евреев производился исключительно по национальному признаку»⁵⁷¹. Таким образом, еврейство являлось для добровольца прямым указанием на необходимость принятия каких-либо репрессивных мер. И. Б. Шехтман писал, что «погромы Добровольческой армии, как и погромы на Украине вообще, не были, таким образом, неизбежным эпизодом гражданской войны; они носили характер специального похода против еврейского населения»⁵⁷². Шехтман говорил также и о «форменном крестовом походе именно против еврейского населения»⁵⁷³. Автор считает, что не менее правомерна и точка зрения В. В. Шульгина, видевшего «корень еврейских погромов, как и остальных безобразий — в падении дисциплины, а вовсе не в антисемитизме белых. Погромы были для белых также губительны, как и для самих евреев»⁵⁷⁴. А. И. Деникин писал: «Если бы при тогдашних настроениях придать „программный“ характер борьбе с еврейством, мало того — если бы только войска имели малейшее основание полагать, что высшая власть одобрительно относится к погромам, то судьба еврейства Южной России была бы несравненно трагичнее»⁵⁷⁵. Но, повторим, что одной из важнейших причин антисемитизма белых было наличие в стане врага (красных) большого числа лиц еврейского происхождения. Пример Май-Маевского порождал у всех чинов армии ощущение вседозволенности, безнаказанности. Армия стремительно разлагалась. Причина этого, на наш взгляд, в отсутствии единой объединяющей идеи для всех частей ВСЮР. Парадокс заключался в том, что Добровольческая армия изначально возникала как ар-

569. Штиф Н. И. Указ. соч. С. 26.

570. Там же. С. 27.

571. Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 41.

572. Там же. С. 259.

573. Там же. С. 255.

574. Шульгин В. В. Что НАМ в НИХ не нравится... С. 71.

575. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 536.

мия наступления. «Получался замкнутый круг противоречий: надо было наступать для того, чтобы оздоровить армию, или по крайней мере не дать ей окончательно разложиться; но наступать можно было только при наличии морально-политической устойчивости войск. Выхода из этого круга Деникин не нашел», — писал видный советский военачальник А. И. Егоров⁵⁷⁶. При наличии целого комплекса практически неразрешимых проблем погромы деникинцев, к тому же лишь продолживших предшествующую погромную волну, начатую Петлюрой, Григорьевым и др., не выглядели чем-то экстраординарным. Большой процент евреев среди чекистов, среди комиссаров давал добровольцам своеобразную индульгенцию на геноцид еврейства. Отступление или наступление Добровольческой армии были *casus belli* — поводом к погромам. Свою версию причин погромов предложил Н. И. Штиф, писавший, что: «1. „совершенно оподлившимся людям“, „сброду“ 2. поставлена задача бороться с большевиками, то есть с „жидами“ (большевики и „жиды“ это одно и тоже) (...) 4. которых закон извергает из человеческого общежития 5. этим спасается Россия и православная церковь. Отсюда вытекает с неумолимой неизбежностью: „бей жидов, спасай Россию“»⁵⁷⁷.

Антисемитизм никогда не был основой национальной политики администрации ВСЮР. Главной же причиной погромов была война, которая для многих добровольцев шла с 1914. Погром был для добровольца не только средством наживы, но и средством разрядки. Помимо этого, еврейство символизировало для многих добровольцев саму революцию, разрушившую их традиционный жизненный уклад. Погромы принесли белому движению огромный вред, став, в свою очередь, козырным тузом красной пропаганды, утверждавшей, что антисемитизм и погромная практика белых являются лишь способом отвлечь рабочие и крестьянские массы от классовой борьбы, подменив последнюю борьбой национальной. Последнее утверждение встречается во всех без исключения советских изданиях того времени⁵⁷⁸.

576. Егоров А. И. Разгром Деникина. М., 1931. С. 139.

577. Штиф Н. И. Указ. соч. С. 76.

578. Письмо американскому президенту Вудро Вильсону от старого еврея Янке-ля Кацбаума // Известия ВЦИК. 1919. 21 февраля; Литовский. Старое средство // Там же. 1919. 15 апреля; Отрыжка старого // Там же. 1919. 16 мая; Бонч-Бруевич В. Д. Опять погромы // Там же. 1919. 16 мая; Вардин И. Русская национальная диктатура // Там же. 1919. 19 августа; Генерал Деникин и два харьковских евреев // Там же. 1919. 31 августа; Вардин И. Против еврея — за царя // Правда. 1919. 14 мая; Мещеряков Н. Антисемиты и Советская власть // Там же. 1919. 18 мая; Кюрин Н. Внутреннее положение в царстве Деникина // Там же. 1919. 5 июня; Вардин И. Удушливые газы реакции // Там же. 1919. 6 июня; Кто наш враг и кто друг // Воронежская беднота. 1919. 30 июля; Жиды ли виноваты // Там же. 1919. 30 июля; Евреи, классовая борьба и погромы. Пг., [6. г.]. С. 7, 10–13; Контрреволюция и погромы. [Б. м.],

Особую роль в разработке направления национальной политики генерала Деникина сыграла «Подготовительная по национальным делам комиссия», инициатором создания которой (и ее первым председателем) выступил Василий Витальевич Шульгин.

В дни французской интервенции в Одессе, в конце декабря 1918, Шульгиным было написано письмо Драгомирову с предложением создать «Подготовительную по национальным делам комиссию»⁵⁷⁹, которая и была образована в январе 1919. Во главе комиссии был поставлен сам Шульгин. Цель комиссии «была осветить все „национальные вопросы“, возникающие на „шестой части суши“, как-то: финский, латышский, эстонский, польский, украинский, бессарабский, татарский (крымский и казанский), грузинский, армянский и прочая, и прочая, и прочая с русской точки зрения»⁵⁸⁰. В проекте предполагалось и создание еврейского отдела⁵⁸¹. В. В. Шульгиным был подготовлен проект о назначении комиссии, включавший в себя следующие пункты:

А) «собрать материалы (географические, исторические, этнографические (экономические и иные), необходимые для суждения по национальным вопросам, в которых заинтересованы народы России;

Б) на основе вышеуказанных материалов составлять записки, меморандум и иные труды, коими национальные вопросы освещались бы с русской точки зрения;

В) издать и распространить, как в России, так и за границей те из вышеуказанных трудов и материалов, которые для этой цели будут признаны соответствующими»⁵⁸².

Одним из приоритетных направлений деятельности комиссии было информирование союзников на предстоящей Парижской мирной конференции о действительном состоянии украинского и других национальных вопросов, для чего, в частности, некоторые из готовившихся к печати теоретических брошюр по «малорусской проблеме» планировалось перевести на французский язык⁵⁸³. Имея на руках труды, в которых раскрывалась бы предыстория, обоснованность (или нет) территориальных притязаний того или иного государственного новообразования на территории бывшей Российской Им-

1919. С. 6, 13–14; Петровский Д. Революция и контрреволюция на Украине. М., 1920. С. 29–32; Кин Д. Я. Деникинщина... С. 244; Елецкий П. О евреях. Харьков, 1919. С. 4; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 242–244.

579. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 71. Л. 2–3.

580. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

581. Там же.

582. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 105. Л. 2.

583. Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (ПФА РАН). Ф. 752. Оп. 2. Ед. хр. 180. Л. 7–8.

перии, белым было бы легче мотивировать союзникам свою позицию по национальному вопросу, выступая перед ними в Париже.

В письме к председателю Особого Совещания А. М. Драгомирову от 10 мая 1919 гг. Шульгин писал: «Одна из главных целей, которую поставила себе подготовительная по национальным делам комиссия, состоит в том, чтобы подготовить для мирной конференции к тому времени, когда Россия займет подобающее ей место, все материалы, необходимые для защиты русских интересов. В ряду этих материалов документом, который как бы явится венцом всей работы комиссии, должна быть карта, изображающая западную границу Российской Державы. Изготовление такой карты, которая явится выражением территориальных требований России, потребует исключительно серьезной работы, крайне ответственной». В качестве координаторов работы особого отдела, предполагавшего осуществлять работу над картой, В. В. Шульгин предлагал кандидатуры А. М. Драгомирова, А. С. Лукомского и адмирала А. М. Герасимова⁵⁸⁴.

В проекте, подготовленном Шульгиным, говорилось и о составе комиссии: «Комиссия состоит из председателя, двух товарищей и членов. Первоначальный состав членов, равно как председатель и его товарищи, назначается Главнокомандующим Добровольческой армии по представлению председателя Особого совещания. Дальнейшие пополнения членами состава комиссии предоставляется ее председателю»⁵⁸⁵. Комиссия подразделялась на следующие отделы: «Великороссийский, Малороссийский, Белорусский и литовский, Латышский, Эстонский, Финляндский, Грузинский, Армянский». Образование новых отделов было прерогативой председателя комиссии⁵⁸⁶. Во главе отделов стояли председатели, избираемые отделом. Непосредственную работу по собранию и обработке материалов, а также составление докладов, записок и иных трудов осуществляли «члены-докладчики». Остальные члены отдела «суть постоянные члены, имеющие наравне с председателем и членами-докладчиками право решающего голоса». Также председатель отдела имел право приглашать для участия в работе сколь угодно количество лиц. Записка, меморандум или иной труд, одобренный большинством, считался мнением отдела. По желанию отдела подготовленный труд мог быть издан (с согласия председателя комиссии) в пропагандистских целях⁵⁸⁷. По мысли Шульгина, «Труды эти могли бы служить пособиями при обсуждении вопросов, связанных с национальными домогательствами народностей, стремящихся к отделению от России»⁵⁸⁸.

584. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 105. Л. 12.

585. Там же. Л. 2.

586. Там же.

587. Там же. Л. 3.

588. Там же. Д. 11. Л. 13.

Изначально пребывание комиссии было в Одессе, где она занимала помещение по соглашению с ректором Новороссийского университета, однако после эвакуации Одессы комиссия со своими отделами переместилась в Екатеринодар, где возобновила свои занятия в конце апреля 1919. Первое организационное собрание комиссии состоялось 10 января 1919 в Одессе⁵⁸⁹. Председателем комиссии был избран В. В. Шульгин, который «сохранил общее руководство работой всех отделов», работая в малорусском отделе и координируя работу остальных отделов⁵⁹⁰. Первым товарищем председателя был избран член-корреспондент академии наук профессор И. А. Линниченко, возглавивший малороссийский отдел. На отдел была возложена также работа, связанная с проектами автономного устройства Новороссийского края. Кроме того, отдел занимался также и выяснением отношения России к национальным движениям в Галиции и Буковине. Членами-докладчиками малороссийского отдела были избраны известные ученые профессора М. А. Ляпунов, П. М. Богаевский, С. Г. Грушевский и многолетний соратник В. В. Шульгина, член Государственной Думы А. И. Савенко⁵⁹¹. Отдел работал достаточно энергично. В ответ на требование украинцами автономии В. В. Шульгин и его сторонники предложили свой проект разделения Украины на ряд областей (Киевской, Харьковской, Екатеринославской, Одесской). Также Шульгин предлагал уничтожить губернские земства и передать областным собраниям те дела, которыми до этого занималась Государственная Дума. В октябре 1917 этот проект лег в основу «Наказа» Учредительному Собранию от Киевской губернии⁵⁹². Начала децентрализации и широкой национальной автономии, предложенные В. В. Шульгиным, стали стержневой идеей в национальной политике администрации ВСЮР. В годы гражданской войны идеи «областного устройства» белого Юга развивались малорусским отделом Подготовительной по национальным делам комиссии при Особом Совещании. Отдел провел солидную теоретическую работу: сотрудниками отдела было подготовлено 11 докладов по различным аспектам «украинской проблемы»⁵⁹³. Особенно на этом поприще заслуживает быть отмеченной деятельность профессора А. Д. Билимовича⁵⁹⁴. Билимович писал: «При устройении возрождающейся России на новых на-

589. Там же.

590. Там же.

591. Там же.

592. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 18. Л. 139.

593. За несколькими исключениями, все доклады вошли в сборник: Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сб. М., 1998. С. 28–133; 253–399.

594. Цветков В. Ж. Белое движение в России. 1917–1922 годы // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 68.

чалах страна мыслится нам разделенной на ряд автономных областей. Области эти должны состоять из нескольких губерний, отличающихся общностью физико-географических, этнографических, экономических и историко-политических признаков ... При применении принципа областных автономий Южная Россия (Украина, как ее теперь называют) должна быть разделена на несколько областей»⁵⁹⁵. Сам Шульгин вел пропаганду разделения Украины на областные автономии через свои многочисленные статьи⁵⁹⁶. Как считал Шульгин, идея областной автономии достаточно успешно проявила себя на примере Одессы в период военной диктатуры генерала А. Н. Гришина-Алмазова⁵⁹⁷, при котором Василий Витальевич выполнял роль «политического руководителя»⁵⁹⁸. Позднее в положении оторванного от белой метрополии города очутился и Киев⁵⁹⁹.

Общий отдел комиссии находился под руководством члена Государственной Думы Е. П. Ковалевского. После отъезда последнего в Париж отдел возглавил профессор А. Д. Билимович, заместителем которого был избран профессор П. И. Новгородцев. Членами-докладчиками общего отдела состояли: Е. П. Ковалевский, А. Д. Билимович, профессора Д. Н. Вергун и П. И. Новгородцев. Вторым товарищем председателя комиссии был член Особого Совещания В. А. Степанов, все время находившийся в Екатеринода-ре. Степанову было дано поручение организовать отделы комиссии, которые занимались бы разработкой национальных вопросов Кавказа и Закавказья. Членом-докладчиком кавказского отдела состоял А. Л. Стрельбицкий. Председателем белорусского отдела и одновременно его членом-докладчиком являлся член Государственной Думы В. А. Кадыгров. Председателем бессарабского отдела был выбран А. Н. Крупенский, докладчиком Н. К. Могиланский. Выходом из сложившейся в Бессарабии сложной ситуации комиссия считала проведение в Бессарабии народного плебисцита с двойным подсчетом голосов (всего населения и отдельно только

595. Билимович А. Д. Деление Южной России на области // Труды Подготовительной по национальным делам комиссии. Выпуск I. Сборник статей по малорусскому вопросу. Одесса, 1919. С. 106.

596. Шульгин В. Областные автономии // Россия. Одесса. 1919. 16 января; Он же. Область // Единая Россия. 1919. 6 октября; Основы организации управления Южной России // Киевлянин. 1919. 22 августа; Шульгин В. Игра в министры // Там же. 1919. 23 августа; Шульгин В. В. Нечто фантастическое. София, 1922. С. 13–18. Уже в эмиграции, развивая свой проект идеальной России после освобождения ее от большевиков, Шульгин писал: «Южная Россия может быть разделена на три или четыре области: Киевскую, Одесскую и Харьковскую или же Киевскую, Одесскую и Екатеринославскую» (Там же. С. 18.)

597. Шульгин В. В. Нечто фантастическое. С. 11–12.

598. Штерн С. Ф. В огне гражданской войны. Париж, 1922. С. 150.

599. Шульгин В. В. Нечто фантастическое... С. 11–12.

молдавского), вывод румынских войск и восстановление всех учреждений, действовавших до оккупации. Контроль за проведением этих постановлений в жизнь и временный протекторат над территориями должен был быть осуществлен войсками одной из союзных держав, «впредь до восстановления в России государственной власти»⁶⁰⁰. Руководство работами по крымско-татарскому отделу возложено было на А. Л. Бертье де ля Гард. Членом-докладчиком этого отдела был избран председатель Симферопольской археологической комиссии А. С. Маркович. Работы по польско-литовскому отделу были поручены профессору А. Л. Погодину, а доклад о финансовых расчетах Польши и России П. Н. Яхонтову. Докладчиком по Великорусскому отделу был намечен Е. А. Ефимовский⁶⁰¹. Финляндский, чехословацкий и немецкий отделы так и не приступили к работе в Одессе ввиду отсутствия специалистов, необходимых для успешной работы этих отделов. С самого начала наиважнейшей задачей работы общего отдела была признана необходимость издания этнографической карты народов России, для чего из состава отдела была выделена особая географическая подкомиссия⁶⁰², работавшая над установлением «стратегических, политических и этнографических границ на Западе России»⁶⁰³. Работа всех отделов комиссии проходила в форме подготовки и зачитывания различных докладов, посвященных актуальным вопросам национальной политики России⁶⁰⁴. После эвакуации из Одессы Шульгин на несколько месяцев устранился от работы в комиссии. 18 апреля 1919 деятельность комиссии была возобновлена в Екатеринодаре⁶⁰⁵. Временным исполняющим должность начальника отдела в апреле 1919 был назначен В. А. Степанов. Однако главным докладчиком Особого Совещания по делам Подготовительной по национальным делам комиссии оставался В. В. Шульгин. С апреля месяца комиссия перешла на содержание Добровольческой армии, оставаясь формально, впрочем, на положении общественной организации. Сметы комиссии проходили утверждение на заседаниях Особого совещания. Изначально в распоряжении В. В. Шульгина находилось 425000 рублей, из которых 325000 пропало в одесском отделении государственного банка во время эвакуации. Из-за нехватки средств и возникла, вероятно, необходимость перейти окончательно и фактически на содержание Добровольческой армии. Наибольшие трудности у комиссии вызывал вопрос о выбывании из каз-

600. Шкляев И. Н. Одесса в смутное время. Одесса, 2004. С. 63–64.

601. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 105. Л. 13.

602. Там же. Л. 14.

603. Там же. Л. 6.

604. Там же. Л. 14–15.

605. Там же. Л. 15.

ны А. И. Деникина денег на типографские расходы⁶⁰⁶. При комиссии, помимо вышеперечисленных, существовал и славянский отдел, задачей которого являлась пропаганда «идеи необходимости вооруженной помощи славянских государств Добровольческой армии». На членов комиссии возлагалась задача участия в практической подготовке этой идеи, «путем работы вне пределов России»⁶⁰⁷. Его деятельности в работе комиссии уделялось первостепенное внимание, чему немало способствовали и соответствующие резолюции А. И. Деникина⁶⁰⁸. Судя по всему, выработанные в комиссии идеи находили полное понимание у власти. В беседе с корреспондентом одной из газет В. А. Степанов говорил: «Мы являемся решительными бесповоротными противниками всякого рода федерализма. Но так же решительно, как мы отрицаем возможность федерации, так же решительно мы стоим за создание местных автономий во всех тех местностях, где для этого имеются основания — исторические, национальные или другие (...) Пределы автономии будут установлены в зависимости от условий той или иной местности. Но нигде автономия не может и не должна находиться в противоречии с идеей Единой России»⁶⁰⁹. По большей части, все изначальные предположения по работе Шульгина и его соратников остались на бумаге. Судьба отвела им на работу слишком мало времени. Комиссия, как вспоминал В. В. Шульгин, сделала «мало, вследствие бесчисленных эвакуаций, отступлений, наступлений и вообще непрерывного кавардака, который представляла из себя жизнь всех ее членов»⁶¹⁰. Все же определенные результаты были достигнуты, и работа комиссии явилась одним из ключевых эпизодов как политической биографии В. В. Шульгина, так и национальной политики Добровольческой армии.

Крайняя запутанность национальных отношений на территории, контролируемой белыми, делала их попытки разрешить межнациональные конфликты практически безрезультатными. Неспособность (а скорее сознательное нежелание) добровольческой администрации умело построить свои отношения с государственными новообразованиями, приспособиться к реальной политической обстановке момента приводила к возрастанию количества противников Деникина и явилась одной из причин поражения южнорусского белого движения.

606. Там же. Л. 6. «В январе 1919 г. по инициативе В. В. Шульгина возникла „комиссия по национальным делам“, бюджет которой был отнесен на счет В. С. Ю. Р.», — комментировал ситуацию Главком ВСЮР А. И. Деникин (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 311.)

607. ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 105. Л. 6; 15.

608. Там же. Л. 13.

609. Беседа с членом Особого Совещания В. А. Степановым // Родина. Харьков. 1919. 1 октября.

610. ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.

В оправдание белых можно сказать, что времени для реализации каких-то теоретических принципов, образывавших подход добровольческого командования к национальной проблеме, у белого командования было очень мало, буквально несколько месяцев. Все же определенные тенденции в национальной политике добровольческой администрации прослеживались достаточно определенно.

«Единая, Великая и Неделимая Россия». Этот лозунг реализовывался на практике. Однако его не следует понимать абсолютно буквально: Деникин и его окружение, стремясь сохранить осколки бывшей Российской Империи, готовы были дать окраинам широкую национальную и культурную автономию, но, конечно, в рамках единого государства. В этом традиционно видят великорусский шовинизм белогвардейцев. Такая точка зрения не совсем правомерна. Государственный национализм белых отнюдь не предполагал идею национальной исключительности. Восстановление «Великой, Единой и Неделимой России» в границах дореволюционного времени (за исключением этнографической Польши) являлось для белых необходимым условием самого государственного бытия России. Такую политику можно рассматривать как вполне допустимый государственный патриотизм. Воспитанные в духе беспредельной преданности Отечеству добровольцы не могли видеть «балканизации» России, раздробления ее на множество «держав», каждая из которых говорила с добровольцами снисходительно, не рассматривая их в качестве правопреемников самодержавной власти. Привыкнуть к новому статусу вчерашних окраин страны белогвардейцам было сложно. Принципиальная разница в национальной политике большевиков и белых как раз и проявлялась в том, что там, где большевики говорили о самоопределении наций, белые говорили о «изменническом сепаратизме». Такой подход в тот момент не мог не быть гибельным для окраинного белого движения. Фактически это было подпиливание того сука, на котором сидели белые. Однако, по-видимому, психология и воспитание добровольцев не позволяли им мыслить и действовать иначе. Не помог белогвардейцам и провозглашенный ими общерусский статус Добровольческой армии. Белые воспринимали себя именно как представителей центральной власти, директивы которой на местах должны исполняться беспрекословно. Для добровольцев национальная политика во многом сводилась к вопросу о подчинении окраин государственному центру, национальному вопросу отводилась второстепенная роль, поскольку рост национального самосознания белогвардейцы рассматривали в большой степени именно как дурное наследие большевизма. Привыкшие мыслить категориями традиционного армейского единоначалия и строжайшей дисциплины, белогвардейцы с трудом привыкали к необходимости проведения гибкой и не всегда честной дипломатии. Особенно трудно это давалось по-военному прямолинейному А. И. Деникину. Резкий, не всегда сдержан-

ный генерал так и не научился говорить с «иностранцами». Особенно это проявилось на Северном Кавказе, где конфликт с горцами превратился для добровольцев в настоящую войну. Почувствовав возможность проявить свои традиционные воинственные наклонности, горцы не собирались складывать оружие, превратив войну в доходный бизнес. Усмирение Северного Кавказа далось белым очень тяжело, и борьба так и не была завершена. Еще труднее развивались у деникинцев отношения с Грузией, пытавшейся разговаривать с ними на равных, как самостоятельное государство. Конфликт с грузинским правительством привел к войне, отвлекавшей значительные части белых от главного театра военных действий. Закавказскую политику А. И. Деникина следует признать неудачной.

Ошибочно Деникин выстроил и свою линию отношений с Польшей и Финляндией: признавая право этих государств на независимость, белый военачальник все же не находил возможным согласиться на дальнейшие территориальные уступки для Польши, а независимость Финляндии была бы окончательно признана белым правительством лишь после подписания выгодной для России конвенции. Такая негибкость политического мышления не позволила в 1919 включить эти два государства в антибольшевистский фронт.

Консервативно белые подошли и к украинскому вопросу. Достаточно сказать, что сам термин «Украина» был объявлен на нелегальном положении, а Украина стала, как и до революции, именоваться Малороссией. Такая откровенная реставрация не способствовала популярности белой политики. Упущенная возможность соглашения с Петлюрой также не характеризует Деникина-политика с лучшей стороны. Справедливости ради, добавим, что подобное соглашение, даже если бы оно состоялось, не могло быть долговечным. Вместе с тем, оно было бы полезно в тактических целях, как ради выигрыша времени (чтобы не отвлекаться на Петлюру во время наступления на Москву), так и в пропагандистских целях, учитывая популярность Петлюры на Украине.

Губительными для белых явились еврейские погромы. Они вредили популярности белых в глазах Запада, являлись козырным тузом красной пропаганды и фактором разложения армии; наконец, эти бесчеловечные погромные эксцессы продемонстрировали всему миру несостоятельность белых как государственной власти. Основной причиной погромов явилась, конечно, анархия, царившая на Украине, где погромы шли еще с 1917 года. Традиционный в военной среде антисемитизм в годы революции чрезвычайно усилился. Вместе с тем, воинствующая юдофобия была смертельно опасна для армии как для живого организма: поиск еврея становился для добровольца самоцелью. Когда объект ненависти обнаруживался, доброволец становился неуправляемым. Подчеркнем, одна-

ко, что помимо «идейных антисемитов», в добровольческой среде с избытком присутствовали и люди, участвовавшие в погромах исключительно по экономическим мотивам, ранее никогда с евреями не сталкивавшиеся и причин для ненависти к евреям не имевшие. К таковым прежде всего отнесем горских казаков, отличавшихся особой жестокостью в погромных акциях.

Причина всех национальных конфликтов на белом Юге России, как нам кажется, заключалась в одном: национальная политика осуществлялась исключительно силовыми методами. Единственным инструментом убеждения являлась армия, олицетворявшая собой всю государственную систему белой России. Подобная политика не могла не быть неудачна: любая мало-мальски крупная военная неудача неизбежно отзывалась национальными восстаниями в тылу.

Необходимо сказать, что исследование национальной политики южнорусского белого движения позволяет уточнить некие сформировавшиеся ранее исторические стереотипы, одним из которых является обвинение белых в отстаивании любой ценой «Единой и Неделимой России». Можно говорить, что в белом правительстве дебатировался вопрос о предоставлении отдельным народам достаточно широкой автономии, но в рамках единого русского государства. Безусловно, что отношения с малыми народностями, на территории проживания которых и базировались ВСЮР, складывались достаточно сложно, что не способствовало жизнеспособности деникинского режима.

Конфликты на национальной почве, в которые оказались втянуты белые, нельзя объяснить только неуступчивостью добровольческого командования. Достаточно заметить совпадение «горячих точек» на политической карте бывшей Российской Империи и на территории бывшего Советского Союза. Вместе с тем, неспособность белых умело провести свою национальную политику характеризует весь общеполитический курс Деникина и является глубоко показательной.

К. В. ШЕВЧЕНКО

КАК У РУСИНОВ-ЛЕМКОВ
АМПУТИРОВАЛИ РОДИНУ:
ОПЕРАЦИЯ «ВИСЛА» (1947)

Русины-лемки являются самой западной частью карпатских русинов, относящихся к восточнославянской этноязыковой общности. Территория проживания карпатских русинов, занимавшая северные и южные склоны Карпатского хребта, глубоким клином вдавалась в западнославянскую этноязыковую область, отделяя поляков на севере от словаков на юге. Историческая родина русинов-лемков¹ — северные склоны Карпат в Западной Галиции, на востоке ограниченные верхним течением реки Сан, которая отделяет территории, населенные лемками, от украинцев Восточной Галиции. На западе область расселения лемков достигала верховьев рек Попрад и Дунаец, доходя до г. Новы Сонч. Впрочем, русский историк И. П. Филевич, ссылаясь на распространенность восточнославянской топонимики на территории современной южной Польши, считал, что в раннее средневековье русины занимали значительно большую область проживания, которая впоследствии уменьшилась в результате польской колонизации и последующего «этнографического перерождения» местного восточнославянского населения. «Если... сопоставить географическую номенклату-

1. Русинские общественные и культурные деятели часто употребляли термин «Карпатская Русь», подразумевая под ним как область Северных Карпат, населенную русинами-лемками, так и территорию к югу от Карпат, населенную угорскими русинами (т. е. русинами современной восточной Словакии и Закарпатья, до 1918 г. входившими в состав Венгрии). Область проживания словацких русинов иногда называли также южной Лемковиной, но термин «лемко» в качестве самоназвания закрепился только за русинским населением северных склонов Карпат.

ру, обнаруживающую значительное количество названий от корня Рус, не только на правом, но и на левом берегу Вислы... то получится ряд несомненных доказательств присутствия Руси в самых... коренных пределах Малой Польши, — отмечал Филевич. — Перерождение значительной части русских хорватов в малополяков мы можем... иллюстрировать документально. Процесс этнографического перерождения на широком пространстве карпато-дунайской земли не может подлежать сомнению»².

Если русинское население к югу от Карпат постепенно вошло в состав Венгрии, возникшей после прихода кочевых мадьярских племен в Паннонию в конце IX в., то восточная часть Лемковины до XIV в. входила в состав Галицкого княжества, а с 1340 до 1772 г. находилась в составе Речи Посполитой. Западная часть Лемковины с самого начала входила в состав Польши. В 1772 г. с присоединением польской Галиции к Австрийской империи все карпатские русины были объединены в рамках государства Габсбургов, где русины-лемки оказались в составе австрийской провинции Галиция, а русины южных Карпат в составе Венгерского королевства.

Усиление конфессионального и национального гнета на восточнославянское население Польши и Венгрии, выразившееся в заключении Брестской (1596 г.) и Ужгородской унии (1646 г.), создало потребность в мощном славянском покровителе-единоверце, в роли которого для карпатских русинов с начала XIX в. все активнее выступает Россия. В середине и второй половине XIX в. среди интеллигенции русинов-лемков и угорских русинов большое распространение получают русофильские идеи, трактовавшие карпатских русинов как наиболее западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана. Особую роль в распространении данных идей на Лемковине сыграли местные грекокатолические священники, недовольные растущей полонизацией и латинизацией обрядов грекокатолической церкви. С распространением украинской этнической идентичности в Восточной Галиции в конце XIX — начале XX в. связано и окончательное становление самосознания русинов-лемков, которые не только не восприняли украинскую ориентацию своих восточных соседей — русинов Восточной Галиции, но и решительно выступили против нее. Термин «лемко» (производное от широко распространенного в местных русинских диалектах наречия «лем», которое переводится как «лишь», «только») появляется уже в XIX в., однако в качестве этнонима данный термин стал употребляться лишь с начала XX в. Именно в это время местные русинские деятели, обеспокоенные активизацией украинского движения в соседнем Львове, стали использовать регионализм «лемко» в качестве самоназва-

2. См. Филевич И. П. Очерк Карпатской территории и населения // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1895. С. 214–215.

ния, чтобы отличить русинское население к западу от реки Сан, большинство которого не приняло украинскую самоидентификацию, от русинов Восточной Галиции и Буковины, постепенно становившихся украинцами.

Начало XX в. было отмечено растущим противостоянием между русофильской интеллигенцией Лемковины и украинцами Восточной Галиции. Первая мировая война повлекла широкомасштабные репрессии австрийских властей против русинов-лемков, что стало одной из самых трагических страниц истории лемковского народа. Преследования русофильской интеллигенции лемков австрийскими властями начались с первых дней войны еще до вступления русской армии в Галицию. «Вся Лемковина была покрыта виселицами, на которых гибли ее лучшие сыны Острый плуг войны точно перепахал Лемковину»³, — писал лемковский историк — очевидец описываемых событий. С сентября 1914 по весну 1915 гг. русские войска занимали большую часть территории австрийской Галиции, включая территорию Лемковины, где, в отличие от Восточной Галиции, русская армия встретила доброжелательное отношение местного населения. После отступления русской армии австрийские военные власти арестовали около 5 тысяч лемков, подозреваемых в шпионаже в пользу России, в основном представителей интеллигенции, которые были брошены в австрийский концлагерь Талергоф неподалеку от Граца. Значительная часть узников Талергофа погибла, не выдержав издевательств и нечеловеческих условий содержания. По сути, в Талергофе был ликвидирован цвет лемковской русофильской интеллигенции, а сам концлагерь вошел в историческую память русинов-лемков как символ мученичества за народность и веру⁴. После трагических событий 1914–1915 гг. среди лемков широко распространилось мнение о том, что в трагедии Талергофа виновны украинофилы, доносившие австрийским властям на своих идеологических врагов-русофилов. «По лемковским селам под видом торговцев иконами... ходили украинские провокаторы и вели с селянами разговоры на политические темы, выдавая себя за друзей русского народа, — писал И. Ф. Лемкин. — У селян выясняли политические взгляды, все записывали, а потом отсылали властям. Таким образом был составлен список „moskalofilow“... На основе этого списка в начале войны была арестована вся лемковская интеллигенция и сотни селян»⁵.

После распада Австро-Венгрии осенью 1918 г. политическое движение на галицкой Лемковине с самого начала было ориентировано на Россию и на объединение с угорскими русинами,

3. Лемкин И. Ф. История Лемковины. Нью-Йорк, 1969. С. 139, 149.

4. См. Талергофский альманах. Львов, 1930.

5. Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 119.

а не с образованной в ноябре 1918 г. Западноукраинской Народной Республикой (ЗУНР). Уже 5 декабря 1918 г. на съезде в западнолемковском городке Флоринка, в котором участвовало 500 делегатов от 130 лемковских сел, было принято решение образовать самоуправляющуюся лемковскую административно-территориальную единицу с собственной исполнительной властью (Начальный Совет во главе с грекокатолическим священником М. Юрчакевичем) и законодательной властью (Русская Рада во главе с адвокатом Я. Качмарчиком)⁶. Созданное административное образование положило начало существованию Русской народной республики лемков во Флоринке. Первыми шагами руководства лемковской республики было создание национальной гвардии и организация школ и кооперативов⁷. В школах в качестве языка обучения вводился русский язык; в церковной сфере предпринимались попытки приблизить грекокатолическую литургию к православию⁸. Во внешней политике руководство лемковской республики, состоявшее из убежденных русофилов, стремилось к административному объединению русинов по обе стороны Карпатского хребта, созданию единого государственного образования Карпатская Русь и к ее последующему вхождению в состав России, апеллируя к опыту 1914–1915 гг., когда Галиция была занята русской армией. Если вхождение в состав России было главной целью лидеров лемковской республики, то вхождение Лемковины в состав Польши являлось для них наименее приемлемым вариантом, который они стремились любыми способами избежать.

Сразу после съезда во Флоринке руководство лемковской республики присоединилось к другим галицким политикам-русофилам, образовавшим в г. Санок Народный Совет Русского Прикарпатья, который, надеясь на «восстановление порядка в Русском Государстве», в своем меморандуме от 26 декабря 1918 г. писал: «Царское правительство... долго не обращало внимания на своих единокровных русских братьев в Прикарпатье. И только в последнее время, стараясь исправить свою роковую ошибку... устами министра Сазонова... провозгласило в 1914 г. присоединение Прикарпатья к великой Русской Империи. Имеем надежду, что Державная Русь останется в эту важную минуту верной своим словам... Мы, — завершали свое послание лидеры Народного Совета Русского Прикарпатья, — чувствуем и сознаем себя... гражданами единого, великого Русского Государства, не призна-

6. Magocsi P. R. The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus'-Ukraine // *Nationalities Papers*. XXI, 2. New York. 1993. P. 97.

7. Ibidem.

8. Moklak J. Republiki łemkowskie 1918–1919 // *Wierchy*. Kraków, 1994. Rok 59. S. 68.

ем на нашей земле никакой мадьярской, польской, габсбургско-украинской и какой бы то ни было чужой власти»⁹. Свою подпись под этим красноречивым документом поставили и руководители лемковской республики во Флоринке.

Стремление лемковских политиков к воссоединению с Россией оказалось иллюзией. Гражданская война в России, военные успехи Польши и состояние дел на мирной конференции в Париже вынудили лидеров лемковского движения сменить внешнеполитические приоритеты, переориентировавшись на Чехословакию. Уже в конце декабря 1918 г. представители лемков отправились в Прагу с целью прозондировать возможность вхождения Лемковины в состав Чехословакии и установили контакты с Русской Народной Радой в восточно-словацком Прешове. Лидер Прешовской Рады русофил А. Бескид вместе с представителем лемков Д. Собиным 12 марта 1919 г. направил чехословацкому правительству меморандум, в котором констатировалась «угроза самому существованию русского народа Лемковины в условиях польских зверств». В меморандуме выражалась просьба присоединить «северо-карпатскую часть русской ветви» вместе с угро-русинами южных склонов Карпат к Чехословакии, где будет обеспечена их «свобода и автономная независимость»¹⁰. Меморандумы аналогичного содержания были отправлены 20 апреля 1919 г. Парижской мирной конференции и 1 мая 1919 г. — американскому президенту Вильсону. Однако, кроме дежурного сочувствия со стороны Масарика и Крамаржа, добиться большего от чехословацких властей русинским лидерам не удалось. По мнению Б. Горбала, проблема Лемковины была для чехов лишь одним из инструментов давления на Варшаву в условиях чехословацко-польских споров по поводу Тешина, Оравы и Спиша¹¹. Польское руководство, отношения которого с Чехословакией были натянуты из-за пограничных споров в Силезии, решило положить конец существованию лемковского государственного образования, прочехословацкая ориентация которого воспринималась Варшавой более болезненно, чем прорусская. После почти двухгодичного существования республики лемков во Флоринке ее территория в конце марта 1920 г. была занята польскими войсками, а правительство арестовано¹².

9. Bratislava. Časopis učení spoločnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 530.

10. Horbal B. Sprawa łemkowska na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 2004. № 8. S. 149.

11. Ibidem. S. 152.

12. Magocsi P. R. The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus'-Ukraine // Nationalities Papers. XXI, 2. New York. 1993. P. 98–100.

Пребывание лемков в составе межвоенной Польши было отмечено как дискриминационной политикой польских властей в отношении восточнославянского населения Лемковины, так и ростом украинского влияния из соседней Восточной Галиции, встречавшего ожесточенное сопротивление со стороны лемковской русофильской интеллигенции. Общая численность лемков в межвоенной Польше по официальным данным составляла к 1931 г. около 130 тысяч человек, проживавших в 180 преимущественно лемковских деревнях и в нескольких десятках смешанных лемковско-польских сел¹³. В целом среди населения Лемковины продолжали доминировать русофильские настроения, что нашло свое выражение в деятельности лемковской республики во Флоринке, русофильское руководство которой в условиях невозможности присоединения к России длительное время пыталось добиться вхождения в состав Чехословакии вместе с угорскими русинами, стремясь любыми путями избежать присоединения к Польше. Неприятие польского государства и осознание исторической связи с Россией проявилось на Лемковине в ходе переписи населения в 1921 г., когда некоторые представители лемковской общественности заявляли, что «польская перепись не распространяется на лемков» и указывали «русское подданство»¹⁴.

Практическая политика польских властей по отношению к Лемковине определялась, с одной стороны, стремлением опереться на местных москвофилов как на противовес украинскому движению, что было особенно актуально до решения Совета Послов Антанты о признании Восточной Галиции частью Польши 14 марта 1923 года. С другой стороны, Варшава стремилась держать лемковских русофилов в определенных рамках, препятствуя с их помощью украинскому влиянию на Лемковину и одновременно способствуя полонизации лемковского населения. Примечательно, что на западе Лемковины польская администрация, опасаясь доминирующих там москвофилов, поддерживала украинцев, в то время как на востоке Лемковины, где влияние украинской пропаганды давало определенные результаты, польские власти поддерживали русофилов против украинцев. Если в течение 1920-х гг. польские власти в большей степени поддерживали на Лемковине украинцев, то с конца 1920-х гг. Варшава направляет основные усилия на ослабление украинского движения¹⁵.

Лемковский корреспондент прешовской газеты «Русь», сообщая о многочисленных злоупотреблениях польских властей

13. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. Edited by Paul Robert Magocsi and Ivan Pop. University of Toronto Press, 2005. P. 293.

14. Moklak J. Lémkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej. Kraków, 1997. S. 146.

15. Ibidem. S. 148.

на западной Лемковине в ходе переписи населения в 1921 г., писал, что «горлицкий староста издал распоряжение, в соответствии с которым руснаки могут записываться только как „русины“ или „украинцы“, но не могут быть записаны как „русские“». Тут мы и увидели, что беспокоит Польшу, — констатировал лемковский корреспондент. — Украинцем ты можешь быть, русином тоже, но русским человеком не смеешь, ибо свет узнал бы тогда, что в Горлицком округе живет тот же народ, что и в Москве»¹⁶. Для противодействия русофилам на Лемковине польские власти уже в 1919 г. начали кампанию по выявлению лиц непольской национальности в полиции, погранохране и среди почтовых служащих. Данные лица переводились с территории Лемковины в центральные регионы Польши, а их места занимались этническими поляками. Кроме того, Варшава с самого начала стремилась изолировать лемковские церковные приходы от грекокатолического духовенства из Восточной Галиции, связанного с украинским национальным движением.

Национальная политика польских властей на Лемковине в 1930-е гг. была направлена, с одной стороны, на поддержку русинских организаций среди лемков, «москвофильская» ориентация которых использовалась Варшавой для противодействия усиливавшемуся украинскому движению. С другой стороны, польские политики стремились не допустить окончательной победы и радикализации русинских «москвофилов»¹⁷. Политика Варшавы в отношении Лемковины, окончательно оформившаяся к началу 1930-х гг., исходила из того, что поскольку полонизация русинского населения Лемковины являлась трудноосуществимой, было необходимо стремиться к усилению этнокультурной и языковой изоляции лемков от украинцев Восточной Галиции, что представлялось более реальной задачей. «Польская акция» на Лемковине была достаточно продуманным, организованным и институционально оформленным проектом, который осуществлялся и координировался правительственным Комитетом по делам Лемковины, включавшим представителей Президиума Совета Министров, МВД и кураторов краковского и львовского образовательных округов¹⁸.

* * *

Вторая мировая война и ее последствия для русинов-лемков Польши оказались еще более трагическими, чем для русинов Чехословакии. С началом войны и оккупацией Польши Германией в сен-

16. Русь. 3 ноября 1921. № 2–3.

17. Stepek J. A. Akcja polska na Łemkowszczyźnie // *Libertas. Kwartalnik społeczno-polityczny*. Paryż, 1984. № 1. S. 33.

18. *Ibidem*. S. 34.

тябре 1939 г. условия соперничества русинов-лемков и украинцев на территории Лемковины резко изменились в пользу украинцев. После занятия Западной Галиции немцами сюда в массовом порядке устремились украинские националисты из Восточной Галиции, бежавшие перед советскими властями. По словам очевидца, немецкие оккупационные власти принимали украинцев-галичан «с распростертыми объятиями как союзников и назначали их на должности учителей, школьных инспекторов и информаторов... Агенты гестапо из украинских комитетов... сновали по лемковским селам, выискивая коммунистов и „москвофилов“, — отмечал И. Ф. Лемкин. — Много лемков погибло от рук гитлеровских и украинских палачей... Как во время Первой, так и в ходе Второй мировой войны украинские националисты сыграли на Лемковине роль Каина»¹⁹. Среди жертв нацистских преследований был известный русинский общественный деятель, глава Лемко-Союза О. Гнатышак, погибший в концлагере Аушвиц.

Лемки и лемковские организации в Северной Америке внесли весомый вклад в поддержку СССР во время Второй мировой войны. Особую роль в этом сыграл Лемко-Союз в США и Канаде, симпатизировавший коммунистическим идеям и поддерживавший СССР. Многочисленная лемковская диаспора в США и Канаде при посредничестве Лемко-Союза во время войны собрала и отправила в СССР около полумиллиона долларов в качестве финансовой помощи. По данным И. Ф. Лемкина, количество всех лемков, служивших в рядах Советской Армии, достигало 25 тысяч человек; из них около трети погибло²⁰.

Окончание Второй мировой войны принесло русинскому населению Лемковины новые тяжелые испытания. Одним из первых соглашений, заключенных Польским Комитетом Национального Освобождения (ПКНО), был договор, подписанный 9 сентября 1944 г. с правительствами УССР и БССР о переселении в эти советские республики проживавших в Польше лиц русской, украинской и белорусской национальности, а также о переселении с их территории в Польшу лиц польской национальности. Договор об обмене населением предусматривал исключительно добровольный принцип переселения. Поскольку восточнославянское население Лемковины трактовалось коммунистическими властями Польши и СССР как украинское, русины-лемки были отнесены к числу потенциальных переселенцев на Украину. Планы переселения лемков были поддержаны просоветски настроенным руководством влиятельного Лемко-Союза в Северной Америке, которое считало, что тем самым будут решены национальные и экономические проблемы русинов-лемков.

19. Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 180–181.

20. Там же. С. 193.

Вплоть до середины 1945 г. русины-лемки, особенно из наиболее пострадавших в ходе войны восточных областей Лемковины, переселялись на Украину добровольно. Однако со второй половины 1945 г., когда число добровольцев иссякло и лемки стали отказываться покидать историческую родину, польские власти перешли к политике давления, угроз и открытого насилия, стремясь полностью очистить территорию юго-восточной Польши от русинского населения²¹. Примечательно, что местные польские власти приветствовали договор об обмене населением с УССР, трактуя данный документ как гарантию того, что все лемковское население в итоге покинет территорию Польши. Так, руководство Краковского воеводства, где проживало около 25 000 русинов-лемков, игнорируя зафиксированный в договоре принцип добровольности переселения, с самого начала исходило из того, что с территории данного воеводства будут полностью выселены все лемки²².

В соответствии с договором между советскими республиками и Польшей об обмене населением, в целом около 60 % всего лемковского населения было вынуждено покинуть свою историческую родину и переселиться на Советскую Украину. Большинство лемков было расселено в Тернопольской области Восточной Галиции. Переселение сопровождалось нарастающим террором и насилием в отношении мирного лемковского населения со стороны действовавших в регионе польских военизированных формирований, вынуждавших переселяться и ту часть лемков, которая хотела остаться на родине. И. Ф. Лемкин приводит многочисленные примеры кровавого польского террора в отношении мирного русинского населения Лемковины, упоминая, в частности, о крупной банде бывшего капеллана Армии Крайовой Журавского, которая насчитывала около 1000 человек и целенаправленно истребляла русинских священников и селян²³. «Польские банды как бешеные псы летали по лемковским селам, принуждая население выезжать в Советский Союз. Если в каком-нибудь селе они наталкивались на сопротивление выселению ... они поджигали село, избивали людей и грабили лемковское имущество, — писал И. Ф. Лемкин. — На лемков, переселявшихся в Советский Союз добровольно, банды нападали в дороге и грабили ... Даже то, что вытворял Гитлер с поработленным народом во время оккупации, не идет ни в какое сравнение с тем, как обращались с лемками польские банды»²⁴.

21. Kwiek J. Przesiedlenie ludności łemkowskiej z województwa Krakowskiego na Ukrainę (1945–1946) // *Studia Historyczne*. 1998. R. XLI. Z. 2 (161). S. 236–238.

22. Ibidem. S. 239.

23. Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 206–207.

24. Там же. С. 204.

Акция переселения на Советскую Украину не в полной мере оправдала ожидания польского руководства, поскольку почти половина русинского населения Лемковины продолжала оставаться на своей исторической родине. Активизация деятельности УПА в северо-карпатском регионе и убийство 28 марта 1947 г. бывшего командующего Второй Армии Войска Польского генерала К. Сверчевского украинскими националистами были использованы польским руководством как удобный предлог для окончательного «решения» лемковского и украинского вопросов. «28 марта этого года около десяти часов утра во время проведения инспекции от пуль украинских фашистов УПА на дороге Санок — Балигород погиб генерал Кароль Сверчевский, второй замминистра обороны, бывший командующий второй армии, герой боев за Нису Лужицкую»²⁵, — говорилось в радиосообщении министерства национальной обороны Польши. Уже на следующий день, 29 марта 1947 г., на заседании политбюро ЦК Польской Рабочей Партии, посвященном гибели Сверчевского, было принято решение об «оперативном переселении украинцев и смешанных семей на возвращенные территории в рамках репрессивной акции против украинского населения»²⁶. При этом все коренное восточнославянское население юго-восточных областей Польши, включая лемков, трактовалось польскими властями как априори украинское.

К концу апреля 1947 г. польское правительство разработало механизм депортации оставшейся части коренного восточнославянского населения Лемковины в западные области Польши. Впрочем, по данным польских исследователей, идея полного выселения русинов-лемков родилась значительно раньше убийства генерала К. Сверчевского. В частности, мысль о полном выселении лемков из области их традиционного проживания была высказана уже в ноябре 1946 г. членом политбюро ЦК Польской Рабочей Партии В. Гомулкой, который одновременно занимал должность вице-премьера польского правительства²⁷. Катализатором подобных планов польского армейского и политического руководства стало нежелание СССР продлить сроки переселения украинского населения из Польши в УССР, куда к началу августа 1946 г. уже было переселено 482 тысячи человек²⁸.

25. Akcja «Wisła». Dokumenty. Opracował Eugeniusz Misiło. Warszawa, 1993. S. 64.

26. Ibidem. S. 65.

27. Mokry W. Nie wojskowy, lecz polityczny cel wysiedleńczej akcji «Wisła» w 1947 roku // Problemy Ukraińców w Polsce po wysiedleńczej akcji «Wisła» 1947 roku. Pod redakcją Włodzimierza Mokrego. Kraków, 1997. S. 18.

28. Wołosiek L. Przebieg i skutki akcji «Wisła» // Problemy Ukraińców w Polsce po wysiedleńczej akcji «Wisła» 1947 roku. Pod redakcją Włodzimierza Mokrego. S. 23.

В качестве официальной причины выселения лемков Варшава называла необходимость ликвидации действовавших в северных Карпатах отрядов УПА, которые, по версии польских властей, пользовались широкой поддержкой среди лемковского населения. В свою очередь, лемковские историки и общественные деятели, указывая на традиционно негативное отношение русинов-лемков к украинским националистам и на отсутствие у лемков украинского самосознания, считают подобные обвинения беспочвенными²⁹.

В ходе операции «Висла», начатой польскими силовыми структурами 28 апреля 1947 г. и продолжавшейся до 12 августа 1947 г., все остававшееся на Лемковине русинское население было насильственно депортировано в Силезию и Поморье, полностью «очищенные» к тому времени от коренного немецкого населения. Депортация лемков осуществлялась польскими армейскими и специально созданными для этой цели милицейскими подразделениями, личный состав которых насчитывал около 20 000 человек. Всего в ходе операции было выселено примерно 150 000 человек, из которых 50 000–60 000 были лемками³⁰.

Механизм депортации лемковского населения в ходе операции «Висла» опирался на предыдущий опыт переселения лемков на Украину. Ночью польские армейские подразделения окружали село, предназначенное для выселения. Жителям села давалось несколько часов на сборы, в ходе которых они должны были погрузить на подводы предметы первой необходимости, включая продукты питания. Позднее из переселенцев формировалась колонна, которая под охраной польских солдат следовала до ближайшего сборного пункта. На сборных пунктах сотрудники польских спецслужб составляли подробные списки депортируемых и проводили фильтрацию переселенцев, выявляя среди них подозреваемых в связях с УПА³¹. После фильтрации основную массу переселенцев вместе с их скотом грузили в товарные вагоны и отправляли на территорию Поморья или Силезии, «очищенных» к тому времени от местного немецкого населения. Те переселенцы, которые не прошли фильтрацию и подозревались в связях с украинским националистическим подпольем, подвергались аресту и отправлялись в концлагерь в г. Явожно в южной Польше. Примечательно, что польский концлагерь в Явожно располагался в бараках, ранее относившихся к печально известному концлагерю Аушвиц³². В целом около 4000 депортируемых были арестованы польскими спецслужбами и брошены в концлагерь в Явожно. Многие из заключенных этого концлагеря

29. Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 217.

30. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. Edited by Paul Robert Magocsi and Ivan Pop. P. 531.

31. Wołoskiuk L. Przebieg i skutki akcji «Wisła». S. 29.

32. Ibidem. S. 29–30.

подверглись пыткам и физическим издевательствам; значительная часть из них погибла³³.

В Силезии и Поморье русины-лемки были расселены властями таким образом, чтобы как можно быстрее ассимилировать лемков в польско-язычном окружении. Количество лемков в отдельных населенных пунктах не должно было превышать 10 % от общей численности их населения. В секретной инструкции польского правительства прямо говорилось о том, что главной целью депортации является полная ассимиляция переселенцев в польском окружении и что для достижения этой цели «необходимо предпринять все усилия»³⁴. Примечательно, что в целях более эффективной ассимиляции инструкция предусматривала изоляцию русинской интеллигенции от основной массы переселенцев. Данный аспект ассимиляционной политики польских властей в отношении русинов-лемков был вполне сравним с политикой нацистской Германии в протекторате Богемия и Моравия, где нацистские власти целенаправленно подрывали и ограничивали влияние чешской интеллигенции на население, рассматривая это как существенный элемент германизации чехов.

В свою очередь, русинские села на территории Лемковины были частично разрушены, частично отданы польским переселенцам из республик СССР. По мнению современных лемковских общественных деятелей и некоторых авторитетных историков, включая канадского историка-слависта П. Р. Магочи, именно соображения национальной политики Варшавы, направленной на полную ассимиляцию национальных меньшинств и создание этнически однородной послевоенной Польши³⁵, явились истинной причиной второго этапа выселения лемков, в результате которого они были лишены своей исторической родины.

Современные польские исследователи также оценивают операцию «Висла» прежде всего как политическую акцию, направленную на полную «этническую зачистку» юго-восточных областей Польши от неудобного Варшаве русинско-украинского этнического элемента³⁶. По мнению польского историка В. Мокрого, «выселение русинов-украинцев сначала на Советскую Украину в 1945–1946 гг., а затем в западные и северные регионы Польши в 1947 г. было результатом заимствованной коммунистическим правитель-

33. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. Edited by Paul Robert Magocsi and Ivan Pop. P. 217.

34. Mokry W. Nie wojskowy, lecz polityczny cel wysiedleńczej akcji «Wisła» w 1947 roku. S. 15.

35. Magocsi P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 94.

36. Mokry W. Nie wojskowy, lecz polityczny cel wysiedleńczej akcji «Wisła» w 1947 roku... S. 16.

ством Польши идеи национально однородного польского государства. Автором данной идеи в межвоенный период были эндеки, стремившиеся ассимилировать 5,5 миллионов украинцев, проживавших на территории Второй Речи Посполитой»³⁷.

Вопреки запретам, уже в начале 1950-х гг. некоторые русины-лемки стали нелегально возвращаться на свою историческую родину в северные Карпаты, выкупая свои дома у новых владельцев-поляков. По некоторым данным, к началу 1980-х гг. около 10 000 лемков смогло вернуться на территорию Лемковины³⁸.

В период социализма в Польше, где, как в Советском Союзе и в Чехословакии, отрицалось существование отдельного русинского народа, а все русины были объявлены украинцами, русины-лемки были лишены возможности использовать свой традиционный этноним и развивать свою культуру. Только с изменением политической ситуации в Польше в конце 1980-х гг. русины-лемки получили возможность заявить о себе как об особом народе, отличном от украинцев. Весной 1989 г. в Легнице было зарегистрировано Общество лемков, объединившее лемковское население на всей территории Польши. Наряду с активной культурно-просветительной деятельностью, направленной на возрождение традиционной лемковской культуры и системы ценностей, Общество лемков затрагивает наиболее болезненные для лемков и неприятные для польского общественного мнения политические проблемы, выступая с осуждением акции «Висла» и поднимая вопрос о компенсации за собственность, которую лемки потеряли в ходе депортации 1947 г.

После падения социализма в Польше в 1989 г. польский сенат осудил операцию «Висла» как антигуманный акт, однако нижняя палата польского парламента (сейм) не поддержала этого решения. Польское правительство ничего не сделало и для какой-либо компенсации потерь, понесенных русинами-лемками в ходе депортации. Более того, в 1996 г. польские власти приняли решение преобразовать центральные области Лемковины в национальный заповедник Бескиды, тем самым изящно закрыв неудобный для себя вопрос о возможном возвращении лемкам их имущества и земельных владений в этом регионе³⁹.

Наряду с Обществом лемков в постсоциалистической Польше вскоре была зарегистрирована и другая лемковская организация — Объединение лемков, включающее ту часть лемковского населения, которая восприняла украинскую самоидентификацию. Про-

37. Ibidem. S. 17.

38. Magocsi P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 98.

39. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. Edited by Paul Robert Magocsi and Ivan Pop. P. 532.

тивостояние этих двух общественных организаций, выражающееся главным образом в активной полемике в прессе, во многом напоминает борьбу между лемковскими традиционалистами-русофилами и сторонниками украинской ориентации в межвоенный период. Тем не менее, значительная часть лемковского населения нынешней Польши сохранила свою традиционную идентичность, считая себя не украинцами, а русинами-лемками.

М. М. ГЕРШЗОН

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

В 1953–1963 ГГ.

*Кадровый состав Министерства. Министры. Члены коллегии.
Средний и низший кадровый состав. Основные направления
работы коллегии. Кино. Кинопрокат. Театры.
Изобразительное искусство. Другие сферы деятельности.
Международное сотрудничество.*

Как ни странно, до 1953 года в СССР не существовало такого ведомства, как Министерство культуры, а управление культурными процессами было рассредоточено по разным партийно-правительственным учреждениям. На протяжении советского периода система органов партийно-государственного руководства подвергалась многочисленным реорганизациям. Одной из наиболее крупных реформ в этой области явилось создание в марте 1953 году союзно-республиканского Министерства культуры, которое выполняло различные функции.

Примечательно, что опытом организации работы советского Министерства культуры и его деятельности интересовались и за рубежом. Так, один из чиновников Министерства сообщал: «я вам расскажу такой случай, о котором многие вероятно не подозревают, что такая страна древней культуры, как Франция, просила у Министерства культуры СССР дать им структуру нашего Министерства, чтобы перестроить у себя управление культурой, управление искусством по нашему, советскому образцу»¹. Отметим, что это высказывание было сделано на закрытом заседании Министерства, то есть не было саморекламой.

Государственное руководство культурой можно условно разделить на два метода — прямой и косвенный. Под прямыми методами управления художественной культурой понимаются административные, директивные методы, под косвенными, прежде всего, — фи-

1. Центральный архив общественных движений г. Москвы (ЦАОДМ). Ф. 957. Оп. 1. Д. 129. Л. 80.

нансовые. Финансовые методы управления со стороны государства заключаются в выделении денежных средств на постановку в театре, кинофильм, памятник, и т. п. Кроме того, к косвенным формам управления относится административное определение тиража того или иного произведения, что является немаловажным для его популяризации. В условиях советской системы стратегия развития искусства определялась аппаратом ЦК КПСС, в его ведении находились и прямые рычаги воздействия на культурные процессы — административные² и директивные (в этом плане Министерство являлось лишь передаточным звеном). В руках Министерства культуры находились в основном косвенные рычаги управления. Политикой предоставления государственных заказов авторам Министерство способствовало поддержке тех или иных деятелей культуры. Большое значение имеет и такой косвенный рычаг управления как деятельность по разработке и внедрению новой техники. Особенно это сказывается на развитии кино, телевидения и радио.

Хронологические рамки данной работы охватывают 1953–1963 гг., то есть первое десятилетие истории Министерства культуры. Нижней точкой отсчета является март 1953 года, когда Министерство было образовано, а в качестве верхней выбран 1963 год, когда закончилось выделение из Министерства управлений по отраслям культуры в самостоятельные ведомства. Тогда структура Министерства приняла ту форму, которая сохранилась практически без изменений вплоть до ликвидации Министерства культуры СССР 14 ноября 1991 года. Десятилетие 1953–1963 гг. практически полностью совпадает с тем периодом истории страны, который принято называть «оттепелью».

Министерство культуры — принципиально новая структурная единица в составе правительства — было образовано в соответствии с Законом о преобразовании министерств СССР от 15 марта 1953 года. Постановление об объединении министерств было сначала представлено Г. М. Маленковым на мартовском (1953) Пленуме ЦК КПСС³. После одобрения Пленумом закон был внесен на сессию Верховного Совета. Председатель Совета министров СССР Г. М. Маленков, представивший закон на утверждение сессии Верховного Совета, мотивировал свои предложения потребностью повышения оперативности управления, сокращением бюрократического аппарата: «проведение в жизнь организационных мероприятий в области улучшения государственного и хозяйственного руководства... несомненно создаст лучшие условия для успешного решения

2. В распоряжении Министерства культуры СССР также имелись административные ресурсы, однако, никогда оно не являлось истинным автором или разработчиком того или иного указания.

3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 3–9.

стоящих перед нашей страной исторических задач»⁴. Таким образом образование Министерства культуры СССР произошло в контексте «министерской реформы». Особенно подчеркивалась идея преемственности руководства. Маленков говорил, что мероприятия «по укрупнению ныне существующих министерств, по объединению в одном Министерстве руководства родственными отраслями народного хозяйства, культуры, управления назрели не сегодня. Они уже длительное время, при жизни товарища Сталина, вместе с ним вынашивались в нашей партии и правительстве. И теперь мы лишь ускорили проведение в жизнь назревших организационных мер по дальнейшему улучшению руководства»⁵. Однако на самом деле при жизни Сталина, вплоть до последнего периода наблюдалась прямо противоположная тенденция к «разбуханию» аппарата управления. Так в делопроизводственных документах Министерства кинематографии сохранилось характерное высказывание министра И. Г. Большакова. На одном из заседаний коллегии в конце 1952 года он заявил, что проблемы в сфере кинопроизводства были вызваны в том числе и тем, что у министра было только пять заместителей, но теперь, когда их количество увеличилось до семи дела должны пойти лучше⁶. Кстати в укрупненном Министерстве культуры, в марте 1953 года у министра было всего четыре заместителя⁷. Незавершенность реформы, осуществленной в марте 1953 года, вскоре, в августе того же года косвенно были вынужден признать и сам Маленков. Выступая на сессии Верховного Совета он сказал: «нам придется пойти на некоторые поправки к проведенной реорганизации министерств в связи с новыми задачами по дальнейшему развитию отдельных отраслей народного хозяйства»⁸.

В соответствии с законом от 15 марта 1953 года в состав Министерства культуры вошли бывшие:

Министерство высшего образования
 Министерство кинематографии
 Министерство трудовых резервов⁹
 Комитет по делам искусств
 Комитет радиоинформации
 Главполиграфиздат¹⁰.

4. Правда. 16 марта 1953.

5. Там же.

6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3475. Л. 304.

7. Там же. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 2. Л. 27.

8. Маленков Г. М. Доклад на VIII сессии Верховного Совета // Правда. 8 августа 1953.

9. Ведало учреждениями среднего специального (техникумами) и специального обучения (ФЗУ, ремесленными школами и т. п.).

10. Правда. 15 марта 1953.

Немного позднее в структуру Министерства влилось и Совинформбюро. Кроме того, Министерству культуры отошли все предприятия, стройки и организации, входившие в состав вышеперечисленных структур¹¹. Таким образом, оно в пятидесятых годах занималось не только руководством культурными процессами. Можно утверждать, что Министерство культуры в определенной степени относилось и к разряду промышленных министерств, с присущими им атрибутами производственного плана и бухгалтерско-финансовой отчетности. В его ведении находились крупные объекты капитального строительства, предприятия промышленности, изготавливавшие, в частности, киноаппаратуру, фильмокопии и т. п., еще более мощная и прибыльная отрасль производства печатной продукции, научно производственные институты и т. д. На балансе Министерства числилось даже два паровоза. Трудно перечислить все сферы деятельности, которыми занималось Министерство культуры. Наряду с названными оно ведало зоопарками (Главное управление культурно-просветительных учреждений)¹², организацией художественной лотереи, спортом, нормами питания учащихся¹³. Строительно-монтажные организации, подчиненные Министерству до 1957 года возводили детские сады, школы и учреждения здравоохранения¹⁴. В его ведении находилось радио и зарождавшееся тогда телевидение. Так, в частности Министерство занималось редакционной политикой — например, составляло «план освещения в „Последних известиях“ вопросов сельского хозяйства»¹⁵.

Из простого перечисления подразделений, вошедших в состав нового административного образования (а, также учитывая то, что Министерство культуры занималось некоторыми вопросами средней школы, например, обсуждением учебников), можно без преувеличения утверждать, что по объему, сфере деятельности, количеству подведомственных отраслей новому Министерству культуры не было равных в отечественной истории. В самом деле, ни ранее, ни позднее не было такого многофункционального правительственного учреждения, занимавшегося вопросами образования и культуры. В начале советской власти, правда, существовал наркомат просвещения, который также занимался проблемами культуры и образования. Но масштабы деятельности Наркомпроса конца 1910-х — 1920-х гг. и Министерства в 1950-х гг. несопоставимы. Несоразмерны количество вузов и средних специальных учебных заведений, тиражей печатной продукции, не говоря уже о том, что такие отрасли как радио и кино находились на заре советской власти

11. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 2. Л. 88.

12. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 125. Л. 155.

13. Там же. Д. 105. Л. 151.

14. Там же. Д. 88. Л. 147.

15. Там же. Д. 262. Л. 158.

в зародышевом состоянии, не имели массового слушателя и зрителя в целом по стране, а телевидения вообще не существовало, нельзя также не отметить повышение уровня грамотности, и увеличение территории страны произошедшее за более чем 30 лет.

Министерство культуры СССР образца 1953 года было настолько крупным государственным образованием, что его Главные управления в некоторых случаях были слабо связаны между собой, не только в смысле отраслевом, но и в буквальном — территориальном. Управления Министерства были разбросаны по всей Москве. Даже такие «родственные» как Главное управление кинематографии и Главное управление кинофикации и кинопроката находились на значительном расстоянии — первое размещалось в Малом Гнездиновском переулке, 7; второе — на Ленинградском шоссе, 57. Другие Главные управления находились по 10 различным адресам¹⁶.

Естественно, что оперативная связь между отдельными подразделениями Министерства и его руководством затруднялась. Это, в частности, отмечали сами сотрудники Министерства.

На заре существования Министерства культуры нельзя не отметить чрезмерную централизацию в решении вопросов, которые не имели принципиального значения, которые можно было бы решить на более низком уровне. Так, в делопроизводственных документах отложилось очень много бумаг, которые свидетельствуют, что решение незначительных проблем происходило на самом высоком уровне. Характерный пример — подготовка Министерством проекта распоряжения Совета министров о том, чтобы обязать Министерство строительства изготовить и поставить зданию МГУ им. М. В. Ломоносова на Ленинских горах «специальные штепсельные вилки»¹⁷. Конечно, вряд ли это распоряжение составлял сам министр, или даже его заместитель. Однако то, что для решения частного технического вопроса необходимо было составить распоряжение Совета министров СССР, само по себе говорит о многом в плане чрезмерной централизации государственного управления.

Первые десять лет истории Министерства культуры как органа государственного управления, это, по сути, история его разукрупнения и «отпочковывания» от него различных управлений и преобразования их в самостоятельные и независимые от Министерства культуры ведомства. Начало этому процессу было положено чуть более чем через год после образования — в 1954 и завершилось в 1963 году. Постановлением Совета министров от 28 марта 1953 года была определена следующая структура Министерства:

Главное управление высшего образования
Главное управление кинематографии

16. Там же. Д. 98. Л. 259.

17. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 108. Л. 25.

Главное управление по делам искусств
Главное управление радиоинформации
Главное управление радиовещания
Главное управление профессионального образования
Главное управление издательств, полиграфии и книжной торговли
Совинформбюро (на правах Главного управления)
Главное управление кинофикации и кинопроката
Главное строительное управление
Главное управление производственных предприятий
Главное управление сбыта

Управление по делам культурно-просветительских учреждений
Управление средних специальных учебных заведений
Управление руководящих кадров
Управление внешних сношений
Планово-экономическое управление
Финансовое управление
Управление капитального строительства

Центральная бухгалтерия

Первый отдел
Военно-мобилизационный отдел
Отдел экспертизы проектов и смет по строительству
Юридический отдел
Отдел военизированной и пожарно-сторожевой охраны
Транспортный отдел

Инспекция при министре
Секретариат министра
Канцелярия министра

Арбитраж
Хозяйственное управление

При Министерстве культуры состоят:
Высшая аттестационная комиссия (ВАК)
Государственная инспекция по охране памятников истории и искусства¹⁸

Министерству также непосредственно подчинялся
Союзгосцирк, имевший в середине пятидесятых годов
несколько лет статус Главного управления цирков.

Управления Министерства подразделялись на отделы по отраслям культуры, — например отдел театров и т. п.

18. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 2, Л. 91.

Структура Министерства была подвижной и изменялась на протяжении всего исследуемого периода. Так, в 1954 году был создан отдел новой техники. В Главном управлении кинематографии в том же году был образован сельскохозяйственный отдел для более квалифицированного руководства делом создания научно популярных фильмов по аграрной тематике¹⁹. На создание данного отдела повлияли решения Сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС, в постановлении которого говорилось: «Обязать Министерство культуры СССР организовать производство необходимого количества высококачественных, главным образом цветных учебных и научно-популярных фильмов по планам и заказам Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР и Министерства совхозов СССР»²⁰. В том же году Главное управление искусств было разделено на два: управление театров и музыкальных учреждений, а также изобразительных искусств и охраны памятников.

Наиболее крупные изменения в структуре Министерства происходили: 26 марта 1954 года, с образованием Министерства высшего образования и Главного управления трудовых резервов при Совете министров СССР, когда были исключены из центрального аппарата Главные управления высшего образования и профессионального образования. Начальник Главного управления профессионального образования Г. Зеленко объяснял необходимость выделения подведомственного ему управления из состава Министерства тем, что за период 1953 года резко увеличилось количество училищ, школ и, соответственно, число учащихся в них. Эта ситуация в свою очередь была вызвана тем, что в стране сложилась «неправильное соотношение специалистов со средним и высшим образованием» — во многих отраслях промышленности — «техников работает меньше чем инженеров»²¹. «В этих новых условиях возникает настоятельная необходимость непосредственного подчинения руководства подготовкой и распределением трудовых резервов Советом министров СССР»²². В записке составленной для Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева 4 января 1954 года²³ указывалась и еще одна причина необходимости его выделения: «Находясь в составе Министерства культуры СССР, Главное управление профессионального образования, в силу специфичности своих задач, органически не было связано с другими Главными управлениями Министерства и должно было осуществлять непосредственную связь с Министерствами и ведомствами, Госпланом СССР и другими центральными органами по всем во-

19. Там же. Д. 242. Л. 88.

20. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1985. С. 340.

21. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

22. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 57. Л. 49.

23. Там же. Л. 48–49.

просам подготовки и распределения государственных трудовых резервов»²⁴. Однако, ВУЗы и средние специальные учебные заведения, готовившие специалистов в области культуры, остались в совместном ведении Министерства культуры и Министерства высшего и среднего специального образования. Следующий виток преобразований в структуре Министерства был связан с административной реформой проведенной в 1957 году, образованием Совнархозов и новой попыткой сокращения государственного аппарата. Руководители ведомств сами вносили в ЦК предложения о возможных преобразованиях. Так, Н. А. Михайлов предложил выделить из состава Министерства ведомства связанные с вопросами внешнеполитической пропаганды и информации (Главное управление радиовещания и Совинформбюро)²⁵. Были учреждены Госкомитеты по культурным связям с зарубежными странами и по радиовещанию и телевидению, соответственно из аппарата Министерства были исключены 22 августа 1957 года Главные управления радиоинформации, радиовещания и Совинформбюро. Тогда же, в связи с передачей предприятий промышленности Совнархозам были ликвидированы Главные управления производственных предприятий и полиграфической промышленности. Управление капитального строительства и новой техники, созданное тогда же, руководило работой двух проектных институтов и конторой «Теомонтаж»²⁶. Н. А. Михайлов также предложил ликвидировать Главное управление культурно-просветительных учреждений, мотивируя этот шаг тем, что финансирование ведется из бюджетов союзных республик²⁷. Это предложение не было принято. Министр культуры, вопреки мнению специалистов (деятели культуры — скульпторов, архитекторов, художников) тогда же предлагал ликвидировать главную инспекцию по охране памятников. Он обосновывал это предложение тем, что финансирование охраны памятников ведется из местных бюджетов²⁸. Деятели культуры считали, что ликвидация общесоюзного органа по надзору за памятниками приведет к потере контроля за их состоянием. Действительно известны многие случаи, когда местные власти не только не наблюдали за состоянием памятников, их ремонтом и реставрацией, а наоборот способствовали (иногда умышленно — разбирая на кирпичи памятники архитектуры) их разрушению. В 1961 году преобразования коснулись «внутренних», административных структур Министерства — создается Управление делами, а Канцелярия и Хозяйственный отдел упраздняются. И, наконец, после создания 17 мая Госкомитета по делам кинематографии, а 10 августа 1963 года Госко-

24. Там же. Л. 49.

25. Там же. Оп. 36. Д. 42. Л. 22.

26. Там же. Л. 19.

27. Там же. Л. 28.

28. РГНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 42. Л. 32.

митета по печати при СМ СССР упраздняются управления по производству фильмов, кинофикации и кинопроката и отдел издательств. Создание Комитета по печати при Совете министров диктовалось необходимостью ликвидации ведомственной разобщенности в руководстве книжными издательствами. К 1957 году (когда была предпринята попытка наведения порядка в этой сфере) в систему Министерства входило 13 центральных и 96 местных издательств, другим Министерством и ведомствам, общественным организациям подчинялись 109 издательств²⁹. Единого центра руководства и координации издательской политикой не было. К 1963 году в стране было девять центров занимающихся выпуском литературы³⁰. При этом, «только 40% всего объема книжной продукции было подведомственно Министерству культуры»³¹. Начальник Главиздата отмечал, что редакционно-издательская политика у всех этих центров различная и между «этими центрами нет государственной точки зрения для того, чтобы навести порядок»³².

В 1963 году (согласно приказу министра от 14 октября 1963)³³ структура Министерства культуры получила законченный вид и практически не претерпела глобальных изменений в течение последующих десятилетий, вплоть до ликвидации Министерства культуры СССР в:

- Управление театров
- Управление музыкальных учреждений
- Управление изобразительных искусств и охраны памятников
- Управление культурно-просветительских учреждений
- Главная библиотечная инспекция
- Управление кадров и учебных заведений
- Планово-финансовое управление (с Центральной бухгалтерией)
- Управление внешних сношений
- Отдел капитального строительства и новой техники
- Отдел снабжения
- Первый отдел
- Управление делами

После 1963 года в ведении Министерства остались только те сферы искусства, руководство которыми до 1953 года осуществлялось Комитетом по делам искусств. Однако в отличие от последнего Министерства по своему статусу находилось выше, чем другие ведомства, занимавшиеся проблемами культуры.

29. Там же. Л. 17.

30. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 117.

31. Там же. Л. 116.

32. Там же. Л. 116.

33. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 965. Л. 182.

Высшим органом управления Министерства культуры являлась, как и в других правительственных органах коллегия. В ее состав входили: сам министр, его первые заместители и заместители, а также начальники некоторых Главных управлений. Первоначальный вариант коллегии был утвержден Постановлением Совета министров в 1953 году³⁴ и включал в себя восемь человек, сотрудников Министерства. На протяжении исследуемого периода коллегия претерпевала и качественные и количественные изменения. Во-первых, она увеличилась. Так, в середине 1950-х годов количество ее членов возросло до 22 человек³⁵. А к 1963 году несколько сократилась — до 17 человек. Во-вторых, в нее были включены не только представители Министерства. Участие в составе коллегии представителей творческих организаций, общественных (ВЛКСМ), региональных министерств культуры (РСФСР, УССР), редактора газеты «Советская культура», должно было, повидимому, отразить их влияние на принятие решений, способствовать лучшему проведению решений коллегии в жизнь, их разъяснению и пропаганде.

Сначала было установлено, что заседания коллегии проводились раз в неделю (по четвергам в 1 час дня)³⁶. А с приходом на должность министра Е. А. Фурцевой было решено проводить заседания два, а при необходимости — три раза в месяц. На заседании коллегии она заявила: «не стоит созывать коллегии каждую неделю»³⁷ и мотивировала свое предложение тем, что в других Министерствах коллегия собирается не чаще, чем раз в 10 дней или два раза в месяц.

Деятельность Министерства регулировалась Положением о Министерстве культуры СССР, утвержденным Постановлением Совета министров СССР от 20 июня 1953 года³⁸. Согласно этому документу министр обладал весьма широкими полномочиями. Так, он определял персональный состав коллегии и представлял его на утверждение в Совет министров СССР, утверждал положения о Главных управлениях и управлениях Министерства, назначал и смещал их начальников, а также руководителей подразделений непосредственно подчиненных Министерству (директоров учебных заведений, киностудий и т. п.), создавал организации и изменял их подчиненность. На практике некоторые кадровые вопросы был уполномочен решать первый заместитель министра³⁹. Впрочем, по многим кадровым вопросам союзное Министерство являлось лишь передаточным звеном. Характерен пример назначения на должности чиновников областного ранга. Схема была весьма сложна и многосту-

34. Там же. Д. 2, Л. 53.

35. РГАНИ. Ф. 5, Оп. 36. Д. 42. Л. 19.

36. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 66. Л. 7.

37. Там же. Д. 767. Л. 205.

38. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 13. Д. 1. Л. 19–28.

39. Там же. Оп. 2. Д. 28. Л. 29–30.

пенчата. Республиканское Министерство представляло кандидатуру на обсуждение в союзное. Последнее, в свою очередь, рассматривало анкетные данные — одобряло или отвергало претендента. В случае одобрения, кандидатура на должность чиновника областного ранга представлялась на окончательное утверждение в ЦК КПСС.

Министр одновременно являлся председателем коллегии, вел её заседания, подводил итоги обсуждения, выносил окончательный вердикт по тому или иному вопросу. Он также оформлял решения коллегии в виде приказов и инструкций. В положении, правда, зафиксирована возможность ограничения власти министра: «в случае разногласия между министром и коллегией министр проводит в жизнь свое решение, доводя о возникших разногласиях до сведения Совета министров СССР, а члены коллегии в свою очередь могут апеллировать в Совет министров СССР»⁴⁰. Однако ни одного прецедента разногласий коллегии и министра по принимаемым решениям не зафиксировано.

Структура уровня высшего управления Министерства была подвижной в течение всего рассматриваемого периода. В момент создания у министра было два первых заместителя и два заместителя. С 1954 года остался лишь один первый заместитель. К 1957 году количество обычных заместителей увеличилось до восьми⁴¹. Затем происходит их сокращение. К 1963 году у министра остались один первый и три простых заместителя⁴². За каждым из заместителей был закреплен тот или иной участок работы: вопросы кадров, вопросы производства, строительства и снабжения, отдельные отрасли художественной культуры⁴³.

Первый заместитель во время отсутствия министра (по болезни, в случае увольнения) выполнял его функции, — вел заседания коллегии (как, например, в марте 1955 года, после снятия Г. Ф. Александра), занимался текущими делами.

Рассматривая структуру Министерства культуры, нельзя не упомянуть о партийных органах, занимавшихся аналогичными проблемами. К 1953 году вопросами художественной культуры в ЦК партии занимался Отдел художественной литературы и искусства, выделившийся в 1950 году из Отдела пропаганды и агитации. Руководителем Отдела был В. Кружков. В конце марта 1953 года постановлением Секретариата ЦК был образован Отдел науки и культуры (заведующий Отделом А. М. Румянцев). 29 сентября 1955 года этот отдел был разделен на два разных — науки и культуры (заведующий Отделом культуры — Д. А. Поликарпов, заместители Б. Рюри-

40. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 13. Д. 1. Л. 26.

41. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 42. Л. 19.

42. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 997. Л. 77–78.

43. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 42. Л. 19.

ков, Б. Ярустовский и другие). В декабре 1962 года был образован Идеологический отдел ЦК (заведующий Отделом — Секретарь ЦК — Л. Ф. Ильичев), которому были переданы функции упраздненных отделов пропаганды и агитации; науки, высших учебных заведений и школ; культуры. Отдел культуры вошел в Идеологический отдел ЦК КПСС на правах подотдела в том же составе, что и ранее. Этим подотделом руководил тот же Д. А. Поликарпов.

Полномочия и функции Министерства культуры были закреплены в Положении, принятом 20 июня 1953 года, согласно которому оно должно было обладать практически неограниченными возможностями в сфере управления наукой и культурой. Причем контроль над этими сферами должен был быть всеобъемлющим как в части административной, так и в материальной. В частности Министерство утверждало учебники, направляло деятельность высших учебных заведений, руководило и управляло производством кинофильмов, вносило в Совет министров предложения по развитию кинематографа, устанавливало порядок утверждения литературно-режиссерских сценариев, утверждало планы производства отечественных фильмов и осуществляло прокат на территории СССР.⁴⁴ Министерство должно было стать, по замыслу авторов положения государственным органом, который «осуществляет руководство всеми видами искусства в СССР и направляет деятельность творческих союзов... в деле создания произведений для театрально-зрелищных учреждений»⁴⁵. Оно также составляло сводные и годовые тематические планы издания литературы, должно было осуществлять учебно-методическое руководство делами подготовки и воспитания специалистов в сфере образования. Кроме того, Министерство решало финансовые вопросы в подведомственных ему учреждениях — в частности должно было утверждать порядок установления тарифно-квалификационных категорий творческим работникам, разрабатывать и вносить на утверждение в Совет министров типовые расценки и гонорары. Министерство, согласно положению должно было руководить подведомственным ему предприятиям и стройкам. Таким образом, посредством Министерства культуры, согласно принятому положению, должен был осуществляться фактически тотальный контроль в сфере культуры и образования.

Кадровый состав Министерства

Постановлением Совета министров от 28 марта 1953 года⁴⁶ была определена структура и штаты Министерства культуры. Числен-

44. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 13. Д. 1. Л. 22.

45. Там же. Л. 23.

46. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 2. Л. 88.

ность центрального аппарата устанавливалась в 4643 единицы. Количество его сотрудников предписывалось сократить на 14,7% по сравнению с количеством кадров, работавших в различных ведомствах, влившихся в состав новообразованного Министерства. Данные о количестве штатных работников имеются в сводных отчетах по расходам на содержание органов управления по годам и приводятся в таблице⁴⁷:

	1953	1954	1958	1963	1964
<i>Штат на конец года (человек)</i>					
План	3 613	1 353	413	—	—
Выполнено	3 522	1 071	401	274	308
<i>Средняя ставка заработной платы (рублей в месяц)</i>					
План	1 122	1 180	1 341	137	142
Выполнено	1 068	1 173	1 297	128	139

Выборка данных по годам проводилась исходя из следующих соображений. 1953 год — первый год работы Министерства. Показатели на конец следующего года интересны тем, что позволяют проследить количество сотрудников, оставшихся после выделения из Министерства в качестве самостоятельного подразделения Главного управления высшего образования, Главного управления профессионального образования, Управления среднего специального образования. 1958 год — середина рассматриваемого периода. Данные 1964 года в сравнении с 1963 (когда закончилось оформление структуры Министерства) позволяют сделать вывод о наметившейся тенденции к некоторому росту числа сотрудников аппарата, — их количество за год увеличилось на 34 единицы (или на 12,4%). Если данные по штатам не могут быть корректно сопоставлены (за исключением 1963 и 1964 годов) вследствие естественного сокращения количества сотрудников из-за ликвидации управлений в связи с образованием новых министерств и ведомств, то данные по усредненной зарплате вполне могут быть сравнимы. Анализируя эти цифры можно сделать вывод, о том, что происходил непрерывный рост зарплаты на протяжении всех одиннадцати лет — со 106, 8 рублей в 1953 году (в постреформенных ценах) до 139 рублей в 1964, или на 30,1%. За этот же период среднемесячная зарплата рабочих и служащих, занятых

47. Там же. Оп. 16. Д. 92. Л. 7-70б.; Д. 118. Л. 50б.; Д. 539. Л. 50б.; Д. 997. Л. 5 об.; Д. 927, Л. 5 об. При сопоставлении данных необходимо учитывать денежную реформу 1961 года, в ходе которой 10 «старых» рублей обменивали на 1 «новых» и соответственно деноминировались заработные платы и цены.

в народном хозяйстве увеличилась примерно на 33,1% (с около 67,7 рублей в 1953 году до 90,1 рублей в 1964 г)⁴⁸. Разумеется, следует учитывать, что существовал огромный разрыв между ставками высшего руководства Министерства и ставками низшего (технического) персонала. Так, например в 1953 средний оклад начальника Главного управления составлял 2000–2500 рублей. Оклад начальников управлений устанавливался в размере 1600–2000 рублей, оклад заместителей на 10–15% ниже⁴⁹. В тоже время на аналогичных должностях в ЦК оклад заведующего отделом (должность в структуре ЦК, равнозначная министру в государственном аппарате) составлял 7000 рублей, заведующего сектором (должность, равнозначная начальнику Главного управления в Министерстве) 5000 рублей⁵⁰. Кроме того, сотрудники, в основном — руководящие кадры, получали различные надбавки и доплаты к должностным окладам, которые не учитывались при исчислении среднемесячной заработной платы.

Штаты и номенклатура руководства Министерства определялись постановлениями Совета министров СССР. Первые заместители и заместители министра культуры назначались Постановлением Совета министров, тогда как, например, заместители министров машиностроения или электростанций лишь утверждались по представлению соответствующих министров⁵¹.

Министры

За рассматриваемый период сменилось четыре министра: П. К. Пономаренко (15 марта 1953 — 9 марта 1954); Г. Ф. Александров (9 марта 1954 — 10 марта 1955); Н. А. Михайлов (21 марта 1955 — 4 мая 1960); Е. А. Фурцева (4 мая 1960 — 24 октября 1974).

Первый министр культуры СССР *Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко* (1902–1984) свой трудовой путь начал в 1919 году на нефтепромыслах, работая слесарем, а затем на железнодорожном транспорте машинистом. Впоследствии занимался комсомольской и партийной деятельностью (член КПСС с 1925 года). В 1932 году закончил Московский институт инженеров транспорта. Пономаренко стал одним из представителей генерации выдвиженцев, которые заняли руководящие посты после «чисток» конца 1930-х гг. В 1938 году он возглавил Белоруссию, став Первым секретарем ее ЦК Компартии (одновременно в 1944–1948 гг. он являлся Председателем Совета министров БССР). Самой значительной вехой в биографии Пономаренко стало назначение на должность Начальника штаба партизанско-

48. Народное хозяйство СССР в 1964 году. М., 1965. С. 554–555.

49. РГАЛИ. Ф. 2329, Оп. 2. Д. 102. Л. 104.

50. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 59. Л. 163.

51. Ср.: РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 2. Л. 27, 43.

го движения (1942–1944). Во-первых, так считал сам Пономаренко, во-вторых, его имя в общем курсе советской истории ассоциируется прежде всего с руководством партизанским движением⁵². С 1948 года он переводится на руководящую работу в Москву и избирается секретарем ЦК ВКП(б) (1948–1953). Одновременно в ноябре 1950 — декабре 1952 гг. занимал должность министра заготовок СССР. На XIX съезде КПСС Пономаренко включается в состав высшего политического руководства страны — Президиум ЦК. После смерти Сталина П. К. Пономаренко стал лишь кандидатом в члены Президиума ЦК (1953–1956) и был освобожден от обязанностей секретаря ЦК. Однако вряд ли это передвижение по карьерной лестнице можно рассматривать как серьезное понижение в должности. Членами Президиума ЦК в марте 1953 года стали только ближайшие соратники Сталина. Когда по инициативе Л. П. Берия происходило перераспределение обязанностей в высшем руководстве, Пономаренко возглавил малопrestижное Министерство культуры. После февральско-мартовского (1954) Пленума ЦК, принявшего решение об освоении целины (и в связи с этим об «укреплении» руководства Казахстана) он был назначен Первым секретарем ЦК Казахстана. Однако рапортовать о рекордных урожаях хлеба Пономаренко не было суждено, в 1955 году на посту руководителя Казахстана его сменил ставленник Хрущева Л. И. Брежнев. У П. К. Пономаренко были плохие отношения с новым партийным лидером Н. С. Хрущевым, об этом свидетельствовал сам Пантелеймон Кондратьевич: «наши натянутые отношения начались где-то год спустя после моего избрания первым секретарем ЦК КП (б) Б, когда во время одной встречи в приемной Сталина он допустил грубость, на что я тут же в жесткой форме обратил его внимание. В период Великой Отечественной войны наши отношения даже ухудшились»⁵³. Карьерный рост П. К. Пономаренко можно отчасти объяснить тем фактом, что он был свояком Г. М. Маленкова⁵⁴. С началом опалы Маленкова в 1955 году начался закат карьеры Пономаренко, — он направляется в почетную «ссылку» на должность посла в Польше (где он сменил будущего министра культуры Н. А. Михайлова), затем в 1957–1959 послом в Индию и Непал, в 1959–1962 в Нидерланды, в 1962–1964 представителем СССР в МАГАТЭ. Впоследствии он преподавал в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Для самого П. К. Пономаренко недолговременное пребывание на посту министра культуры не явилось значительным событием в жизни. Так, в объемном личном архиве, собранном

52. См. например: История КПСС. Изд. 7. М., 1984. С. 468; История Отечества: 11 класс. М., 1992. С. 63, 66.

53. Куманев Г. А. О чем вспоминал П. К. Пономаренко // Отечественная история. 1998. № 5. С. 135.

54. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 83. Оп. 1. Д. 35. Л. 39 об.

им самим и ныне хранящемся в РГАСПИ, не отложилось материалов, касающихся деятельности его как министра⁵⁵.

Второй министр культуры *Георгий Федорович Александров* (1908–1961) — единственный из всех четырех имел непосредственное отношение к культуре. В 1932 году он окончил Московский институт истории и философии (академик АН СССР с 1946 года). В 1938–1939 годах работает в Исполкоме Коминтерна. С 1939 года Александров — заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В 1940–1947 годах — начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В 1947–1954 гг. директор Института философии АН СССР. Имя Г. Ф. Александрова, прежде всего, ассоциируется с так называемыми «философскими дискуссиями» конца 1940-х гг. Его книга «История западноевропейской философии»⁵⁶ была раскритикована высшим руководством ЦК и в частности А. А. Ждановым. Александров, в духе времени вынужден был признать свои ошибки и заняться самобичеванием. Самый наглядный тому пример — книга «Труды И. В. Сталина в области языкознания и вопросы исторического материализма»⁵⁷. В ней покаяние автора доходит до самоуничтожения и благодарности партии (прежде всего Сталину и Жданову) за исправление его ошибочных взглядов. За свои труды по философии Александров был дважды (1943, 1946) был удостоен звания лауреата Сталинской премии. В 1941–1956 он являлся кандидатом в члены ЦК КПСС. После скандального изгнания с поста министра культуры СССР он был направлен в Институт философии АН Белоруссии. Материалов о снятии Г. Ф. Александрова с поста министра культуры пока еще нет в открытом доступе в архивах. Как правило, при обсуждении этого факта ответственные работники ЦК КПСС и Министерства культуры СССР ссылались на закрытое письмо ЦК «О недостойном поведении Александрова, Еголина и других...»

Николай Александрович Михайлов (1906–1982) занимал пост министра более шести лет. А начинал трудовую деятельность чернорабочим на заводе «Серп и Молот» в 1922 году. Затем он редактор заводской газеты «Мартеновка», завсектором печати Пролетарского райкома партии Москвы (член КПСС с 1930 года). С 1937 года в редакции газеты «Правда», впоследствии ответственный секретарь «Комсомольской правды». В 1938–1952 он Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1952–1953 член Президиума, секретарь ЦК и одновременно заведующий Отделом пропаганды и агитации. В этот период Михайлов по роду деятельности занимается вопросами литературы и искусства. С марта 1953 по 1954 руководит московской

55. Там же. Ф. 625. Оп. 1.

56. Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М., 1947.

57. Александров Г. Ф. Труды И. В. Сталина в области языкознания и вопросы исторического материализма. М., 1952.

парторганизацией. По мере того, как Н. С. Хрущев стал постепенно расставлять на ключевые посты лично преданных ему людей, Михайлов, очевидно, не пользовавшийся полным доверием, был переведен на дипломатическую работу послом в Польшу. В фондах Отдела культуры ЦК КПСС отложился весьма интересный документ, характеризующий Н. А. Михайлова. В письме на имя Д. Т. Шепилова от 5 марта 1957 года, заместитель директора Государственного издательства изобразительного искусства И. М. Горелов (лично не знакомый с Михайловым) отзывается о нем следующим образом: «Человек, умеющий изъясняться лишь на двух языках — русском и матерном, не являющийся знатоком ни в одной области культуры и искусства, возглавляет Министерство культуры величайшей страны социализма. Это оскорбительно для партии и страны»⁵⁸. В 1960 году он вновь был удален из Москвы (назначен послом) в Индонезию, а затем, уже после отставки Хрущева, вновь возвращен в Москву, с тем чтобы возглавить одно из бывших подразделений Министерства культуры — стать Председателем комитета по печати при Совете Министров СССР (1965–1970). С 1979 года на пенсии. Член ЦК КПСС в 1939–1971 гг. Для стиля руководства Министерством во времена Н. А. Михайлова характерно усиление идеологической составляющей. Так, например, выступая перед подчиненными, он заявлял: «Нам надо... высоко держать знамя воинствующей партийности»⁵⁹; «вся наша работа во многом носит идеологический характер»⁶⁰.

Екатерина Алексеевна Фурцева (1910–1974) была самым нестандартным и ярким министром культуры в рассматриваемый период. Кроме того, она была единственной, кто не был отправлен в отставку с должности министра и дольше других (в том числе и тех, кто был министром после нее) занимала этот пост — 14 лет. О ней сохранилось множество разнообразных воспоминаний. Ни одному министру культуры не было посвящено столько исследований и газетных публикаций. Необходимо отметить, что и до назначения Фурцевой был прецедент, когда пост министра культуры, правда на более низком уровне — в РСФСР — занимала женщина. С момента образования республиканского Министерства культуры в 1953 году эту должность занимала Т. М. Зуева⁶¹. Тем не менее, настоящий взлет карьеры Фурцевой в рамках аппаратной системы приходится не на министерский период, а на 1956–1960, когда она входила в состав высшего политического руководства страны (Президиум ЦК). Её портреты вывешивали на центральных площадях городов вместе с изображениями вождей сталинской эпохи и проносили во время демонстраций. Фурцева родилась в семье рабочего-текстильщика.

58. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 48. Л. 39.

59. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 103. Л. 26.

60. Там же. Д. 43. Л. 193.

61. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 105. Л. 212.

По окончании ФЗУ работала ткачихой на фабрике «Большевичка». В 1933–1935 училась на Высших академических курсах гражданского воздушного флота в Ленинграде. 1937–1942 — учеба в Московском институте тонкой химической технологии им М. В. Ломоносова. В 1948 закончила заочное отделение Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). После войны Екатерина Алексеевна работала во Фрунзенском райкоме Москвы. Один из ее коллег по совместной работе вспоминал: «Катю Фурцеву не любили в районе. Да и она... никого очень не жаловала. Боялась, угождала только вышестоящим»⁶². Но вместе с тем она была «недюжинным оратором» и организатором, а «Фрунзенский район оказался единственным в городе, выполнившим план строительных работ»⁶³. В нём было сосредоточено много научных и культурных организаций и по роду работы Фурцева неоднократно сталкивалась с их проблемами. Коллеги Фурцевой по работе в партийных организациях свидетельствуют, что молодого секретаря заметили в руководстве ЦК. В начале 1950-х годов её переводят в Московский горком партии. Уже к концу жизни Сталина она удостоивается чести сидеть на торжественных заседаниях в одном президиуме с высшим руководством страны.

После смерти Сталина «Фурцева прочно стала в фарватер политики Хрущева. Выбор был сделан не под нажимом, а осознанно и продуманно»⁶⁴. По инициативе Хрущева Фурцева в марте 1954 года была избрана первым секретарем МГК КПСС — руководителем главной городской парторганизации страны и фактически стала хозяйном города. В 1952–1956 она кандидат в члены ЦК, а на XX и последующих съездах (вплоть до самой смерти) избиралась в состав членов ЦК. Сразу после XX съезда КПСС Фурцева избирается кандидатом в члены Президиума ЦК. И до своего выдвижения в руководящие органы партии она занималась «в горкоме вопросами пропаганды, агитации, культуры, науки...»⁶⁵. Во время столкновения Хрущева с так называемой «антипартийной группой» Фурцева безоговорочно стала на его сторону и активно поддерживала. Она искренне разделяла позицию борьбы с культом личности. В Хрущеве на данном этапе она видела воплощение нового и прогрессивного — об этом можно судить по ее речи на знаменитом Июньском (1957) Пленуме ЦК, на котором она была избрана членом Президиума ЦК. Однако Екатерина Алексеевна не была безропотным исполнителем воли Первого секретаря. Так, Д. Т. Шепилов вспоминает ее отношение к реализации хрущевской идеи о создании совнархозов: «Фурцева прибежала: Что делать? Во главе совнархозов — случайные

62. Таранов Е. В. Первая дама Москвы // Кентавр. 1992. № 11–12. С. 60.

63. Там же. С. 63.

64. Там же. С. 69.

65. Там же. См. напр. ее выступление на XIX съезде КПСС: Правда. 13 октября 1952.

люди! Все решения импульсивны, необдуманны!»⁶⁶. Судя по всему, она отрицательно относилась к горячности и поспешности в принятии решений, свойственной Н. С. Хрущеву. Об этом свидетельствует, в частности и ее выступление на конференции парторганизации Министерства культуры СССР в июле 1963 года: «Должна быть уверенность, не шараханье то в одну сторону, то в другую»⁶⁷. Надо учесть, что это было сказано после знаменитых встреч Хрущева с творческой интеллигенцией с одной стороны, и после удаления Е. Фурцевой из состава Президиума ЦК — с другой.

В 1959–1961 гг. усилилась тенденция к установлению абсолютной власти Хрущева. Ему уже больше не были нужны конструктивные критики, в целом разделявшие его стратегический курс. Вслед за Кириченко, Аристовым, Беляевым, Мухитдиновым, Поспеловым и другими выдвинутыми Июньского Пленума 1957 года — в 1961 году Фурцева была выведена из состава Президиума ЦК.

Многие вопросы Фурцевой в качестве министра было решать на первых порах проще, поскольку она входила одновременно в 1960–1961 гг. в состав высшего политического руководства. После прихода на пост министра, она развернула деятельность по резкому сокращению «составления аппаратом всевозможных бумаг и справок»⁶⁸. Была «дана большая инициатива в работе, большая возможность управления и отделам планировать свою работу»⁶⁹. Об этом в конце 1960 года, то есть менее чем через год после прихода Е. А. Фурцевой в Министерство, говорили многие выступающие на собрании парторганизации Министерства. Так, первый заместитель министра А. Н. Кузнецов заявил: «Если вспомнить партийное собрание, которое проходило год тому назад, когда мы обсуждали также свою работу, было много суеты в работе, мало проверки исполнения, живой творческой работы и т. д.»⁷⁰. Для характера ее руководства Министерством характерен «деловой стиль». Об этом свидетельствуют как и приведенные факты, так и, например, то, что, на коллегии, состоявшейся сразу же после Июньского (1963) Пленума ЦК, посвященного идеологическим вопросам, она фактически не уделила ему внимания. Сообщив о составлении резолюций в связи с решениями Пленума, она сказала: «Перейдем, товарищи, к основному вопросу „О ходе подготовки Всесоюзной художественной лотереи 1963 г. “...»⁷¹.

Претенденты на пост министра культуры выбирались не из среды Министерства. Судя по тому, что этот пост был закатом (или

66. И примкнувший к ним Шепилов... М., 1997. С. 129.

67. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 135.

68. Там же. Д. 130. Л. 137.

69. Там же. Л. 130.

70. Там же. Л. 176.

71. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 985. Л. 176.

началом заката) в карьере всех четырех, можно сделать заключение, что их назначение было чем-то вроде почетной ссылки.

Личный фактор, безусловно, в той или иной степени наложил отпечаток на стиль работы Министерства. Первый министр культуры Пономаренко осознавал наличие серьезных проблем в управлении культурой, но у него не было четких представлений, как их решать. В середине 1953 года он говорил о предоставлении творческих условий для деятелей искусства следующее: «Что мы собираемся в этом смысле делать? Я затрудняюсь этот вопрос ответить [так в стенограмме]. Единственно могу сказать, что мы преисполнены желанием создать им все необходимые условия. Конечно идти не на все, что они понимают под условиями, потому что по всякому понимают, — но многое для них сделаем, потому что многое здесь неправильно»⁷². А Михайлов вносил новые инициативы скорее под влиянием внешних факторов: руководствуясь указаниями из ЦК, изменением обстановки в стране, выполняя настоящие требования деятелей искусства. Для его периода руководства характерно повышенное внимание к откликам на политические события, имевшие к Министерству культуры подчас весьма отдаленное отношение. Например, в январе 1960 была специально созвана партийная конференция министерства, на которой единственной темой было «Обсуждение решений Декабрьского (1959) Пленума ЦК КПСС и задач Министерства культуры»⁷³. Пленум же был посвящен вопросам сельского хозяйства. В том же году была созвана еще одна партконференция, посвященная итогам визита Н. С. Хрущева в страны Юго-восточной Азии. Для Михайлова было особенно характерно увлечение администрированием, а также стремление к «проработкам» деятелей культуры. Приведем лишь два характерных случая. В 1958 году на коллегии Министерства было устроено разбирательство с известным артистом М. Бернесом, превратившееся фактически в его публичную порку. Михайлов в присутствии коллегии заявил: «Искусство без вас обойдется, а как вы без искусства обойдетесь, трудно сказать»⁷⁴. Еще более показательный случай произошел с известным композитором Н. Богословским, которого Михайлов, вместе с руководством Союза композиторов, настолько усердно пытался исключить из этого Союза, что только вмешательство Отдела культуры ЦК (организации далеко не либеральной), заставило отменить уже принятое решение об исключении Н. Богословского и восстановить его в составе членов Союза⁷⁵. Отдел культуры предлагал лишь ограничиться строгим выговором.

72. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.

73. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.

74. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 617. Л. 22.

75. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 68. Л. 27.

Даже в период кратковременного пребывания на посту министра Александрова были воплощены в жизнь или сделаны попытки проведения целого ряда новых инициатив. Это, например снижение цен на кинобилеты, попытка изменения цен на театральные билеты, попытка привлечения самих крупнейших деятелей искусства к управлению культурными процессами, о чем речь пойдет ниже. Для деятельности Фурцевой характерен, прежде всего, упоминавшийся «деловой» стиль — стремление как можно больше избавиться от бюрократизма, волокиты, парадности в работе аппарата. Видимо, еще по партийной работе она хорошо знала цену громким фразам и пустым обещаниям.

Члены коллегии

В состав коллегии Министерства на момент его создания в качестве заместителей министра вошли бывшие руководители соответствующих отраслей культуры и образования: И. Г. Большаков — первый заместитель (бывший министр кинематографии), Н. Н. Беспалов — заместитель (бывший председатель Комитета по делам искусств), В. Н. Столетов (бывший министр высшего образования). В созданное в 1953 году Министерство перешли на работу бывшие руководители ведомств, занимавшиеся ранее вопросами управления культурой. Здесь, однако, можно отметить весьма показательный факт. Уже в 1954 году Большаков, Беспалов, Столетов другие были переведены из Министерства культуры на другую работу. Известны примеры, когда руководители промышленных министерств сталинского периода продолжали и впоследствии занимать свои должности, либо переходили на более высокие посты. Причём некоторые из них работали вплоть до середины 1980-х. Подобных примеров множество, самые известные — карьера А. Н. Косыгина, Д. Ф. Устинова, К. В. Русакова, Н. К. Байбакова, П. Ф. Ломако и ряда других. У руководителей государственных структур, ведавших культурой, сложилась прямо противоположная судьба — они не только не остались у руководства культурой, но и были переведены на другие должности, что можно считать понижением. Например, И. Г. Большаков в 1954 году назначен заместителем министра внешней торговли СССР, Н. Н. Беспалов — заместителем Председателя Совета министров РСФСР⁷⁶, В. Н. Столетов назначен республиканским министром высшего образования. Эти кадровые перемещения явились косвенным признанием недовольства состоянием дел в советской культуре в конце 1940-х — начала 1950-х гг.

Принципиально новым в решении кадровых вопросов на высшем уровне тогда было лишь назначение на пост первого заместителя

76. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 237. Л. 197.

С. В. Кафтанова, который ранее работал директором научно-исследовательского физико-химического института им. Л. Я. Карпова (системы Министерства химической промышленности СССР)⁷⁷. Он дольше остальных проработал на своей должности, а затем ушел на повышение. Тем не менее, по роду его предыдущей работы он был весьма далек от проблем художественной культуры. Но были и примеры другого рода. В конце 1950-х гг. на должность заместителя министра был назначен И. И. Цветков, ранее работавший начальником Отдела культуры и здравоохранения Госплана СССР⁷⁸. В 1960-х годах должность заместителя министра занимал Н. Н. Данилов, ранее работавший заместителем начальника Главного управления по производству фильмов⁷⁹.

В свою очередь, руководители и кадры выделявшихся из состава Министерства культуры ведомств выбирались из его среды. Так, например, главой вновь образованного в 1954 году Министерства высшего образования стал В. П. Елютин, председателем комитета по радиовещанию и телевидению (созданного в 1957 году), бывший в 1953–1957 годах первым заместителем министра культуры С. В. Кафтанов. Будущий министр просвещения М. А. Прокофьев работал в 1953–1954 годах заместителем начальника Главного управления высшего образования Министерства культуры⁸⁰.

Личные данные по кадровому составу большинства членов коллегии, среднему и низшему составу Министерства находятся в настоящее время в Министерстве культуры России (в архиве бывшего Министерства культуры СССР) и недоступны. Поэтому целостную картину о характере кадровых перемещений (из какой организации поступил тот или иной работник в Министерство) составить довольно трудно. Фрагментарные сведения можно получить об отдельных работниках уровня заместителя министра или начальника Главного управления. О характере кадрового состава более низкого уровня, его изменениях, сделать какие-либо определенные выводы по данным, имеющимся в открытом доступе, невозможно.

В состав коллегии входили, начиная с 1954 года, не только чиновники Министерства, но и деятели культуры, например: кинорежиссер С. А. Герасимов, художник Б. В. Иогансон, композитор Д. Б. Кабалевский, художественный руководитель театра им. В. Маяковского Н. П. Охлопков⁸¹. Н. П. Охлопков был даже короткое время (1954–1955) заместителем министра. Однако назначение творческого работника на пост заместителя министра было

77. РГАНИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 121. Л. 105.

78. РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

79. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 457. Л. 1.

80. Там же. Д. 98. Л. 259.

81. Члены коллегии образца начала 1960-х гг.: РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 997. Л. 77–78.

исключением из правил. Пребывание и деятельность Н. П. Охлопкова на этом посту не вписывалось в существовавшие тогда каноны поведения руководящих работников. В архиве Общего отдела ЦК отложилась докладная записка секретаря Петроградского РК КПСС Сорокина, по форме представляющая собой жалобу или даже донос. В ней рассказывалось о поведении заместителя министра Н. П. Охлопкова на совещании в «Ленфильме»: «Т. Охлопков... ориентировал слушателей на то, что пора прекратить решение творческих вопросов в кабинетах и на совещаниях. Он недвусмысленно сказал, что ему как режиссеру и творческому работнику противно видеть мизансцену, когда вопросы искусства решаются за Т-образным столом. Свою речь тов. Охлопков закончил словами о том, что бы режиссеры и сценаристы писали для кино все, что они чувствуют, писали при том смелее и, что до тех пор, пока он находится на посту зам. министра, поддержка им во всем будет оказана»⁸². Такие заявления из уст руководящего работника Министерства звучали неприемлемо для чиновничества того времени в целом.

Министр культуры, его заместители, члены коллегии, начальники Главных управлений и их заместители, начальники управлений и их заместители входили в номенклатуру Отдела науки и культуры ЦК, то есть назначение происходило только после рассмотрения кандидатур и утверждения их в соответствующем отделе ЦК⁸³. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что у министра не могло быть собственной «команды» в высшем руководстве Министерства в современном понимании этого слова. Логику передвижения кадров внутри Министерства проследить довольно трудно. Системы здесь, судя по документам, не было. Так, например, начальник Главного управления кинофикации и кинопроката Ф. Кузьев после образования в 1963 году Госкино и ликвидации соответствующей структурной единицы был назначен начальником Планово-финансового управления.

Средний и низший кадровый состав

В фондах Министерства культуры СССР в РГАЛИ отложились сведения о кадровом составе Главного управления кинофикации и кинопроката по занимаемой должности, уровню образования, месту проживания и партийности⁸⁴. Они позволяют составить общее, пусть и фрагментарное представление о среднем и низшем звене сотрудников Министерства.

82. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 10.

83. Там же. Оп. 17. Д. 402. Л. 36.

84. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 13. Д. 312. Л. 4–9.

Состав работников Главного управления кинофикации
и кинопроката Министерства культуры СССР (1953)

Образование	Количество	%
Высшее	69	32,9
Незаконченное высшее	12	5,7
Выше среднего	1	0,5
Среднее	71	33,8
Незаконченное среднее	49	23,3
Начальное	1	0,5
Низшее	6	2,9
Нет данных	1	0,5

Партийность	Количество	%
КПСС	75	35,7
ВЛКСМ	28	13,3
Беспартийные	107	51,0

Таким образом, примерно треть работников одного из главных управлений Министерства составляли лица с высшим образованием. В то же время около 27% не имели законченного среднего образования. Неизвестно, какому уровню образования соответствовали сотрудники с низшим образованием. Возможно, они умели лишь читать и делать простейшие вычисления. Все руководящие должности в аппарате Главного управления занимали сотрудники с высшим образованием. Те, кто имел начальное или низшее образование выполнял технические обязанности, то есть работал водителем, киномехаником, уборщицей и т. п.

Наиболее тяжелое положение с квалифицированными кадрами было в Главном управлении цирков (впоследствии Союзгосцирк): «из 44 работников аппарата, занимавших должности специалистов, только 7 человек с высшим образованием и лишь трое из них имеют высшее законченное образование по искусству»⁸⁵. Один из сотрудников репертуарно-художественного отдела этого Главного управ-

85. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 34. Д. 128. Л. 18.

ления, занимавший должность инспектора-режиссера, окончил три класса духовной семинарии и музыкальное училище⁸⁶.

Невысоким был процент сотрудников с высшим образованием в середине 1950-х годов и в других Главных управлениях. В управлении по производству фильмов — 29%, в управлении книжной торговли — 21%. Приятное исключение в этом смысле представляло Главное управление радиовещания — 86% работников с высшим образованием. Здесь из 355 сотрудников «307 человек — молодые специалисты, окончившие один или два Вуза и пришедшие в Главк за последние три или четыре года»⁸⁷.

Рядовой кадровый состав отделов театров, музыкальных учреждений, изобразительного искусства постоянно менялся. В 1955 году Отдел ЦК по подбору и распределению кадров совместно с Отделом науки и культуры составили записку «О неудовлетворительной работе с кадрами в Министерстве культуры СССР». В ней, в частности отмечалось, что «Главное управление театров и музыкальных учреждений на протяжении более полугода находилось без руководства... Длительное время здесь не укомплектован состав руководящих работников»⁸⁸. С бывшим начальником этого Главного управления, перешедшим в 1955 году на работу в газету «Правда» вообще сложилась курьезная ситуация. Один из выступавших на партконференции Министерства в мае 1955 года сообщил: «вчера в газете „Правда“ была опубликована статья т. Солодовникова под названием „Главная забота театра“. В ней т. Солодовников восклицает: „Как же... понять практику театров, допускающих однобокое изображение советской жизни, формирующих репертуар в порядке равнения на отсталые и непритязательные вкусы“. «Однако. — продолжает выступающий, — возникает другой вопрос: как понять, что это пишет т. Солодовников, член нашей партийной организации, член коллегии Министерства культуры, который около года был начальником Главка, которому именно и было поручено и доверено формирование репертуара театров?»⁸⁹

В 1963 году на партконференции представитель отдела театров жаловался: «сейчас отдел театров насчитывает только 15 человек, для работы это совершенно недостаточно, постоянная текучка»⁹⁰, в отделе изобразительного искусства и охраны памятников также была «большая текучка»⁹¹ (в 1963 году в данном отделе работало 18 человек вместе с техническими работниками⁹²). Некоторые сотрудни-

86. Там же. Л. 18.

87. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 43. Л. 163.

88. РГАНИ. Ф. 5, Оп. 29, Д. 39, Л. 60.

89. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 43. Л. 130.

90. Там же. Д. 165. Л. 114.

91. Там же. Д. 166. Л. 56.

92. Там же. Д. 165. Л. 8.

ки объясняли тяжелую кадровую ситуацию низкой заработной платой (100–120 рублей у начальника отдела Министерства в 1963 году), поэтому «квалифицированные кадры к нам не идут»⁹³. Так, например, по уровню образования в 1963 году в Отделе театров было 20% сотрудников со средним образованием. Хотя в Главном управлении по производству фильмов не стояло столь острой проблемы с руководящими работниками, здесь такой же острой была проблема профессиональной пригодности сотрудников, особенно на начальном этапе работы Министерства: «Ярким примером неправильного подбора работников в кадровый аппарат может служить отдел кадров Главного управления по производству фильмов. Среди работников этого отдела совсем нет специалистов по кинематографии (кинорежиссеров, сценаристов, операторов, художников). Отдел состоит преимущественно из малоквалифицированных технических работников, занимающих должности старших инспекторов»⁹⁴. В середине 1950-х состав Главного управления театров и музыкальных учреждений был таков — «только 40% творческих работников. Возьмите отдел музыкальных театров: в составе отдела нет ни одного работника с законченным высшим музыкальным образованием, а вы сами понимаете, какие серьезные задачи возложены на этот отдел»⁹⁵.

Для понимания системы работы Министерства интерес представляет исследование взаимоотношений между высшим руководством и рядовыми кадрами. К 1953 году обстановку в аппаратах ведомств, занимавшихся культурой, можно в целом охарактеризовать как негативную. Особенной критике подчиненных подвергался министр кинематографии И. Г. Большаков. В фондах Отдела художественной литературы и искусства ЦК отложилось несколько документов работников Министерства кинематографии с жалобами на него только за 1952 год. В этой связи нельзя не упомянуть, что за 1953–1963 гг. в соответствующих фондах ЦК отложился только один документ подчиненного с жалобой на министра⁹⁶. Письма с критикой И. Большакова в основном анонимные. На имя Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова за подписью «критикующие» в октябре 1952 года пришло письмо, в котором выражалась благодарность за критику министра кинематографии. В письме, в частности, говорилось: «Под руководством т. Большакова в аппарате Министерства извращаются принципы критики и самокритики и выживаются все товарищи, которые пробовали выступать с критикой Большакова»⁹⁷. В дру-

93. Там же. Л. 198.

94. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 29. Д. 39. Л. 65.

95. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 43. Л. 162.

96. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 48. Л. 39.

97. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 382. Л. 263.

гом послании на имя Секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова (февраль 1952) «группа товарищей» писала: «Используя свое положение министра, он в подведомственном вузе защитил диссертацию на кандидата искусствоведческих наук. Это всех удивляет, смешит, а иногда возмущает... Говорят, рукопись писал его референт»⁹⁸. Даже руководители Отдела художественной литературы и искусства ЦК отмечали нездоровую атмосферу, сложившуюся в аппарате Министерства кинематографии, в частности незаслуженное премирование работников, не выполнявших план и неправильную расстановку кадров⁹⁹. В Комитете по делам искусств царил авторитарный стиль руководства. В конце 1952 года проходил смотр Комитета Всесоюзной художественной выставки. На просмотре большинством голосов (за — 7, против — 34) была отклонена к показу на выставке картина художников отца и сына Тоидзе «И. В. Сталин в гостях у матери» из-за низкого качества художественного исполнения. «Несмотря на это, накануне открытия выставки бывший председатель Комитета по делам искусств при Совете министров СССР т. Беспалов включил картину в экспозицию выставки. Появление произведения Тоидзе на выставке вызвало недовольство ряда художников, которые считали, что слабое, отклоненное выставочным комитетом произведение не должно экспонироваться»¹⁰⁰.

Взаимоотношения между руководителями и сотрудниками в Министерстве культуры улучшились, хотя и не кардинально. В бывшем Министерстве кинематографии невозможно было представить сцену, когда подчиненный обращался бы к министру в таком стиле: «я прошу вас сказать партийному собранию, будет наше Министерство культуры заниматься делом охраны памятников или оно не будет этим заниматься (аплодисменты), так как в течение двух месяцев от вас не поступило никаких указаний по этому вопросу, несмотря на то, что к вам с этими вопросами обращались (аплодисменты)»¹⁰¹. Появилась определенная терпимость со стороны руководства Министерства культуры к высказываниям иных мнений со стороны нижестоящих сотрудников. Однако между руководителями Министерства и рядовыми кадрами существовала большая дистанция. Общение между ними шло в основном путем составления приказов, указаний с одной стороны и записок, справок с другой. Непосредственные встречи были редким явлением. Так, в 1963 году, на партконференции Фурцева отметила: «Нужно организовать работу аппарата, и, прежде всего со стороны руковод-

98. Там же. Л. 78.

99. Там же. Л. 79.

100. Там же. Д. 397. Л. 233.

101. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 43. Л. 155.

ства Министерства, нужно систематически встречаться с работниками аппарата»¹⁰².

Другой пласт взаимоотношений составляли отношения между деятелями искусства и сотрудниками аппарата Министерства. Еще на заре его существования со стороны высшего руководства страны была дана следующая установка: «т. Маленков поставил одной из важнейших задач привлечь всех деятелей искусства к обсуждению всех вопросов»¹⁰³. В беседе с Александровым он говорил, как должны складываться отношения между работниками Министерства и творческими работниками: «здесь приемы руководства, возможные в промышленных министерствах применять нельзя — нельзя действовать приказами»¹⁰⁴. На практике эти отношения были весьма противоречивыми.

Деятели культуры не высказывали, по крайней мере, публично, недовольство действующим министром культуры. В начале 1960-х критика работников культуры «выплескивалась» на сотрудников аппарата. Так кинорежиссер И. Пырьев, на собрании кинематографистов в 1962 году «обвинил работников Министерства культуры в том, что они... неуважительно относятся к работникам киноискусства и преднамеренно мешают им в работе». «У меня конкретное предложение к Министру культуры, — заявил т. Пырьев под аплодисменты зала, — сменить аппарат Министерства и Главка и послать его на производство, а с производства взять людей более молодых, понимающих наше искусство, видящих его трудности, видящих как их можно решить, и послать их в Главк и Министерство. А пока этого нет, мы делаем такое предложение: руководство кинематографией учредить здесь, на Васильевской улице, в нашем прекрасном здании, а мы все: я, Ромм, Арнштам, Юткевич и другие будем ее (министра) аппаратом, будем её обслуживать. А у входа поставим вахтера и прикажем не пускать сюда аппарат Министерства и Главка»¹⁰⁵. Тем не менее, встречались и положительные оценки сотрудничества между государственными структурами и знаменитыми деятелями искусств. Композитор Д. Д. Шостакович в мае 1964 года, выступая на заседании Идеологической комиссии (то есть в довольно узком кругу, не для широкой публики) заявил о поддержке Министерством культуры РСФСР распространения классической музыки, проведении фестивалей: «Министерство нам всегда помогало, и без него нам было бы трудно»¹⁰⁶.

102. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 203.

103. Там же. Д. 18. Л. 168.

104. Там же. Л. 35.

105. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 146. Л. 28.

106. Идеологические комиссии ЦК КПСС и культура. 1958–1964. Документы. М., 1999. С. 501.

Основные направления работы коллегии

Поскольку высшим органом министерства являлась коллегия, то исследование круга тем, рассматривавшихся на ней, позволит сделать важные заключения. Перечень отдельных проблем можно условно объединить по тематике. Получившиеся таким образом «сухие» цифры дадут представление о том, каким отраслям культуры уделялось первостепенное внимание. Кроме того, мы сможем проследить, изменялась ли с течением времени расстановка акцентов по отношению к тем или иным отраслям культуры. Данные по годам приведенные в сводной таблице отбирались исходя из следующих критериев. 1953 год — первый год деятельности министерства. Но так, как он не совпадает с годом календарным (Министерство было образовано 15 марта, коллегия начала полноценно работать только с апреля), то представляется целесообразным рассмотреть данные за следующий, 1954 год. Кроме того, в июне 1954 года из Министерства были выделены управления, руководившие высшим и средним специальным образованием. 1958 год — это середина исследуемого периода. Показатели 1963 года выбраны потому, что он знаменовал окончание рассматриваемого периода.

Тематика вопросов, рассмотренных на коллегии
Министерства культуры СССР (1953–1963)

	1953 ¹⁰⁷	1954 ¹⁰⁸	1958 ¹⁰⁹	1963 ¹¹⁰
Кино	60	49	39	2
Праздничные мероприятия, фестивали, гастроли, даты	25	15	23	5
Тематические планы выпуска литературы	16	12	1	1
Структура, делопроизводство, кадры	83	23	10	6
Производство грампластинок	5	1	4	
Театры	48	11	10	11
Телевидение	6	4		
Радио	13	2		

107. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 95.

108. Там же. Д. 238.

109. Там же. Д. 631.

110. Там же. Д. 996.

	1953	1954	1958	1963
Сооружение памятников	12	20	2	2
Книжное издательство, полиграфия и торговля	29	5	15	1
Звания и награды (представления)	12	8	20	1
Высшее образование и подготовка кадров	83	6	8	5
Культурно-просветительская работа и атеистическая пропаганда	6	8	10	1
Издания министерства (газеты, журналы)	8	3	1	
Проверки (в том числе по обращениям)	22	13	2	1
Филармонии и эстрадные организации, ансамбли	14	3	2	4
Музеи, фонды и охрана памятников	15	5	3	3
Изобразительное искусство	10	2	1	
Предложение нижестоящих организаций	3	2		
Капитальное строительство по министерству	18	3		
Библиотеки	3	1		3
Гонорары творческим работникам		1		
Премирование	3	1		
Совинформбюро		1		
Рассмотрение Постановления ЦК КПСС		1	1	
Задачи, связанные с подготовкой к XXI съезду КПСС			4	
Международное культурное сотрудничество	3		2	2
Парки культуры и отдыха				1
Художественная лотерея				1
Конференции	6		4	
Финансово-производственный план	2		2	4
Цирки	2			
Пенсии	3			

	1953	1954	1958	1963
Спорт	2			
Школа (учебники)	2			
Жилье для работников науки и культуры	5			
Рассмотрение обращений частных лиц	37		2	3
Предприятия министерства	6			
Записки МИДа	2			
Секретно	4			
Всего	568	200	166	57

Согласно данным, приведенным в таблице, наибольшее количество вопросов было рассмотрено на заседаниях коллегии в марте — декабре 1953 года, наименьшее — за весь 1963 год. Казалось бы, огромный перечень вопросов должен свидетельствовать о демократичности и стремлении министра к коллективному решению проблем (в высшем органе Министерства было рассмотрено 37 обращений частных лиц). Однако высокие цифры 1953 года говорят скорее о другом — чрезмерной централизации: на обсуждение коллегии выносились даже мелкие проблемы. Это также свидетельствует и о скованности руководителей среднего звена, отсутствии инициативы — тяжелом наследии сталинского времени. Министр Александров в 1954 году писал: «Одной из причин, порождающих излишнюю переписку, является то обстоятельство, что руководители местных организаций, главных управлений и Министерства ограничены в своих правах и не могут решать в ряде случаев самые неотложные небольшие вопросы оперативного характера»¹¹¹. В 1955 году отмечалось, что Министерство ежедневно получало 220–230 документов и отправляло до 500. Михайлов считал подобное обилие документации свидетельством того, что «наши органы на местах не решают многие вопросы самостоятельно»¹¹². И в начале 1960-х годов первый заместитель министра культуры А. Н. Кузнецов отмечал: «Иногда самих бумаг пишут ужасно много. Они приходят на стол, я их отодвигаю день, другой, — они растут... Многие бумаги написаны на уровне районного отделения культуры. Подписать не могу, а выправить некогда и я держу день, другой — получается, что я задерживаю»¹¹³. Фурцева в 1963 году так характеризовала органи-

111. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 251. Л. 47.

112. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 43. Л. 123.

113. Там же. Д. 129. Л. 89.

зацию своей работы: «Меня, даже министра, иногда так захлестнет текущая работа, что пройдет день, две недели, я анализирую, что за это время сделала, и выходит, что ничего не сделала»¹¹⁴.

Из всех сфер художественной культуры наибольшее внимание коллегия уделяла кино. Только в 1963 году вопросы театров заняли лидирующее место в работе коллегии (в большой степени это объяснялось образованием в мае этого года Госкино и передаче ему всех соответствующих полномочий). В 1953 году на первом месте стояли проблемы, связанные с высшим и средним специальным образованием. В архиве министерства культуры отложились многочисленные документы о том, что оно было перегружено вопросами высшей и средней специальной школы. Спектр их огромен: от новых институтов и кафедр, их руководства, норм питания учащихся — до содействия историков университетов по периодизации новой истории (в связи с письмом завкафедрой МГУ И. Галкина)¹¹⁵. Естественно, что в подобных условиях высшее руководство Министерства было просто не в состоянии уделять полноценного внимания отраслям художественной культуры. Исключением являлось кино, но и то скорее потому, что объемы кинопроизводства были малы. Так, в самом начале деятельности Министерства предметом обсуждения коллегии стала вторая серия художественного фильма «Корабли штурмуют бастионы» («Адмирал Ушаков»). Во всей последующей истории Министерства трудно найти примеры столь детального рассмотрения на коллегии одной из серий отдельно взятой кинокартины.

Большой сегмент в деятельности коллегии в 1953 году занимают вопросы, связанные со структурой и делопроизводством самого министерства. Это представляется естественным, так как в первые месяцы происходило укомплектование его штатного состава и формирование структуры. Что же касается отраслей художественной культуры, то, помимо кино, приоритетом пользовался театр. Музеи и вопросы охраны памятников оставались на периферии внимания руководства. Уменьшение с течением времени числа вопросов, связанных с обсуждением установки памятников, связано с передачей части полномочий в местные органы управления — в начале деятельности коллегия утверждала проекты памятников во всех областных центрах СССР. Если в начале исследуемого периода коллегия рассматривала кандидатуры на присвоение наград и званий отдельно по каждой персоналии, то уже к 1958 году такие решения принимаются списками. Вопросам культурно-просветительных учреждений также уделялось мало внимания на коллегии, что дало право сотруднику этого отдела право в 1963 году утверждать: «впервые за много лет коллегия рассматривает многие наши вопросы»¹¹⁶.

114. Там же. Д. 165. Л. 204.

115. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 78. Л. 33–36.

116. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 166. Л. 115.

В 1958 году, в связи с подготовкой семилетнего плана развития народного хозяйства и в 1961 году при разработке новой Программы КПСС высшее руководство Министерства и руководители Главных управлений по поручению ЦК КПСС занимались составлением перспективных планов развития отраслей культуры. Особый интерес для рассмотрения представляют соображения руководителей Министерства об оценке потенциала развития отечественной культуры на 15–20 лет, то есть вплоть до 1980 года. В записке первого заместителя министра культуры С. В. Кафтanova от 31 июня 1958 года были представлены некоторые конкретные данные, с пометкой о том, что материал «является сугубо ориентировочным и требует дальнейшей доработки и обсуждения»¹¹⁷. По планам Министерства производство полнометражных художественных фильмов должно было быть доведено до 250–300 в год¹¹⁸. Киноустановки должны были стать стационарными. Кино, по замыслу Министерства культуры должно было стать к 1980 году одним из основных наглядных методов при проведении занятий в школах и вузах. В этой части прогноз сотрудников Министерства оказался перевыполненным — по крайней мере, в центральной части СССР городские школы при проведении уроков могли пользоваться более совершенным и демократичным техническим средством — к 1980-м годам была создана система образовательного центрального телевидения. Количество театральных, музыкальных и цирковых коллективов должно было быть увеличено, а их деятельность, в отличие от киноустановок, стать в основном передвижной. Причем предполагалось, что советский человек в среднем будет посещать эти культурные учреждения до 25 раз в год¹¹⁹ (то есть в среднем 2 раза в месяц). На самом деле в 1958 году на одного человека приходилось в среднем 1,05 посещения театров, концертов и цирков¹²⁰. В сфере развития искусства опора делалась на его демократизацию — создание самодеятельных оркестров, оперных и драматических театров, музыкальных и художественных школ для взрослых. Тем самым планировалось решить одновременно две проблемы — повышение культурного уровня населения и уменьшение государственных расходов¹²¹. Предполагалось введение более углубленного эстетического воспитания в средней школе. Преподавание основ знаний в области театра, кино, изобразительного искусства, хореографии должно было «не только формировать хороший вкус, но и содействовать выявлению творческих дарований человека»¹²². Согласно плану, предполагалось отменить плату для

117. РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 6 Л. 30.

118. Там же. Л. 32.

119. РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 6. Л. 33.

120. Там же. Л. 38.

121. Там же. Л. 34.

122. Там же. Д. 57. Л. 5.

детей и пенсионеров при посещении музеев и выставок, сделать бесплатными школьные и детские театры¹²³. С 1970 года намечалось снизить цены на билеты во все театры и концертные залы. Все эти меры в комплексе должны были по замыслу авторов привести в конечном итоге к постепенному стиранию «существенного различия между профессиональным и самодеятельным искусством»¹²⁴.

К числу принципиально новых инициатив в развитии творчества относилось и предложение сотрудников Министерства о введении нового художественного метода: «в драматургии, музыке, изобразительном искусстве окончательно победит принцип коммунистического реализма» — правда, в варианте письма, отправленного заместителю заведующего отделом культуры ЦК КПСС Б. С. Рюрикову эта фраза была вычеркнута (очевидно, рукой С. В. Кафтанова)¹²⁵.

Кино

Кино как отрасль производства и потребления делится на два самостоятельных процесса: кинопроизводство и демонстрацию кинофильмов (кинопрокат). Соответственно в Министерстве культуры СССР имелись два Главных управления: кинематографии и кинофикации и кинопроката. Под кинопроизводством понимается работа над фильмом, которая проходящая на киностудии, к нему относится и дублирование иностранных фильмов на национальный язык.

К моменту создания Министерства культуры СССР советское кино находилось в глубочайшем кризисе. Наверное, трудно найти более емкое, краткое и четкое определение положения, сложившегося в деле создания кинофильмов в начале 1950-х гг., чем это сделал министр культуры Михайлов: «Фильмов делалось мало, снимались они долго и стоили дорого»¹²⁶. В 1953 году Пономаренко представил Председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову следующие данные по производству фильмов¹²⁷:

1939	1940	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
58	43	26	26	18	16	14	7	15

Таблица свидетельствует, что даже перед войной и сразу после её окончания фильмов снималось намного больше, чем на рубеже 1940–1950-х гг. Более того, до 1952 года отмечалась ярко выраженная тен-

123. Там же. Л. 8.

124. Там же. Л. 9.

125. Там же. Д. 6. Л. 37.

126. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 1.

127. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 101. Л. 177.

денция к сокращению выпуска фильмов. Пономаренко отмечал, что прекратили свою работу Белорусская, Армянская, Азербайджанская киностудии. Другие киностудии были загружены лишь частично. Так, на заседании коллегии Министерства культуры СССР в марте 1954 года Н. П. Охлопков заметил: «Лучше всего директору Киевской киностудии. Там готовится только одна картина, а студия делает скамейки»¹²⁸. Александров объяснял такую ситуацию тем, что «некоторое время назад существовала точка зрения, что в нашей стране должно выпускаться 10 фильмов в год»¹²⁹ (в Постановлении Совета министров СССР от 14 июня 1948 года «О плане производства художественных, документальных и видовых кинофильмов на 1948 год» делалась установка на повышение качества выпускаемых кинокартин за счет уменьшения их количества). Следует заметить, что в начале 1950-х годов такие страны, как Италия, Франция или Япония выпускали «около 100 или больше 100 фильмов в год»¹³⁰. Сложилась парадоксальная ситуация — руководство страны, резко осуждавшее и сурово каравшее «низкопоклонство перед Западом» и всем заграничным, довело до того, что «за период 1949–1952 годов, то есть за 4 года, на экраны выпущено всего советских фильмов 31% и иностранных 69%. По Москве конечно, не заметишь — тут меньше выпускалось, а в целом получается такая картина»¹³¹. «Наиболее тяжелым для кинематографии был 1951 год... Находившиеся в разных стадиях производства 20 фильмов были по тематическим соображениям исключены из плана года, что привело к списанию в убыток 25 млн. рублей»¹³². «Получилось так, что на студиях союзных республик было свернуто производство кинофильмов, зато было образовано 12 [республиканских] министерств кинематографии»¹³³.

В тематическом и жанровом плане выпускавшиеся фильмы были однообразны. Главную часть плана производства фильмов составляли фильмы на исторические и биографические темы — о царях, князьях, полководцах, которые «ввиду их обилия стали создаваться по одному штампу»¹³⁴. Такие картины «стали постепенно походить на жития святых»¹³⁵ — сказал на партконференции Министерства культуры в июне 1953 года под смех зала Пономаренко. В плане художественного решения выпускаемых в стране кинофильмов сложилась четко выраженная тенденция к подчеркиванию выдающейся роли отдельных личностей в историческом процессе. Такие

128. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 229. Л. 120.

129. Там же. Л. 54.

130. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.

131. Там же. Д. 1. Л. 28.

132. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 1.

133. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

134. Там же. Л. 30.

135. Там же. Л. 31.

фильмы представлялись пропагандой как исключительные достижения. Подобными настроениями, объясняемыми атмосферой культа личности, руководствовались чиновники Министерства кинематографии при составлении тематических планов и получали всяческую поддержку со стороны партийно-государственных структур. В 1954 году один из сотрудников Главного управления кинематографии Министерства культуры на партконференции сказал: «И вот с этой самой трибуны полтора года тому назад в своем выступлении т. Чиаурели¹³⁶ призывал к тому, чтобы делать фильмы только о выдающихся личностях. Зачем нам фильмы о доярках. Так он говорил»¹³⁷. Н. С. Хрущев вспоминал, что после выхода на экраны картины «Кубанские казаки» ряд членов Политбюро сказали Сталину, «что жизнь колхозников показывается неправдиво в этом фильме. Там полное изобилие. Сталину нравилось, когда на экране показывали, что каждый колхозник, сидя за праздничным столом, съедает по индейке. Я тогда Сталину сказал, что индейки эти куплены министром кинематографии Большаковым и едят их не колхозники, а артисты... деревня тогда переживала большие трудности»¹³⁸.

Признанные в мире ведущие мастера советского кино вынуждены были находиться в простое или снимать картины на исторические темы, в несвойственном им жанре. Так, ведущий комедиограф того времени Г. Александров («Волга-Волга», «Веселые ребята», «Весна» и другие) поставил в 1952 г. фильм «Композитор Глинка». Другой признанный мастер — М. Ромм («Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Девять дней одного года», «Обыкновенный фашизм») снимал в 1953 году фильм «Адмирал Ушаков». Популярностью историко-биографические фильмы не пользовались. Это осознавали и в Отделе художественной литературы и искусства ЦК и в Министерстве кинематографии еще при жизни Сталина: «Даже такой высокохудожественный фильм как „Композитор Глинка“ по этой причине [большое количество фильмов на историческую тему и минимум — на современную] плохо посещается зрителями»¹³⁹. На этой записке, составленной для Секретаря ЦК П. Н. Поспелова, виза последнего — «согласен». Практически не выпускались приключенческие и комедийные фильмы. Министр кинематографии И. Г. Большаков на заседании коллегии в конце 1952 года вынужден был констатировать: «Факт остается фактом — фильм „Тарзан“ имеет огромный успех во всех городах и в Москве»¹⁴⁰. Два последних суж-

136. Автор фильмов «Падение Берлина», «Незабываемый 1919», главным героем которых был Сталин.

137. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 18. Л. 79.

138. КПСС. ЦК. Пленум. 1963, июнь. М., 1964. С. 278

139. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 399. Л. 214.

140. РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3475. Л. 303.

дения отчетливо характеризуют отношение массового советского зрителя к советскому кинопроизводству тех лет.

Тем не менее, нельзя сказать, что о плачевном состоянии с делом создания фильмов не говорилось в последний период жизни Сталина. Началась критика теории «бесконфликтности». На XIX съезде КПСС, состоявшемся в октябре 1952 года, в отчетном докладе ЦК Г. М. Маленков сказал: «У нас умеют делать хорошие фильмы, имеющие большое воспитательное значение, но таких фильмов создается еще мало. Наша кинематография имеет все возможности для того, чтобы выпускать много хороших и разнообразных кинокартин, но эти возможности используются плохо»¹⁴¹. В передовой статье газеты «Правда» от 4 сентября 1952 года констатировалось: «Крайне мало выпускается за последнее время кинокомедий, спортивных, приключенческих, музыкальных картин»¹⁴². О положении детского кино красноречиво свидетельствует заголовок статьи К. Симонова и Ф. Панферова, опубликованной в «Литературной газете» в 1952 году — «Возродить кинематографию для детей и юношества». Киностудия «Союздетфильм» была к тому моменту «реорганизована в общую студию и загружена производством дубляжа иностранных фильмов»¹⁴³.

Несмотря на все эти факты, министр кинематографии И. Бояков в публичной лекции «Советское киноискусство в послевоенное время» утверждал, что «наше кино... [после войны] сделало новый значительный шаг вперед»¹⁴⁴. Непонимание существа проблемы министром отмечали руководители Отдела художественной литературы и искусства ЦК В. Кружков и А. Сазонов писавшие, что «в кино, как и в литературе, распространялись произведения, где „бесконфликтность“ нашла свое конкретное проявление... прежде всего» в фильмах «Сельский врач» (реж. С. Герасимов) и «Щедрое лето» (реж. Б. Барнет)¹⁴⁵.

Какой же выход из создавшегося положения видело партийно-государственное руководство в 1952-м — начале 1953 г.? Выдвигалась задача тщательной подготовки новых сценариев: «в этом залог успешного решения задачи увеличения выпуска полноценных в идейном и художественном отношении фильмов»¹⁴⁶. В другой передовице «Правды» говорилось, что сценарии, так же как и романы, пьесы, музыкальные произведения, были бы более полноценными, «если бы авторы не спешили с их опубликованием, а полнее разрабатывали бегло намеченные характеры, терпеливо оттачива-

141. Правда. 6 октября 1952.

142. Правда. 4 сентября 1952.

143. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 382. Л. 130.

144. Там же. Л. 201.

145. Там же. Л. 202.

146. Правда. 4 сентября 1952.

ли художественные средства, взвешивали каждое слово, продумывали бы в произведении все до мельчайших деталей»¹⁴⁷. Вполне естественно, что в условиях тотальной регламентации творчества мастера кино избегали постановки фильмов на современные темы. Многие из режиссеров находились к середине 1950-х годов в долговременном творческом простое.

Ситуацию с отсутствием производства новых комедийных фильмов попытались исправить еще при жизни Сталина. Министерство кинематографии предлагало идти здесь проторенным, проверенным путем. В дополнительном плане производства фильмов на 1953 года намечался запуск музыкальной комедии «Секрет успеха», «которая будет построена по принципам фильма „Волга-Волга“»¹⁴⁸ (автор сценария и режиссер Г. Александров, предполагалось участие Л. Орловой, И. Ильинского, Ф. Раневской). Второй комедией, которую намечалось поставить, была сатирическая — «Тихий угол» по сценарию Н. Вирты. В ней на материале из колхозной жизни разоблачаются самоуспокоившиеся люди, лодыри и клеветники¹⁴⁹. Всего две комедии на современную тему предполагалось выпустить в стране за год, да и те были включены только в дополнительный план по производству фильмов.

К 1953 году сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны — влияние постановлений конца 1940-х годов и попытки детальной регламентации творчества. С другой стороны — в передовой статье газеты «Советское искусство» 31 января 1953 года, в частности, говорилось: «За последнее время кинодокументалисты наряду с удачными произведениями выпустили немало бледных невыразительных фильмов, отмеченных поверхностным отношением к материалу, штампом, избитыми трафаретными приемами, лакировкой действительности»¹⁵⁰. Власть призывала тщательнее разрабатывать сценарий, «потому что выросли требования к сценариям»¹⁵¹. Она порицала трафаретность, но, контролируя процесс творчества до мельчайших деталей, создавала новые рамки, новый трафарет.

Большие потери советская кинематография во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. понесла не только жанровом плане, но и в финансовом и кадровом. Из-за того, что было свернуто производство полнометражных художественных фильмов, штаты киностудий сокращались: «Чтобы найти выход из тяжелого финансового положения со студий было уволено около 3000 человек»¹⁵². Некоторые работники кино, по словам режиссера М. Швейцера,

147. Правда. 18 февраля 1952.

148. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 399. Л. 23.

149. Там же. Л. 23.

150. Советское искусство. 31 января 1953.

151. Там же. 25 февраля 1953.

152. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 2.

«оказались в полной бездне, безработице и ничтожестве»¹⁵³. Выпускники ВГИКа могли реализовать себя в профессии, только занимаясь съемками научно-популярных и документальных фильмов, либо работая вторыми режиссерами. Тяжелыми были и бытовые условия творческих работников. Секретарь партбюро ведущей киностудии страны «Мосфильм» писал: «Работники студии живут в бараках, построенных в 1929–1930 гг., которые приходят в полную негодность. В бывших общежитиях теперь живут семейные в клетушках, разгороженных фанерными перегородками. Молодые режиссеры, инженеры и художники, прибывшие на студию, живут в тесных рабочих общежитиях, в комнатах, где проживают по 15–20 человек»¹⁵⁴. Начальник управления по производству фильмов Министерства культуры А. И. Рачук говорил, что в период «малокартинья» «кадры были растеряны, студии не были оснащены»¹⁵⁵. Для того, чтобы выйти из тяжелой экономической ситуации, «рабочие кадры киностудий были загружены выполнением всевозможных заказов других организаций и предприятий»¹⁵⁶.

В начале 1950-х годов увеличились средние сроки производства фильмов и их стоимость. Это было вызвано несколькими причинами: тотальной регламентацией творческого процесса, изменением тематических планов (отказом от продолжения постановки уже запущенных в производство картин). И, наконец, сами студии не были заинтересованы создавать картины в короткие сроки «потому, что тогда цехи и творческие работники находились бы в простоях»¹⁵⁷. Для создания полноценного представления о производстве фильмов в первой половине 1950-х годов рассмотрим данные о стоимости и времени производства кинокартин:

Средняя стоимость одного художественного фильма (млн. руб.)¹⁵⁸

1951	1952	1953	1954	1955
6,4	5,0	3,9	3,6	3,2

Фильмы с наибольшими затратами на производство (млн. рублей):

1952	«Незабываемый 1919 г.» (реж. М. Чиаурели)	10,936
1955	«Крушение эмирата» (реж. Басов, Файзиев)	7,399

153. Кинематограф оттепели. М., 1996. С. 180.

154. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 382. Л. 254.

155. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 130. Л. 71.

156. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 2.

157. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 18. Л. 77.

158. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 5.

Фильмы с наименьшими затратами на производство (млн. рублей):

1952	«Максимка» (реж. В. Браун)	2,449
1955	«Матрос Чижик» (реж. В. Браун)	0,922

Средние сроки производства полнометражных художественных фильмов (месяцев)¹⁵⁹:

1951	1952	1953	1954	1955
18	13,5	12	12	11,5

Фильмы с наиболее длительными сроками производства (месяцев):

1952	«Композитор Глинка» (реж. Г. Александров)	34,5
1955	«К новому берегу» (реж. Л. Луков)	17,5

Фильмы с наименьшими сроками производства (месяцев):

1952:	«Максимка» (реж. В. Браун)	6
1953	«Команда с нашей улицы» (реж. А. Маслюков)	7

Приведенные цифры говорят сами за себя — после 1953 года снижаются и средние сроки производства фильмов и их стоимость. Так, в 1958 году средний срок производства кинофильма составил 10,5 месяцев, а средняя стоимость 2,8 миллионов рублей¹⁶⁰. Низкая стоимость и короткое время постановки кинокартины «Максимка» (1952) объяснялась тем, что «все сцены, связанные с плаванием корабля, засняты в декорациях фильма „Адмирал Ушаков“¹⁶¹. В то же время на «студиях США, Англии, Франции художественные фильмы снимаются, как правило, в течение 6–8 месяцев»¹⁶².

Кроме того, из-за изменения тематического плана, только в 1952 году было списано в убыток 5,3 миллиона рублей, а в 1953 году — 4,4 миллиона рублей¹⁶³. Если «до сокращения производства накладные расходы составляли до 25% стоимости каждого фильма, то в 1951 году эти расходы достигли 50%»¹⁶⁴.

¹⁵⁹. Там же. Л. 7..

¹⁶⁰. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 103. Л. 122.

¹⁶¹. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 399. Л. 103.

¹⁶². РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 374. Л. 13.

¹⁶³. Там же. Д. 267. Л. 143.

¹⁶⁴. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 184.

Переоценка ценностей, ревизия того, что было создано в кино в начале 1950-х, началась уже в первые месяцы после смерти Сталина: «Во многих исторических фильмах — о царях, князьях и полководцах, также и биографических фильмах допускались вульгаризация и упрощенчество в изображении исторических процессов, заключавшееся в том, что все исторические события в фильмах показывались только в связи с действиями выдающихся личностей, роль которых чрезмерно преувеличивалась и толковалась с давно осужденных нашей партией позиций. Эти тенденции, не имеющие ничего общего с ленинизмом, в отдельных картинах и произведениях перерастали в прямой культ личности»¹⁶⁵ — заявил в июне 1953 года Пономаренко. В качестве наиболее одиозных фильмов, где находит отражение недооценка роли народных масс, через год после смерти Сталина назывались «Падение Берлина», «Сталинградская битва», — «из которой автором были выброшены все эпизоды, связанные с простыми людьми»¹⁶⁶.

В 1953 году Отдел науки и культуры ЦК выступил с критикой кинофильма «Незабываемый 1919 г.» (1952), менее года назад преподносившегося как большое достижение советского кино. Картина рассматривалась как претендент на присуждение Сталинской премии первой степени: «Этот фильм имеет существенные недостатки и по своему идейно-художественному уровню значительно уступает ранее выпущенным картинам того же режиссера. В фильме малоудачным является образ В. И. Ленина в исполнении артиста П. Молчанова. Значительно ниже своих возможностей играет артист М. Геловани [роль Сталина]. В картине не создано ярких глубоких образов представителей народа, бледно отражено участие широких народных масс в исторических событиях 1919 года. В композиционном отношении фильм страдает рыхлостью и неоправданными длиннотами в ряде сцен»¹⁶⁷. Несколько позднее, на XX съезде КПСС фильмы, в которых культ личности достиг гипертрофированных выражений, получили публичное осуждение со стороны высшего партийного руководства — Первого секретаря ЦК Н. С. Хрущева: «Вспомним хотя бы картину „Падение Берлина“. Там действует один Сталин: он дает указания в зале с пустыми креслами, и только один человек приходит к нему и что-то доносит — это Поскребышев, неизменный его оруженосец (Смех в зале). А где же военное руководство? Где же Политбюро? Где же правительство? Что они делают и чем занимаются? Этого в картине нет»¹⁶⁸. Не меньшей критике были подвергнуты фильмы, лакировавшие окружающую действительность. В 1957 году, выступая перед деятелями искус-

165. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–30.

166. Там же. Д. 18. Л. 79.

167. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 402. Л. 182.

168. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 150–151.

ства Хрущев заявил: «советские люди отвергают... такие слащавые фильмы, как „Незабываемый 1919“ или „Кубанские казаки“»¹⁶⁹. В Министерстве культуры отмечали: «Если пьесы, романы, в которых имеет место культ личности И. В. Сталина, поддаются исправлению, то фильмы и произведения живописи, к сожалению, большей частью исправить нельзя»¹⁷⁰. Однако попытки исправления фильмов были. Например, в начале 1960-х годов были выпущены новые редакции фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году»¹⁷¹.

В первые дни после своего создания Министерство культуры работало по тем же канонам, что и Министерство кинематографии. 3 апреля 1953 года Пономаренко просил у Маленкова разрешения на съемку трех цветных фильмов: «Александр Пушкин» (постановку намечалось поручить С. Герасимову), «Тихий угол» (Б. Барнет), «Ангел-хранитель из Небраски» (Ю. Райзман)¹⁷². Обсуждение хода съемки фильмов велось на самом высоком уровне — в коллегии Министерства (см. например обсуждение кинофильма «Корабли штурмуют бастионы» — «Адмирал Ушаков»). В тот момент сценарий проходил не меньше восьми инстанций для утверждения¹⁷³.

Новый взгляд на проблему сформировался к июню 1953 года. В том же месяце на утверждение Маленкова был представлен «переработанный в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 8 мая с. г. тематический план производства полнометражных художественных фильмов на 1954 год»¹⁷⁴. Первоначально в плане содержалось много фильмов на историко-биографические темы, «некоторые современные темы касались проблем орошения пустынь и связанных с этим строительства каналов»¹⁷⁵. Министерство культуры пошло на радикальные меры: «Все эти темы... исключены»¹⁷⁶. В обновленном плане основное место заняли фильмы «на современные темы о рядовых советских людях»¹⁷⁷. При этом Министерство культуры обратило внимание сценаристов на необходимость создания сценариев и фильмов на жизненном материале, «без затушевывания и лакировки действительности», особенно на колхозные темы¹⁷⁸. В 1954 году предусматривалось производство 53 художественных картин, или в 3,5 раза больше чем в 1952 году,

169. Хрущев Н. С. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа. М., 1957. С. 25.

170. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 457. Л. 4.

171. В новых редакциях роль Сталина была вырезана.

172. Там же. Д. 98. Л. 115–116.

173. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.

174. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 108. Л. 9.

175. Там же. Л. 9.

176. Там же. Л. 9.

177. Там же. Л. 10.

178. Там же. Л. 10.

и в 7,5 раз больше, чем в 1951. Таким образом, производством фильмов загружались все студии, а в «тематическом плане на 1954 год нашли отражение темы из жизни народов всех союзных республик, за исключением Карело-Финской и Таджикской»¹⁷⁹.

Для привлечения зрителей на игровые историко-биографические фильмы Министерство культуры СССР в 1957 году внесло предложение о том, чтобы скопившиеся в органах кинопроката эти кинокартины, на киноустановках демонстрируемые крайне редко, выдавать «киноустановкам, а также лекториям и учебным заведениям, для показа их на условиях, существующих для проката хроникально-документальных, научно-популярных кинофильмов»¹⁸⁰. Объективная картина популярности кинофильмов у широкого зрителя выглядела, например в 1956 году так¹⁸¹:

наиболее кассовые:

Фильм	сбор (млн. руб.)
«Укротительница тигров»	91,7
«Педагогическая поэма»	80,7
«Два капитана»	75,7
«Дело Румянцева»	75

наименее кассовые:

Фильм	сбор (млн. руб.)
«Борис Годунов»	13
«Дело»	15
«Михайло Ломоносов»	19,5

При возможности выбора массовый зритель «голосовал» против историко-биографических фильмов, которые составляли главную часть производства фильмов в начале 1950-х годов. И наоборот — наибольшей популярностью пользовались комедийные, приключенческие, детективные фильмы, картины на современные темы.

Изменились не только взгляды руководства на политику в области количества создаваемых фильмов, их сюжетной направленности, тематики, но и на место кино в жизни общества. Кино должно было стать главной частью досуга советского человека. В 1954 году министр культуры Александров на партконференции заявил: «То-

179. Там же. Л. 11.

180. Там же. Д. 557. Л. 59.

181. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 237. Л. 44.

варищ Маленков прямо сказал, что мы вытесняем и будем вытеснять водку из быта, мы будем внедрять кино»¹⁸². Если в 1953 году в среднем взрослый человек ходил в кино 2–3 раза в год, то теперь была поставлена цель «добиться того, чтобы советский человек имел возможность смотреть новые фильмы два раза в неделю»¹⁸³. Правда, для этого, помимо увеличения производства фильмов необходимо было решать вопросы развития кинопроката. Необходимость коренного изменения положения осознавалось не только в высшем руководстве, но, что не менее важно, самими сотрудниками Министерства культуры. Так, начальник Главного управления кинематографии в 1954 году говорил: «Никакими поправками, никакими незначительными улучшениями того или иного участка нашей работы мы не выполним поставленных перед нами задач. Необходима коренная и значительная перестройка всего дела кинематографии»¹⁸⁴. Резко критиковался и сам подход к руководству делом создания кинофильмов: «идут разговоры, что существует кризис в сценарном деле. Это неправильные разговоры. Это придумано для того, чтобы оправдать практику малого выпуска фильмов»¹⁸⁵. Спустя год после смерти Сталина государственная доктрина в отношении кино изменилась.

Перед Министерством культуры стояло несколько задач, от решения которых зависело увеличение количества фильмов, их качества, сюжетного разнообразия, приведения технического качества в соответствии с мировыми стандартами. В течение 1954–1956 годов проводится большая работа по предоставлению Министерству права самостоятельного запуска картин в производство и выпуска их на экран, расширению прав директоров киностудий, улучшению кредитования картин¹⁸⁶. Обсуждение выпускаемых картин теперь происходило на уровне художественных советов киностудий. Высшее руководство Министерства вмешивалось в процесс создания фильмов лишь в экстренных случаях. Одна из сотрудниц Министерства заявила, что «коллегия Министерства рассматривает фильмы и сценарии только в случае аварии»¹⁸⁷. Увеличение производства фильмов плодотворно сказалось на привлечении в кино молодых даровитых режиссеров. Только с 1953 года начали снимать фильмы И. Лукинский, Ю. Озеров, В. Басов, С. Сиделев, А. Граник¹⁸⁸. В 1956 году пришел в игровое кино известный советский комедиограф Э. Рязанов¹⁸⁹. То-

182. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 18. Л. 17.

183. Там же. Л. 18.

184. Там же. Л. 75.

185. Там же. Л. 77.

186. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 2.

187. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 103. Л. 36.

188. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 267. Л. 151.

189. Вот как оценивали сценарий его дебюта — «Карнавальная ночь» — в Главном управлении по производству фильмов: «комедиограф В. Поляков, успешно

гда же на Одесской киностудии начал снимать свои фильмы М. Хуциев. Уже в 1955 году отмечалось, что более половины новых фильмов «поставлено молодыми режиссерами или впервые начавшими самостоятельную работу кинорежиссерами». В конце 1950-х — начале 1960-х годов начинают деятельность в кино режиссеры, чей талант полностью раскрылся на протяжении последующего времени: Г. Даниеля, А. Тарковский, В. Шукшин, Э. Климов, Н. Михалков, А. Кончаловский и другие. Знаменитые к тому времени мастера советского кино также обрели «второе дыхание». Только в 1956 году «крупные мастера советского кино, которые в прошлом были ориентированы на постановку, главным образом, исторических и биографических фильмов, после XX съезда КПСС повернулись к современной теме и создали ряд актуальных фильмов — „Большая семья“ (реж. И. Хейфиц), „Урок жизни“ (реж. Ю. Райзман), „Неоконченная повесть“ (реж. Ф. Эрмлер), „Убийство на улице Данте“ (реж. М. Ромм), „Урок истории“ (реж. Л. Арнштам), „Первый эшелон“ (реж. М. Калатозов) и другие»¹⁹⁰. Сотрудница Министерства Парамонова отмечала, что главный успех в кино — появление новых произведений принципиального значения: «К таким произведениям нужно отнести, прежде всего, фильм Довженко и Солнцевой „Поэма о море“. В этом произведении авторы не просто художники, следующие за жизнью. Они философы, мыслители, вторгающиеся в гущу происходящих событий, пытающиеся понять великий смысл творчества народа»¹⁹¹. Некоторые картины на современные темы вызвали нарекания со стороны Министерства. Так, первый заместитель министра С. Кафтанов заявил: «картина „Большая семья“ по роману „Семья Журбиных“ — это очень слабая попытка дать образ настоящего советского рабочего»¹⁹².

Остро стояла проблема оснащения студий кинотехникой. В этом смысле СССР отставал от наиболее развитых стран Запада: «возьмите любой вопрос кино, касающийся цвета, звука, широкого экрана — везде отстали на 10 лет от всех стран»¹⁹³. Министр Александров был вынужден констатировать в 1954 году: «В этом году фестиваль кинофильмов в Каннах будет только на широком экране. Наш Советский Союз со своей кинематографией выпадает из мировой кинематографии»¹⁹⁴. Такое положение объяснялось тем, что

работающий в эстрадном жанре, к своей работе в кино не относится с той же требовательностью, о чем свидетельствуют два последних очень слабых его сценария, к сожалению запущенных нами в производство, — „Любовь не слепа“ и „Карнавальная ночь“» (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 457. Л. 33).

190. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 4.

191. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 18. Л. 55.

192. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 18. Л. 163.

193. Там же. Л. 166.

194. Там же. Л. 37.

ранее «бывшее руководство Министерства (т. Пономаренко, особенно т. Большаков) говорило, что мы не промышленное Министерство, а Министерство культуры, и поэтому у нас нет технических проблем... Такая позиция, собственно говоря, свидетельствует о том, что год прошел совершенно бесплодно для Министерства с точки зрения развития новой техники»¹⁹⁵. Работа по внедрению новой техники действительно находилась в запущенном состоянии: «На кинопироваальных фабриках имеется импортная аппаратура в возрасте 20 лет, но по своим качествам она несколько лучше аппаратов, выпускаемых нашей промышленностью в 1953 году»¹⁹⁶, — было заявлено в 1955 году. Один из сотрудников Министерства говорил: «Мне кажется... что технику у нас не любят, не уважают и недооценивают»¹⁹⁷. Отношение к техническим проблемам постепенно менялось. Уже в 1955 году благодаря новым разработкам был освоен широкоэкранный метод съемки (сняты первые широкоэкранные документальные фильмы)¹⁹⁸. А в следующем, 1956-м, были запущены три художественных широкоэкранных фильма. В стране имелись все предпосылки для проектирования и научной разработки новой техники. Михайлов в 1957 году отмечал, что «в 1956 году и в начале 1957 года... (НИКФИ) ... была разработана и изготовлена сложная техника для нового вида зрелища — панорамного кинематографа»¹⁹⁹. «Новая отечественная кинотехника была разработана и создана за короткий срок, примерно за 1,5 года, в то время как американские фирмы эту же задачу решали несколько лет, работая над так называемой системой „Синерама“»²⁰⁰. Уже в 1958 году прошли первые демонстрации панорамного кино. Несколько позднее была разработана уникальная система «Круговая кинопанорама». Съемка при этом методе производилась одновременно 11 кинокамерами. Снимались в основном видовые короткометражные фильмы. Этот дорогой проект, имевший целью создать у зрителя эффект присутствия, невозможно было осуществить без государственной поддержки. Слишком велики были затраты на постановку и содержание кинотеатра. Ознакомиться с этой уникальной системой съемки можно и сейчас, посмотрев довольно старые видовые фильмы в кинотеатре «Круговая кинопанорама» на ВДНХ. А в начале 1960-х годов в «Круговой кинопанораме» демонстрировался видовой мультфильм²⁰¹. Еще одно новшество в техническом отношении — съемка широкоформатных фильмов, предназначавшихся для показа в крупных кинотеатрах,

195. Там же. Л. 55.

196. Там же. Д. 43. Л. 174.

197. Там же. Л. 174.

198. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 3.

199. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 557. Л. 221.

200. Там же. Л. 221.

201. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии — 1960. М., 1960. С. 82.

с большим экраном, рассчитанных на тысячу и более мест²⁰². Предложения о внедрении техники для съемок для широкоформатного кино были направлены министром культуры Н. Михайловым в Совет министров СССР в апреле 1960 года²⁰³.

При этом нельзя не отметить вечную проблему советской промышленности — ее отставание от запросов потребителя. И в сфере кинопроизводства именно по этой причине срывались планы, например, по производству широкоэкранных фильмов. В 1959 году, то есть через три года после съемок первых широкоэкранных фильмов, вместо плановых 12 было снято лишь 7²⁰⁴, а в 1963 году было уже снято в сумме 26 широкоформатных и широкоэкранных фильмов в сумме²⁰⁵.

Количество создаваемых фильмов к 1960 году росло из года в год. В 1959 году было выпущено 145 полнометражных фильмов, в том числе 117 художественных²⁰⁶. К 1957 году проблемы количества выпускаемых на экраны отечественных фильмов уже не было (144 полнометражных)²⁰⁷ и ЦК обратился к вопросу об их художественном уровне²⁰⁸. В декабре 1958 года было решено «считать главной задачей советской кинематографии повышение идейно-художественного качества выпускаемых кинофильмов»²⁰⁹. И в 1959 году Министерством культуры было принято решение об уменьшении их выпуска. Это решение мотивировалось необходимостью уделить пристальное

202. Необходимое техническое пояснение об отличии широкоформатного от широкоэкранного кино. Широкоформатное — в идеале — снимается на 70 мм киноплёнке, с улучшенным качеством резкости, прорисовкой деталей, цветовой гаммой, с большим размером охваченного места съемки; техника съемки предполагала запись стереозвука на 6 (!) магнитных дорожках. Широкоэкранное кино — съемка на 35 мм плёнке: при этом полезный размер экрана увеличивался по сравнению с обычным, но из-за особенностей оптики по краям кадра изображение было не совсем четким, расплывчатым; звук записывался на одной дорожке (то есть в режиме *моно*). Широкоэкранное кино могло демонстрироваться в любом кинотеатре или клубе. Широкоформатное кино могло демонстрироваться только в крупных городских кинотеатрах, где имелось соответствующее оборудование, возможность оценить его преимущества. В широкоформатном кинотеатре пять звуковых колонок располагалось по длине экрана, а шестая, в которой воспроизводились спецэффекты, — непосредственно по стенам в зрительном зале, что должно было усилить эффект присутствия. Нынешняя система Dolby stereo предполагает воспроизведение звука лишь с двух каналов, то есть качество звука, даже не принимая во внимание уменьшение количества звуковых каналов, несколько ниже.

203. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 780. Л. 19.

204. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 780. Д. 776. Л. 1.

205. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии — 1964. М., 1964.

206. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии — 1960. С. 82.

207. Идеологические комиссии. С. 114.

208. Там же. С. 116.

209. Там же. С. 116.

внимание качеству создаваемых кинокартин²¹⁰. В сборнике, подготовленном идеологическим отделом ЦК в 1963 году, приводятся следующие данные о выпуске кинофильмов²¹¹:

	1953	1958	1962
полнометражные	37	130	117
художественные (включая фильмы-спектакли)	28	108	94
хроникально- документальные	9	22	23

К этой таблице надо добавить, что на конец рассматриваемого периода отмечалось некоторое увеличение производства художественных фильмов — до 96²¹². Сравнивая эти данные с цифрами критичного 1951 года, когда было выпущено лишь 6 художественных фильмов, нельзя не отметить роста по их производству к 1963 году — в 16 раз, и в 24 (!) раза в 1959 году. В 1963 году только фильмов, снимаемых по новым техническим методам, было снято в 4,3 раза больше, чем всех фильмов в 1951 году. Естественно, что без расширения прав творческих работников и киностудий, финансово-экономических и технических мер такой бурный рост был бы невозможен.

Министерство культуры занималось перспективным планированием и прогнозированием. В 1958 году было определено, что к 1965 году будет выпускаться 200 полнометражных фильмов, из которых 165 художественных²¹³. Однако этот план не был выполнен: в 1965 году было снято всего 167 полнометражных, из них 131 художественный²¹⁴. План 1958 года по производству фильмов был реализован только в 1970 году — тогда было снято 218 кинофильмов (из них 181 художественный — включая телевизионные)²¹⁵.

Советская отрасль производства кинофильмов за исследуемое десятилетие достигла настоящего прорыва в количественном и техническом отношении. Никогда ни ранее, ни позднее отечественная киноиндустрия не развивалась столь бурными темпами. При этом надо отметить, что резервы для такого количественного роста были и ранее, но искусственно сдерживались.

Довольно быстрыми темпами строились новые киностудии в Ташкенте, Риге, Минске, реконструировались и технически

210. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 776. Л. 144.

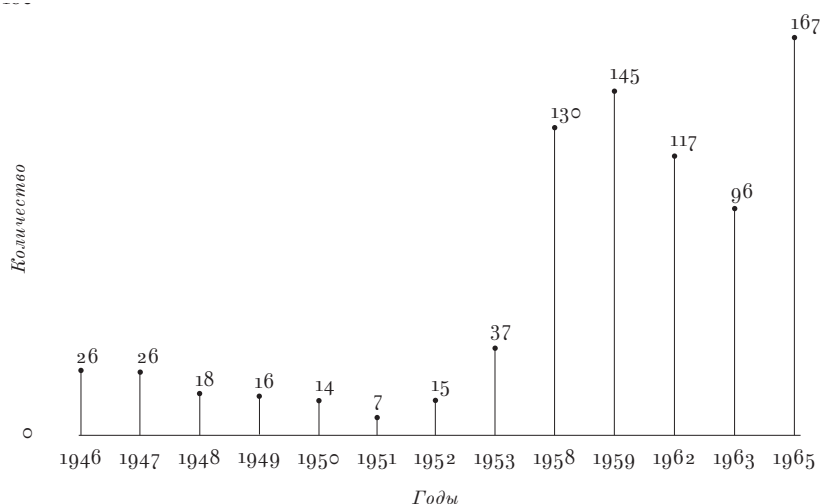
211. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 24 об.

212. Ежегодник БСЭ — 1964. С. 83.

213. РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 6.

214. Ежегодник БСЭ — 1966. М., 1966. С. 99.

215. Ежегодник БСЭ — 1971. М., 1971. С. 82.

переоснащались крупнейшие киностудии страны: «Мосфильм», имени М. Горького, «Ленфильм»²¹⁶.

Если в начале 1950-х годов молодые кинорежиссеры практически не могли найти себе применения в профессии, то в начале 1960-х годов возможность выхода на широкий экран со своими работами получили даже некоторые студенты ВГИКа. Министерство культуры сообщало: «Ежегодно институт может передавать в прокат примерно 15 частей короткометражных фильмов»²¹⁷. Причем ВГИКу перечислялись: по 400 рублей за каждый художественный фильм, по 300 рублей за научно-популярный и по 200 рублей за каждый хроникально-документальный фильм²¹⁸.

Партийные и государственные органы контролировали процесс создания кинофильмов. На протяжении 1953–1963 годов был издан целый ряд постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР, касающихся вопросов кинопроизводства. Каждую неделю новые фильмы смотрели члены Президиума и секретари ЦК, которые, в конце концов, являлись главными вершителями судьбы фильма. В случае их возражений фильм отправлялся либо «на полку» (то есть в недоступный зрителю архив), либо на доработку²¹⁹.

После расширения прав киностудий и предоставления большей свободы творчества, отказа от мелочной регламентации творческого процесса, вмешательство аппарата Министерства культуры в процесс создания фильма было номинальным. В 1963 году, после зна-

216. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 3.

217. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 1002. Л. 14.

218. Там же. Л. 14.

219. Куницын Г. Почему я не стал министром кинематографии // Кинематограф оттепели. М., 1996. С. 203.

менитых встреч Хрущева с творческой интеллигенцией, на партконференции в Министерстве говорилось: «Нечего греха таить... до сего времени активного вторжения в репертуарную политику студий не было, а мы по сути фиксируем заявки, и не направляем эту работу. В лучшем случае отклоняем явно неполноценные произведения»²²⁰. Самый яркий пример вмешательства государственных структур в процесс создания фильмов — история с кинокартиной «Застава Ильича». Она достаточно освещена в литературе²²¹. Поэтому представляется, что здесь имеет смысл остановиться на менее известных примерах руководства кинематографией. Подобное вмешательство иногда сказывалось на судьбе фильма отрицательно, иногда положительно. Выше уже говорилось, что в 1953 году резко был изменен тематический план по производству фильмов — это способствовало появлению на экранах картин разных жанров. В 1958 году Министерство культуры выступило с идеей выпуска на широкий экран второй серии кинофильма «Иван Грозный». Фильм был закончен С. Эйзенштейном в 1945 году, но тогда не был выпущен на экраны. А после постановления ЦК «О кинофильме „Большая жизнь“» от 4 сентября 1946 года, в котором, в частности указывалось, что «режиссер С. Эйзенштейн обнаружил невежество в изображении истории, представив прогрессивное войско Ивана Грозного — опричников — в виде шайки разбойников, а самого Ивана Грозного слабовольным»²²² — на фильм было наложено табу. В 1958 году Министерство культуры организовало просмотр второй серии для советских ученых-историков, которые «единодушно отметили высокий уровень этого кинопроизведения, режиссерскую, актерскую и операторскую работу»²²³. В связи с этим Министерство обратилось в Президиум ЦК с просьбой о выпуске второй серии на экраны. Тираж намечался больший, чем у выпущенной в 1945 году первой серии, — 500 копий против 259. Одновременно планировался повторный выпуск на экраны первой серии.

В этом примере — принципиальное новшество эпохи. По крайней мере, на стадии предварительного обсуждения право сделать заключение о фильме предоставлялось специалистам. Конечно, окончательный вердикт о судьбе фильма выносило высшее партийное руководство. Тем не менее, создатели фильма освобождались от мелочной опеки и регламентации. Это явилось одной из составляющей перехода советского кино на качественно новый уровень.

В 1962 году Министерство культуры ходатайствовало о запуске дорогостоящего проекта «Война и мир» — стоимость его производства (без услуг Министерства обороны) должна была составить

220. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 36.

221. Хлопьянкина Т. А. «Застава Ильича». Судьба фильма. М., 1990.

222. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 280. Л. 85.

223. Там же. Л. 86.

4 миллиона рублей. Вспомним, что самый дорогой фильм периода «малокартинья» — «Незабываемый 1919 год» — обошелся в 1 миллион 93 тысячи рублей (в пореформенных ценах). Министерство указывало на окупаемость «Войны и мира», и, более того, огромную прибыль от реализации проекта: «доходы от проката должны быть 40 миллионов рублей, от проката за рубежом несколько сот тысяч инвалютных рублей»²²⁴. Фильм был снят в 1966–1967 годах.

В качестве государственных заказчиков создания фильмов выступали помимо Министерства культуры, другие государственные учреждения: Министерство сельского хозяйства — в основном научно-популярные фильмы, КГБ — художественные фильмы «о разоблачении американского империализма, антисоветской и антидемократической пропаганды»²²⁵.

Соответствие фильмов канонам социалистического реализма определяли главным образом в ЦК КПСС. В 1961 году критике со стороны Отдела культуры подверглась комедия Э. Рязанова: «Ознакомление с фильмом „Человек ниоткуда“, показало, что все содержание этой кинокартины чуждо нашему советскому искусству и представляет собой образец безыдейного формалистического трюкачества... В отдельных эпизодах фильма ощущается идейно сомнительный подтекст, который сводится к тому, что дикарь оказывается по своим моральным качествам лучше, чище и благороднее тех людей, с которыми он сталкивается в нашей действительности»²²⁶. Тогда же критике подвергся Ю. Райзман (ранее снявший знаменитый «Коммунист»). Главная причина критики его фильма «А если это любовь?» та же, что и у фильма «Застава Ильича»: «в картине „А если это любовь?“ налицо явное противопоставление старшего и младшего поколений советских людей. Образы молодежи, как носители всего чистого и светлого, противопоставлены представителям старшего поколения, которые выведены как мещане и обыватели...»²²⁷.

Интересно отметить следующую тенденцию. Если до начала 1960-х годов критиковались главным образом действительно слабые в художественном отношении кинокартины, которые не оставили глубокого следа в советском киноискусстве, то впоследствии критика была обращена на ряд фильмов, вошедших в золотой фонд советского кино. Кинорежиссер А. Тарковский говорил в начале 1960-х годов: «Искусство делать сейчас трудно как никогда; потому что по старому, как это было в период культа личности, уже делать нельзя, а по новому „не дают“, „боятся“. В конце концов, все зависит от нескольких человек — понравится ли им фильм, не сочтут ли они его „формалистическим“, „идейно-порочным“. А те, кто это определяют, кроме общих

224. Там же. Д. 146. Л. 31.

225. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 53. Л. 62.

226. Там же. Оп. 36. Д. 138. Л. 7.

227. Там же. Л. 100.

правильных положений, оценить и разобрать ничего не могут»²²⁸. Резкая критика со стороны высшего партийного руководства не препятствовала критикуемым режиссерам и сценаристам работать в профессии. В отличие от предыдущего периода, после суровых проработок деятели кино не лишались права на творческий поиск. Например Г. Шпаликов, чей сценарий «Застава Ильича» подвергся уничтожительной критике со стороны партийно-государственного руководства, продолжал довольно плодотворно работать в кино. В 1963 году он заявил: «Я считаю свой новый сценарий „Я шагаю по Москве“ первым ответом на критику... В нем я продолжаю рассказывать о молодых людях. Это фильм о товариществе»²²⁹.

Целесообразность закупки иностранных кинофильмов, в конечном счете, определялась в Отделе культуры ЦК. Вот как, например, Отдел отреагировал на предложение Министерства о закупке известной французской комедии «Закон есть закон»: «Отдел культуры ЦК КПСС считает покупку данного фильма нецелесообразной, так как по содержанию и своим художественным качествам он не представляет интереса для советского зрителя». На записке имеется резолюция Секретаря ЦК Фурцевой — «согласиться»²³⁰. Приоритет при закупке отдавался фильмам производства социалистических стран. Отбор кинофильмов для закупки из капиталистических стран осуществлялся специальной комиссией. В ее состав входили представители Отдела культуры ЦК, Министерства культуры, режиссеры, писатели, критики. Однако в начале 1960-х годов на практике «нередко вопрос о закупке того или иного фильма решал председатель комиссии — заместитель министра культуры СССР т. Кузнецов А. Н., единолично, без коллективного обсуждения»²³¹.

Кинопрокат

Состояние сети кинопроката в начале 1950-х годов позволяет говорить о том, что большая часть населения страны не имела возможности видеть кино. Так, к началу 1953 года в стране насчитывалось 2880 районных центров «не имеющих кинотеатров»²³². Показ фильмов в таких населенных пунктах происходил в клубах, однако стационарные киноустановки имели только 20% всех клубов, а в остальных «показ фильмов осуществляется лишь средствами кинопередвижек, пребывающих в клубы порой от случая к слу-

228. Там же. Оп. 30. Д. 457. Л. 11.

229. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 457. Л. 7.

230. Там же. Д. 82. Л. 131.

231. Идеологические комиссии. С. 264.

232. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 400. Л. 21.

чаю»²³³. О технической оснащенности сельских кинопередвижек в начале 1950-х красноречиво свидетельствует тот факт, что существовали так называемые «сельские гужевые кинопередвижки»²³⁴. В ряде мест на селе из-за отсутствия приемлемых помещений показ кино происходил «в жилых домах колхозников» — в качестве примеров Пономаренко называл отдельные районы Белорусской ССР и Великолукской области РСФСР²³⁵. Даже в столице сеть кинотеатров была «крайне недостаточна и не в состоянии обслужить население города»²³⁶. Министр культуры Михайлов в 1955 году отмечал, что в ряде районов Москвы кинотеатров вообще нет. По сравнению с крупными городами развитых капиталистических стран количество зрительных мест в Москве было мизерным. Так, в столице было всего 5 зрительных мест на 1000 человек, в то время как в Нью-Йорке 80 мест²³⁷.

На 1 января 1953 года количество киноустановок в стране составляло 49 496. По плану их число должно было увеличиться до 64 350. Однако те темпы, которыми план осуществлялся в жизнь, позволяют утверждать, что этот план не был бы выполнен. Ввод новых киноустановок неуклонно сокращался²³⁸:

	1951	1952	1953 (план)	1954 (план)	1955 (план)
количество	4439	3025	1600	1204	1200

С техническим качеством фильмокопий дело обстояло неудовлетворительно. Министр культуры Пономаренко был вынужден в 1953 году констатировать: «Цвета искажаются. Даже в Москве выпускаются фильмы, являющиеся полным браком, а о периферии и говорить нечего»²³⁹. Сельское население, обслуживаемое кинопередвижками, работающими на узкой пленке «не знает цветного кино»²⁴⁰. К 1953 году Министерство кинематографии сократило выпуск цветных фильмов на черно-белой пленке, но в то же время

233. Там же. Л. 22.

234. Там же. Д. 384. Л. 15.

235. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 37. В городах и местах массового отдыха вплоть до конца 1970-х гг. были широко распространены, как правило, бесплатные «уличные кинотеатры» (под открытым небом), состоявшие из: киобудки (в которой работал приезжий киномеханик, вкупе с переносной кинотехникой, либо только кинофильмом), нескольких рядов скамеек для зрителей и основы для киноэкрана (или вместо него). — *Прим. ред.*

236. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 121. Л. 130.

237. Там же. Д. 374. Л. 13.

238. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 400. Л. 21.

239. ЦОАДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

240. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 384. Л. 171.

не имелось технической базы для печати достаточного количества цветных копий, таким образом, число их уменьшилось. Еще в декабре 1952 года Отдел художественной литературы и искусства ЦК сообщал, что «кинообслуживание населения за последнее время резко ухудшилось»²⁴¹. Большой разрыв существовал между средним количеством посещений кино в год среди городского и сельского населения. Так, городской житель в среднем смотрел кино 13,9 раз, а сельский всего 4 раза в год. Особенно сильным в начале 1950-х годов был разрыв в национальных республиках²⁴²:

Среднее количество посещений кино в год (начало 1950-х)

	Туркменская ССР	Таджикская ССР	Литовская ССР
город	17,3	25	14
село	1,6	1,9	1,4

Очень низкий уровень посещения кино на селе в союзных республиках объяснялся тем, что не уделялось должного внимания дублированию фильмов на местные национальные языки²⁴³.

Развитие кинообслуживания населения в начале 1950-х годов сдерживали несколько факторов: отсутствие необходимых помещений, кинооборудования, киноплёнки. Необходимо отметить, что хотя проблема частично была обозначена еще в 1952 году, она объективно не могла быть решена достаточно быстро (как, например, изменение тематического плана производства кинофильмов). Требовалось определенное время, большие капиталовложения для технического переоснащения и строительства кинотеатров. В сфере кино особенно ярко ощущался разрыв между внедрением передовых методов в области кинопроизводства и развитием системы кинопроката, то есть между изменениями в сфере развития технологий и уровнем обслуживания потребителей.

Остро стоял вопрос с количеством пленки для печати фильмокопий. Так, в 1955 году сотрудник Министерства заявил: «Фабрики [кино] не имеют права перевыполнять план, так как в случае перевыполнения плана они на следующий месяц не будут иметь пленки». Из-за отсутствия ее в необходимом количестве «в настоящее время используется только 78% мощностей»²⁴⁴. Качество пленки в плане пожаробезопасности также не соответствовало мировым стандартам. В 1950–1960-х годах в СССР для demonstra-

241. Там же. Л. 171.

242. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

243. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

244. Там же. Л. 171.

ции фильмов использовалась преимущественно огнеопасная пленка. По этой причине частыми были случаи пожаров, иногда с большим количеством человеческих жертв. Так, в 1958 году на партийном собрании Министерства культуры сотрудник управления кинофикации и кинопроката отмечал: «у нас только за последние два года сгорело 65 человек, и только потому, что мы не перевели производство фильмов на негорючую основу»²⁴⁵. В то же самое время первый заместитель министра С. Кафтанов, обращаясь к зарубежной практике, писал в декабре 1957 года: «За последнее время почти все капиталистические страны перейдя на производство огнебезопасной пленки, издали у себя законы, запрещающие производство, продажу в этих странах горючих пленок и демонстрацию в кинотеатрах фильмов на горючей пленке»²⁴⁶. Внедрение огнебезопасной пленки сулило немало и чисто экономических выгод. Так, можно было бы сократить количество киномехаников до одного (в 1950-х годах на киноустановках работало по 2–3 киномеханика)²⁴⁷. Кроме того, сократились бы расходы на обеспечение пожарной безопасности в кинотеатрах и на строительство специальных хранилищ. Полностью переход на негорючую пленку предполагалось завершить к 1965 году²⁴⁸.

Бурными темпами происходило в исследуемый период строительство новых киноустановок. В течение ряда лет план по введению в строй новых киноустановок перевыполнялся. Изменился подход к строительству кинотеатров в крупных городах. В начале деятельности Министерства культуры, он, правда, был несколько утопичным. Пономаренко (вероятно, в силу технической неосведомленности) сообщал, что «в ближайшие два года Министерство культуры намеряет строительство и открытие стереоскопических кинотеатров во всех столицах союзных республик и в наиболее крупных промышленных центрах...»²⁴⁹. В июне 1958 года Совет министров СССР принял Постановление о строительстве крупных кинотеатров (более 1000 мест) в 19 городах СССР²⁵⁰. В частности, согласно этому Постановлению намечалось сооружение крупного кинотеатра в Москве на Октябрьской площади. Само Министерство несколько ранее, в 1957 году, из-за нехватки кинотеатров в столице просило «разрешить построить в городе Москве кинотеатр вместимостью 4000–5000 зрительских мест и дать указание Мосгорисполкому для указанного строительства выделить земельный участок, ранее предназначавшийся для строи-

245. Там же. Д. 103. Л. 147.

246. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 557. Л. 264.

247. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 103. Л. 147.

248. Там же. Л. 115.

249. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 125. Л. 99.

250. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 131. Л. 77.

тельства Дворца Советов»²⁵¹. Сооружение крупных кинотеатров в городах СССР велось медленно, так как «большинство специалистов считало, „что такие большие кинотеатры нерентабельны, поэтому и тянется и проектирование, и строительство, потому что такие большие кинотеатры как кинотеатры не нужны“»²⁵². Один из сотрудников Министерства для объяснения медленного темпа возведения крупных кинотеатров несколько утрировал ситуацию: «Почему задерживается строительство?.. Возьмите Кишинев — на 1 тыс. мест [кинотеатр]. Там весь Кишинев в этот кинотеатр можно посадить со всеми младенцами и стариками»²⁵³. При этом отмечалось, что нужны не чистые кинотеатры, а комбинированные помещения²⁵⁴.

Однако на практике руководство Министерства способствовало тому, чтобы *комбинированные* кинотеатры не только не проектировались, но и уже существующие использовались только по своему прямому назначению. В 1960 году Михайлов при обсуждении мер экономии в расходовании государственных средств на киносет предложил ликвидацию «в кинотеатрах читальных залов, прекращение выписки газет и журналов», поручить «Министерствам культуры союзных республик рассмотреть вопрос о целесообразности продолжении работы музыкальных коллективов в кинотеатрах»²⁵⁵. При осуществлении этого предложения кинотеатры лишались статуса некоего универсального центра досуга (где перед сеансом можно было бы послушать музыку, почитать, сходить в тир, посмотреть выставку и т. п.).

В целом введение новых киноустановок происходило ускоренными темпами. План на 1956–1960 годы был выполнен в течение трех лет. Число киноустановок росло невиданными темпами²⁵⁶:

	1940	1953	1958	1962
число киноустановок	28 000	52 300	78 000	120 500

За десять лет число киноустановок выросло более чем в два раза. В результате СССР в начале 1960-х годов начал сравниться по количеству мест в городских кинотеатрах (с учетом клубов, условия в которых на практике не всегда и не принципиально от-

251. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 557. Л. 64.

252. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 131. Л. 86.

253. Там же. Л. 87.

254. Там же. Л. 86.

255. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 776. Л. 12.

256. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 747. Л. 25.

личались от уровня кинотеатров) на 1000 населения²⁵⁷ с ведущими странами Запада:

страна	количество мест
США	62
Франция	62
Великобритания	58
СССР (с учетом клубов)	45

Тем не менее, ощущалась нехватка киноустановок, особенно кинотеатров, в которых демонстрация фильмов велась по новым техническим методам. Так, Михайлов в 1958 году заявил: «мы сейчас обслуживаем кинопанорамой трудящихся только в Москве и то при условии, что билеты продаются на полгода вперед»²⁵⁸. Для решения проблемы Михайлов предлагал ЦК передать под еще один панорамный кинотеатр клуб Управления делами Совета министров СССР. Однако Отдел культуры ЦК это предложение не поддержал²⁵⁹. В целом же вместо постановки проблемы на государственный уровень Михайлов уповал на проявление инициативы в деле строительства кинотеатров местными руководящими работниками²⁶⁰.

В худшем положении обстояло дело с помещениями для хранения пленок — фильмобазами. Копии кинокартин, многие из которых приносили колоссальные прибыли государству, хранились «во временно приспособленных помещениях: подвалах жилых домов и административных зданий, в зданиях закрытых церквей и т. д.»²⁶¹.

В плане привлечения зрителей большое значение имела политика цен на билеты. 1 сентября 1953 года Совет министров СССР поручил Министерству культуры рассмотреть предложения о снижении цен²⁶². Оно проводилось в рамках общего снижения цен, проводившегося в 1953–1954 годах. К 1953 году существовали следующие цены, установленные Постановлением Совета министров СССР (городские кинотеатры делились на три разряда)²⁶³:

257. Там же. Л. 25 об.

258. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 103. Л. 103. Л. 164.

259. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 79. Л. 16.

260. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 103. Л. 165.

261. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 237. Л. 44.

262. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 121. Л. 32.

263. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 121. Л. 32–33.

киноустановки	цена на билет (руб.)	
	1953	предложения МК
первый разряд	3–6	3–5
второй разряд	2–5	2–4,5
третий разряд	2–4,5	2–3,5
кинопередвижка	2,5	2
сельские районные центры	2–4,5	1,5–3
другие сельские населенные пункты и кинопередвижки	2,5	1,5

Кроме того, на дневные сеансы в рабочие дни была установлена скидка 30% — Министерство предлагало 40%. На детские сеансы в городах стоимость билета составляла 1–2 рубля (предложение — 1 руб.), на селе 1 руб. (50 копеек). По представленному Министерством проекту предусматривалось «общее снижение цен на кинобилеты в размере 23%, в том числе в городских кинотеатрах и на киноустановках на 16% и на киноустановках в сельской местности на 42%»²⁶⁴. Так же было выдвинуто предложение об освобождении от налога демонстрации научно-популярных и документальных фильмов — «в целях их более быстрого продвижения»²⁶⁵. После внесения проекта 14 сентября 1953 года началась довольно длительная процедура согласования новых цен с заинтересованными организациями — прежде всего, с Министерством финансов — вплоть до апреля 1954 года. По подсчетам последнего, доходы от кино при принятии варианта Министерства культуры должны были сократиться на 42,3%, при том, что принятые ранее планы по валовому сбору от продажи билетов не выполнялись²⁶⁶.

Новые цены были введены с июня 1954 года²⁶⁷. Предложения Министерства культуры были в основном приняты. Так, в городских кинотеатрах стоимость билета составила 2–5 рублей, а по селу — 2–3,5 рубля²⁶⁸. Летом 1954 года министр культуры Александров составил информационную записку для секретаря ЦК П. Н. Поспелова «О первом месяце работы киносети по новым сниженным ценам». Особенно сильно отразилось снижение цен на посещаемости киносеансов в сельской местности: «Впервые за послевоенные годы государственная сельская киносеть выполнила план как по зрите-

²⁶⁴. Там же. Л. 33.

²⁶⁵. Там же. Л. 34.

²⁶⁶. Там же. Л. 41.

²⁶⁷. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 16.

²⁶⁸. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 468. Л. 37.

лям, так и по валовому сбору»²⁶⁹. В июле 1954 года, по сравнению с предыдущим месяцем, на селе было обслужено на 34,8% зрителей больше. Динамика изменения выполнения плана по кинообслуживанию зрителей на селе выглядела так:

Динамика численности кинозрителей в сельской местности СССР (1953–1954)

Июль 1953		Июнь 1954		Июль 1954	
млн. человек	% к плану	млн. человек	% к плану	млн. человек	% к плану
40,909	82,4	43,040	91,7	57,739	113

В городе снижение цен «не оказало существенного влияния на увеличение количества зрителей». Александров отмечал, что «решающее значение в работе городской киносети имеет количество и качество выпущенных на экраны новых кинофильмов»²⁷⁰. Так, если в июне 1954 года платные киносеансы посетило 64,226 миллионов человек, то в июле — 67,834 миллиона. По городам план за один месяц работы по новым ценам был также перевыполнен (100,6%), хотя и не в такой степени, как на селе. Увеличение производства фильмов, введение быстрыми темпами новых киноустановок, снижение цен на билеты способствовали резкому увеличению сумм выручки от посещений кино²⁷¹:

	1953	1958	1959	1960	1961	1962
выручка (млн. руб.)	478	829	861	859	909	918

До 1957 года Министерство культуры СССР непосредственно руководило работой местных органов кинопроката — устанавливало план по количеству посещений, по валовому сбору и т. д. После реформы 1957 года часть полномочий была передана местным органам. В связи с этим в 1963 году в управлении кинофикации и кинопроката отмечали: «Можно подумать, что действительно сейчас этими вопросами занимаются местные, республиканские органы. Но это не так. Дело в том, что место Министерства культуры Союза заняло Министерство финансов Союза. Министерство финансов Союза совершенно не смущается тем, что влезает в прерогативы местных органов культуры; местные финансовые органы устанавливают количество дней, которые должен работать кинотеатр, количество сеансов, которые должен дать кинотеатр, и вся сеть в целом, и записывают налог. То есть Министерство финансов заполнило вакуум,

269. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 16.

270. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 17.

271. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 747. Л. 25.

который появился после ухода Министерства Союза. Мы считаем это ненормальным, потому что Министерство финансов планирует сеть не как отрасль культуры, а как источник дохода. В результате за последние 4–5 лет ни один год план киносетью не выполняется, — ни сетью Министерства культуры, ни профсоюзной киносетью. А что значит, что план не выполняется? Это значит, во-первых, что сотни тысяч, а в нашей системе работает свыше 300 тысяч человек, — лишаются материальных стимулов в своей работе»²⁷².

Поскольку органы кинопроката полностью находились в руках государства, оно и определяло репертуарную политику. Органы кинопроката нередко находились «между двух огней». С одной стороны, им нужно было выполнять план по валовому сбору, с другой — некоторые кассовые фильмы не были достаточно «идеологически выверены» с точки зрения партийно-государственных структур.

Инициатива в формировании репертуара на местах (из того объема, что предлагало Министерство) была предоставлена руководящим работникам кинопроката. В этом смысле главной проблемой, после увеличения количества выпускаемых в прокат отечественных и зарубежных фильмов, являлось их соотношение. К этому вопросу неоднократно обращался Отдел культуры ЦК. Если отбросить идеологические клише, то используя современную терминологию, можно утверждать, что Отдел и Министерство культуры проводили политику протекционизма. В записке Отдела культуры ЦК от 8 сентября 1959 года указывалось, что в 1955 году на экран выпущено 63, а в 1958 году 113 иностранных фильма, в 1960 году Министерство культуры намеревалось закупить 160 зарубежных фильма. «При таком подходе к делу, — отмечалось в записке, — наши кинотеатры выпускают 120 отечественных и 160 иностранных фильмов»²⁷³. Естественно, что ЦК, в первую очередь, указывало на чуждые идеологические установки, пропагандируемые в ряде зарубежных фильмов, никак не связанные «с задачами коммунистического строительства, осуществлением которых занят советский народ»²⁷⁴, выступало против фильмов, идеализирующих западный образ жизни, проповедующих «буржуазные идеи классового мира»²⁷⁵. Вместе с тем, по сути, Отдел культуры способствовал пропаганде отечественного кино. Обращалось внимание и на соотношение зарубежных фильмов, демонстрируемых в СССР и советских, идущих в прокате за границей: оно было не в пользу отечественного кинематографа²⁷⁶. А феврале 1961 года был издан указ министра «О мерах по улучшению проката фильмов». В нем предписывалось уве-

272. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 11.

273. Идеологические комиссии. С. 186.

274. Там же. С. 186.

275. Там же. С. 189.

276. Там же. С. 259.

личить тиражи лучших советских кинокартин за счет сокращения тиражей фильмов из капиталистических стран. В клубах и на киноустановках в сельской местности фильмы производства капиталистических стран было предписано демонстрировать «только по рекомендательным спискам Министерства культуры СССР»²⁷⁷.

Особо рекламировались Министерством кинокартины, посвященные памятным датам истории советского государства, в которых пропагандировались коммунистические идеалы. Для популяризации подобных фильмов устраивались специальные фестивали, коллективные просмотры, предварительная реализация билетов непосредственно на предприятиях, организациях и учебных заведениях²⁷⁸. Причем продажа билетов на такие сеансы зачастую носила «добровольно-принудительный» характер. Для обеспечения заполняемости зрительных залов привлекались партийные и комсомольские организации. Например, во время фестиваля кинофильмов, посвященного 40-летию Октябрьской революции, «благодаря помощи со стороны партийных и комсомольских организаций г. Москвы документальный фильм „Великий поворот“ демонстрировался с аншлагами на всех сеансах»²⁷⁹.

Рассматривая проблемы кинопроката, представляется интересным отметить существование в 1956 — начале 1957 года альтернативной — маленькой, но весьма организованной системы киносети в Москве. Группа С. Гуляева и Г. Табачника (в состав ее входила так называемая «золотая молодежь» — дети довольно высокопоставленных родителей) организовала демонстрацию в ряде институтов и учреждений Москвы «снятых с показа или запрещенных отечественных и зарубежных кинофильмов»²⁸⁰. Эта группа предлагала зрителям то, что государство запрещало (по разным причинам — политическим мотивам, из-за окончания срока лицензии). Фильмокопии поступали в группу С. Гуляева, как правило, благодаря подкупу сотрудников фильмобаз: некоторые копии, подлежащие уничтожению на базах хранения, попадали к участникам группы. Деньги от демонстрации организаторы показов делили между собой. Интересен был репертуар фильмов — это главным образом зарубежные фильмы (на демонстрацию которых закончилась лицензия), пользующиеся популярностью: «Серенада Солнечной долины», «Большой вальс», «Дама с камелиями», «Граф Монте-Кристо», «Чарли Чаплин» и другие. Советские фильмы были представлены, в основном, снятыми с экрана по политическим соображениям (кинокартины, созданные в период культа личности — «Оборона Царицына», «Три встречи», в репертуаре были даже документальные фильмы,

277. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 138. Л. 31.

278. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 237. Л. 180.

279. Там же. Л. 181.

280. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 557. Л. 148

например «Советская Кабарда», который в тот момент исправлялся «по политическим мотивам»²⁸¹. Всего у участников группы правоохранительные органы изъяли более 200 наименований фильмов²⁸². Сам просмотр кинофильмов превращался в небольшое шоу. Перед показом устраивались выступления музыкантов, «исполнявших так называемую „стильную музыку“»²⁸³. В целях «рекламы Табачник и его соучастники приглашали для ведения программы и выступлений некоторых артистов московских театров и эстрады, в частности, заслуженного артиста РСФСР Мартинсона, артиста Театра Сатиры Весника, ... с которыми расплачивались наличными деньгами»²⁸⁴. Таким образом, несмотря на географическую узость распространения, дело было поставлено на «широкую ногу». Участники группы неминуемо должны были столкнуться с органами правопорядка, поскольку кинопрокат в СССР являлся монополией государства. Организаторы группы были осуждены.

Одна из важнейших проблем, которой занималось Министерство культуры в конце 1950 — начале 1960-х годов в сфере кинопроката, являлась работа по увеличению зарплаты работникам киносети. Сотрудники киносети по количеству были самым многочисленным отрядом работников культуры наряду с сотрудниками библиотек. Но если библиотека являлась планово убыточным учреждением, требующим государственной поддержки, то кинопрокат был довольно прибыльной отраслью. Тем не менее, зарплата работников киносети оставалась на крайне низком уровне — сельские киномеханики, например, получали в среднем 395 рублей, а городские 305 рублей²⁸⁵. Министерство культуры неоднократно выступало за повышение их зарплаты. Так, в 1957 году оно входило в Совет министров СССР с этими предложениями. Средняя зарплата всех работников киносети в 1956 году составляла 384 рубля (киномеханики получали 270–310 рублей, директора большинства кинотеатров — 450–640 рублей). Из-за низкой зарплаты и увеличивающейся загрузки только «за 1955 год из киносети Министерства культуры СССР выбыло... 31,5% к численности на начало 1955 года. Около 85% работников киносети имеет стаж непрерывной работы не более 5 лет»²⁸⁶. Министерство предлагало тогда увеличить зарплату в среднем на 20%. После принятия совместного Постановления Совета министров СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим» от 8 сентября 1956 года²⁸⁷

281. Там же. Л. 150–151.

282. Там же. Л. 159–160.

283. Там же. Л. 149.

284. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 557. Л. 150.

285. Там же. Л. 210.

286. Там же. Л. 25.

287. КПСС в резолюциях. Т. 9. С. 140–141.

сложилась вообще парадоксальная ситуация. Например, уборщица в кинотеатре получала примерно столько же, сколько киномеханик, работа которого требовала определенных базовых знаний и технической квалификации. В 1959 году, в письме в Совет министров министр Михайлов отмечал, что «крайне низкая заработная плата работников киносети не создает условий для закрепления квалифицированных технических кадров в системе кинофикации и кинопроката. Из-за большой текучести и низкой квалификации работников киносети имеются многочисленные случаи порчи дорогостоящей аппаратуры и фильмокопий, что приносит большие убытки государству»²⁸⁸. В 1959 году работники проката получали²⁸⁹:

доля работников (%)	зарплата (руб.)
50,8	до 500
38,1	501–1000
9,6	1001–2000
1,5	свыше 2000

49% всех работников киносети относились к категории низкооплачиваемых работников, получающих зарплату до 350 рублей. Действующая система «оплаты труда была установлена постановлениями СНК СССР в 1939 и 1941 годах»²⁹⁰ и с тех пор практически не пересматривалась, за исключением положений о премировании. Тем временем интенсивность труда работника киносети возросла. Так, в 1940 году на одного работника в среднем приходилось 60 сеансов в год, в 1957 году — 150, а среднее количество обслуженных зрителей также возросло: в 1940 году — 9680, а в 1957 году — 22 100²⁹¹. Кроме того, в связи с введением новой техники для показа, увеличились требования к квалификации сотрудников. Министрство культуры, «неоднократно» ставившее вопрос о пересмотре зарплаты, в 1959 году «вновь разработало проект упорядочения оплаты труда... по которому размеры ставок заработной платы... [запланированы] в зависимости от объема и режима работы киноустановок»²⁹². Также была разработана новая система премирования работников: согласно проекту, планировалось работникам киноустановок повысить оклады на 27,6–91,6%, работникам

288. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 780. Л. 90.

289. Там же. Л. 91.

290. Там же. Л. 97.

291. Там же. Л. 97.

292. Там же. Л. 98.

отделов кинофикации на 31,3–84,6%²⁹³. Против увеличения зарплаты, как всегда в подобных случаях, выступили Министерство финансов и Госплан. Последний предлагал отложить упорядочение заработной платы... до 1961–1962 годов»²⁹⁴. Министерство финансов вообще предложило отложить реформу на неопределенное время — «до проведения общего упорядочения заработной платы работников учреждений культуры»²⁹⁵. ВЦСПС поддержал предложения Министерства культуры в целом, но с оговоркой, что «ввести новую систему оплаты можно в нескольких областях в виде опыта»²⁹⁶. К этому необходимо добавить, что зарплата работников кинопроката, как и других работников культуры, оставалась на достаточно низком уровне и в течение последующих десятилетий.

Театры

К 1953 году в театральном искусстве, как и в других сферах художественной культуры, сложилась тяжелая ситуация. Творческая деятельность театров определялась постановлениями ЦК ВКП(б) конца 1940-х гг. Главным документом, регламентирующим жизнь театров в финансовом плане, было Постановление Совета министров СССР от 4 марта 1948 г. № 536 «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансово-хозяйственной деятельности»²⁹⁷.

В целом по стране театральные учреждения являлись убыточными и требовали большой государственной дотации. Но если до Постановления 1948 года она составляла 590 млн. рублей, то после него она была сокращена до 119 млн. рублей²⁹⁸. Результатом такого резкого снижения (почти в 5 раз) государственной поддержки явилось уменьшение количества действующих театров. За период с 1948 по 1952 годы закрылось более 300 театров²⁹⁹. К этому надо добавить, что даже запланированные «в течение послевоенных лет средства на строительство, реконструкцию и оборудование московских театров совершенно не выделялись»³⁰⁰. С другой стороны, дотации не хватало и на работающие театры и Правительство в конце каждого года выделяло дополнительные ассигнования

293. Там же. Л. 104.

294. Там же. Л. 101.

295. Там же. Л. 104.

296. Там же. Л. 106.

297. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 121. Л. 76.

298. Там же. Л. 69.

299. РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 18. Л. 11.

300. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 121. Л. 130.

на покрытие сверхплановых убытков³⁰¹. В результате фактическое государственное финансирование театров, например, в 1953 году составило 382 млн. рублей³⁰².

Театры в провинции владели нищенское существование. Пономаренко приводил конкретные примеры: «Декорации, костюмы, бу- тафория переходят из одного спектакля в другой, перекрашиваются, переделываются и пришли в негодное состояние»³⁰³; «имеются жалобы работников театров на систематическую задержку выплаты заработной платы». Расходы на осуществление новых постановок требовали значительных затрат. Чем крупнее был театр, тем естественно они были больше:

Затраты на театральные постановки (в среднем, рублей) ³⁰⁰		
	1947	1954
Драматические театры союзного подчинения	149 000	147 000
Драматические театры республиканского и местного подчинения	20 500	14 600
Передвижные районные драматические театры	7 300	5 500

В то же время затраты на постановки в отдельных театрах в несколько раз превышали эту среднюю цифру. Так, «в театре им. Маяковского на оформление „Гамлета“ израсходовано 420 тысяч рублей»³⁰⁵.

Кроме того, в конце 1940-х — начале 1950-х годов в сравнении с довоенным периодом посещаемость театров упала: «средняя посещаемость театров в стране пока находится на невысоком уровне (отмечал в середине 1953 года министр культуры Пономаренко в письме на имя Маленкова), не превышающем 60% вместимости зрительных залов, а по ряду театров и того ниже. При этом в 1952 году и особенно в начале 1953 года наметилась тенденция падения посещаемости театров»³⁰⁶. Ниже приводятся статистические материалы, подготовленные к июньскому (1963) Пленуму ЦК о количестве театров и их посещаемости:

количество театров:					
	1913	1940	1953	1958	1962
количество	177	908	513	528	495

301. Там же. Л. 130.

302. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 34.

303. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 121. Л. 75.

304. Там же. Д. 468. Л. 18.

305. Там же. Д. 121. Л. 18.

306. Там же. Л. 74.

307. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 31 об.

посещаемость театров³⁰³:

	1940	1953	1958	1962
количество зрителей	83 704	70 851	83 166	97 911

Из приведенных таблиц видно, что количество зрителей по сравнению с довоенным периодом в 1953 году уменьшилось на 15,5%. Заполняемость зрительных залов театров в 1952 году в среднем была 59%. «Имелись факты, — заявил Пономаренко в 1953 году, — когда выступавших на сцене лиц было больше, чем в зрительном зале»³⁰⁸. Однако в последующие года популярность театрального искусства начала расти. Несмотря на некоторое сокращение количества театров за период 1952–1962 годов (на 3,5%) количество зрителей за этот же период увеличилось на 27,7%.

На момент создания союзного Министерства ему непосредственно подчинялись шесть театров: МХАТ им. Горького, Малый театр, театр им. Е. Вахтангова, Ленинградский академический театр драмы им. А. Пушкина, Центральный детский театр, Большой театр³⁰⁹. В 1957 году, в связи с проводившейся реорганизацией в системе правительственных учреждений, расширением прав местных органов управления, часть театров союзного подчинения была передана республиканским органам управления³¹⁰. Таким образом, за весь период 1953–1963 гг. в неизменном подчинении Министерства культуры СССР находились только три московских театра: Большой, МХАТ им. М. Горького, Малый (с 1961 г. к ним прибавился Большой Кремлевский дворец съездов).

В работе Министерства культуры в сфере театров на начальном этапе его деятельности главными были два направления: увеличение государственной поддержки театров и меры по расширению прав самих театров в составлении репертуара и управления хозяйственной деятельностью. В качестве первоочередных мер предлагалось увеличить ежегодную дотацию на сумму 77,4 млн. рублей (Госплан и Министерство финансов согласились на 20,5 млн. рублей). На самокупаемости предлагалось оставить русские драматические театры, работающие в крупных городах, «в том числе все московские и ленинградские театры... — эти театры имеют возможность, не снижая качества спектаклей, работать безубыточно»³¹¹. В 1953 году для нормальной деятельности необходима была дотация — «для районных передвижных и колхозно-совхозных театров в размере, примерно, 100–150 тыс. рублей в год, для детских театров кукол — 40–50 тыс.

308. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

309. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 360. Л. 233.

310. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 42. Л. 32.

311. Там же. Л. 76.

рублей в год, для русских театров, работающих в небольших городах и промышленных центрах 200–250 тыс. рублей...»³¹² К 1958 году дотация была восстановлена в размере 590 млн. рублей³¹³. Сравнивая эту цифру с данными 1947 года, необходимо учитывать уменьшение количества действующих театров и увеличение театров, работающих на самоокупаемости³¹⁴. Таким образом, средства, направляемые в убыточные театры, значительно увеличились. Однако уже с 1959 года дотации вновь уменьшаются. Постановлением Совета министров СССР от 8 декабря 1958 года на 10% и затем еще на 5,3%. В значительной мере этим объясняется некоторое сокращение численности театров — в 1962 году их стало на 33 меньше, чем в 1958-м. Отдел культуры ЦК отмечал, что это сокращение связано в основном «с ликвидацией ряда передвижных драматических театров, а также объединений некоторых детских и кукольных театров»³¹⁵. А в материалах, подготовленных для июньского (1963) Пленума ЦК сообщалось, что были ликвидированы театры в районных центрах, слабые в художественном отношении³¹⁶. В 1962 году расходы на содержание театров составляли 41,6 млн. рублей³¹⁷ (в пореформенных ценах).

В 1962 году Отдел культуры ЦК провел обследование финансового состояния театров страны. По его данным, в 1961 году из 497 театров системы Министерства культуры с прибылью закончили «только 36 театров, получившие прибыль в сумме 866 тыс. рублей, а с убытками — 461 театр, убытки которых составили более 36 млн. рублей. В числе театров, работавших с убытками, — все театры оперы и балета, 311 драматических театров и 100 детских и юного зрителя»³¹⁸. Полностью картина доходов и расходов театров выглядела следующим образом:

Доходы и расходы театров в СССР (1958–1961, млн. рублей)

	1958	1960	1961 ³¹⁹
всего доходов	69,0	77,3	80,4
всего расходов	114,0	112,8	115,9
дефицит	44,9	35,5	35,5

312. Там же. Д. 627. Л. 34.

313. Там же. Д. 627. Л. 34.

314. Там же. Д. 776. Л. 5.

315. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 143. Л. 100.

316. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 31 об.

317. Там же. Л. 34.

318. Там же. Ф. 5. Оп. 36. Д. 143. Л. 105.

319. Там же. Л. 105.

Увеличилось число театров, работавших на самоокупаемости. Для перехода на самоокупаемость театрам приходилось коренным образом перестраивать свою работу. В фондах Министерства культуры СССР отложилось письмо директора Джамбульского казахского театра. В нем сообщается, что после того, как театр отказался от дотации, из 428 спектаклей, намечавшихся к постановке в 1963 году, 342 было решено провести «исключительно в колхозах и совхозах»³²⁰. Если ранее Джамбульский театр находился на гастролях каждый год с 15 апреля по 15 октября, то с переходом на самоокупаемость планировалась круглогодичная работа «двумя бригадами на выездах и гастролях, в основном обслуживая тружеников сельского хозяйства»³²¹. Впрочем, пример с переходом на бездотационную работу национального театра не был типичным. Как правило, на самоокупаемость переводились русские театры, работавшие в крупных городах. Несмотря на то, что прибыль от театров росла в целом, эта отрасль культуры с финансовой точки зрения оставалась убыточной.

Другой важной заботой Министерства на первых порах являлось перераспределение функций в системе управления театрами: расширялась самостоятельность Главного управления искусств в руководстве театрами и самих театров, ликвидировалась излишняя централизация. Пономаренко просил в 1953 году предоставить Главному управлению по делам искусств «устанавливать лимиты стоимости каждой новой постановки в пределах общей суммы постановочных затрат, а также перераспределять между театрами амортизационные отчисления по имуществу от постановок прошлых лет»³²². Александров в 1954 году также добивался изменения существующего порядка и просил разрешить министерству устанавливать размер дотации отдельным театрам в пределах общей суммы ассигнований на эту цель, принимать решения об открытии новых театров³²³. Под его руководством в Министерстве был разработан проект Постановления Совета министров, согласно которому резко расширялись права директора театра. В частности, директору предоставлялось право определения нового и текущего репертуара, заключение договоров с авторами на создание новых произведений, непосредственное представление в местные органы Главлита СССР произведений для включения их в репертуар, установления суммы расходов на каждую постановку в пределах общей суммы, приглашения на договорных началах творческих работников в театр, перевода артистов из одной тарифной категории в другую³²⁴. Из простого перечисления новых прав директора

320. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 999. Л. 5.

321. Там же. Л. 6.

322. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 102. Л. 83.

323. Там же. Д. 262. Л. 18–19.

324. Там же. Д. 257. Л. 51.

театра можно сделать вывод о чрезмерной централизации в деле государственного руководства театрами, которое существовало к моменту образования Министерства культуры. Это подтверждает выступление министра культуры РСФСР Т. Зуевой. На коллегии в 1954 году она охарактеризовала ситуацию следующим образом: «Мы сами не могли представлять пьесы для утверждения их в Главлит, а должны были представлять их в Министерство культуры СССР. Мы не имели права открытия музеев и театров»³²⁵.

Была также проведена реформа в формировании художественных советов театров — раньше они назначались сверху, а подбирались директором театра, следствием этого явилось долговременное пребывание в его составе одних и тех же лиц, зачастую не пользовавшихся достаточным авторитетом в театре. Теперь коллектив сам определял состав художественных советов: в результате в некоторых театрах не были избраны членами совета даже секретари партбюро, слабо влиявшие на работу театра³²⁶.

К 1955 году относится инициатива Министерства о снижении цен на билеты в театры (вспомним, что еще в 1954 году была проведена ценовая реформа в кино). Работа над этим интересным предложением, основной целью которого являлось привлечение дополнительных зрителей, велась Министерством культуры СССР в течение нескольких месяцев. Суть проблемы заключалась в следующем. В годы Великой Отечественной войны были резко подняты цены на театральные билеты. В середине 1950-х гг. стоимость билета составляла 160–165% «к средней стоимости билета за 1940 год. По передвижным и детским театрам довоенные цены на билеты повышены более чем в два раза»³²⁷. Ввиду того, что цены на театральные билеты устанавливались в годы войны произвольно, по усмотрению местных органов и директоров театров, в размерах цен наблюдался разнობой. В середине 1950-х гг. в театрах г. Москвы были установлены следующие цены на билеты: «в МХАТ и Малом театре — до 25 рублей, в драматических театрах г. Москвы — до 18 рублей»³²⁸. Средняя цена билета в театрах страны составляла 8 руб. 14 коп. Министерство культуры предлагало такую реформу, при которой она составила бы 6 руб. 01 коп. (средняя цена на билет в 1940 году составляла 4 руб. 82 коп.) При этом общая сумма потерь предполагалась в размере 150,7 млн. руб.: «Для покрытия всего этого разрыва за счет роста посещаемости потребовалось бы увеличить число зрителей на 41,4%. Такое повышение посещаемости нереально...»³²⁹ — считали в Министерстве. Его предложения встретили

325. Там же. Д. 229. Л. 133.

326. Там же. Д. 468. Л. 64.

327. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 468. Л. 36.

328. Там же. Л. 36.

329. Там же. Л. 38.

сопротивление со стороны Министерства финансов СССР, которое не могло согласиться с увеличением убытков. В роли согласительной комиссии между двумя ведомствами выступил аппарат ЦК КПСС. Вот как выглядели предложения трех структур³³⁰:

	Министерство культуры	Министерство финансов	аппарат ЦК КПСС
снижение цен к плану 1956 г. (%)	29,3	15,0	20,0
средняя цена после снижения (руб.)	5,62	6,76	6,36
рост посещаемости к плану 1956 г. (%)	8,9	13,9	10,0
дефицит (размер дотации, млн руб.)	134,1	18,0	69,8

После согласования, в 1956 году была проведена частичная ценовая реформа³³¹.

Одной из важнейших составляющих работы театра является репертуарная политика, которая, как мы увидим, в СССР строилась независимо от популярности конкретных театральных постановок. В 1954 году в целом по стране рейтинг наиболее *популярных* (посещаемых) пьес, поставленных театрами, выглядел следующим образом³³²:

Наиболее популярные театральные постановки в СССР (1954)		
пьеса	количество театров, поставивших пьесу	количество зрителей (тыс. человек)
1 В. Минко. «Не называя фамилий»	149	2 848
2 Ц. Солодарь. «В сиреневом саду»	85	1 449
3 В. Дыховичный, М. Слободской. «Свадебное путешествие»	80	1 401
...		
7 К. Симонов. «История одной любви»	85	1 025
9 В. Розов. «Страница жизни»	55	741

330. Там же. Л. 46.

331. Там же. Л. 65.

332. Там же. Д. 360. Л. 215.

Названия драматических произведений, пользовавшихся наибольшей популярностью в 1954 году, мало что скажут даже театрам, впрочем, как и имена авторов пьес, занявших первые три места. Популярность спектаклей «В сиреневом саду» и «Свадебное путешествие» начальник Главного управления театров Солодовников объяснял тем, что по форме они представляли собой водевиль, «который долгое время не исполнялся на сцене»³³³. Спектакли известных авторов, К. Симонова и В. Розова, оказавшиеся на седьмом и девятом месте в этом рейтинге, не являлись их наиболее значительными произведениями.

Что же касается собственно репертуара театров, то и в нём пьесы отечественных авторов составляли подавляющее большинство. С течением времени произведения зарубежных драматургов стали занимать большее место в репертуаре. Так, в 1956 году их количество увеличилось по сравнению с 1955 годом в два раза, но, тем не менее, составляло не более $\frac{1}{3}$ от всего числа постановок³³⁴. К концу рассматриваемого периода число постановок пьес зарубежных авторов вновь уменьшилось. В сезоне 1962–1963 годов « $\frac{3}{4}$ текущего репертуара составляли пьесы, написанные советскими авторами и, главным образом, на современные темы»³³⁵. В репертуаре театров пьесы советских драматургов занимали ведущее место на всем протяжении исследуемого периода (в 1954 году — 67% из всех пьес). Репертуар советских театров в 1959–1963 гг. состоял из следующих основных постановок:

Сезон 1959–1960 гг. ³³²		Сезон 1962–1963 гг. ³³³	
пьесы	количество театров	пьесы	количество театров
1 Стряпуха	96	Перед ужином	67
2 Барабанщица	70	Палата	61
3 Иркутская история	55	День рождения Терезы	60
4 Дали неоглядные	55	Ленинградский проспект	58
5 Именем революции	55	Под одной из крыш	48

Пьесы А. Арбузова «Иркутская история», А. Салынского «Барабанщица», А. Софронова «Стряпуха» пользовались популярностью

333. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 460. Л. 215.

334. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 44. Л. 1.

335. Идеологические комиссии. С. 385.

336. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 129. Л. 86.

337. Ежегодник БСЭ — 1964. С. 90.

в течение ряда лет. Так, в сезоне 1962–1963 годов «Иркутскую историю» поставили 39 театров. Министр культуры Фурцева отмечала, что пьеса З. Аграненко «Под одной из крыш» о периоде культуры личности написана с «неверных позиций»³³⁸. Тем не менее, критика со стороны министра не привела к тому, что пьеса была снята с репертуара — более того, она заняла пятое место по количеству театров, поставивших спектакль. Анализируя данные о репертуаре театров, можно сделать вывод о том, что уменьшилось количество театров, поставивших одну и ту же пьесу (в 1954 году 149 театров, в 1959 году — 96, а в 1962 — только 67) — это свидетельство о том, что у театров появилась большая возможность выбора новых произведений.

Переводные пьесы на русском языке направлялись для распространения Министерством культуры РСФСР. Министерство культуры СССР разрабатывало рекомендательные списки пьес.

В начале 1950-х годов и начале существования Министерства культуры репертуарная политика определялась следующим образом: «аппарат Главискусства принял на себя функции непосредственной работы с авторами по доработке и редактированию произведений. В течение длительного периода времени тот или иной редактор направлял и приучал на свой вкус, что ему нужно сделать, чтобы пьеса понравилась редактору, чтобы пьеса пошла в театр. Иногда автор более пяти раз редактировал пьесу... Так, например Строева „помогла“ доработать Зорину пьесу „Гости“»³³⁹. С того момента, как Министерство предоставило инициативу в формировании репертуара самим театрам, Отдел культуры ЦК отмечал (в 1957 году) оживление работы театров, заинтересованность их в постановке новых спектаклей. После расширения прав театров сотрудникам Министерства оказалось не под силу осуществлять тотальный контроль за репертуаром. Дело сложилось так, «что ответственными за поток распространяемых пьес (на русском языке) оказались второстепенные работники Отдела распространения ВУОПа и Министерства культуры РСФСР (репертуарная группа). Работники Министерства культуры СССР и РСФСР занимаются вопросами репертуара от случая к случаю, преимущественно только тогда, когда в Министерство поступает какой-либо сигнал о неблагоприятном спектакле»³⁴⁰. После XX съезда КПСС театры обратились к теме общественной жизни в период «культы личности» и проблемам реабилитированных. Даже в первом театре страны — МХАТе репетировалась пьеса Г. Березко с характерным названием «Возмездие». Отдел культуры ЦК с тревогой отмечал подобную тенденцию и в случае со МХАТом требовал отказаться от постановки.

338. Идеологические комиссии. С. 395.

339. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 18. Л. 42.

340. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 44. Л. 7.

В рассматриваемый период для театров существовал определенный план выпуска новых пьес: для театров Москвы и Ленинграда — 6–8 новых пьес в год; республиканских и краевых центров не менее 10 новых пьес; городских, районных театров 10–13 новых пьес. Этот план был установлен Постановлением Совета министров СССР 6 февраля 1949 года № 560. Наличие подобного плана нередко отрицательно сказывалось на качестве репертуара — начальник отдела театров отмечал: «Посмотрите на положение московских театров, ведь одна премьера за другой выходит, им нужно закончить план, поставить галочку в отчете и получить премию»³⁴¹. Еще более остро эта проблема стояла для провинциальных театров. План для них был большим, а количественный состав труппы меньше. В 1956 году Михайлов приводил примеры, когда некоторые областные театры имевшие в своем составе 30 человек, ежегодно играли по 400–500 спектаклей³⁴². Поэтому в Министерстве отмечали весьма низкий художественный уровень спектаклей в периферийных театрах³⁴³.

В распоряжении Министерства культуры СССР находился такой важнейший рычаг формирования репертуарной политики, как государственный заказ. Однако сотрудники Министерства отмечали, что «работа по созданию репертуара в отделе [театров] велась келейно. Тов. Глаголева [заместитель начальника отдела] сама решала вопрос принятия пьесы на госзаказ, обсуждение ее, читку. Иногда в этом участвовала так называемая репертуарная группа»³⁴⁴. Технологию принятия пьесы на госзаказ один из руководителей парт-организации Министерства культуры охарактеризовал так: «как создаются произведения? Заходит автор к Глаголевой, о чем-то говорит, договор пошел на утверждение»³⁴⁵. Следовательно, можно сделать вывод, что принятие пьес на госзаказ осуществлялось отдельными работниками среднего звена Министерства. В формировании репертуарной политики высшие руководители Министерства культуры участия не принимали. Об этом свидетельствует высказывание первого заместителя министра А. Н. Кузнецова: «Мы сегодня проводили большое совещание, посвященное репертуару Малого театра. Многие вещи прозвучали как откровение для нас, в том числе для меня. Какую пьесу ставят, когда выпускают, нужна ли она, зачем нужна, — мы не всегда можем ответить»³⁴⁶. «Мы говорим, что нет пьес. А какие пьесы мы сами можем порекомендовать. Читаем ли мы их сами?»³⁴⁷. Уже на излете оттепели, после идеологиче-

341. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 130. Л. 84.

342. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2, Д. 469, Л. 36

343. Там же. Д. 468. Л. 13.

344. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 167.

345. Там же. Л. 168.

346. Там же. Л. 24.

347. Там же. Л. 25.

ского Пленума ЦК 1963 года, Министерством культуры были приняты некоторые меры к усилению контроля за формированием репертуара. Для этого, в частности, Фурцева предлагала увеличить количество сотрудников отдела театров, а также создать «репертуарные коллегии и художественные экспертные коллегии по драматическому, музыкальному и изобразительному искусству»³⁴⁸.

Государственные органы управления культурой следили не только за репертуарной политикой в театрах, но и формой постановки спектаклей. Приоритет в этом деле был за Отделом культуры ЦК. В августе 1958 года руководством отдела была составлена записка «О формалистических увлечениях в декоративном оформлении театральных постановок». Тенденции к формализму авторы записки нашли, в частности в театре им. В. Маяковского (главный режиссер Н. Охлопков), сатиры (главный режиссер В. Плучек). Так, «в постановке „Садовник и тень“ в театре им. В. Маяковского полностью отрицается живописная декорация. Действие происходит на открытой сцене. Места для публики отведены и на сцене... Главным в спектакле становится символ, условность, намек»³⁴⁹; «спектакль „Мистерия-буфф“ оформлен театром [Сатиры] в духе рисунков РОСТА и звучит в настоящее время условно, искусственно и архаично»; «условность живописных декораций в... спектакле [„Никто“, режиссер А. Эфрос, „Современник“] доведена до предела — она явно подражает модернистским тенденциям живописи современных Польши и Югославии; некоторые театры нередко отказываются от занавеса, обозначая начало действия простым ударом гонга»³⁵⁰. С тревогой отдел культуры отмечал и попытки теоретически обосновать новые тенденции в театральном искусстве: «так возникла в ряде статей идеализация деятельности Камерного театра, театра В. Мейерхольда»³⁵¹. Это представлялось как стремление «поставить под сомнение реалистическую систему К. С. Станиславского»³⁵².

К принципиально новому моменту в развитии театрального искусства можно отнести состоявшуюся во второй половине 1950-х годов «реабилитацию» творческих методов В. Э. Мейерхольда, которая стала возможной, прежде всего, благодаря многочисленным обращениям в ЦК КПСС виднейших деятелей театра.

Одной из новых тем, возникших в работе театров, после предоставления им большей самостоятельности, стала дискуссия о роли и месте главного режиссера в театре, о том, кто является руководителем — директор или главный режиссер. Министерство культуры СССР в 1956 году в своем приказе рекомендовало Министер-

348. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 145.

349. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 67. Л. 85.

350. Там же. Л. 86.

351. Там же. Л. 87.

352. Там же. Л. 87.

ствам культуры союзных республик «в тех случаях, когда это возможно, назначать директорами театров главных режиссеров»³⁵³. Однако практика назначения творческих работников на пост директора не всегда себя оправдывала (в этом мы убедимся на примере МХАТа). В этой связи некоторые режиссеры А. Попов (театр Советской армии), Г. Георгиевский (Ставропольский краевой драматический театр) видели выход «в том, чтобы вновь ввести в театрах должность художественного руководителя, которому бы принадлежала вся полнота власти в вопросах художественного руководства театром»³⁵⁴. Важной проблемой оставалось формирование театральных трупп, «то есть права дирекции театров по приему и увольнению актеров, не ясен вопрос о разграничении прав и обязанностей между директором и главным режиссером театра»³⁵⁵. Дирекция театра была лишена, по сути, возможности вносить изменения в состав труппы (увольнять актеров по причине утери квалификации, по возрасту). Увольняемые актеры добивались через суд своего восстановления. Это негативно сказывалось на качестве работы театра. Лишь в 1960 году Министерством культуры было принято положение о замещении вакантных должностей в театрах по конкурсу³⁵⁶.

Министерство культуры занималось также другими проблемами, имеющими непосредственное отношение к театру. Например в 1962 году оно осуществляло подготовку к проведению мероприятий, связанных со 100-летием со дня рождения К. С. Станиславского, и даже просило ЦК учредить золотую медаль его имени³⁵⁷, но отдел культуры отказал³⁵⁸. Министерство организовывало творческие конференции театральных деятелей (см. например, просьбу Михайлова о проведении конференции, посвященной творчеству А. П. Чехова³⁵⁹).

Не только среди театров страны, но даже и среди театров, подчиненных непосредственно Министерству культуры СССР, особое положение занимал МХАТ им. М. Горького. Никакому другому театру не уделялось столько внимания со стороны Министерства и Отдела культуры ЦК. Начальник главного управления театров объяснял такое пристальное внимание тем, что во всем мире изучают систему Станиславского как передовую и обсуждают проблемы МХАТа — поэтому его трудности «не могут стать только делом коллектива Художественного театра»³⁶⁰. К моменту создания Ми-

353. Там же. Д. 44. Л. 23–24.

354. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 44. Л. 27.

355. Там же. Л. 25.

356. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 129. Л. 20.

357. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 143. Л. 109.

358. Там же. Л. 110.

359. Там же. Д. 42. Л. 113.

360. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 360. Л. 30.

нистерства, во МХАТе, как и в целом в советском искусстве, сложилась тяжелая ситуация. Это осознавали как в самом театре, так и в руководящих партийных органах. Вот как ведущие артисты театра оценивали состояние МХАТа на беседе 10 апреля 1954 года у директора театра А. К. Тарасовой.

«Прудкин М. И.: Неужели мы навсегда потеряли свое лицо? Сплошные изничтожения и принижения МХАТу, потому что у нас закишшая жизнь.

Массальский П. В.: Унылая! ...³⁶¹

Янин М. М.: У меня, например, характер считается подлинно МХАТовским, так говорят мне все: «настоящий МХАТовец» — и что же?... я часто за последнее время чувствую себя здесь, в театре, которому я отдал свою жизнь... абсолютно ненужным... как так получилось... (слезы) я не знаю...»³⁶²

А. К. Тарасова на коллегии в Министерстве заявила: «Неблагополучие, которое не удовлетворяет и театр и, я бы сказала, наш народ, длится в течение нескольких лет»³⁶³. Старейшая актриса МХАТа О. Л. Книппер-Чехова, (тяжело болевшая в этот период) в письме, адресованном коллегии Министерства отмечала: «Театр наш болеет уже много лет. Старые дрожжи уже прокисают. Значит, нужна помощь...»³⁶⁴

Партийные руководители объясняли кризис во МХАТе невнимательным отношением к нему со стороны Комитета по делам искусств. С трибуны XIX съезда КПСС, состоявшегося в октябре 1952 года, секретарь Московского комитета партии Фурцева заявила, что это невнимание привело к тому, что замечательный коллектив МХАТа «оказался в долгу перед советским зрителем. За последние два года из намеченных к постановке новых пьес театр поставил только три. Коллектив театра долгое время работал над постановкой неполноценных в идейно-художественном отношении пьес: „Потерянный дом“ — Михалкова, „Кандидат партии“ — Крона и некоторыми другими. Затратив таким образом время и средства, театр не выпустил за последние два года ни одного нового спектакля на советскую тему. Если бы Комитет по делам искусств занимался этим ведущим театром страны, он мог бы не допустить подобного положения»³⁶⁵. Представляется, что кризисное состояние МХАТа нельзя объяснить такой упрощенной схемой. Тяжелая ситуация театра объясняется целым рядом причин, в весьма малой

361. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 360. Л. 313.

362. Там же. Л. 328.

363. Там же. Л. 5.

364. Там же. Л. 176.

365. Правда. 13 октября 1952.

степени связанных со вниманием или невниманием к театру со стороны Комитета. Да и сама Фурцева, уже работая в ЦК, в конце 1950-х годов, занимаясь проблемами МХАТа, по сути, дезавуировала свою точку зрения, высказанную на партсъезде. Прежде всего, нельзя не отметить, что любой, даже самый популярный театр проходит определенные отрезки в своей творческой жизни, периоды, когда взлеты сменяются спадами. Следующая причина кризиса состояла в том, что после смерти В. И. Немировича-Данченко в 1943 году в театре не осталось признанного лидера, художественного руководителя с непререкаемым авторитетом. У ведущих актеров театра сложились собственные представления на его развитие. И, хотя министру культуры Александрову понравилась мысль о том, что «наследником учения Станиславского является весь коллектив театра»³⁶⁶, сама по себе она является ошибочной в деле дальнейшего творческого развития. Методы Станиславского каждый член коллектива театра интерпретировал по-своему. А в таком большом театре, как МХАТ, где у каждого существовали амбиции, прежде всего, необходимо было единоначалие. На деле же все происходило с точностью до наоборот. Во МХАТе к 1955 году сложилось два руководящих центра. Один — во главе с главным режиссером М. Н. Кедровым, другой представляла директор и одна из ведущих актрис театра А. К. Тарасова. М. Н. Кедров не пользовался достаточным авторитетом и не смог объединить театр. Он сам говорил: «Но что же за положение у меня, когда я прихожу на спектакль „Дачники“ — меня режиссер не пускает. Происходит неприятная сцена с участием Аллы Константиновны»³⁶⁷. Но самое главное, что «у нас в театре разрушена творческая организация и вообще организация»³⁶⁸. В условиях, когда главный режиссер театра не мог перестроить работу в театре так, как ему представлялось необходимым, нельзя было преодолеть кризис. По сути дела, руководящие работники Министерства культуры хотели в данной ситуации улучшить ситуацию ничего не меняя.

А. К. Тарасова не вполне соответствовала должности директора театра. Назначение ее на этот пост состоялось в 1953 году, после того как с должности директора был по многочисленным просьбам коллектива снят человек «со стороны». Таким образом, театр надеялся решать проблемы собственными силами. В принципе к тому времени уже имелся положительный опыт совмещения обязанностей, в частности, в Малом театре, где один из его ведущих актеров М. И. Царев одновременно являлся директором (причем довольно долго)³⁶⁹. Но во МХАТе попытка изменить ситуацию силами

366. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 360. Л. 169.

367. Там же. Л. 29.

368. Там же. Л. 20.

369. Там же. Д. 786. Л. 20.

коллектива самого театра к кардинальному улучшению не привела. Да и сама Алла Константиновна признавала: «Я не обладаю организационными способностями, — я люблю театр, отдаю ему всю жизнь, но я не считаю себя 100%-ным директором»³⁷⁰. Неудовлетворительная ситуация к середине 1950-х гг. сложилась и с молодыми кадрами. Это отмечали и М. Кедров («у нас нет промежуточного поколения 35-летних актеров»³⁷¹), и А. Тарасова³⁷², и В. Топорков («из-за возраста актеров, явно не соответствующего играемым персонажам, иногда просто стыдно смотреть некоторые спектакли»³⁷³). Сохранению застоя, связанного с омоложением состава труппы, способствовали ряд известных актеров театра. Так, в 1958 году актер Б. Ливанов направил в ЦК письмо, в котором указывал, что вынужден уйти на пенсию в связи с неправильным отношением к нему со стороны дирекции МХАТа: его заменили молодыми актерами в спектаклях «Дядя Ваня» и «Три сестры» (так как, например, он не мог играть молодого офицера Солениго — Б. Ливанову было на тот момент 53 года)³⁷⁴. Робкие попытки введения молодых актеров в состав труппы были, но ни один из них, введенных, например в сезоне 1954–1955 годов, не стал впоследствии звездой уровня Тарасовой или того же Ливанова³⁷⁵. Некоторые немолодые уже ведущие актеры пытались делать собственные постановки. Одним, как например М. Яншину, это удавалось, другие — например Б. Ливанов, не смогли утвердиться на новом поприще (см. резкую критическую оценку спектакля «Ломоносов»³⁷⁶). Проблема омоложения состава труппы в 1955 году была только обозначена, но не решена. В 1963 году министр культуры Фурцева вновь поставила ее и обратилась в ЦК с рядом предложений. В числе ее инициатив были: омоложение коллектива МХАТа, перетарификация труппы, перевод на пенсию старых артистов, приглашение в театр новых режиссеров — «поскольку эти мероприятия затронут ряд известных деятелей театра, Министерство культуры СССР считает необходимым доложить в ЦК КПСС по этому вопросу»³⁷⁷. В сложившихся условиях отдел культуры ЦК еще в 1957 году выступил с инициативой создания молодежно-театральной труппы «из числа наиболее одаренной артистической молодежи и студийцев МХАТа с привлечением для работы в этой труппе творчески ярких режис-

370. Там же. Д. 360. Л. 9.

371. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 360. Л. 27.

372. Там же. Л. 9.

373. Там же. Л. 105.

374. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 67. Л. 23.

375. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 360. Л. 272–273.

376. Там же. Л. 239.

377. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 47. Л. 85–86.

серов, близких ко МХАТу по их творческому направлению»³⁷⁸. Это, по сути дела, принятие окончательного решения о создании будущего «Современника» — для спектаклей «этой труппы следует предоставить сцену филиала театра»³⁷⁹.

Еще одна причина кризиса, которая была отмечена Фурцевой еще в 1952 году, — проблема выбора репертуара. Этот вопрос был общим местом во многих выступлениях на коллегии Министерства в январе 1955 года. По мнению Александрова, репертуар подбирался по принципу «может быть подойдет», то есть был случайным³⁸⁰. В этой связи он заявил, что «театр должен заказывать драматургу то, что необходимо театру»³⁸¹, и, в качестве примера приводил переписку К. Станиславского и А. Чехова по проблемам репертуара.

Таким образом, существовал целый комплекс причин, приведших театр в кризисное состояние. М. Н. Кедров в 1955 году был снят с поста главного режиссера МХАТа, но, выйти из кризиса в рассматриваемый период театру не удалось. Перемены к лучшему начались только с приходом во МХАТ О. Н. Ефремова в 1970 году.

Остро стояла проблема не только с художественной деятельностью во МХАТе, но и с самим зданием театра. Еще 1945 году происходило обследование его помещения специалистами, которые пришли к выводу, что в здании можно работать не более 5 лет³⁸². Однако вопрос не решался, а тем временем, несмотря на ежегодные капитальные ремонты, здание продолжало разрушаться. Созданная по поручению Совета министров комиссия в составе М. Сабурова (Госплан), М. Суслова (ЦК), Н. Беспалова (Комитет по делам искусств), С. Круглова (МВД), М. Яснова (Моссовет) в марте 1953 года рассмотрела вопрос о строительстве нового здания МХАТа. Она пришла к следующим выводам: «ввиду большой ветхости существующего здания МХАТ, построенного в разные сроки (1807–1882–1909 гг.) нецелесообразно производить капитальный ремонт и восстановление этого здания». Строительство нового здания МХАТ на месте существующего комиссия посчитала «нецелесообразным, ввиду большой стесненности этого участка примыкающими к нему зданиями». Из рассмотренных пяти участков для строительства нового здания в районах ул. Горького, пл. Свердлова, Арбатской пл. и пл. им. Пушкина, комиссия выбрала участок между Тверским бульваром и пл. им. Пушкина³⁸³. То есть было избрано то место, где сейчас располагается МХАТ им. М. Горького (главный режиссер Т. Доронина). А в начале 1960-х годов ми-

378. Там же. Оп. 36. Д. 44. Л. 16.

379. Там же. Л. 16.

380. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 360. Л. 175.

381. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 360. Л. 175.

382. Там же. Д. 98. Л. 215.

383. Там же. Л. 209.

нистром культуры Фурцевой было внесено предложение о строительстве нового здания МХАТа на Театральной площади³⁸⁴, но оно не было осуществлено.

Изобразительное искусство

Наиболее неблагоприятная обстановка из всех отраслей художественной культуры к моменту образования Министерства сложилась в сфере изобразительного искусства. Причем кризис развивался по нескольким направлениям: с одной стороны — напряженная атмосфера среди самих художников, с другой — в отношениях между художником и государством. Первое в условиях всеобъемлющего контроля правительственных учреждений вытекало из второго. Письма, жалобы, предложения, критические выступления начали поступать в партийные и правительственные органы с 1950 года³⁸⁵, однако вплоть до 1954 года меры для исправления положения не предпринимались. Только в начале оттепели были внесены предложения по изменению целого ряда существующих порядков.

По мнению советского государства, большой ущерб развитию советского изобразительного искусства и скульптуры нанес «культ личности и связанное с ним пренебрежение к правдивому и художественно-полноценному изображению народных масс. Это привело к сужению тематики, к сюжетному и композиционному однообразию советского изобразительного искусства, как в живописи и графике, так и в скульптурных памятниках, подавляющее большинство которых решено однообразно... Элементы культа личности привели к нарушению жизненной и художественной правды в ряде произведений живописи, в которых вместо глубокого изучения жизни, поисков ярких, выразительных сюжетных типов и характеров, художники изображали народ как пассивную толпу статистов, которая нужна автору лишь для того, чтобы на этом безликом фоне выделить образ центрального исторического персонажа. Это порождало в ряде произведений недопустимо поверхностное, обыденное и примитивное изображение рядовых советских людей»³⁸⁶. Автор этих строк, Александров, по сути, отлучил подобные произведения от социалистического реализма: «произведения, в которых советские люди изображены бесцветно и необъединительно при всей кажущейся реальности трактовки, по существу не являются реалистическими, так как они не раскрывают подлинного характера советских людей»³⁸⁷. Нельзя сказать, что про-

384. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 134.

385. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 35.

386. Там же. Л. 37.

387. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 37.

блему жанрового однообразия совершенно не осознавали в руководящих структурах (по крайней мере, накануне начала оттепели, в 1953 году). 21 января 1953 года в записке на имя Маленкова Секретари ЦК по идеологии Н. А. Михайлов и М. А. Суслов, заведующий отделом ЦК В. Кружков, председатель Комитета по делам искусств Н. Беспалов сообщали о созыве пятой сессии Академии художеств СССР: «Сессия поставит перед художниками задачу — создание глубоко идейных и высокохудожественных произведений изобразительного искусства, уделит серьезное внимание вопросам разработки в изобразительном искусстве темы труда, жанровой живописи и пейзажу — картине»³⁸⁸. Однако ни в политике государства в области живописи, ни в организации труда художников кардинальных изменений внесено не было вплоть до 1954 года. Впрочем, судя по архивным материалам по организации труда деятелей изобразительного искусства, не предпринимались даже попытки к изменению этих условий.

В последний период жизни Сталина основной тенденцией в развитии советского изобразительного искусства являлось создание монументальных парадных произведений, которые многих случаях создавались так называемым «бригадным методом», широко культивировавшимся Комитетом по делам искусств. В качестве примера подобной работы можно привести полотно, законченное уже после смерти Сталина — «Выступление И. В. Сталина на II съезде колхозников-ударников». Картина, над которой коллектив художников во главе с А. М. Герасимовым в составе шести человек работал в течение 18 месяцев, представляла собой огромный холст размером 685*1106 см — «в картине изображено свыше 200 действующих лиц, ее размер превышает 75 кв. м, большая работа была проделана художниками по собиранию материала, необходимого для написания картины (около 100 этюдов)»³⁸⁹. Она предназначалась для Главного павильона ВСХВ (ныне ВДНХ)³⁹⁰. Государственная закупочная комиссия, дававшая первоначальную оценку подобным крупным произведениям, состояла из известных художников, стоявших у руководства Академией художеств: народного художника СССР Б. В. Иогансона, народного художника РСФСР М. Г. Манизера, дважды лауреата Сталинской премии Ф. П. Решетникова, искусствоведов и музейных работников³⁹¹. В данном случае, стоимость произведения свыше 50 000 рублей должна была утверждаться Советом министров СССР. Комиссия по оценке состояла из руководителей министерств: финансов — А. Зверева, культуры — П. Пономаренко, сельского хозяйства — И. Бенедиктова, председа-

388. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 397. Л. 26.

389. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2, Д. 125. Л. 60

390. Там же. Л. 31.

391. Там же. Л. 60.

ля Госплана — Г. Косяченко. Министерство культуры предлагало со своей стороны установить гонорар в сумме 350 000 рублей³⁹².

Необходимо отметить, что партийное руководство рассматривало изобразительное искусство в целом и создание скульптурных произведений в частности, прежде всего как одну из составляющих пропаганды, главным образом которой был план монументальной пропаганды³⁹³. Однако нельзя сказать, что все памятники деятелям советского государства и коммунистического движения устанавливались быстро. Относительно быстрыми темпами, на поток было поставлено создание, прежде всего, памятников И. В. Сталину и В. И. Ленину. Другие деятели коммунизма не удостоивались такого внимания со стороны правительственных структур.

Выражение недовольства сложившейся обстановкой начало принимать открытые формы — в виде резкой критики, которую не могли удержат скрытыми угрозами чиновники Комитета по делам искусств. Ленинградский скульптор А. А. Айриев на одном из собраний деятелей изобразительных искусств выступил с резкими заявлениями по поводу организации труда художников. Неустроенность быта, отсутствие социальных гарантий со стороны государства были одними из главных причин, беспокоивших художников. Речь А. Айриева была одобрена большинством художников, присутствовавших на собрании и неоднократно прерывалась аплодисментами. Он в частности сказал: «Если бы я был женщиной и вздумал бы рожать, декретный отпуск мне не был бы обеспечен. Если бы я заболел или получил увечья, я не имел бы никакой компенсации»³⁹⁴. На правительственном уровне проблема материального обеспечения художников и скульпторов была заявлена только в 1954 году, в уже упоминавшемся письме Александрова Секретарю ЦК КПСС Н. Н. Шаталину: «предположение, что художник может, продав картину, обеспечить себе возможность творческой работы над следующим произведением, является ошибочным»³⁹⁵. Так, например, картина Ю. Непринцева «Отдых после боя», «над которой он работал в течение ряда лет (в том числе три года над самим полотном) была оценена государственной закупочной комиссией в 60 000 рублей и только в связи с исключительным успехом у советского зрителя ее оценка была повышена до 100 000 рублей. Таким образом, продажа картины едва окупил художнику понесенные производственные расходы, но не возместила даже прожиточный минимум художника и его семье за период работы над холстом, не говоря уже о том, что никаких материальных условий для работы над следующим произведением эта картина художнику

392. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 125. Л. 53.

393. Там же. Д. 55. Л. 38.

394. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 397. Л. 96.

395. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 39.

не дала»³⁹⁶. Александров писал: «В настоящее время лишь немногие скульпторы имеют удовлетворительные мастерские, при этом они вынуждены платить за их аренду очень дорого, так как арендная плата за мастерские взимается по тарифам торговых помещений. Скульптор не имеет возможности организованно приобретать необходимые для его работы твердые материалы... и вынужден обращаться к частникам...»³⁹⁷

С проблемой государственного руководства изобразительным искусством непосредственно связана крайне напряженная обстановка в среде художников и скульпторов. Противостояние происходило в этот период между знаменитыми деятелями изобразительного искусства (приближенными к Комитету по делам искусств) и менее известными художниками. Скульптор А. Айриев писал, что изобразительный отдел Комитета по делам искусств «делал и делает ставку только на уже известные творческие имена, тем самым сталкивает основную массу художников с группой более или менее известных художников. Чрезмерно загружая последних, этот орган вынуждает их к использованию наемной рабочей силы, т. е. толкает их на путь частного найма труда художников из „основной массы“. Иными словами, грубо культивирует подрядничество»³⁹⁸. Молодые художники по окончании института не имели материальной базы для дальнейшей творческой работы: «Не случайно большое количество художников принуждено переходить на оформительскую работу, что приводит художника к резкому снижению его творческой квалификации»³⁹⁹. Самостоятельная работа молодых скульпторов была невозможной, так как им нужно было бы «в счет своего гонорара приобретать материал, оплачивать натуру, содержать мастерскую, подсобную рабочую силу и т. д., что является для них часто непосильным... основная масса скульпторов не имеет такой возможности. Это лишает их элементарных условий для творческого труда, что... порождает нездоровую атмосферу среди скульпторов»⁴⁰⁰. Министр культуры СССР в своих выводах о деятельности государственных структур зашел дальше, чем критиковавший их А. Айриев. Александров писал, что Комитет по делам искусств не только вынуждал известных скульпторов сколачивать бригады, но сам широко ввел в практику коллективную работу над произведениями так называемым «бригадным методом», стремясь таким образом сократить сроки выполнения картин и скульптур»⁴⁰¹. В качестве негативного примера подобного подрядничества

396. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 39.

397. Там же. Л. 41.

398. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 397. Л. 79.

399. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 40.

400. Там же. Л. 41.

401. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 40.

приводились картины «Строительство Куйбышевской ГЭС» (П. Соколов-Скаля с бригадой) и «Митинг в честь 150-летия Кировского завода» (бригада молодых художников). Соответственно за произведения, созданные бригадным методом, известным мастерам выплачивались значительно большие гонорары, чем рядовым участникам. Например, при оплате бригады Е. Вучетича за создание монумента И. В. Сталина для Волго-Донского канала, скульптурный комбинат из общей суммы выплатил самому Е. Вучетичу 511 645 рублей, а другим скульпторам значительно меньшие суммы (94, 44, 16, 12, 8 и 5 тысяч рублей). «Такие факты не единичны», — отмечал Г. Александров⁴⁰². Если в центре средства, расходуемые государством на изобразительное искусство, распределялись, главным образом, среди знаменитых художников и скульпторов, то на местах они «в значительной степени» попадали «в руки халтурщиков»⁴⁰³. Негативно сказалось на деятельности художников и резкое уменьшение ассигнований из государственного бюджета: в 1949 году — 25 млн рублей; в 1953 году — 16,055 млн рублей⁴⁰⁴.

Кроме «нездоровых» отношений между известными и молодыми художниками, напряженная обстановка сложилась между руководством Академии художеств и ее не менее известными членами. Об авторитарном стиле руководства ее руководителей А. Герасимова и Д. Налбандяна писал Маленкову 25 февраля 1953 года известный художник Н. Жуков (так же, как и два первых, сделавший немало для канонизации в советском изобразительном искусстве образа Сталина). В одном из частных писем, направленных в Министерство культуры в середине 1950-х годов говорилось: «Работы А. Герасимова в то время считались верхом совершенства, а все исполненное не в его манере парадности относилось к антихудожественным произведениям»⁴⁰⁵. Даже руководители Отдела художественной литературы и искусства ЦК В. Кружков и А. Киселев вынуждены были признать неправильный стиль руководства Академией художеств: «Т. Герасимов на отдельные критические выступления в его адрес как художника и руководителя Оргкомитета Союза советских художников реагировал неправильно и пытался в своем выступлении [на собрании, посвященном обсуждению Всесоюзной художественной выставки] зажать критику»⁴⁰⁶.

Таким образом, государственное изобразительное искусство охватило кризис, а государственные органы, которые должны были заниматься руководством и созданием условий работы для художников, не предпринимали мер для изменения ситуации. Перед Министер-

402. Там же. Л. 42.

403. Там же. Л. 44.

404. Там же. Л. 45.

405. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2, Д. 555. Л. 20.

406. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 397. Л. 153.

ством культуры СССР в подобных условиях, прежде всего, стояла задача разобраться в ситуации и причинах кризиса. Уже 1 июня 1953 года министр культуры СССР Пономаренко, выступая на партконференции Министерства заявил: «Тема труда, жизнь простых людей города и деревни — в нашей живописи, графике и скульптуре показывается бледно, нежизненно, скомкано»⁴⁰⁷. Это было лишь констатацией сложившейся обстановки. Конкретные меры к ее изменению были предприняты при следующем министре Александрове. В письме Секретарю ЦК Н. Н. Шаталину от 27 сентября 1954 года он предлагал предпринять целый комплекс мер. Среди них предоставление Министерству права заключения договоров с художниками, авансирования художников в процессе работы над новыми произведениями (в счет их закупки), увеличение средств на оплату творческих командировок, проведение конкурсов художников на создание лучших эскизов, ежегодных передвижных выставок, организация трехгодичного стипендиата для окончивших вузы, строительство в Москве здания Государственных мастерских скульптуры и живописи... Александров выдвинул оригинальное предложение о том, чтобы при проектировании многоэтажных зданий предусматривать оборудование верхних этажей (мансард) под мастерские художников и строительства во дворах одноэтажных зданий с верхним светом для мастерских⁴⁰⁸. Кроме того, намечалось произвести финансовые изменения в организацию деятельности художников. Было внесено предложение о том, чтобы обязать исполкомы горсоветов «взимать арендную плату за предоставляемые под творческие мастерские художников и скульпторов помещения и коммунальные услуги по тарифам жилых помещений»⁴⁰⁹. Министерством культуры совместно с Оргкомитетом Советских художников были разработаны новые ставки авторского вознаграждения, предполагалось отменить налог на производственные расходы. Не упомянуть и о новаторской инициативе Министерства. В апреле 1956 года оно обратилось в Отдел культуры ЦК с предложением о посылке в творческие командировки за границу молодых художников. Там, по замыслу Министерства, можно было бы детально ознакомиться с наследием великих мастеров живописи. Посылать молодых художников намечалось в страны с древними культурными традициями, а значит в капиталистические страны — прежде всего в Италию и Францию. Интересно и то, что советский министр Михайлов для обоснования этого предложения апеллировал к опыту дореволюционной России: «Императорская Академия художеств

407. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

408. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 85. Л. 59–63.

409. Там же. Л. 63.

ежегодно посылала...»⁴¹⁰. Однако Отдел культуры посчитал данное предложение «нецелесообразным»⁴¹¹.

Примерно начиная с 1956 года оживилась деятельность художников нереалистического направления. До 1956 года проблема «формализма, абстракционизма, модернизма» в советском изобразительном искусстве на государственном уровне не стояла. Характерно, что даже в конце 1940-х годов, во время принятия известных постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам вниманием власти были «охвачены» все сферы художественной культуры, кроме изобразительного искусства. Видимо, руководители партии считали, что обстановка в среде художников находится под контролем и какое-либо чрезвычайное вмешательство представлялось ненужным.

Особенно сильно борьба между официальным искусством и иными течениями развернулась в период подготовки Съезда Советских художников, состоявшемся в феврале 1957 года. Министр культуры СССР Михайлов отмечал в январе 1957 года возросшие разногласия в творческой среде. Правда, объяснял он их «заметным влиянием современной буржуазной идеологии»⁴¹². «Большим успехом у художников, особенно у художественной молодежи пользуются выставки, на которых можно найти произведения декадентского, формалистического характера. Под предлогом борьбы с культом личности, имеют место многочисленные случаи выступлений против идейности и партийности советского искусства, против метода социалистического реализма»⁴¹³. Так, «группа молодых людей попыталась организовать на одной из площадей Ленинграда митинг протеста против проводимой в СССР политики в области искусства»⁴¹⁴. В то же время распространялось противопоставление декадентских явлений в искусстве прошлого «как якобы гениальных, — искусству социалистического реализма, якобы серому и бездарному»⁴¹⁵. О своей оппозиционности политике проводимой государством в области изобразительного искусства наиболее четко заявили художники Москвы и Ленинграда. На их собраниях, по мнению Михайлова, «получили необоснованное, огульное осуждение, напечатанные в газете „Правда“ и журнале „Коммунист“ статьи... в которых отстаивались принципы партийности и идейности искусства»⁴¹⁶. Художники, стоявшие у руководства Акаде-

410. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 22. Л. 47

411. Там же. Л. 51.

412. Там же. Оп. 30. Д. 237. Л. 2.

413. Там же. Л. 2.

414. Там же. Л. 5.

415. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 237. Л. 2.

416. Там же. Л. 4.

мии художеств, «подвергаются часто оскорбительным выпадам»⁴¹⁷. Но руководство ЦК само признавало неблагополучную ситуацию в творческой среде и критиковало руководство Оргкомитета Союза художников. Так, заместитель заведующего Отделом культуры ЦК Б. С. Рюриков на собрании в ЦК КПСС перед съездом художников заявил: «Дело в том, что Союз художников это не та организация, в которой можно работать приказом и указом. Нормальная работа Союза требует коллективности, не позволяющая ставить личное над общим. К сожалению таких качеств у тов. Герасимова и некоторых его соратников — тт. Манизера, Сысоева, Налбандяна не оказалось»⁴¹⁸. Нетерпимая ситуация в руководстве Академии художеств и связанная в первую очередь со стилем руководства А. М. Герасимова осознавалась самими художниками, Министерством культуры и Отделом культуры ЦК. Однако никаких организационных выводов не делалось вплоть до 1957 года. Это можно объяснить только покровительством А. Герасимову со стороны самых высших государственных руководителей. Министерство в 1956 году предлагало освободить А. Герасимова от обязанностей президента Академии художеств «из-за неправильного поведения, нетерпимости к критике, грубых и бестактных высказываний»⁴¹⁹. Тем не менее, тогда, накануне съезда художников Отдел культуры посчитал такое решение проблемы «нецелесообразным»⁴²⁰. Но при этом деятельность А. М. Герасимова на посту руководителя советских художников нельзя оценить только резко отрицательно. Например, в 1956 году он внес предложение о передаче бывшей дачи Сталина для размещения на ней интерната для наиболее одаренных учеников в области изобразительного искусства⁴²¹. Поддержки в ЦК эта инициатива не получила.

Как это ни странно, но инициатором проведения I съезда стало не само руководство Оргкомитета союза художников, а Министерство культуры. Еще в 1955 году оно ставило вопрос о созыве съезда⁴²². Художники, в основной своей массе выразили недоверие плеяде официально признанных мастеров. Так, «на московском собрании художников в декабре 1956 года не были избраны делегатами первого Всесоюзного съезда Советских художников такие мастера, как А. М. Герасимов, Е. В. Вучетич, М. Г. Манизер, А. И. Лактионов, М. В. Томский, Ф. П. Решетников, П. П. Соколов-Скаля, Н. Н. Жуков...» и ряд других. «Б. В. Иогансон, хотя и был избран делегатом, но по числу полученных голосов занял одно из самых послед-

417. Там же. Л. 3.

418. Там же. Д. 47. Л. 168.

419. Там же. Д. 25. Л. 36.

420. Там же. Л. 51.

421. Там же. Д. 184. Л. 32.

422. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 376. Л. 39.

них мест (157 из 173)»⁴²³. В этой связи министр Михайлов выступил с охранительных позиций и предложил провести в Москве, Ленинграде и Киеве довыборы делегатов на съезд, с тем чтобы были избраны ранее забаллотированные художники⁴²⁴. Отдел культуры посчитал такое предложение «неразумным», так как оно «может быть истолковано художественной общественностью как навязывание некоторых кандидатур „сверху“»⁴²⁵. Более того, Михайлов на самом съезде предложил организовать «просеивание» членов Союза Советских художников с целью исключения из его состава (перевод в кандидаты) всех нелояльных лиц⁴²⁶. Но и это предложение в Отделе культуры не поддержали⁴²⁷. После съезда ситуация в творческой среде художников сложилась следующая — с одной стороны Первым секретарем Союза художников был избран К. Ф. Юон, а после его смерти в 1958 году — С. В. Герасимов, новым президентом Академии художеств стал Б. Иогансон (А. М. Герасимов удален с руководящих постов и в Союзе и в Академии художеств). С другой, в составе Союза художников остались те, кто не разделял официальную доктрину руководства искусством. К концу 1958 года в Союзе художников СССР состояло 8274 члена⁴²⁸. Михайлов через год после проведения съезда (в июне 1958 года) отмечал, «что групповая борьба в Академии художеств не прекратилась...»⁴²⁹.

Общее изменение идеологического климата в стране, изменение политики государства в области изобразительного искусства привело к значительному росту количества выставок и их посетителей. В год проведения съезда художников (1957) по сравнению с 1954 годом данные выглядели следующим образом⁴³⁰:

	1954	1957
число стационарных выставок, организованных в централизованном порядке	14	23
количество посетителей стационарных выставок (тыс. человек)	370	2 941

Данные таблицы свидетельствует об огромном росте интереса населения к выставкам. Увеличение количества выставок и числа ра-

423. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 47. Л. 17.

424. Там же. Л. 23.

425. Там же. Л. 26.

426. Там же. Л. 23.

427. Там же. Л. 26.

428. Ежегодник БСЭ — 1959. М., 1959. С. 83.

429. Там же. Д. 73. Л. 18.

430. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 280. Л. 42.

бот, участвовавших в них, с особой остротой поставило перед Министерством проблему отсутствия необходимых помещений для их проведения (особенно в Москве). К 1957 году картины экспонировались в выставочных залах Академии художеств, Союза художников СССР, ЦДРИ и в помещениях музеев (что вносило определенные проблемы в их деятельность). В 1957 году Министерство культуры СССР ходатайствует перед ЦК КПСС о передаче под выставки двух зданий. В мае министр обратился к члену Президиума ЦК Фурцевой с просьбой о передаче дома 12 по ул. Кузнецкий мост⁴³¹, где к тому моменту располагалось несколько контор⁴³². Просьба Министерства культуры не была удовлетворена. В следующем году министр культуры обратился в ЦК с просьбой о передаче бывших «Провиантских складов» на Крымской площади (где в то время располагался гараж Генштаба и склады) для организации выставок⁴³³ и кинотеатра. Однако и ЦК и Министерство обороны СССР выступили против⁴³⁴. В мае 1957 года было направлено письмо Хрущеву о передаче здания Манежа для проведения выставок — эта просьба была удовлетворена. Здесь также располагался гараж Совета министров СССР и в 1957 году Правительство приняло решение о его переносе. Художественная общественность неоднократно обращалась в Министерство по этому вопросу. В мастерской академика Жолтовского был уже «разработан проект специального переоборудования здания Манежа под городской выставочный зал»⁴³⁵. Быстрому положительному решению вопроса в большой мере способствовало празднование в 1957 году 40-летия Октябрьской революции.

В юбилейной Всесоюзной художественной выставке 1957 года предполагалось участие около 6000 произведений — около 2000 живописцев, 300 скульпторов, свыше 700 графиков⁴³⁶. Михайлов отмечал, что по объему выставка превосходит такого рода выставки прошлых лет. Посещаемость выставок в 1957 году превзошла все ожидания: «За шесть дней только экспозицию Центрального выставочного зала (здание бывшего Манежа) просмотрело более 35 тысяч человек. Такой посещаемости не знала ни одна из прежних выставок»⁴³⁷. Для сравнения — на Всесоюзной художественной выставке, состоявшейся в 1955 году, было представлено 2164 произведения 832 авторов, что более чем вдвое превышало количество участников «предшествовавшей выставки 1952 года»⁴³⁸.

431. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 555. Л. 27.

432. Там же. Л. 25.

433. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 75. Л. 55–56.

434. Там же. Л. 58.

435. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 555. Л. 36.

436. Там же. Л. 61.

437. Там же. Л. 73.

438. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 376. Л. 46.

Партийные и государственные органы продолжали бороться со всеми течениями в изобразительном искусстве, кроме социалистического реализма. Но эти течения продолжали развиваться. В данной борьбе можно отметить интересный пример двоякого подхода. Власть негативно относилась к отечественным «абстракционистам, авангардистам, формалистам» и т. д. Но в то же время в СССР проводились выставки зарубежных авангардистов. Так, например, в январе 1959 года Михайлов писал: «В польском отделе стихийно возникают споры и дискуссии... среди посетителей. Находятся некоторые молодые люди, защищающие позиции польских авторов. Они выдвигают основным аргументом то, что произведения польского раздела являются якобы новаторскими, и что художник свободен писать так, как он считает нужным»⁴³⁹. В апреле 1963 года, менее чем через полгода после известного посещения Хрущевым Манежа, «Министерство культуры СССР в соответствии с решением ЦК КПСС провело в Москве выставку произведений французских художников Ф. Леже, Ж. Бокье и Н. Леже»⁴⁴⁰. В этом случае Министерство осталось довольным реакцией на «формалистические» произведения Ф. Леже. Впрочем, нельзя не отметить, что сотрудники Министерства до 1963 года в большей мере лишь шаблюдовали ситуацию с проведением выставок советских «авангардистов и формалистов». Тотального запрета на их проведение не было. Так, например, в 1960 году сотрудник отдела изобразительного искусства Халтурин заявил: «Недавно была выставка в зале Московского художника произведений нереалистического плана художника Неизвестного. Эта выставка получила одобрение в ряде секций в Московском союзе»⁴⁴¹. Заместитель министра культуры Н. Н. Данилов тогда же отмечал: «Скульптор Неизвестный искажает в своих работах до уродства образ советского человека, лишает его интеллектуальности. По этой же мрачной стезе идут скульпторы Сидур, Силис и Лемпорт»⁴⁴². Более резко после посещения выставки МОСХа выступил Хрущев: «Мы видели тошнотворную стряпню Э. Неизвестного... Мы осуждаем и будем осуждать подобные уродства со всей непримиримостью»⁴⁴³.

Министерство лишь отмечало, что «отдел изобразительного искусства слабо влияет на такую крупную организацию художников, как МОСХ, где до сих пор не создана действительно здоровая обстановка»⁴⁴⁴. Фурцева с тревогой говорила о том, что «в последние годы отмечается усиление влияния буржуазной идеологии на не-

439. Там же. Оп. 36. Д. 77. Л. 150.

440. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 1007. Л. 61.

441. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 130. Л. 10.

442. Там же. Л. 44.

443. Хрущев Н. С. Высокое призвание литературы и искусства, М., 1963. С. 175.

444. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 130. Л. 123.

которую часть советских художников и скульпторов. В результате этого, отдельные молодые художники... стали работать в духе подражания формалистическим течениям буржуазного изобразительного искусства Запада»⁴⁴⁵. Проекты памятников, выполненные в чуждой социалистическому реализму манере, свободно участвовали в конкурсах. Так, жюри конкурса по созданию памятника в честь освоения человеком космического пространства в 1962 году отмечало, что оно осуждает «формалистические происки некоторых участников», упоминая пять представленных работ⁴⁴⁶.

В борьбе с идейными противниками Фурцева в своей записке в ЦК (август 1961 года) предлагала использовать методы убеждения: «В целях преодоления нездоровых тенденций...» Министерство предлагало созвать совещание деятелей изобразительного искусства⁴⁴⁷. Оно в большинстве случаев следило за развитием процесса. Первый заместитель министра А. Н. Кузнецов в феврале 1963 года заявил: «как бы мы с вами при всей правильности идейной позиции, не попали в положение кулуарных революционеров. Мы пишем записки, а Академия художеств и союз художников идут по своей дороге и делают, что им нужно. Нужно активнее выступать. Я сам повинен. Было партийное собрание в МОСХе незадолго по этой выставке. На нем было много сказанного неправильно. Вы [начальник отдела изобразительного искусства] там были, но Вы там не выступили. Вы сказали: Как выступить? С трибуны стащат. — Я думаю, что сейчас нужно считать за честь, если тебя с трибуны стащат»⁴⁴⁸. Не получая четких указаний от вышестоящих партийных органов, сотрудники Министерства предпочитали не вступать в открытую конфронтацию с деятелями изобразительного искусства нереалистического направления. После того, как поддержка со стороны самого высшего партийного руководства (Хрущева, Л. Ф. Ильичева) была им оказана, Министерство начало действовать в основном административными методами. Так, в 1963 году при участии чиновников из Министерства происходили выборы нового состава МОСХа (так называемое «укрепление его реалистами»)⁴⁴⁹. Кузнецов выступил также с предложением о подведении теоретической базы под борьбу с нереалистическими направлениями — привлекая Институт теории и истории искусств, «который нам подчинен... Если там правильно поставим дело, можем многое сделать»⁴⁵⁰. Фурцева в 1963 году представляла работу Министерства с художниками так: «Надо беседовать с мо-

445. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 137. Л. 76.

446. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 927, Л. 124.

447. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 137. Л. 76.

448. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1, Д. 165, Л. 25

449. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1, Д. 165, Л. 121

450. Там же. Л. 25.

лодыми художниками, знать их творческие замыслы, вовремя направлять их работу, помогать советом. К сожалению этого не делалось»⁴⁵¹. Такой метод объяснялся тем, что «самый характер работы художника или скульптора таков, что он замкнут, обособлен в своей творческой мастерской и помощь ему нужна тогда, когда он еще приступает к работе»⁴⁵².

Большинство произведений живописи и скульптуры данного периода было все же выполнено в реалистической манере. В распоряжении Министерства культуры по-прежнему находился такой мощный рычаг управления, как государственный заказ. А. К. Лебедев, начальник Управления изобразительного искусства и охраны памятников говорил по этому поводу следующее: «И политической заказов мы всячески боролись с этими [формалистическими, авангардистскими, модернистскими] тенденциями, создавая возможности для труда художников, работающими над реалистическими произведениями»⁴⁵³.

Однако административные методы, также как и методы убеждения, в середине 1960-х годов слабо влияли на настроения художников-нереалистов. В справке, составленной КГБ СССР, об обстановке в среде творческой интеллигенции чуть более чем через год после посещения Хрущевым выставки в Манеже отмечалось, что многие деятели искусств остались верны своим взглядам. «Художник Белютин Э. М. по-прежнему высказывает намерение продолжать пропаганду формалистического искусства...» и раз в неделю организует у себя на квартире просмотр и обсуждение формалистических картин... «Художники Московского отделения Союза художников Николаев, Андронов, Биргер, Иванов не сумели преодолеть своих ошибок и продолжают оставаться на прежних позициях. Они решили не выставлять своих картин на выставках в течение 5 лет»⁴⁵⁴. Некоторые художники все-таки «сделали правильные выводы из указаний партии — например скульптор Э. Неизвестный — это видно из его высказываний»⁴⁵⁵.

Особого внимания заслуживает рассмотрение деятельности Министерства культуры СССР в области создания памятников (скульптур, монументов), имеющих общегосударственное значение. Процесс создания памятника от момента принятия решения до его воплощения в жизнь был довольно длительным. Причем эта длительность в реализации того или иного проекта характерна не только для данного периода. Министерство культуры СССР руководило делом создания памятников, установка которых про-

451. Там же. Л. 148.

452. Там же. Л. 148.

453. Там же. Л. 8.

454. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30, Д. 457, Л. 8

455. Там же. Л. 6.

изводилась в соответствии с решением ЦК КПСС или Совета министров.

Примеров «долгостроя» множество. Характерны примеры с памятниками К. Марксу и Ф. Энгельсу. Еще в 1920 году В. И. Ленин участвовал в закладке памятника К. Марксу на Театральной площади. Был объявлен конкурс, несколько лет велись работы, но они не были завершены, поскольку в 1938 году СНК СССР «принял постановление о сооружении памятников К. Марксу и Ф. Энгельсу в комплексе сооружений Дворца Советов»⁴⁵⁶. В 1956 году был рассмотрен новый проект Дворца, в котором не предусматривалось установка памятников К. Марксу и Ф. Энгельсу. В этой связи Министерство культуры вновь внесло «предложение об установке данного памятника на пл. Свердлова, там, где предполагал В. И. Ленин»⁴⁵⁷. Памятник был открыт в октябре 1961 года, во время работы XXII съезда КПСС, а памятник Ф. Энгельсу в 1976 г.

Министерство, практически с момента создания рассматривало вопрос о сооружении памятника А. В. Суворову в Москве. Еще 13 апреля 1950 года Советом министров СССР было принято Постановление о его создании. Министерство культуры СССР дважды в 1953 году рассматривало этот вопрос. Сначала открытие памятника было намечено на 21 ноября 1954 года⁴⁵⁸, затем даже в более ранний срок — 18 мая того же года⁴⁵⁹. В итоге памятник А. В. Суворову был установлен в... 1982 году по проекту другого архитектора и скульптора. Другой пример подобного рода — судьба памятника Ф. Дзержинскому. Постановление ЦИК о его установке на одноименной площади в Москве было принято 19 июля 1936 года⁴⁶⁰. Памятник (скульптор Е. Вучетич) был открыт в 1958 году.

В рассматриваемый период было установлено несколько знаковых памятников, которые имели и имеют общегосударственное значение. Кроме упоминавшихся — это, прежде всего, памятники В. В. Маяковскому, П. И. Чайковскому, памятник в честь запуска первого искусственного спутника Земли (площадь Рижского вокзала), монумент в ознаменование выдающихся достижений советского народа в освоении космического пространства (ВДНХ)⁴⁶¹ и целый ряд других.

Касаясь вопросов проектирования памятников в рассматриваемый период, нельзя не отметить противоречия между огромным ко-

456. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 555. Л. 46.

457. Там же. Л. 46.

458. Там же. Д. 127. Л. 189.

459. Там же. Л. 197.

460. Там же. Д. 555. Л. 23.

461. По проекту 1961 года его намечалось установить на Юго-западе Москвы, в парке имени XXII съезда КПСС (РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 927. Л. 130).

личеством замыслов и уменьшения Правительством ассигнований на эти цели (особенно после принятия Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 28 сентября 1961 года «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на сооружение памятников»⁴⁶²). В большой степени именно этим объясняется наличие нереализованных интересных и грандиозных проектов. Уже на излете оттепели, в 1963 году, Министерство занималось руководством создания четырех памятников общегосударственного значения:

1. Памятник В. И. Ленину в Москве. Точнее даже не памятник, а целая скульптурная группа, которую предполагалось разместить на Ленинских горах. Один из проектов, вышедших в финал конкурса, предполагал отображение в этом комплексе этапов истории КПСС, другой — «своеобразный открытый музей, где средствами монументальной скульптуры раскрывается история революционного движения в России»⁴⁶³. Интересно, что проект авторской группы Н. Томского, скульптора, приближенного к официальным кругам, был снят с участия в конкурсе по причине того, что предложенная композиция памятника «холодна и официальна, малосовременна по характеру скульптуры и архитектуры»⁴⁶⁴;

2. Памятник Победы (решение о постройке принято Постановлением Совета министров СССР 21 июня 1960 года). Комиссия ЦК подготовила проект решения по строительству памятника на Поклонной горе еще в 1957 году⁴⁶⁵. Коллегия Министерства культуры на расширенном заседании в основном одобрила проект Е. Вучетича. Там же было решено поручить авторскому коллективу доработать проект. Памятник был полностью открыт в 1990-е годы;

3. Монумент «Героям целины». Министерство совместно с Госстроем и Мосгорисполкомом к началу 1963 года провело закрытый конкурс на лучший проект. По их поручению авторский коллектив должен был представить окончательный вариант проекта к июлю 1964 года. Проект не был реализован.

4. «Монумент в ознаменование победы народов нашей страны в отечественной войне 1812 года» (в 1962 году отмечалось ее 150-летие). Министерство провело открытый конкурс и «рассмотрев представленные работы, жюри не рекомендовало к осуществлению ни один из проектов». В этой связи Министерство проси-

462. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 927. Л. 148.

463. Там же. Д. 999. Л. 91.

464. Там же. Л. 93.

465. Там же. Д. 555. Л. 38.

ло у ЦК разрешение провести закрытый конкурс: «Такая форма позволит более эффективно контролировать и направлять работу по созданию проекта»⁴⁶⁶. Проект не был реализован.

В 1963 году Министерством была предпринята попытка перенесения памятника «Рабочий и колхозница» с его нынешнего места. Любопытно, что обсуждение перенесения памятника произошло благодаря письму, по сути дела, частного лица. 14 мая 1963 года пенсионер, член КПСС В. В. Свистков направил Секретарю ЦК Л. Ф. Ильичеву письмо, в котором говорилось о том, что 1 мая 1920 года основатель советского государства В. И. Ленин лично участвовал в закладке памятника «Освобожденному труду» на месте памятника Александру III у храма Христа Спасителя. Пенсионер писал: «Спрашивается, почему до сих пор мы не можем достойно выполнить волю нашего Ильича, собственноручно положившего первый камень в фундамент памятника»⁴⁶⁷. Л. Ф. Ильичев переслал письмо в Министерство культуры. Рассмотрев сложившуюся ситуацию, Министерство выступило с предложением о том, «что монумент „Освобожденному труду“ можно было бы создать, используя как основу композиции существующую скульптурную группу В. И. Мухиной „Рабочий и колхозница“»⁴⁶⁸. Памятник намечалось перенести на «участок стрелки Москвы-реки и обводного канала, который расположен напротив бассейна „Москва“, то есть места, где в 1920 году была осуществлена закладка монумента»⁴⁶⁹. Необходимость переноса скульптуры В. И. Мухиной справедливо мотивировалось, в том числе, и тем, что в районе ВДНХ будет сооружен монумент в ознаменование освоения космоса. Он, по мнению А. Н. Кузнецова сделает «Рабочего и колхозницу» «второстепенной декоративной скульптурой»⁴⁷⁰.

В том же году рассматривался проект переноса памятника Ю. Долгорукому «с Советской площади в другой район столицы и о восстановлении на этой площади обелиска Свободы работы скульптора Н. А. Андреева»⁴⁷¹.

Но самым показательным примером нереализованного проекта, которым правительственные учреждения, и в том числе Министерство культуры, занимались довольно длительное время, явилось сооружение Дворца Советов. Интерес к его строительству то угасал, то возрастал. Фурцева, еще будучи Первым секретарем московской парторганизации, на XX съезде КПСС в 1956 году заявила, «что

466. Там же. Д. 1007. Л. 285.

467. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 1007. Л. 257.

468. Там же. Л. 254.

469. Там же. Л. 255.

470. Там же. Л. 255.

471. Ежегодник БСЭ — 1964. С. 96.

Партия и Правительство возлагают на строителей, архитекторов, скульпторов почетную задачу — воздвигнуть в Москве Дворец Советов»⁴⁷². Показательно, что работа по его проектированию велась более-менее интенсивно вплоть до закрытия проекта. В материалах Министерства культуры отложился документ, датированный 24 января 1963 года — письмо работников НИКФИ о серьезных недостатках «принятой Управлением по проектированию Дворца Советов овальной формы большого и малого залов»⁴⁷³. А всего через три месяца, в мае 1963 года было принято Постановление Совета министров СССР о том, чтобы отложить проектирование и строительство Дворца Советов на неопределенное время⁴⁷⁴.

Другие сферы деятельности

В части руководства музыкальной культурой Министерство занималось, прежде всего, управлением музыкальными театрами, ансамблями, филармониями, координацией деятельности композиторов, организацией фестивалей, конкурсов и других подобных мероприятий, выпуском грампластинок.

Музыке со стороны высшего руководства Министерства уделялось меньшее внимание по сравнению с другими сферами художественной культуры. Нередко руководство со стороны министров сводилось только к составлению плана выступлений артистов во время праздничных мероприятий (например, на концертах, посвященных очередной годовщине Октябрьской революции).

На развитие музыкального искусства к 1953 году наложило глубокий отпечаток принятое в 1946 году Постановление «Об опере В. Мурадели „Великая дружба“». Поэтому так же, как и деятели кино, советские композиторы избегали создания произведений на современные темы⁴⁷⁵.

В мае 1958 года в ЦК КПСС готовилось Постановление «Об исправлении ошибок в оценке опер „Великая дружба“, „Богдан Хмельницкий“ и „От всего сердца“». Авторы проекта Л. Ф. Ильичев, Б. С. Рюриков, П. А. Сатюков не указывали конкретных причин, заставивших их обратиться к этому проекту. Возможно определенную роль сыграла подготовка к Первому Международному конкурсу им. П. И. Чайковского. Само Постановление «прошло незамеченным»⁴⁷⁶. Его влияние на развитие музыкальной жизни

472. XX съезд КПСС. Т. 1. С. 132–133.

473. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 1002. Л. 9.

474. Там же. Д. 945. Л. 186.

475. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 45. Л. 99.

476. Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. М., 1999. С. 207.

страны оценить трудно: во-первых, в представленных в ЦК отчетах о собраниях композиторов, проходивших после выхода Постановления, содержались лишь общие фразы и «благодарность партии за заботу о развитии музыки», во-вторых, расширение тематики и количества опер, поставленных в театрах страны, началось задолго до принятия этого Постановления⁴⁷⁷:

	1953	1957
новых балетов	5	13
новых опер	3	23

Возвращение ранее запрещенных имен — таких, как например С. В. Рахманинова и Ф. И. Шаляпина — также началось задолго до 1958 года: еще в октябре 1956 года Михайлов просил об этом ЦК КПСС. Постановление ЦК «Об исправлении ошибок...» способствовало своеобразной реабилитации произведений и композиторов, критиковавшихся в 1946 году. Произведения композитора В. Мурадели, главного объекта критики, не только стали широко ставиться в оперных театрах страны, но и в 1964 году его новая опера была исполнена в один из самых главных праздников страны.

Министерство культуры непосредственно руководило музыкальной жизнью столицы. В 1953 году ряд артистов оперы обратились к Пономаренко с просьбой об открытии нового театра под руководством И. С. Козловского. Они мотивировали свое предложение, в том числе и тем, что до революции в Москве было 4 оперных театра, а в 1950-х годах только 3 (Большой, его филиал, театр им. Станиславского и Немировича-Данченко)⁴⁷⁸. Министерство ответило отказом, так как оперные театры плохо посещались зрителями (зрительный зал театра им. Станиславского и Немировича-Данченко оставался незаполненным)⁴⁷⁹.

Но решение некоторых вопросов о деятельности музыкальных театров затягивалось. Например, в августе 1953 года коллегией Министерства культуры соответствующему управлению было поручено рассмотреть и внести предложения об улучшении работы московского Театра оперетты. Вплоть до 1955 года было составлено 29 вариантов проекта решения коллегии. В марте того же года в Главном управлении театров и музыкальных учреждений, по словам одного из сотрудников Министерства, был «выработан тридцатый вариант приказа по Министерству... Вы думаете вопрос решен и приказ подписан? — говорил он. — Нет. В московском театре оперетты

477. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 143. Л. 5.

478. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 78. Л. 38–43.

479. Там же. Л. 37.

по-прежнему из 195 человек актерского состава половина артистов непригодна для работы в столичном театре. Значительная часть артистов утратила свои профессиональные данные, театр не располагает исполнителями на ответственные вокальные партии. Сейчас мы ждем указание о подготовке тридцать первого варианта приказа»⁴⁸⁰. И в 1963 году отмечалось, что работа коллектива Театра оперетты «давно не удовлетворяет» отдел музыкальных учреждений⁴⁸¹.

Все музыкальные театры являлись финансово убыточными. Даже Большой театр приносил убытки, несмотря на рекордно высокую среднюю посещаемость спектаклей (в начале 1960-х годов примерно 99,1%⁴⁸²). Когда в конце 1950-х годов развернулась кампания по сокращению государственной дотации театрам, в Министерстве отмечали, что главная задача состояла в том, «чтобы сохранить имеющиеся» музыкальные театры⁴⁸³. При этом расходы на содержание театров оперы и балета были большими, чем на содержание драматических. Например, расходы на новую постановку в оперных театрах союзного подчинения в среднем составляли в 1954 году 317,0 тысяч рублей, в то время как в обычном театре новая постановка обходилась в 147,0 тысяч рублей. Затраты на постановку в крупнейшем музыкальном театре страны — Большом достигали 750–800 тысяч рублей⁴⁸⁴.

В октябре 1961 года в Москве был открыт Большой Кремлевский Дворец съездов, в котором помимо партийных съездов и пленумов проводились концертные мероприятия. Причем огромный зал Дворца финансово полностью оправдал себя, его работники добились «самоокупаемости всех концертно-зрелищных мероприятий, проводимых в нем»⁴⁸⁵. Прибыль Дворца съездов в 1963 году ожидалась (по оценкам Фурцевой) в размере 550 тысяч рублей. Кроме того, использование Дворца съездов для проведения оперных спектаклей, балетов и концертов позволило сократить дотацию Большому театру.

Характерным примером незавершенности реформ, проводившихся в период оттепели, является история с созданием нового гимна СССР. Еще до XX съезда КПСС, в декабре 1955 года президиум ЦК КПСС принял решение о создании нового гимна⁴⁸⁶. В соответствии с этим решением Министерство культуры совместно с Союзом писателей и Союзом композиторов организовали закрытый конкурс на лучший текст и музыку. Комиссия под руковод-

480. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 43. Л. 34.

481. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 166. Л. 40.

482. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 927. Л. 1.

483. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 166. Л. 31.

484. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 468. Л. 18.

485. Там же. Д. 1007. Л. 221.

486. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 237. Л. 173.

ством Д. Т. Шпилова должна была рассмотреть проекты к 1 июля 1956 года. Однако к этому сроку работа не была завершена. Министерство просило ЦК КПСС «дать указания по активизации работы комиссии в июле 1957 года»⁴⁸⁷. Работа по созданию нового гимна велась в течение всего исследуемого периода, и, в начале 1960-х годов ее координация была в основном сосредоточена в Идеологическом отделе ЦК⁴⁸⁸. Секретарем ЦК КПСС Л. Ф. Ильичевым было представлено для Хрущева несколько вариантов гимна, но в результате ни один из них так и не был принят.

Министерство также занималось вопросами производства музыкальных инструментов. Положение в этой области продолжало оставаться неудовлетворительным в течение всего исследуемого периода. Так, в 1960 году Михайлов констатировал, что промышленность удовлетворяет только «одну десятую, а может и меньшую часть запросов трудящихся»⁴⁸⁹. При этом такие музыкальные инструменты, как пианино и духовые, в основном находились в пользовании городских жителей: 96% в городе и только 4% в деревне⁴⁹⁰.

В системе Министерства культуры находилось 47 ансамблей песни и пляски, 47 хоров, 37 симфонических оркестров, 20 оркестров народных инструментов и ряд других коллективов⁴⁹¹. Заместитель начальника Отдела музыкальных учреждений в 1960 году утверждал, что в системе организаций Министерства работают около 20 000 артистов⁴⁹². В середине 1950-х годов Министерство разрабатывало ряд мероприятий по уменьшению расходов на содержание подчиненных музыкальных коллективов, так как их штаты разрослись в начале 1950-х годов за счет административно-управленческого персонала.

После создания в 1954 году Министерства высшего образования, в ведении Министерства культуры СССР остались 10 художественных вузов, 53 художественных училищ и средних школ и 34 детских художественных школы, с контингентом учащихся 12 тысяч человек⁴⁹³. Впрочем, вузы и техникумы фактически находились в двойном подчинении (министерств высшего образования и культуры). Последнее пыталось ликвидировать параллелизм в руководстве этими учебными заведениями. Проблема была обозначена в сентябре 1957 года, когда Михайлов направил в ЦК КПСС специальную записку, в которой указывал на неквалифицированное руководство вузами искусства со стороны Министерства высше-

487. Там же. Л. 173.

488. Там же. Оп. 55. Д. 99.

489. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 129. Л. 19.

490. Там же. Д. 18. Л. 43.

491. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 375. Л. 62.

492. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 130. Л. 75.

493. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 251. Л. 155.

го образования — оно не было в состоянии обеспечить достаточную научную и методическую помощь⁴⁹⁴: «Не имея в своем аппарате специалистов в области искусств оно испытывает большие трудности при рассмотрении вопросов, поднимаемых вузами искусств и затягивает их решение, чем наносит явный ущерб делу»⁴⁹⁵. Невершенство руководства этими вузами заключалось еще и в том, что «аспиранты вузов искусств — музыканты, исполнители, художники, композиторы и др. — в соответствии с общим положением по аспирантуре должны были писать диссертации, ни в коей мере не свидетельствующие об уровне их профессионального мастерства»⁴⁹⁶. Просьбу министра о подчинении художественных институтов исключительно Министерству культуры рассматривал Отдел культуры ЦК (который выступил в роли своеобразного третейского судьи) совместно с представителями заинтересованных министерств. Заведующий Отделом ЦК Д. А. Поликарпов счел просьбу Министерства культуры несостоятельной. В итоге было принято половинчатое решение о том, чтобы Министерство высшего образования уточнило учебные планы и «конкретизировало правила приема в вузы искусства»⁴⁹⁷. Однако такой выход из положения не удовлетворил Министерство культуры, об этом свидетельствует высказывание Михайлова в 1958 году: «А что такое быть художником? Это значит нужно 5–6 часов проводить за мольбертом... А мы хотим, чтобы еще 8 часов он сидел за общими дисциплинами. Когда же ему спать, готовить задания и отдыхать?»⁴⁹⁸

Соответствующие подразделения Министерства культуры осуществляли руководство учебными заведениями искусства по составлению планов обучения специальным дисциплинам и распределению выпускников, совместно с Отделом ЦК определяли планы приема в них. Так, в начале 1960-х годов особо пристальное внимание уделялось вузам, готовившим художников. Если в середине 1950-х годов Министерство стремилось ориентировать выпускников для работы в искусстве и с тревогой отмечало, что «по окончании института молодые художники из-за отсутствия материальной базы вынуждены заниматься оформительской работой, что приводит художника к резкому снижению его творческой квалификации»⁴⁹⁹, то в начале 1960-х годов Министерство наоборот ориентировало студентов для работы в народном хозяйстве. Отдел культуры ЦК выступал инициатором сокращения приема живописцев, скульпторов и графиков на 1962 год с 354 до 160 человек, так как после выпуска они «нигде не работают,

494. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36, Д. 42. Л. 71.

495. Там же. Л. 70.

496. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36, Д. 42. Л. 69.

497. Там же. Л. 72.

498. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1, Д. 103. Л. 89.

499. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30, Д. 85. Л. 40.

и занимаются „чистым искусством“»⁵⁰⁰. Затем, в мае 1963 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров о сокращении приема в вузы искусства на дневное отделение на 200–250 человек»⁵⁰¹. С начала 1960-х годов «больше внимания уделяется, в частности художникам прикладного искусства, с тем, чтобы они нашли применение в различных отраслях промышленности, производящей предметы быта, одежду, мебель и т. д.»⁵⁰². В этой связи были составлены новые учебные планы по всем отраслям искусства.

В середине 1950-х годов, в связи с увеличением кинопроизводства особенно остро встала проблема с привлечением литераторов для работы в кино. Для ее решения при Всесоюзном киноинституте были созданы специальные курсы по подготовке киноматургов, а в учебную программу Литературного института имени М. Горького введены специальные кинометодические дисциплины.

Министерство культуры ходатайствовало перед Советом министров об открытии новых вузов. Так, в 1953 году Пономаренко обратился к Маленкову с просьбой об открытии в городе Новосибирске консерватории, так как в Сибири и на Дальнем Востоке в то время не было «ни одного высшего музыкального учебного заведения»⁵⁰³.

Партийно-государственные ведомства большое внимание уделяли идейному контролю за студентами вузов. Для этого, в частности было принято решение установить отбор на режиссерский факультет ВГИКа «из числа людей, имеющих достаточный жизненный и творческий опыт»⁵⁰⁴. Периодически составлялись справки о неблагонадежных взглядах студентов и их «неверных» высказываниях. И здесь, в качестве «рассадника» вольных настроений выступал ВГИК. Взгляды некоторых студентов фиксировались и даже представлялись для рассмотрения в высшие партийные органы (отделы ЦК). В начале 1960-х была составлена специальная справка «О состоянии воспитательной работы во ВГИКе». В ней в качестве отрицательного примера приводились высказывания С. Соловьева, утверждавшего, «что в нашей стране опять, как в 1949 году хотят обвинить в космополитизме всех тех, кто оглядывается на Запад, где по его мнению, „хорошего больше, чем плохого“»⁵⁰⁵.

Помимо высшего и среднего специального образования Министерство занималось проблемами детских художественных и музыкальных школ. К 1957 году в стране насчитывалось более 900 музыкальных школ-семилеток (в которых обучалось более 150 000 детей) и 40 художественных школ-четырёхлеток (около 4000 учащихся).

500. Там же. Д. 145. Л. 86.

501. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 945. Л. 158.

502. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 156.

503. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 121. Л. 226.

504. Идеологические комиссии. С. 117.

505. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 17.

За обучение в них родителями вносилась определенная плата. Она не была унифицирована: в 11 республиках в музыкальных школах плата составляла 480 рублей в месяц, в Азербайджанской ССР — 550 руб., Украинской ССР в зависимости от заработка родителей (по дифференцированной шкале) — 250–750 рублей, а в РСФСР наивысшая плата составляла 1700–2000 рублей в год⁵⁰⁶. В 1956 году была отменена плата за обучение в старших классах средней школы. Министерство культуры предлагало тогда же отменить плату за обучение в детских школах искусств. Для этого требовались дополнительные ассигнования — примерно 80–90 миллионов рублей в год, поэтому Министерство финансов не поддержало данное предложение. Начальник отдела музыкальных учреждений З. Вартанян писал по этому поводу: «Неоднократно этот вопрос ставился перед Министерством финансов и не получил поддержки»⁵⁰⁷.

Министерство культуры также рассматривало вопросы преподавания художественных предметов в средней школе — музыки, рисования, эстетики и т. п. В 1954 году Министерство указывало на неудовлетворительное состояние преподавания пения в школе — этот урок преподавался тогда в 1–4 классах, а должности учителя пения не было в штатном расписании⁵⁰⁸. Преподавание пения было увеличено вплоть до восьмого класса, а должность учителя пения хотя и была восстановлена, однако и в 1963 году он находился по выражению Т. Н. Хренникова «в неравном положении по сравнению с преподавателями других дисциплин. Их труд ниже оплачивается...»⁵⁰⁹. Художник В. А. Серов отмечал, что в некоторых школах рисование и пение преподают «неквалифицированные люди, которые просто не знают, а главное не любят искусство»⁵¹⁰. Министерство занималось также разработкой политики преподавания в области эстетического воспитания в средней школе⁵¹¹.

Дело охраны памятников, как уже отмечалось, всегда находилось на периферии внимания руководства Министерства. Один из сотрудников отдела охраны памятников в 1955 году заявил, что например Александров «совершенно не интересовался и не занимался этим разделом работы Министерства... Не изменилось дело и со сменой руководства»⁵¹², то есть после назначения Михайлова. Более того, он пытался передать функции наблюдения за охраной памятников в ведение союзных республик (мотивировалось это тем, что финансирование производилось из местных бюджетов), а так-

506. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 479. Л. 75.

507. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 479. Л. 79.

508. Там же. Д. 267. Л. 2–3.

509. КПСС. ЦК. Пленум. 1963 г., июнь. С. 157.

510. Там же. С. 133.

511. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 281. Л. 55.

512. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 43. Л. 154.

же ликвидировать Государственную инспекцию по охране памятников истории и искусств⁵¹³. Предложение, несмотря на протесты ученых, вносилось на протяжении двух лет — 1956–1957 годах, однако не нашло поддержки в ЦК⁵¹⁴. Из-за скудного финансирования этой работы Михайлов внес предложение о создании Общества содействия охране памятников культуры в 1957 году⁵¹⁵. Отношение к проблеме охраны памятников изменилось после прихода на должность министра Фурцевой. Дело в том, что согласно Постановлению Совета министров от 14 октября 1948 года непосредственное руководство охраной памятников было возложено на два ведомства: Госстрой (памятники архитектуры) и республиканские министерства культуры (памятники искусства). Фурцева предложила сосредоточить руководство делом охраны, реставрации, использования и пропаганды памятников в Министерстве культуры и создать специальное НИИ памятников культуры⁵¹⁶. Кроме того, опять была выдвинута (но с большей настойчивостью) идея о создании добровольных обществ охраны памятников культуры⁵¹⁷. В сентябре 1962 года была проведена специальная коллегия Министерства, посвященная охране памятников⁵¹⁸. В 1963 году Министерством была создана комиссия по пропаганде исторических памятников⁵¹⁹.

Было внесено несколько конкретных предложений по организации пропаганды памятников на основе изучения лучшего зарубежного опыта. В записке Фурцевой, составленной в феврале 1963 года, отмечалось, что «в ряде зарубежных стран (Франция, Англия) широкую популярность приобрели массовые зрелища, условно называемые „Звук и свет“ и представляющие собой попытки системой звуковых эффектов, декоративным освещением, введением отдельных инсценировок и т. д. оживить тот или иной архитектурный памятник, создавая у зрителей представление об отдельных исторических событиях, происходивших в связи с настоящим памятником. Такого рода зрелища проводятся в вечернее время и привлекают большие массы зрителей»⁵²⁰. Министерство культуры предлагало устраивать такие «действия» в ряде крупнейших архитектурных ансамблей страны: Московском Кремле, Троице-Сергиевой лавре, на Дворцовой площади у Зимнего дворца в Ленинграде, Псковском и Новгородском Кремлях. Первый опыт предполагалось провести на Соборной и Ивановской площадях Московского Кремля, а в качестве тем постановки

513. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 42. Л. 32.

514. Там же. Д. 26. Л. 56.

515. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2, Д. 555. Л. 50.

516. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 145. Л. 110.

517. Там же. Л. 111.

518. Там же. Л. 114.

519. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 123.

520. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 1007. Л. 114.

использовать события «восстания посадских людей 1547 года, восстание московского народа против Лжедмитрия в 1606 года, народного ополчения Минина и Пожарского, события, относящиеся к периодам правления Бориса Годунова, Алексея Михайловича, Петра I, события Отечественной войны 1812 года», а также «штурм Кремля революционными отрядами в ноябре 1917 года, приезд В. И. Ленина и советского правительства в Москву»⁵²¹. Предлагаемое зрелище должно было вызвать у зрителей ощущение присутствия, участия в происходящем. Постановка, по замыслу Министерства культуры, должна помимо игры актеров органически сочетать эффекты кинопроекции и по максимуму включать памятники архитектуры. Приводился график постановки театрализованных зрелищ раз в одну-две недели с 19–20 часов в осенне-зимний период и с 22 часов летом, а также ориентировочная плата за вход в Кремль — 50 копеек. Первую постановку Министерство готово было осуществить в июне 1963 года. Это предложение не нашло поддержки в ЦК КПСС.

В те годы в СССР господствовало пренебрежительное отношение к сохранению памятников. Сотрудник Министерства культуры Барановский, работавший в сфере охраны памятников с 1918 года, отмечал, что в начале 1960-х годов было «катастрофическое положение»⁵²² в этой сфере. Государственные ассигнования на охрану и реставрацию памятников были резко сокращены. Только по Москве они были уменьшены на 50% в 1962 году. В связи с этим предполагалось лишь «завершить начатую в предыдущие годы реставрацию наиболее ценных 15 памятников»⁵²³.

Местные органы управления пытались «снять с себя ответственность за сохранение памятников путем сокращения списков памятников»⁵²⁴. Отношение региональных властей к делу сохранения памятников было в большинстве безответственным, частыми были случаи, когда они умышленно содействовали разрушению. Так, в 1954 году заместитель начальника Инспекции охраны памятников Федоров приводил конкретный пример: «председатель Бронницкого районного совета т. Рассказов развил активную деятельность по заготовке кирпича путем разборки памятника архитектуры XVI века»⁵²⁵.

В особенно тяжелом положении в середине 1950-х — начале 1960-х годов оказались культовые, церковные памятники. Художник И. Глазунов говорил о том, что «такое впечатление, что только что прошел хан Батый»⁵²⁶. Это было связано с новой волной

521. Там же. Л. 115.

522. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 166. Л. 58.

523. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 137. Л. 92.

524. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 18. Л. 80.

525. Там же. Л. 80.

526. Идеологические комиссии. С. 329.

атеистической пропаганды. Нередко только вмешательство Министерства культуры в последний момент предотвращало разрушение того или иного памятника. Например, в 1963 году в Севастополе местные власти пытались снести Владимирский собор. Сотрудники Министерства отмечали, что «собор собору рознь»⁵²⁷. В данном случае это был не только культовый памятник, а еще «памятник героизма, проявленного народом в двух оборонах Севастополя», где покоился прах адмиралов Нахимова, Истомина, Ушакова, Лазарева. Фурцева лично «обратилась... в Крымский обком с просьбой навести порядок в этом деле»⁵²⁸. Однако вмешательство Министерства происходило только в единичных случаях. Разрушение памятников продолжалось. И. Глазунов в декабре 1962 года говорил об уничтожении целого ряда соборов в Москве, Ленинграде, уничтожении могил Минина и Пожарского: «До сих пор могила Пожарского представляет мусорную яму. Останки Осляби и Пересвета выкинуты на помойку, на саркофагах находится компрессорный завод „Динамо“»⁵²⁹. В Витебске, несмотря на массовые протесты деятелей искусств, был взорван памятник XII века — современник «Слова о полку Игореве». Глазунов говорил: «И если мы предъявляем немцам на Нюрнбергском процессе обвинение в том, что уничтожали памятники XVII и XVIII века, то что делать с секретарем исполкома Сабельниковым, который здравствует до сих пор»⁵³⁰. Писатель В. Солоухин, руководивший в московской писательской организации комиссией по охране памятников, в письме на имя Л. И. Брежнева предлагал отдать Сабельникова под суд⁵³¹.

Не в лучшем положении находились музеи страны. Они всегда были убыточными и требовали постоянной дотации. В 1953 году, по данным Пономаренко, только 10% от суммы, необходимой на содержание музеев, составляла выручка от продажи билетов. Сотрудники музеев являлись одними из самых низкооплачиваемых работников.

Перед созданным в 1953 году Министерством культуры в сфере музеев главной проблемой была перераспределение экспонатов среди них, с тем чтобы с ними могло ознакомиться больше посетителей. Эта работа обосновывалась тем, что «в трех крупнейших музеях (Третьяковская галерея, Эрмитаж, Русский музей) имелось более 3 миллионов произведений искусства, а экспонируется всего 42 тысячи, или 1%, следовательно, 98,6% сокровищ недоступны обозрению, скрыты от народа в подвалах. В то же время многие музеи даже столиц союзных республик и крупных городов поража-

527. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 123.

528. Там же. Л. 123.

529. Идеологические комиссии. С. 328.

530. Там же. С. 328

531. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 927. Л. 10.

ют своей бедностью»⁵³². В течение 1953–1956 годов Министерство культуры СССР проводило большие работы по перераспределению экспонатов из центральных в региональные музеи, по итогам которой музеи союзных республик и областных центров РСФСР получили солидные собрания памятников изобразительного искусства (они составляют основу их коллекций до сих пор).

В течение исследуемого периода Министерством проводилась работа по восстановлению музеев. Так была восстановлена экспозиция музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (здесь с 1949 года находилась выставка подарков И. В. Сталину). В 1962 году были закончены мероприятия по восстановлению комплекса панорамы «Бородинская битва»⁵³³. В 1961 году Министерство занималось организацией музея подарков СССР от советских граждан, зарубежных делегаций, официальных лиц и туристов. Открытие музея намечалось провести 15 августа 1961 года, в Кремле, на экспозицию должно было быть выставлено около 2500 предметов⁵³⁴. Однако Отдел культуры ЦК посчитал, что экспозиция музея подобрана неудачно и вынес решение её не открывать⁵³⁵.

В 1963 году 86% всех музеев находилось в ведении Министерства культуры⁵³⁶. В целом по стране можно отметить тенденцию к некоторому росту количества музеев по сравнению с 1953 годом. Более внушительным (почти в два раза) был рост их посещаемости⁵³⁷.

	1940	1953	1958	1961	1962
количество музеев	991	909	870	938	937
количество посетителей (тыс. человек)		29 808	39 873		55 736

Министерство руководило делом пополнения экспонатов центральных музеев страны — выделяло средства на закупку произведений искусства: Государственной Третьяковской галерее, Музею имени Пушкина, Эрмитажу, Русскому музею, музею Восточных культур⁵³⁸. Закупка экспонатов производилась по спискам, представ-

532. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

533. Там же. Д. 165. Л. 7.

534. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 135. Л. 124.

535. Там же. Л. 125. В связи с этим в 1963 году в Министерстве культуры говорили: «за два года мы могли бы 200 тысяч советских граждан познакомить с экспонатами этого музея» (ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 165. Л. 26).

536. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 31.

537. Там же. Л. 31.

538. Там же. Ф. 5. Оп. 36. Д. 75. Л. 122.

ляемым музеями. Причем ленинградские музеи находились в более выгодном положении, они пользовались в этом смысле определенной автономией — часть средств предоставлялась им на расходы по собственному усмотрению⁵³⁹. Расходы на содержание музеев и выставок за период 1953–1962 годов выросли с 14,7 миллионов рублей до 23,5 миллионов⁵⁴⁰.

Министерство контролировало состояние работы, экспозиции центральных музеев. В 1956 году Михайлов внес в партийные органы предложение о строительстве нового здания Третьяковской галереи⁵⁴¹. В 1958 году Министерство обращалось в ЦК с просьбой о предоставлении дополнительной площади Эрмитажу.

Международное сотрудничество

Вопросы культурного сотрудничества в СССР можно условно разделить на два уровня: культурный обмен внутри страны и международное сотрудничество. Основной формой внутреннего культурного обмена в рассматриваемый период являлись декады литературы и искусства и фестивали. Декады предоставляли зрителям возможность ознакомиться с лучшими достижениями национальных театра, оперы, балета, самодеятельности, а деятелям культуры союзных республик давали возможность широкой популяризации своего искусства. Однако наряду с этими положительными моментами в практике проведения декад имелись недостатки: парадность, убытки от декад, нарушение нормальной работы театров во время их проведения и во время длительной (4-х — 5-ти месячной) подготовки к декадам, кроме того, на них происходило периодическое пополнение состава участников за счет московских артистов. В 1958 году Михайлов, в связи с приведенными доводами, обратился в ЦК КПСС с вопросом о целесообразности дальнейшего проведения декад. Конкретных предложений об изменении практики культурного обмена Министерство не предлагало, лишь отмечало, что можно было бы продумать систему мероприятий, которые могли бы «содействовать дальнейшему развитию искусства республик и широкой его пропаганде в не меньшей степени, чем декады литературы и искусства»⁵⁴². Отдел культуры ЦК не поддерживал предложения Министерства.

Международное сотрудничество в данный период развивалось по нескольким направлениям: обмен художественными коллективами и исполнителями и оказание помощи, главным образом, разви-

539. Там же. Л. 123.

540. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 627. Л. 34.

541. Там же. Ф. 5. Оп. 36. Д. 26. Л. 78.

542. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 83. Л. 22.

вающимся странам. По сравнению с предыдущим произошел серьезный прорыв в плане культурного обмена. До 1953 года факты выезда советских артистов и демонстрации выставок за рубежом были единичными (и то, как правило, в социалистические и развивающиеся страны). Характерны примеры с проведением выставок изобразительного искусства: в 1951 году было проведено всего три выставки за рубежом (ГДР, Польша, Индия), в 1955 году — 5 (Чехословакия, Финляндия, Китай, два раза в Польше), в 1958 году — 16⁵⁴³. Культурный обмен становился систематическим — во второй половине 1950-х годов был подписан целый ряд договоров между СССР и зарубежными государствами. Резко увеличилось количество человек, выезжавших из Советского Союза по планам культурного обмена. Если в 1955 году из СССР было командировано около 2500 деятелей культуры в 44 страны⁵⁴⁴, то в 1963 году — 17 680 человек. СССР посетило в 1955 году 2200 деятелей культуры из 30 стран, а в 1963 году 19 630⁵⁴⁵. Только в 1957 году Министерством культуры отмечалось, что «за последнее время наши артисты побывали в таких странах, где еще представители советского искусства не были известны: в Турции, Эфиопии, Ливии, Судане, Таиланде, Чили, Эквадоре, Кубе, Коста-Рике и др.»⁵⁴⁶. Резкое увеличение количества выезжавших за рубеж на гастроли побудило Министерство выступить с предложением о том, чтобы ему было разрешено самостоятельно (минуя комиссию ЦК по выездам за границу) направлять советских артистов в социалистические страны, увеличивать их срок пребывания, если будут такие пожелания принимающей стороны⁵⁴⁷. Кроме того, Министерство просило разрешения самостоятельного приглашения деятелей культуры из стран «народной демократии». Однако Отдел культуры ЦК отверг даже такое частичное покушение на исключительные prerogatives и контрольные функции партийных органов со стороны государственных. Резолюция Д. А. Поликарпова гласила, что предложение Министерства является «неприемлемым»: «Многочисленные факты показывают, что работники Министерства допускают несерьезное отношение к организации поездок советских артистов за границу и к приглашению зарубежных коллективов в СССР. К тому же осуществление предлагаемых т. Михайловым мероприятий привело бы к снижению контроля ЦК КПСС за организацией культурного обмена с зарубежными странами»⁵⁴⁸. Одна-

543. Информационный бюллетень Министерства культуры СССР. М., 1959. С. 70.

544. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 43. Л. 102.

545. Ежегодник БСЭ — 1964. С. 102.

546. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 43. Л. 102.

547. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 43. Л. 105.

548. Там же. Л. 106.

ко, контроль со стороны партийных органов все же не исключал скандальных ситуаций, связанных с пребыванием советских артистов за границей. Самый известный пример в течение рассматриваемого периода связан с Р. Нуреевым, во время гастролой в Париже отказавшимся вернуться в СССР.

Гастроли советских артистов за рубежом приносили большие доходы в государственный бюджет. Министерство культуры сообщало, что только за гастрольную поездку, например Святослава Рихтера в Италию и Францию в 1963 году государству будет сдано 50 тысяч долларов прибыли⁵⁴⁹. Тем не менее, несмотря на такие прибыли, партийные органы и КГБ с крайней подозрительностью относились к выездам на гастроли в капиталистические страны. Например, в 1956 году Министерство культуры ходатайствовало о разрешении выезда С. Рихтера. КГБ выступил против, а Отдел культуры согласился, с тем, однако условием, чтобы его сопровождал специальный чиновник из Министерства⁵⁵⁰. При рассмотрении просьбы Министерства о посылке на зарубежные гастроли Отдел культуры руководствовался также количеством выездов за границу того или иного деятеля культуры. В сентябре 1956 года он не разрешил выезд в США Д. Ойстраха, так как в том году знаменитый скрипач уже был там в январе и, кроме того, выступил в 13 странах⁵⁵¹.

С гастролями крупных коллективов в финансовом плане дело обстояло неоднозначно. В тех случаях, когда были проведены подготовительные мероприятия (реклама, анонсирование и т. п.) гастроли приносили прибыль, и, наоборот, при плохой их организации они приносили убытки. В этом смысле весьма показателен пример гастролой советского цирка. Без предварительного анализа и расчета и при плохой организации, даже в территориально близкой к СССР Скандинавии они прошли с убытками, а в далекой Бразилии (коллектив — 50 человек), только расчеты показали, «что с нашей стороны не потребуются инвалютных затрат, и что в итоге гастролой в доход союзного бюджета будет сдано не менее 426 000 инвалютных рублей»⁵⁵².

С расширением культурного сотрудничества партийно-государственные органы пытались способствовать продвижению отечественных фильмов на мировом экране. В 1956 году из числа ведущих кинодержавы на внешний рынок представляли: США — до 250 кинофильмов, Франция — до 100, Италия — до 85, СССР — до 30⁵⁵³. При этом констатировалось, что, например, в странах Азии и Африки «совсем не знают советских артистов, зато знают наперечет

549. Там же. Д. 143. Л. 208.

550. Там же. Д. 24. Л. 70–74.

551. Там же. Л. 116.

552. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 73. Л. 20.

553. Там же. Д. 82. Л. 46.

всех американских и прочих „кинозвезд“, чьи портреты вывешены в фойе кинотеатров»⁵⁵⁴. Приобретение иностранных фильмов в СССР было поставлено в зависимость от экспорта в ту или иную страну⁵⁵⁵. В качестве первоочередных мер для улучшения проката за рубежом ставилась задача улучшения рекламы советского кино. Директор Института востоковедения АН СССР Б. Гафуров, составивший записку о состоянии проката отечественных фильмов в развивающихся странах, писал: «Если мы вообще против системы рекламы „кинозвезд“ в Советском Союзе, то не в наших силах перевоспитать заграничную публику. Для того чтобы социалистическая идеология пробилась себе дорогу, нужно научиться хорошо рекламировать наши фильмы, являющиеся носителями этой идеологии»⁵⁵⁶.

При этом прокат советских «фильмов за границей не давал ощутимых коммерческих результатов»⁵⁵⁷. Министерство культуры предлагало увеличить ассигнования на рекламу и брать в аренду кинотеатры за рубежом для показа советских фильмов⁵⁵⁸.

Министерство принимало участие в разработке ставок гонорара советским артистам за выступления за границей. В 1961 году Фурцева предложила отрегулировать нормы ставок. Дело в том, что к тому времени советские артисты получали за выступления в СССР и в капиталистических странах больше, чем в зарубежных социалистических. Ввиду этого гастроли знаменитых артистов в социалистических странах были непривлекательны с коммерческой точки зрения. Кроме того, в странах «народной демократии» советские артисты вынуждены были выступать с так называемыми «шефскими концертами», которые им не оплачивались⁵⁵⁹. Министерство внесло предложение установить ставку за выступление в социалистических странах равной ставке за выступление в СССР. Отдел культуры выступил против, мотивировав это тем, что существовавшая система оплаты была и так достаточно высока, а повышение ставок привело бы к уменьшению поступлений инвалюты в Госбюджет⁵⁶⁰.

Поскольку среди артистов наибольшей популярностью пользовались поездки в капиталистические страны, а наименьшей — гастроли в отдаленные районы СССР (на целину, в Сибирь и т. п.), Министерство культуры разрабатывало ряд мероприятий, при которых гастроли за рубеж ставились в зависимость от числа поездок по СССР. Тем не менее, ряд известных артистов под всяческими предлогами пытались отказаться от части гастролей внутри

554. Там же. Оп. 30. Д. 237. Л. 146.

555. Там же. Д. 82. Л. 47.

556. Там же. Д. 237. Л. 146.

557. Там же. Оп. 36. Д. 237. Л. 153.

558. Там же. Д. 82. Л. 48.

559. Там же. Д. 136. Л. 175.

560. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 136. Л. 177.

страны. В качестве положительного примера в этом смысле один из сотрудников Министерства приводил М. Ростроповича: он «ездил в Заполярный круг, и на целину, и в Якутию, и в Сибирь. Вот товарищ. И когда идет разговор о поездке его за границу, он никогда не ставит вопрос: сколько будут платить?»⁵⁶¹

При участии сотрудников Министерства составлялся репертуар артистов и коллективов, выезжающих за рубеж на гастроли. Однако исполнители, находясь за границей, иногда меняли ранее утвержденную программу. Фурцева говорила: «Бывает и так, что, представив здесь на утверждение программу, включающую советские произведения, исполнители, оказавшись за рубежом, фактически выступают с другой программой»⁵⁶². Для усиления контроля за репертуаром гастролеров и их персональным составом в 1963 году была создана специальная комиссия при министре с участием творческих отделов. Тогда же в отделе музыкальных учреждений говорили, что «мы добились того, что ни один исполнитель и ни один коллектив не выезжает, не имея в своем репертуаре произведений советских композиторов»⁵⁶³.

Вторая половина 1950-х годов отмечена резким увеличением количества проведенных фестивалей, выставок, посещения Советского Союза иностранными деятелями искусства. В этой связи нельзя не сказать о контрпропагандистской практике Министерства. Поскольку проведение гастролей советских артистов и выставок за рубежом рассматривалось, прежде всего, как пропаганда советских достижений, то соответственно к гастролям и выставкам из капиталистических стран относились как к пропаганде капиталистического строя. Поэтому Министерством культуры вырабатывались специальные меры контрпропаганды. Показательный пример привел один из сотрудников Министерства культуры: в 1960 году, «во время выставки США в Москве огромный отряд проделал большую работу по контрпропаганде, чтобы отвлечь внимание любителей выставок от американской выставки. Была выставка чешского стекла, был первый Международный фестиваль кинофильмов в Москве и ряд других мероприятий. И, как вы знаете, американская выставка не имела никакого успеха, кроме чистого любопытства»⁵⁶⁴.

СССР всегда оказывал поддержку странам социалистического блока, а также развивающимся странам. Эта помощь распространялась и на сферу культуры. В рассматриваемый период проблемы оказания помощи странам «третьего мира» были особенно актуальны в связи с развернувшимся антиколониальным движением и провозглашением независимости стран Азии и Африки. Неко-

561. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 103. Л. 133.

562. Там же. Д. 165. Л. 154.

563. Там же. Л. 185.

564. ЦАОДМ. Ф. 957. Оп. 1. Д. 129. Л. 82.

торые инициативы выдвигало в этой связи Министерство культуры. В этой сфере особенно ярко проявился приоритет идеологической составляющей над финансовой прибылью. Так, в 1957 году Михайлов обратился в ЦК с предложением об оказании помощи Египту в деле развития кино. Показательно, что само руководство Египта не обращалось в СССР с просьбой о подобной помощи (президент страны А. Насер в беседе с советским послом лишь высказывал намерение обратиться к Советскому Союзу за помощью)⁵⁶⁵. За счет советской стороны министр предлагал построить широкоэкранный кинотеатр в Каире (вспомним, что в самом СССР на тот момент таких кинотеатров катастрофически не хватало — из-за этого съемочные группы вынуждены были снимать два варианта одной и той же картины — обычный и широкоэкранный), лабораторию, помочь специалистами, принять на обучение египтян, сделать постановку 2–3 совместных фильмов. Выгоды советской стороны при осуществлении этого предложения состояли бы только в том, что появилась бы возможность для пропаганды советского кино (дублирование на арабский язык 25 фильмов). Однако при том неудовлетворительном состоянии, в котором находился прокат советских фильмов за рубежом, и эти выгоды были сомнительны. Отдел культуры ЦК (Рюриков) отклонил просьбу Министерства, посчитав, что ему следовало бы обратиться с конкретными предложениями «на основании просьбы соответствующих египетских организаций, после того, как она поступит»⁵⁶⁶. С подобным предложением, которое также не было принято, Михайлов обращался и в отношении Вьетнама.

* * *

Образование Министерства культуры СССР в марте 1953 года произошло в контексте «министерской реформы». В первый год своего существования Министерство культуры являлось многофункциональным ведомством, равному которому по сфере деятельности и кругу полномочий не было ни до, ни после в отечественной истории. Оно занималось всеми отраслями культуры за исключением литературы. Однако вскоре выяснилось, что новое государственное учреждение слишком громоздко. В результате разукрупнения Министерства и выделения из его состава новых ведомств по отраслям культуры, к 1964 году в подчинении у Министерства остались только те сферы искусства, которыми до 1953 года руководил Комитет по делам искусств. Но в отличие от последнего, Министерство культуры было главным среди всех государственных учреждений, руководивших искусством.

⁵⁶⁵. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 53. Л. 31.

⁵⁶⁶. Там же. Л. 35.

На протяжении исследуемого периода по инициативе Министерства происходило перераспределение полномочий между учреждениями, руководившими культурой. В 1953–1957 годах расширились права местных органов власти, была дана большая самостоятельность учреждениям культуры (например, в определении репертуарной политики, подбора состава труппы театров и т. п.). С 1963 года намечается противоположная тенденция к централизации управления культурой: в непосредственное ведение Министерства передавались некоторые учреждения культуры, ранее находившиеся в республиканском подчинении.

В системе партийно-государственных органов управления художественной культурой Министерство занимало подчиненное положение перед соответствующими органами ЦК КПСС. Культурная политика разрабатывалась на уровне самого высшего партийного руководства — Первого секретаря ЦК, Секретариата и соответствующего Отдела ЦК. Они выносили окончательные вердикты по всем принципиальным вопросам развития художественной культуры. Партийные лидеры давали частые конкретные указания, оценки относительно того или иного произведения в беседах с руководителями Министерства культуры, которые в большинстве случаев нигде не фиксировались, но, тем не менее, имели важное, иногда определяющее влияние на судьбу того или иного кинофильма, спектакля, программы гастролей, выставки, и т. п. Министерство занималось претворением решений партийных органов в жизнь. Отделы ЦК осуществляли также контроль за деятельностью Министерства.

Большое значение имел такой косвенный рычаг управления, как внедрение в жизнь новых технических достижений. Поворот в технической политике наметился в 1954–1955 годах. Его последствия стали ощутимы уже в конце 1950-х годов. С одной стороны — создание в короткие сроки новых технических методов кинематографа, с другой — расширение сети кинопроката и соответственно возможности большего числа жителей страны приобщения к самому популярному из всех искусств.

При рассмотрении взаимоотношений Министерства с вышестоящими структурами нельзя не отметить характерную особенность. Значительное число новых, принципиальных предложений разрабатывалось Министерством культуры по поручению вышестоящих структур (например, изменение цен на билеты в кино и театры, увеличение выпуска художественных фильмов в середине 1950-х годов). Предложения, с которыми Министерство обращалось в ЦК и Совет министров, получали поддержку только в тех случаях, если они шли в русле инициатив высшего партийного руководства.

Проводившаяся Министерством культуры линия на увеличение производства кинофильмов благотворно сказалась на привлечении в кино новых режиссеров, которые определили творческое свое-

образии советского кино на протяжении 1960–1980-х годов и продолжают оказывать огромное влияние на современный российский кинорынок. В начальный период своей деятельности Министерство само побуждало деятелей кино к расширению круга тем творчества. Некоторые работники Министерства остро критиковали практику «малокартинья» объективно способствуя развитию кино. Деятели кино освобождались от мелочной опеки и регламентации творческого процесса. Партийно-государственная критика не лишала авторов права на дальнейший поиск в том же направлении (в отличие от предыдущего периода, когда раскритикованный режиссер вынужден был или покинуть профессию, или заниматься съемкой фильмов в несвойственном ему стиле по заказу партийного руководства). В 1953–1963 гг. также имелись попытки, и в частности со стороны Министерства, навязывания тем для творчества, но они не были столь категоричными. Нельзя не заметить, что многие фильмы, созданные в течение рассматриваемого периода, составляют золотой фонд советского кино.

Значительно изменилась практика управления театрами. Им была дана возможность выбора репертура (хотя контроль оставался в руках партийно-государственных структур), заключения договоров с авторами на написание новых пьес. Можно выделить два этапа в финансовой политике по отношению к театрам: до конца 1950-х годов — увеличение государственной дотации и с конца 1950-х годов тенденция к переводу театров на самоокупаемость. Уменьшение дотации на содержание театров положительно сказалось на состоянии государственного бюджета, однако положение самих театров ухудшилось. Несколько уменьшилось количество театров, более глубокие изменения произошли в организации работы театров, перешедших на самоокупаемость. Некоторым театрам для обеспечения нормальных финансовых поступлений приходилось проводить на гастролях круглый год, разделившись при этом на две труппы. 1963 год был отмечен некоторым усилением контроля со стороны Министерства за состоянием репертуара театров и принятия пьес на госзаказ. Однако это не означало возвращения к практике тотального контроля в данной сфере.

На начальном этапе своей деятельности Министерство приложило немало усилий для улучшения организации труда художников, обеспечения их нормальной деятельности, предоставления большему числу художников возможности выставлять свои произведения. Министерство ориентировало художников на создание разноплановых произведений. Увеличилось количество художественных выставок, число работ участвовавших в них, а также количество посетителей. Благодаря изменению государственной политики в области изобразительного искусства оживилось творчество художников нереалистического направления. Они получили возможность выставлять свои работы (вплоть до 1963 года). Пос-

ле посещения Хрущевым Манежа художники-нереалисты более не могли официально выставлять свои произведения. Однако художники, названные «формалистами и авангардистами», не причислялись автоматически к «антинародному, вражескому» направлению, а скорее рассматривались как «заблудшие овцы».

Министерство культуры занималось рассмотрением проектов и установки памятников общегосударственного значения. В течение исследуемого периода было установлено несколько знаковых памятников и монументов. На создании новых памятников отрицательно сказалось уменьшение государственного финансирования в начале 1960-х годов. Этим обстоятельством в большой степени объясняется наличие целого ряда нереализованных проектов.

Охрана памятников всегда находилась на периферии внимания органов управления. Министерство в 1950-х годах пыталось переложить ответственность на местные органы, а последние в свою очередь пренебрежительно относились к охране памятников. Положение в этой области изменилось с приходом в Министерство Фурцевой, которая обозначила проблему и пыталась наметить пути ее решения. Однако, несмотря на усилия Министерства, положение с охраной памятников в целом оставалось удручающим, и в начале 1960-х гг. даже ухудшилось. Его вмешательство лишь в единичных случаях спасало тот или иной памятник от разрушения.

С 1953 года произошло резкое увеличение объема культурных связей, в особенности с зарубежными странами. Министерство пыталось способствовать росту культурного обмена.

Таким образом, по сравнению с предыдущим (послевоенным) периодом в развитии советской художественной культуры в 1953–1963 гг. произошел настоящий прорыв и в качественном, и в количественном отношении. Свой вклад в этот подъем внесло Министерство культуры СССР.

Р. А. СЕТОВ

РОССИЯ В «ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЯХ» XXI ВЕКА:

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОТИВ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАГИЗМА

Один из важнейших вопросов, который стоит в центре научной и политической полемики уже более 10 лет, состоит в том, чтобы определить природу современной модели системы международных отношений и дать ей более или менее признанный дефиниций с точки зрения структурной организации. Второй стороной этой же проблемы является определение того, насколько эта модель прочна, устойчива или, напротив, неравновесна и неустойчива. Отметим, что некоторые принципиальные характеристики современного миропорядка (доминирование США, отсутствие риска «большой» войны и др.) сегодня воспринимаются как едва ли не естественное состояние. Необычность этих характеристик в историческом смысле как-то отошла на задний план в международно-политических дискуссиях. А между тем именно в историческом ключе наиболее интересно рассматривать миропорядок начала XXI века и возможные пути его трансформации. Оценить соотношение новаций и преемственности в этом миропорядке можно путем сравнения с содержанием предшествовавшей системной модели. На таком фоне более, чем уместной станет и проблема настоящего и будущего места нашей страны в современном мире. Эти сюжеты, как известно, серьезно занимают многих отечественных исследователей. Далеко не праздными эти вопросы являются и для многих граждан России.

Весьма показательно выглядит эволюция трактовок положения России в контексте становления новой модели системы международных отношений. На рубеже 1990-х годов, в условиях того,

что на Западе называли «второй русской революцией», для авторитетных американских ученых и дипломатов (Грэм Аллисон и Роберт Блэкуэлл) не вызывало сомнений то, что «Советский Союз был и останется великой державой»¹. Политический распад СССР оказался для многих неожиданным. «Тихий катаклизм» и «функциональный эквивалент третьей мировой войны», как выразился в 1992 г. американский ученый Дж. Мюллер², привел к кардинальной перестройке структуры международно-политического взаимодействия. Важным итогом стало и то, что непосредственно после крушения СССР статус России как великой державы был далеко не очевидным. Объективная слабость страны и возрастающая зависимость от внешнего мира в течение 1990-х годов обусловили проведение внешней политики в основном в пассивном ключе. Руководство России, вынужденное просить финансовой помощи извне, было даже готово выслушивать прямые указания по поводу того, как и какую стоить демократию в стране, да и вообще какую проводить внутреннюю и внешнюю политику. Постепенный выход из кризисного состояния на рубеже XXI века нашел отражение в официально прокламированной внешнеполитической доктрине России и обусловил проведение более отчетливой внешней политики в соответствии с реалистическим пониманием насущных государственных интересов. Естественно, кардинально изменились отечественные и западные оценки и прогнозы развития России на фоне общемировых процессов. Проблема обладания статусом великой державы, правда, не перестала быть предметом оживленных дискуссий. Позитивным моментом стоит считать разве что тот факт, что для многих исследователей этот вопрос, по сути дела, закрыт. Авторитетные отечественные и зарубежные ученые уже не считают Россию слабеющим государством, готовящимся надолго (или навсегда) перейти во «второй эшелон» в международно-политической иерархии. Более того, на рубеже XXI века один из американских ученых, Джон Миэршаймер высказал точку зрения о том, что доминирование США как единственной «сверхдержавы» далеко не однозначно. Миэршаймер считает, что в современном мире «настоящих» великих держав все же три — США, Россия и Китай. Как бы необычно не выглядела сегодня такая точка зрения, логика рассуждений автора довольно любопытна. Соглас-

1. Allison, Graham and Blackwell, Robert. *The Grand Bargain: The West and the Future of the Soviet Union // Rethinking American Security. Beyond Cold War to New World Order* / Ed. by Graham Allison and Gregory F. Treverton. N. Y.; L., 1992. P. 384

2. Джон Мюллер — профессор Университета Рочестер, публицист, автор работ по проблемам восприятия войн в обществе и др. См.: Mueller, John. *Quiet Cataclysm: Some Afterthoughts on World war III // The End of the Cold War. Its Meaning and Implications* / Ed. by Michael J. Hogan. Cambridge; N. Y., 1992. P. 39.

но Миэршаймеру, главное качество, позволяющее относить государство в категорию «великая держава» — ее способность выстоять в случае прямого, с применением военной силы, противоборства с любой внешней силой — наиболее вероятно, с явным гегемоном глобального масштаба. Если государство является великой державой, то оно «должно иметь достаточные военные ресурсы для того, чтобы вести полномасштабную войну с применением обычных видов вооружений против наиболее мощного государства мира». При этом страна- «кандидат в великие державы», в случае конфликта с сильнейшим в мире государством не обязательно должна обладать способностью нанести поражение этому государству. Скорее, «страна-кандидат» должна располагать возможностью «превращения такого конфликта в войну на истощение, которая приведет к серьезному ослаблению доминирующего государства даже в случае, если это государство в конце концов и победит»³. Если оставить в стороне политико-академические споры о качествах великих держав, об их количестве в современном мире, констатируем то, что вопрос об оценке структурной конфигурации современной международно-политической системы по-прежнему остается открытым. В то же время, очевидно, что в трудах большинства ученых и публицистов преобладающим выглядит общий подход к оценке международных отношений с точки зрения выделения структурных уровней системы, взаимодействующих великих держав или же «полюсов», «центров силы» в мире. Предложены и получили известное распространение различные точки зрения на содержание миропорядка в начале XXI века. Это, например, «многополярный мир» как отражение сосуществования нескольких «центров силы», находящихся в сложном взаимодействии, сочетающем соперничество и сотрудничество. Термины «гибкая монополярность», «униполярность» и «гегемоническая стабильность» были предложены как версии дефиниции мира, в котором главной характеристикой выступает доминирование США. Известное распространение получили и представления о «полутораполярности» миропорядка или о существовании структурной комбинации «1+4» (США как «сверхдержава», разделяющая верхний уровень мировой иерархии с Европейским Союзом, Японией, Китаем и Россией)⁴. Кроме этого, звучат предложения рассматривать современный мир как не имеющий жесткой структурной основы и находящийся в движении к «неклассической», «нестационарной модели международных отношений»⁵.

3. Mearscheimer, John J. The Tragedy of Great Power Politics. N. Y.; L., 2001. P. 5, 404.

4. Buzan, Barry and Waever, Ole. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge (UK); N. Y., 2003. P. 446.

5. Неклесса, Александр. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et Contra. Т. 7. Осень 2002.

С рубежа 1990-х годов имеют хождение и представления о мире как о «глобальном беспорядке», равно как и указания на перспективу усиления общей конфликтности как определяющую характеристику. При этом не исключается возможность возникновения «больших войн» с участием великих держав и «региональных гегемонов»⁶. Версией примерно такого подхода выступает «хаотичный мир» И. Валлерстайна или указание на неустойчивое сочетание «порядка и хаоса»⁷. С этими концепциями сосуществуют «глобальная взаимозависимость» и многие иные, в перечислении которых нет необходимости.

Для оценки современного мира с историко-политологической точки зрения и определения «удельного веса» России немаловажно рассмотреть по меньшей мере два комплекса проблем. Первый — современные оценки того, какую роль в истории XX века сыграло существование биполярного миропорядка и что современный мир унаследовал от эпохи «холодной войны». Вторым важным комплексом выступают сюжеты, связанные с современной структурной организацией системы международных отношений. На фоне подходов к этим двум комплексам можно поставить вопросы об особенностях положения России в контексте развития общемировых процессов и отметить, какое место нашей стране отведено в циркулирующих в международно-политических исследованиях «геостратегических сценариях» мирового развития.

В отношении первого круга вопросов наши симпатии на стороне тех, кто в объективно-историческом ключе, без ненужной эйфории относительно крушения биполярности и якобы блестящих перспектив установления нового, бесконфликтного миропорядка, рассматривает период «холодной войны». Для многих исследователей очевидно, что «холодная война» и эпоха биполярности в международных отношениях на долгое время создали комплекс угроз глобального и регионального масштабов. Однако, если в рамках биполярной структуры миропорядка эти угрозы находились в относительно приглушенном состоянии, то сегодня, не исчезнув с распадом Советского Союза, они чреваты возникновением войн⁸. Впрочем, многие отечественные публикации по-прежнему отличает стремление оценить биполярный миропорядок как проявление борьбы двух главных идейно-политических трендов, якобы полностью определивших облик XX века, — тоталитаризма и демо-

6. Jowitt, Ken. *New World Disorder. The Leninist Extinction*. Berkley (CA); L. A.; L., 1992; Harvey, Robert. *Global Disorder. How to Avoid a Fourth World War*. L., 2003. P. 455.

7. Cooper, Robert. *The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century*. L., 2004.

8. Кокошин А. А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности // *Мир и Россия на пороге XXI века. Вторые Горчаковские чтения МГИМО МИД России* (23–24 мая 2000 г.). М., 2001. С. 20–21.

кратии. В работах, написанных в таком ключе, по-прежнему присутствует идея поиска «виноватых» в том, что после 1947 года произошло разделение мира по линии противоборства Запад-Восток и что почти полвека биполярность определяла основу миропорядка. Следствием такой постановки проблем зачастую являются излишне упрощенные оценки всего (весьма различного по содержанию внутренних этапов!) послевоенного периода как противоборства абстрактных идей и тенденций (демократии и тоталитаризма), а не как сложного и прошедшего динамичную эволюцию взаимодействия государств и их союзов. Взаимодействие это, как известно, предполагало не только столкновение интересов, но и существование отношений в формате «конфликт как сотрудничество». Имело место достижение разумных компромиссов, установление именно миропорядка, известной степени стабильности и предсказуемости развития международных отношений. Против такого подхода обычно выдвигаются не вполне обоснованные тезисы о том, что биполярный миропорядок был отклонением от «естественного хода мирового развития», что резкое усиление «советского тоталитаризма» и его «экспансионистских устремлений» после 1945 г. не могло не привести к замене потенциально плюралистического мироустройства расколом мира на два противоборствующих лагеря. Нередко это дополняется рассуждениями о том, что сознательное и целенаправленное «развертывание двухполюсности» входило в расчеты И. Сталина и что «советская сверхдержава по самой своей тоталитарной природе не могла ужиться в системе многополюсных отношений, не могла не противопоставить себя другой, американской сверхдержаве»⁹.

А между тем, в современных западных исследованиях вопрос о том, на кого следует «возложить вину» за складывание биполярного миропорядка, мало кого интересует. Можно предположить, что для многих разумными показались доводы, известного американского историка А. Шлезингера-мл., который еще в ходе дискуссий начала 1990-х годов сделал замечание относительно перемен содержания исследований по проблемам «холодной войны». «Историческая наука начала превращение из оружия в битве в аналитические усилия для определения структурных дилемм и понимания действительных забот противников. Чем больше мы размышляем о „холодной войне“, тем менее уместным представляется вопрос о вине за нее»¹⁰. Биполярность как миропорядок конфликтный в своей основе, но содержавший жесткие ограничители воз-

9. Быков О. Н. Международные отношения. Трансформация глобальной структуры. М., 2003. С. 127, 135, 142.

10. Schlesinger, Arthur, Jr. Some Lessons from the Cold War // The End of the Cold War. Its Meaning and Implications / Ed. by Michael J. Hogan. Cambridge; N. Y., 1992. P. 54.

возникновения «большой войны», сегодня признается — при всех его минусах — как комплекс объективных условий, при которых сложилась сегодняшняя мощь США и стран Запада. Что касается парадоксальной роли «холодной войны» — как «длительного мира» — в истории международных отношений, то одна из наиболее известных версий современного трезвого подхода к периоду 1945–1990 годов была предложена американским исследователем Дж. Л. Гэддисом. Его работа «Соединенные Штаты и окончание „холодной войны“ увидела свет еще в 1992 году. Этот ученый при анализе причин возникновения противостояния указывал на то, что Советский Союз, «действуя главным образом на основе оборонительных соображений, прямо создал свою сферу влияния в Восточной Европе и на Балканах», а США, изначально опираясь на подобные же идеи, создали свои сферы влияния как противовес советским. Сложившаяся при этом «гегемония Америки — а то, что именно это стало результатом развития, не вызывает никаких сомнений, — определено была меньшим из двух зол»¹¹. Рассматривая цели США в «сдерживании» Советского Союза и результаты по их достижению, Гэддис признавал, например, то, что в наиболее развитом виде bipolarность предполагала идею «кооперативного сосуществования». Это, в частности, означало признание Америкой таких важнейших качеств СССР как «легитимность, респектабельность и статус великой державы»¹².

Сегодня «холодная война» предстает для многих исследователей не только как «длительный мир». Этот миропорядок выступает как первооснова и источник многих долговременных, противоречивых, но вовсе не однозначно негативных закономерностей взаимодействия ведущих государств и их объединений, равно как и общих тенденций мирового развития. При таком подходе даже наиболее критические моменты, чреватые мировой катастрофой эпизоды «холодной войны» уже не выглядят только как образы из «темного прошлого». В современных оценках «холодной войны» все чаще можно увидеть здравые теоретические рассуждения весьма полезного свойства, которые основаны на продуманном научном анализе, а не на конъюнктуре политической полемики. С середины 1990-х годов звучат голоса авторитетных ученых и публицистов, говорящих о том, что пост-bipolarный мир ничуть не лучше предшествовавшего миропорядка в том, что касается общего уровня конфликтности в мире и конфликтной напряженности в отдельных регионах. Реалии международных отношений первого

11. Gaddis, John Lewis. *The Cold War, the Long Peace and the Future // The End of the Cold War. Its Meaning and Implications* / Ed. by Michael J. Hogan. Cambridge; N. Y., 1992. P. 27.

12. Gaddis, John Lewis. *The United States and the End of the Cold War. Implications, Reconsiderations, Provocations*. N. Y.; Oxford, 1992. P. 39.

десятилетия нового века доказывают это ежедневно и со всей очевидностью. Поэтому особенно впечатляюще выглядят оценки биполярного мира и содержания «холодной войны» в работах не столько зарубежных историков и политологов, сколько специалистов по теоретическим проблемам международных отношений.

Отметим, что различные школы мысли в американском и английском политико-академических сообществах предлагают широкий спектр трактовок интересующих нас проблем. Однако, наиболее интересные и обоснованные суждения предложены теми, кого и в США, и в Англии можно назвать представителями различных версий течения «политического реализма» (или «традиции Фукидида-Маккиавелли-Моргентау», в конце XX века представленной такими подвидами, как реализм «структурный», «институциональный», а в последние годы и «неоклассический»). На рубеже веков известный резонанс (правда, в основном критический из-за излишней прямолинейности) вызвала работа упоминавшегося Дж. Миэршаймера «Трагедия политики великих держав»¹³. В ней автор окончательно сформулировал свою концепцию «наступательного реализма» как своеобразной частной теории международных отношений. В рамках этой конструкции Миэршаймер вновь, уже по-своему, обосновал высказанные ранее точки зрения (Кеннет Уолтц и др.) относительно прочности именно биполярности как миропорядка: «война более вероятна в состоянии многополярности, чем в условиях биполярности»¹⁴. Три причины этого положения, по Миэршаймеру, таковы. Первая — в условиях многополярности может существовать большее, в сравнении с двухполюсной структурой, количество потенциальных «конфликтных диад» (пар государств)¹⁵. Если использовать формулу, которой придерживаются «реалисты», то при наличии 5 великих держав может сложиться не менее 10 версий возможного «диадического взаимодействия» (то есть складывания конфликтных пар) между ними. Эти варианты в условиях противоборства нескольких великих держав с уверенностью можно дополнять большим количеством вариаций взаимодействия участников «клуба сильнейших» с региональными гегемонами и иными государствами. Естественно, примыкание к различным группировкам великих держав

13. В отношении перевода термина *politics* следует сказать, что он многозначен и предполагает не единственное толкование. В международно-политических исследованиях *politics* выступает скорее не как «политика», а как «политические отношения», «политическое соперничество». Не случайно один из отцов-основателей школы «политического реализма» Ганс Моргентау дополнил название своей наиболее известной работы «*Politics Among Nations*» подзаголовком «*Struggle for Power and Peace*».

14. Mearsheimer, J. *The Tragedy of Great Power Politics*. P. 338

15. Обоснование этого тезиса см. у Уолтца: Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. Boston; N. Y., 1979. P. 134–136.

или простое соперничество может давать еще и дополнительные конфликтные пары среди стран «второго эшелона». Общий результат — при иной, чем биполярная, конфигурации системной модели международных отношений, — возможны десятки потенциальных «конфликтных диад» с участием как великих держав, так и множества стран, стоящих ниже уровнем в международно-политической иерархии.

Вторая причина нестабильности, по Мизршаймеру, — обычное для многополярной структуры неравенство в уровнях мощи великих держав, которое определяет возможность для одной (или нескольких) из них одержать победу в войне и «делает устрашение противника затруднительным, а войну — более вероятной». Третий довод для указания на относительную неустойчивость многополярного миропорядка состоит в том, что в условиях многополярности возрастает «потенциал для неверных расчетов: государства могут полагать, что их возможности достаточны для принуждения или завоевания другого государства, хотя на самом деле это не так»¹⁶.

Другие, даже более известные, чем Дж. Мизршаймер, теоретики международных отношений также высказали интересные соображения относительно содержания «холодной войны» и ее места в истории международных отношений. В отличие от Мизршаймера, исследователи не склонны идеализировать биполярный мир и вообще саму схему противостояния «полюсов» в планетарном масштабе. Однако интересно другое — их оценки того, что современный мир может воспринять как «позитивное наследие» предшествовавшего периода. Характерную оценку явного доминирования США в мире («униполярности») как объективного результата «холодной войны» дал Джон Айкенберри (выступивший и как автор, и как редактор в сборнике «Америка, не имеющая равных соперников»). Айкенберри пишет: «В тени „холодной войны“ в отношениях главных индустриальных стран сложился отчетливый и долгосрочный политический порядок. Это многогранный американоцентричный порядок, организованный вокруг «слоеного пирога» союзов в сфере безопасности, открытых рынков, многосторонних институтов и форумов для консультаций и управления. Это порядок, построенный на интересах и ценностях, общих для продвинутой индустриальной стран... Это, однако, и спроектированный политический порядок на основе американской мощи, институциональных взаимоотношений и политических сделок США, в частности, с Европой и Японией»¹⁷.

16. Mearscheimer, J. *The Tragedy of Great Power Politics*. P. 338.

17. Ikenberry, G. John. *Democracy, Institutions and American Restraint // America Unrivaled. The Future of the Balance of Power / Ed. by G. John Ikenberry. Ithaca; L., 2002. P. 216.*

Представители английской школы исследования международных отношений демонстрируют согласие с разумными оценками «холодной войны» как стабильного миропорядка, но зачастую проявляют известную оригинальность. Например, дипломат и ученый Роберт Купер¹⁸ в целом оценивает биполярное мироустройство таким образом. «Годы „холодной войны“ — период напряжения и войн, в основе которого лежал определенный порядок. Этот порядок принял форму негласной договоренности о том, что СССР и США, равно как и их основные союзники, пойдут весьма далеко, лишь бы не воевать друг с другом напрямую. За всем этим стояло, конечно, ядерное оружие... По большей части битвы «холодной войны» велись средствами пропаганды, подкупа и подрывной деятельности... Многие реальные битвы «холодной войны» имели место в ходе войн гражданских. Таким образом, система имела известную упорядоченность, поскольку границы изменялись не часто и большая часть внутригосударственных конфликтов происходила за пределами структурной основы «холодной войны»¹⁹.

Авторитетная исследовательница, профессор Лондонской школы экономики и политических наук, Мэри Калдор в одной из известных работ в центр внимания ставит проблему сравнения «старых» войн и «войн нового типа». «Вторая мировая война была войной тотальной — ибо представляла сплав войны, государства и общества... „Холодная война“ поддерживала постоянный военный психоз, основанный на теории устрашения, наиболее емко сформулированный в лозунге «Война есть мир» Джорджем Оруэллом в его романе «1984». «Холодная война» сохраняла живой саму идею войны, избегая превращения ее в реальность»²⁰. Появление «войн нового типа», представляющих иной феномен, в рамках которого происходит «размывание различий между войной.., организованной преступностью.. и масштабными нарушениями прав человека», есть итоговый результат окончания «холодной войны»²¹.

Наиболее интересны, хотя и не бесспорны, проблемные постановки в трудах английского исследователя Барри Бьюзена. В получившей известность работе «Люди, государства и страх» (первое издание 1983 г., второе — с подзаголовком «Повестка дня для исследований международной безопасности в эру после „хо-

18. Р. Купер был советником по внешнеполитическим вопросам у британского премьер-министра Тони Блэра, а затем назначен генеральным директором отдела военно-политических и внешних проблем при Совете Европейского Союза.

19. Cooper, Robert. *The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century*. P. 13.

20. Kaldor, Mary. *New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era. With a New Afterword*, January 2001. Cambridge (UK), 2005. P. 29.

21. Kaldor, M. *Op. cit.* P. 2–5.

лодной войны“ — 1991 г.)²² Бьюзен рассматривает эволюцию многогранного понимания безопасности государства и составляющих ее компонентов и факторов, влияющих на их развитие. Этот ученый полагает, что в целом эпоха «холодной войны» задала определенный тип понимания отношения «мощь-безопасность государства» (power-security dilemma). В этой связи Бьюзен говорит о том, что «дилемма», собственно, и состоит в сложности разделения реального взаимодействия государств по этой линии. «Вся сфера соперничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом была подвержена этой двусмысленности (неразрывной связи мощи и безопасности государства — *Р. С.*). Относительно невысокий накал соперничества в сфере накопления и использования мощи (mild power rivalry) мог легко генерировать преобладание острой борьбы в области обеспечения безопасности (security struggle) — так можно увидеть „холодную войну“ по мере ее развития в период 1970-х — начала 1980-х годов»²³. Иначе стоят проблемы, связанные с «холодной войной» как версией миропорядка в работе «Регионы и державы» (написанной в соавторстве Б. Бьюзен — датчанин О. Вэвер). В этом случае для авторов главное — совмещение анализа общесистемной структуры (наличия великих держав, их объединений и соответствующих «полюсов» в системе) с развитием и существованием важнейших иных структур и процессов, особенно создания «региональных комплексов» отношений в сфере обеспечения безопасности. В период между 1945 и 1989 годами, согласно видению Бьюзена и Вэвера, «холодная война» и процесс деколонизации привели к противоречивым результатам. Сокращение влияния империй и создание новых государств позволило развиваться «динамике отношений безопасности» среди новых самостоятельных субъектов мировой политики на большей части африканского континента, на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии. «В то же время соперничество СССР и США в рамках биполярности подчинило себе большую часть Европы и Северной Азии и определило сильное вмешательство в дела большинства освобожденных (от колониальной зависимости — *Р. С.*) регионов... Обе сверхдержавы, доминировавшие в мировой политике после 1945 г., — хотя и по разным идеологическим причинам — были против европейских империй и против империи японской». Общая оценка Бьюзена и Вэвера периода «холодной войны» такова. «Холодная война» — модель миропорядка, «глобальную структуру» которой определяет (отнюдь не бесспорная — *Р. С.*) формула «2+3». Это означает, что СССР и США на-

22. Buzan, Barry. *People, States and Fear*. Second Edition. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Harlow (England); L.; N. Y., 1991.

23. Ibidem. P. 298.

ходились на верхнем уровне международно-политической иерархии как сверхдержавы, а Европейский Союз, КНР и Япония — как «простые» великие державы. Авторы в этом случае, правда, делают оговорку от том, что «есть место для вопросов, считать ли Великобританию, Францию и Германию независимыми игроками, возможно регионального уровня»²⁴.

Среди трудов английских ученых также небезынтересно указать на сегодняшние взгляды Колина Грэя. Длительная работа Грэя в университетах США и в качестве консультанта администраций Р. Рейгана, позволяют выделить его как мыслителя («не строго английского толка»). Отметим также, что Грэй часто сочетает геополитические постановки (в духе «традиции Маккиндера-Спайкмана»²⁵) с провозглашением себя «классическим реалистом»²⁶. Для Грэя «холодная война» («глобальная виртуальная война», «суррогат горячей войны», по его словам) и биполярная структура миропорядка сложились как «неизбежный результат успеха, достигнутого в войне против гегемонии нацистской Германии». Логика начала «холодной войны», считает Грэй, была обусловлена отнюдь не только тем, что Советский Союз был «идеологически обязан находиться в состоянии постоянной, но по счастью, в основном виртуальной, войны с капиталистическим миром». «Все же исторически „холодная война“ 1947–1989 годов была в большей степени непосредственным геополитическим, а не идеологическим, итогом военно-политического уничтожения Германии в 1945 г.»²⁷ По мере развития событий, считает Грэй, позиция США определялась тем, что им «необходимо было вести конфликт для того, чтобы не допустить установления гегемонии Советского Союза в Евразии»²⁸. В одной из последних работ («Еще одно кровавое столетие», 2005 г.) Грэй рассматривает вечную проблему: «что есть мир и что есть война»? В этой связи период биполярного противостояния представляется следующим образом: это «мир как условие „не-войны“ (non-war), «но в таком контексте, который предполагает отчетливую вероятность возникновения войны»²⁹. Грэй верно полагает, что в годы «холодной войны» четко проявилось качество мира как «политического условия»: мир может быть основан

24. Buzan, B. and Waever, O. Op. cit. P. 445.

25. Gray, Colin S. *Geopolitics of the Nuclear Era: Heartland, Rimlands and the Technological Revolution*. N. Y., 1977; Gray, Colin S. *The Geopolitics of Super Power*. Lexington (KY), 1988.

26. Gray, Colin S. *World Politics as Usual after September 11: Realism Vindicated // Worlds in Collision. Terror and the Future of Global Order / Ed. by Ken Booth and Tim Dunne*. Basingstoke (UK); N. Y., 2002. P. 226–234.

27. Gray, Colin S. *Modern Strategy*. Oxford (UK); N. Y., 1999. P. 182, 183.

28. Gray, Colin S. *Modern Strategy*. P. 243.

29. Gray, Colin S. *Another Bloody Century. Future Warfare*. L., 2005. P. 343.

не только на «равновесии мощи», но и на политическом соглашении конфликтующих сторон³⁰.

Очевидно, что на основе всей картины современных концепций «холодной войны» нелегко выделить то, что бесспорно объединяет ученых в восприятии «позитивного наследия» биполярного мира. Между тем, предлагаемые сегодня разумные оценки состояния международных отношений дают основания полагать, что *многие качества биполярного мира действительно интегрировались в миропорядок начала XXI века, в известном смысле получили развитие и оказались дополнены новым содержанием*. В целом ясно — многие исследователи сходятся во мнении о том, что особенности современной модели миропорядка (прежде всего, неоспоримая мощь и доминирование США) обусловлены именно тем, как происходила и как завершилась «холодная война». При этом заметное число авторитетных авторов полагает, что сохранение нынешнего положения дел есть среднесрочная перспектива эволюции миропорядка.

В то же время в тех прогностических концепциях, которые обычно называют *геостратегическими сценариями* развития мира, будущее предстает как возможность реализации нескольких альтернатив. Один из потенциальных «сценариев» — постепенное движение от относительно устойчивого, не содержащего угрозы «большой войны», миропорядка, основанного на доминировании США и стран Запада, к нестабильному и конфликтоцентричному миру. Общее конфликтогенное состояние системы международных отношений в этом случае, как считается, будет обусловлено постепенно нарастающим расхождением интересов большинства значимых участников международно-политических взаимодействий — наиболее мощных сегодня, либо быстро развивающихся и усиливающихся, держав.

Прежде чем рассмотреть популярные теоретико-прогностические (скорее даже футурологические) построения, следует сказать, что создание «геостратегических сценариев» как особого вида умозрительных конструкторов в области международных отношений — отнюдь не новость для политико-академического сообщества, особенно американского. В годы «холодной войны» целые институты и исследовательские центры занимались тем, что получило название «стратегические исследования» (strategic studies). Прямое столкновение СССР и США в полномасштабной войне, его причины и возможный ход боевых действий, не говоря уже о потенциальных итогах — все это было в центре внимания разработок такого типа. Например, в начале 1960-х годов получили известность взгляды Германа Кана, который опубликовал несколько работ с подчеркнуто обобщенными названиями — «Размышляя о не-

30. Gray, Colin S. Another Bloody Century. P. 344.

мыслимом», «Метафоры и сценарии» и «О термоядерной войне». Канн, в частности, выступил со «стратегическим анализом» потенциальной термоядерной войны и показал, как, на его взгляд, по 44 «ступеням эскалации» может реализоваться конфликт между США и СССР: от неожиданного обострения отношений до полного использования ядерных арсеналов³¹. «Стратегические исследования», конечно, могли затрагивать и более широкий круг вопросов. Эволюция соотношения мощи в мировом масштабе и прогнозы развития взаимоотношений великих держав, «центров силы» внутри западного мира стали обычным предметом обсуждения с рубежа 1970-х годов, когда не осталось никаких сомнений в том, что «холодная война» не может перерасти в войну «горячую». Прогнозы возможного развития мира на основе складывания нового соотношения сил между Европой, США и Японией на фоне относительной стабилизации по линии «Запад-Восток» высказывались вплоть до крушения СССР и «Восточного блока» на рубеже 1990-х годов. Распад биполярной структуры международных отношений и одновременное провозглашение Америкой необходимости установления «нового мирового порядка» во время кризиса и «войны в Заливе» 1990–1991 годов создали благодатную почву для подъема новой волны предсказаний и прогнозов будущего мироустройства. В политико-академических сообществах западных стран уже в первой половине 1990-х прошли серьезные дискуссии по широкому спектру международных проблем, связанных с формированием контуров пост-биполярного мира. Результатами дискуссий стали десятки концепций возникавшей системной модели международных отношений, сотни политических рекомендаций для лидеров ведущих государств Запада и ... смешанные чувства относительно того, хорошо ли для западного мира долговременное ослабление России. Уже тогда для многих серьезных исследователей было ясно, что наша страна получила в качестве «наследия СССР» не столько новую государственность, сколько руины огромной империи с не поддающимися исчислению внутри- и внешнеполитическими проблемами. От того, каким путем Россия станет их решать, во многом зависело развитие общей ситуации, прежде всего, в Европе.

В этой связи неудивительно, что создание «стратегических прогнозов» мирового развития и оценок потенциального места России в постбиполярном мире стало заметной частью и отечественных исследований по международным отношениям, и российской международно-политической публицистики³². «Стратегические иссле-

31. Kahn, Herman. On Thermonuclear War. Princeton (New Jersey), 1961.

32. Подробнее см.: Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. М., 2005; Общая теория национальной безопасности / Под ред. А. А. Прохожева. М., 2002 (Раз-

дования» оказались не просто модой на формулирование концепций мирового развития. Одной из форм утверждения прогностики в политико-академическом сообществе России стало создание «геостратегических концепций» — выявление векторов возможного развития общемировых процессов, которые могут затронуть положение нашей страны в мире. В отношении российских оценок возможного развития международных отношений в XXI веке даже на основе беглого обзора публикаций последнего десятилетия можно заключить, что стремление создать комплекс масштабных «сценариев» мирового развития в наибольшей степени касается работ, исполненных в ключе «геополитического подхода». С одной стороны, в них много вполне разумных проблемных постановок в том, что касается насущных государственных интересов России, оказавшейся в довольно сложной ситуации после 1991 г. и вынужденной искать пути приспособления к новым реалиям пост-биполярного мироустройства. Например, К. Э. Сорокин писал еще в 1996 г. о том, что общий вектор мирового развития — движение к полицентричности, и многополярность представляет собой «новую геополитическую модель мира»³³. В этих условиях для России оптимальной, здраво полагал автор, может стать «стратегия балансирующей равноудаленности», исключая ориентацию на «какой-то один центр силы (Европу, США, Китай и т. п.)»³⁴.

Несколько иначе обстоят дела с предложениями, которые высказывали авторы, упрощенно понимающие даже не саму геополитику как особую философию, а содержание главных социально-экономических и военно-политических трендов в мире. Например, С. И. Илларионов сформулировал свою точку зрения в виде заочной полемики с работой американского геополитика Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска». Илларионов так же, как и избранный им оппонент, ставил проблему места нашей страны в мире в рамках концепции эволюции «больших пространств» и призывал «аналитиков, государственных и политических деятелей» к осознанию евразийства как «поля борьбы, на котором будет решаться будущее России»³⁵. При этом Россия может сыграть ведущую роль в противодействии становлению долгосрочного и глобального «Рах Americana». Сплав патриотизма с идеями евразийства приводит С. Илларионова к, мягко говоря, преувеличениям. Это, правда, не удивительно, а скорее типично для «геополити-

дела III–V); Соловьев Э. Г. Национальные интересы и основные политические силы современной России. М., 2004.

33. Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996. С. 35, 40–41.

34. Сорокин К. Э. Указ. соч. С. 55–57.

35. Илларионов С. И. Россия и Америка на глобальной шахматной доске. М., 2003. С. 54.

ческого конструирования» моделей общемировых и региональных процессов. По Илларионову, «неоспорим тот факт, что в эпицентре происходящих в мире перемен продолжает стоять Россия» — именно так, а не иначе. При таком допущении естественно, что от поведения России зависит, например, создание «созидательного евразийского сообщества» (в форме развития партнерства России с Европейским союзом)³⁶.

Так же в ключе геополитики и оперирования категориями взаимодействия «больших пространств» выступал А. И. Владимиров (генерал-майор, вице-президент Коллегии военных экспертов РФ). В своих скромных (на 700 страниц) «Тезисах к стратегии России» он предлагает еще более масштабные общие «сценарии» развития мира в XXI веке. Он указывает на опасности ослабления нашей страны и полагает, что единственный выход состоит в реализации «Евразийского проекта» — превращении, при лидирующей роли России, Евразии в «новое, единое и непротиворечивое цивилизационное пространство». Структурная основа организации этого пространства — альянс России, Китая, Индии и Ирана. В этом новом сообществе Россия сможет «контролировать себя, пространство бывшего СССР и славянский мир» (!). Китай, как предполагается, поставит под контроль не что-нибудь, а... «Японию и островные государства бассейна Индийского океана». Индия, в свою очередь, будет контролировать себя и «сдерживать» Китай. К этому удивительному комплексу примкнет Иран, который у А. И. Владимирова почему-то является государством, которое представляет «мировой Ислам». Функция этой страны в грядущем альянсе (в общем контексте «евразийского проекта» это уже представляется чуть ли не поручением): «контролировать себя и арабский мир в Азии». В итоге могучее сочетание держав востока и юга Евразии сделает объединенной Европе (очевидно, уже лишенной контролируемого Россией «славянского» компонента) предложение, от которого та не сможет отказаться: присоединиться к альянсу на основе некоего «нового континентального права» и, вполне естественно, в дальнейшем «контролировать себя и часть Африки»³⁷.

Не менее экстравагантна концепция «пути в будущее» В. В. Ильина, которая выглядит какой-то странноватой геополитической версией «западничества». В. В. Ильин полагает, что оптимальный для России внешнеполитический вектор ведет в эпоху «выстраданного, вынужденного сотрудничества» со странами Запада. Необходимость, по Ильину, очевидна — для принадлежащей к мировому «Северу» России стоит в него плотнее интегрироваться с тем, чтобы противостоять опасным общемировым тенденциям и выжить. «Веление нашего времени — идея консолидации

36. Илларионов С. И. Указ. соч. С. 176, 188, 204.

37. Владимиров А. И. Тезисы к стратегии России. М., 2004. С. 500–502, 506.

Севера против наступления Юга, придающая беспрецедентный импульс сотрудничеству Европы, США, России». Таким образом, выживание и развитие России окажется возможным в рамках «реставрации биполярности в редакции — объединенный белый центр против отсталой цветной периферии»³⁸. Весьма показательна терминология и политические рекомендации В. В. Ильина в рубрике «геостратегия»: «имперостроение» и «исключительное право на контроль бывших фрагментов империи», «реинтеграция» бывшего пространства СССР «под патронажем» России. В отношении мира за пределами СНГ для России необходимо «стремиться к блоку против гегемонии атлантизма» (то есть выступать «на равных» с США и Западной Европой — *Р. С.*) и «демпфировать накат желтой волны, налаживая расовый блок белых (укрепление оси: „Объединенная Европа — США — Россия)“». Ильин рекомендует при этом не останавливаться даже перед использованием нетрадиционных, даже по-своему изощренных и довольно жестких инструментов воздействия на приграничных соперников (Китай прямо не назван, но это очевидно). Это «дестабилизация их внутривнутриполитической обстановки за счет инспирации этнических конфликтов, торговля российским гражданством, сдача в аренду приграничных земель и создание системы военно-хозяйственных поселений (клерухий) с закреплением старообрядческих, казацких, корейских, европейских общин»³⁹.

Заметную часть публикаций с «геополитическим уклоном» отличает излишне резкая, хотя и понятная, неприязнь к американоцентричному миропорядку, к доминированию США и стран Запада. В изобилии встречаются и утверждения о том, что США рассматривают Россию только как источник природных ресурсов для будущего экономики западного мира, стремятся сделать все возможное для долгосрочного ослабления нашей страны и т. п. Более того, некоторые геополитики из среды российских военных (кроме А. И. Владимирова, это, например, полковник В. Л. Петров, вице-президент Академии геополитических проблем) считают, что «системная деградация», дальнейшее ослабление России vis-à-vis США и вовсе может привести к реализации нескольких простейших (даже не претендующих на титул «геостратегических») сценариев конфликта России и Америки. Содержание предлагаемых автором сценариев — кризис, перерастающий в конфликт, в котором могут быть с различными целями применены военно-воздушные силы США⁴⁰. Не исключается и вариант прямой агрессии США против России с применением всех видов вооружений

38. Ильин В. В. Новый миллениум для России: путь в будущее. М., 2001. С. 195.

39. Ильин В. В. Указ. соч. С. 214–215

40. Петров В. Л. Геополитика России. Возрождение или гибель? М., 2003. С. 302–306.

(вплоть до методов ведения геофизической войны — «климатического оружия», по терминологии В. Л. Петрова).⁴¹

Однако, есть целый ряд авторитетных исследователей, которые хоть и весьма остро ставят вопрос о характере возникающего «нового мирового порядка» и о будущем месте / роли России в мире, но все же воздерживаются от предложения читателю только красочных геополитических «страшилок». В этой связи весьма положительно можно отметить точки зрения А. И. Уткина и Н. А. Нарочницкой, хотя согласиться с ними невозможно. Критический анализ состояния современного мира с преобладанием США, которую предлагает А. И. Уткин, привлекает не только широтой обобщений и понятными главными выводами, но и интересной прогностической концепцией складывания в XXI веке многополюсного мира. В этом грядущем миропорядке, как считает ученый, отразится окончание «пятисотлетнего господства Запада». При этом все же на обозримое будущее «осевой линией развития мирового сообщества» будет «противостояние и сотрудничество безусловного лидера — Запада и стремящегося настичь его экономические, научные, силовые показатели остального мира»⁴². По мнению А. И. Уткина, гегемония США не продлится более тридцати лет и уступит место мироустройству на основе взаимодействия «четырех зрелых центров» и двух «протоцентров» мощи и влияния. Первый центр — американская зона влияния. Второй — «увеличенная европейская зона с усиленным арабским элементом». Третью зону сформирует «Китай с приграничными государствами (а, возможно, и с Россией)» и в нее «войдет демографически быстро растущая Средняя Азия». При этом, «увеличивая значимость Южной Азии, в фарватере Китая, возможно, пойдет Индия..», а «Индонезия, Таиланд — все „тигры“ Южной Азии плюс южная Корея — создадут свой феноменальный центр». Далее: «осью четвертой зоны будет своего рода ближневосточный „центр веры“, преимущественно исламской». Пятым протоцентром может стать, с небольшой долей вероятности, группировка латиноамериканских стран во главе с Бразилией. Возможным (но явно еще менее вероятным — *Р. С.*) представляется складывание и еще одного (уже шестого) центра — объединения государств, «создавших свой тип исламской демократии (Иран, Палестина, Ливан, к которым присоединятся сметающие коррумпированные элиты Египет, Саудовская Аравия, Ирак)». Однако этот полюс «может и обрушиться в свете непрекращающегося соперничества ближневосточных государств». «Остальные государства Земли будут так или иначе зависеть от четырех вышеуказанных зон, и смыслом мировой поли-

41. Петров В. Л. Указ. соч. С. 445–446.

42. Уткин А. И. Новый мировой порядок. М., 2006. С. 584.

тики будет переманивание к себе колеблющихся стран»⁴³. Все же признавая относительность правдоподобия любых прогностических конструкций, А. И. Уткин оставляет место и для вариантов эволюции миропорядка, не исключая и чисто конфликтоцентричные. С одной стороны, он полагает, что главные «полюсы-центры» «вовсе не обязательно будут враждовать друг с другом», но с другой стороны — рано или поздно «наступит время и для столкновения цивилизаций, и для бунта бедных против богатых...»⁴⁴

Н. А. Нарочницкая в своей остро полемической работе «Россия и русские в мировой истории» рассматривает содержание миропорядка начала ХХI века и стремится показать противоречивость положения России на фоне не просто доминирования США, а в условиях формирования того, что она называет «англосаксонской „геополитической осью“ современной истории»⁴⁵. Для Н. А. Нарочницкой особенно важно то, что после крушения СССР и превращения его бывших союзников в «ярус мелких и несамостоятельных государств» на западных границах России возникла «пока еще только географическая, но потенциально политическая Mitteleuropa» (Срединная Европа). Ослабление влияния России также ускорило создание «мозаики, в которой все побережья Западной Европы должны быть под контролем Англии»⁴⁶. В целом же, по мнению Н. А. Нарочницкой, уже идет новый передел мира, при котором «передел Евразии», естественно, в наибольшей степени затрагивает интересы России, усиливает масштабность угроз ее существованию (экспансия «мирового ислама» и др.). Более того, уже ощутим масштабный исторический результат совместного действия объективно антироссийских факторов общемирового значения: «соединение многосторонних политических структур, экономических механизмов и мирового казначейства (МВФ) с военной машиной НАТО, ставшей карательным органом, в гигантский механизм, действующий под флагом универсализма и псевдогуманистических идеологем». Катастрофический итог развития этого процесса для Н. А. Нарочницкой очевиден: «Это крах не только Ялты и Потсдама..., это крушение всей русской истории»⁴⁷. Патриотический пафос, нацеленный против политической элиты, управлявшей Россией в 1990-е годы, ведет автора к констатации того, что, по сути дела, выполнена «нескрываемая задача Запада» — «уничтожение российского великодержавия и русской исторической личности во всех ее геополитических и духовных проявлениях»⁴⁸.

43. Уткин А. И. Указ. соч. С. 589–591.

44. Уткин А. И. Новый мировой порядок. С. 593.

45. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005. С. 476.

46. Нарочницкая Н. А. Указ. соч. С. 480.

47. Нарочницкая Н. А. Указ. соч. С. 519–520.

48. Нарочницкая Н. А. Указ. соч. С. 520.

На фоне отечественных болезненно-пессимистичных или резко-реактивных по отношению к общемировым тенденциям концепций существующие сегодня на Западе оценки места и роли России в развитии общемировых процессов особенно интересны. В этой связи любопытно выглядят суждения о возможности поворота международно-политических взаимодействий в сторону складывания контуров «новой „холодной войны“ как коллективной реакции некоторых стран на явное доминирование США в мире. Среди «мега-сценариев» можно отметить концепцию З. Бжезинского (добавим — для него весьма типичную). В симпатиях к России этого автора заподозрить сложно, но тот факт, что работы его весьма популярны в США и теперь уже переведены на русский язык, заставляет уделить ему внимание. Бжезинский, с одной стороны, верно указывает на то, что, вероятно, в период «свыше 30 лет вряд ли кто-либо будет оспаривать статус Америки как первой державы мира». В этой связи он, кстати, в конце 1990-х годов прямо заявлял о «необходимости» доминирования США, ибо «реальной альтернативой американскому лидерству может быть только анархия в международном масштабе»⁴⁹. Предлагаемый Бжезинским сценарий дальнейшего развития содержит такую идею: «полномасштабная, несущая массовые разрушения стратегическая война между Соединенными Штатами и Россией» все еще «теоретически» возможна, хотя и маловероятна». Не исключает Бжезинский возможность и другой «большой войны» — «предположительно через примерно 20 лет, между Соединенными Штатами и Китаем, а также между Китаем и Россией»⁵⁰.

Колин Грэй (правда, довольно осторожно) говорит о том, что сегодня мы имеем дело с «ранней стадией того, что обладает потенциалом для развития в новую „холодную войну“». Возможная основа для противостояния Америке, по Грэю, — сближение КНР и России. Интересно, что еще в конце 2001 года Грэй писал, что России будут нужны союзные отношения с США для «сдерживания Китая в Азии»⁵¹. Более поздние рассуждения и оценки ситуации — совсем иные. «Возможно, уже формируется континентальная ось Россия-Китай, вокруг которой идет собирание важных союзников для того, чтобы создать блок государств и собрать ресурсы (особенно нефтяные), чтобы быть способными бросить вызов нынешней американской гегемонии»⁵². Известный публицист,

49. Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 231–232.

50. Бжезинский, Збигнев. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство? М., 2003. С. 26.

51. Gray, Colin S. World Politics as Usual after September 11: Realism Vindicated. P. 230

52. Gray, Colin S. Another Bloody Century. P. 71–72, 382.

в прошлом — депутат английского парламента и член комитета нижней палаты по иностранным делам, Роберт Харви в свое работе «Глобальный беспорядок. Как избежать четвертой мировой войны» ставит проблему более здраво. По его мнению, налицо «националистическое самоутверждение» современной России и для Запада существует опасность «вновь потерять Россию» в качестве если не союзника, то хотя бы корректного и не создающего крупных проблем партнера. В то же время общее видение России — «зреющая поднимающаяся держава», которая, впрочем, намерена обеспечивать свои внешнеполитические интересы, избегая применения силовых методов (по словам Харви, Россия «будет преследовать свои цели средствами иными, чем насилие, агрессия или колонизация»⁵³).

В целом ясно, что далекие от геополитики исследователи сомневаются в возможности складывания антизападного (или антиамериканского) «треугольника» на основе военно-политического сближения России, КНР и Индии (не говоря уж о формировании прочного и долговременного союза этих трех держав). Гарвардский профессор Джозеф Най в последние годы получил известность в связи с выдвинутой им концепцией «мягкой мощи» США и способов ее применения. В отношении нашей страны Най указывает на то, что современная Россия и без союзников, сама по себе, может представлять потенциальную угрозу для Соединенных Штатов в силу обладания ядерным оружием, огромной территорией и природными ресурсами, а также «образованным населением, квалифицированными учеными и инженерами». Угрозой для США Россию может сделать поворот в сторону установления «националистического репрессивного режима». Впрочем, эта угроза будет не столь значительна, во всяком случае несравнима с той, что представлял Советский Союз четыре десятилетия после Второй Мировой Войны⁵⁴. Потенциальный союз России с Китаем представляется этому авторитетному исследователю весьма маловероятным: только «неуклюжее (но не невозможное) поведение Америки может преодолеть препятствия к сближению и толкнуть Россию и Китай в объятия друг друга»⁵⁵. Еще менее правдоподобным выглядит перспектива того, что значительные ресурсы Индии могут быть «положены на чашу весов в пользу китайско-российского альянса». Дж. Най особо подчеркивает, что современная военная доктрина Индии рассматривает именно КНР в качестве «потенциального противника № 1». Соответственно, Индия скорее может

53. Harvey, Robert. *Global Disorder. How to Avoid a Fourth World War*. L., 2003. P. 135, 143.

54. Nye, Joseph S. Jr. *The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford (UK); N. Y., 2002. P. 26.

55. *Ibidem*. P. 25.

стать частью группы азиатских государств, которые будут стремиться «уравновесить мощь» КНР⁵⁶. В целом же Джозеф Най считает, что Россия — в союзе с КНР, Индией или самостоятельно — может выбирать между сотрудничеством или «созданием проблем» для США, но в любом случае она не сможет «бросить глобальный вызов» Соединенным Штатам⁵⁷. Другие американские исследователи полагают, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе существует «неполная гегемония» США и задача для Америки — не допустить складывания «новой биполярности» в этой части планеты за счет противостояния с Китаем. Автор такой концепции Майкл Мастандуно полагает, что развитие событий в таком ключе может привести и к возникновению многополярной структуры взаимодействия государств в Азии: в случае «относительного ослабления США и становления Японии, Китая, Индии и, вероятно, России и Индонезии как примерно эквивалентных держав»⁵⁸. Сходная точка зрения сегодня и у К. Уолтца: движение от «униполярности к многополярности уже происходит — но не в Европе, а в Азии», где Китай и Япония возвышаются до уровня великих держав⁵⁹.

* * *

Множество мнений, высказанных авторитетными учеными, и обилие «геостратегических сценариев» не исключают возможности оценить современный мир и без излишнего геополитического трагизма, и без конструирования умозрительных и неоправданно жестких схем мирового развития. Более того, именно на фоне различных геополитических химер и иных прогностических концепций можно поставить несколько важных научно-политических проблем. Разумно, на наш взгляд, вести речь только об особенностях структурной композиции пост-биполярного миропорядка и о критериях устойчивости (стабильности) этой модели системы международных отношений. Обращение к анализу в ключе «неоклассического реализма» (автор не скрывает своих симпатий именно к этой направлению в теории международных отношений) позволяет предложить некоторые гипотезы. Исходная отправная точка нашего видения проблемы — убеждение в том, что новая («пост-биполярная» или определяемая как «порядок нового века», в данном случае все равно) системная модель сложилась и развивается на основе определившейся к середине 1990-х годов структуры. Отсутствие единства мнений среди ученых относительно приемлемого для большинства названия этой моде-

56. Ibidem. P. 29.

57. Ibidem. P. 28.

58. Mastanduno, Michael. *Incomplete Hegemony and Security Order in Asia-Pacific // America Unrivaled. The Future of the Balance of Power* / Ed. by G. John Ikenberry. Ithaca; L., 2002. P. 208.

59. Waltz, Kenneth. *Structural Realism After the Cold War*. P. 56

ли отражает не столько сложность новой конструкции, сколько ее *непохожесть* на все предшествовавшие. В этом смысле вполне можно согласиться с А. В. Торкуновым в том, что «современный мир вступает в такой этап своего развития, когда существующие понятия и модели оказываются не способными описать и объяснить возникающую реальность»⁶⁰. Совершенно иное звучание сегодня имеет проблема применимости принципа выделения неких «полюсов» внутри системы. В целом подход с использованием терминов «полюс» и «центр мощи / силы» по-прежнему представляется вполне разумным, однако, применение «полярного» подхода к определению структуры новой системы вовсе не обязательно как единственно верное и исчерпывающее. Этот подход отбрасывать не стоит, но ясно, что он может быть дополнен и развит с помощью обновления трактовки довольно известных, но далеко не устаревших терминов и проблемных постановок. Прежде всего, это касается концепции совокупной мощи государств и их объединений, а также связанные с уровнем достигнутой мощи возможности по исполнению важнейших функций. Широко понимаемая как комплекс всех возможностей государства (и не тождественная понятию «сила») мощь государства — первооснова его поведения в мире. Стремление к накоплению мощи и ее использование в своих интересах — имманентно присущее государствам качество. Совокупная мощь объединений государств и вопросы ее использования — более сложный круг проблем. Однако, и в этом случае очевидно, что совокупная мощь определяет не только тип поведения государств-членов объединения, но и общие для них возможности реализации партикулярных и общих (как группировки) интересов в отношениях со всеми иными элементами системы международных отношений. Колебания уровня накопленной мощи составляющих систему самостоятельных (не статичных) элементов создают внутри системы главный источник энергии для ее саморазвития, для смены системных моделей. Для простоты изложения сути такого подхода можно сказать, что общая внутрисистемная энергия определяется соотношением объемов мощи составляющих систему элементов, их групп (подсистем). В каждой из известных истории моделей системы международных отношений основа этого *потенциала внутрисистемной энергии* складывалась из соотношения мощи сильнейших держав.

В этой связи особенно интересно посмотреть на современный миропорядок — на его становление, текущее состояние и возможную трансформацию путем сравнения с судьбой предшествовавших системных моделей. Колебания форм и масштабов противостояния блоков, «полюсов» имели место во всех известных системных мо-

60. Торкунов, А. В. От «холодной войны к «коалиции победы». Новая философия внешней политики России // Космополис. № 4 (10). Зима 2004 / 2005. С. 11.

делях. Хронологически — от Вестфальских мирных договоров осени 1648 г. до распада СССР. Все системные модели пережили этап обретения известной прочности и устойчивости — за счет достижения на какой-то период примерного равенства мощи основных элементов — великих держав и их групп, в какой бы конфигурации не складывались их коалиции *ad hoc* или долгосрочные военно-политические объединения. При этом на этапе стабильности почти всегда существовало стремление сильнейших к поддержанию «равновесия мощи» между ними. Пик стабильного существования системы соответствовал не только примерно равновеликой мощи сильнейших государств (или их группировок), но и *минимуму амплитуды колебаний* вокруг этого «среднего значения». Объективное стремление сильнейших поддерживать равновесие способствовало тому, что подавлялись, регулировались или ставились под контроль значимые конфликты, способные если не сломать сложившийся порядок, но даже потенциально и частично расшатать его, нарушив более или менее устойчивое равновесие. В фазе устойчивого развития (стабилизации) каждая системная модель демонстрировала высокую способность обеспечить относительно мирное разрешение межгосударственных споров. Именно споров, не перераставших в масштабные конфликты с применением военной силы и с прямым вовлечением сильнейших держав. В то же время усиление внутренних флуктуаций в системе могли вести к нарушению «равновесия мощи» и, соответственно, к предпосылкам для больших и малых войн. Это всегда имело место тогда, когда вполне очевидны были по меньшей мере два взаимосвязанных важных условия: серьезные противоречия именно между сильнейшими в мире великими державами и стремление одной из группировок нарушить равновесие с целью разрешить противоречия силовым путем. Некоторые великие державы могли целенаправленно использовать имеющиеся «конфликтные узлы» или даже создавать внутрисистемные флуктуации для изменения отношений порядка, нарушения равновесия и дальнейшего переустройства системной иерархии в свою пользу, с целью наилучшего обеспечения своих интересов. Так было перед обеими мировыми войнами. В обоих случаях возглавлявшиеся Германией блоки трех великих держав «бросали вызов» не просто остальным великим державам, но и вообще всем отношениям «упорядоченного равновесия». Противники устойчивого миропорядка, основанного на относительном «равновесии мощи», инициировали международно-политические кризисы и ожидали побед в войнах.

Иное дело — мир в первое десятилетие XXI века. Современная ситуация показывает, что внутри системной модели может и вовсе не быть сформировавшихся и противоборствующих «полюсов» с противоположным (по определению) «зарядом». Может не быть и жестко очерченного разделения мира на противостоящие блоки.

Однако, при этом сама модель системы международных отношений вполне может демонстрировать известную степень устойчивости. Как это возможно и достижимо?

Устойчивость в системе не означает полного равновесия между группами элементов в распределении мощи. Устойчивость структуры и, соответственно, самой системной модели не обязательно оценивать только через отношения равновесия, которые могут возникать как результат прямого противоборства «полюсов», «центров силы», их «балансирования» относительно друг друга. Главный вопрос в подходе к проблеме устойчивости состоит в выборе основного критерия оценки. На наш взгляд, *содержание современной модели международных отношений можно определить как ОЛИГОПОЛИЮ в сфере исполнения основных системных функций. При этом главный критерий устойчивости системы при таком подходе — очевидное на обозримое будущее отсутствие перспектив «большой войны», содержанием которой может стать прямое силовое противоборство двух и более великих держав.*

ОЛИГОПОЛИЯ не равнозначна «олигархии» или «полиархии». «Олигархию» можно понимать как «власть немногих». «Полиархия» обычно понимается как параллельное и взаимозависимое существование нескольких «центров управления», которые осуществляют «почти власть», то есть демонстрируют исключительно высокую степень контроля над миром в целом, над отдельными регионами и общемировыми процессами. В этом случае биполярная системная модель — либо «минималистическая полиархия» с двумя главными управляющими субъектами, либо, если термины греческого происхождения дополнить еще и латинизмом, — долгосрочный «дуумвират» США и СССР. В приложении к современному миру не «олигархия», а именно «олигополия» представляется более приемлемым термином. Ясно, что в системе международных отношений никакой верховной власти — принадлежащей одной державе, немногим государствам или эквивалентной международной структуре в условиях формального «равенства суверенитетов» государств нет и быть не может. Нет и перспективы создания «мирового правительства», способного осуществлять централизованное управление миром, эту самую «власть». «Олигополия» в этом смысле не только далека от «олигархии», но и вообще не подразумевает осуществления «власти» как таковой. Современную *олигополию следует понимать как объективно существующее доминирование небольшой группы наиболее развитых и мощных государств (преимущественно Запада) над остальным миром в форме обретения и удержания особых возможностей и своего рода «полномочий» по осуществлению главных системных функций.*

П. Виотти и М. Кауппи в известной работе по теории международных отношений дают интерпретацию олигополии как существования «рынка, в котором несколько фирм контролируют

производство (или распределение) некоторых товаров и услуг)⁶¹. Р. Гилпин⁶² также предлагал экономическое толкование термина „олигополия“ как «несовершенного рынка», в котором немногие наиболее мощные субъекты оказывают решающее воздействие на исход рыночной конкуренции и их существование делает возможным получение сверхприбылей. Хотя Гилпин не переносит это определение на всю систему международных отношений, его толкование вполне уместно в рассматриваемом контексте⁶³. К. Уолтц в ставшей классикой «Теории международной политики» использовал термин «олигополия» применительно и к состоянию секторов рыночной экономики, и к системе международных отношений. Для него олигополия означала установление несколькими субъектами политики высокой степени воздействия или контроля над общемировым положением дел (СССР и США он называл «дуополистами» биполярного мира). В то же время Уолтц замечал, что «рыночное» толкование олигополии означает отнюдь не только доминирование немногих мощных субъектов. Олигополия означает то, что степень воздействия этих субъектов на рынок и рынка на них самих — не является строго детерминированной⁶⁴. Хелен Милнер, комментируя и продолжая мысли Уолтца, говорит о том, что в условиях олигополии результаты взаимодействий субъектов не только не являются строго определенными, но и вообще нестабильны. Проявление этих результатов можно ожидать между крайними точками спектра: предсказаниями поведения многочисленных и примерно равных по силе участников в рамках «совершенной» модели рыночных отношений и итогами существования монополии, доминирующей на рынке⁶⁵. При этом преобладание следует понимать не абстрактно и обобщенно («в мире», «в мировых делах»), а весьма конкретно: *преимущественно в сфере исполнения основных системных функций в сфере международных / межгосударственных отношений. Под главными функциями мы понимаем сохранение системы как целостности и ее относительно безопасное саморазвитие* именно в этом качестве, то есть как *цельности-системы*. Как считают некоторые специалисты по теории систем, среди ключевых условий, определяющих само существование какой-либо системы, можно выделить — даже в качестве дефи-

61. Viotti, Paul R., Kauppi, Mark V. International Relations Theory. Realism, Pluralism, Globalism and Beyond. Boston; L.; Toronto, 1999. P. 489.

62. Наиболее известные работы Роберта Гилпина: «Война и перемены в мировой политике», «Политическая экономия международных отношений».

63. Gilpin, Robert. The Political Economy of International Relations. Princeton (N. J.), 1987. P. 215–216.

64. Waltz, Kenneth N. Theory of International Politics. P. 54.

65. Milner, Helen. Anarchy in International Relations Theory // Neorealism and Neoliberalism. The Contemporary Debate / Ed. by David A. Baldwin. N. Y., 1993, P. 167.

ниционного критерия — «кооперативное управление хотя бы одним общим ресурсом». «Ресурс этот — как средство поддержания единства некоторой общности — либо непосредственно является источником жизнеобеспечения ее, либо опосредованно, определяя только условия существования»⁶⁶. В отношении системы международных отношений проблему ресурса мы поставим так: ее общий ресурс — в самом первом приближении — есть относительная безопасность основных элементов и сохранение их возможностей для развития. Основными элементами в данном контексте следует считать суверенные государства и межгосударственные структуры, ими созданные. При этом не будет излишним цинизмом заметить, что императивным общесистемным интересом выступает обеспечение безопасности и возможностей развития отнюдь не *всех государств, а именно основных, ключевых элементов — то есть прежде всего тех, которые изначально участвуют в создании данной модели системы и заинтересованы в ее долгосрочном существовании в нужном им виде*. По этому поводу К. Уолтц сухо заметил: «Управляют системой те же главные субъекты, которые ее конституируют»⁶⁷. В этом смысле очевидно, что принципиальные, изначальные творцы и менеджеры современной олигополистической системы — как раз члены группировки США–Европа–Япония. Именно для этой группировки в современном мире открыты более широкие — в сравнении с предшествовавшим биполярным миропорядком — возможности для поддержания долговременной собственной безопасности и условий для развития.

Относительно мирное складывание этой олигополистической системной модели было обусловлено тем, что биполярный мир как ушел в небытие совсем не так, как предшествовавшие структурные конструкции — без череды «больших войн» между великими державами и без войны мирового масштаба. Биполярный мир разрушился вследствие резкого ослабления и политического распада одной из несущих конструкций этой системной модели — Советского Союза и довольно рыхлого к концу 1980-х военно-политического объединения, так называемого «Восточного блока». В то же время не только не ослабел, но и усилился Запад — уже в силу самого исчезновения того, что могло рассматриваться как главная угроза его безопасности и поступательному развитию. Таким образом, международные отношения как система объективно получили в качестве результата распада биполярной структуры уже готовую *предварительную конфигурацию олигополии* как доминирования наиболее развитых государств Запада и Японии, которые освободились от тяжелого бремени долгосрочного противо-

66. Моросанов И. В. Первый и второй законы теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1992–1994. М., 1996. С. 104.

67. Waltz, K. Theory of International Politics. P. 199.

борства с альтернативной социально-экономической и политической системой. Союзные отношения внутри Запада, сложившиеся за полвека существования биполярного мироустройства, в связи с исчезновением СССР, претерпели изменения, но не настолько сильные, чтобы привести к замене одной формы противоборства другой в планетарном масштабе. Крах СССР не вызвал никакого эффекта «разбегающихся галактик» внутри «евроамериканской цивилизации». Соперничество между Европой и США, между США и Японией, между Японией и Европой уже давно имело место. С конца 1970-х годов было принято говорить о существовании по меньшей мере трех «центров силы» Запада даже в рамках биполярности. Дальнейшее объективное усиление США в силу их совокупной мощи, аккумулированной за годы относительно бескризисного развития в 1980-е и 1990-е годы, превратили эту страну в «лидера среди лидеров», но вовсе не создало непроходимый барьер для продолжения военно-политического сотрудничества в рамках «евроамериканской цивилизации» при сохранении доминирования США. Скорее можно говорить о том, что в пост-биполярном мире более четко проявилось динамическое единство сотрудничества и соперничества внутри группы наиболее развитых стран Запада и Японии. Сотрудничество США, Европы и Японии в области обеспечения безопасности именно как относительно единой группировки стран со сходными интересами в пост-биполярном мире приняло новые формы. Несмотря на некоторое изменение своей роли, НАТО как основная военно-политическая структура «евроамериканской цивилизации» отнюдь не готовится к распаду, а расширяется. В этой связи необходимо подчеркнуть — дело не только в расширении НАТО и в изменениях масштабов и содержания задач этого союза в будущем. Главное в том, что определилось принципиальное отличие современного мира от всех предшествующих моделей миропорядка: *достигнуто принципиальное и, вероятно, среднесрочное, на перспективу в 15–20 лет, «стратегическое единство» среди большинства в «клубе великих держав»*. Это означает, что США, три великие державы Европы — Германия, Великобритания и Франция, близкая к ним по статусу Италия, а также Канада и Япония в главных сферах международно-политического взаимодействия выступают как *относительно единая группировка*. Государственные интересы участников этой группировки отнюдь не идентичны, но в глобальном масштабе они близки настолько, что это позволяет говорить о том, что именно это единство создает основу для олигополии как формы организации современного миропорядка. Эту группировку не стоит считать неким прочно спаянным международно-политическим «полюсом» в традиционном понимании этого слова, однако известными чертами «центра мощи» и «центра притяжения» иных государств она, безусловно, обладает. Внутренние различия между участни-

ками группы-доминанта не создают резкой и усиливающийся военно-политической конфликтности и не выступают системоразрушающим фактором. Очевидно, что на обозримую перспективу *нет причин для нарастания и обострения таких фундаментальных противоречий между основными великими державами Запада и Японией, которые требовали бы только силового разрешения*. Если эту схему максимально упростить, то главное состоит в том, что возможность войны между Великобританией, Францией, Германией, США, Италией и Японией в начале XXI века полностью исключена. В этом же контексте стоит сказать и о не менее важной характеристике современного мира. В начале XXI века *исключена возможность войны между этой группировкой и любой иной великой державой или их потенциальным объединением*. В обоих случаях война разумеется не как локальный, краткосрочный конфликт из-за противоречия вторичных интересов, а открытое, полномасштабное силовое противостояние в традиционном смысле — с объявлением войны и иными международно-правовыми последствиями, с использованием всего объема ресурсов государства и общества. Такая война теоретически может возникнуть только в силу внесистемных или случайных причин. Очевидно, что сегодня вероятность даже такого развития событий близка к нулю. Вряд ли можно представить, что между современными великими державами может начаться война, которая сразу же способна обрести мировой масштаб и в ней главными вопросами могут стать суверенитет, сохранение государства и, в случае победы одной из сторон, полное подчинение побежденных воле победителей. Более того, общее состояние развития отношений между сплоченной группировкой США-Европа-Япония и иными великими державами показывает, что разными способами и с различной степенью успеха, *во все современные великие державы обеспечивают свои основные интересы без прямого силового противостояния друг с другом*.

Однако, именно единство принципиальных интересов — необходимость обеспечения безопасности именно как «коллектива» — создает основу для поддержания олигополии как наиболее выгодного для группы самых мощных государств способа выживания и развития. Непременным условием для олигополии выступает сохранение разрыва между группировкой наиболее сильных и потенциально любой иной группировкой (об отдельной великой державе, способной оспорить доминирование «евроамериканской цивилизации», речи пока нет). Иными словами, еще одна грань содержания олигополии как миропорядка — целенаправленное, со стороны группировки-доминанта, исключение складывания *равновеликости* мощи между группой лидеров и любой иной силой. *Предотвращение создания ситуации равновеликости мощи* между группировками государств задает вектор общего поведения группы

США-Европа-Япония. Это создает известный барьер для развития жесткой «полярности» в международных отношениях и обострения соперничества между потенциально равновеликими силами. Примерно равновеликая мощь, как известно, создала фундамент для начала противоборства СССР и США сразу после Второй мировой войны. По мере развития событий сохранение этого примерно равного уровня мощи в рамках биполярного мира стало и одной из важнейших мотиваций поведения обеих сверхдержав в мировых делах. Равенство мощи обеспечило условия для длительного доминирования США и СССР в глобальном масштабе. Доминирование это оказалось, по сути дела, весьма выгодным для обеих стран. Это был один из важнейших уроков длительного существования биполярной структурной модели международных отношений. Сохранение примерной равновеликости мощи между «дуополистами» сосуществовало еще с одним важным качеством биполярного мира. Это *постоянный и значительный разрыв* между уровнем мощи США и СССР и уровнем, которого могли достичь любые иные силы в мире. Данный аспект — важная часть содержания периода «холодной войны». В известном смысле его можно считать «позитивным наследием» биполярности, в новом виде присутствующем в современном миропорядке.

На наш взгляд, не стоит просто утверждать, что доминирование «евроамериканской цивилизации» и Японии как наиболее мощной группировки стран тождественно ее противостоянию с остальным миром. Скорее можно говорить о том, что эта группировка ОТГРАНИЧЕНА, отделена от остального мира, прежде всего, в силу разрыва в уровнях совокупной мощи. Отграниченное состояние группировки-доминанта от остального мира сегодня не таит в себе опасности «большой войны». Такое положение дел не стоит сравнивать с известным в истории международных отношений межблоковым противостоянием. В таком контексте мы полагаем, правы те исследователи, которые ставят проблеме сосуществования «Запада» и «не-Запада» (всего остального мира) не в ключе геополитического противоборства «больших пространств», а развивают концепцию понимания современных международных отношений как состояние «равноположенности развития»⁶⁸.

Впрочем, такое разделение в мире стоит особо выделить для теоретических оценок. Группировку США-Европа-Япония можно считать *ядром системы* в ее нынешнем состоянии. До рубежа 1990-х годов сложносоставным ядром системы международных отношений была конфликтная пара СССР-США, «Восток-За-

68. Прежде всего, укажем на точку зрения А. Д. Богатурова. См.: Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 140.

пад». Она обрела качества ядра на завершающем этапе Второй Мировой Войны и, по мере укрепления в своем функциональном назначении — то есть как структурной основы системы и катализатора важнейших процессов, — задала ключевые параметры системной модели, получившей название биполярной. Современная группировка «олигополистов» — в своем роде «законный наследник» старого ядра системы. Точнее говоря — это заметно усилившаяся «половинка» старого ядра. Она обладает многими новыми количественными и качественными чертами, но объективно сохраняет главное — способность осуществлять основные системные функции, при этом осуществляет их прежде всего в интересах государств, сформировавших это обновленное ядро. При этом качества этих государств как наиболее развитых и мощных дают группировке в целом возможности влияния в региональном и континентальном масштабах по всему миру.

Подчеркнем еще раз главное. Интересам группировки сильнейших (США-Европа-Япония) в наибольшей степени соответствует именно поддержание олигополии, а не складывание «новой биполярности» или полицентричности мира. Обе эти альтернативные версии — любой вид «полярности» или полицентричности — предполагают заметно более высокий уровень противоречий, конфликтности, сокращают для группы лидеров возможности установления отношений контроля над регионами, группами государств и отдельными странами. Этот аспект коллективных интересов группировки-доминанта особенно очевиден, если речь идет о потенциальном формировании противостоящих «евроамериканской цивилизации» центров мощи и влияния, появления тенденции к «притяжению» какого-то количества государств к одному или нескольким региональным лидерам. Естественно, более полицентричная структурная организация миропорядка (вместо сегодняшней функционально эффективной олигополии) неизбежно и объективно потребует от группировки-доминанта значительно больших усилий (равно как и прямых расходов) на поддержание наиболее благоприятных внешних условий для своего существования и развития. Если сильнейшие державы сегодня заинтересованы в сохранении уже определившейся структурной модели, то они заинтересованы и в установлении каких-то рамок, очерчивающих возможное поле конфликтных внутрисистемных флуктуаций, прежде всего таких, которые могут придать системе в целом неравновесное состояние и привести к преобладанию системоразрушающих факторов над действием факторов системосохраняющих. Установление рамок конфликтности в мире может предполагать целенаправленные действия этой группировки (как ядра и управляющей подсистемы) в отношении всего остального мира. В этом смысле даже инициация конфликта — создание ситуации, частично даже искусственной, которая бы давала возможность осуществить функцию

общесистемного регулирования, оказывается допустима. Вторжение введомой Америкой коалиции в Ирак и затяжной конфликт в этой стране (вне зависимости от того, как мы это назовем — оккупация, война, силовое насаждение демократии или что-то еще) — наиболее очевидный пример.

В целом можно говорить и о том, что в условиях олигополии лидирующая группировка находится в долгосрочно благоприятном положении. Конечно, существует множество угроз, реально или потенциально исходящих из внешних по отношению к лидирующей группе (подсистеме) источников. Однако, эти угрозы, несмотря на растущее их количество, все же в том или ином виде поддаются противодействию. Следует также заметить, что особенность всего комплекса этих реальных и требующих внимания угроз и негативных для группы лидеров тенденций состоит в том, что они по большей части лежат за пределами военно-политической сферы. В области военной мощи и возможностей ее проекции на весь мир США и их союзники занимают по-прежнему особое положение. Совокупная военная мощь группы лидеров обеспечивает весьма высокий уровень их безопасности и в силу этого — широкие возможности для реализации государственных интересов на других уровнях и функциональных направлениях. Все иные, невоенные угрозы ни по отдельности, ни совокупно не создают пока «мега-угрозу» для группировки-доминанта, и не закрывают возможности для дальнейшего развития стран-участниц. Высокоразвитые военные компоненты мощи, которыми располагает эта группировка, как считается, еще в течение довольно долгого времени позволят поддерживать достаточный уровень обеспечения безопасности стран-участниц.

К тому же в «остальном мире», за пределами группировки США-Европа-Япония, нет ни причин, ни предпосылок для складывания сравнимого потенциала совокупной мощи при любой конфигурации объединения государств. Соответственно, нет и тенденции к формированию объединенной в военно-политическом отношении силы (или комплекса сил), которая могла бы «бросить вызов» существующему миропорядку (олигополии), оспорить его принципы, имея при этом возможность силового противоборства с признанными лидерами.

В таком контексте весьма уместно определить отношение к довольно популярным «геополитическим гаданиям» относительно возможностей формирования в обозримом будущем именно такой силы на «новом Востоке». Силы, способной не только создать соизмеримым с Западом потенциал мощи, но и с понятными, открыто заявленными целями выступить главным соперником группировки-доминанта, то есть объективно стать новым «противовесом» США в мировом масштабе. Речь идет, прежде всего, о позициях, которые в условиях сложившейся олигополии занимают те три ве-

ликих державы, которые не принадлежат к лидирующей группе. Кроме США, Великобритании, Франции, Германии, Японии великие державы современного мира — это КНР, Индия и Россия. Фактор географической близости трех держав в рамках громадного континента создает для многих адептов геополитики ложную основу для рассуждений о возможном и необходимом, чуть ли не естественном и даже неизбежном процессе военно-политического сближения держав «восточной тройки». Время от времени мелькающие в публицистике прожекты построения «региональных мостов» между этими тремя мощными государствами или создания на основе их сближения каких-то особых «континентальных странств» — своего рода «маниловщина» в международно-политическом смысле.

На наш взгляд, пока нет никаких перспектив складывания некоего «евразийского» военно-политического «полюса-гиганта» в лице России, КНР и Индии как некоего противовеса доминированию США и стран Запада. Такое положение дел обусловлено несколькими важными и, на наш взгляд, очевидными причинами. Три великие державы Востока — Россия, КНР и Индия — фундаментально отличаются от участников группировки лидирующих в современном миропорядке государств. Во-первых, между ними не существует основы для формирования долговременного союза, сравнимого по содержанию и прочности с объединительным конструкциям «евроамериканской» цивилизации. Причины понятны. Существуют огромные различия между этими тремя странами (социально-экономические, политические, историко-культурные и иные). Не вдаваясь в подробности, назовем их цивилизационными. С. И. Лунев и Г. К. Широков особо отмечают несовпадение «векторов цивилизационного развития» этих трех стран и наличие серьезных объективных ограничителей для выхода отношений России с Китаем и Индией за рамки партнерских⁶⁹.

В этой связи можно только подчеркнуть, что существенные различия России, Китая и Индии непреодолимы в том смысле, что никакой перспективы конвергенции трех держав в нечто подобное западноевропейскому, расширяющемуся цивилизационному ареалу, нет и быть не может. Нет, следовательно, и перспективы объединения в плотный общий круг главных интересов в том, что касается отношений с остальным миром. Набор объективно сходных (даже не общих) целей в этой сфере относительно невелик. Можно указать, например, на понятные цели укрепления безопасности в Азии. Безопасность, как известно, можно и нужно обеспечивать за счет установления де-юре и де-факто мирных (или низкоконтликтных), нормальных, по возможности партнерских отношений

69. Лунев С. И., Широков Г. К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М., 2001. С. 235–282.

между этими тремя державами, учитывая тот факт, что они являются «континентальными соседями». Именно такой тип взаимодействия в сфере безопасности наблюдается в отношениях Россия-КНР и Россия-Индия. Отношения КНР-Индия значительно более сложные, ибо на их состояние влияет обеспокоенность, прежде всего, Индии, расширением влияния КНР в регионе Южной Азии и на Дальнем Востоке, совершенствованием китайских ядерных сил, ВМФ и т. п. В рамках «треугольника» Россия- КНР- Индия очевидна известная степень общности интересов в разрешении некоторых важных общемировых проблем — например, в области борьбы с международным терроризмом. Вполне разумным выглядит расширение двухстороннего экономического взаимодействия между великими державами «нового Востока». В эту же рубрику можно отнести и необходимость урегулирования проблем с бесконтрольной миграцией и известными экономическими коллизиями в приграничных районах (например, в отношениях России и КНР). Список значительных сфер совместимых интересов этим не ограничивается и сотрудничество имеет тенденцию к развитию. Однако, если даже оставить в стороне наличие множества конфликтных точек в двусторонних отношениях в рамках «восточной тройки» (в отношениях Россия-КНР или КНР-Индия), то все равно ясно, что различий в подходах трех государств ко многим иным международным проблемам более, чем достаточно.

В рассматриваемом контексте весьма важно и то, что у всех трех держав заметно отличается видение содержания и перспектив развития отношений с лидирующей западной группой и Японией. Тенденции к созданию какой-то единой платформы для совместного выстраивания отношений в обновленном формате «державы Запада — державы Востока» у России, КНР и Индии не прослеживаются. Отношения между тремя великими державами Востока скорее можно назвать корректным и разумным сотрудничеством. В этом сотрудничестве, однако, явно преобладает стремление всех трех стран обеспечить, прежде всего, собственные государственные интересы, а не реализовать абстрактные идеи о региональном или континентальном единстве, хотя публицистической риторики на счет необходимости такого сплочения сегодня в избытке.

Надо отдать должное усилиям внешней политики современной России — отношения и с Китаем, и с Индией в начале XXI века вполне можно назвать именно корректными и разумно сформированными. Ключевыми пунктами в этой сфере можно назвать разрешение длительного территориального спора между Россией и КНР и сохранение основных линий партнерства с Индией, доставшихся России в наследство от СССР (в основном в военнотехнической сфере, в которой действует Программа сотрудничества до 2010 года). Такой формат отношений, подчеркнем, вполне уместен сегодня и выглядит взаимовыгодным для всех трех дер-

жав. Однако, это не создает никаких оснований для быстрого перерастания этих отношений в более прочные связи в сфере долговременного военно-политического сотрудничества. Организация Шанхайской группы по обеспечению безопасности и сотрудничества военно-политическим союзом не является. Разговоры о возможности ее превращения в такой союз и даже обретения качеств, сравнимых с НАТО, или, того больше, становления как некой «восточной альтернативы» Североатлантическому союзу являются, на наш взгляд, типичным плодом вращения фантазмагорий в сфере политической публицистики. Полезность создания Шанхайской группы и ее расширение за счет новых государств не вызывает сомнений. Однако, более, чем сомнительными представляются перспективы принятия ее участниками на себя *серьезных и взаимных военно-политических обязательств* на случай «большой войны», сравнимых с «трансатлантическим цементом». А ведь именно такие обязательства составляют стержень существования НАТО, что и зафиксировано в Статье 5 Вашингтонского договора о создании этого союза (апрель 1949 г.)

В отношении перспектив и границ возможного сотрудничества «восточной тройки» (Россия-КНР-Индия) необходимо еще раз подчеркнуть основное. Проблема даже не столько в «цивилизационных различиях» как таковых. Эти различия детерминируют отсутствие не просто общих насущных военно-политических интересов в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В отношениях России, Китая и Индии не очевидна даже такая степень схождения краткосрочных (текущих) интересов, которая диктовала бы необходимость даже временного военно-политического сближения коалиционного типа. На глобальном уровне, а, точнее, на уровне отношений с другими великими державами, вопрос о возможности или невозможности формирования когда-либо объединения «восточной тройки» выглядит довольно просто. Мотивом военно-политического объединения может быть наличие общей для всех трех держав непосредственной, надвигающейся *угрозы* или же единое для них видение и осознание более отдаленной, но *потенциальной опасности для их принципиальных интересов*. С. И. Лунев и Г. К. Широков верно отмечают, что КНР и Индия в начале 1990-х годов «негативно восприняли перспективу создания однополярного мира», гегемонии США. Неприятие такой перспективы сегодня объединяет позицию этих стран с российской⁷⁰. Более того, для КНР Соединенные Штаты являются главным соперником в стратегическом плане и в этом контексте Россия выступает для Китая весьма ценным партнером. Однако очевидно и другое: ни США, ни любое другое государство из лидирующей группы, ни вся евроамериканская группировка плюс Япония как цель-

70. Там же. С. 249, 267.

ность — не имеют возможности прямо угрожать принципиальным основам государственного и общественного устройства любой из держав «восточной тройки», не говоря уже об использовании военной силы (или угрозы ее применения) для достижения своих целей в отношениях с ними (риторические выпады в этом ключе не в счет). Россия, КНР и Индия сегодня не стоят перед лицом общей для всех трех государств опасности такого рода. Соответственно, нет и мотивации объединяться для того, чтобы избежать «нежелательного будущего». Также весьма маловероятно появление для КНР, России и Индии общей угрозы или видимой на среднесрочном (15–20 лет) горизонте потенциальной опасности такого масштаба. Общие по содержанию угрозы существуют, но *нет такой «мега-угрозы», которая бы оказалась равнозначно серьезной для всех трех государств и путь военно-политического объединения перед ее лицом оказался единственно возможным*.

Стоит добавить, что лидирующая группа (и особенно США) объективно заинтересована в развитии отношений с державами «восточной тройки» в формате «регулируемой конфликтности», в целом не выходящей за рамки традиционного несилового межгосударственного соперничества в мировых делах. Это не исключает возможности вполне эффективного сотрудничества в каких-то важных сферах. Примерами могут служить, например, сотрудничество с участием России в обеспечении энергобезопасности Европы или же быстро сложившееся в 2002–2006 годах взаимодействие между США и Индией в области ядерных технологий или, напротив, сотрудничества скорее показного («партнерство Россия–НАТО»). Это также не исключает из отношений группировки-доминанта с государствами «восточной тройки» заметных трений по широкому кругу вопросов как в двухсторонних отношениях, так и на уровне многосторонних международных взаимодействий. Такое положение дел несет в себе еще одну важную черту: *отношения участников группировки-лидера с великими державами Востока есть комплекс, в которых двухсторонние связи преобладают*. Иными словами, понятие «восточная тройка» (КНР-Индия-Россия) в рамках общей стратегии группировки США-Европа-Япония так же условно, как и для автора этих строк. Совершенно очевидно и понятно, что Россия, КНР и Индия на Западе сегодня не воспринимаются как действительно сплоченная общность. Отношения Запада и Японии с этими тремя державами строятся именно на основе их различий, а не потенциального сходства интересов КНР, России и Индии, не говоря уже о гипотетическом союзе этих трех стран. В отношении рассмотрения возможностей формирования такого союза и выбора стратегии поведения Запада по отношению к нему весьма метко и не без иронии высказался

Джон Айкенберри: «Головоломка состоит в том, чтобы объяснить поведение собаки, которая еще не залаяла»⁷¹.

Вполне уместно поставить и вопрос об отношении трех великих держав Востока к миропорядку в форме олигополии. Здесь важно указать на фундаментальное отличие подхода держав «восточной тройки» к обеспечению своих интересов в сравнении с державами доминирующей группы. Дело в том, что державы Запада и Япония ведут себя именно как группировка, в основе поведения которой лежит осознание необходимости и выгоды сплоченности в отношениях с остальным миром и совместного противодействия неблагоприятным общемировым тенденциям. Конфликты внутри группировки имеют право на существование, если не выходят за рамки сфер вторичных, объективно подчиненных комплексу «безопасность+развитие». Соперничество в мировом хозяйстве, «стальные» и иные «торговые войны» Америки, Японии и Европы, различия в подходе к глобальным проблемам и т. п. — это сюжеты действительно вторичные по отношению к общей долгосрочной безопасности и возможностям развития. В то же время конфликт с потенциалом раскола группировки как военно-политического целого для «евроамериканской цивилизации» сегодня просто неприемлем. Преувеличением было бы определение группировки-доминанта как некой «гипер-державы» современного мира. Однако ясно, что эта группировка представляет собой значительно больше, чем случайно возникшая коалиция. В смысле возможностей потенциального силового противоборства мирового масштаба *эта группировка есть высокоинтегрированный и потенциально эффективный военно-политический конгломерат*, уровень совокупной мощи которого сегодня неоспоримо высок и пока недостижим для любых иных сил.

Контраст в поведении великих держав Востока на этом фоне очевиден. Они в последние годы ведут себя скорее как «традиционные» великие державы, модус поведения которых хорошо известен в истории международных отношений. Ключ к пониманию этого модуса прост, ибо его содержание — это жестко реалистическое видение внешнего мира и соответствующий этому видению оппортунизм. Слово «оппортунизм» здесь отнюдь не означает беспринципности. Речь идет вот о чем. Традиционность, *прагматичный и рациональный оппортунизм* поведения великих держав — это, прежде всего, опора на собственные силы в условиях, когда невозможен или затруднен иной путь оптимального обеспечения своих принципиальных интересов (например, за счет обретения «сферы влияния» из малых соседей, создание коалиций, военно-политических союзов и пр.)

71. Ikenberry, G. John. Introduction // *America Unrivaled*. P. 4.

Оппортунизм как использование имеющихся возможностей и создание ситуаций, открывающих дополнительные новые возможности для оптимизации внешней политики, в этой связи выглядит как вынужденный — и, как показывает практика, вполне эффективный, — модус поведения для России, КНР и Индии.

Именно этим путем сегодня идут Россия, Китай и Индия. Результаты движения по такому пути у них различные. Общее разве что следующее. Современное состояние военных и иных компонентов мощи этих государств не позволяет говорить о возможности достижения военной победы над ними в «большой войне». В традиционном смысле безопасность держав «восточной тройки», основанная на необходимом для сохранения суверенитета уровне военной мощи, более или менее полно обеспечена. В этом плане можно согласиться с постановкой проблемы основного параметра великой державы, которую предложил Дж. Миэршаймер: к его списку (США, Китай, Россия) вполне можно добавить и Индию. Сходный по содержанию оппортунизм поведения великих держав Востока проявляется также и в том, что все три страны четко представляют себе ту грань, которая отделяет их от группировки-доминанта с точки зрения реальных возможностей влияния на мировые дела. У группировки-доминанта над региональными целями преобладают задачи реализации общесистемных функций и в силу этого глобальные комплексы долгосрочных целей. У держав «восточной тройки», наоборот, удельный вес целей регионального масштаба по понятным причинам выше, чем значение интересов и целей, связанных с вовлеченностью в общемировые процессы.

На наш взгляд, очевидно, что ни одна из трех великих держав Востока по отдельности, ни все три совокупно не могут пока рассматриваться как альтернативный Америке центр «политического притяжения» в современных международных отношениях. Положение всех трех стран таково, что они могут «притягивать» к себе весьма ограниченное количество стран. Во-первых, потенциально тяготеющие к России, КНР и Индии страны — преимущественно непосредственные соседи и, следовательно, это «притяжение» не выходит за рамки региональной (пусть даже в масштабах огромной Евразии, в случае с Россией) политики. Во-вторых, эти соседи — государства с относительно низким «удельным весом» в мировой политике в силу, опять-таки, невысокого уровня той мощи, которой они реально располагают. Ресурсы и энергию таких государств, конечно, гипотетически можно рассматривать как дополнение мощи, скажем, России на фоне неожиданного и резкого обострения международной обстановки или в плане долгосрочного соперничества России с какой бы то ни было державой или группой государств. С оговорками можно считать, что к России объективно тяготеет (ориентируясь на ее политику и рассчитывая на выгодное сотрудничество, а то и на прямую помощь) только часть государств

из числа «наследников СССР» — то есть Казахстан, Белоруссия, Армения, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан. Комментарии по поводу мощи этих государств и особого влияния в мировом масштабе просто излишни.

Однако Россия разумно и не без успеха использует в первое десятилетие века конъюнктуру мирового рынка энергоресурсов и направляет значительные усилия на аккумуляцию и обновление военного компонента своей мощи. Не вдаваясь в подробности, можно констатировать, что восстановление совокупной мощи нашей страны и ее активная внешняя политика отражают процесс укрепления положения России в мире на фоне относительно низкоконфликтного взаимодействия с внешним миром. При этом стоит отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Можно сколько угодно полемизировать о степени несовпадения российских интересов с интересами группировки-доминанта. Однако, как отмечают авторитетные исследователи (В. А. Никонов), «не будет преувеличением сказать, что сейчас отношения России с США, странами Евросоюза, Китаем, Японией и другими центрами силы лучше, чем когда-либо»⁷².

В то же время, например, современный Китай, как отмечал еще в 1997 г. в своей работе «Великие державы на Тихом океане» А. Д. Богатуров, «является прежде всего и в основном соперником России». А. Д. Богатуров верно указывает, что мирное сотрудничество и добрососедские отношения с КНР не должны переходить некой грани, за которой Россия лишается способности «при необходимости с достаточным стратегическим и техническим превосходством проводить в отношении КНР не провоцирующую, но твердую и энергичную политику»⁷³.

КНР сегодня использует экономический рост для упрочения своего места в структуре мирохозяйственных связей, стремится усилить позиции на рынках США, Европы и АТР. КНР претендует на лидерство в рамках экономического сообщества стран Азиатско-Тихоокеанского Региона (АТЭС). В общем процессе развития Китая важное место занимает совершенствование его военной мощи. Речь идет, конечно, не только о сухопутной армии численностью до 2,5 млн человек и возможности «поставить под ружье» в случае войны еще почти 200 млн (оценки ЦРУ США на 2001 г)⁷⁴. Современный анализ военных возможностей КНР свидетельствует

72. Никонов В. А. Ресурсы и приоритеты внешней политики Российской Федерации // Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2004. С. 742.

73. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны. М., 1997. С. 286.

74. Географический справочник ЦРУ / Пер с англ. Екатеринбург, 2004. С. 253.

о главной тенденции: идет непрерывный рост не столько количественного, сколько качественного уровня оснащения основных компонентов вооруженных сил Китая. В конце 1990-х годов произошло даже заметное сокращение численности постоянных вооруженных сил КНР (на полмиллиона человек) в ходе структурных реформ. В то же время происходит укрепление «второй артиллерии» (ракетно-ядерных сил) и ВМФ. Современная внешнеполитическая и военная доктрины Китая подчеркивают стремление опираться на собственные силы, модернизировать армию для защиты, прежде всего, государственного суверенитета, единства, территориальной целостности и безопасности страны. Особо четко в доктрины вписано нежелание Китая участвовать в военно-политических союзах и размещать войска за пределами страны. Одновременно официальный Пекин всегда выступает против гегемонии одной державы в глобальном масштабе. КНР осуждает гонку вооружений, ратует за коллективные действия мирового сообщества по поддержанию безопасности и стабильности. Стоит заметить, что Китай взял на себя обязательства не применять первым ядерное оружие, не применять и не угрожать его применением против неядерных стран. В последнее десятилетие Китай отрегулировал отношения с большинством своих континентальных соседей в вопросах режима границ. В то же время Китай нацелен на самостоятельное противодействие всему тому, что расценивает как главные угрозы своей безопасности и своим интересам. Это — усиление военного присутствия США в Азии, особенно планы дальнейшей военной поддержки Тайваня и развертывания в регионе американской системы противоракетной обороны (Theater Missile Defence), которая может охватить и таких партнеров США как Япония, Южная Корея и Малайзия. Традиционную озабоченность КНР вызывают нестабильность на Корейском полуострове и в Южной Азии и, конечно, трудности реализации курса на «возвращение» Тайваня (его в Пекине по-прежнему считают не отдельным государством, а мятежной провинцией). В рубрику реальных угроз попадают и покушения на «законные интересы» КНР в прилегающих морях. В многом поэтому особым моментом в политике КНР является усиление и модернизация военно-морского флота. Вообще одна из главных проблем сегодняшней КНР — обеспечение безопасности с моря и экономической безопасности в целом. КНР обладает четвертым в мире торговым флотом и входит в первую десятку стран мира по водоизмещению танкеров. Важно и то, что неуклонно растет зависимость Китая от импорта углеводородов — особенно природного газа (с 20-процентным годовым приростом потребления этого сырья с 2005 г.) К 2010 году, как считается, до 50 % потребностей экономики КНР придется покрывать импортом нефти и газа. Почти 90 % всех перевозок экспортных и импортных грузов КНР приходится на морские комму-

никации. Естественно, остро стоит проблема защиты морских перевозок (в том числе и от пиратства). Немаловажным фактором выступает необходимость защиты природных ресурсов (разведанные и предполагаемые запасы углеводородного сырья на шельфах Южно-Китайского моря и в районе о-вов Спратли, биоресурсы моря). Таким образом формируется новый комплекс задач, которые в XXI веке должны выполнять военно-морские силы КНР согласно обновленной на рубеже века морской доктрине. Это — жесткий контроль над акваторией внутренних морей, морскими коммуникациями, обеспечение прав и интересов страны в прилегающих морях. Главная задача, впрочем, состоит в вынесении передней линии морской обороны за пределы экономической зоны страны и в укреплении позиции Китая как сильной державы западной части Тихого океана. КНР укрепляет свои военно-морские силы по нескольким направлениям. Одно из них — самостоятельная постройка и ввод в строй группы атомных ракетных подводных лодок, способных вместе нести до 80 межконтинентальных баллистических ракет (пока в составе флота только одна ПЛАРБ проекта 092, по проекту 094 строится еще четыре). Совершенно ясной представляется нацеленность КНР на создание мощной оперативной морской группировки, включающей и авианесущие корабли. Программа по созданию собственного авианосца стартовала в 1999 г. В течение всех 1990-х годов Китай целенаправленно приобретал образцы военно-морской техники, которые могли бы послужить основой для конструкторских решений. К 2001 году КНР имела в своем распоряжении по меньшей мере четыре интересных образца, купленных за рубежом. Первым стал австралийский авианосец «Мельбурн», заложенный в 1943 году на английских верфях и достроенный только в начале 1950-х годов (находился в строю в 1955–1985 гг.) После продажи он был отбуксирован в Южный Китай и в 1994 году был там разделан. Части этого корабля использовались для изучения строения авианосца наряду с образцами, приобретенными в России и в Украине. Сначала Россия продала КНР при посредничестве Южной Кореи тяжелый авианесущий крейсер (ТАВКР) «Минск» (водоизмещением 45 тыс тонн), введенный в состав советского ВМФ в 1978 г. Основной целью покупки (1997 г.) объявлялось создание плавучего аттракциона (Minsk World). Второй покупкой стало приобретение частной компанией за 8,5 млн. долларов США авианесущего крейсера «Киев», опять-таки формально в целях развития туристического бизнеса. ТАВКР «Киев» был выведен из состава флота в 1995 году. Летом 2000 года корабль был отбуксирован из военно-морской базы «Видяево» в порт Тяньцзинь. Еще один авианесущий корабль, приобретенный КНР — это не достроенный на николаевских верфях Украины ТАВКР «Варяг» (водоизмещение 67 тыс. тонн). Как предполагалось в проекте, вооружение этого корабля должны были составить

ракетные комплексы и авиационная группа (60 самолетов). В 1998 году обладателем корабля за 20 млн долларов стала частная китайская компания из Макао, заявившая о желании переоборудовать его в роскошный плавучий отель. После долгих интриг в связи с позицией США и наложенным Турцией запретом на проводку достроенного на две трети корабля через черноморские проливы, Китай все-таки довел его до своих берегов. В итоге на рубеже века ожидалось, что Китай в 2006–2007 гг. спустит на воду авианосец собственной постройки. Водоизмещение корабля, как считается, должно составить 48–50 тыс. тонн и он сможет развивать скорость до 30 узлов. Как ожидается, на этом корабле будут установлены ракетные системы вертикального старта и ракетные системы ПВО ближнего радиуса действия, противокорабельные и противолодочные ракетные комплексы. В Даляне и Шанхае началась модернизация причалов военно-морских баз для того, чтобы принимать такой корабль. Специалисты также предполагают, что в состав первой авианесущей группы будут также включены вертолетоносцы (несущие до 20 машин, обслуживающих системы связи, оповещения, поиска, а также выполняющие задачи противокорабельной борьбы). Эта группа может быть дополнена фрегатами и эсминцами (до 8 кораблей), топливным заправщиком и, вероятно, двумя-тремя ударными подводными лодками. Появление первой авианесущей группы в составе ВМФ Китая не только повысит его морскую обороноспособность, но и серьезно усилит позиции этой страны в Тихом океане. В начале 2009 года, впрочем, выяснилось, что такое соединение все еще не создано, а приобретенные образцы кораблей военные намерены использовать как полигоны для обучения кадрового состава будущих авианесущих судов. В то же время появились также и косвенные свидетельства того, что на верфях КНР все же почти закончена сборка корпуса авианосца, в котором были использованы все конструкторские и инженерно-технические наработки, доступные по имеющимся в стране образцам. При этом в начале 2009 года официальное руководство китайского министерства судостроения по-прежнему категорически отрицало факт завершения постройки авианесущего корабля.

В этой связи стоит заметить: чем бы ни закончилась эпопея с созданием в КНР авианосца собственной постройки и усиления флота за счет строительства новых подлодок и модернизации старых (в этом, как указывают некоторые эксперты, принимают участие российские фирмы), — все это вовсе не означает целенаправленное стремление КНР к началу силового противоборства с США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В целом ясно, что Китай в начале века в большей степени занят решением среднесрочных региональных внешнеполитических и военных проблем, а не «позиционированием», как сейчас принято говорить, себя в качестве потенциального центра притяжения стран всего Азиатско-Тихо-

океанского региона, то есть своего рода «противовеса» США в глобальном масштабе. У Китая пока нет явных и мощных военно-политических союзников. Вряд ли они появятся в обозримом будущем. Это обстоятельство ничуть не умаляет огромную совокупную мощь КНР — ее уровень высок настолько, насколько это позволяют территория, население, природные ресурсы, состояние экономики и все внутренние источники развития, равно как и прочное положение в современном мировом хозяйстве. В российско-китайских отношениях уровень конфликтности сегодня относительно низкий. Отказавшись от территориальных претензий, КНР пока стоит на позициях выполнения договоров о режиме границы, о сокращении вооруженных сил в пределах 200-километровой приграничной зоны и иных соглашений. Самое главное для России в этом контексте — это то, что выполняется Договор 2001 г. о дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, предусматривающий, кроме всего прочего, общие усилия по упрочению региональной и международной безопасности.

Индия по совокупному ВВП так же представляет сегодня один из ведущих экономических комплексов в мире. Она постепенно решает свои наиболее острые внутренние проблемы и имеет достаточно средств для развития военного и военно-морского потенциала. Пример Индии как «традиционной» великой державы также показателен — можно говорить, что отношения с внешним миром эта страна выстраивает, опираясь в основном на собственные силы. Как отмечают авторитетные отечественные исследователи, «от веры в „слабое-сильное“ государство, где слабость военных и экономических «мускулов» компенсируется силой моральных убеждений и нравственных позиций», Индия эволюционирует в сторону «упований на военную силу и экономическую самодостаточность как основополагающие принципы „реальной политики“, которые только и могут... гарантировать ее безопасность, целостность и неизбежность границ».⁷⁵ Конфликт Индии с Пакистаном держит весь регион Южной Азии в известном напряжении уже довольно давно. С 1998 г., когда обе страны провели по несколько ядерных испытаний и затем прошли через острый кризис и обмен угрозами войны (май 2002 г.), стало более чем очевидно, что конфликт этот не имеет перспективы скорого разрешения. Для обоих участников этого конфликта характерно наращивание военной мощи. Индия, конечно, имеет в этом смысле куда более широкие возможности, нежели Пакистан. Сегодня, как считается, Индия обладает примерно сотней ядерных боеголовок и средствами их доставки среднего радиуса действия (равно как и почти 500 кг плутония для дальнейших ядерных разработок). Однако не менее важ-

75. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Д. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 68.

но и другое. С середины 1990-х годов (кроме собственных ракетно-ядерных программ) Индия укрепляла свою военную мощь по всем основным направлениям: ВМФ (особенно за счет приобретения у России авианесущего крейсера «Адмирал Горшков»), ВВС (включая и поставки из России новейших истребителей СУ-30МК и приобретение лицензии на производство многофункциональных СУ-30 МКИ), сухопутные силы (включая и приобретение и лицензированное производство российских танков Т-90 S, общим количеством около 300). Особыми моментами военно-технического сотрудничества с Россией стали проекты разработки совместной российско-индийской сверхзвуковой крылатой ракеты «Брамос» (для поражения надводных и некоторых наземных целей) и возможная аренда Индией российских атомных подводных лодок. По заявлению министра обороны РФ С. Иванова (январь 2007 г.) в рамках Программы военно-технического сотрудничества с Индией на эту страну сейчас приходится до 40 % российского военного экспорта. Нарращивание собственной военной мощи во многом определено и тем, что географически отдаленных и «верных», военно-политических союзников у Индии нет. На внешнеполитическую линию Индии ориентируются только непосредственные маломощные соседи (Бангладеш, Шри Ланка, отчасти Бутан и Непал). Нет, впрочем, никаких оснований говорить о том, что Индия стремится обрести прямых военно-политических союзников. КНР в этом качестве можно просто не рассматривать: Индия, например, весьма обеспокоена военным и военно-морским сотрудничеством Китая с ее прямым региональным соперником (Пакистаном) и Мьянмой (Бирмой). Это позволяет говорить о том, что и так далеко не безоблачные отношения этих двух великих держав вряд ли смогут в обозримом будущем превратиться из низкоконтликтных в партнерские. Учитывая внешнеполитическую традицию Индии и конкретные условия ситуации в Южной и Юго-Восточной Азии, вообще не следует ожидать стремления Индии стать новым «глобальным силовым лидером», который мог бы оспорить доминирование группы США-Европа-Япония в мире или самостоятельно «бросить вызов» Америке. Для Индии сегодня значительно важнее обеспечить свою безопасность и выступить в качестве «миролюбивого гегемона» в Южной Азии и, возможно, претендовать на укрепление своих позиций в Индийском океане и в Юго-Восточной Азии.

В целом вполне правдоподобной представляется среднесрочная перспектива сохранения сложившегося сегодня «водораздела» в мире между группой-доминантом и иными великими державами по линии «общесистемные функции — региональные проблемы». Доминирующая группировка не может полностью оттеснить «восточную тройку» от решения региональных проблем в Бразилии и на Дальнем Востоке. Группировка США-Европа-Япония может, однако, прочно удерживать в своих руках ограничители, не по-

звolyающие ни одной из держав «тройки» заменить Америку в качестве «системного стража» (термин «мировой полисмен», на наш взгляд, не очень уместен) или стать вровень с США в этой роли в глобальном масштабе.

Таким образом, остается еще только один итоговый вопрос: если не «восточная тройка», то кто? Предлагаемый нами подход к рассмотрению современного мира как доминирования объединения США-Европа-Япония снимает вопрос о потенциальной «поляризации», исходящей изнутри этой группировки. Утверждения, например, А. И. Уткина о том, что именно Европа может «бросить вызов» американской мощи, можно отнести к области прогнозов на период «пост-гегемонии», то есть на середину XXI века⁷⁶. То же касается и различных предсказаний о возможном обострении соперничества западного мира с каким-то образом консолидировавшимся «большим Востоком» (маловероятным конгломератом на основе сближения Японии, КНР, Индии и других быстро развивающихся стран).

Но все же вопрос остается — кто, какие силы в мире могут если не оспорить доминирования группы США-Европа-Япония в обозримом будущем, то хотя бы трансформировать олигополию в иную по содержанию модель системы международных отношений? На наш взгляд, сил таких нет и обозримое будущее — то есть период в 15–20 лет — перспективы их возникновения не предлагает. Такое положение дел, однако, вовсе не означает, что вся система международных отношений со всей очевидностью стремится и обязательно придет к достижению еще более высокого, чем сегодня, уровня устойчивости / стабильности. Стабильность, видимо, сохранится только в самом главном — в отсутствии риска «большой войны» с вовлечением великих держав. Впрочем, Кеннет Уолтц полагает, что международно-политические взаимодействия начала XXI века по своему содержанию весьма традиционны и подвержены воздействию трех основных и опасных (подчеркнем — вполне известных) факторов. Это, считает Уолтц, как раз отсутствие «равновесия мощи» в системе (*imbalance of power*), наличие ядерного оружия и перспективы его распространения, а также «преобладание кризисов, которые бичуют весь мир и в которые прямо или косвенно вовлечены Соединенные Штаты Америки⁷⁷. Будет ли структура миропорядка через 20 лет определена формулой „о+х“ великих держав (то есть любого их количества, без существования «супердержавы»), как прогнози / руют Б. Бьюзен и О. Вэвер⁷⁸? Вероятность такого развития не исключена. Количество великих

76. Уткин А. И. Новый мировой порядок. С. 586.

77. Waltz, Kenneth. The Continuity of International Politics // *Worlds in Collision*. P. 348–353.

78. Buzan, B. and Waever, O. Op. cit. P. 446.

держав — важная характеристика состояния системы. Однако куда важнее вопрос о том, каковы будут основные виды взаимодействия между ними. Возможно ли возвращение к традиционному силовому соперничеству сильнейших за установление доминирования регионального или континентального масштаба? Или же, напротив, будет развиваться тенденция к сближению интересов *всех* великих держав и их «клуб» станет «эгалитарным», с примерно равными правами и возможностями участников, военно-политико-экономическим альянсом для совместного управления общемировыми процессами? Возникнет ли новая версия «концерта великих держав» (наподобие варианта Венской системной модели в период 1815–1848 годов) с относительно единой идейной платформой в отношении поддержания стабильности во всем мире?

Многие серьезные современные исследователи склоняются примерно к такой точке зрения. Не случайно Р. Каган, автор небольшой, но получившей широкую известность работы «Возвращение истории и конец мечтаний»⁷⁹ и сотрудник предвыборного штаба кандидата в президенты США Р. Маккейна, прямо говорит о том, что XXI век будет весьма похож на век XIX. Это сходство возникает за счет того, что основой миропорядка могут стать сложные результаты взаимодействия великих держав. В число трех ведущих великих держав Каган включает США, Россию и КНР, а Индию и Японию называет «новыми державами». Взаимодействие этой группы будет происходить в основном в форме целенаправленного, но корректного, с применением как силовых, так и несиловых методов, соперничества. Современная Россия именно как великая держава, считал Р. Каган, ищет свое «место под солнцем» и ведет себя примерно так, как вела бы себя Российская империя или Советский Союз. Россия, считает Каган, с приходом президента В. Путина в своей внешней политике исходит из идеи возвращения себе не только статуса великой державы, но и соответствующего этому статусу влияния в решении региональных и, во все большей степени, глобальных проблем⁸⁰.

Отечественный исследователь В. И. Батюк говорит о возможности становления миропорядка, в котором взаимодействие великих держав — в их числе и Россия — неизбежно примет форму соперничества во многих областях. Соперничество великих держав не будет прямо вовлекать силовые методы в форме угрозы прямого применения военной силы и, соответственно, вероятность «боль-

79. Kagan, Robert. *The Return of History and the End of Dreams*. N. Y., 2008; перу Р. Кагана также принадлежит работа «Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order» (2002).

80. Взгляды Р. Кагана изложены в сжатом виде в его интервью польскому изданию *Dziennik* 28 января 2008 года и в ответах на вопросы корреспондента *Newsweek* 1 мая 2008 г.

шой войны» регионального или мирового масштаба крайне невелика⁸¹. В российско-американских отношениях, например, такому развитию событию может препятствовать уже сложившаяся система «институтов и режимов», которая призвана выступать регулятором взаимодействия, прежде всего, в области безопасности⁸². Сформировавшийся в последнее десятилетие модус отношений Россия-США и эта система, вероятно, вместе способны генерировать и предлагать низкоконтликтные пути выхода из сложных (даже кризисных) ситуаций во взаимодействии двух держав.

Конфликт России с Грузией, который достиг кульминации летом 2008 г. и вызвал к жизни негативные оценки действий нашей страны и некоторое охлаждение отношений с США и со странами Запада, безусловно, заслуживает краткого комментария. Причины понятны. Во-первых, это был первый случай, когда Россия применила военную силу за пределами своей территории и в этом смысле такой шаг — внешнеполитическая новация, крайне неприятная для западных стран. А между тем, и в применении силы, и в решении признать Абхазию и Южную Осетию как суверенные государства проявилось то, о чем недвусмысленно было сказано в официальном отчете МИД РФ за 2007 год. «Главный итог последних лет состоит в том, что Российская Федерация обрела полную самостоятельность внешней политики».

Во-вторых, обрушившийся на нашу страну и на весь мир шквал прогнозов относительно начала «новой холодной войны» Россия-Запад оказался, как и можно было предположить, сотрясанием воздуха журналистской братией и недалекими политиками второго эшелона. Заявления о том, что из-за силового принуждения Грузии к миру в августе и из-за признания новых государств может возникнуть какой-то «дипломатический и политический вакуум» вокруг России, мягко говоря, не оправдались. Никакой «новой холодной войны» не случилось и перспектив ее возникновения не видно.

Да, действительно, на нашу страну и ее руководство обрушилась буквально лавина гневных заявлений и по поводу применения силы, прямого вмешательства в конфликт, и по поводу признания (25 августа) двух новых государств Кавказа. Заявления официальных лиц и позиция многих политических структур были жестки-

81. В. И. Батюк — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады, специалист в области внешней и военной политики США, руководитель Центра региональных аспектов военной политики Института США и Канады РАН. Его взгляды представлены в целом ряде статей 2007–2008 годов, опубликованных в издании этого института «Россия и Америка в XXI веке. Электронное научное издание. (ISSN 2070–5478)»

82. Батюк В. И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны». М., 2008.

ми и вполне ожидаемыми. «Неприемлемое решение» — слова канцлера Германии А. Меркель. «Решительное осуждение» действий России — пожалуй, наиболее расхожий термин в комментариях НАТО, ОБСЕ, ПАСЕ, официальных лиц Франции и Великобритании. Реакция администрации США была также ожидаема и понятна. «Осуждаем агрессию» и тому подобное плюс угрозы заблокировать в ООН принятие любых документов о признании вновь образованных государств (так заявила государственный секретарь К. Райс).

А вот как насчет «второго издания „холодной войны“? Такой вопрос сразу же был задан и оказался интересным для Запада в большей степени, нежели для России. Позиция нашей страны была заявлена быстро и четко: президент Д. Медведев сразу же дал понять, что действия России в грузино-осетинском конфликте не были ни ответом на провокацию, ни стремлением использовать всплеск вооруженного насилия как повод для искусственной конфронтации со странами Запада. Россия такой конфронтации не желает, однако же и не боится. Стоит заметить, что это было отражением давно уже сформировавшейся линии обновления внешнеполитической доктрины, одной из ключевых идей в которой выступает отказ России от поворота к конфронтационным отношениям с внешним миром, какие бы причины этот не вызывали⁸³.

Да и на Западе полемические заявления о скором пришествии новой «холодной войны» нашли довольно серьезный отпор. Министр иностранных дел Франции Б. Кушнер сразу сказал, что этот термин («холодная война») абсолютно неуместный. Суть дополнительных комментариев западных политиков также проявилась вполне отчетливо: какое-то охлаждение отношений между Россией и странами Запада по поводу «кавказского узла» будет иметь место, но только не в форме возвращения к конфронтационному типу противоборства по линии «консолидированный Запад – Россия».

Также довольно быстро выяснилось, что Россия вполне хладнокровно и вне зависимости от реакции Запада на кавказские события продолжает осуществлять свой внешнеполитический курс, концептуальные основы которого сложились в 2004–2007 гг. Например, вполне уверенно делает шаги по развитию отношений со странами такого важного региона, как Латинская Америка (результаты визитов президента Медведева и переговоры в Москве в начале декабря 2008 г. показывают это достаточно ясно).

Далее. Оказалось, что «кавказский эпизод» изменяет, но не отрицает возможность продолжения диалога / партнерства по линии

83. См. например Заявление министра иностранных дел России С. Лаврова по итогам внешнеполитической деятельности РФ в 2007 году: [www.government.ru / executivewpowerservice / government / ministrienews / archive s / 2007 / 12 / 29 / 7081](http://www.government.ru/executivewpowerservice/government/ministrieneews/archive/s/2007/12/29/7081)

Россия – НАТО. В этом смысле все будет зависеть от концептуальной основы позиции США и НАТО, а не от капризов текущей мирополитической конъюнктуры. Судя по всему, *возможные сдвиги в формате взаимодействия Россия-НАТО вообще не находятся в прямой связи с состоянием грузинско-российских отношений и перспективами их развития.*

В целом же можно сказать о том, что общая картина отношений России со странами Запада к началу 2009 года была отмечена *относительно незначительными изменениями.* Известное охлаждение отношений с Западом наметилось значительно раньше августовских событий 2008 года. В этом смысле заметным рубежом можно считать уже реакцию на выступление президента В. Путина на конференции по вопросам безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 г. В течение 2007–2008 годов дальнейшее (постепенное и малозаметное в иных условиях) ухудшение этих отношений можно было предполагать. Повод для такого ухудшения мог оказаться иным, чем силовой ответ России на грузинскую агрессию, но он все равно был бы найден. Сегодня вполне очевидно, что импульсом к созданию напряженности (подчеркнем — не обязательно военно-политической, а скорее политико-дипломатической!) в отношениях Россия – США или Россия- страны Запада может стать более крупный вопрос. Такой вопрос может возникнуть в связи с «контрмерами» Запада, как реакции на решение о размещении ракетных комплексов «Искандер» на западных рубежах России.

Вопреки ожиданиям, в 18-ти минутной инаугурационной речи президента США Барака Обамы сюжетам о роли России, о будущем российско-американских отношений и об американских оценках нового контекста международных отношений было уделено немного внимания. Весьма туманно прозвучали утверждения о том, что Америка готова вновь взять на себя мировое лидерство и собирается стать «другом всех стран и людей, которые стремятся в мире и достоинстве». Россию как особого партнера в международных отношениях Обама не упоминал вообще. Можно предполагать, что Россия для нового президента попадала в рубрику «старых друзей и бывших врагов», совместно с которыми США намерены противостоять угрозе возникновения ядерной войны и глобальному потеплению климата». В этом смысле в январе 2009 года было довольно сложно определить, что именно будет ожидать Россию в контексте прокламированных (и пока довольно скромных по масштабам) новаций во внешней политике США.

Тем не менее, перед нашей страной сегодня встает целый ряд крупных вопросов. Эти вопросы и возможные ответы на них расположены не только и даже не столько в области российско-американских отношений. Конечно, наиболее распространенная формулировка для центральной проблемы сегодня такова: «Что в ближайшем будущем? Корректное сосуществование и взаимодействие,

соперничество в допустимых рамках или же возвращение к „холодной войне“ в каких-то новых формах»? Однозначного ответа нет и быть не может, хотя дальнейшую корректировку (возможно и дальнейшее охлаждение) российско-американских отношений может предсказать не только искушенный аналитик, но и просто читающий газеты гражданин и России, и США.

Для многих прозорливых и вполне информированных комментаторов объективный процесс перемен в отношениях России с Союзенными Штатами был заметным уже с середины 2007 года. Томас Грэм (сотрудник посольства США в Москве в середине 1990-х годов, позднее помощник президента Буша-мл. по вопросам политики в отношении России) сказал об этом так: «Отношения между США и Россией ухудшаются. Между тем, сегодня, равно как и шесть, и пятнадцать лет назад обе стороны и весь мир выиграли бы, если бы эти отношения имели конструктивный характер и учитывали будущие реалии. Нестабильность на Ближнем Востоке, усиление Китая, вопросы нераспространения ядерного оружия и борьбы с международным терроризмом, энергетическая опасность, глобальные эпидемии смертоносных болезней, изменение климата, а также многие другие вопросы решались бы гораздо эффективнее, будь Вашингтон и Москва партнерами, а не противниками»⁸⁴.

Так или иначе, вне зависимости от того, назовем ли мы в 2009 году Россию и США партнерами или противниками в обозримом будущем, объемные вопросы о природе взаимодействия двух стран на фоне общемировой турбулентности, связанной с финансово-экономическим кризисом, остаются. От их решения никуда не уйти. Эти вопросы, на наш взгляд, не являются ни текущими, ни среднесрочными, связанными с позицией новой администрации США. В большей степени они затрагивают содержание самой концепции внешнеполитической стратегии России в быстро меняющемся мире. Иными словами, речь идет не только от конкретных внешнеполитических шагах, которые Россия может предпринять, учитывая обновление подхода США к международно-политическим проблемам в целом и к отношениям с нашей страной в частности.

Начавшийся осенью 2008 года мировой финансовый кризис и глобальная экономическая рецессия, затронувшая и нашу страну, вызвали к жизни новый всплеск прогнозирования развития международных отношений в этом контексте. Среди прогнозов оказались и идеи складывания «бесполярного» или «панполярного» мира, которые прозвучали в высказываниях культуролога Светланы Лурье. Она полагает, что сами эти термины (исключительно спорные,

84. Грэм, Томас. Дialeктика силы и слабости // Россия в глобальной политике. Том 5. № 3 май-июнь 2007. С. 49.

на наш взгляд) лучше, чем «многополярность» или «полицентричность», отражают вектор обновления миропорядка в конце первого десятилетия нового века и даже задают форму нового структурирования системы международных отношений. По мнению Лурье, миропорядок, в котором нет «контрбаланса», то есть каких-то мощных противовесов доминированию США, может базироваться на международном праве, ибо это — «лучше, чем ничего, чем бесполярный мир»⁸⁵. При этом, однако, мир все же «стремительно становится бесполярным». Альтернативой такому развитию событий может стать мир «панполярный». Роль России при этом такова: «Можно сказать, что мы ближе всех подошли к осознанию неизбежности панполярной перспективы, или союзничества всех стран Северного полушария»⁸⁶. Как видим, С. Лурье размышляет о принципе полярности структур и... скатывается к причудливой смеси культурологии и (вновь!) геополитики. Терминология вполне узнаваемая: «функции территорий», «буфер-агрессор», «игровое значение народов», и даже «грузинский империализм» как инструмент внешней политики США. При этом С. Лурье довольно резко и безосновательно заявляет, что «Россия более отчетливо видит себя в рамках биполярной конструкции, хотя и в смягченном варианте, поскольку не находит пока в себе заряда, да и цели для монополярности»⁸⁷.

Среди современных прогнозов нашлось конечно, место и для еще более фантазмагоричных версий того, что Э. Г. Соловьев еще пять лет назад справедливо называл «геополитической телеологией» и «эсхатологией больших пространств»⁸⁸. Наиболее ярко это проявилось в высказываниях Игоря Панарина (декан факультета международных отношений Дипломатической академии РФ), который зимой 2008–2009 гг. высказал суждения, мгновенно ставшие «притчей во языцех». И. Панарин предложил свое видение развития миропорядка, которое вкратце можно представить именно как «эсхатологическую» концепцию. По его мнению, к 2010 году произойдет не только углубление экономического кризиса во всем мире, но и полный крах американской экономики, дефолт по государственным обязательствам США и крушение доллара как мировой резервной валюты. Это, в свою очередь, может привести к распаду самих США (вероятно, летом 2010 года) на несколько государств и даже к гражданской войне в Америке —

85. Эти размышления С. Лурье изложены в интернет-издании «Русский обозреватель» 25 и 30 декабря 2008 г.

86. Лурье, С. От войны провокаций к панполярному миру. Геополитические игры народов // Политический класс. № 47. ноябрь 2008.

87. Там же.

88. Соловьев Э. Г. Национальные интересы и основные политические силы современной России. М., 2004. С. 156–187.

ни больше, ни меньше!⁸⁹ При этом Аляска может вернуться к России, а 5 штатов Севера и Среднего Запада примкнут к Канаде... — анализ подобного рода заявлений, на наш взгляд, вообще не имеет смысла. Тем не менее, «эпатажно-геополитические», назовем их так, рассуждения И. Панарина вызвали даже реакцию со стороны авторитетных западных изданий (Эндрю Осборн, 29 декабря 2008, *The Wall Street Journal*). Применительно к нашей проблематике отметим, что И. Панарин, как и многие другие авторы, склонные к «глобально- геополитическому» мышлению, предлагает еще одну — и довольно странную — умозрительную концепцию формирования «центров силы» в мире. Он полагает, что для нашей страны выгодным будет создание некоего нового «силового треугольника» в составе Россия- Индия иБразилия, который может при условии сотрудничества этих трех «новых гигантов» (из состава БРИК) оказаться более эффективным противовесом попыткам глобального доминирования со стороны США и стран консолидированного Запада. Россия при таком развитии событий сможет стать, например (и не понятно, почему именно) главным арбитром в... индо-пакистанском конфликте⁹⁰. Оставим оценку правдоподобности такого прогноза на усмотрение просвещенного читателя, Научно-теоретический аспект такого рода рассуждений стоит принципиально оставить без комментариев: с этим автором не о чем спорить, ибо никакой серьезной теорией международных отношений в качестве методологической основы для анализа здесь и не пахнет.

Куда более разумно в этом плане выглядит точка зрения А. Д. Богатурова, профессора МГИМО и главного редактора журнала «Международные процессы». Этот автор, не выдвигая никаких особых долгосрочных прогнозов, высказал созвучную нашим взглядам точку зрения о том, что в современном миропорядке существует иерархия держав, которая сложилась в 1992–2003 гг. Природа этой иерархии определяется тем фактом, что «руководящим звеном признаются Соединенные Штаты Америки как единственный комплексный лидер современного мира, хотя де-юре это главенствование не признается одними (КНР) и оспаривается другими (Россия) важнейшими игроками международной политики»⁹¹. При этом «уместно было бы говорить о наличии в мире группового лидерства либо ведущих стран НАТО, либо государств „группы семи“, в которую в последние годы фактически интегрирована Рос-

89. Рассуждения Панарина в том или ном виде на тему эвентуального распада США появились в различных публикациях, в том числе и в издаваемой в Москве на английском языке газете *The Moscow Times*.

90. *The Moscow Times*, January 12, 2009.

91. Богатуров А. Д. Современный международный порядок // *Международные процессы*. Том. 6. № 2 (17), май-август 2008.

сия», которая, впрочем, занимает в этом «неформальном» и «закрытом» клубе не вполне равное положение⁹².

В целом же по итогам краткого анализа представленных «геостратегических сценариев» (и, скорее, даже «по законам жанра»), принято высказывать политические рекомендации. Действительно, довольно сложно удержаться, чтобы не предложить свой собственный «сценарий-прогноз» мирового развития. В этом смысле вполне можно ограничиться указанием на то, что для современной России важны не прогнозы как таковые. Их производство в нашей стране налажено неплохо. Этим делом заняты множество государственных структур и аналитических организаций, целые институты с сотнями сотрудников, не говоря уже об отдельных политологах-международниках и публицистах. Насколько все многообразие прогнозов и долгосрочных «сценариев мирового развития» учитывается во внешнеполитической практике, дело другое. Несомненно, однако, то, что прогнозы интересны и нужны для того, чтобы при их рассмотрении и сравнении создавался *круг реалистических альтернатив для практической политики как основа для концептуализации важнейших решений*. Сам выбор из этого круга альтернатив должен быть основан на простейшей идее — на решении вопроса о том, какой МОДУС ПОВЕДЕНИЯ окажется наиболее эффективным для страны в реализации ее непосредственных интересов в обозримом будущем. На наш взгляд, этот модус в основных чертах уже определился, ибо, вне зависимости от любых умозрительных «геостратегических сценариев», его подсказали три очевидных фактора. Это исторический опыт России, идущий сегодня процесс восстановления мощи нашей страны и объективно сложившаяся модель миропорядка в форме олигополии группировки США-Европа-Япония. Исторический опыт России в целом и «пост-советской», «новой» России в частности, можно кратко и условно выразить формулой: «только опора на собственные силы принесет нужный результат». Процесс восстановления и аккумуляции совокупной мощи страны вполне ясно наблюдается сегодня; мировой финансовый кризис и экономический спад разве что притормозит этот процесс, но не остановит. Объективно сложившаяся модель миропорядка в форме доминирования (олигополии) группировки США-Европа-Япония создает важнейший внешний структурный фактор, определяющий поведение нашей страны в сфере международных отношений. При этом дополнительно отметим, что ключевую роль для выбора Россией типа поведения (на основе удержания статуса великой державы) будут

92. Там же; здесь стоит заметить, что предлагаемая читателям «Русского сборника» статья Р. А. Сетова в целом была завершена и поступила в редакцию альманаха еще в январе 2007 года, то есть за полтора года до публикации точки зрения уважаемого А. Д. Богатурова

играть следующие важные черты современного миропорядка, которые определяют уровень общесистемной стабильности и формируют, как полагают отечественные ученые, «новую среду международной безопасности»⁹³. Это следующее:

- возникновение нового вида конфликта — транснациональных войн между государствами и сетевыми субъектами
- распространение ОМУ (оружия массового уничтожения), доступ к которому могут получить и государства, и негосударственные организации
- возобновление борьбы за гарантированный доступ к энергосырьевым ресурсам
- сохраняющийся отрыв США от остальных членов международного сообщества по совокупности своих возможностей»

«Подвести черту» под современными оценками международного контекста для выбора типа поведения России как великой державы можно, указав на мнение авторитетных отечественных ученых, которые довольно остро ставят проблему усложнения внешнеполитических задач России в динамичном мире первой четверти нового века. «Главный вызов политической глобализации для России в ходе формирования глобального миропорядка — угрозы глобализации самому институту государства». При этом ключевой вопрос для нашей страны состоит в том, «при каких условиях и в чем она может оказаться вынуждена не соглашаться с глобальным миропорядком и / или процессом его формирования либо прямо нарушать его...»⁹⁴

Оптимальный для России тип внешнеполитического поведения на ближайшее будущее — уже упоминавшийся *прагматический и рациональный оппортунизм*. Вот что можно предложить в качестве основы и краткого содержания этого понятия, определив его компоненты на важнейших теоретических гранях:

- признание по меньшей мере среднесрочного характера существования олигополии / доминирования группировки США-Европа-Япония,
- соответственно, для России весьма актуальным станет *поиск оптимального и низкоконфликтного формата* отношений с этой группировкой и, одновременно, открытие новых возможностей для реализации реалистически понимаемых государственных интересов,
- низкий уровень конфликтности в отношениях с внешним миром позволит направить ресурсы на решение внутренних проблем

93. Россия и мир в начале XXI века / Отв. ред. Н. А. Симония, А. И. Семенов и др. М., 2007. С. 280.

94. Россия и глобализация: международные аспекты / Отв. ред. М. Г. Носов. М., 2006. С. 8.

- и использовать их для дальнейшего восстановления высокого уровня совокупной мощи страны — что особенно важно в случае развертывания любых неблагоприятных для России «геостратегических сценариев»,
- позитивным моментом станет очищение внешнеполитической доктрины — в риторике и в практической реализации — от ненужных замыслов искусственного построения какой-то схематизированной мирополитической структуры (будь-то «многополярный» или же «панполярный» мир с особой ролью для России),
 - во внешней политике нашей страны наиболее позитивным станет отказ от идей (анти-американского, анти-китайского или какого-то иного) «силового балансирования» полюсов или «центров силы» в глобальном масштабе,
 - признанное большинством общества понимание государственных интересов современной России не содержит ни социально-экономических, ни идеологических предпосылок для того, чтобы выстраивать отношения с внешним миром исключительно в ключе силового противоборства и фиксирования позиции только в качестве одного из противоборствующих в глобальном масштабе «полюсов»,
 - современная Россия самостоятельно не обладает возможностями для того, чтобы задать потенциальным новым отношениям «полюсов» / «центров силы» в мире выгодную для себя конфигурацию,
 - вообще появление таких «полюсов» в мире (с участием России или на каком-то этапе без нее) в форме противостояния военно-политических блоков (или «цивилизаций») для нашей страны просто невыгодно, поскольку
 - участие в формировании «силовых полюсов» означает по меньшей мере две контрпродуктивные для современной России позиции 1) расширение объема ее внешнеполитических обязательств в случае вхождения в некий крупный военно-политический союз и 2) неизбежное в этом же случае расходование ресурсов на реализацию целей такого объединения,
 - отказ от идей участия в «силовом балансировании» мирового масштаба отнюдь не означает проведение Россией пассивной внешней политики; постановка целей и оценка результатов внешнеполитической деятельности должны рассчитываться на основе простого соотношения «затраты / эффективность» для государственных интересов,
 - современный мир сам по себе достаточно плюралистичен для того, чтобы и без противоборства «полюсов» Россия постепенно заняла свои важные «функциональные ниши» в важных сферах мировой экономики, а также в таких областях, как обес-

печение региональной безопасности, решение глобальных проблем и др.,

- на этой основе Россия вполне может прочно удержать свой статус великой державы (не обязательно с глобальными интересами, сравнимыми по масштабам с интересами США),
- для России более важным, чем участие в международно-политических интригах вокруг возможного формирования «полюсов» (гипотетически «анти-американских» или «анти-западных»), является урегулирование насущных (подчас весьма острых и спорных) проблем с непосредственными соседями, или, например, фиксация своего особого положения в евразийском и мировом рынке энергоресурсов;
- значительно важнее, чем результат коллизий с вариантами «многополюсного» глобального мироустройства, вероятно, станет усиление позиций России в таких важнейших сферах, как использование Мирового океана (режим Арктики и ситуацию с Антарктидой выделим как особые комплексы назревающих проблем⁹⁵), дальнейшее освоение космоса, регулирование мирового рынка энергоресурсов и важная роль в рамках того, что сегодня иногда называют «энергетической олигополией» (аналитики не исключают и становление России в качестве «энергетической супердержавы»⁹⁶).

Не стоит преувеличивать значение и роль России в современном миропорядке. Основа этого миропорядка — олигополия США и Запада, к которой России неизбежно придется приспособливаться. Нельзя преуменьшать масштабы накопившихся у России проблем. Их решение потребует времени и сил. Однако, можно сказать, что в XXI веке Россия вполне способна найти и удержать свое положение в мире в качестве хоть и не самой главной, но, пожалуй, самой «незаменимой» из великих держав. То есть такого государства, без учета интересов и позиции которого не будет решен ни один ключевой вопрос мирового развития.

95. Подробно см. например. Корзун В. А. Интересы России в мировом океане в новых геополитических условиях. М., 2005; Арктика: интересы России и международные условия их реализации / Барсегов Ю. Г., Корзун В. А., Могилевкин И. М. и др. М., 2002.

96. Интересные точки зрения по этому сюжету высказали на страницах журнала «Россия в глобальной политике» М. Дмитриев, В. Милов и М. Десягин: Russia in Global Affairs. Vol. 4. № 4. October-December 2006. P. 120–144; термин «энергетическая сверхдержава» употребляет и К. С. Гаджиев: Гаджиев К. С. Имидж государства в конфликте идеологий. М., 2007. С. 65.

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Ремнев. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004

Книга А. В. Ремнева, вышедшая в свет в Омском государственном университете, актуальное, яркое исследование, выполненное на высоком научном уровне. Конкретность изложения сочетается в исследовании с широтой выводов и обобщений по ряду коренных проблем социально-экономического развития Дальнего Востока России. Используется широкий круг источников Российского государственного исторического архива (мемуары, фонды профильных ведомств, различных особых совещаний); Государственного архива Российской Федерации; Архива внешней политики Российской империи; архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ); Военно-исторического архива (РГВИА) (материалы военного министерства); Архива Дальнего Востока (РГИА ДВ); Отдела рукописей Пушкинского дома (ОР ИРЛИ); Российской государственной (РГБ) и Российской национальной библиотек (РНБ); сибирских и дальневосточных фондовых хранилищ. Ещё один комплекс использованных документов — это стенографические отчёты Государственного совета, Государственной думы, Особые журналы Совета министров, периодическая печать.

Автор целенаправленно ограничивает свою работу региональными рамками, отмечая особый интерес и значимость исследования преимущественно Приамурского края, Охотско-Камчатского края, Сахалина. В контексте современных перспектив этих территорий в составе России книга способствует глубокому переосмыслению традиционной политики в регионе, выработке новых подходов к решению проблем, существовавших не одно столетие. Актуальность исследования обусловлена еще и тем, что в отечественной исторической литературе мало крупных исследований, посвящённых этому региону в имперский период.

А. В. Ремнев привлекает труды известных русских правоведов Б. Э. Нольде, Н. М. Коркунова, В. В. Ивановского, И. А. Блино-

ва, Б. Н. Чичерина, которые в своих работах затрагивали юридические аспекты административной политики на Дальнем Востоке. Особое внимание в книге уделено анализу действовавшего законодательства — Свода Основных государственных законов империи. Автор опирается на работы признанных экспертов, военных и чиновников, связавших свою судьбу с изучением и освоением Дальнего Востока: П. Ф. Унтербергера, Н. Л. Гондатти, А. И. Термена, И. Ф. Крузенштерна, В. С. Завойко, О. Е. Коцебу, В. М. Головина, В. И. Штейнгеля, Г. И. Невельского, Л. М. Болховитинова, Б. В. Струве, М. И. Венюкова, П. А. Кропоткина.

В центре внимания А. В. Ремнева административно-территориальное развитие региона. Становление властных структур зачастую опережало оформление государственных и административных границ, что приводило к некоему противостоянию центральных ведомств и периферии. Как и все имперские окраины, Дальний Восток демонстрировал нераздельность внешней и внутренней политики. Автор справедливо отмечает, что длительное устойчивое существование Российской империи объяснимо «именно с позиции поливариантности властных структур, многообразия правовых, государственных, институциональных управленческих форм, асимметричности связей различных народов и территориальных образований» (С. 7). Однако успехи правительственной централизации оцениваются автором негативно.

В монографии тщательно проанализирован ассимиляционный культуртрегерский аспект имперской переселенческой политики, но недостаточно показаны особенности выживания национальных культур, за исключением, пожалуй, бурят. В начале XX века деятельность правительства по переселению на Дальний Восток критиковалась либеральной общественностью, членами фракции конституционно-демократической партии в Государственной Думе А. Е. Березовским, Н. К. Волковым, А. А. Скороходовым. По мнению кадетов, правительство заботилось только об увеличении числа устроенных участков, недостаточно развивалось агрономическое образование, в Забайкалье притеснялось старожильческое население¹, а сами переселенцы не могли приобретать землю в полную собственность.²

В начале книги Ремнев знакомит читателя как с существующими западными концепциями и определениями имперской политики; так и с отечественной юридической, историко-географической мыслью: работами В. В. Ивановского, К. И. Арсеньева, Д. И. Мен-

1. Приток переселенцев сопровождался изъятием у коренного населения значительных площадей, зачастую именно тех, где производительность была выше. Подробнее см.: Третья Государственная Дума. Сессия 5-я. Фракция Народной Свободы в период 15 октября 1911 года — 9 июня 1912 года. Отчёт и речи депутатов. СПб., 1912. Часть I. С. 30.
2. Подробнее см.: Герье В. Значение Третьей Думы в истории России. Часть первая. СПб., 1912. С. 39.

делеева, П. П. Семенова Тянь-Шанского, В. О. Ключевского, М. К. Любавского и др. Автор вводит в научный оборот новое понятие — «география власти», подразумевающее пространственное размещение, институциональную структуру и управленческую иерархию «в дихотомии „центр-периферия“, территориальную динамику власти» (С. 8). Он указывает, что цель региональной политики России — политическая и экономическая интеграция страны, установление «социальной, правовой и административной однородности», и объект исследования — методы её осуществления в отношении Дальнего Востока (С. 15–17). На протяжении всего повествования убедительно доказывается, что основным рычагом этой политики постепенного поглощения окраины «государственным ядром» была русская крестьянская колонизация. Ремнев считает, что эта особенность характерна для сибирских земель в целом: «Это был сложный и длительный процесс, в котором сочетались тенденции империостроительства и нациостроительства...» (С. 45). При этом автор успешно компилирует точки зрения идеологов российской имперской экспансии — М. П. Погодина, Д. И. Менделеева, С. Ю. Витте.³

Перед нами отличная, чётко структурированная работа. Мы можем проследить историю развития региона как хронологически (именно по этому принципу построено изложение в книге), так и территориально — Охотско-Камчатский край, Приамурье, Сахалин.

Первая глава посвящена развитию Дальнего Востока в первой половине XIX века. Традиционным для России было оказание преимущественно военного, а не экономического влияния в регионе. Успешные войны в Европе, спокойная внутривосточная ситуация были, до времени, надёжной защитой как от нападения со стороны Великих держав, так и от беспокойства со стороны Китая. Итоги исследования оставляют впечатление, что нужды централизации государственного управления в Сибири понимали лучше, чем в Петербурге. Чиновники на местах пытались, пользуясь местными связями, лоббировать свои взгляды на оптимальный порядок управления. Тогда же, вероятно, в министерских кругах, где появилось немало обиженных нарушением субординации, зарождается миф о «сепаратизме» окраины. Сибирский комитет Сперанского, — коллегиальная, по сути, структура, стала первой серьёзной попыткой устранить ведомственные и региональные трения. 17 апреля 1852 г. состоялось новое учреждение Сибирского комитета «для предварительного рассмотрения всех вообще дел по управ-

3. А. В. Ремнев использует воспоминания Витте, издававшиеся в России в разные годы: 1960-го, а также московско-таллинское издание 1994 года (пожалуй, самое неудачное). Вероятно, автор мог бы использовать одно, более современное издание. То же касается и собрания сочинений А. И. Герцена 1958 года.

лению Сибири»⁴. Второй Сибирский комитет обладал большей «представительностью», в него входил и министр иностранных дел, что отражало изменившиеся приоритеты российской внешней политики, но важные решения, и это отмечает Ремнев, принимались при непосредственном участии великого князя Константина Николаевича, и о коллегиальности органа можно было забыть⁵.

Деятельность такого рычага правительственной политики, как Российско-Американская компания, оценивается скорее негативно. Хотелось бы, для понимания её истинной роли в освоении не только северо-американских, но и азиатских земель России (о чём упоминается в книге), сравнить её с аналогичными западными компаниями: Ост-Индской, с которой она, вероятно, имела немало общих черт; Мадагаскарской, Северо-Западной в Монреале, Азиатско-Датской, Королевской Гренландской и пр.

Дальний Восток, входивший в компетенцию компании, притягивал талантливых людей необъятным простором для деятельности, однако в тех политических условиях перспектив у свободно развивающейся окраины не было. Примечательно, что компания, приобретавшая столь серьёзных покровителей, как канцлер Н. П. Румянцев, оказалась связанной и с будущими декабристами⁶. Но автор, не останавливаясь на отношении столичных деятелей к краю, показывает ситуацию на местах, где скудный быт доводил жителей до одичания. Службу на Дальнем Востоке большинство чиновников воспринимали если не как ссылку, то лишь как шанс вскоре получить повышение. Получив же искомый чин, они стремились обратно. Выводы авторы в отношении Охотско-Камчатского края печальны: в империи всегда были «свои зоны экономического и управленческого забвения» (С. 438). Вот только сделать хоть что-то для изменения их положения, за исключением административных перестановок, власть была не в силах.

Ремнев полагает, что «захват Камчатки и устья Амура иностранцами грозил тяжелыми экономическими и политическими последствиями для всей Сибири, мог нанести ощутимый удар престижу Российской империи не только в Азии, но и в Европе» (С. 86). Эта оценка кажется несколько преувеличенной. Контак-

4. Иногда выделяют Первый Сибирский комитет (упразднён 9 января 1838 года с передачей функций Государственному совету и Комитету министров) и Второй Сибирский комитет. См.: Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. М.; Л., 1956. С. 40–42.

5. А также великим князем Александром Николаевичем в бытность его наследником. См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. / Сост. Б. В. Виттенберг, Б. Ф. Додонов, Н. М. Корнеев и др. СПб., 1998. С. 72–73.

6. В принадлежавшем компании доме у Синего моста в Петербурге жили и проводили встречи многие декабристы: Рылеев, Бестужевы, Штейнгель, Кюхельбекер, Завалишин, Якубович, Батеньков, Торсон.

ты с иностранцами в регионе. появление иностранных кораблей в конце XVIII века (например, торговый визит корабля Ост-Индской компании под командованием Вильяма Питерса на Камчатку), деятельность шелеховской «Американской Северо-Восточной, Северной и Курильской Компании», первое посольство в Японию А. Лаксмана⁷, по мнению современников, носили скорее поверхностный, ознакомительный характер.

В первой трети XIX века положение мало изменилось. И единственная серьёзная угроза исходила со стороны американцев, в их попытках закрепиться на Аляске в 1820-х.⁸ Незаселённый, отдалённый край с суровой, хотя и богатой природой ещё не привлёк пристального внимания Великих держав⁹, а региональные игроки, закрытые от остального мира — Китай и Япония — не могли противостоять российскому продвижению. Удачный тому пример, совершенно не рассмотренный в книге, — освоение русскими переселенцами Курил, столкновения на островах Уруп и Итуруп, которые заканчивались бегством японцев. В ноябре 1830 г. Сибирский комитет постановил передать Курилы в ведение Российско-Американской компании (РАК), обширная переписка управляющего её Курильским отделом доступна в РГИА ДВ.¹⁰ Русское культурное влияние на быт коренного населения прослеживалось и после 1875 года, на международных картах сохраняются данные русскими моряками географические названия¹¹. Правоммерно сделать вывод, что до Крымской войны внешние угрозы российскому влиянию на Дальнем Востоке носили локальный характер и не были связаны с политическими и экономическими противоречиями. Вместе с тем самодержавие в условиях крепостного права не могло обеспечить какой бы то ни было свободный колониционный процесс:

-
7. Подробнее см.: Лагус В. Эрик Лаксман, жизнь, путешествия, исследования, переписка. СПб., 1890. О первом российском посольстве в Японию под начальством Лаксмана: Друг просвещения. Ч. 4. 1804 (Отдельное издание — 1805).
 8. Подробнее см.: Хрущев С. П. Плавание шлюпа «Аполлон» в 1821–1824 годах // Записки Адмиралтейского департамента. Ч. 10. 1826.
 9. О том, что Сахалин является островом, стало достоверно известно русским только в 1849 году. К счастью, англичане и французы узнали об этом уже после Крымской войны, и эскадра Дэвиса Прайса и Феврие де Пуанта ограничилась неудачным штурмом Петропавловска-на-Камчатке.
 10. См.: Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании. Т. 1–2. СПб., 1861–1863.
 11. Подробнее о Курильских островах см.: Головнин В. М. Сокращённые записки флота капитан-лейтенанта Головнина, введённые в 1811 году при описи Курильских островов (Сочинения и переводы В. М. Головнина). Т. 1. СПб., 1864; Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и её отношений к материке Азии и России. Т. 1–2. Иокохама, 1909; Полонский А. Курилы // Записки Русского географического общества по общей географии. Т. 4. СПб., 1871.

именно поэтому расширение доступа иностранцев в Охотско-Камчатский край было недопустимо.

Автор считает, что «пассивность российской политики на Дальнем Востоке была чревата утратой позиций России в Тихоокеанском регионе и снижением её влияния в Китае» (С. 86), однако, следует учесть, что на тот момент российские позиции в Китае основывались на международном авторитете империи и силе русского оружия, а экономическое влияние в этой стране всегда напрямую зависело от государственной поддержки¹².

Ремнев рассматривает неудачные попытки реформирования управленческой структуры на Дальнем Востоке. Тщательно исследуются противоречия между представителями РАК и местной администрацией, злоупотреблявшей служебным положением, рассматриваются ведомственные трения в Петербурге. Автор видит причины отсталости Охотско-Камчатского края в отсутствии «чёткой административной организации и стабильного управленческого центра», «действенного контроля за чиновниками и офицерами в Охотске и на Камчатке» (С. 121). Возможно, исправить ситуацию могли, будь они созданы, органы местного самоуправления, ведь в Петербурге чёткой государственной стратегии развития Дальнего Востока не было. Известно, что правитель Русской Америки Н. П. Резанов пытался организовать подобные структуры¹³. Один из эпизодов произвола местных властей — «служба» начальника охотского порта И. Н. Бухарина¹⁴ — упоминается Ремнёвым.

Как и сегодня, непонимание перспективности региона было прикрытием безволия и аморальности местных чиновников, невнимательного отношения к нуждам края в столице. Автор отмечает, что «край в значительной степени потерял управляемость, чем с видимым успехом пользовалась РАК» (С. 121). Представляется, что причина такого положения крылась в удалённости культурных центров России, исключительной ориентации на «стратегическое положение» городов как военных и административ-

12. Эта практика сформировалась в XVIII веке. В 1763 году полковник Кропотов прибыл в Пекин с грузами русских мехов. Продать товар он не смог, но ему удалось заключить договор, по которому русским позволялось вести пограничную торговлю в Цурухайту и Кяхте. Находясь в Китае, Кропотов вёл переписку с русским правительством. В конце XVIII века вопросы Кяхтинской торговли рассматривал, наряду с прочими сибирскими делами, статс-секретарь Екатерины II Г. Р. Державин. В начале XIX века в Петербурге всерьёз обсуждалась возможность торговли с Китаем и Индией через восточные порты России.

13. Этот проект назывался «Расправы промышленных и американцев».

14. В архиве Г. В. Юдина в Красноярске сохранились «Записки, означающие поступки Бухарина, с подробным изложением их в 34-х пунктах». Например, герои морского похода на Курилы и Сахалин флотские офицеры Хвостов и Давыдов были заключены в тюрьму и только побег в Якутск спас их от преследований.

ных, а не экономических центров. От государственной поддержки на 90 % зависела деятельность крупных «коммерческих» структур в регионе: и РАК, и впоследствии Русско-китайского банка, и Общества КВЖД.

Вторая глава книги, в основном, посвящена одной личности, пожалуй, самому успешному государственному деятелю, связанному с азиатской частью России — графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому¹⁵. Генерал-губернатор начал «с борьбы с взяточничеством и произволом местных чиновников, фактически разрушил систему спекуляции и коррупции в золотодобыче»¹⁶. Его эпоха ознаменовалась оформлением российских границ на Дальнем Востоке. Он окончательно определяет региональные приоритеты: отказ от Петропавловска как регионального центра российской власти, смещение этого центра на юг, в Приамурье. Это изменение связано как с геополитической ситуацией, так и с влиянием естественных причин (удобство сообщения по Амуру, более благоприятный климат). После продажи Аляски Северо-Американским Соединенным Штатам деятельность РАК утрачивает смысл. Кстати, примерно в это же время прекращает активную деятельность и британская Ост-Индская компания¹⁷, в области империостроительства Россия идёт одним курсом с Британией. Парадокс в том, что самодержавие, объективно не имеющее финансовых средств к освоению Камчатки, продолжает движение по Амуру и делает потрясающие успехи. Это становится своеобразной компенсацией за территориальные уступки в Европе.

Российская монархия, не способная найти применения принципу постоянного расширения в Европе, получает прекрасную возможность продвинуться в Азии. «При всём различии оттенков мнений, все писавшие о новой российской политике на Дальнем Востоке сходились в одном: при соблюдении определённых условий, Россию на Дальнем Востоке ожидает великое будущее. И прямой путь к этому будущему — река Амур» (С. 149). Автор подкрепляет свои выводы рассуждением М. Н. Погодина о цивилизаторской миссии России в Азии (и называет соответствующий раздел книги «Дальневосточный реванш»). Вместе с тем, в 1850-е гг. власть

15. См. о нём: Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск, 1998; Кутузов М. А. Честь генерал-губернатора: Н. Н. Муравьев-Амурский. Владивосток, 1997; Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998.

16. Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г.: Энциклопедия в 2-х томах. М., 2008. Том I. С. 1462.

17. После Индийского национального восстания 1857 года компания в 1858 передаёт свои административные функции британской короне. В 1874 компания ликвидируется, а Индия становится частью Британской империи (Фурсов К. А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006).

оказывается перед выбором стратегии: либо расширение ради расширения, либо освоение уже приобретенных земель. В жизни реформируемой России скорость коммуникации, телеграф, железные дороги стали играть, как и на Западе, важнейшую роль, и старые механизмы управления нуждались в «техническом» обновлении. Неразвитая инфраструктура заставляла искать «лёгкие пути», то есть по рекам, по природной магистрали, Амуру: ведь к Охотску «морской такелаж везли на выюках... такие, например, предметы, как морские якоря и цепи, приходилось распиливать на части».¹⁸

В период управления Восточной Сибирью графом Муравьев-Амурским определяется курс России на поиск удобного, незамерзающего порта на Тихом океане для нужд Российского флота. Муравьев содействовал учреждению Сибирского отдела Русского географического общества, в Восточной Сибири в 1850–1855 гг. действовала Амурская экспедиция, проводились исследования Забайкалья и Сахалина¹⁹. Центр региональной власти на российском тихоокеанском побережье переносится сначала из Охотска в Аян, затем в Петропавловск, а оттуда в Николаевск. Завойко, построив Николаевск-на-Амуре, переводит туда и Камчатский порт, как бы заперев на крепкий замок устье реки. У соединения Зеи и Амура был основан Усть-Зейский пост — будущий Благовещенск.

«Дальневосточные области, выбиваясь из привычной традиции, но как это было нередко на окраинах, именовались не по областному центру, а географически. Это лишний раз указывало на незавершенность поиска их центров и административных границ» (С. 197). Ключевым на данном этапе стало расширение административного аппарата — дальневосточный регион требовал управленческой и военно-политической обособленности. Во главе областей становятся губернаторы, обладающие значительной полнотой власти, высоким официальным статусом и не обременённые сложной системой бюрократических учреждений. В 1847 г. восточнее Енисея было всего два губернатора — иркутский и енисейский, к началу 1860-х их было уже шесть (иркутский, енисейский, якутский, забайкальский, амурский, приморский) и градоначальник в Кяхте, через которую в первой половине XIX века велась дальневосточная торговля с Китаем. Ещё экспедиция 1803–1806 годов (И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского) выяснила, что проще и прибыльнее было отправлять меха морем в Макао²⁰.

18. Марков С. Н. Вечные следы. М., 1982. С. 210.

19. Первая научная экспедиция Мака отправилась на Амур. Забайкалье исследовал Г. И. Раде. Он провел значительные исследования в бассейнах Ингоды, Онона и Аргуни, совершил восхождение на вершину Сохондо. Подробнее см.: Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи, с приложением статей из путешествий Г. Рада, Р. Мака и др. СПб.; М., 1868.

20. Наряду с возможностью бесперебойной доставки припасов и оборудования для Камчатки и Курил морским путём Кронштадт–Петропавловск. Подробнее см.:

Как пишет Ремнев, «Муравьеву — путем насаждения на губернаторские посты своих ставленников и введения временного порядка подчинения амурских дел, помимо министерств, Сибирскому комитету — удалось на короткий срок снизить остроту проблемы „объединённого правительства“ на региональном уровне и добиться высокой эффективности в действиях местных властей» (С. 198). Военно-политические мотивы доминировали на стадии присоединения Приамурья к России. Понимание того, что без экономического развития невозможно прочно удержать эти земли, приходит не сразу, а отсталость коммуникаций делала русское переселение крайне затруднительным.

В третьей главе автор правомочно делает вывод: «главным препятствием управленческих реформ оставалась неопределённость стратегических и геополитических целей империи на Дальнем Востоке в их долгосрочной перспективе» (С. 266). «В 1860–1870-х гг. Дальний Восток был брошен ради Средней Азии, так же как в 1820–1840-х гг. он был оставлен ради Кавказа и Балкан» (С. 223). И это справедливо: в начале XX века, при строительстве Амурской железной дороги, многие призывали не менять приоритеты. Противоречива позиция современных строителям прогрессистов: «Проведение сейчас Амурской железной дороги... втянет нас опять в авантюру, последствия которой могут быть ещё более грозны, чем только что пережитые. Такая пагубная политика отвлечёт нас не только от внутренних задач, но и от гораздо более исторически важных задач на Ближнем Востоке и в Европе»²¹. Здесь автору стоило бы напомнить читателю о героической обороне Петропавловска-на-Камчатке во время Крымской войны²². Бескорыстные усилия военных и гражданских в отстаивании Камчатки в итоге были «вознаграждены» запустением, отказом от края как приоритетного центра развития.

Нельзя обойти вниманием неоднократно поднимавшийся вопрос о так называемом «сибирском сепаратизме», сибирском «областничестве» как части некой региональной самоидентификации. Этот вопрос впервые серьёзно начинает беспокоить правительство России после неудачной Крымской войны и продажи Аляски. Автор

Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» под начальством флота капитан-лейтенанта Крузенштерна. 3 тт. СПб., 1809, 1810, 1812; Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803, 1804, 1805 и 1806. 2 тт. СПб., 1812.

21. Слово. 1908. 20 марта. См. также: Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 184.

22. Подробнее см.: Тарле Е. В. Соч., Т. 8. М., 1959.; Шумахер П. Оборона Камчатки и Восточной Сибири против англо-французов в 1854–1855 гг. // Русский архив. 1878. Кн. 8; Арбузов А. П. Оборона Петропавловского порта в 1854 г. против англо-французов // Русская старина. 1870. Т. 1. № 1; Сергеев М. А. Оборона Петропавловска-на-Камчатке 1854–1855 гг. М., 1954.

справедливо отмечает, что «фобия сибирского сепаратизма появилась в Петербурге раньше, чем в самой Сибири начали формироваться автономистические настроения, и возникло сибирское областничество» (С. 57). В книге исчерпывающе представлена позиция правительства. Уже в начале XX века в III Государственной думе один из лидеров националистов В. А. Бобринский так высказался о распространённом упреке «в сепаратизме по отношению к Сибири: „От сибиряков мы слышали отповедь: вы нам не даёте земства, вы хотите отнять портофранко... считаю, что сепаратизм сибирский создаётся только в Государственной думе...“»²³. В действительности не Дума, а правительство оставалось категорическим противником местного представительства. Пользуясь влиянием на реформированный Государственный совет, оно провалило законопроект о земстве. Противников проекта на Дальнем Востоке многое пугало, и трудность проведения земских выборов, и отсутствие частных землевладельцев как класса, из которого вербуются земцы, и отсутствие сплочённости среди переселенцев, которые пользовались налоговыми льготами, и незавершённость процесса межевания. Подкомиссия о самоуправлении комиссии законодательных предположений при Государственном совете указала на то, что «большинство населения вследствие громадных расстояний в уезде не в состоянии будет пользоваться немногими заводимыми земскими больницами, медицинскими пунктами, школами»²⁴.

Автор рассматривает тему сибирского сепаратизма как реальную, но отдалённую во времени угрозу, которую постоянно ощущал Петербург, с оговоркой, что в разрешении Амурского вопроса могут поучаствовать западные державы и США. Вероятно, власть попросту опасалась, что на основе свободного переселения, самоуправления на Дальнем Востоке и в Сибири удастся построить такую социальную модель, о которой мечтали в центральной России. Выход традиционно виделся в продолжении сугубо государственного освоения края — «в организации крестьянского переселения, укреплении континентального морского могущества с опорой на оборонительную стратегию „крепость — флот“» (С. 150). В начале XX века, опираясь на общественные силы, представленные в Думе (фракции правых, октябристов и прогрессистов), правительство посчитало возможным активнее «заняться укреплением дальневосточных границ... сохранить за собой Приамурье и обеспечить за ним первенствующее положение в прилегающих пограничных районах Северной Манчжурии».²⁵ Были отброшены пла-

23. Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия первая. Ч. 2. СПб., 1908. С. 960.

24. Герье В. Значение Третьей Думы в истории России. С. 58.

25. Политическая история России в партиях и лицах / Сост. В. В. Шелохаев. М., 1994. С. 48.

ны создания эффективной управленческой структуры по образцу действовавших в Европейской России земств, но с опорой на сохранявшиеся среди сибирских крестьян и казаков демократические традиции. Императорская власть категорически отвергла такую возможность, а советская власть отказалась искать альтернативу, оставив директивную модель управления.

В третьей главе отражены искания центральной власти в формировании «новой управленческой конфигурации». Создание генерал-губернаторства позволило решать региональные проблемы, отчасти скоординировав деятельность отраслевых и территориальных учреждений. «Новые коммуникации расширили возможности петербургских ведомств усилить своё влияние на региональное управление, но они всё ещё были несовершенны, чтобы полностью заменить самостоятельность местной администрации» (С. 316). Автор, хорошо изучивший особенности государственного управления в России, отметил, что создание генерал-губернаторства вызывало разногласия среди министров, в ведомственную разногласию успешно вторгалась местная высшая администрация, существенными были и соображения финансового порядка. Трудно было определить административные границы и состав областей в образуемом генерал-губернаторстве, место для резиденции высшей местной власти. В Министерстве внутренних дел отрицательно относились к генерал-губернаторам, подчинявшимся, как известно, Военному министерству.

Примечательно, что за всё время существования Приамурского генерал-губернаторства во главе его не было моряков. Это могли быть генералы, прибывшие из Туркестана (такие, как Н. И. Гродеков) или западных губерний империи, военные инженеры и даже гражданские чиновники, но только не адмиралы. Как продемонстрировала русско-японская война, опыт «морского» управления Дальним Востоком оказался неудачным, интересы флота тогда оказались важнее планомерного развития региона, и это привело к серьёзным геополитическим просчётам. Так обнаруживается одна из причин крупного геополитического поражения России. В действиях власти отсутствовал комплексный подход к решению основной проблемы Дальнего Востока — как укрепить край в составе государства, или, выражаясь словами автора, «сделать край русским». В правящих кругах не было представления о том, является ли регион колонией или нет. Отсутствовала координация в действиях центральных и местных учреждений. Функции отраслевого и территориального принципов управления не разделялись. Государственные границы трактовались как временные, «социально-экономическое устройство... воспринималось по преимуществу через призму государственной безопасности или дальнойнейшей имперской военной и экономической экспансии» (С. 315).

Рубеж XIX и XX веков ознаменовался ростом общественного интереса к Дальнему Востоку. Этому способствовали подавле-

ние восстания ихэтуаней в Китае в 1900 г. и Русско-японская война. Автор затрагивает важную в современных условиях проблему: «война на далёких рубежах империи в условиях формирующихся в обществе представлений о национальных интересах требует целенаправленного идеологического обеспечения». Ремнев справедливо считает, что самодержавие проиграло информационную войну внутри страны. «Пропагандистский натиск, направленный на идеологическую обработку общественного мнения, не был успешным, и А. Н. Куропаткин вынужден был признать, что Россия проиграла войну с Японией в первую очередь идейно» (С. 356).

Значительная часть четвёртой главы «Новые имперские устремления и старые управленческие проблемы (рубеж XIX-XX вв.)» посвящена проблеме учреждения наместничества на Дальнем Востоке. Автор приводит позиции как его сторонников, таких как В. И. Гурко, так и противников, к примеру, Витте, считавшего проект интригой «безобразовцев», а наместника «исполнителем их предначертаний»²⁶. По примеру Польши и Кавказа, наместничество не только повышало статус, подчёркивало управленческую независимость Дальнего Востока, но и выделяло дальневосточное направление имперской политики. «Вопрос об усилении власти на дальневосточной окраине смещался, таким образом, в другую плоскость, имея несомненную связь с общей проблемой сохранения самодержавной власти. Это было связано с известным недоверием Николая II к своим министрам, который, пребывая в плену старомосковских представлений о роли царя, опасался расхищения монархической власти бюрократией». «Средостение» между самодержавной властью и народом приобрело новое, региональное звучание. Николай II, как считает Ремнев, всегда стремился играть самостоятельную роль в дальневосточной политике и, чтобы обойти влиятельных министров, он создаёт «иную вертикаль региональной власти: наместник — Комитет Дальнего Востока — император» (С. 398).

В четвёртой главе рассказывается о сложной ситуации в Охотско-Камчатском крае. Его освоение выпадает из списка приоритетных правительственных задач, это ведёт к упадку и депопуляции, консервируются архаичные способы управления. Продвижение России в Манчжурию и Корею²⁷ приводит к ошибочной переориентации финансовых потоков. Особое место занимает раздел, посвященный принудительной «штрафной» колонизации Сахалина²⁸.

26. Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: Рассказы в стенографической записи. В 2-х т. СПб., 2003. С. 637, 644–645.

27. Напомним, что соседкой России Корея стала только в 1860 году. Русско-корейская граница, длиной в 23 версты, прошла близ устья реки Тумен-ула, или Туманганга (Тумыньцзян), впадавшей в море южнее залива Посыет.

28. В 1879 году в посту Дуэ на западном побережье была высажена первая партия каторжников.

Сахалинская каторга, несмотря на свою одиозность, обеспечила цели колонизационной политики императорского правительства. К 1895 году на Сахалине было 130 селений и жило 25 495 русских, 200 гиляков, 1400 айнов, 750 ороchon и 200 тунгусов. Остров был разделён на округа — Александровский, Тымовский, Корсаковский. В Александровском посту были музей, библиотека. На Сахалине печатались книги. Несколько лет подряд здесь выходил научный сборник «Сахалинский календарь» с указанием места издания: «о. Сахалин». Перед войной 1904 года на Сахалине насчитывалось 36 595 человек, причём треть населения проживала в южной части острова²⁹.

Автор не останавливается на вопросах дипломатических отношений с Японией по территориальным вопросам. Действительно, доказывать правомочность российского владения Сахалином после 1875 года не приходится. Вклад и роль российских ученых и исследователей в освоении острова — неоспорим.³⁰ Хотелось бы отметить, что и до «уступки» в обмен на никогда не принадлежавшие им Курилы, японцы ничего не сделали для административного и военного закрепления Сахалина за собой. После знаменитых «прокламаций» Невельского и действий Н. В. Буссэ попытки военного вторжения на остров в 1854 и в 1869 годах не привели к укреплению японских позиций.

Автор делает вывод: «Дальний Восток России воспроизводил общую имперскую модель, в которой был свой военно-политический центр с сильной бюрократией, свои регионально-имперские приоритеты, своя демографическая и экономическая база экспансии, свои зоны экономического и управленческого забвения» (С. 438).

В пятой главе «Старые и новые дальневосточные проблемы (1906–1907 гг.)» Ремнев осмысливает изменившееся после русско-японской войны значение Дальнего Востока для империи. Основным стимулом к развитию региона становится переселение из Ев-

29. Подробнее см.: Никольский А. М. История исследования острова Сахалин в связи с историей присоединения его к российским владениям // Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных / Записки Императорской Академии наук. Т. 60. СПб., 1889; Лобас Н. С. Остров Сахалин. СПб., 1898.; Чехов А. П. «Остров Сахалин»; Полевой П. И. Русский Сахалин. Пг., 1914.; Леонов П. А., Панькин И. В., Белоусов И. Е. Область на островах. Южно-Сахалинск, 1970.

30. Вклад первых русских исследователей острова Шебунина, Шмидта, Глена, Лопатина трудно переоценить. Только на основании собранных материалов можно было принимать административные и экономические решения. Так А. Кеппен дал первое комплексное описание угольных месторождений острова. Широко известны этнографические работы Л. Я. Штернберга, в частности, «Гиляки, орочи, гольды, айны» (Хабаровск, 1933). К слову сказать, первая научная карта острова составлена в 1752 году Степаном Крашенинниковым, на основании описей, сделанных мичманом А. Шильтингом, участником экспедиции Беринга и Чирикова.

ропейской России. Наряду с сохранением традиционного влияния Министерств финансов, Военного и внутренних дел, растёт роль таких ведомств как Главное управление землеустройства и земледелия, Министерства путей сообщения, Министерства торговли и промышленности. Комитет по заселению Дальнего Востока при Совете министров³¹, Амурская экспедиция становятся инструментами правительственной политики. Автор подробно рассматривает деятельность этих структур, их попытки преодолеть ведомственную разрозненность в условиях думской монархии. Изменившаяся внешнеполитическая ситуация, появление законодательных учреждений — Государственной думы и реформированного Государственного совета, — активность общественного самоуправления и предпринимательских организаций на Дальнем Востоке (прежде всего городских дум и биржевых комитетов), расширение свободы печати делают проблемы региона близкими и понятными не только власти, но и общественности. Очевидно, что в столице, в общественных кругах ситуация с *porto-franco*, земствами³², Амурской железной дорогой воспринималась иначе, чем на окраине. Время определило цену правительственной политике. Ремнев, основываясь на данных статистики, считает, что отмена *porto-franco*, несмотря на ухудшение положения местного населения, принесла пользу государству в целом и способствовала закреплению Дальнего Востока за Россией. III Дума согласилась на закрытие *porto-franco* во Владивостоке, но сделано это было за счёт местного населения и переселенцев. Министерство финансов вынуждено было выделять дополнительные ассигнования для них, ведь протекционизм привёл к росту инфляции³³. Столыпин уверял депутатов, что уничтожая *porto-franco*, правительство возвращается к закону 1900 года, по которому «все фабрично-заводские производства, как-то: сельскохозяйственные машины, семена, всякого рода растения, землеудобрительные вещества, орудия, ремесленно-строи-

31. Деятельность Комитета — красочный пример того, сколь далеко власть позволяла зайти «децентрализации» для удобства управления. На Комитет возлагалось, среди прочего, «предварительное обсуждение и согласование, до внесения в Совет министров, всех сметных и законодательных предположений генерал-губернаторов и центральных ведомств по всем вопросам, касающимся заселения Дальнего Востока» (Вышие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Вышие государственные учреждения. С. 203).
32. Государственный совет высказал пожелание, чтобы правительство составило проект необходимого преобразования местных учреждений, ведающих земским хозяйством, и определило, где именно и на каких основаниях могло бы быть введено земское управление (Герье В. Значение Третьей Думы в истории России. С. 57–58).
33. Бюджеты России. 1881–1909 гг. Составлено по отчётам Государственного контроля за 1881–1907 гг., государственным росписям за 1908 и 1909 г. и ведомостям С. С. Х. «Финансы России» [Без указания страниц].

тельные материалы освобождаются от уплаты пошлины»³⁴. В усилении экономической экспансии на дальневосточные рынки были заинтересованы капиталисты Центрально-промышленного района и особенно московская крупная торгово-промышленная буржуазия, представленная октябристами³⁵. П. Н. Милюков, выступая перед избирателями, отметил, что «Дума исполнила желание правительства, к большому ущербу для местного населения и к выгоде только для промышленников русского центра»³⁶. Параллели с современностью очевидны и не нуждаются в комментариях.

Значимой была боязнь власти потерять этот регион. «Империя взяла своего рода тайм-аут, чтобы „сосредоточиться“, создать мощный экономический и военный потенциал, способный вернуть доминирующее положение в регионе, ограничив ареал прямого действия (прежде всего экономических интересов, а не территориальных притязаний) Монголией и Манчжурией» (С. 517). Особую остроту, по мнению властей, приобретает вопрос о переселении на российские земли китайцев и корейцев³⁷. Но если китайская миграция была сезонной, то корейцы стремились осесть в Приамурье, где не было страшных голодовок, от которых вымирала корейская беднота, не было вымогательств и поборов со стороны корейских чиновников³⁸, а затем и японцев.

Дальний Восток продолжал оставаться дотационным регионом, неспособным на самостоятельное развитие без серьёзных финансовых и кадровых вливаний из центра, организованного переселения. Усилия по сохранению Дальнего Востока в составе страны требовали колоссальных финансовых средств³⁹. Автор уделяет особое внимание заселению края русскими людьми, что создало определённый «запас прочности» и позволило сохранить регион в составе России после Гражданской войны. Строительство Амурской железной дороги, безусловно, оказало влияние на переселен-

34. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 126.

35. Подробнее см.: Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. С. 184.

36. Милюков П. Н. Третья Государственная дума и деятельность в ней фракции Народной Свободы (по докладом С.-Петербургского депутата П. Н. Милюкова собраниям избирателей на Васильевском острове и Петербургской стороне). С. 36.

37. Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г. Том I. С. 638.

38. Подробнее см.: Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. СПб., 1870.

39. Только расходы за время русско-японской войны составили 2294,9 млн. руб. Подробнее см.: Дементьев Г. Д. Государственные расходы и доходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917. С. 4. Дементьев при В. Н. Ковцово занимал должность начальника бухгалтерского отдела Департамента Государственного казначейства

ческое дело. Однако её убыточность была очевидна уже на стадии обсуждения в Государственной думе, и это признавал П. А. Столыпин: «трата 238 000 000 рублей или более на железную дорогу в настоящее время является для государства непосильной и даже, может быть, безумной»⁴⁰. Большинство грузов, перевозившихся по этой дороге, оставались государственными, перевозка осуществлялась за счёт казны и не приносила дохода. Впрочем, вопрос об убыточности железнодорожного хозяйства России достаточно проанализирован советской историографией. Сама дорога к началу войны закончена не была. Казна по-прежнему была донором края, строительство и эксплуатация дороги были тому подтверждением. «В 1909–14 казенные инвестиции в экономику и оборону края выросли с 55 до 105 млн. руб.»⁴¹. В общероссийском масштабе эта проблема была затронута впервые при обсуждении законопроектов о размере государственных поземельных сборов на Кавказе, в Средней Азии, в Степных областях и в Сибири.⁴²

Книга «Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков» — профессиональное исследование, предоставляющее читателю возможность посмотреть на проблему административного переустройства региона с разных точек зрения, ненавязчиво, аргументированно и корректно, читать его легко и интересно. Эта книга А. В. Ремнева, безусловно, внесла заметный вклад в историографию истории России имперского периода.

Д. В. Эйдук, Д. Г. Янченко

40. Противники строительства дороги приводили иную цифру: 1 млрд. 100 млн. рублей, принимая в расчёт дальневосточные крепости, убытки по КВЖД, усиление Уссурийской железной дороги, расходы по восстановлению материальной части войск. Подробнее см.: Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. С. 119 (Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесённая в Государственной думе 31 марта 1908 года).

41. Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г. Том I. С. 639.

42. Речь Л. В. Половцова (Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия первая. Ч. 2. СПб., 1908. С. 752–755).

В. В. Розанов, П. А. Флоренский и «кровавый навет»

О тношения свящ. Павла Флоренского и В. В. Розанова обросли слухами и домыслами. Этим слухам и домыслам почти целиком посвящена книга Леонида Кациса «Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса»¹. После того как стала доступной вся сохранившаяся переписка Флоренского и Розанова, оказался необходимым анализ тех поношений, которым подверглись и Флоренский, и Розанов, и их отношения в книге Кациса. По части метода Кацис претендует на «прямые научно-обоснованные доказательства» (397). Однако до всяких доказательств судьба Розанова и Флоренского решена Кацисом: у них, оказывается, «извращенное религиозное сознание» (359). Ради подгонки под свою концепцию — антисемитского наставничества Флоренского в отношении филосемита Розанова — особые поношения припасены Флоренскому: «несгибаемый антисемит» (347), «почти расист» (333), «экстатик-экстремист» (475), «откровенно неканоничен» (370), «тонкий оккультист» (329). Флоренский якобы «пытался вставить западноевропейскую оккультную мысль в православие» (329).

Речь об антисемитизме Флоренского впереди, остальные же поношения остаются поношениями, и никак не доказаны ни прямо, ни научно. С этим экстатическим и весьма экстремистским чувством Кацис, по всей видимости, приступил к своей книге. Если доказательств нет как нет, то что же осталось для метода? Остаются весьма почтенные установки и предпосылки — вера своего народа и личная вера. Это и есть метод-путь у Кациса. Об этом говорит и сам Кацис: «Действительно, как только обсуждение ритуальной проблематики переходит в область „веры“ и „тайны“, любые „оправдания“ и „доказательства“ теряют смысл» (433–434). В области веры доказательств нет. Беда Кациса, что он обязался тащить этот непосильный воз доказательств, однако и с места-то сдвинуть этот воз невозможно. В силу этого отпадает и упрек к Флоренскому: «Его тип религиозного сознания вполне удовлетворялся сочетанием веры и чувства, основанных на сугубо личном религиозном

1. Леонид Кацис. Кровавый навет и русская мысль: Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М.; Иерусалим, 2006. 496 с.

опыте» (397). То же можно сказать и о любом верующем человеке, в том числе и о Кацисе. И здесь незначит претендовать на «прямые научно-обоснованные доказательства». О вере не спорят, и все доказательства веры уязвимы.

Основным тезисом Кациса об отношениях Флоренского и Розанова является утверждение того, что под влиянием «несгибаемого антисемита» Флоренского Розанов из филосемита (лишь по видимости) стал и вовсе антисемитом: «Не будем забывать, что религиозно-философские эскапады Розанова вдохновлённые о. Павлом Флоренским, выглядели вполне авангардно на страницах тогдашних газет, журналов и альманахов» (452).

Созданная Флоренским «православная феноменология кровавого навета... определила как оригинальность, так и необычность книги „Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови“, вошедшей в историю мирового антисемитизма под именем одного из её авторов» (353). По Кацису, авторов двое — Флоренский и Розанов, и из них Флоренский главный. И лишь просьба Флоренского «не упоминать о своём соавторстве, которое видно в этом тексте невооружённым взглядом» (349), по мнению Кациса, явилось причиной отсутствия его имени на титуле. Однако это соавторство видно лишь вооружённому взгляду Кациса, а невооружённому взгляду видно разительное различие и мыслей и стилей Флоренского и Розанова. И сколько ни листай книгу, соавторства Флоренского в текстах Розанова Кацис нигде не показал, да и влияние мыслей Флоренского на Розанова тоже не показано. Подлинная научность появляется у Кациса тогда, когда он свой тезис называет предположением: «Это позволяет предположить (разумеется, лишь до полной публикации переписки Розанова и Флоренского), что и сопутствующие основному наветному труду двух соавторов тексты под именем Розанова столь же сильно инспирированы идеями Флоренского, как и вся деятельность Розанова во время бейлисиады» (384). Это предположение Кацисом не только не доказано, но и весьма неубедительно аргументировано.

Главным аргументом для Кациса при утверждении им своего тезиса является свидетельство З. Н. Гиппиус: «Мы не должны забывать и роль Флоренского, его влияние на развитие мысли Розанова в „ритуальном“ направлении, о чём открыто писала информированная З. Гиппиус» (321). В качестве такого аргумента Кацис приводит обширную цитату из книги Гиппиус «Живые лица»²; возьмём из неё главное: «Ко времени „дела Бейлиса“, так взволновавшего русскую интеллигенцию, Розанов, не без помощи Ф., начинает выступать против евреев — в „Земщине“. Статьи, которые отказывалось печатать даже „Новое время“ — радостно хватались грязной, погромной газеткой» (479). Однако в этой же книге «Жи-

2. З. Н. Гиппиус. Живые лица. Т. 2. Прага, 1925. С. 75.

вые лица» Гиппиус сама и опровергла это своё утверждение. Приведя слухи об отходе Розанова от юдофильства, Гиппиус приводит запись Розанова из «Опавших листьев» (Короба первого), сделанную 28 декабря 1912 г.: «„Услуги“ еврейские, как гвозди в руки мои, ласковость еврейская, как пламя, обжигает меня. Ибо пользуясь этими услугами, погибнет народ мой, ибо обвеянный этой ласковостью, задохнётся и сгинет мой народ». Приведя эти слова, Гиппиус спрашивает: «Не написано ли это уже во время „поворота“, уже под влиянием Ф., не в Лавре ли?»³. И отвечает: «О, нет! до войны, до Ф.; в самый разгар того, что звали розановским безмерным „юдофильством“»⁴. Конечно, в 1912 г. «безмерного юдофильства» уже не было, но Гиппиус верно почувствовала независимость «поворота» Розанова от Флоренского.

«Информированность» Гиппиус о Флоренском опиралась на достаточно тесное общение её с сестрой Флоренской Ольгой. Но под влиянием брата Ольга отошла от круга Мережковского-Гиппиус⁵. Опубликованы письма Гиппиус к Ольге Флоренской-Троицкой, к сожалению, почти без ответных писем Ольги⁶. По авторитетному свидетельству Е. В. Ивановой, и в этих неопубликованных письмах Ольги «никаких значительных сведений о брате нет»⁷. Гиппиус свидетельствует о словах Флоренского, сказанных Ольге: «А Ф. сказал тогда сестре: если бы я не был православным священником, а евреем, я бы сам так поступил, как Бейлис, т. е. пролил бы кровь Ющинского» (479).

Кацис характеризует эти взгляды как извращённые и мистико-экстатические (479). Эти характеристики остаются на совести Кациса, непонятно лишь: причём здесь мистика. Никаких сведений о том, что Ольга знала и могла сообщить Гиппиус хоть что-то об антисемитском влиянии брата на Розанова, не существует. В свои годы студенчества в Московском университете Флоренский лично общался с семьёй Мережковских, но быстро разошелся с ними в вопросе о Церкви. В те же годы Флоренский написал несколько восторженных писем Розанову, и ни о каком антисемитском влиянии на него речи быть не могло. Таким образом, от «информированности» Гиппиус ничего не остаётся. На чём же основано утверждение Гиппиус о влиянии Флоренского на Розанова? По всей видимости, Гиппиус подвела итог сплетням и слухам, ко-

3. Там же. С. 88.

4. Там же. С. 88–89.

5. См.: Свящ. Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 1992. С. 450.

6. «Три тысячи вёрст и четверть века пролегли между нами...» // Наше наследие. 2006. С. 79–80; 2007. С. 82.

7. Е. В. Иванова. Переписка с Мережковскими // Павел Флоренский и символы. М., 2004. С. 516.

торые ходили уже во времена «дела Бейлиса», хотя в той же книге от своего утверждения о «влиянии» отказалась.

Чем сослаться на сомнительные аргументы, не лучше ли посмотреть, что писал сам Розанов о своём «повороте вправо», включавшем поворот от лицеприятного к нелицеприятному отношению к евреям? Свою духовную эволюцию он описывает так: «безумный консерватизм, потом столь же необузданное революционерство, особенно религиозное, антихристианство даже»⁸. Но постепенно «революционерство» выветривается у Розанова, и «поворот вправо» происходит около 1909 г. В революционерах ему претят их догматизм и самодовольство, а главное, их духовная слепота, отсутствие у них «духовного зрения, духовного ощущения, духовного вникания»⁹. Только в их бездуховную среду мог проникнуть провокатор Евно Азеф. В этой же статье Розанов приветствует враждебный радикализму сборник «Вехи», авторы которого призывают к работе «духовного вникания»: «Но куда же зовут эти мыслители? К работе в духе своём, к обращению читателей, людей, граждан внутрь себя и к великим идеальным задачам человеческого существования. Зовут в другую сторону, чем та, где сидит Азеф и азефовщина, где она вечно угрожает и не может угрожать; они призывают в ту сторону, куда Азеф никогда не может не угрожать; они призывают в ту сторону, куда Азеф никогда не может получить доступа, не сумеет войти туда, сесть там, заговорить там»¹⁰. Отметим влияние «Вех» на «поворот вправо» Розанова.

«Поворот вправо» у Розанова произошел и под влиянием убийства П. А. Столыпина (1 сентября 1911 г. — два выстрела Мордко Богрова, 5 сентября — смерть). Немедленно редакцией «Нового времени» Розанов был командирован в Киев, где присутствовал на похоронах Столыпина, поцеловал его простреленную руку и возложил венок на его гроб от газеты «Новое время»¹¹. Авторитетный исследователь творчества Розанова В. А. Фатеев свидетельствует об усилении нелицеприятного настроения Розанова по отношению к евреям: «Убийство Столыпина буквально потрясло Розанова. И то, что убийцей выдающегося русского государственного деятеля стал еврей Дмитрий Богров, очень сильно сказалось и на позиции Розанова в национальном вопросе. Именно с этого времени в его статьях всё отчётливее начинают звучать антиеврейские мотивы»¹². Возмутило Розанова и сочувствие убийству

8. В. В. Розанов. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 505.

9. В. В. Розанов. Между Азефом и «Вехами» (1909) // В. В. Розанов. Старая и молодая Россия / Публ. А. Н. Николюкина. М., 2004. С. 267.

10. Там же. С. 271.

11. В. А. Фатеев. С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. СПб.; Кострома, 2002. С. 433.

12. Там же. С. 434.

со стороны либеральной печати: «Как иудеи вступились за одного французского офицера — еврея (Дрейфус). А мы? И они понимают, что нас можно раздавить»¹³. 26 декабря 1912 г. он писал М. О. Гершензону: «Что делать, после...Столыпина у меня как-то всё оборвалось к ним (посмел бы русский убить Ротшильда и вообще „великого из ихних“). Это — простите — нахальство натиска, это „по щеке“ всем русским — убило во мне всё к ним, всякое сочувствие, жалость»¹⁴.

14 декабря 1911 г. в «Уединённом» Розанов записал: «Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на земле. Боже, какое безумие было, что лет 11 я делал все усилия, чтобы её разрушить. И как хорошо, что не удалось»¹⁵. Что же это за 11 лет? 26 августа 1910 г. жену Розанова Варвару Дмитриевну, которая была воцерковлённым человеком, разбил паралич. Это событие обратило Розанова к вере: «Как же бы я мог умереть не так и не там, где наша мамочка. И я стал опять православным». В 1911 г. вышло две «антихристианские» книги Розанова «Тёмный Лик» и «Люди лунного света». Розанова устрасила восторженная реакция евреев на эти книги: «Как зачавкали губами и „идеалист“ Борух, и „такая милая“ Ревекка Ю-на, „друг дома“, когда прочли „Темн. Лик“. Тут я сказал себе: „Назад! страшись!“ (мое отношение к евреям). Они думали, что я не вижу: но я хоть и „сплю вечно“, а подглядел. Ст-ъ (Борух), соскакивая с санок, так оживлённо, весело, счастливо воскликнул, как бы передавая мне тайную мысль и заражая собою: — Ну, а все-таки — *Он лжец*. Я даже испугался. А Ревекка проговорила у Ш... ы в комнате: — Н-н-н... да... Я прочла „Т. Л.“. И такое счастье опять в губах. Точно она скушала что-то сладкое»¹⁶. Таким образом, 11-тилетний период «разрушения» Церкви можно определить так: около 1900–1910 / 1911 гг. Соответственно, примирение с христианством можно отнести к 1910–1911 гг. Соответственно и «поворот вправо» следует отнести к 1911 году. Существенную роль в этом повороте сыграли болезнь жены, убийство Столыпина евреем и реакция евреев на «антихристианские» книги Розанова.

Первое письмо Флоренского, где он касался еврейской темы, написано и послано Розанову 28–29 ноября 1911 г. В силу всего этого говорить о единственном и роковом влиянии Флоренского на поворот отношения Розанова к евреям нет никакого основания. Но неверно и обратное: отрицание всякого влияния Флоренского на поправление Розанова. О влиянии Флоренского среди других влияний

13. В. В. Розанов. Сахарна. М., 1998. С. 55.

14. Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909–1918 // Новый мир. 1991. № 3. С. 232.

15. В. В. Розанов. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 127.

16. В. В. Розанов. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 192.

сказал и сам Розанов: «Кроме „друга“ и ее вечной молитвы (главное), поворот „вправо“ много был вызван Н. Р. Щ., Фл. и Цв. — „Эти сами всё отдали“. Нравственное-то расхождение, за которым уже потом я нашел и метафизическое расхождение, и было главное»¹⁷. Помимо Флоренского здесь имеются в виду Надежда Романовна Щербова (1870–1911) и Сергей Александрович Цветков (1888–1964) — друзья Розанова. Конечно, среди этих имён влияние Флоренского как священника особое.

Писать о «деле Бейлиса» Розанов начал уже после своего «поворота вправо», который был лишь предпосылкой, а не причиной его выпадов против евреев. 12 марта 1911 г. был убит Андрияша Ющинский. Записи книги «Уединённое» (СПб., 1912) относятся к 1911 г. и не содержат выпадов против евреев. Самая ранняя статья в книге Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (СПб., 1914) «Есть ли у евреев тайны?» впервые появилась в газете «Новое время» 9 декабря 1911, а примыкающая к ней по смыслу статья «Иудейская тайнопись» — в той же газете 12 декабря 1911 г. Здесь Розанов утверждал, что у евреев есть тайны — тайна обрезания и тайна Имени Бога. О «кровавом навете» здесь ни слова нет. По всей видимости, Флоренский читал эти статьи Розанова, но никаких откликов на них в его письмах нет. «Опавшие листья» (Короб первый (СПб., 1913) и Короб второй (СПб., 1915)), записи которых относятся, в основном, к 1912 г., содержат многочисленные выпады против евреев.

В письмах Флоренского с конца 1911 г. по сентябрь 1913 г. есть три фрагмента о евреях: 1) о недопустимости противопоставления Розановым Ветхого и Нового Заветов; 2) всё чем восхищается Розанов у евреев, предназначено для самих евреев, а не для Розанова; 3) об «атрофии порядочности» у евреев. До сентября 1913 г. ни у Розанова, ни у Флоренского нет ничего о «кровавом навете». С 25 сентября по 30 октября 1913 г. проходил суд над Бейлисом. 26 сентября 1913 г. Розанов в «Новом времени» опубликовал статью «Важный исторический вопрос». Здесь Розанов утверждал: «Идея человеческого жертвоприношения и теперь жива и насущна в Израиле, официальна в нём: она поддерживается и частично есть в обрезании, а другая часть, „вексельная“ и „бумажная“, содержится в денежном выкупе. Соединив разорванные части в одно, мы и прочитываем то самое, о чём ведётся столько споров»¹⁸. 28 сентября 1913 г. Флоренский написал Розанову письмо, в котором выразил своё «единомыслие» с Розановым, хотя он не читал всей статьи, но лишь цитаты из неё в других газетных статьях. Здесь Флоренский высказал свои мысли о ритуальных убийствах. Из этого письма и из письма Флоренского от 26 октября 1913 г. Розанов со-

17. Там же. С. 297.

18. В. В. Розанов. Сахарна. М., 1998. С. 299.

ставил письмо, подписанное «Омега», названное «Иудеи и судьба христиан» и снабженное обширными примечаниями Розанова. 12 октября 1913 г. Флоренский послал Розанову письмо, в котором просил его не печатать статью «Андрюша Ющинский», однако эта статья 13 октября 1913 г. появилась в газете «Земщина». Из этой хроники событий трудно составить представление о наставничестве Флоренского в деле «кровавого навета». А в рамках «единомыслия» Розанова и Флоренского можно говорить о взаимном влиянии друг на друга, но нелегко говорить о каком-то исключительном влиянии одного на другого.

Что же подвигло Розанова принять участие в полемике вокруг «дела Бейлиса»? Им двигало чувство жалости к убиенному мальчику Андрюше Ющинскому. 20 октября 1913 г. он записал: «...о, как хотел бы я, взяв на руки тельце Андрюши, пронести его по всем городам России, по сёлам, деревням, говоря: — рыдайте, рыдайте, рыдайте»¹⁹. Розанова возмущало, что при всём накале страстей до убиенного мальчика никому не было дела: «Была радость о Бейлисе по всей России, а на Андрюшу никто не оглянулся»²⁰. В записи от 28 октября 1913 г. Розанов возмущался тем, что митрополиты не отслужили по Андрюше панихиду: «Митрополиты — ни один — не отслужили панихиды по Ющинском. Знаю и понятно, — „боялись смущения“. И отошли от замученного христианского мальчика»²¹. Что подвигло Розанова к версии о ритуальном характере убийства? Характер ран на голове убитого Андрюши. Их изобразил Розанов в книге «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови»²². Эти изображения убедили и Розанова и, по всей видимости, Флоренского в ритуальности убийства. И это главная причина их ритуальной версии убийства. Характер ран Андрюши убедил и присяжных, которые признали убийство ритуальным. Расположение ран Андрюши воспроизвёл и Кацис (376–378) без малейшего комментария. Но если книга посвящена «кровавому навету», если раны Андрюши оказали определяющее влияние на Розанова и на присяжных при вынесении приговора, то не следовало ли именно их сделать главной темой исследования? Если этого нет, то зачем они приведены?

Кацис обвиняет и Флоренского, и Розанова в антисемитизме. Но если они антисемиты, то какие-то странные. Флоренский писал Розанову 26–27 ноября 1913 г.: «Ап. Павел ясно говорит о „сродниках по плоти“ и подтверждает неотменность всех прежних обетований об избрannичестве. Мы — только „так“, между прочим. Из-

19. В. В. Розанов. Сахарна. М., 1998. С. 197

20. В. В. Розанов. Мимолётное. 1914 // В. В. Розанов. Когда начальство ушло. М., 1997. С. 286.

21. В. В. Розанов. Сахарна. М., 1998. С. 202.

22. В. В. Розанов. Сахарна. М., 1998. С. 368–383.

раиль же стержень мировой истории. Такова Высшая Воля». Если это считать антисемитским высказыванием, то понятие антисемитизма должно включать в себя и филосемитизм. Как это возможно? Лишь если антисемитом считать всякого, кто хоть раз употребил слово «еврей». Этим путём и идёт Кацис, что наглядно видно в его отношении к Розанову. В цикле статей «Юдаизм», который печатался в журнале «Новый путь» в 1903 г., Розанов восхищался чадолюбием евреев. Однако и филосемитский «Юдаизм», правда, весьма туманно Кацис связывает с «Обонятельным и осязательным отношением евреев к крови»: «...бейлисиада В. Розанова отразила его же мысли и рассуждения начала века» (304). Стоило Розанову в начале XX века заговорить о тайне еврейства, как Кацис начинает подозревать его в антисемитизме: «Поэтому „сеμιтофильские“ тексты Розанова 1903 г. отнюдь не безобидны...» (481). Но такие оценки Кацисом юдофильства Розанова являются редким исключением в литературе о Розанове.

Например, Н. О. Лернер считал, что в своих статьях о «тайнах юдаизма» Розанов выразил евреям «такую похвалу... какой ни разу никто ещё не говорил»²³. Даже в 1913 г. в разгар «дела Бейлиса» Розанов писал в письме к М. О. Гершензону: «... „есть ритуал“ или нет — я не знаю (и до сих пор), но несомненно для меня, что ни лично за себя, ни еврейская нация за это не отвечает и не виновата. Это — тайна и неисповедимость. Ясное уже для земли и для нас, что „добрее и яснее“ жиденка нет никого на свете, что это — самая на свете человеческая нация, с сердцем, открытым всякому добру, с сердцем, „запрещённым“ ко всякому злу. И ещё верно, что они спасут и Россию, спасут её, замотавшуюся в революции, пьянстве и денатурате»²⁴. Эти слова — не подлаживание к Гершензону, ибо в их переписке есть и нелестное об евреях.

Забраковал Кацис и пореволюционное юдофильство Розанова, который за несколько дней до смерти продиктовал письмо «К евреям», где писал: «Благородную и великую нацию еврейскую я мысленно благословляю и прошу у неё прощения за все мои прегрешения и никогда ничего дурного ей не желаю и считаю первой в свете по назначению»²⁵. Для Кациса поздний филосемитизм Розанова поверхностен, а в глубине лежит «тайна» его отношения к евреям, раскрытая, как «личный апокалипсис», в книгах «Апокалипсис нашего времени» и «Возрождающийся Египет» (402). «Тайну» позднего филосемитизма Розанова Кацис видит не в искренности

23. Цит. по: В. Г. Сукач. Василий Васильевич Розанов. М., 2008. С. 65.

24. Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909–1918 // Новый мир. 1991. № 3. С. 238.

25. Е. И. Иванова. О последних днях и кончине В. В. Розанова // Литературная учёба. 1990. № 1. С. 86.

его раскаяния перед евреями, а в страхе перед пришедшими к власти «обрезанными»: «К власти в России после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. пришли „обрезанные“ — Л. Троцкий, Я. Свердлов и другие. Это уже „настоящий“ розановский „Апокалипсис“...» (406). Если и были какие-то просветы в антисемитизме у Розанова, то Кацис сделал из него беспросветного антисемита, а Флоренского и вовсе «несгибаемым антисемитом».

Но ведь Флоренский сформулировал «антиномию еврейского вопроса»²⁶. Это антиномия юдофильства и юдофобства. С одной стороны правы юдофилы: «Но кто дерзнёт спорить с юдофилами, что „спасение от иудеев“ (Ин. IV, 22) и что всё наиболее ценное из достоинства человечества — разумею Откровение, как ветхозаветное, так и новозаветное, — даровано через посредство „избранного народа“? Иудеи считали и считают себя стержнем мира и свои судьбы — осью истории. Можно ли спорить против этого?»²⁷. В таком смысле Флоренский юдофил. С другой же стороны правы юдофобы: «А с другой стороны, кто посмеет отвергнуть основное положение антисемитов, что иудеи — „враги рода человеческого“, враги культуры, враги высшего достоинства человечества... что нет такой скверны, которая не текла бы в конечном счёте именно от этой „церкви лукавнующих“ (Пс. 25, 5)? И разве неправда, что великий тайнозритель исторических судеб св. Иоанн Богослов, сам иудей, называет иудейство „сборищем сатанинским“ (Откр. II, 9; III, 9) вовсе не только в общем смысле, но и в точном значении этих слов? Да, залегающие на дне масонства — величайшая мерзость, о ней же „не леть есть глаголати“, — культы сатанинские и люциферианские организуются либо непосредственно, либо посредственно иудейством!»²⁸. Эту антиномию видит и Кацис (378–380), но вся его книга вращается вокруг юдофобских текстов Флоренского, выдернутых из антиномического контекста.

А. Н. Николюкин отметил антиномизм мышления Розанова: «Розанову всегда присущ антиномизм мышления, что проявилось и в отношении к еврейскому вопросу. Понимание и любовь соседствуют с настороженностью, недоверием, ожидание „беды для себя“»²⁹. Чуткий М. О. Гершензон писал Розанову об отсутствии у того единообразия в мыслях: «Но Вы особенный человек; в Вас, в Ваших писаниях, так перемешаны чистое золото сердца с шлаком самой наружной, самой материальной периферии человеческого существа, как ни в ком другом»³⁰. Гершензон полагал Роза-

26. Павел Флоренский. Предисловие к сборнику «Израиль в прошлом, настоящем и будущем» // Павел. Флоренский. Соч. в 4 тт. Т. 2. М., 1996. С. 706.

27. Там же. С. 705.

28. Там же. С. 705.

29. А. Н. Николюкин. Розанов. М., 2001. С. 416.

30. Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. С. 228.

нова незаконной стихией и прощал ему дурные писания: «Но Вы не как все, Вы действительно имеете право быть совсем самим собою; Я и до этой книги („Уединенное“. — С. II.) знал это, и потому никогда не мерял Вас аршином морали и последовательности, и потому „прощая“, если можно сказать тут это слово, Вам Ваши дурные для меня писания просто не вменял: стихия, а закон стихий — беззаконие»³¹. Антиномическое же противоборство есть лишь одно из проявлений стихийных сил. Так Кацис из антиномистов сделал однобоких антисемитов. И Лернер, и Гершензон были далеки от таких однобоких оценок.

Однако хулой или хвалой является «кровавый навет» Розанова и Флоренского? С позиций Кациса это хула. А вот авторитетная для Кациса Гиппиус считала, что «кровавый навет» Розанова был хвалой еврею: «Розанов по существу пишет за евреев, а вовсе не против них, защищает Бейлиса — с еврейской точки зрения. Положим, такая защита, такое „за“, было тогда, в реальности, хуже всяких „против“»³². То же можно сказать и о Флоренском, который сомневался в том, хулит ли он евреев или хвалит: «... в самой глубине души не знаю, что я, хочу ли их похвалить, или похулить и что я делаю — хвалю или хулю. Одно только. С ритуальными убийствами помириться легко, но с наглостью, с криками (ещё с Египта), с ложью, с заpiresательством... нет, не могу. Вероятно и это нужно для Высшей Правды; но нам, с нашей правдой мелкой, быть может, правдой „эстетизма“ и „порядочности“ вместить это трудно. Но вероятно, при большей молитвенности, можно»³³.

И Розанов и Флоренский безусловно осудили ритуальное убийство Андрюши Ющинского, но тем не менее они считали, что оно свидетельствует о живой вере евреев: «Пока есть в мире ещё ритуальные убийства — мир не совсем умер, не совсем опозитивел»³⁴. И Розанов и Флоренский в евреях различали евреев Талмуда и евреев-интеллигентов. К первым они относились с трепетом перед богоизбранным народом, вторых, отступивших от веры отцов, презирали. Кацис считал, что книга Флоренского «Философия культа» обнажила истоки его теологии «кровавого навета», ибо вся пронизана экстатическим отношением к крови. К истокам «кровавого навета» маловразумительным образом Кацис приплёл исихазм и имяславие, якобы тоже экстатические. Неужто экстатика обязательно ведёт к «кровавому навету»? И неужто, если религия говорит о крови, то это означает «кровавый навет»? В «Философии культа» Флоренский писал: «Можно сказать, что степень религиозности прямо пропорциональна степени чуткости к мистике кро-

31. Там же. С. 231.

32. З. Н. Гиппиус-Мережковская. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 207.

33. Письмо Флоренского к Розанову от 16 октября 1913 г.

34. Письмо Флоренского к Розанову от 28 сентября 1913 г.

ви. Кровавые жертвы — основа всякой религии, кроме, конечно, профессорской, но ведь это и не религия, а только баловство одно...»³⁵. Кацис привёл эти слова (402) как злокозненное изобретение Флоренского, титаническими усилиями обнаруженное Кацисом благодаря научному методу, и как имеющие основополагающее значение для «кровавого навета». Но дверь, в которую ломится Кацис, давно открыта, достаточно посмотреть Симфонию к Библии. И Ветхий, и Новый Завет наполняет слово «кровь» и однокоренные с ним слова. А ещё существует море толкований соответствующих мест и в иудаизме, и в христианстве.

Всюду Кацису чудятся антисемиты. Газета А. С. Суворина «Новое время» названа «важным антисемитским органом русской печати». Но тут же сам Кацис пишет, что Розанов на страницах этой газеты выступал против обвинений евреев в «кровавом навете» (412). Соответственно и театр Суворина обладал «неблаговидной репутацией» (413), т. е. тоже был антисемитским. Однако, в 1902 г. пьеса В. Жаботинского «Ладно» разрешена к постановке антисемитской цензурой (а какой же ей быть по Кацису?) в антисемитском театре (413). Постановка по неизвестным причинам не состоялась. Станный какой-то антисемитизм у Суворина. В черно-белые оценки Кациса не укладывается не только ни один из персонажей, о которых он пишет, но и материал его книги.

Книга Кациса, судя по заглавию, посвящена выявлению «кровавого навета» со стороны «русской мысли» вообще. Однако почти вся книга посвящена «кровавому навету» со стороны Флоренского и Розанова. Чтобы хоть как-то соответствовать заглавию, Кацис в самом конце книги хоть и не пытается выявить «кровавый навет» у В. С. Соловьёва и А. Ф. Лосева, но голословно обвиняет их в антисемитизме. Оказывается, что «идеи В. С. Соловьёва в немалой степени способствовали появлению „Протоколов сионских мудрецов“» (407). Это у Кациса «показывают современные исследования», а таковыми лишь книга С. Дудакова «История одного мифа» (М., 1990). В трёх строках изобличен А. Ф. Лосев как «последователь Розанова и Флоренского, известный философ-имяславец, чьи выдающиеся антисемитские труды стали известны лишь в последнее время» (407). Так, на одной странице, «русская мысль» обличена в «кровавом навете». Кацис пытается и всё христианство пристегнуть к антисемитизму. Без каких-либо объяснений, но поносительно христианство названо «иудео-эллинизмом» (372). Выходит, что христианство это какой-то маловразумительный гибрид иудаизма и эллинизма, и ничего нового в мир не принесло. Оказалось, что книги Флоренского помогли Кацису «не только проанализировать христианский навет вообще, но и, выделив его православную составляющую, добраться до глубинной православной феномено-

35. Павел Флоренский. Философия культа. М., 2004. С. 145.

логии этого позорного явления» (407). Таким образом, «кровавый навет» глубинно присущ и христианству вообще, и православию в частности. И достаточно было Флоренскому принять сан священника, как он стал теологом «кровавого навета», хотя и каждый христианин в существе своём его исповедует: «Однако для создания своей теологии кровавого навета ему вполне хватило и знаков священнического отличия, полученного в 1911 г.» (355).

В итоге труды Флоренского и Розанова явились чем-то вроде «Протоколов русских мудрецов». Последние слова книги Кациса призывают препятствовать реализации идей Флоренского в жизнь: «Единственное, что даёт надежду после книг, подобных нашей, это то, что знание феноменологии и механизма кровавого навета, быть может, будет способствовать развитию науки об этом явлении и нашему более глубокому пониманию того, что и как надо делать, чтобы идеи таких мыслителей, как Флоренский, оставались на бумаге и не позорили больше попытками своей реализации те страны и народы, чья история омрачена кровавыми обвинениями против евреев уже в XX в., а не в „тёмном“ Средневековье» (487). Каких идей? Лишь из тактических соображений Кацис допускает оставление идей Флоренского «на бумаге». Но всё содержание книги свидетельствует о желании Кациса запретить печатание и Розанова, и Флоренского, да любой христианской литературы, чреватой «кровавым наветом».

Чёрно-белая палитра Кациса ведёт к резкому размежеванию филосемитизма и антисемитизма, никаких более сложных отношений Кацис в упор не видит. Все мосты разрушены Кацисом. Филосемитские поползновения русских мыслителей (Вл. Соловьёва, Розанова и др.) изобличены как антисемитские происки. Всё христианство «изобличено» в коренном антисемитизме. Иудаизм и еврейство изображены Кацисом как уединённый остров в бушующем океане антисемитизма. Скорее не остров, а гетто, которое построил евреям Кацис.

С. М. Половинкин

**Михаил Волхонский, Вадим Муханов. По следам
Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007**

Развал Советского Союза и трансформация бывших советских республик в независимые государства создал в российской историографии уникальную ситуацию. Перед исследователями на первый план вышла проблема не только новой идентификации отечественной истории, но и оценок с позиций историзма прошлого народов бывшего СССР. Эта ситуация оказалась в чем-то сродной с теми процессами, с которыми столкнулись первые советские историки 1920–1930-х годов. Отвергая достижения дореволюционной российской историографии, они обезличивали историю, выводя ход исторического процесса из стратификации общества на классовые и социальные структуры, которые выставлялись в роли главной доминанты всех процессов.

При этом отметим, что у первого поколения марксистов-историков было немало достижений. Введенный им в оборот огромный статистический материал, отражающий состояние той или иной национальной окраины бывшей Российской империи, не утерял своей научной ценности до настоящего времени.

Другое дело, что беспощадно критикуя так называемую «колониальную политику русского царизма» («Россия — тюрьма народов») они объективно политически легитимизировали деятельность национальных партий и движений, которые после прихода к власти в Петрограде большевиков во многих случаях оказывались во главе новых национальных государственных образований.

Когда в 1920-х годах началась советизация этих государств, то историкам того времени пришлось решать проблему «разнородного» социально-экономического развития народов бывшей империи, чтобы с марксистской точки зрения квалифицировать особенности революционного процесса в национальных окраинах. Выстроенные ими тогда схемы, сюжетная основа развития событий оказались устойчивыми. И в настоящее время они кочуют из статьи в статью, из монографии в монографию. С одной только принципиальной разницей: современным историкам бывших советских республик удалось легко перебросить мостик между политикой бывшей Российской империей и Советским Союзом, выставляя эти два режима как «русские», и таким образом выстроить внешне убе-

дительную историческую концепцию «многовековой борьбы за национальное освобождение».

Но подобная методология предоставила национальной историографии только тактическое, а не научное преимущество, прежде всего в идущей сейчас информационной войне с бывшей метрополией.

В то же время и тезис историков Михаила Волхонского и Вадима Муханова — авторов первой в России монографии о становлении Азербайджанской Демократической республики¹ — о том, что «наше знание текущих процессов в Закавказье неглубоко, а не столь давнее прошлое новых независимых государств вообще неизвестно» просто не соответствует исторической правде. Другое дело, когда они призывают к пониманию «исторического фундамента, на котором грузинские, армянские и азербайджанские историки выстраивают образ прошлого». Сразу отметим, что на этом направлении у национальной исторической мысли государств Закавказья, равным счетом, как и в формирующейся новой российской историографии, — фактически одни и те же «фундаменты».

Главная проблема, с которой сталкивается исследователь, пытающийся понять особенности ситуации в Закавказье, заключается в оценке социально-экономического и политического состояния этого края в историческом разрезе XIX — начала XX веков. М. Волхонский и В. Муханов отдают дань исторической традиции, обозначая начало процесса национальной идентификации азербайджанцев с Баку, «который превратился в последней трети XIX века в крупнейший экономический центр Закавказья с мультиэтническим населением». «Бурное экономическое развитие Бакинской и Елисаветпольской губерний, — пишут историки, — привело к значительному изменению в социальной структуре местного мусульманского населения, в первую очередь, к возникновению буржуазии и пролетариата».

Говорить о Баку только как о промышленном центре регионального значения неправомерно. Со второй половины XIX века, со времени планомерной разработки нефтяных месторождений Апшерона, Баку выдвигается в ряд крупнейших промышленных и экономических центров царской России. Добыча нефти в районе Баку с 26 тыс. тонн в 1872 возросла до 11 млн. тонн в 1901 и *составила около 50 % мировой нефтедобычи*. Ни один населенный пункт России по темпам и своеобразию роста не мог тягаться с этим малозаметным в прошлом городком. Невиданными темпами росла

1. В «Русском Сборнике» уже рецензировалось это издание: А. М. Фомин [Рец.]: М. Волхонский, В. Муханов. По следам Азербайджанской демократической республики. М., 2006 // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том VI. М., 2009. Следуя традиции, редакция предоставляет другую точку зрения на уже отрецензированное исследование.

и численность населения города. В 1806 году — в момент присоединения Бакинского ханства к Российской империи — там проживало 12 тысяч жителей, в 1859 году — около 14 тысяч, а по переписи 1917 года уже около 235 тысяч человек².

Баку быстро превращался в промышленный оазис края. По данным переписи промышленности за 1908 год, на долю Баку приходилось около 59 % промышленных предприятий всего Закавказья, 92 % производимой промышленной продукции и 90 % рабочего класса. Однако из всего самодельного населения уроженцами Баку являлись только 14,7 %, остальные относились к категории так называемых «пришлых», в состав которых входили представители около 30 национальностей (русские, армяне, персы, грузины, дагестанцы, татары и т. д.) Из местного населения на нефтепромыслах работало только 7 %, а в целом, с учетом предприятий иного профиля, их доля составляла всего 19 %³. Но из местного азербайджанского самодельного населения, по данным Александра Стопани, который в 1917 в Баку занимал пост председателя продовольственного комитета, около 40 % занимались отходным сезонным промыслом. Так что при анализе социально-политической ситуации в Азербайджане принимать seriously в расчет фактор якобы сформировавшегося коренного национального пролетариата, не приходится. М. Волхонский и В. Муханов в монографии буквально через одну страницу сами констатируют, что «рабочие-мусульмане отличались аполитичностью, в большинстве случаев не только отказывались от участия в революционном движении, но даже проявляли враждебность к зачинщикам забастовок». Но не объясняют причин этого явления.

Точно также следует относиться и к определению места азербайджанского «буржуазного класса»: Г. З. Тагиева, М. Нагиева, Г. Дадашева, Ш. Асадуллаева, Г. Б. Ашумова и др., которые таковым не являлись, несмотря на занятые ими некоторые позиции в нефтедобыче и нефтепереработке. Для этой социальной категории было бы правильнее использовать термин «предпринимательская прослойка» первого поколения. Поэтому считать Баку главным центром формирования процессов национальной и политической идентификации азербайджанцев можно с очень большой натяжкой. Наибольшую политическую активность в этом отношении проявляли как раз елисаветпольские крупные землевладельцы. Не случайно именно в этом губернском центре в 1907 году возникла первая заслуживающая внимания организация националистического толка «Гейрат» («Честь»), во главе которой стояли выходец из Карабаха Насиб-бек Уссубеков и елисаветполец, впоследствии

2. В. А. Рюмин. Баку (краткий физико-географический, историко-археологический и экономический очерк). Баку, 1925. С. 21.

3. Справочник-ежегодник. Баку и его районы. Баку, 1913. Приложение. С. 6.

губернатор Гянджи, Алекпер-бек Рафибеков. В программе этой организации, пожалуй, впервые в истории Азербайджана была сформирована программа, предусматривающая отделение Кавказа от России на федеральной основе. Далеко не случайно, например, что именно в Елисаветполе в апреле 1917 года «Мусават» и образованная в марте 1917 года Тюркская партия федералистов достигли соглашения о слиянии и создании организация, которая приняла название Тюркская демократическая партия «Мусават». В избранном вскоре на съезде ЦК восемь человек — М. Расул-заде, М. Гаджинский, М. Рафиев, М. Векилов, Н.-б. Усуббеков, Г.-б. Рустамбеков, М. Ахундов — преобладали именно представители крупных и средних землевладельцев. В этой связи газета «Новая жизнь» (№ 125, 29 июня 1918) писала, что «в Закавказье, как и прежде, среди мусульман в политике задают тон крупные землевладельцы».

Поэтому особое внимания заслуживает и тезис авторов о конкурентной борьбе между «мусульманской и армянской буржуазией». Исторически сложилось так, что деятельность большей части действительно сформировавшейся к тому времени армянской буржуазии протекала за пределами Восточной Армении. В торгово-промышленных центрах Закавказья — Тифлисе, Баку и Батуме ее представители, несмотря на солидность социального положения, были все же «пришлыми». Статистика утверждает, что в конце XIX века 62 % предприятий торговли и промышленности Тифлиса принадлежали армянскому капиталу, его доля в обороте составляла 73 %. 66 % акционерных банков Тифлиса также принадлежали армянскому капиталу. В бакинской нефтяной промышленности с момента её основания доминировал армянский капитал (Мирзоян и другие) — из 295 нефтяных скважин Баку, в 1879 году ему принадлежали 155⁴. Поэтому армянская буржуазия, если и конкурировала в бакинской нефтедобыче и переработке, то с крупным российским и западным капиталом, но никак не с «мусульманским». Более того, в своих политических устремлениях она с конца XIX века, как писали в своем «Обзоре кавказских революционных партий» заведующий Особым департаментом полиции полковник Климович и начальник 4-го отделения Беклемишев, вынашивала идею «самостийности Армении с включением в нее российской и турецкой части». Поэтому в исторической перспективе и в широком смысле интересы сформировавшихся мощных армянских партий и движений никак не пересекались с вынашиваемыми идеалами азербайджанских тюрок в части закавказского административно-территориального устройства. Поэтому не случайно один из известных азербайджанских идеологов Ахмед-бек Агаев с восторгом писал на страницах газеты «Каспий» о том, что «армяне, в отличие от других кавказских народов, стремятся

4. Каспий. № 242. 30 октября 1904.

к культуре и идут вперед в развитии умственного и экономического подъема»⁵. «Интересы национальной армянской буржуазии заключались в борьбе в борьбе за освобождение Турецкой Армении и воссоединение с русской частью Армении в единое целое», — писал один из первых исследователей национальных партий региона С. Е. Сеф⁶.

Историческая истина заключается еще и в том, что в тот момент, когда азербайджанские интеллектуалы еще только «разбирались» в своем прошлом и ставили перед собой ближайшие задачи, лидеры армянской партии «Дашнакцутюн» поддерживали идею российских и грузинских социал-демократов о будущем разделении Закавказья на три области: 1. Западное Закавказье — Кутаисская, Батумская и часть Тифлисской губернии (Грузия); 2. Восточное Закавказье — Эриванская, часть Тифлисской (Джавахетия) и Елисаветпольской губернии (Карабах) — Восточная Армения; 3. Бакинская — часть Елисаветпольской губернии и Дагестанская область — Азербайджан⁷.

То есть к моменту свержения царизма и создания Временного правительства грузинские и армянские национальные партии уже имели сформировавшиеся программы по федерализации Российской империи с последующим выходом на формирование национальных государственных образований. Газета «Тифлисский листок» (№ 25, 30 апреля 1918) писала: «Существующие административные деления края по губерниям и уездам произведено было в Закавказье искусственно по соображениям тогдашней политики и тем самым спутало этнографическую карту края». Поэтому сначала в ОЗАКОМе, а затем и в Закавказском сейме до определенного момента мирно уживались и пытались решать общие задачи национальные партийные фракции грузин, армян и азербайджанцев. Только в таком контексте хода исторических событий, а не в попытках «выудить» азербайджанскую идею в деятельности Всероссийского мусульманского движения, как это делают М. Волконский и В. Муханов, можно воссоздать объемную историческую панораму, позволяющую понять дальнейшую мотивацию действий закавказских политиков и выявить причины и силы, способствовавшие иному ходу событий. Поэтому, когда авторы монографии описывают походы боевых частей Бакинской Коммуны на Тифлис, переговоры лидеров Закавказского сейма с представителями турецкого командования, то делается это в рамках исторической традиции без претензий на историческую новизну.

Схема их суждений до удивительного проста: председатель Бакинского Совета Степан Шаумян по указанию Москвы решил ор-

5. Там же. № 263. 24 ноября 1904.

6. С. Е. Сеф. Борьба за Октябрь в Закавказье. Тифлис, 1932. С. 30.

7. Г. С. Акопян. Степан Шаумян. М., 1973. С. 194.

ганизовать «экспорт революции» из Баку в Тифлис и «советизировать» Закавказье. Однако непроясненной остается важная проблема: почему Бакинский комитет партии «Мусават» до конца января 1918 года поддерживал политику «армянина» Степана Шаумяна? По сведениям газеты «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района» (№ 62, 9 апреля 1918), этот комитет имел в Баксовете свою рабочую фракцию, которая согласовывала все свои действия с «партией Шаумяна». Правда, авторы монографии многое в действиях национальных партий Закавказья связывают с их надеждой на Учредительное собрание. Одного и с этим эпизодом политической истории края связано немало загадок.

Дело в том, что выборы в Учредительное собрание в Закавказье действительно состоялись. По списку № 5 баллотировались большевики: Шаумян, Джугашвили (Сталин), Нариманов, Фиолетов и Азизбеков. По списку № 10 от мусульманского Национального комитета и тюркской партии федералистов: Джафаров, Топчибашев. Расул-заде, Усуббеков, Агаев. В депутаты Учредительного собрания от Закавказья по списку № 5 прошел Шаумян, а не Сталин, а от списка № 10 только Джафаров. По Баку голоса распределились следующим образом: за большевиков проголосовали 22 236 человек, за мусульман — 21 757, за дашнаков — 20 314⁸.

В 1920-е гг., когда в Кремле разгорелась борьба Сталина с Троцким, сторонники последнего в Баку предприняли активные поиски «исторического компромата» на Сталина, в то время, как первый предпринял немалые усилия для «чистки» закавказских архивов. В итоге исчезли многие бесценные исторические документы, связанные с событиями того периода. Поэтому М. Волхонский и В. Муханов испытывали недостаток в источниках и в результате оказались в плену победившей тогда сталинской версии развития событий.

Еще один не менее «темный» эпизод связан с переездом первого состава азербайджанского правительства из Тифлиса в Гянджу после провозглашения независимости Азербайджана. Авторы монографии утверждают, что все наработанные сценарии азербайджанским мусульманам испортил прибывший к тому времени из Тебриза в Гянджу родственник бывшего военного министра Османской империи Энвера-паши — Нури. Мол, он отверг идею мусаватистов ввести Азербайджан в состав Османской империи и в интересах «большой политики» настоял на сохранении национального правительства. Но в данном случае выясняются некоторые нюансы. Нури-паша предложил первому азербайджанскому кабинету примкнуть к формирующему тогда национально-освободительное движение в Турции Мустафе Кемалю, от чего азербайджанский кабинет категорически отказался.

8. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. 2 декабря 1917.

Слово корреспонденту газеты «Кавказское слово» (№ 130, 27 июня 1918), присутствовавшему на заседании Национального совета и правительства Азербайджана в Гяндже: «17 июня в 11 часов в помещении Городской Думы глава правительства Хан-Хойский доложил о результатах своего визита к Нури-паше и Ахмедбек Агаеву. Он сообщил о решении роспуска Национального Совета. Агаев потребовал отставку азербайджанского правительства. Он намерен предложить нового главу правительства по соглашению с Нури-пашой. Многие ораторы резко критиковали своих со товарищей по фракции, приведших к турецкой оккупации Азербайджана. Во главе этой группы выступали Усуббеков и Джафаров. Джафаров плакал. На вечернем заседании „Гуммет“ заявила о своем выходе из Национального Совета. После доклада Хойского о новом составе кабинета, социалистический блок заявил о своем выходе их Национального Совета. После ухода „Гуммет“ и блока социалистов в Национальном Совете осталось всего 13 человек, из которых 6 вошли в новый кабинет. Глава Национального Совета Расул-заде при голосовании воздержался».

Какие идеи вынашивал Энвер-паша и его ближайший родственник Нури стало ясно уже в начале 1920 года, когда московские большевики, заключив союз с Мустафой Кемалем, начали «освободительный поход» в Азербайджан.

В этом смысле авторы монографии, отмечая взаимоотношения азербайджанского правительства со сменившимися турок англичанами, придерживаются принципов историзма. В целом, несмотря на отмеченные исторические «нюансы», монография М. Волхонского и В. Муханова «По следам Азербайджанской Демократической Республики» является положительным вкладом в формирование современной российской историографии, которая все большее внимание стала обращать на историческое прошлое народов, некогда входивших в состав СССР. Авторы грамотно и точно выстроили хронологию развития событий, определили главные проблемы, нуждающиеся в дальнейшем изучении и осмыслении. Как историки, на данном этапе они свою задачу решили, привлекая внимания научной и политической общественности к проблемам, которые в силу понятных причин остаются еще на острие нынешней политики.

Станислав Тарасов.

**Русско-литовский и литовско-русский словарь общественно-политической и дипломатической лексики /
Сост. В. Ю. Михальченко. М., 2008**

Издательство Московского государственного института международных отношений МИД России микроскопическим тиражом выпустило «Русско-литовский и литовско-русский словарь общественно-политической и дипломатической лексики», составленный доктором филологических наук Видой Юозовной Михальченко. Сам факт выпуска подобного словаря стоит всячески приветствовать — он свидетельствует о том, что в стенах ведущего профильного учреждения по подготовке дипломатических кадров уделяется все большее внимание изучению стран бывшего СССР, отношение к которым в России постепенно перестает быть надменно-высокомерным. Уже есть понимание, что с одним русским языком даже в фактически двуязычных странах, каковой была и пока остается Литва (именно этому аспекту была посвящена докторская диссертация составителя словаря), далеко не уедешь. Мало того, для чтения газет и документов, участия в конференциях и семинарах потребуется переводчик. Уже и в среде молодых литовских чиновников все больше тех, кто весьма слабо владеет русским. Английский может служить элементом коммуникации и компенсировать утерю русского как *lingua franca*, но знание литовского — ценный инструмент доверия и уважения, который окупится сторицей. Более того, как представляется, учитывая лингвистическую близость языков, освоение литовского не является чрезмерно сложной задачей для человека, владеющего русским. Помимо схожей грамматической структуры и корневых основ, значительное число терминов пришло в литовский язык через русский (польский). Этот факт подтвердит и настоящий словарь, в котором представлено достаточно много примеров: *бюрократ* — *biurokratas*, *корпус* — *korpusas*, *культ* — *kultas* и т. д.

Оценивать словарь с филологической стороны не входит в задачи рецензента, поэтому критериями для оценки избраны возможная целевая аудитория, качество словника и удобство пользования, исходя из опыта изучения языка и его практического применения.

Очевидно, что словник представляет собой начальный материал для совершенствования, что, впрочем, не отрицается и самим авто-

ром в предисловии. При его составлении автор сталкивается с объективной проблемой выделения собственно дипломатической и общественно-политической лексики. Если первая является узко специализированной, то вторая предельно широка.

Использование в качестве основного источника для словника настоящего словаря — «Дипломатического словаря» под редакцией министра иностранных дел СССР А. А. Громыко (1985–1986) делает словарь пригодным для чтения и переводов текстов пропагандистского плана из периода «развитого социализма», однако развитие современного политического словаря отражено недостаточно. К примеру, присутствуют выражения «апартеид как преступление против человека», «братская республика», «нерушимая дружба», «оппортунизм» и «оппортунистский», а вот найти термины «расширение НАТО на восток», «взаимозависимость» или даже ушедшую в историю «перестройку» (которая, в отличие от большинства иностранных языков, имеет литовские аналоги) будет достаточно сложно, хотя и возможно аналитически — для тех, кто имеет определенные навыки работы с литовским языком.

В ряде случаев не отражен новый смысл, который приобрели слова и выражения в период «новой независимости» Литвы. Так, «сигнатарий» (возможный русский перевод — «подписант» — *Л. К.*) в рецензируемом словаре отсылает исключительно к «государству-сигнатарии» или «правительству-сигнатарии», хотя в последние годы «сигнаторами» в Литве принято именовать лиц, подписавших акты в поддержку независимости Литвы. Перевод слова «мнение» дано только в одном варианте (*nuomonė*), хотя на практике часто используется и заимствованная из английского *opiniija*, особенно применительно к мнению общественному. В качестве литовского аналога «спикера» предлагается единственный вариант — «председатель парламента» (*parlamento pirmininkas*), хотя в последние годы значение данного термина вышло далеко за рамки деятельности законодательных органов власти, а в литовском языке мирно сосуществуют и англицизм *spikeris*, и литовская форма *kalbėtojas*.

Возможно, к расширению словника необходимо было привлечь как практических специалистов в области политики и международных отношений, переводчиков, так и уже существующие словари сходного направления, изданные в иных языковых парах. В частности, «Англо-русский дипломатический словарь», переживший уже несколько изданий, а также терминологические словари ООН и других международных организаций. Следует упомянуть и изданный в Эстонии трилингвальный «Англо-эстонско-русский дипломатический словарь» под редакцией П. Вареса и В. Ермоловой (свыше 50 000 ключевых слов), который вобрал в себя как процедурно-протокольную, так и академическую специализированную фразеологию.

Таким образом, язык словаря не является в полной мере современным, и словарь вряд ли подойдет для чтения и перевода литовских (и, наоборот, русских) современных информационных источников по специальности. Представляется, что главной целевой аудиторией издания могут стать студенты, изучающие литовский язык и уже имеющие базовые знания в области грамматики и фонетики (последнее важно в разговорной речи, так как словарные статьи не снабжены ударениями, а в литовском языке они далеко не всегда очевидны). Они найдут в словаре большое количество примерных словосочетаний в различных родах, падежах и глагольных управлениях. Для лиц, владеющих литовским языком более основательно, количество этих словосочетаний может показаться даже избыточным, так как значительная часть из них аналогична и самоочевидна. Ряд словесных форм литовского языка, представленных в словаре, сегодня является малоупотребимым или даже странным для современного языка. Некоторые несоответствия бросятся в глаза: «богатый нефтью район» на проверку является всего лишь «нефтеносным».

В целом настоящий словарь может стать отправной точкой для его совершенствования и доведения до академической формы, с учётом практического использования и апробации. Очевидно, что необходимо и приведение словника в соответствие с современным состоянием русской и литовской дипломатической и общественно-политической терминологии, его расширение и, где это необходимо, ограничение, а также оптимизация словарных статей.

Л. А. Карабешкин

Ашот Егиазарян. Турция и Россия во внешнеэкономических отношениях Азербайджана (1995–2006). Ереван; М., 2007

По своим потенциальным возможностям — немалые запасы природных ископаемых, в особенности нефти и газа — Азербайджан является единственным государством в Закавказье, которое можно отнести к категории самодостаточных. Поэтому то, как эта страна реализует свои объективные преимущества и возможности не только в деле модернизации национальной экономики, но и в выборе моделей этой модернизации, в подборе зарубежных партнеров, которые интересуют, прежде всего, с точки зрения привлечения инвестиций, вызывает повышенный научный и политический интерес. Тем более что принятая Азербайджаном государственная стратегия развития предусматривает максимальную реализацию преимуществ международного разделения труда для интеграции в мировую экономику — таким образом, чтобы не допустить критической финансовой и экономической зависимости от зарубежных стран.

В этом смысле выводы Ашота Егиазаряна, собравшего и обработавшего статистический материал огромного объема, звучат нестандартно. Особенно его, пожалуй, главный вывод: «Азербайджанская экономика, несмотря на высокие темпы роста в последние годы, остается структурно деформированной. Экономика и экономическое развитие страны базируется на нефтегазовом секторе. Перспективы развития этого сектора связаны в основном с разработкой блока нефтяных месторождений „Азери-Чираг-Гюнешли“ и газового месторождения „Шах Дениз“, которые находятся под контролем иностранных нефтяных компаний. Чисто азербайджанская нефтяная промышленность находится в кризисе и доходов Азербайджана, получаемых в рамках заключенных с иностранными нефтяными корпорациями соглашений о разделе продукции, едва хватает для сохранения добычи нефти Государственной нефтяной компанией Азербайджанской республики (ГНКАР) на нынешнем уровне и для решения насущных социально-экономических проблем».

Более того, выясняется, что из 25 проектов, контракты по которым были подписаны ГНКАР с иностранными инвесторами в течение 1994–2004 годов, 10 уже официально закрыты, поскольку обна-

руженные запасы нефти оказались значительно ниже данных геологоразведки Азербайджана.

Но более сенсационно звучит другой вывод исследователя: даже полномасштабное функционирование до 2024 года построенного и запущенного в эксплуатацию трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан зависит не от азербайджанской нефти, а от того, «придет ли на помощь акционерам трубопроводного консорциума казахстанская нефть из месторождения „Кашаган“». При этом автор категорически утверждает, что «истинными хозяевами основной части азербайджанских нефти и газа являются американские и английские нефтяные компании».

В этом тезисе как раз и просматривается объяснение возможной мотивации действий со стороны России в деле потенциального ее участия в освоении сырьевых ресурсов Азербайджана. Тем более что для России Каспий не является главенствующей точкой. Она может только — если пожелает — укреплять или не укреплять ресурсную базу Азербайджана и других прикаспийских стран, но объективно не способна дать резкий скачок в объемах нефтедобычи. Потому что оценки запасов Каспия, включая находящийся под контролем Азербайджана шельф, в зависимости от источника, варьируются в пределах от 1 до 13 млрд. тонн нефти, и даже зачастую до 17. Реально же можно говорить только о доказанных запасах, которые имеются в четко очерченных объемах. Исходя из этого попытка Ашота Егиазяряна реанимировать историческую идею о конкуренции между Россией и Турцией «в битве за Азербайджан», не говоря уже о контроле над добычей энергоресурсов этой страны, теряет смысл.

Этот вывод приобретает особое значение в силу того, что в последнее время ЕС и США активно продвигают проект NABUCCO — транспортировку газа из государств Центральной Азии в обход России по дну (или по водам) Каспия через Азербайджан, Грузию, Турцию в Европу. В этой связи в европейских столицах одни за другими проходят международные встречи и форумы. В этой связи можно верить искренности заявлению президента Азербайджана Ильхама Алиева, который заявил, что его страна никогда не являлась инициатором проекта NABUCCO и видит себя в нем только в качестве транзитной территории. Поэтому понятно, почему из вероятных сырьевых баз NABUCCO выпадает Азербайджан, хотя его представители охотно подписывают различные международные декларации.

Ашот Егиазярян пытается квалифицировать заметное расширение торгово-экономического сотрудничества между Анкарой и Баку как «турецкую экономическую экспансию, которая имеет не столько торговый, сколько инвестиционно-производственный, геоэкономический характер». Однако приводимый автором статистический материал обозначает несколько иную картину. На-

пример, доля Турции в общем торговом обороте Азербайджана в 2005 году составила 6,9 %. Хотя по этому показателю Турция вышла на третье место, вряд ли можно серьезно говорить об «экспансии». К тому же доля Турции в общем азербайджанском экспорте всего составляет 6,3 %, а в импорте — всего 7,4 %. Но автор прав в другом: развитие сырьевого сектора в экономике Азербайджана вытягивает как локомотив и другие отрасли экономики страны. Страна действительно идет по пути модернизации, хотя тут, как и в других странах СНГ, существует немало проблем объективного и субъективного свойства. Но это характерно не только для Азербайджана.

Вызывает сомнения еще одно утверждение автора о том, что «анализ структуры азербайджанского экспорта в Россию выявляет тенденцию целенаправленного проникновения турецких предпринимателей на российский рынок через Азербайджан». Однако анализ используемого самим же автором статистического материала показывает, что в данном случае речь идет все же об экспорто-ориентированных азербайджанско-турецких фирмах, продукция которых поставляется в Россию (растительное масло, чай, маргарин и др.) Это широко практикуемый во всем мире торгово-экономический процесс, когда большинство компаний в мире имеют совместный характер. Почему автор особо акцентирует внимание именно на этом аспекте сотрудничества Азербайджана с Турцией не совсем понятно.

В целом работа Ашота Егизаряна представляет широкий интерес как для предпринимателей, так и для специалистов по проблемам государств Закавказье своей новизной и системностью. В этом ее главное достоинство и преимущество.

Станислав Тарасов

Сведения об авторах

Айрапстов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Акарджа Халит Дюндар (Khalit Dundar Akardja) — аспирант Принстонского университета (США)

Бендин Александр Юрьевич — докторант Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Института теологии Белорусского государственного университета (Минск).

Гершзон Михаил Михайлович — историк (исторический факультет Московского государственного университета, Москва)

Дьюкс Пол (Paul Dukes) — почетный профессор Центра русской и восточно-европейской истории, факультет истории, Школа богословия, истории и философии при Абердинском университете (Шотландия, Великобритания)

Иванов Константин Владимирович — историк (исторический факультет Московского государственного университета (Черноморский филиал), Москва)

Карабешкин Леонид Александрович — кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений Европейского университета (Таллин)

Кристиансен Том (Tom Kristiansen) — старший научный сотрудник Норвежского института оборонных исследований (Norwegian Institute for Defence Studies, Осло).

Магалин Артак — кандидат исторических наук (Ереван)

Половинкин Сергей Михайлович — кандидат философских наук, доцент философского факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Пученков Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (Санкт-Петербург)

Сетов Роман Александрович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Тарасов Станислав Николасвич — кандидат исторических наук, главный редактор издания Baku.Rosvesty (Москва)

Шевченко Кирилл Владимирович — доктор исторических наук
(Минск)

Шукман Гарольд (Harold Shukman) — доктор философии, сотрудник Центра российских и евразийских исследований Колледжа св. Антония (Оксфорд, Великобритания)

Эйдук Дмитрий Вячеславович — кандидат исторических наук
(Санкт-Петербург)

Янченко Денис Геннадьевич — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

~

Русский сборник. Том VIII

Редакторы-составители

*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти*

Издатель МОДЕСТ КОЛЕРОВ

Издательство ООО «Регнум»

Москва 123001, Трехпрудный пер., д. 11–13, стр. 1
kolerov@regnum.ru

Наши книги в Интернете: www.easterum.com

Подписано в печать 00.00.0009. Формат 700×100/16.

Гарнитура Old Standard (© А. Крюков, 2006).

Объем 39,3 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“». Заказ №

